СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

В ТОЛКОВАНИЯХ СВЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

ТОМ IV (КНИГА II)

СВ. ЕВАНГЕЛИЕ от МАТФЕЯ

ГЛ. 43 – ГЛ. 90

Тропарь
святому Иоанну Златоустому,
глас 8-й

Уст твоих, я́коже све́тлость огня́,
возсия́вши благода́ть, вселе́нную
просвети́: не сребролю́бия ми́рови
сокро́вища сниска́,
высоту́ нам смиреному́дрия показа́,
но твоими словесы́ наказу́я,
о́тче Иоа́нне Златоу́сте,
моли́ Сло́ва Христа́ Бога
спасти́ся душа́м на́шим.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ
В ТОЛКОВАНИЯХ СВЯТИТЕЛЯ
ИОАННА ЗЛАТОУСТА

Том IV

КНИГА 2

«Ковчег»
Москва
2006

По благословению
Высокопреосвященного Сергия,
Архиепископа Тернопольского
и Кременецкого

Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Том IV. Книга 2. Толкование на Евангелие от Матфея. — М.: «Ковчег», 2006. — 608 с.
ISBN 5-98317-085-6

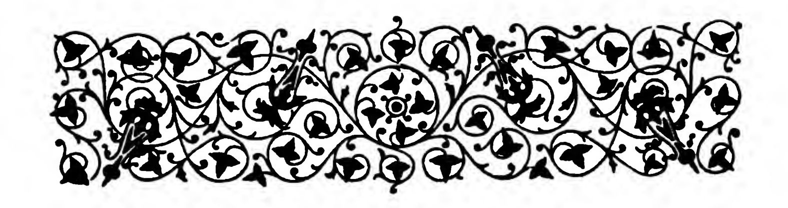
Подписано в печать 06.03.06. Формат 60×90[1]/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 38 п. л. Усл. печ. л. 24,51.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Тираж 3000 экз. Заказ 2578

Издательство «Ковчег».
Москва, ул. Красина, 7

Оптовая и розничная книжная торговля

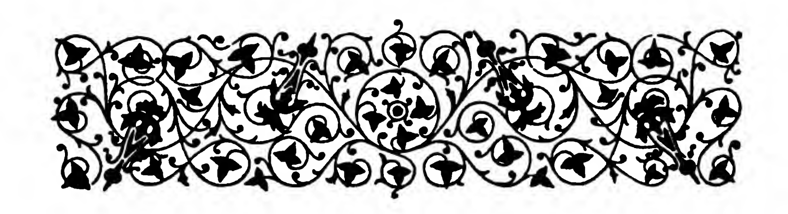
Тел.: (495) 689-11-00
Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.



СОДЕРЖАНИЕ

ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ



ТОЛКОВАНИЕ НА ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ

БЕСЕДА XLIII

Тогда отвещаша Ему нецыи от книжник и фарисей, глаголюще: Учителю, хощем от Тебе знамение видети. Он же отвещав, рече: род лукав и прелюбодей знамения ищет, и знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка (Мф. XII, 38, 39)

1. Может ли быть что-нибудь, — не говорю, нечестивее, а безумнее этого? После стольких знамений, фарисеи говорят так, как будто бы ни одного из них не бывало: *хощем от Тебе знамение видети!* Для чего же так они говорят? Для того, чтобы опять уловить Иисуса. Так как Он уже много раз словами Своими заграждал им уста и обуздывал бесстыдный их язык, то вот они снова обращаются к делам. Дивясь этому, Евангелист опять повторяет слово — *тогда. Тогда отвещаша Ему нецыи от книжник, знамения просяще.* Тогда: когда же это? Когда следовало бы преклонить голову, когда надлежало исполниться удивлением, когда не оставалось ничего более, как прийти в изумление и уступить. А они и тогда не отстают от своего лукавства. И смотри, как слова их исполнены ласкательства и притворства. Они

надеялись этим заманить Его в свои сети. Только что перед тем они поносили Его, а теперь льстят; только что называли Его беснующимся, а теперь величают Учителем, – но и то и другое говорят со злым намерением, хотя слова их совершенно несходны одни с другими. Вот почему и Спаситель обличает их теперь весьма строго. Когда они грубо предлагали Ему вопросы и поносили Его, Он отвечал им кротко; а когда стали льстить ему, Он обращается к ним со всей строгостью и изрекает против них слова поносные, показывая тем, что Он выше и той и другой страсти, и что как тогда не могли они рассердить Его, так теперь своей лестью не могут смягчить Его. После этого вникни в свойство Его поношений: в них ты увидишь не ругательство, а обнаружение злонравия фарисеев. Что говорит Он? *Род лукав и прелюбодей знамения ищет.* Смысл этих слов таков: чему дивиться, что вы так поступаете со Мной, Которого доселе еще не знаете, когда вы так же точно поступали и с Отцом Моим, Которого могущество видели из столь многих опытов? Сколько раз вы оставляли Его и отбегали к демонам, привлекая к себе этих злых друзей, в чем многократно упрекал вас и пророк Иезекииль! Спаситель, говоря это, давал разуметь, что Он единомыслен с Отцом, и что они действуют так же, как и прежде; а вместе с тем обнаруживал сокровенные их мысли и уличал их, что они лицемерно и как враги просят от Него знамения.

Он потому и называет их *родом лукавым*, что они всегда были неблагодарны к своим благодетелям и, принимая благодеяния, делались еще худшими, – что служит признаком крайнего злонравия. А *прелюбодейным родом* назвал Он их, указывая и на их прежнее и на настоящее неверие, и в этом предложил новое подтверждение того, что Он равен Отцу, – поскольку именно и неверие в Него делает человека прелюбодейцем. Потом,

укорив их, что говорит далее? *И знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка.* Здесь уже предначинает Он слово о Своем воскресении и, в подтверждение его, указывает на преобразование. Что же, скажешь ты, разве не дано фарисеям другого знамения? Не дано, когда они того просили. Спаситель знал их ослепление, и потому творил чудеса не для их убеждения, а для того, чтобы других людей исправить. Можно и в этом смысле понимать данные слова; или можно видеть в них тот смысл, что фарисеи не получат уже знамения, подобного упомянутому. Знамение дано было им, когда именно в собственном наказании они познали силу Господа. Итак, здесь Он указывает прикровенно на это будущее наказание, и, угрожая им, как бы так говорит: Я оказал вам тысячу благодеяний: но ни одно из них не привлекло вас ко Мне, и вы не захотели почтить с благоговением Мое могущество. Итак, вы узнаете Мою силу из дел противных, когда увидите ваш город разоренным до основания, когда увидите разрушенными стены и храм обращенным в развалины, когда лишитесь прежней свободы и гражданского устройства, и вновь будете скитаться повсюду, как беглецы и бездомные. Все это исполнилось после крестных страданий. Так вот что будет послано вам вместо великих знамений! И в самом деле, не величайшее ли это знамение, что бедствия, претерпеваемые иудеями, доселе одинаковы и неизменны, и при всех попытках никто не мог облегчить наказания, однажды на них наложенного? Впрочем, здесь не говорит еще Спаситель об этом прямо, предоставляя яснейшее раскрытие последующему времени. А теперь открывает слово о Своем воскресении, в истине которого они удостоверятся теми самыми бедствиями, которые впоследствии времени должны будут претерпевать. *Якоже бо,* говорит, *бе Иона во чреве китове три дни и три нощи, тако будет и Сын человеческий в сердце земли три дни*

и три нощи (ст. 40). Не сказал ясно, что Он воскреснет, потому что они стали бы смеяться над тем; а предвозвестил это прикровенно, впрочем, так, чтобы они могли поверить, что он знал это еще прежде. И они точно поняли смысл Его предречения, как это видно из их слов к Пилату: *льстец Он рече еще сый жив, по триех днех востану* (Мф. XXVII, 63): между тем ученики Христовы, будучи менее их сведущи, не разумели этого; потому-то фарисеи сами на себя и навлекли осуждение.

2. Заметь, с какой точностью выражает Спаситель даже и прикровенное Свое пророчество. Не говорит Он: в земле, но: *в сердцы земли*, чтобы ясно означить Свое пребывание во гробе, и чтобы никто не подумал, будто смерть Его была только одно призрачное явление. Для того же предназначает Он и три дня, чтобы никто не сомневался насчет Его смерти, так что не только крест и очевидность для всех, но и самое количество дней должно служить доказательством ее. О воскресении должно было свидетельствовать все последующее время, между тем кресту многие не стали бы и верить, если бы не было тогда многих знамений, свидетельствовавших о Нем; а если бы не поверили кресту, не поверили бы и воскресению. Потому-то и называет Спаситель крестную смерть знамением. Ежели бы Он не был распят на кресте, не было бы дано и знамение. Вот почему представляет Он и преобразование, для большего удостоверения в истине. Скажи мне, в самом деле, разве пребывание Ионы во чреве китове было одна мечта? Нет, ты не можешь этого сказать. А следовательно, и пребывание Христа в сердце земли не могло быть мечтой. Не может быть, чтобы преобразование совершилось истинно, а сама истина осталась мечтой. Потому мы во всем и возвещаем смерть Христову: и в святых тайнах, и в крещении, и во всех других священных действиях. Потому и апостол Павел громко взывает: *мне же*

да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа (Гал. VI, 14). Отсюда видно, что зараженные лжеучением Маркионовым суть чада диавола, потому что они изглаждают ту истину, для утверждения которой все сделал Христос и для уничтожения которой все усилия употреблял диавол, — я разумею крест и страдание. Для того и в другом месте предвозвещал Господь: *разорите церковъ сию, и треми денъми воздвигну ю* (Ин. II, 19), и еще: *приидут дние, егда отъят будет от них Жених* (Лк. V, 35); а здесь сказал: *не дастся ему знамение, токмо Ионы пророка,* показывая этим, что Он пострадает и за них, но они не приобретут от того никакой пользы, что Он и выразил явственно в последующих словах. И несмотря на то, что Он знал об этом, Он все же благоволил умереть за них. Столь велика была Его любовь! А чтобы кто не подумал, что и с иудеями произойдет то же, что и с ниневитянами, и что, подобно этим иноплеменникам, которых обратил Господь, представив перед их взоры близкое разрушение их города, и они после воскресения Христова раскаются и обратятся, — послушаем, что далее говорит Спаситель. Он возвещает совершенно тому противное: что иудеи не только не извлекут никаких благотворных плодов из Его воскресения, но и будут терпеть неисцельные бедствия. Это дает Он разуметь, представляя пример одержимого духом нечистым. Но прежде того Он оправдывает самого Себя, доказывая, что не Он виновен в тех несчастьях, которым они подвергнутся, и что они будут терпеть справедливое наказание. В примере бесноватого Он предначертывает имеющие постигнуть их злоключения и запустение. А теперь показывает, что все эти злоключения они понесут справедливо. Так делал Он и в Ветхом Завете. Так, вознамерившись истребить Содом, наперед оправдал Себя в беседе с Авраамом, показав ему совершенное запустение и оскудение добродетели

в тех городах, если уж там не нашлось и десяти мужей, живущих целомудренно (Быт. XVIII). Подобным образом и Лоту дал видеть злобу против странников и неистовые похотения содомлян, и потом уже низвел огонь на их город (Быт. XIX). Так поступил Он и во время потопа, оправдав Себя самими делами перед Ноем. Так показал Он Свою правду и Иезекиилю, когда представил перед взоры его в Вавилоне все зло, какое происходило в Иерусалиме (Иез. V). Так благоволил оправдать Себя и перед Иеремией, когда, сказав ему: *не молися*, присовокупил: *еда не видиши, что сии творят* (Иер. VII, 16, 17)? То же самое делает Он и во всех подобных случаях. Так делает и здесь. Что же именно говорит Он? *Мужие Ниневитстии востанут и осудят род сей, яко покаяшася проповедию Иониною: и се боле Ионы где* (ст. 41)! Иона – раб, а Я – Владыка; он вышел из чрева китова, а Я воскрес от смерти; Он проповедовал разрушение, а Я пришел благовествовать царствие. И жители Ниневии поверили ему без всякого знамения, а Я представил много знамений; они не слыхали ничего, кроме грозных слов пророка, а Я показал вам все сокровища высшего любомудрия. Иона явился в Ниневии, как служитель Божий; а Я – сам Владыка и Господь всяческих, и пришел не с угрозами, не с требованием отчета, но с прощением. Жители Ниневии были язычники, а с вами обращались столь многие пророки. Об Ионе никто не пророчествовал, а обо Мне – все, и дела Мои совершенно согласны с пророчествами. Он убежал от лица Господня, думая устраниться от осмеяния; а Я, наперед зная, что буду распят и поруган, пришел в Мир. Он не хотел перенести и унижения, чтоб видеть спасенными ниневитян; а Я претерпел смерть, и смерть позорнейшую, и после этого еще посылаю других проповедовать. Он был среди ниневитян пришелец и чужестранец, никому не знаемый; а Я ваш сродник по

плоти, происходящий от тех же прародителей, от которых происходите и вы. Но, кроме этих непререкаемых преимуществ, еще много и других откроет всякий, кто размыслит об этом прилежнее.

3. Не ограничиваясь указанием на ниневитян, Спаситель представляет и другой пример, говоря: *и царица южская востанет на суд с родом сим, и осудит и: яко прииде от конец земли слышати премудрость Соломонову, и се боле Соломона зде* (ст. 42)! Этот пример еще убедительнее прежнего. Иона отошел к ниневитянам; а южная царица не хотела дожидаться того, чтоб Соломон посетил ее, но сама пришла к нему, и решилась на это, не удерживаясь ни тем, что она была женщина, ни тем, что происходила от иного племени, ни дальностью расстояния; решилась не понуждаемая ни угрозами, ни страхом смерти, а единственно по любви к мудрым наставлениям. *И се боле Соломона зде!* Соломон, не выходя из чертогов, принял пришедшую к нему жену; а Я сам пришел к неимущим Меня. Соломон принял царицу, подвигшуюся от концов земли; а Я сам прохожу грады и веси. Соломон беседовал с ней о деревьях и растениях, и от этих бесед не могла она получить большой пользы; а Я предлагаю беседы о неизреченных вещах, о страшнейших таинствах. Таким образом, осудив фарисеев и неоспоримо доказав, что они грешат непростительно, что их непокорство происходит не от слабости Учителя, но от собственного их злонравия, доказав это и примером ниневитян, и царицы южной, и другими различными доводами, — Спаситель говорит, наконец, и о наказании, имеющем постигнуть их, и говорит прикровенно, впрочем так, что притча Его должна была возбудить в них великий страх. *Егда* бо, говорит, *изыдет нечистый дух от человека, преходит сквозе безводная места ища покоя,* и не обретая говорит: *возвращуся в дом мой, отнюдуже изыдох; и пришед обрящет празден, пометен и*

украшен. Тогда идет и поймет с собою седмь иных духов лютейших себе, и вшедше живут ту, и *будут последняя человеку тому горша первых. Так будет и роду сему* (ст. 43–45). Этими словами Христос показывает, что не только в будущем веке, но еще и здесь фарисеи подвергнутся тягостнейшим наказаниям. Пред тем Он говорил: *мужие Ниневитстии востанут на суд и осудят род сей.* Фарисеи, слыша это, могли подумать, что еще не скоро наступит время суда, и оттого могли стать еще беспечнее. А потому, чтобы пресечь им всякий повод к нерадению, Спаситель представляет им теперь страшные бедствия, предстоящие им еще в этой жизни. Подобными бедствиями угрожал им и пророк Осия, говоря: *будут, якоже пророк изумленный, человек духом носимый* (Ос. IX, 7), то есть: они будут как лжепророки, приводимые в неистовство и бешенство злыми духами. Под именем пророка изумленного здесь разумеется лжепророк, каковы были гадатели. На это ужасное состояние указывает и Спаситель, и потому говорит, что они потерпят величайшие наказания. Видишь ли, как Он всеми способами побуждает их к внимательному слушанию слов Его, представляя перед взоры их и настоящее, и грядущее, и достохвальные примеры ниневитян и царицы, и страшные примеры погибели тирян и содомлян? Так поступали и пророки, когда приводили в пример сынов Рихавовых, или невесту, не забывающую о своем украшении и поясе, или когда говорили, что вол знает своего хозяина, и осел ясли. Подобным образом и Спаситель, показав через сравнение с другими всю тяжесть злонравия фарисеев, наконец говорит здесь и о их наказании.

Что ж значат слова Его? Если бесноватые, говорит Он, избавятся от своего недуга и потом будут нерадеть о себе, то этим они привлекают сами на себя привидения, которые еще лютее прежних: в таком же состоянии находитесь и вы. И прежде вы одержимы были

бесом, когда поклонялись идолам, когда закалали ваших сыновей в жертву демонам и тем показывали в себе сильное бешенство; но, невзирая на это Я все не оставлял вас: Я изгонял из вас того беса через пророков, а потом пришел и сам, желая еще более вас очистить. Если же после всего этого вы не хотите внимать Мне, если вы решились еще на большее злодейство (потому что закалать самого Господа — гораздо большее и тягчайшее преступление, чем убивать пророков), то и потерпите за то несравненно более, нежели отцы ваши, бедствовавшие в Вавилоне и в Египте и при Антиохе I. И в самом деле, бедствия, постигшие иудеев при Веспасиане и Тите, были несравненно ужаснее прежних. Потому и сказал Господь: *будет скорбь велия, каковой никогда не было и не будет* (Мф. XXIV, 21). Но не только это одно открывается из примера бесноватого, а еще и то, что они совершенно будут чужды всякой добродетели и еще более подвержены действию демонов, нежели прежде. Тогда, хотя они и согрешали, но еще были среди них и праведники, еще присущ был промысл Божий и благодать Святого Духа, заботившаяся, исправлявшая их и совершавшая все, что ей свойственно; а теперь они совершенно лишатся попечения Божия, так что и крайнее оскудение добродетели, и необыкновенное усиление бед, и необузданное владычество демонов над ними будут их уделом. Вы сами знаете, как и в наше время, когда неистовствовал Иулиан, превзошедший своим нечестием всех нечестивцев, иудеи сблизились с греками, и как ревностно перенимали все их обычаи. Теперь они ведут себя, по-видимому, несколько умереннее и тише, но это только оттого, что боятся царей: не будь этого страха — и они пустятся на большие неистовства, чем прежде, потому что в других злых делах они далеко превосходят своих предков, с величайшей ревностью занимаются чародейством и магией и не знают

меры в удовлетворении похоти. А в жизни общественной, несмотря на то, что они стянуты крепкой уздой, сколько раз они бунтовали и восставали против царей! Этим и навлекли на себя тяжкие бедствия.

4. Где теперь ищущие знамений? Пусть услышат они, что более всего нужно сердце, чувствительное к добру. А ежели его не будет, то от знамений нет никакой пользы. Вот ниневитяне уверовали и без знамений; а иудеи, видев ныне столько чудес, сделались только худшими, обратили себя в жилище бесчисленного множества бесов и навлекли на себя тысячи бед. Так и должно быть по суду правды. Кто, однажды освободившись от зол, не сделается благоразумнее, тот подвергнется наказаниям, которые гораздо тягостнее прежних. Спаситель для того и сказал: не обретает покоя, — чтобы показать, что наветы бесовские непременно и необходимо обрушатся на тех, которые не воспользовались своим избавлением. В самом деле, надлежало бы таким людям сделаться благоразумнее по двум причинам: первая из них — мысль о тяжести прежнего страдания; вторая — ощущение драгоценности избавления. К этим причинам можно присовокупить и третью — угрозы, заставляющие опасаться, чтоб не случилось чего хуже. Но иудеи ни одним из этих побуждений не тронулись, и не сделались лучшими. Впрочем, сказанное теперь об иудеях относится не к ним одним, а и к нам, если мы, просветившись и избавившись от прежних зол, опять прилепляемся к прежним порокам. За грехи, совершенные нами после просвещения, мы понесем более тяжкое наказание. Потому-то Христос и расслабленному сказал: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. V, 14). И это сказано человеку, тридцать восемь лет лежавшему в болезни. Ты спросишь: что ж еще хуже этого могло с ним случиться? Могло постигнуть его наказание, гораздо более жесто-

кое и несносное. Не дай Бог нам на самом деле испытать все те страдания, каким мы можем подвергнуться! У Бога наказаний много: *по мнозей бо милости Его тако и гнев Его* (Сир. XVI, 13). Потому-то особенно и обвиняет Он помилованный им Иерусалим, говоря через пророка Иезекииля: *видех тя смешенну в крови и омых и помазах и бысть тебе имя в доброте твоей: и соблудила еси с соседы твоими* (Иез. XVI, 6, 9, 14, 26). А потому и угрожает согрешившему городу тягчайшими наказаниями. Мы же, внимая этому, помыслим не только о наказании, но и о беспредельном долготерпении Божием. В самом деле, сколько раз мы впадали в те же грехи, а Он все еще терпит нас! Но не будем беспечны, а напротив исполнимся страхом. Если б и фараон вразумился первой казнью, то не испытал бы последующих и не потонул бы вместе со всем своим войском в пучине морской. Я упоминаю об этом потому, что знаю многих людей, которые и ныне, подобно фараону, говорят: не знаю Бога, — и не дают подвластным своим отойти от глины и кирпичей. Бог повелевает смягчить даже угрозы; а между нами сколько есть таких, которые не хотят даже облегчить и тяжелых работ! Но за то им уже не через Чермное море предназначено переходить. Им уготовано море огненное, с которым Чермное ни по величине, ни по качеству сравниться не может,— море, несравненно обширнейшее и яростнейшее, которого волны все из огня, и огня необыкновенного и ужасного. Там зияет великая пропасть, пышущая лютейшим пламенем. Там повсюду увидишь пробегающий огонь, подобный какому-то свирепому зверю. Если же и здешний чувственный, вещественный огонь, выскочив, как зверь, из печи халдейской, напал на тех, которые сидели вне ее, то чего не сделает адский огонь с теми, которые впадут в него? Послушай, что говорят о дне суда пророки: *день Господень неисцельный ярости и гнева испол-*

ненный (Ис. XIII, 9). Не найдешь тогда ни заступника, ни избавителя; не увидишь тогда кроткого и тихого лица Христова. Но как сосланные в рудники отдаются под власть людей немилостивых, и не могут видеть никого из своих домашних и друзей, а только видят своих надзирателей, – так будет и тогда, и еще не так, а несравненно хуже. Здесь еще можно прибегнуть к царю и умолить его, и таким образом снять с осужденного оковы; а там это уже невозможно. Из ада никого ни выпускают, и заключенные там вечно горят в огне и претерпевают такое мучение, которого и описать невозможно. Если никакое слово не может выразить и тех лютых страданий, какие терпят люди, сжигаемые здесь, то тем более неизобразимы страдания мучимых там. Здесь, по крайней мере, все страдание оканчивается в несколько минут, а там палимый грешник вечно горит, но не сгорает.

Что же нам делать, если попадем туда? Я это говорю к самому себе. Но если ты, учитель, – скажет мне кто-нибудь, – так говоришь о себе, то мне уже нечего и заботиться. Чему дивиться, что меня будут наказывать? Ах, нет! Молю вас, пусть никто не думает искать подобного утешения. В этом нет ни малейшей отрады. Скажи мне: не бестелесной ли силой был диавол? Не превосходнее ли людей был он? И однако он пал. Что ж, разве может кто-нибудь почерпнуть для себя утешение в том, что он будет мучиться вместе с диаволом? Никак. Что было некогда со всеми египтянами? Не видели ли они, что и начальники их терпят казнь, и в каждом доме слышен плач? Могли ли они, видя это, утешиться и отдохнуть от горести? Совсем нет, как это и видно из их действий впоследствии, когда они, как будто гонимые каким огненным бичом, все предстали пред царя и заставили его отпустить народ еврейский. Как нелепо это считать утешением, что наказываются вместе со всеми,

и говорит: как все, так и я! Что уже говорить о геенне? Представь себе только одержимых болезнью в ногах, и укажи им в то время, как они терзаются чувством жестокой боли, на тысячу других людей, страждущих еще более, чем они. Они и не поймут тебя, потому что сильная боль не дает ни малейшей свободы размышлению, чтобы можно было подумать о других и найти в этом утешение. Итак, не будем питать себя такими пустыми надеждами. Извлекать себе утешение из бедствий, претерпеваемых ближним, можно разве только тогда, когда собственные страдания довольно сносны; но когда мучение выходит из границ, когда вся внутренность кипит, когда душа и себя самой уже узнать не может, — тогда откуда почерпнет она утешение?

5. Итак, все эти слова — один только смех и басни несмысленных детей. Утешение, о котором говоришь ты, имеет место только в легкой скорби, только в сносной печали, когда услышим, что и другой то же терпит; да и то не всегда. Если же и в сносной печали оно остается иногда вовсе бессильным, то тем более в той невыразимой болезни и тоске, которая обнаруживается скрежетом зубов. Знаю, что тяжело и неприятно вам слышать от меня такие слова; но что мне делать? Я не желал бы говорить об этом, я рад бы был и в самом себе, и во всех вас сознавать добродетель. Но когда почти все мы живем во грехах, то даруй Боже, чтобы я мог породить в вас истинную печаль, и коснуться самого сердца моих слушателей! Тогда я был бы спокоен и перестал бы говорить об этом. А теперь я страшусь, чтоб некоторые из вас не пренебрегли словами моими, и за пренебрежение и невнимательность не подверглись бы большему наказанию. Если бы какой-нибудь раб, слыша угрозы господина, пренебрег ими, то, конечно, разгневанный господин не оставил бы его ненаказанным, а наложил бы на него за это тягчайшее нака-

зание. Итак, умоляю вас, сокрушимся сердцем, слыша слово о геенне. Поистине нет ничего сладостнее этой беседы, по тому самому, что нет ничего горе самой геенны. Но как же, спросишь ты, может быть сладостна беседа о геенне? Потому именно, что не сладко низринуться в геенну; а напоминания о ней, кажущиеся несносными, предохраняют нас от этого бедствия. Кроме того, они доставляют нам и другую еще усладу, приучают наш дух к сосредоточенности, делают нас более благоговейными, возносят ум наш горе, воскрыляют наши мысли, прогоняют злое ополчение похотей, осаждающих нас, и таким образом врачуют нашу душу. Теперь, после напоминания о наказании, позвольте мне сказать нечто и о стыде, ожидающем нас, потому что как иудеев осудят ниневитяне в день суда, так и нас осудят тогда многие, презираемые нами ныне. Итак, размыслим, какому мы подвергнемся осмеянию, какому осуждению; размыслим – и положим теперь же начало, и войдем в дверь покаяния. Я это говорю самому себе, прежде всех увещеваю к этому самого себя; не гневайся никто, как будто бы я хотел осуждать кого. Вступим на узкий путь. Доколе нам предаваться изнеженности? Доколе лениться? Еще ли не довольно жили мы в беспечности, в смехе, откладывая обращение со дня на день? Или опять все останется по-прежнему: и богатый стол, и пресыщение, и роскошь, и жадность к деньгам, и любостяжание, и охота строиться? Но какой же будет конец? Смерть. Какой конец? Пыль и прах, гроб и черви. Итак, начнем новую жизнь, соделаем землю небом; покажем язычникам, каких лишены они благ. Взирая на благоустроенную жизнь нашу, они будут видеть образ царствия небесного. Когда они увидят, как мы скромны, как свободны от гнева, от злых вожделений, от зависти, от любостяжания, как верно выполняем все обязанности, то скажут: если здесь христиане соделывают-

ся ангелами, то каковы они будут по переселении отсюда? Если здесь, будучи странниками, они разливают такой свет, то какими они явятся, когда достигнут своего отечества? Таким образом и язычники, смотря на нас, сделаются лучшими, и слово благочестия распространится столь же обширно, как во время апостолов. В самом деле, если двенадцать апостолов обратили целые города и страны, то подумай, каким успехом увенчаются наши труды, когда мы все, ревностно стараясь о доброй жизни, через это самое соделаемся учителями? Язычника не столько привлекает воскресший мертвец, сколько любомудрый человек. От первого он придет в изумление, а от последнего получит пользу. То было, и прошло; а жизнь любомудрая пребывает постоянно, и всегда споспешествует к доброму возделанию души его. Итак, позаботимся о себе самих, чтобы приобрести и неверных.

Я не предлагаю вам ничего неудобоисполнимого; не говорю: не женись; не говорю: оставь город и устранись от дел общественных; но увещеваю, чтобы ты, оставаясь при них, украшался добродетелью. Я желал бы даже, чтобы живущие в городах больше отличались доброй жизнью, нежели удалившиеся в горы. Почему? Потому что из этого произошла бы весьма великая польза. Никто не вжигает светильника, и поставляет его под спудом (Мф. V, 15). Поэтому-то желал бы я, чтобы все светильники поставлены были на свещниках, чтобы разливался от них великий свет. Возжжем же огонь этого света и сделаем то, чтобы сидящие во тьме избавились от заблуждения. Не говори мне: я имею жену и детей, управляю домом и не могу этого исполнить. Если б ты ничего этого не имел, но оставался беспечным, то никакой не получил бы от того пользы: а ежели и при всем этом будешь тщателен, то обогатишься добродетелью. Требуется лишь одно — утверждение духа в добрых

расположениях: тогда ни возраст, ни бедность, ни богатство, ни множество дел и ничто другое не может быть нам препятствием. Ведь и старики, и юноши, и женатые, и обязанные воспитывать детей, и ремесленники, и воины успевали исполнять все повеленное. Даниил был юноша, Иосиф был рабом, Акила был ремесленником, порфиропродательница управляла целым заведением; иной был стражем темничным, иной сотником, как Корнилий, иной имел слабое здоровье, как Тимофей, иной даже бежал от господина, как Онисим: и однако ж никто из них не был удержан никаким препятствием, но все они вели достославную жизнь: и мужи, и жены, и юноши, и старцы, и рабы, и свободные, и воины, и простолюдины. Итак, не будем прикрываться бесполезными и пустыми извинениями, но утвердим в себе доброе намерение. Тогда, какое бы ни было наше звание, мы, без сомнения, сохраним добродетель, и сподобимся грядущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава и честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIV

Еще же Ему глаголющу к народом, се мати Его и братия стояху вне, ищуще глаголати Ему. Рече же некий Ему: се мати Твоя и братия Твоя вне стоят, хотяще глаголати Тебе. Он же отвещав рече ко глаголющему: кто есть мати Моя и кто братия Моя? И простер руку Свою на ученики Своя, рече: се мати Моя и братия Моя (Мф. XII, 46—49)

1. То самое, о чем я говорил прежде, то есть что без добродетели все бесполезно, весьма ясно открывается и теперь. Я говорил, что и возраст, и пол, и пустынно-

жительство, и тому подобное бесполезны, когда нет доброго расположения. А теперь мы узнаем еще более: без добродетели нет никакой пользы и Христа носить во чреве и родить этот дивный плод. Это особенно видно из приведенных слов. *Еще Ему глаголющу к народом,* говорит Евангелист, *рече некий Ему, яко мати Твоя и братия Твоя ищут Тебя.* А Христос отвечает: *кто мати Моя, и кто братия Моя?* Это говорит Он не потому, чтобы стыдился Матери Своей, или отвергал родившую Его (если бы Он стыдился, то и не прошел бы сквозь утробу ее); но желал этим показать, что от того нет ей никакой пользы, если она не исполнит всего должного. В самом деле, поступок ее происходил от излишней ревности к правам своим. Ей хотелось показать народу свою власть над Сыном, о Котором она еще не думала высоко; а потому и приступила не во время. Итак смотри, какая неосмотрительность со стороны ее и братьев! Им надлежало бы войти и слушать вместе с народом, или, если не хотели этого сделать, дожидаться окончания беседы, и потом уже подойти. Но они зовут его вон, и притом при всех, обнаруживая через это излишнюю ревность к правам своим и желание показать, что они с большой властью повелевают Им. Об этом самом и Евангелист с укоризной говорит. *Еще ему глаголющу к народом,* говорит он, намекая на это. Ужели не было другого времени? — как бы так говорит он. Ужели нельзя было поговорить наедине? Да о чем и говорить хотели? Если об истинном учении, то им надлежало предложить об этом явно и говорить при всех, чтобы и другие получили пользу; если же о своих делах, то не должны были так настаивать. Если Христос не позволил ученику Своему пойти и похоронить отца, чтобы последование его за Христом не пресекалось, то тем более не должно было прерывать беседы Его с народом для дел неважных. Отсюда ясно, что они дела-

ли это по одному тщеславию, на что и Иоанн указывая, говорил, что *ни братия Его verоваху в Него* (Ин. VII, 5). Он же передает и неблагоразумные слова их, говоря, как они звали Его в Иерусалим для того единственно, чтобы Его знамениями самим прославиться: *аще сия твориши*, говорят они, *яви себе мирови: никтоже бо втайне творит что, и ищет сам яве быти* (ст. 4). И сам Христос тогда упрекал их в этом, осуждая плотские их помышления. Когда они, в виду худого мнения о Христе иудеев, говоривших: *не Сей ли есть тектонов Сын, Егоже мы вемы отца и матерь, и братия его не в нас ли суть?* (Мф. XIII, 55, 56; Мк. VI, 3), – желая скрыть низость Его рода, вызывали Его явить знамения, – тогда Он противится им, и тем хочет исцелить болезнь их. Итак, если бы он захотел отречься от Матери Своей, то отрекся бы от нее тогда, когда поносили Его иудеи. Напротив, Он так заботится о ней, что и на самом кресте препоручает ее возлюбленнейшему ученику и проявляет о ней великую заботливость. Но теперь Он не делает того из предусмотрительной любви к ней и братьям. Так как они думали о Нем как о простом человеке, и тщеславились, то Он исторгает этот недуг, не оскорбляя, впрочем, их, но исправляя. Но ты обращай внимание не на одни только слова, заключающие в себе легкий упрек, но и на неуместную смелость братьев, на которую они отважились, и на того, кто упрекал (это был не простой человек, но Единородный Сын Божий), и с каким намерением упрекал. Он не хотел оскорбить их, но избавить их от мучительной страсти, мало-помалу привести их к правильному о Себе понятию и убедить, что Он не Сын только Матери Своей, но и Господь. И ты увидишь, что этот упрек и Ему весьма приличен, и полезен Матери, и вместе с тем весьма кроток. Он не сказал напомнившему о Матери: пойди, скажи Матери, что она не мать Моя; но возражает ему: *кто*

есть мати Моя? Говоря это, Он имел в виду еще нечто другое. Что же именно? То, что ни они, и никто другой не должны полагаться на родство и оставлять добродетель. В самом деле, если для Матери Его не будет никакой пользы в том, что она мать, раз она не будет добродетельна, то родство тем менее спасет кого-нибудь другого. Есть одно только благородство – исполнение воли Божией, и это благородство лучше и превосходнее того (плотского) родства.

2. Итак, зная это, мы не должны гордиться ни достославными детьми, если не имеем сами добродетелей их, ни благородными родителями, если не подобны им по жизни. Можно ведь и родив не быть отцом, и не родив быть им. Вот почему, когда одна жена сказала: *блаженно чрево носившее Тя, и сосца, яже еси ссал* (Лк. XI, 27), Христос не сказал на это: не носило Меня чрево, и не сосал Я сосцов, но: истинно, блаженны исполняющие волю Отца Моего (ст. 28)! Видишь, как Он и прежде, и здесь не отвергает естественного родства, но присовокупляет к нему родство по добродетели. Равным образом и Предтеча, говоря: *рождения ехиднова, не начинайте глаголати в* себе: *отца имамы Авраама* (Мф. III, 7, 9), не на то указывает, что они (фарисеи и саддукеи) не происходили от Авраама по естеству, но что нисколько не полезно им это происхождение от Авраама, если они не будут иметь с ним родства нравственного. Это самое и Христос показывая, говорил: *аще чада Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте творили* (Ин. VIII, 39). Этими словами Он не отнимает у них родства по плоти, но научает искать родства лучшего и превосходнейшего. То же самое и здесь Он хочет внушить, но только внушает с большим снисхождением и нежностью; речь шла о Матери и Он не сказал: она не мать Моя, они не братья Мои, потому что не творят воли Моей, не произнес осуждения на них, но, говоря со свойственной

Ему кротостью, оставлял на волю их желать другого родства. Творящий, говорит Он, *волю Отца Моего, той брат Мой, и сестра, и мати есть* (ст. 50). Потому, если они хотят быть сродниками Его, пусть идут этим путем. Также, когда воскликнула жена: *блаженно чрево носившее Тя*, Христос не сказал: у Меня нет матери, но если мать Моя хочет быть блаженной, пусть творит волю Отца Моего. Таковы для Меня и брат, и сестра, и мать. Какая честь! Как велика добродетель! На какую высоту возводит она идущего путем ее! Сколько жен ублажали эту святую Деву и чрево ее, и желали быть такими матерями, и все отдать за такую честь! Что ж препятствует? Вот Христос показал нам пространный путь, и не только женам, но и мужам можно достигнуть столь великой чести, и даже еще гораздо большей. Идя этим путем, скорее можно сделаться матерью, нежели претерпевая болезни рождения. Потому, если родство плотское есть уже счастье, то родство духовное настолько более, насколько оно превосходнее первого. Итак, не просто желай родства, но и с большим тщанием иди путем, ведущим тебя к этому желанию. Сказав это, Спаситель вышел из дома. Видишь ли, как Он и упрек сделал, и исполнил их желание? То же самое делает Он и на браке. И там Он сделал упрек Матери Своей, которая безвременно просила Его, и однако ж не отказал ей, — упреком врачуя немощь ее, исполнением просьбы, показывая любовь Свою к Матери. Так точно и здесь, с одной стороны, Он врачевал недуг тщеславия, с другой — воздал должную честь Матери, хотя требование ее было и неуместно. *В день той*, говорится, *изшед Иисус из дому, седяше при мори* (XIII, 1). Если хотите видеть и слышать Меня, — говорит Он, — то вот Я выхожу и беседую. Сотворив много знамений, Он хочет опять доставить пользу учением Своим, и садится у моря, чтобы ловить и привлекать к Себе людей, находящихся на земле. Сел

же Он у моря не без намерения (на что и Евангелист намекает, отмечая это обстоятельство), но желая поставить Себя в таком положении, чтобы никого не было назади у Него, а все перед глазами. *И собрашася к Нему народи мнози, якоже Ему в корабль влезти и сести: и весь народ на брезе стояше* (ст. 2). Когда Он сел тут, начал поучать притчами. *И глагола им притчами много* (ст. 3). Не так Он поступил на горе: там слово Свое не предложил Он в столь многих притчах. И это потому, что там был только простой и необразованный народ, а здесь находились и книжники, и фарисеи. Но заметь, какую прежде говорит Он притчу, и как по порядку предлагает их Матфей. Итак, какую же прежде говорит Он? Ту, которую должно было прежде всего сказать, и которая более способна возбудить внимание в слушателе. Намереваясь говорить прикровенно, Он прежде возбуждает ум слушателей притчей. Потому и другой Евангелист говорит, что Христос сделал им упрек за то, что они не разумеют: *како не разуместе притчи* (Мк. IV, 13)? Впрочем, не для того только говорит Он притчами, но и для того, чтобы сделать слово Свое более выразительным, глубже напечатлеть его в памяти и представить предмет нагляднее. Так поступают и пророки.

3. Итак, какая ж это притча? *Се изыде сеяй, да сеет.* Откуда вышел вездесущий и все исполняющий? Или, как вышел? Не местом стал Он ближе к нам, но расположением и промышлением о нас, когда облекся плотью. Так как грехи заграждали нам доступ к Нему и не позволяли взойти, то Он сам выходит к нам. И для чего вышел? Погубить ли землю, исполненную терний? Наказать ли земледельцев? Нет. Он вышел для того, чтобы тщательно возделать землю и посеять на ней слово благочестия. Здесь под семенем Христос разумеет Свое учение, а под нивой – души человеческие, под сеятелем же Себя самого. Какой же плод этого семени? Три ча-

сти его погибают и одна только остается. *И сеющу ему, ова падоша при пути; и приидоша птицы, и позобаша я* (ст. 4)? Христос не сказал, что Он сам бросил, но что семя упало. *Другая* же на камень, *идеже не имеяху земли многи: и абие прозябоша, зане не имеяху глубину земли; солнцу же, возсиявшу, присвянуша, и зане не имеяху корения, изсхоша. Другая же в тернии, и взыде терние, и подави их. Другая же на земли добрей, и даяху плод: ово убо сто, ово же шестьдесят, ово же тридесять. Имеяй уши слышати, да слышит* (ст. 5–9). Четвертая часть уцелела, да и та не одинаковый принесла плод, но большое и здесь различие. Из этих слов видно, что Христос предлагал учение Свое всем без различия. Как сеятель не различает находящейся перед ним нивы, но просто и без всякого различия бросает семена, так и Он не различает ни богатого, ни бедного, ни мудрого, ни невежду, ни беспечного, ни заботливого, ни мужественного, ни робкого; но всем проповедал, исполняя Свое дело, хотя и наперед знал, какие от этого будут плоды, чтобы можно было Ему сказать: что Мне еще нужно было сделать, и не сделал (Ис. V, 4)? Пророки говорят о народе, как о винограде: *виноград бысть возлюбленному;* и: *виноград из Египта пренесл* (Ис. V, 1; Пс. LXXIX, 9). А Христос говорит о народе, как о семени. Что же Он показывает этим? То, что теперь народ будет скоро и легко повиноваться, и тотчас даст плод. Когда же ты слышишь, что *изыде сеяй сеяти*, то не почитай этого тождесловием. Сеятель выходит часто и для другого дела, например: вспахать землю или истребить негодную траву, или исторгнуть терние, или сделать другое что-нибудь подобное; но Христос вышел для сеяния.

Отчего же, скажи мне, погибла большая часть семени? Это произошло не от сеявшего, но от земли приемлющей, то есть от души не внимавшей. Но почему не говорит Он, что иное семя приняли беспечные, и погу-

били его; другое приняли богатые, и подавили его; иное слабые, и пренебрегли его? Он не хочет сделать им сильного упрека, чтобы не ввергнуть их в отчаяние, но предоставляет обличение собственной совести слушателей. Впрочем, это случилось не только с семенем, но и с неводом. И в нем было много бесполезного. Настоящую притчу Христос предлагает для укрепления и наставления учеников Своих, чтобы они не унывали, хотя и большинство приемлющих слово их погибнут. То же было и с самим Господом; и хотя Он наперед знал, что так именно будет, не переставал однако сеять. Но благоразумно ли, скажешь, сеять в тернии, на каменистом месте, при дороге? Конечно, в отношении к семенам и земле это было бы неблагоразумно; но в отношении к душам и учению это весьма похвально. Если бы земледелец стал так делать, то справедливо заслуживал бы порицания, потому что камню нельзя сделаться землей, и дороге не быть дорогой, и тернию не быть терением; но не то бывает с существами разумными. И камню можно измениться и стать плодородной землей, и дорога может быть не открытой для всякого проходящего и не попираться его ногами, а может сделаться тучной нивой; и терние может быть истреблено, и семена могут расти беспрепятственно. Если бы это было невозможно, то Христос и не сеял бы. Если же такое изменение происходило не во всех, то причиной этого не сеятель, но те, которые не хотели измениться. Христос исполнил Свое дело; если же они пренебрегли Его учением, то явивший столь великое человеколюбие не виновен в том. Заметь еще и то, что не один путь погибели, но различные, и один от другого далеко отстоящие. Те, которые подобны дороге, это — нерадивые, беспечные и ленивые, а камень изображает только слабейших. На *камени сеянное*, говорит Христос, *сие есть: слышай слово, и абие с радостью*

приемлет е: не имать же корене в себе, но привременен есть. Бывши же печали, или гонению словесе ради, абие соблажняется. Всякому слышащему слово истины и не разумевающу, приходит лукавый, и восхищает всеянное из сердца его: *сие есть при пути сеянное* (Мф. XIII, 20, 21, 19). Не одно и то же, когда учение теряет силу свою без всяких козней и притеснений, и — когда оно бывает недействительно при искушениях. Те же, которые подобны тернию, виновнее всех прочих.

4. Итак, чтобы не случилось с нами чего-нибудь подобного, будем усердно внимать учению и беспрестанно иметь его в памяти. Пусть диавол и хищничает; но от нас зависит не давать ему расхищать. Если семена и засыхают, то не зной бывает причиной этого, — не сказано, ведь, что посохли от зноя, но: *зане не имеяху корения.* Если и подавляется слово, то не от терния это происходит, но от тех, которые допустили взойти ему. Можно, если захочешь, не допустить этого негодного растения и богатство употребить, как должно. Потому Христос не сказал: век, но: *печаль века;* не сказал: богатство, но: *лесть богатства* (ст. 22). Итак, будем обвинять не самые вещи, но испорченную волю. Можно и богатство иметь и не обольщаться им, — и в веке этом жить, и не подавляться заботами. Богатство соединяет в себе два противоположные зла: одно сокрушает и омрачает — это есть забота; другое расслабляет — это есть роскошь. И хорошо сказал Спаситель — *лесть богатства,* потому что все в богатстве лесть, — имена только, а не действительность. Подлинно, и удовольствие, и слава, и пышность и все тому подобное — один только призрак, а не действительная истина. Итак, сказав о различных родах погибели, Он наконец говорит и о доброй земле, чтобы не привести в отчаяние, но подать надежду на раскаяние и показать, что возможно из камня и терния обратится в добрую землю. Но если и зем-

ля хороша, и сеятель один, и семена одни и те же, то почему одно семя принесло плод во стократ, другое в шестьдесят, третье в тридцать? Здесь опять различие зависит от свойства земли, потому что и в хорошей земле можно найти много различия. Теперь видишь, что виной этому не земледелец, и не семена, но приемлющая земля. Различие это зависит не от природы людей, но от их воли. И здесь открывается великое человеколюбие Божие в том, что Господь требует не одинаковой степени добродетели, но и первых приемлет, и вторых не отвергает, и третьим дает место. Это говорит Он для того, чтобы последователи Его не подумали, что для спасения достаточно одного слышания. Почему же, скажешь ты, Он не сказал о других пороках, — например, о плотском вожделении, тщеславии? Сказавши: *печаль века сего и лесть богатства*, Он все сказал, потому что и тщеславие, и все другие пороки дело века сего и лести богатства, как, например, удовольствие, жадность, зависть, тщеславие и все прочее, подобное этому. О пути же и камне Он упомянул, желая показать, что недостаточно освободиться от любви к богатству, но нужно позаботиться и о другой добродетели. Что пользы в том, если ты не пристрастен к богатству, но женоподобен и изнежен? Что пользы в том, если не изнежен, но беспечно и нерадиво слушаешь слово? Недостаточно одной добродетели для спасения нашего, но нужно, во-первых, тщательное слушание слова и всегдашнее памятование о нем; потом нужно мужество; далее — презрение богатства, и наконец — бесстрастие ко всему житейскому. Слышание слова потому поставляет Он прежде всего прочего, что оно прежде всего нужно. *Како уверуют*, если не услышат (Рим. X, 14)? Так и мы (если не будем внимать слову, не будем иметь возможности узнать то, что должно делать). Потом уже говорит Он о мужестве и о

презрении настоящих благ. Итак, зная это, оградим себя отовсюду, будем внимать слову, глубоко насаждать его в себе и очищать себя от всего житейского. Если будем одно делать, а о другом нерадеть, то не будет нам никакой пользы: так или иначе, все равно погибнем. Какое различие, если погибнем не от богатства, а от беспечности, или не от беспечности, а от изнеженности? Земледелец все равно скорбит, как бы он ни погубил семени. Итак, не будем утешаться тем, что мы погибаем не во всех отношениях, но будем плакать, каким бы образом мы ни погибали и будем сжигать терние, потому что оно подавляет слово. Это знают богатые, которые не способны не только к этому, но и ни к чему другому. Будучи рабами и пленниками страстей, они не способны и к гражданским делам. Если ж они не способны и к этому, то тем более к небесному. Двоякая язва заражает помышления их: роскошь и забота. Каждая из них сама по себе достаточна для потопления челнока. Представьте же, какое произойдет волнение, когда обе соединятся!

5. Не удивляйся тому, что Христос назвал роскошь тернием. Ты, упоенный страстью, не знаешь этого; но не зараженные этой страстью знают, что роскошь уязвляет более, нежели терние, и изнуряет душу сильнее, нежели забота, и причиняет самые мучительные болезни как телу, так и душе. Не столько мучит забота, сколько пресыщение. Когда бессонница, боль в висках, тяжесть в голове и болезни в желудке мучат пресыщенного, то представь, скольких терний несноснее это! Как терние, с какой бы стороны ни брали его, окровавливает руки, так и роскошь вносит язву и в ноги, и в руки, и в голову, и в глаза, — словом, во все члены; она безжизненна и бесплодна как терние, и гораздо больше его вредна, и вредна для существеннейших частей. В самом деле, она преждевременно

приближает к старости, притупляет чувства, омрачает мысль, ослепляет проницательный ум, наполняет тело влагами, скопляет гной, причиняет множество болезней и производит большую тяжесть и непомерную тучность, от чего и бывают постоянные падения, частые крушения. Для чего, скажи мне, утучняешь ты тело? Разве мы собираемся принести тебя в жертву? Или предложить на трапезу? Хорошо откармливать птиц, — или лучше сказать, и их нехорошо, потому что, когда они утучнеют, употребление их в пищу уже не бывает для нас здоровым. Так-то велико зло — пресыщение: оно вредно и бессловесным. Откармливая, делаем их бесполезными и для них самих, и для нас, потому что от этой тучности и пища неудобно варится, и соки гниют. Но те животные, которых немного кормят и которые, так сказать, постятся, употребляют пищу в умеренном количестве и находятся в трудных работах, бывают весьма полезны и для себя, и для других, годны для пищи и для всего прочего. Те, которые питаются ими, бывают более здоровы; те же, которые употребляют в пищу жирных животных, уподобляются им, становятся ленивыми, больными и сами на себя налагают тягчайшие узы. Ничто столько не противно и не вредно телу, как пресыщение; ничто столько не разрушает, не обременяет и не губит его, как неумеренное употребление пищи. Поэтому можно только удивляться безумно пресыщающимся, что они не хотят даже и настолько поберечь себя самих, сколько другие берегут мехи. Продавцы вин не наполняют и мехи более надлежащего, чтобы не прорвать их; а они и такой заботы не хотят иметь о бедном своем чреве, но до чрезмерности обременяют его пищей, наполняют себя вином до ушей, ноздрей и самого горла, и таким образом сугубо стесняют дух и ту силу, которая устрояет животную жизнь. Для того ли дана тебе гортань, чтоб ты до самых уст наполнял ее

вином и другими вредными веществами? Не для того, человек, но чтоб, во-первых, славословить Бога, воссылать к Нему священные молитвы, читать божественные законы; во-вторых, подавать советы полезные ближним. А ты, как будто для обжорства только получив гортань, не даешь ей ни малейшего времени для священного занятия, а всю жизнь употребляешь ее на постыдную работу. Таковые люди поступают подобно тому, кто, взяв арфу, имеющую струны золотые и хорошо настроенную, вместо того, чтоб ударять в нее и извлекать гармонические звуки, завалит ее навозом, всякой дрянью. Навозом я называю не пищу, но пресыщение и всякую неумеренность, так как то, что сверх меры, не питает уже, а только вредит. Одно чрево дано только для принятия пищи, а уста, гортань и язык даны и для других, более необходимых занятий; или, лучше, и чрево дано не просто для принятия пищи, но для принятия пищи умеренной. Оно само показывает нам это, так как всегда вопиет против нас, когда мы повредим ему таким излишеством; и не только вопиет, но, в отмщение за несправедливость, налагает на нас и величайшее наказание. И во-первых, оно наказывает ноги, которые носят нас и водят на роскошные пиршества; потом связывает служащие ему руки за то, что они доставляли ему столь многие и столь хорошие яства. А многим оно повредило и самые уста, глаза и голову. Как раб, когда возложат на него что-либо свыше сил, в сильном негодовании оскорбляет своего господина, так и чрево, которому сделали насилие, часто губит и портит, вместе с прочими членами, и самый мозг. Потому хорошо устроил Бог, соединив с неумеренностью такие вредные следствия, чтобы ты, если по доброй воле не хочешь поступать благоразумно, хотя невольно, из-за страха и великого вреда, научился умеренности. Итак, зная это, будем убегать роскоши, будем заботиться об умеренности, чтобы и здоровьем телес-

ным наслаждаться и, избавив душу от всякой болезни, сподобится будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLV

И приступивше ученицы рекоша Ему: почто притчами глаголеши им? Он же отвещав, рече им: яко вам дано есть разумети тайны царствия небесного, онем же не дано есть (Мф. XIII, 10, 11)

1. Достойно удивления, что ученики, несмотря на сильное желание узнать, почему Иисус Христос говорит народу в притчах, разбирают время, когда предложить этот вопрос. Они делают это не при всех, как показал Матфей, говоря: *и приступивше.* А что объяснение мое не есть догадка, это открывает яснее Марк, когда говорит, что ученики приступили к Нему, когда Он был один (Мк. IV, 10). Так надлежало поступить и братьям, и Матери Его: не вызывать Его из дома и не выставлять себя. Заметь также и великую любовь учеников, — как много они заботятся о других, и сперва ищут их пользы, а потом уже своей. *Почто*, говорят они, *притчами, глаголеши им?* Они не сказали: для чего Ты нам в притчах говоришь? И в других случаях они часто обнаруживают любовь свою ко всем, — например, когда говорят: *отпусти народ* (Лк. IX, 12), и также: *веси ли, яко соблазнишася* (Мф. XV, 12). Что же отвечает им Христос? *Вам,* говорит Он, *дано есть ведати тайны царствия небеснаго, онем же не дано есть.* Он это сказал не указывая на какую-либо необходимость, или на простое и случайное некоторых избрание, но показывая, что слушающие сами причиной всех зол, и вместе желая открыть,

что разумение таин царствия есть дар благодати, ниспосылаемой свыше. Впрочем, хотя это и дар, однако этим не уничтожается свобода, как видно из последующих слов. А чтобы одни не предались отчаянию, а другие беспечности, слыша, что им дано разуметь тайны царствия, смотри, как Он показывает и тем и другим, что это первоначально зависит от нас: *иже бо имать*, говорит Он, *дастся ему, и преизбудет; а иже не имать, и еже мнится имети возмется от него* (Мф. XIII, 12; XXV, 29). Хотя эти слова довольно неясны, но они заключают в себе непререкаемую правду. Они означают то, что кто сам желает и старается приобресть дары благодати, тому и Бог дарует все; а в ком нет этого желания и старания, тому не принесет пользы и то, что он имеет, и Бог не сообщит ему даров Своих. *И еже мнится имея*, говорит, *возмется от него*. Это не то значит, что Бог отнимает у него, но что не удостаивает его даров Своих. Так поступаем и мы. Когда видим, что кто-нибудь слушает нас рассеянно, и при всех убеждениях наших остается невнимательным, — наконец перестаем говорить, потому что, если мы будем настаивать, то беспечность его еще более усилится. Напротив, кто с ревностью слушает учение наше, того мы завлекаем в разговор и многое ему сообщаем. И справедливо сказано: *и еже мнится имея*, — потому что такой человек и этого не имеет. Далее Он объясняет слова Свои, показывая, что значит — *имущему дано будет*, говоря таким образом: *от неимущаго же, и еже мнится имея, возмется от него. Сего ради*, продолжает Он, *в притчах глаголю им, яко видяще не видят* (ст. 13). Но если они не видали, — скажешь, — то надлежало им открыть глаза. Да, если бы ослепление это было от природы, то надлежало открыть; но так как ослепление это было произвольное и зависело от свободы, то Он не сказал просто: *не видят*, но: *видяще не видят*, то есть, что слепота их происходит от собствен-

ного их развращения. Они видели, что Он изгонял бесов, и говорили: о *Веельзевуле князе бесовстем изгонит бесы* (Лк. XI, 15). Слышали, что Он приводит их к Богу и поступает во всем согласно с волей божественной, — и говорили: *несть Сей от Бога* (Ин. IX, 16). Таким образом, сами они поступали вопреки тому, что видели и что слышали. За это-то, говорит Христос, Я и зрение, и слух отниму у них. Они не только не получают от этого никакой пользы, но напротив, подвергаются еще большему осуждению, — потому что они не только не веровали в Него, но и поносили, и обвиняли, и злоумышляли против Него. Об этом последнем Он, впрочем, умалчивает, потому что не хочет быть строгим в обвинении. Сначала Он не притчами говорил им, но просто и ясно. Но так как они стали неохотно слушать Его, то Он наконец стал говорить им притчами. Далее: чтобы кто-либо слова Его не почел одним только упреком и не сказал, что Он укоряет и клевещет на них по вражде, Христос приводит слова пророка, подтверждающие то же самое: *сбывается бо в них,* говорит Он, *пророчество Исаиино, глаголющее: слухом услышите, и не имате разумети; и зряще узрите, и не имате видети* (ст. 14). Замечаешь ли, что и пророк обличает их с такой же точностью в выражениях? И он не сказал: *не узрите,* но — *узрите, и не имате видети*; не сказал: *не услышите,* но — *услышите, и не имате разумети.* Итак, они сами были причиной того, что не понимали, заградив слух, закрыв глаза и ожесточив сердце. Они не только не слышали, но и *тяжко слышаша* (ст. 15). И делали это, говорит Господь, для того, *да не когда обратятся, и исцелю их,* — показывая тем их закоснение во зле и намеренное отвращение от Него.

2. Он говорит это с тем, чтобы привлечь их, возбудить и показать им, что, если они обратятся, Он исцелит их. Подобно тому, как у нас говорят: он не хотел видеть меня, и отлично; а если бы он удостоил меня

своим посещением, я тотчас оказал бы ему милость, показывая этим средство к примирению, – так точно и здесь говорит Господь: *да не когда обратятся, и исцелю их,* показывая, что они могут и обратиться, и спастись, если раскаются, и что Он делает все не для собственной славы, но для их спасения. Если бы Он не желал, чтобы они слушали Его и спасались, то надлежало бы Ему молчать, а не поучать их в притчах. Но теперь тем самым, что говорит им притчами, возбуждает их. *Бог,* говорится, *не желает смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему* (Иез. XVIII, 23). Что грех происходит не от природы, не по необходимости и принуждению, послушай, что говорит Христос апостолам: *ваша же блаженна очеса, яко видят, и души ваши, яко слышат* (Мф. XIII, 16), – разумея под этим зрение и слух не чувственные, но умственные. И апостолы были иудеи, и воспитаны в том же законе, и однако, пророчество нимало не повредило им, потому что хорошо был укреплен в них корень добра, то есть разум и воля. Теперь, видишь ли, что слова: *вам дано есть* не означают необходимости? Иначе, за что бы называть их блаженными, если бы это доброе дело не зависело от них самих? Не говори того, будто Он учил невразумительно. И иудеи ведь, подобно ученикам, могли приходить и спрашивать Его. Но они не хотели делать этого по своему нерадению и беспечности. И что я говорю: не хотели? Они даже поступали вопреки Ему: не только не веровали, не только не слушали, но и враждовали против Него, и отвращались от Его учения, в чем Господь и обвиняет их словами пророка: *тяжко слышаша.* Но не таковы были ученики; потому-то и удостоились названия блаженных. Христос и другим образом укрепляет учеников Своих, говоря: *аминь бо глаголю вам, мнози пророцы и праведницы вожделеша видети, яже видите, и не видеша: и слышати, яже слышите, и не слышаша* (ст. 17), – то

есть, Мое явление, чудеса, глас и учение. Здесь Он ставит учеников своих выше не только развращенных иудеев, но и самих праведников, они и этих последних, говорит, блаженнее. Почему же? Потому, что ученики видят не только то, чего не видали иудеи, но и то, что желали видеть праведники. Последние созерцали только верой, а ученики лицом к лицу, и гораздо яснее. Видишь ли, как Христос опять соединяет Ветхий Завет с Новым, показывая, что ветхозаветные праведники не только знали будущее, но и сильно его желали? А они не могли бы желать, если бы почитали какого-либо бога, чуждого и противного истинному. *Вы же услышите*, — говорит Он, — *притчу сеющаго;* и говорит, затем, то, что мы сказали раньше, о беспечности и тщании, о боязни и мужестве, о богатстве и нелюбостяжании, показывая, какой проистекает вред от первых и какая польза от последних. Потом показывает различные роды добродетели. По милосердию Своему, Он не один только указал путь и не сказал, что тот будет отчужден, кто не принесет сторичного плода; спасется, говорит Он, и тот, кто принесет плод в шестьдесят крат, и даже кто в тридцать. Это для того Он сказал, чтобы облегчить нам путь к спасению. Итак, не можешь переносить трудного состояния девства? Вступи в брак и живи целомудренно. Не можешь совершенно расстаться с богатством? Уделяй часть от имения твоего. Для тебя трудно и это бремя? Разделяй с Христом имение твое. Не хочешь отдать Ему всего? Отдай по крайней мере половину, или третью часть. Если Он твой брат и сонаследник на небесах, то сделай его сонаследником и здесь. Ему давать — значит себе давать. Не слышишь ли, что говорит пророк: *свойственных племене твоего не презри* (Ис. LVIII, 7)? Если же не должно презирать сродников, то тем более не должно презирать Господа, Который вместе с правом власти имеет еще право родства с тобой и многие другие права. Он соделал тебя участником

Своих благ, не только не получив ничего Сам от тебя, но еще предупредив тебя этим неизреченным благодеянием. Итак, не великое ли безумие получать такие дары и, между тем, самому быть нечувствительным и не воздавать взаимно за благодеяние, и притом меньшим за большее? Он соделал тебя наследником неба, а ты не хочешь пожертвовать для Него и земным. Он примирил тебя с Богом, несмотря на то, что ты не только не сделал ничего доброго, но даже был врагом, а ты не хочешь воздать другу и благодетелю, тогда как, не говоря о царствии и о всем прочем, ты обязан воздать Ему благодарность за то самое, что можешь дать. Когда рабы приглашают господ на пир, делают это не с тем, чтобы доставить им удовольствие, но чтобы самим получить от них. Между тем, здесь напротив, не слуга пригласил своего господина, но Господь призвал слугу к трапезе Своей. А ты не хочешь пригласить Его и после этого? Он Сам первый ввел тебя в дом Свой, а ты не хочешь сделать этого и теперь? Он прикрыл твою наготу, а ты и после этого не хочешь дать Ему приюта, как страннику? Он прежде утолил жажду твою из Своего сосуда, а ты не хочешь дать Ему и капли холодной воды? Он тебя напоил дарами Духа Святого, а ты не хочешь утолить и телесной Его жажды? Он тебя напоил Духом тогда, как ты был достоин наказания, а ты презираешь Его, когда Он жаждет, и это несмотря на то, что ты должен употребить Его же дары?

3. Ужели ты почитаешь маловажным держать ту чашу, которую будет подносить к устам и из которой будет пить Христос? Ужели ты не знаешь, что один только священник имеет право предлагать чашу крови? Но я на это не смотрю строго, — говорит Христос, — а принимаю и у тебя. Хотя бы ты был мирянин, Я не отвергну тебя и не требую того, что Я сам тебе дал. Я требую не крови, но студеной воды. Представь, кому ты предлагаешь питье; представь — и трепещи. Помыс-

ли, что ты сам делаешься священником Христа, когда руками своими подаешь не тело, не хлеб, не кровь, но чашу холодной воды. Он облек тебя одеждой спасения, и облек сам; и ты сделай то же, хотя через раба. Он прославил тебя на небесах; а ты по крайней мере защити Его от страха, наготы и бесславия. Он удостоил тебя сожительства с ангелами; а ты прими Его только под кров твой, — по крайней мере, дай Ему приют, как бы рабу своему. Я не пренебрегаю приютом этим, — говорит Христос, — хотя сам Я отверз для тебя целое небо. Я освободил тебя от тягчайшего плена, но не требую того же от тебя и не говорю: освободи Меня; для Моего утешения довольно, если ты только обратишь на Меня внимание, когда Я нахожусь в узах. Я воскресил тебя из мертвых, — и не требую, чтоб и ты сделал то же; но говорю: посети Меня только во время Моей болезни. Итак, каких адских мучений не достойны мы, ежели при столь великих благодеяниях, изливаемых на нас, и при столь легких требованиях от нас, не исполняем и последних? Будучи бесчувственнее камня, мы по всей справедливости пойдем в огонь, уготованный диаволу и ангелам его. Скажи мне: какая бесчувственность с нашей стороны, когда мы, получая столь великие дары и столь великие имея в виду, остаемся рабами богатства, с которым скоро, может быть, против воли своей должны будем расстаться? Тогда как другие пожертвовали жизнью и пролили кровь свою, ты для небесного царствия и столь великой славы не хочешь пожертвовать даже своими избытками. Какое ты заслужишь прощение, какое получишь оправдание, если ты при засеве поля охотно вверяешь земле все семена и, давая в заем людям, ничего не жалеешь, а к бедным остаешься так жесток и бесчеловечен, к бедным, в лице коих ты питаешь Самого Господа? Итак, зная, что мы получили, что надеемся получить, и то, что требуется с нашей сторо-

ны, и размышляя о всем этом, покажем всякое рвение к делам духовным. Будем снисходительны и милосерды, чтобы нам не подвергнуться тяжкому наказанию. Если мы пользуемся столь многими и великими дарами, если так немного требуется с нашей стороны, и притом, если требуется то, с чем мы должны расстаться здесь невольно, если так сильно привязаны к вещам временным, — то не послужит ли все это к нашему обвинению? Каждое из этих обстоятельств уже само по себе может осудить нас. Где же надежда спасения, если все это соединится вместе? Итак, чтобы не подпасть совершенному осуждению, будем сострадательны к бедным. Через это мы сделаемся достойными благ как здесь, так и там, коих и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVI

Ину притчу предложи им, глаголя: уподобися царствие небесное человеку, сеявшу доброе семя на селе своем. Спящим же человеком, прииде враг его, и всея плевелы посреде пшеницы, и отъиде. Егда же прозябе трава, и плод сотвори, тогда явишася плевелие. Пришедше же раби господина, реша ему: господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоем? Откуду убо имать плевелы? Он же рече им: враг человек сие сотвори. Раби же реша ему: хощеши ли убо, да шедше исплевем я? Он же рече: ни; да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно с ними пшеницу. Оставите расти обое купно до жатвы (Мф. XIII, 24—30)

1. Какая разность между этой притчей и предыдущей? Там Спаситель говорил о людях, которые без внимания Его слушали, а отойдя, и самое семя бросили;

здесь же разумеет еретические сонмища. Чтобы ученики не смущались и этим, Христос, после того как объяснил им, для чего говорит притчами, предсказывает и об еретиках. Первая притча показывала, что слово Его не принято; а второй дается знать, что вместе со словом приняты и вредящие слову. Таково одно из ухищрений диавола, что он к самой истине всегда примешивает заблуждение, прикрашивая его разными подобиями истины, чтобы тем легче обмануть легковерных. Вот почему и Господь называет посеянное врагом не другим каким семенем, а плевелами, которые с виду походят несколько на пшеницу. Далее объясняет способ злоумышления: *спящим,* говорит, *человеком.* Немалой опасностью угрожает Он здесь начальникам, которым преимущественно вверено хранение нивы, — впрочем, не одним начальникам, но и подначальным. Данными словами Он показывает и то, что заблуждение приходит после истины, как о том свидетельствует и действительный опыт. В самом деле, после пророков — лжепророки, после апостолов — лжеапостолы, после Христа — антихрист. Да и диавол, пока не видит, к чему можно подделаться, или над кем ухитриться, ничего не начинает, даже не знает, как приступить к делу. Так и теперь, приметив уже, что *ов сотвори сто, ов шестдесят, ов тридесять*, он избирает для себя новый путь. Так как он не мог ни похитить укоренившегося, ни заглушить, ни пожечь, то вымышляет другого города обман, именно — всеивает собственные семена. Но чем же, скажешь, спящие отличаются от уподобленных пути? Тем, что там диавол похитил посеянное мгновенно, не дал ему даже и укорениться; а здесь ему потребовалось для обольщения больше хитрости. Указывая на это, Христос научает нас непрестанно бодрствовать. Пусть, говорит Он, ты избег прежних бед; но тебе предстоит новая. Как там бывает гибель от пути, камней и

терний, так здесь — от сна. Нужно, следовательно, постоянно быть на страже. Потому-то и сказал Он: *претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. X, 22). Нечто подобное случилось в начале христианства. Многие предстоятели церквей, введя в них людей лукавых, скрытных ересеначальников, тем самым открыли диаволу легкий путь для совершения своих козней. После того, как он всеял такие плевелы, ему нечего было уже и трудиться. Но как, скажешь, возможно пробыть без сна? Без сна естественного — невозможно, а без сна произвольного — возможно. Потому и Павел сказал: *бодрствуйте, стойте в вере* (1 Кор. XVI, 13). Далее Господь показывает, что дело диавола есть не только вредное, но и излишнее, потому что он сеет после того, как нива уже возделана и все работы кончены. Так поступают и еретики, которые единственно только по тщеславию впускают свой яд. И не в этих только, но и в последующих словах Господь продолжает с точностью описывать поведение еретиков. *Егда же прозябе трава*, говорит Он, *и плод сотвори, тогда явишася и плевелие.* Так действуют и еретики. Сначала они себя прикрывают; когда же приобретут смелость и получат полную свободу слова, тогда и изливают яд. А для чего Господь вводит рабов, рассказывающих о случившемся? Чтобы иметь случай сказать, что не должно убивать еретиков. Диавола же именует врагом — человеком потому, что он вредит людям. Он желает вредить нам, хотя это желание произошло не от вражды на нас, а от вражды на Бога. Отсюда ясно, что Бог любит нас больше, нежели мы сами себя. Посмотри и с другой стороны, какова злоба диавола. Он не сеял прежде, потому что нечего было погубить. Но когда уже все засеяно, сеет и он, чтобы испортить стоившее многих трудов земледельцу. Столь сильную вражду обнаружил во всем против Него диавол! Заметь также усердие слуг: они сейчас же гото-

вы выдергать плевелы, хотя поступают не совсем осмотрительно. Это показывает их заботливость о посеянном; они имеют в виду не то, чтобы был наказан всеявший плевелы, а единственно то, чтобы не погибло посеянное господином; в первом не было нужды, а потому и придумывают средство, как бы только истребить болезнь. Впрочем, избрав средство, они не осмеливаются сами собой привести его в исполнение; но ожидают приговора от господина, спрашивая его: *хощеши ли?* Что же отвечает им господин? Запрещает, говоря: *да не когда восторгнете с ними купно пшеницу*. Этими словами Христос запрещает войны, кровопролития и убийства. И еретика убивать не должно, иначе это даст повод к непримиримой войне во вселенной.

2. Итак, Он останавливает их в исполнении предпринятого намерения, по следующим двум причинам: во-первых, для того, чтобы не повредить пшеницу; а во вторых, потому что все неисцельно зараженные сами по себе подвергнутся наказанию. Поэтому, если хочешь, чтоб они были наказаны, и притом без повреждения пшеницы, то ожидай определенного к тому времени. Но что разумел Господь, сказав: *да не восторгнете с ними купно пшеницу?* Или то, что принявшись за оружие и убивая еретиков, неминуемо истребите с ними многих святых; или то, что многие из этих самых плевел могут перемениться и сделаться пшеницей. Следовательно, если вы, — говорит Он, — искорените их преждевременно, то лишив жизни людей, которым было еще время перемениться и исправиться, истребите то, что могло бы стать пшеницей. Итак, Господь не запрещает обуздывать еретиков, заграждать им уста, сдерживать их дерзость, нарушать их сходбища и заговоры; но запрещает их истреблять и убивать. И заметь, какова кротость Господа: Он не просто объявляет приговор Свой, не просто повелевает, но излагает вместе и причины.

Что же будет, если плевелы соблюдутся до конца? Тогда *реку жателем: соберите первее плевелы, и свяжите их в снопы, яко сожещи я.* Опять приводит на память ученикам слова Иоанновы, в которых Он изображен Судиею, и вразумляет, что должно щадить плевелы, доколе они растут подле пшеницы, потому что для них возможно еще стать пшеницею. Если же еретику случится умереть без всякого плода, то необходимо постигнет его неизбежное наказание. *Реку жателем,* говорит Господь, *соберите первее плевелы.* Для чего же *первее?* Чтобы ученикам не подать случая к опасению, что вместе с плевелами выдергана будет пшеница. *И свяжите их в снопы, яко сожещи я; а пшеницу соберите в житницу. Ину причту предложи им, глаголя: подобно есть царствие небесное зерну горушичну* (ст. 3). Так как Господь сказал, что три части посеянного погибает, а одна спасается, да и в самой спасаемой бывает великое повреждение, то, предупреждая вопрос учеников: кто же и в каком числе будут верные? уничтожает их страх, обращая их к вере притчею о зерне горчичном, в которой показывает, что проповедь распространится повсюду. Поэтому-то и предлагает весьма подходящий к предмету речи образ горчичного зерна. *Еже малейше убо есть от всех семен,* говорит Он, *егда же возрастешь, более всех зелий есть, и бывает древо, яко приити птицам небесным и витати на ветвех его* (ст. 32). Этим Господь хотел показать образ распространения проповеди. Точно то же самое, говорит Он, будет и с проповедью. Хотя ученики Его были всех бессильнее, всех уничиженнее, но так как сила, в них сокровенная, была велика, то она распростерлась по всей вселенной. Далее к этому образу Господь присовокупил еще подобие закваски, говоря: *подобно есть царствие небесное квасу, егоже вземши жена скры в сатех трех муки, дондеже вскисоша вся* (ст. 33). Как закваска над большим количеством муки производит то, что муке усваивается сила закваски, так

и вы преобразуете целый мир. Обрати внимание на смысл: Господь избирает для образа то, что бывает в природе, чтобы показать, что слово Его так же непреложно, как и видимое в природе происходит по необходимым законам. Не говори мне: что сможем сделать мы, двенадцать человек, вступив в среду такого множества людей? В том самом и обнаружится яснее ваша сила, что вы, вмешанные во множество, не предадитесь бегству. Как закваска тогда только заквашивает тесто, когда бывает в соприкосновении с мукой, и не только прикасается, но даже смешивается с нею (потому и не сказано – положи, но – *скры*), так и вы, когда вступите в неразрывную связь и единение со врагами своими, тогда их и преодолеете. И как закваска, будучи засыпана мукой, в ней не теряется, но в скором времени всему смешению сообщает собственное свойство, так точно произойдет и с проповедию. Итак, не страшитесь, что Я сказал о многих напастях: и при них вы просияете и всех преодолеете. Под тремя же сатами Господь разумеет здесь многие саты, так как число это обыкновенно употребляет для означения множества. Не дивись также и тому, что, беседуя о царстве, Он упоминает о зерне и закваске. Он беседовал с людьми неискусными и малоучеными, которых к высокому надлежало возводить посредством низких предметов, и которые были так просты, что при всем том имели еще нужду во многих пояснениях. Итак, где сыны эллинские? Да уразумеют силу Христову, имея перед очами истину событий! Да поклонятся Господу и как предрекшему такое дело, и как совершившему его! Он один вложил силу в закваску. Для того Он и верующих в Него вмешал во множество, чтобы мы передавали другим свое разумение. Итак, пусть никто не жалуется на скудость: велика сила проповеди; однажды вскиснувшее само делается закваской для прочего. Как искра, когда коснется дров,

зажженное ею делает новым источником огня, и таким образом простирается дальше и дальше, — так и проповедь. Но Господь сказал не об огне, а о закваске. Почему же? Потому что там не все зависит от огня, но многое и от зажженных дров; здесь же закваска все производит сама собой. Если же двенадцать человек заквасили целую вселенную, то размысли, как мы худы, когда, несмотря на всю свою многочисленность, не можем исправить оставшихся, мы, которых по надлежащему было бы довольно стать закваской для тысячи миров!

3. Но то, скажешь, были апостолы. Что же из того? Не находились ли они в одинаковых с тобой обстоятельствах? Не в обществах ли жили? Не ту же ли несли участь, не занимались ли ремеслами? Разве ангелы они были? Разве с неба сошли? Но, скажешь, они имели дар чудотворения. Но не по чудотворениям они сделались сами чудными. И долго ли эти чудеса будут служить для нас прикрытием нашего нерадения? Посмотри на целый сонм святых, просиявших не чудесами. Многие изгоняли даже бесов, но потому, что творили беззаконие, не только не сделались чудными, но еще подверглись и наказанию. Что же такое, спросишь, соделало апостолов великими? Пренебрежение богатства, презрение славы, свобода от житейских попечений. Если бы не имели они этого, но оставались рабами страстей, то хотя бы и тьмы мертвецов воскресили, не только бы не принесли никакой пользы, но сочтены были бы еще и обманщиками. Итак, одна жизнь блистает всюду; ею только привлекается и благодать Духа. Какое знамение сотворил Иоанн, привлекший к себе многие города? Что он не чудодействовал, о том послушай Евангелиста, говорящего: *яко Иоанн убо знамения не сотвори ни единаго* (Ин. X, 41). Отчего и Илия соделался чудным? Не от дерзновения ли перед царем? Не от ревно-

сти ли по Боге? Не от нищеты ли, не от милоти ли, пещеры и гор? Чудеса сотворены им уже после всех этих подвигов. Чудом ли каким Иов изумил диавола? Никаких чудес не творил он, а показал блистательную жизнь и терпение, тверже адаманта. Какое знамение сотворил Давид, находясь еще в юности, когда Бог сказал о нем: *обретох Давида, сына Иессеева, мужа по сердцу Моему* (Деян. XIII, 22)? И Авраам, Исаак, Иаков воскресили ли кого из мертвых? Очистили ли кого от проказы? Знаешь ли, что дар чудотворения, при нашей беспечности, может часто даже вредить? Так многие из коринфян впали в расколы; многие из римлян возгордились; Симон извержен, и пожелавший идти за Христом оказался недостойным, услышав, что *лиси язвины имут, и птицы небесныя гнезда* (Лк. IX, 58). Все они, желая себе от чудотворения или денег, или славы, отпали и погибли. Но ревностная жизнь и любовь к добродетели не только не рождают такого желания, но, если бы оно и было, истребляют его. И что говорил Христос, когда изрекал законы ученикам Своим? Сказал ли: творите чудеса, чтобы видели человеки? Совсем нет! Так что же? *Да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрыя дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16). И Петру не сказал: если любишь Меня, то твори чудеса; но — *паси овцы Моя* (Ин. XXI, 17). И если его с Иаковом и Иоанном Господь всегда предпочитал прочим апостолам, то скажи мне, за что такое предпочтение? За чудеса ли? Но все они одинаково очищали прокаженных, воскрешали мертвых; всем равно Господь дал всякую власть. В чем же было их преимущество? В душевной доблести. Итак, видишь, везде потребна жизнь и явление дел. *От плод бо их,* говорит Господь, *познаете их* (Мф. VII, 16).

4. Что же составляет жизнь нашу? Явление ли чудес, или заботливость о благоустройстве поведения? Оче-

видно, что последнее. Чудотворения же и начало отсюда заимствуют, и конец свой здесь же имеют. Кто ведет превосходную жизнь, тот привлекает к себе и благодать чудотворения. А приемлющий благодать приемлет для того, чтобы исправлять жизнь других. И Христос творил чудеса Свои для того, чтобы через них явясь достойным веры и привлекши к Себе людей, ввести в Мир добродетель. Об этом-то преимущественно Он и заботится. Вот почему Он и не довольствуется одними чудесами, но то угрожает геенной, то обещает царствие, то предписывает чудные Свои законы и употребляет все способы к тому, чтобы соделать нас равными ангелам. Но что говорить о Христе? Он ли один все творит с такой целью? Скажи мне сам ты: если бы дали тебе на выбор – или воскрешать мертвых во имя Его, или умереть за имя Его, что бы ты охотнее избрал? Не последнее ли без всякого сомнения? Но первое было бы чудо, а последнее есть дело. И если бы предложили тебе – или траву превращать в золото, или иметь такую силу воли, чтобы всякое богатство попирать, как траву, не избрал ли бы ты скорее последнее? И весьма справедливо. Таким выбором ты больше привлечешь к себе людей. Увидев траву, превращаемую в золото, они сами пожелают иметь такую же силу, подобно Симону; а через то увеличится их любостяжательность. Напротив, если бы видели, что все попирают и презирают золото, как траву, то давно бы избавились от этой болезни.

Итак, видишь ли, что жизнь может приносить больше пользы? Жизнью же называю не то, когда ты постишься, когда подстилаешь вретище и пепел, но то, когда ты пренебрегаешь богатством, как пренебрегать им должно, когда избыточествуешь в любви, даешь хлеб свой алчущему, сдерживаешь гнев, отвергаешь тщеславие, истребляешь в себе зависть. Такой урок преподан нам от Христа. *Научитеся*, говорит Он, *от Мене, яко*

кроток семъ и смирен сердцем (Мф. XI, 29). Не говорит: Я постился, — хотя бы мог упомянуть о сорокадневном посте; но, умалчивая об этом, указывает только, *яко кроток есмъ и смирен сердцем.* И опять, посылая учеников, не сказал: поститесь; но — *ядите предлагаемое вам* (Лк. X, 8). Между тем требует, чтобы они всячески береглись любостяжания, говоря: *не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясех ваших* (Мф. X, 9). Говорю это не в охуждение поста: да не будет того! Напротив, весьма одобряю пост. Скорблю только, когда вы, презрев все прочие добродетели, достаточной для вашего спасения почитаете ту, которая занимает последнее место в лике добродетелей. Важнейшие же из них: любовь, кротость и милостыня, превосходящая даже девство. Итак, если хочешь сделаться равным апостолам, — ничто не препятствует. Довольно для тебя выполнить одну только добродетель милостыни, чтобы ни в чем не быть скуднее апостолов. Никто поэтому не должен откладывать подвигов в добродетели до получения дара чудотворения. Если демон мучится, когда его изгонят из тела, то гораздо больше мучится, когда видит душу, освобожденную от греха. Подлинно, грех есть главная сила демонская; по причине греха умер Христос, чтобы разрушить его; грехом введена смерть; через грех все превращено. Если ты истребил в себе грех, ты подрезал жилы диаволу, стер главу его, разрушил всю его силу, рассыпал воинство, сотворил чудо, всех чудес большее. Не мое это слово, но блаженного Павла, который, сказав: *ревнуйте дарований больших, и еще по превосхождению путь вам показую* (1 Кор. XII, 31), представляет не дар чудотворений, но любовь — корень всякого добра. Итак, если мы будем упражняться в любви и в прочем любомудрии, на ней основанном, то не будем иметь никакой нужды в чудотворениях; напротив, если не будем упражняться в любви, то не

получим никакой пользы от чудотворений. Помышляя о всем этом, поревнуем тому, через что апостолы соделались великими. А хочешь ли знать, через что они соделались великими? Послушай Петра, говорящего: *се мы оставихом вся, и вслед Тебе идохом; что убо будет нам?* (Мф. XIX, 27). Послушай также и Христа, отвечающего ученикам: *сядете на двоюнадесяти престолу. И всяк, иже оставит дом, или братию, или отца, или матерь, сторицею приимет в веце сем, и живот вечный наследит* (ст. 28, 29). Итак, удалив от себя все житейские попечения, посвятим себя Христу, чтобы нам и соделаться равными апостолам по определению Его, и сподобиться вечной жизни, которую да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVII

Сия вся глагола Иисус в притчах народом, и без притчи ничесоже глаголаше к ним. Яко да сбудется реченное пророком, глаголющим: отверзу в притчах уста Моя, отрыгну сокровенная от сложения мира (Мф. XIII, 34, 35).

1. Евангелист Марк говорит, что Христос проповедовал им слово в притчах, *якоже можаху слышати* (Мк. IV, 33). Но Евангелист Матфей, чтобы показать, что проповедовать в притчах не есть что-либо новое, приводит пророка, которым предсказан этот способ учения, и вместе, чтобы открыть нам намерение Христово, с каким Он беседовал в притчах, именно – не то, чтобы оставить слушателей в неведении, но то, чтобы возбудить их к вопросам, – присовокупляет: и *без притчи ничесоже глаголаше к ним.* Хотя Христос о многом говорил без притчи, но в настоящем случае без притчи

Он ничего не говорил. И однако же никто не вопрошал Его, — хотя часто вопрошали пророков, как-то, Иезекииля и многих других. Теперь не предложили ему ни одного вопроса, хотя сказанного достаточно было к тому, чтобы озаботить слушателей и побудить к вопросам. Даже угроза величайшим наказанием, высказанная в притчах, не произвела на слушателей никакого впечатления. Вот почему Господь оставил их и ушел. *Тогда,* говорит Евангелист, *оставль народы, прииде в дом* свой *Иисус* (ст. 36). И ни один из книжников не следует за Ним. Отсюда видно, что они следовали за Христом единственно с намерением уловить Его в слове. Но так как теперь они не понимали того, что было говорено, то Господь оставил их. И приступают ученики Его с вопросом о притче плевел (ст. 36). Доселе хотя они и желали узнать, но боялись спрашивать. Откуда же теперь явилась у них смелость? Они слышали: *яко вам дано есть разумети тайны царствия небеснаго* (Мф. XIII, 11), и осмелились. Потому и спрашивают наедине, не из зависти к народу, но исполняя закон Владыки, Который сказал: *онем же не дано есть.* Но почему, оставив притчу о закваске и о горчичном семени, они спрашивают именно о притче плевел? Те притчи оставлены ими, как вразумительнейшие. Изъяснение же этой притчи желают слышать потому, что она имеет близкое отношение к сказанной перед нею, причем намекает на нечто большее, чем прежняя (Христос не сказал бы одной и той же притчи дважды). Они видели уже, что в последней притче заключается великая угроза. Потому и Господь не только не укоряет их, но и пополняет сказанное прежде. И о чем неоднократно замечал я, что притчей не должно принимать буквально, — иначе можно прийти ко многим несообразностям, — тому же самому и Господь научает теперь нас, в изъяснении притчи отступая от буквы. Он не говорит, кто таковы при-

шедшие к господину рабы. Но давая разуметь, что они введены только для сообразности и полноты изображения, опускает эту часть притчи, и изъясняет только нужнейшее и самое существенное — то самое, для чего притча произнесена, — дабы показать, именно, что Он есть Судья и Господь вселенной. *И отвещав*, говорит Евангелист, *рече им: сеявый доброе семя, есть Сын человеческий. А село есть мир; доброе аже семя, сии суть сынове царствия, а плевелы сынове неприязненнии. А враг, всеявый их, есть диавол, а жатва, кончина века есть; а жатели, ангели суть. Яко убо собирают плевелы, и огнем сожигают, тако будет в скончание века сего. Послет Сын человеческий ангелы Своя, и соберут от царствия Его вся соблазны, и творящих беззаконие. И ввергут их в печь огненну, ту будет плач и скрежет зубом. Тогда праведницы просветятся яко солнце, в царствш Отца их* (ст. 37–43). Итак, если сам Он есть Сеятель, сеет на собственном поле и со Своего царства собирает, то ясно, что настоящий мир Ему принадлежит. Размысли же, как неизреченно Его человеколюбие, как Он готов благотворить и как далек от того, чтобы наказывать! Когда сеет, то сеет сам; когда же наказывает, то наказывает через других, именно через ангелов. *Тогда праведницы просветятся яко солнце, в царствии, Отца их.* Это не значит, что они будут светиться, точно как солнце. Но так как мы не знаем другого светила, которое было бы блистательнее солнца, то Господь употребляет образы для нас известные. В других местах Христос говорит, что жатва уже наступила; так, например, когда говорит о самарянах: *возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже* (Ин. IV, 35). И еще: *жатва убо многа, делателей же мало* (Лк. X, 2). Итак, почему же сказал Он там, что жатва уже наступила, а здесь говорит, что жатва еще будет? Потому, что слово *жатва* берет в разных значениях. Почему также, сказавши в другом месте: *ин есть*

сеяй, и ин есть жняй (Ин. IV, 37), здесь говорит, что сеющий есть сам Он? Потому что там, говоря перед иудеями и самарянами, противополагает апостолов не Себе, но пророкам, так как Он сеял и через пророков. Точно так же иногда одно и то же Он называет и жатвой, и сеянием, принимая эти слова в разных отношениях.

2. Когда Он разумеет благопокорность и послушливость слушателей, тогда, как окончивший свое дело, называет это жатвой. Когда же ожидает еще только плода от слышания, тогда именует это сеянием, а кончину – жатвой. А как в другом месте сказано, что праведники восхищены будут первые (1 Сол. IV, 16). Точно, они первые восхищены будут в пришествие Христово. Но сперва грешные преданы будут наказанию, а потом уже праведные внидут в царство небесное. Праведникам точно надлежит быть на небе, и Господь придет на землю, будет судить всех людей, произнесет над ними приговор; потом, подобно некоему царю, восставши со Своими друзьями, поведет их в блаженное наследие. Видишь ли, что наказание будет сугубое: должны будут гореть – и видеть себя отчужденными от славы? Но для чего же наконец, когда народ разошелся, и с апостолами Христос беседует в притчах? Для того, что они, будучи вразумлены сказанным прежде, могли уже понимать притчи. Потому-то, когда по произнесении притчей Он спрашивает их: *разумеете ли сия вся?* они отвечают: *ей, Господи* (Мф. XIII, 51)! Таким образом притча, кроме прочего, произвела и то, что апостолов соделала проницательными. Что же Господь говорит далее? *Подобно есть царствие небесное сокровищу сокровену на селе, еже обрет человек скры: и от радости его вся, елика имать, продает, и купует село то. Паки подобно есть царствие небесное человеку купцу, шщущу добрых бисерей, иже обрет един многоценен бисер, шед продаде вся, елика имяше и*

купи его (ст. 44–46). Как выше горчичное зерно и закваска имеют малую разность между собой, так и здесь сходны две притчи о сокровище и о бисере. Обеими этими притчами показывается то, что проповедь должно всему предпочитать. В притчах о закваске и о горчичном зерне говорится о могуществе проповеди и о том, что она совершенно победит вселенную. Настоящие же притчи показывают важность и многоценность проповеди. Подлинно она расширяется подобно горчичному дереву, превозмогает, подобно закваске, многоценна как бисер и доставляет бесчисленные удобства, подобно сокровищу.

Отсюда мы научаемся тому, что надобно не только прилежать к проповеди, отрешившись от всего прочего, но что даже должно это делать с радостью. И отрекающийся от своего имения должен знать, что это есть приобретение, а не потеря. Видишь ли, и как проповедь сокрыта в мире, и сколько в проповеди сокрыто благ? Если не продашь всего, то не купишь; и если не имеешь ищущей и заботливой души, то не найдешь. Итак, для тебя необходимо, во-первых, отказаться от житейских попечений, и во-вторых, быть весьма бдительным. Сказано: *ищущу добрых бисерей, иже обрет един многоценен бисер, продаде вся и купи его.* Одна есть истина, – и она не многосложна. Как обладающий бисером сам знает, что он богат, но для других часто бывает неизвестно, что у него в руках бисер, потому что он невелик, – так можно сказать и о проповеди: обладающие ею знают, что они богаты, но неверующие, не понимая цены этого сокровища, не знают о нашем богатстве. Но чтобы мы не слишком полагались на одну проповедь, и чтобы не подумали, что одной веры достаточно нам ко спасению, Господь произносит новую грозную притчу. Какую же именно? Притчу о неводе. *Подобно есть царствие небесное неводу, ввержену в море, и от*

всякаго рода собравшу. Иже егда исполнися, извлекоша и на край, и седше избраша добрыя в сосуды и злыя извергоша вон (ст. 47, 48). Чем различается эта притча от притчи о плевелах? И там одни спасаются, а другие погибают. Но там одни погибают от принятия вредных учений, а другие, о которых сказано выше, от невнимания к слову (Божию); здесь же причиной погибели бывает порочная жизнь. Так погибающие всех несчастнее: они и познание приобрели, и уловлены были, но при всем том не могли спастись. В других местах говорится, что отделяет сам Пастырь; здесь же приписываться это ангелам, как и в притче о плевелах. Что же это значит? То, что Господь беседует с учениками иногда менее, а иногда более возвышенно. И эту притчу изъясняет Он не по просьбе учеников, а по собственному изволению; притом истолковал одну часть ее, и тем увеличил страх. Чтобы ты, слыша, что злых извергли только вон, не почел такой гибели еще не опасною, Христос в изъяснении указывает образ наказания, говоря, что *ввергнут в печь*, где будет скрежет зубов и несказанное мучение. Видишь ли, сколько путей к погибели? Камень, терния, путь, плевелы, невод. Итак, не напрасно сказано, что *широкий есть путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им* (Мф. VII, 13). После того Господь, заключив речь Свою угрозою и присовокупив многое тому подобное (потому что Он особенно занялся этим предметом), спрашивает апостолов: *разумеете ли сия вся? Глаголаша ему: ей, Господи* (ст. 51)! И за такую понятливость снова восхваляет их, говоря: *сего ради всяк книжник, научився царствию небесному, подобен есть человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая* (ст. 52). Подобно этому сказал Он и в другом месте: *послю к вам премудры и книжники* (Мф. XXIII, 34).

3. Видишь ли, что Христос не исключает Ветхий Завет, но хвалит и превозносит, называя его сокрови-

щем? Итак, несведующие в Божественных Писаниях не могут быть названы людьми домовитыми: они и сами у себя ничего не имеют, и от других не заимствуются, но, томясь голодом, нерадят о себе. Впрочем, не они только, но и еретики лишены этого блаженства, потому что из сокровища своего не выносят ни старого, ни нового. У них даже нет старого, а потому нет и нового. Равно не имеющие нового не имеют и старого, но лишены и того, и другого, потому что новое и старое соединено и связано между собой. Итак, все мы, нерадящие о чтении Писаний, послушаем, какой терпим от этого вред и какую скудность. В самом деле, когда мы приведем в благоустройство дела свои, если не знаем тех самых законов, по которым должно приводить их в благоустройство? Богачи, влюбленные до безумия в богатство, часто выколачивают свои одежды, чтобы их не подъела моль. А ты, видя в себе забвение, губительнее моли, повреждающее твою душу, не прибегаешь к Писанию, не истребляешь в себе язвы, не украшаешь своей души, не вглядываешься пристально в образ добродетели, не рассматриваешь членов и ее главы. И действительно, добродетель имеет и главу, и члены, благолепнейшие всякого стройного и красивого тела. Что такое, спросишь, глава добродетели? Смиренномудрие. Потому и Христос начинает со смиренномудрия, говоря: *блажени нищии* (Мф. V, 3). Вот глава добродетели! Она не имеет ни волос, ни кудрей, но так прекрасна, что привлекает самого Бога. *На кого воззрю,* говорит Он, *токмо на кроткаго и* смиренного, *и трепещущаго словес Моих* (Ис. LXVI, 2)?

И еще: очи *Мои на* кроткие *земли* (Пс. LXXV, 10; С, 6). И еще: *близ Господь сокрушенных сердцем* (Пс. XXXIII, 19). Глава эта, вместо волос и косы, приносит жертвы благоприятные Богу: Она — золотой жертвенник и духовный алтарь. *Жертва Богу дух сокрушен* (Пс. L, 19).

Она – матерь премудрости. Кто ее имеет, тот и все прочее иметь будет. Итак, видишь ли главу, какой ты никогда еще не видывал? Хочешь ли видеть, или лучше, узнать и лицо добродетели? Всмотрись же сперва в его румяный, красивый и весьма приятный цвет, а потом узнай, от чего последний происходит. Отчего же именно? От того, что добродетель стыдлива и всегда краснеет. Потому и сказал некто: *прежде стыдливаго предваряет благодать* (Сир. XXXII, 12). Это сообщает большую красоту и всем прочим членам. И хотя бы ты смешал тысячи цветов, все не произведешь такой лепоты. Если хочешь видеть и глаза добродетели, то посмотри: они тщательно очертаны скромностью и целомудрием. Оттого то они так прекрасны и проницательны, что видят самого Господа. *Блажени чистии сердцем,* говорит Он, *яко тии Бога узрят* (Мф. V, 8). Уста же добродетели суть премудрость, и разум, и знание духовных песнопений. Сердце ее есть глубокое ведение Писаний, соблюдение истинных догматов, человеколюбие и добродушие. И как без сердца невозможно жить, так без исчисленного теперь невозможно спастись. Отсюда рождается все доброе. У добродетели есть также свои руки и ноги – явление добрых дел. Есть у нее и душа – благочестие. Есть у нее золотая и тверже адаманта грудь – мужество. Легче все одолеть, чем сокрушить эту грудь. Наконец дух, пребывающий в мозгу и в сердце – любовь.

4. Хочешь ли, покажу тебе образ добродетели и в самих делах? Представь этого самого Евангелиста (Матфея). Хотя мы и не имеем полного описания жизни его, однако и в немногом можно видеть блистательное его изображение. Что он был смирен и сокрушен сердцем, о том слышишь от него самого, когда он в Евангелии называет себя мытарем. Что он был милостив, заключай из того, что отвергся всего и последовал за Иисусом. Что он был благочестив, это явно из учения его.

И по написанному им Евангелию нетрудно также судить о разуме его и о любви, потому что трудился для целого мира. Доказательством добрых дел его служит престол, на котором он имеет воссесть. Мужество же видно из того, что от лица синедриона он возвратился, радуясь. Итак, поревнуем такой добродетели, особенно же смиренномудрию и милостыне, без которых невозможно спастись. Доказательство тому – пять дев, равно как и фарисей. Без девства можно видеть царствие; а без милостыни никакой нет к тому возможности. Милостыня всего нужнее, в ней все заключается. Потому-то мы не без причины назвали ее сердцем добродетели. Но и самое сердце скоро умирает, если не сообщает всему духа; – подобно как загнивает источник, если нет из него постоянного стока. То же случается и с богатыми, когда они удерживают у себя свое имущество. Потому-то вошло и в общую поговорку: много добра гниет у такого-то; напротив не говорим, что у него большее изобилие, несметное сокровище. И обладающие богатством, и самое богатство подвержены гниению. Одежды лежа ветшают, золото ржавеет, пшеницу изъедают черви. Душа же обладающего всем этим больше всего ржавеет и сгнивает от забот. И если хочешь вывести на позор еще душу сребролюбца, то найдешь, что она, подобно одежде, которая изъедена тысячами червей, и на которой не осталось целого места, вся также источена заботами, сгнила и проржавела от грехов. Не такова душа убогого, убогого произвольно. Она сияет как золото, блестит как жемчужина, цветет как роза. К ней не прикасается ни моль, ни вор, ни попечение житейское. Точно как ангелы живут убогие. Хочешь ли видеть красоту такой души? Хочешь ли узнать богатство нищеты? Душа убогого не повелевает мужами, но повелевает демонами; не предстоит царю, но предстала Богу; не воинствует с человеками, но воинствует с ангелами; не

имеет одного, двух, трех, двадцати сундуков, но имеет такое изобилие, что целый мир вменяет ни во что. Она не имеет сокровища, но имеет небо; не нуждается в рабах, — напротив, ей раболепствуют помыслы, обладающие царями. Помысл, владеющий облеченным в багряницу, до такой степени боится бедняка, что не смеет поднять и глаз своих. Произвольно убогий и над царским венцом, и над золотом, и над всем тому подобным смеется, как над детскими игрушками. Все это кажется ему столь же презренным, как и колесца, и кости, и камешки, и мячи. Он имеет такое украшение, которого не могут даже видеть забавляющиеся этими игрушками. Итак, что же лучше этого убогого? Ему подножием служит небо; а если таково подножие, то сам рассуди, что ему служит покровом. Скажешь, что нет у него коней и колесниц? Но ему какая в том нужда, когда он имеет шествовать на облаках и быть со Христом? Итак, размыслив об этом, и мужи и жены, взыщем этого богатства, этого неиждиваемого имущества, да сподобимся получить царствие небесное по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLVIII

И бысть, егда сконча Иисус причти сия, прейде оттуду (Мф. XIII, 53)

1. Для чего присовокуплено: *сия?* Для того, что Господь намеревался сказать еще другие притчи. А для чего переходит Он на другое место? Для того, что хочет сеять слово повсюду. *И пришед в отечествие Свое, учаше их на сонмищи их* (ст. 54). Какое же отечество Христа разумеет здесь Евангелист? Думаю, что Назарет, — потому что сказано: не *сотвори ту сил многих* (ст. 58). В Капер-

науме же Господь творил чудеса, почему и сказал: *и ты Капернауме, иже до небес вознесыйся, до ада снидеши; зане аще в Содомех быша силы были бывшия в тебе, пребыли убо быша до днешняго дне* (Мф. XI, 23). Но пришедши в Назарет, Христос оставляет чудеса, чтобы не возжечь в иудеях большей зависти, и чтобы не осудить строже за умножившееся неверие, и взамен того предлагает учение, не менее чудес чудное. Но люди до крайности бессмысленные, когда надлежало дивиться и изумляться силе слов Христовых, вместо того, унижают Христа по мнимом отце Его; – хотя в прежние времена много имели тому примеров, что у незнатных родителей бывали знаменитые дети. Так Давид был сыном одного незначительного земледельца – Иесея; а Амос, родившись от пастуха коз, и сам был также пастухом коз; и у Моисея законодателя отец был гораздо его ниже. Следовательно, и перед Христом должно было благоговеть и прийти в изумление потому наиболее, что, имея таких родителей, говорил необычайное. Это ясно показывало в Нем не человеческое обучение, но божественную благодать. Но за что надлежало удивляться, за то презирают. Между тем Господь постоянно ходит в синагоги, чтобы за всегдашнее пребывание в пустыне не стали еще расславлять о Нем, как о раскольнике и враге общества. Итак, дивясь и недоумевая, иудеи говорили: *откуду Сему премудрость сия и силы* (ст. 54)? – называя силами или чудеса, или самую премудрость. *Не сей ли есть тектонов сын* (ст. 55)? В этом-то и величие чуда; это-то особенно и изумительно. *Не мати ли Его нарицается Мария? И братия Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда? И сестры Его не вся ли в нас суть? Откуду Сему сия? И блазняхуся о Нем* (ст. 56, 57, 58).

Примечаешь ли, что Господь беседовал в Назарете? Не братья ли Ему тот и тот? говорили там. Так что же? Это-то самое и должно было особенно обратить вас

к вере. Но зависть лукава и часто противоречит сама себе. Что было и странно, и чудно, и достаточно к тому, чтобы привлечь их, — то самое их соблазняло. Что же сказал им Христос? *Несть*, говорит Он, *пророк без чести, токмо во отечествии своем, и в дому своем* (ст. 57). *И не сотвори*, — присовокупляет Евангелист, — *сил многих за неверствие их* (ст. 58). Евангелист же Лука сказал: и не сотворил там многих знамений, хотя следовало сотворить. В самом деле, если удивление к Нему возрастало (даже и тогда дивились уже), то почему бы не сотворить чудес? Но целью Его было не Себя показать, а им доставить пользу. А так как в последнем не было успеха, то Спаситель пренебрег и то, что касалось до Него самого, чтобы не увеличить их наказания. Смотри же: хотя Он пришел к ним после долговременного отсутствия и показавши множество знамений, но они и теперь не потерпели Его, а снова распалились ненавистью. Но для чего же Он сотворил немногие чудеса? Для того, чтоб не сказали: *врачу, исцелися сам* (Лк. IV, 23); не сказали: Он наш противник и враг, презирает Своих; не сказали: если бы чудеса были, и мы бы уверовали. Вот почему Он и сотворил чудеса, и удержался от чудес: сотворил, чтоб исполнить Свое дело; удержался, чтоб не подвергнуть их большему осуждению. Вникни же в силу сказанного: обладаемые ненавистью вместе и дивились. Но как, судя о делах Христовых, не охуждают самих дел, но вымышляют небывалые вины, говоря: о *Веельзевуле изгонит бесы* (Мф. XII, 34; Лк. XI, 15), так и здесь, судя об учении, не осуждают его, но прибегают к низости рода. А ты заметь снисходительность Учителя, как Он не упрекает их, но с большой кротостью сказал: *несть пророк без чести, токмо во отечествии своем*, и даже на этом не остановился, но присовокупил: *и в дому своем*. Присовокупил же это, как думаю, разумея братьев Своих.

2. У Евангелиста Луки Господь представляет тому и примеры, говоря, что Илия приходил не к своим, но к иноземной вдовице, и что Елиссеем исцелен от проказы не другой кто, а иноземец Нееман (Лк. IV, 25–27). Израильтяне и благодеяний не получили, и сами добра не делали; а облагодетельствованы и благодетельствовали чужие. Говорит же это Христос, чтобы показать злой их нрав, и то, что обращение с Ним не есть что-либо новое. *В то время услыша Ирод четвертовластник слух Иисусов* (Мф. XIV, 1). Царь Ирод, отец упоминаемого и избивший младенцев, тогда уже умер. Евангелист не без намерения означает время, но чтобы ты увидел суетность и небрежность государя, который о делах Христовых узнает не вначале, но по прошествии немалого времени. Так-то люди, облеченные властью и величием, мало уважая такие вещи, поздно узнают о них. Но ты познай могущество добродетели: Ирод боится и умершего Иоанна; даже от страха любомудрствует о воскресении. *И рече,* говорит Евангелист, *отроком своим: сей есть Иоанн,* которого я умертвил; он воскрес из мертвых, *и сего ради силы деются о нем* (ст. 2). Видишь ли, как силен у него страх? Он не смеет и теперь сказать это всенародно, а говорит только своим придворным. Впрочем, самая догадка груба и нелепа. Хотя многие воскресали из мертвых, но ни один не творил таких чудес. Мне кажется, что сказанное Иродом внушено и честолюбием, и страхом. Действительно, душа, не управляемая разумом, часто вмещает в себе смесь противоположных страстей. Так, по сказанию Евангелиста Луки, в народе о Христе говорили: это Илия, или: Иеремия, или: один из древних пророков (Лк. IX, 8); а Ирод, как бы говоря рассудительнее прочих, называл Его Иоанном. Вероятно же, когда прежде другие признавали Его Иоанном, — так как и это говорили многие, — тогда с самохвальством и кичливостью Ирод

отвергал такую молву, говоря: я умертвил Иоанна. Марк и Лука приписывают Ироду слова: *Иоанна аз усекнух* (Мк. VI, 16; Лк. XI, 9). Но когда слухи усилились, то Ирод уже начинает говорить одно с народом. Далее Евангелист рассказывает и нам самое происшествие. Почему же не описал его прежде? Потому что единственным намерением евангелистов было говорить о делах Христовых, и они ничего не говорили лишнего и постороннего, кроме того, что могло содействовать их главной цели. Потому и теперь они не упомянули бы о происшествии, если бы оно не касалось Христа, и Ирод не сказал, что Иоанн воскрес. Евангелист Марк замечает, что Ирод весьма уважал Иоанна, хотя и был им обличаем (Мк. VI, 20). Таково могущество добродетели! Евангелист же Матфей так продолжает повествование: *Ирод бо емъ Иоанна, связа его и всади в темницу, Иродиады ради, жены Филиппа брата своего. Глаголаше бо ему Иоанн: не достоит ти имети ея. И хотящь его убити, убояся народа, зане яко пророка его имеяху* (Мф. XIV, 3–5). Почему же Иоанн говорит не с Иродиадой, а с Иродом? Потому что Ирод имел больше власти. Заметь же, как легко Евангелист обвиняет Ирода, пересказывая дело, как простой повествователь, а не как обвинитель. *Дни же бывшу рождества Иродова, пляса дщи Иродиадина посреде, и угоди Иродови* (ст. 6). О диавольское пиршество! О сатанинское позорище! О беззаконная пляска, и награда самой пляски беззаконнейшая! Дерзнули на убийство, все убийства злодеянием превосходящее! Достойный венца и величаний перед глазами всех заклан, и победное знамение бесов на трапезе поставлено! Самый образ победы достоин события. *Пляса,* говорит Евангелист, *дщи Иродиадина посреде, и угоди Иродови. Темже и с клятвой изрече ей дати, егоже аще воспросит. Она же, наваждена материю своею, даждь ми, рече, зде на блюде главу Иоанна Крестителя* (ст. 7, 8). Двойное преступление, —

и потому что плясала, и потому что угодила, и угодила так, что в награду совершается убийство. Видишь ли, как бесчеловечен, как нечувствителен, как бессмыслен Ирод? Себя связывает клятвой, и девице дает полную власть просить. Когда же увидел зло, какое из того вышло, *печален бысть* (ст. 9), говорит Евангелист, – хотя сначала сам связал Иоанна. Почему же печалится? Такова добродетель! И у порочных людей она достойна удивления и похвал. Каково же неистовство Иродиады! Ей надлежало удивляться Иоанну, надлежало благоговеть перед ним, потому что защищал ее от позора; а она замышляет о смерти его, расставляет сети, просит сатанинского дара. Ирод же убоялся, говорит Евангелист, *клятвы ради, и за возлежащих с ним* (ст. 9). Но как же ты не убоялся поступка бесчеловейшего? Если ты боялся иметь свидетелей клятвопреступления, то гораздо больше надлежало тебе страшиться иметь стольких свидетелей такого беззаконного убийства.

3. Но так как, думаю, многие не знают силы того обвинения, из-за которого произошло убийство, то считаю нужным объяснить это, чтобы вы ясно увидели мудрость Законодателя. Какой же это был древний закон, нарушенный Иродом и сильно поддерживаемый Иоанном? Тот, что жена умирающего бездетным должна была выходить за брата его (Втор. XXV, 5). Так как смерть была неотвратимое зло, а Законодатель во всем промышлял о жизни, то поставлено законом остающемуся в живых брату вступать в брак с женой умершего, и по имени его называть родившегося младенца, чтобы род умершего не прекращался. Если кто умирает без надежды оставить после себя детей, – без этого величайшего утешения в смерти, – то скорбь о кончине его ничем не может быть утолена. Вот почему для тех, кого природа лишила детей, Законодатель придумал средство к утешению и повелел, чтобы младенец, рожден-

ный после покойника, считался его собственным. Когда же после умершего оставались дети, указанный брак не был допускаем. Но почему же? спросишь: если постороннему он был позволителен, то не гораздо ли больше брату? Ни мало. Законодатель желал, чтобы родство распространялось, и больше было поводов к установлению близких отношений между людьми. Почему и с женой умирающего бездетным не вступал в брак посторонний? Потому, что в таком случае младенец не считался бы принадлежащим покойнику. А теперь, так как младенец рождался от брата, самый подлог делался неприметным. Притом посторонний вовсе не имел и нужды восстановлять дом умершего; а брат своим родством приобретал на то право. Но поелику Ирод вступил в брак с женой брата, у которой была дочь, то Иоанн обличает его за это, и обличает со всею пристойностью, при дерзновении показывая и снисхождение. Но смотри, каким сатанинским делом было все это позорище. Во-первых, оно состоялось через пьянство и сластолюбие, откуда ничего не происходит доброго. Во-вторых, зрители были люди развратные; а дающий пиршество всех беззаконнее. В-третьих, забава была безумная. В-четвертых, девица, через которую брак делался противозаконным, и которой надлежало скрываться от света по причине позора своей матери, пышно является в собрании и, отложив девический стыд, затмевает собой всех блудниц. И самое время немало служит к осуждению этого беззакония. Тогда как Ироду надлежало благодарить Бога за то, что в этот день произвел его на свет, он отваживается в это время на такие беззакония. Когда надлежало освободить связанного, тогда он к узам присоединяет убийство. Да обратят на это внимание те из девиц, а еще более — из замужних женщин, которые на чужих браках не отказываются вести себя неприлично, скакать, плясать и срамить

свой пол. Да обратят также внимание те из мужчин, которые любят роскошные и сопровождаемые пьянством пиршества. Да убоятся они бездны, изрытой диаволом. И несчастным Иродом так сильно овладел тогда диавол, что он клянется отдать даже половину царства. Об этом так говорит Евангелист Марк: *клятся ей, яко егоже аще попросиши у мене, дам ти и до полцарствия моего* (Мк. VI, 23). Так высоко ценил Ирод свою царскую власть, так отдался в плен страсти, что уступает царство за пляску. И чему дивиться, если так случилось с Иродом, когда и ныне, при высоте любомудрия, много таких изнеженных юношей, которые за пляску отдают свои души, даже и не обязываясь к тому клятвой? Предавшись в плен удовольствиям, они, подобно бессловесным, ведутся, куда влечет их волк. Тому же самому подвергся тогда и безумец Ирод, безрассудно совершивший два постыднейшие дела: то, что дал волю женщине столь неистовой, упоенной страстью и ни в чем себе не отказывающей; и то, что связал себя клятвой. Но как ни беззаконно поступил он, жена была всех беззаконнее — и девицы, и царя. Она-то была изобретательницей всех зол, она устроила все дело, хотя ей больше всего надлежало благодарить пророка. И дочь из повиновения ей бесчинствовала, плясала, просила об убийстве, и Ирод ею же уловлен был в сети. Видишь ли, как справедливо сказал Христос: *иже любит отца или матерь, паче, Мене, несть Мене достоин* (Мф. X, 37)? Если бы дочь Иродиадина соблюла этот закон, то не преступила бы многих законов, не совершила бы этого гнусного убийства. В самом деле, что может быть хуже такого зверства — просить в знак благодарности убийства, просить убийства беззаконного, просить убийства среди пиршества, просить убийства бесстыдно и при народе? Не наедине приходит она и предлагает просьбу. Нет, она говорит ее при собрании, сбросив с себя личину, со-

вершенно откровенно, взяв диавола в помощники. И конечно, диавол сделал то, что она и угодила тогда пляской и пленила Ирода. Подлинно, где пляска, там и диавол. Не для того Бог дал нам ноги; чтобы бесчинствовать, но для того, чтобы ходить чинно; не для того, чтобы прыгать, подобно верблюдам (и они, а не только женщины, отвратительны, когда пляшут), но для того, чтобы ликовать с ангелами. Если тело делается безобразным при таких бесчинствах, то не гораздо ли больше душа? Так пляшут бесы, так обольщают служители бесов!

4. Вникни же в самую просьбу: *даждь ми зде, на блюде, главу Иоанна Крестителя.* Видишь ли, как она потеряла весь стыд, как вся предалась диаволу? И о достоинстве помнит, и того, однако ж, не стыдится; но, будто говоря о каком-нибудь кушаньи, просит принести на блюде эту священную и блаженную главу! Даже не указывает и причину (почему просит), — так как никакой не имела; но просто изъявляет желание, чтобы в уважение ей было сделано зло другому. Не сказала: приведи его сюда и умертви, потому что не вынесла бы дерзновения, готовящегося к смерти Иоанна: она боялась услышать грозный голос умерщвляемого, — ведь Иоанн не умолчал бы и перед усечением. Потому и говорит: *даждь ми зде, на блюде.* Хочу видеть этот язык молчащим. Она не только желала освободиться от обличений, но наступить на лежащего и насмеяться над ним. И Бог потерпел это, не послал молнии свыше и не попалил бесстыдного лица; не повелел расступиться земле и поглотить злое это сонмище, чтобы и праведника увенчать больше, и тем, которые впредь будут терпеть неправду, доставить обильное утешение. Итак, пусть выслушают это те из нас, которые, живя добродетельно, терпят насилие от злых людей. И тогда Бог потерпел, чтобы живший в пустыне, ходивший в кожаном поясе, в воло-

сяной одежде, пророк, — даже больше пророка, — тот, перед кем нет большего из рожденных женами, был умерщвлен, умерщвлен бесстыдной девой и развратной блудницей, умерщвлен за то, что защищал божественные законы. Помышляя об этом, будем мужественно переносить все, что ни случится нам терпеть. Вот и тогда эта гнусная убийца и преступница, как только хотела отомстить огорчившему ее, так и могла сделать; излила весь свой гнев, — и Бог попускал то. Хотя Иоанн ничего не говорил ей самой, ни в чем не обличал ее, а винил одного мужа, однако совесть была строгим обличителем. Мучимая и угрызаемая ею Иродиада неистово порывалась на большее зло, всех вместе влекла в позор: и себя, и дочь, и умершего мужа, и живого прелюбодея, — стараясь превзойти прежние свои преступления. Если для тебя прискорбно, говорила она, что Ирод прелюбодействует, то я сделаю его и убийцею: заставлю умертвить обвинителя.

Выслушайте это вы, которые через меру пристращаетесь к женщинам! Выслушайте вы, которые клянетесь, не зная в чем, — делаете других властелинами вашей гибели, и сами себе роете яму! И Ирод погиб так же. Конечно, он думал, что дочь Иродиады попросит себе чего-нибудь приличного пиршеству, и именно, как девица, в торжественный день среди общего веселия при собрании, станет просить какого-нибудь блестящего и изящного подарка, а не попросит головы. Но обманулся. И однако все это не извиняет его. Пусть Иродиада имела сердце, свойственное только борцу со зверями; но ему не следовало даваться в обман и рабски служить тиранским повелениям. И, во-первых, кто бы не ужаснулся, видя священную главу Крестителя, лежащую в крови среди пира? Но не ужаснулся беззаконный Ирод, не ужаснулась и женщина, преступнее Ирода. Таковы распутные женщины: они всех бывают бесстыднее и

свирепее! Если мы, слыша о том, приходим в ужас, то какое зрелище должны были тогда вынести взоры? Что должны были чувствовать присутствовавшие на пире, когда среди общего веселия увидели кровь, каплющую с главы, только что усеченной? Но эта кровопийца, самих фурий лютейшая, нимало не смутилась при таком зрелище, а еще и услаждалась им. Если уже не могло подействовать ничто другое, то при одном взгляде надлежало ей прийти в оцепенение. Но и это не подействовало на гнусную убийцу, жаждущую крови пророческой. Таков блуд: не только делает наглецами, но и гнусными убийцами! Предавшаяся распутству близка к тому, чтобы покуситься на жизнь оскорбленного ею супруга, готова даже отважиться не на одно или два, но на тысячи убийств. Много есть примеров таких злодеяний. Конечно и Иродиада так поступила тогда в надежде, наконец, предать забвению и свое преступление. Но вышло совершенно наоборот: после этого Иоанн начал вопить еще громче.

5. Но человек в злобе смотрит только на настоящее, и подобен одержимому горячкой, который безвременно просит холодного. Если бы Иродиада не умертвила обличителя, то не обнаружилось бы в такой мере преступление. Ученики Христовы ничего не говорили о том, что Ирод ввергнул Иоанна в темницу. Но когда убил его, тогда принуждены были объявить и причину. Они хотели прикрыть блудницу, и не желали обнаруживать худых дел ближнего; но когда доведены были до необходимости изложить происшествие, тогда рассказывают все преступление. И чтобы не стал кто подозревать, что причиной умерщвления было нечто худое, как в истории Февды и Иуды (Деян. V, 36, 37), оказались вынужденными объявить и повод к убийству. Итак, чем более хочешь утаить грех, по примеру Иродиады, тем более обнаруживаешь его. Грех покрывается не при-

совокуплением греха, но покаянием и исповедью. Смотри же, с каким беспристрастием Евангелист повествует о всем, и даже, что только мог, приводит в оправдание. Относительно Ирода говорит, что он совершил преступление *клятвы ради, и за возлежащих с ним,* и что *печален бысть;* а о девице замечает, что она подучена была матерью и что отнесла главу матери, как бы желая тем сказать, что дочь исполняла приказ материн. Так все праведники болезнуют не о терпящих, но о делающих зло, – потому что делающие зло в большей мере и терпят его. И теперь не Иоанну сделано зло; а подверглись ему те, которые довели его до смерти. Будем и мы подражать праведникам, и не только остережемся осмеивать грехи ближних, но постараемся по мере возможности даже прикрывать их. Научимся быть любомудрыми. Вот и Евангелист, говоря о распутной женщине и гнусной убийце, выразился, насколько лишь было возможно, безобидно. Не сказал он: *наваждена* кровожадной и преступной матерью, но просто: *материю,* – употребляя самое почтительное имя. А ты оскорбляешь и укоряешь ближнего, и когда бываешь в досаде, не хочешь так помянуть о брате как Евангелист о блуднице, но со всей лютостью, в несносных укоризнах называешь его злодеем, негодяем, лукавцем, безумцем и другими еще более оскорбительными именами. Мы еще более ожесточаемся, и злословя, укоряя, оскорбляя брата, говорим о нем как о чужеземце. Но не так поступают святые. Они больше плачут о согрешающих, чем проклинают их. Будем и мы поступать так же; будем плакать об Иродиаде и о подражающих ей! И ныне, ведь бывают подобные пиршества; и если не умерщвляется Иоанн, то умерщвляются члены Христовы, и еще с большей жестокостью. Пляшущие ныне не главу просят на блюде, но душу пирующих с ними. Порабощая их, вовлекая в беззаконные пожелания, и соблазняя блуд-

ницами, не главу усекают, но умерщвляют душу, потому что делают развратными, изнеженными блудниками. Не говори мне, что ты, когда, разгорячась вином и упившись, смотришь на пляску и слушаешь бесстыдные речи женщины, ничего к ней не чувствуешь и не влечешься к разврату, одолеваемый сладострастием. Напротив, ты терпишь ужасный вред, потому что члены Христовы делаешь членами блудницы. Если и нет перед тобой Иродиадиной дочери, то диавол, плясавший тогда в ней, и ныне управляет пляшущими, и ныне, похищая души пирующих, увлекает в плен. Если вы и без пьянства пробыть можете, то участвуете в другом грехе, жесточайшем. Таковые пиршества соединены со множеством грабительств. Не смотри, прошу тебя, на предложенные мяса и пироги, но рассуди, как все это собрано, и увидишь, что собрано обидами, лихоимством, насилием, грабительством. Но скажешь, что на ином пиршестве нет ничего такого. Пусть не будет, я и не желаю того. И все-таки роскошные ужины, если и не заслуживают таких упреков, не свободны от осуждения. Послушай, как, и помимо указанной причины, порицает их пророк, говоря следующее: горе вам, *пиющии процеженное вино, и первыми вонями мажущиися* (Ам. VI, 6)! Видишь ли, как осуждает и самую роскошь? Не лихоимство порицает он здесь, а одно только сластолюбие.

6. Ты насыщаешься без меры, а Христу недостает и нужного. Для тебя ничего не значат пироги, а у Него нет и черствого хлеба. Ты пьешь фазское вино, а Ему жаждущему не подашь и чаши студеной воды. Ты на мягком и убранном ложе, а Он цепенеет от холода. Вот почему твои ужины, хотя и чисты от лихоимства, все-таки нечисты от преступления, так как ты все делаешь сверх нужды, а Христу не даешь и нужного, и это несмотря на то, что роскошествуешь из Его же имуще-

ства. Если, сделавшись опекуном у сироты и взявши к себе его имущество, ты не поможешь ему в крайнем положении, то найдутся против тебя тысячи обвинителей, и будешь наказан по законам. А взявши имущество Христово и расточая так безрассудно, ужели думаешь не дать отчета? И это я говорю не о тех, которые приводят к себе за стол блудниц (о таких, как о псах, нет и слова), и не о тех, которые преданы лихоимству и поедают чужое (и с такими, как со свиньями и волками, у меня ничего нет общего), а говорю о тех, которые пользуются собственным имением и не уделяют из него другим, о тех, которые безрасчетно проживают отцовское наследие. И такой не свободен от порицания. И скажи мне, как избежишь ты порицания и осуждения, когда шут и комнатный пес у тебя пресыщаются, а Христос кажется тебе и их менее стоящим? Когда иной и за смехотворство берет много, а Христос за царствие небесное не получает и малой доли? Иной за то, что молвил острое слово, пошел от тебя с полными руками, а Христос, научивший нас тому, чего не зная, не различались бы мы от псов, не удостаивается такого дара. Не приходишь ли в ужас, слыша это? Так ужаснись самого дела. Прогони тунеядцев и сделай, чтобы Христос разделял с тобой трапезу. Если Он вкусит твоего хлеба и соли, то снисходителен будет к тебе на суде, потому что Он умеет помнить твой хлеб и соль. Если разбойники не забывают гостеприимства, то гораздо больше Владыка. Вспомни о той блуднице, которую Господь оправдал за трапезой, а Симона укоряет, говоря: *лобзания Ми не дал еси* (Лк. VII, 45). Если Господь питает тебя, когда ты и не исполняешь этого, то без сравнения вознаградить, когда исполнишь. Не смотри в нищем на то, что он неопрятен и гнусен видом, но представляй себе, что через него Христос входит к тебе в дом; удержись от жестокосердия и зло-

язычия, с каким всегда укоряешь приходящих, называя их притворщиками, ленивцами и другими еще обиднейшими именами. Рассуди, — когда произносишь такие слова, — какими делами занимаются твои тунеядцы? Какую пользу приносят они твоему дому? Верно, обед делают для тебя приятным? А чем это? Не тем ли, что ты бьешь их по щекам, а они говорят тебе всякий вздор? Но может ли быть что постыднее, как бить созданного по образу Божиему, и в обиде ему находить для себя забаву, и тебе, человеку благородному и свободному, обращать дом свой в театр, наполнять беседу свою скоморохами, подражать тому, что бывает в народных игрищах? Там тоже смех и побои. Итак, скажи мне: то ли называешь увеселением, что достойно многих слез, многого плача и сетования? Тебе следовало бы обратить их к порядочной жизни, следовало бы внушить им обязанности их, а ты вовлекаешь их в напрасные клятвы и в бесчинные речи, и даже называешь это забавой! За что ты должен ждать себе геенны, то считаешь предлогом к веселию. Ведь как скоро у них недостает острых слов, тогда все они вознаграждают божбой и напрасными клятвами. Смеха ли это достойно? Не плача ли и слез? И кто назовет это смешным, будучи в здравом уме?

7. Но говоря это, не запрещаю и таким людям давать пропитание; напитай, но по другому побуждению. Дай кусок, но из человеколюбия, а не по жестокосердию; с милостью, а не с обидой. Накорми потому, что он нищий; а не за то, что он говорит сатанинские речи и позорит свою жизнь. Накорми потому, что питаешь в нем Христа. Не смотри, что этот человек наружно смеется; но испытай совесть: тогда увидишь, что он тысячекратно клянет себя самого, стенает и скорбит. А если не показывает этого, то для тебя единственно. Итак, пусть лучше окружают тебя люди нищие и благо-

родно мыслящие; пусть они разделяют твою трапезу, а не клятвопреступники, не скоморохи. Если же хочешь потребовать у них и вознаграждения за пищу, прикажи им, когда увидят какой беспорядок, вразумлять тебя, подавать советы, помогать тебе в хлопотах о доме, в управлении слугами. Если имеешь детей, пусть и они будут отцами твоих детей, разделяют с тобой присмотр за ними; пусть приносят тебе прибыль, приятную Богу. Доставляй им случай к духовной купле. Если видишь нуждающихся в помощи, вели помочь, прикажи услужить; посредством их отыскивай странных, через них одевай нагих, через них посылай в темницу и разведывай чужие нужды. Вот какое вознаграждение пусть они дадут тебе за пищу, полезное и для тебя, и для них, не заслуживающее никакой укоризны. Через это и дружба связывается крепче. Теперь призренные тобой хотя и думают, что ты любишь их, но вместе стыдятся, как живущие у тебя даром. Исправляя же такие поручения, станут усерднее служить тебе, и для тебя будет приятнее кормить их, потому что истратишься не даром.

Они начнут обходиться с тобой смело и с надлежащей свободой, и дом твой вместо театра сделается церковью; диавол убежит, вселится же Христос и лик ангелов. Где Христос, там и ангелы; а где Христос и ангелы, там небо, там свет, светлейший этого солнечного света. Если хочешь приобрести от них иное утешение, то в досужее время вели им, взяв Писание, читать Божественный закон. Они охотнее будут тебе служить этим, нежели забавляя иначе, потому что это и тебя и их делает более почтенными, а другие забавы всех вместе позорят: тебя — как обидчика и упивающегося до забывчивости, а их — как бедняков и готовых на все из-за куска. Если кормишь, чтобы обидеть, то это жестокосерднее, чем если бы ты умертвил их.

А если кормишь для одолжения и для их выгоды, то поступок твой полезнее, чем если бы ты избавил ведомых на смерть. В первом случае унижаешь их перед самими слугами, так что слуги больше, чем они, имеют смелости и чисты совестью. В другом же случае, делаешь их равными ангелам. Итак, освободи и их, и себя; истреби имя тунеядцев, переименуй их в собеседников и, перестав звать льстецами, приветствуй как друзей. Для того дружба и установлена Богом — не ко вреду, но ко благу и пользе любимых и любящих. Но бесчестная дружба хуже всякой вражды. От врагов, если мы захотим, можем получить и пользу; а от таких друзей ничего не бывает, кроме одного лишь вреда. Не имей же друзьями учителей вреда, не имей таких друзей, которые больше любят (сытный) стол, нежели дружбу. Все такие друзья, как скоро прекратишь пиры, прекратят и дружбу. Кто соединен с тобой добродетелью, тот неотлучно при тебе пребывает, перенося всякий недостаток. А эти тунеядцы — такого свойства, что часто тебе мстят и навлекают на тебя худую славу. И я знаю многих людей благородных, которые через связи с ними заслужили о себе худое мнение. Одни оклеветаны в волшебстве, другие в прелюбодействе, а иные в деторастлении. Так как люди эти не имеют никакого занятия, а проводят жизнь в праздности, то многие подозревают, что они оказывают позорные услуги такого же рода. Итак, избавляя себя от худой славы, а особенно от будущей геенны, и делая угодное Богу, бросим этот диавольский обычай, чтобы, когда едим и пьем, творить все во славу Божию (1 Кор. X, 31), и сподобиться от Господа славы, которую да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XLIX

Слышав же Иисус, отиде оттуда в корабли в пусто место един: и слышавши народи, по Нем идоша пеши от всех градов (Мф. XIV, 13)

1. Заметь, что Господь всякий раз удалялся, когда Иоанн был предан, когда он умерщвлен, и когда иудеи услышали, что Иисус приобретает многих учеников. Ему угодно было чаще поступать по-человечески, пока не пришло время вполне обнаружить божество Свое. Потому и ученикам он приказывал никому не говорить, что Он Христос; Он хотел, чтобы это сделалось известным по воскресении Его. По этой причине и с иудеев, которые дотоле не веровали в Него, не строго взыскивал, а напротив, извинял их. Удаляется же не в город, но в пустыню, и притом на корабле, чтобы никто не следовал за Ним. Не оставь без замечания и того, что ученики Иоанновы теперь уже ближе стали к Иисусу. Они именно уведомили Его о случившемся (с Иоанном) и, оставив все, делаются уже Его учениками. Так, кроме несчастья, немало исправило их и то, что Иисус внушил уже им о Себе Своим ответом. Но почему Господь не удалился до получения от них известия, хотя знал о случившемся и без уведомления? Для того, чтобы во всем показать действительность воплощения. Не видом только, но и самими делами Он хотел уверить в истинности его, потому что знал злобную хитрость диавола, который готов все сделать, только бы истребить в людях мысль о Его воплощении. Вот по каким причинам удаляется Христос. Но привязанный к Нему народ не оставляет Его, а следует за Ним; и происшествие с Иоанном не устрашало Его. Такова привязанность! Такова любовь! Так она все побеждает и устраняет трудности. За это-то народ и получил вскоре награду. *И изшед Иисус*, продолжает Евангелист, *виде мног народ,*

и милосердова о них, и исцели недужныя их (ст. 14). Хотя ревность их была велика, но благодеяния Христовы превышали цену всякого усердия. Потому Евангелист и причиной исцелений в данном случае поставляет особенную милость; Христос всех исцеляет, и не спрашивает здесь о вере, потому что исцеленные показывают свою веру уже тем самым, что пришли к Иисусу, оставили города, тщательно искали Его и не оставляли, когда даже принуждал их к тому голод. Христос намеревается дать им пищу. Но сам не начинает этого, а ожидает, пока обратятся к нему с просьбой, всюду, как я уже говорил, наблюдая правило: не прежде приступать к совершению чудес, как по просьбе. Но почему же никто из народа не подошел и не попросил Его об этом? Они безмерно Его уважали, и желанием быть при нем подавляли в себе чувство голода. Но и ученики Его не подошли и не сказали: накорми их, потому что еще были несовершенны. Но что они говорят? *Позде, же бывши,* говорит Евангелист, *приступиша ученицы Его, глаголюще: пусто есть место, и час уже мину; отпусти народы, да шедше купят брашна себе* (ст. 15). Если ученики и по совершении этого чуда забыли о нем, и после кошниц думали, что Христос говорит о хлебах, когда Он учение фарисейское назвал квасом, то тем более, не видевши еще на опыте такого чуда, не могли ожидать чего-нибудь подобного (Мф. XVI, 16). И хотя Христос исцелил сперва многих недужных, однако ученики, и то видя, не ожидали чуда над хлебами. Столько еще были они несовершенны! Ты же заметь мудрость Учителя, как прямо Он ведет их к вере. Не сказал вдруг: Я напитаю их; этому они не скоро бы поверили. *Иисус же,* говорит Евангелист, *рече им,* — что же именно? *Не требуют отыти, дадите вы им ясти* (ст. 16). Не сказал: Я дам; но — вы дадите, — так как они еще считали Его простым человеком. Даже и после

этого не возвысились они в понятиях, напротив, отвечают как простому человеку, говоря: *не имамы, токмо пять хлеб и две рыбе,* (ст. 17). Потому и Евангелист Марк говорит, что они не разумели сказанного: *бе бо сердце их окаменело* (Мк. VI, 52, VIII, 17). Итак, поелику они еще пресмыкались по земле, то Господь сам начинает уже действовать, и говорит: *принесите ми их семо* (ст. 18). Хотя *пусто есть место,* но здесь Тот, Кто питает вселенную; хотя *час уже мину,* но с вами беседует Тот, Кто не подлежит времени. Иоанн упоминает и о том, что хлебы были ячменные, и не без цели говорит об этом, а с намерением научить, чтобы мы не тщеславились дорогими яствами. Такова была трапеза и у пророков. *Прием убо пять хлеб и обе рыбе,* продолжает Евангелист, *и повелев народом возлещи на траве, воззрев на небо, благослови, и преломив даде учеником Своим, ученицы же народом. И ядоша вси, и насытишася; и взяша избытки укрух, дванадесять коша исполнь. Ядущих же бе мужей яко пять тысящ, разве жен и детей* (ст. 19–21).

2. Для чего Христос воззрел на небо и благословил? Ему надлежало уверить о Себе, что послан от Отца, и что равен Ему. Доказательства же этих истин, по-видимому, противоречили одно другому. Равенство Свое с Отцом Он доказывал тем, что делал все со властью; а потому, что послан от Отца, не поверили бы, если бы не поступал во всем с великим смирением, не стал приписывать всего Отцу, и во всяком деле призывать Его. Вот почему Господь, в подтверждение того и другого, не делает ни того, ни другого исключительно, но творит чудеса иногда со властью, а иногда по молитве. Потом, чтобы в этих действиях Его не представлялось опять противоречия, в делах менее важных взирает на небо, а в важнейших все творит со властью, из чего ты должен заключить; что и в менее важных делах Он поступает так не по нужде в содействии, но воздавая честь

Рождшему Его. Так, когда отпускал грехи, отверз рай и ввел в него разбойника, когда полновластно отменял Ветхий Закон, воскрешал многих мертвых, укрощал море, обнаруживал тайны сердечные, отверзал очи, — каковые дела свойственны одному Богу, а не другому кому, — ни при одном из этих действий не видим Его молящимся. А когда намеревался умножить хлебы, что было гораздо маловажнее всех прежде исчисленных действий, тогда взирает на небо, как в подтверждение Своего посольства от Отца, по замеченному мной выше, так и в научение наше, не прежде приступать к трапезе, как воздав благодарение Подающему нам пищу. Но почему не творит хлебов вновь? Чтобы заградить уста Маркиону и Манихею, которые не признают Его Творцом, чтобы самими делами научить, что все видимое произведено и сотворено Им, и чтобы доказать, что Он есть дающий плоды и изрекший в начале: *да произрастит земля былие травное;* также: *да изведут воды гады душ живых* (Быт. I, 11. 20). И настоящее чудо немаловажнее творения былия или гадов. В самом деле, пресмыкающиеся, хотя и сотворены вновь, однако сотворены из воды. А из пяти хлебов и двух рыб сделать так много — немаловажнее, чем произвесть из земли плод и из воды пресмыкающихся животных; это значило, что Иисус имеет власть над землею и над морем. Доселе творил Он чудеса над одними больными; а теперь оказывает всеобщее благодеяние, чтобы народ не оставался простым зрителем того, что происходило с другими, но сам получил дар. И что иудеям, во время странствования по пустыне, казалось чудным (так как они говорили: *еда и хлеб может дати, или уготовати трапезу* в пустыне (Пс. LXXVII, 20), то самое Господь показал на деле. Для того и ведет их в пустыню, чтобы чудо не подлежало решительно никакому сомнению, и никто не подумал, что для напитания принесено что-нибудь из ближ-

него селения. Для того Евангелист упоминает и о времени, а не только о месте. Отсюда научаемся и другому, именно: познаем умеренность учеников в удовлетворении необходимых потребностей, и то, как мало заботились они о пище. Их было двенадцать человек; а они имели при себе только пять хлебов и две рыбы. Столь мало радели они о плотском, а занимались только духовным! Да и этих немногих хлебов не стали удерживать, а и их отдали, как скоро попросили у них. Отсюда должны мы научиться, что хотя имеем у себя и малость, и то обязаны отдавать нуждающимся. Когда им велено принести пять хлебов, они не говорят: что же будем есть сами? Чем утолим свой голод? – но тотчас повинуются. Кроме сказанного, по моему мнению, Христос и для того не творит вновь хлебов, чтобы привести учеников к вере: они были еще весьма слабы. Потому взирает и на небо. Они видели неоднократно примеры других чудес, а такого чуда еще не видали. Итак, взяв, преломил и раздавал через учеников, делая им через это честь. Впрочем, Он сделал это не столько для чести их, сколько для того, чтобы, когда совершится чудо, они не остались в неверии и не забыли о бывшем, когда собственные их руки будут свидетельствовать о том. Для той же цели и народу дает сперва испытать чувство голода; для той же цели выжидает, чтобы ученики пришли и просили, через них же рассаживает народ, через них же раздает хлеб, желая, чтобы каждый предрасположен был к чуду собственным сознанием и опытом. По той же причине берет и хлебы от учеников, чтобы много было свидетельств о случившемся, и памятнее сделалось для них чудо. Если и при всем том забыли они, то что бы вышло, когда бы не приняты были такие меры? Господь повелевает возлечь на траве, научая тем народ простоте жизни, хотел не тело только напитать, но и душу научить.

3. Итак, Господь для того избрал такое место, дал не более, как хлебы и рыбу, предложил всем одну общую пищу и никому не уделил больше другого, чтобы научить смиренномудрию, воздержанию, любви, — тому, чтобы мы все равно были расположены друг к другу и все считали общим. *И преломив, даде ученикомъ, ученицы же народом.* Пять хлебов преломил и роздал, и эти пять хлебов в руках учеников не истощались. Но и тем чудо еще не ограничилось. Господь сделал, что оказался избыток, и избыток не в цельных хлебах, а в кусках, чтобы показать, что это точно остатки от тех хлебов, и чтобы не находившиеся при совершении чуда могли узнать, что оно было. Для того Христос попустил народу почувствовать и голод, чтобы не принял кто чуда за мечту; для того сделал остатков двенадцать кошниц, чтобы и Иуде было что нести. Господь и без хлебов мог утолить голод, но тогда ученики не познали бы Его могущества, потому что это было и при Илие. А за это чудо иудеи так удивились Ему, что хотели сделать даже царем, хотя при других чудесах никогда не покушались на то. Какое же слово изобразит то, как источались хлебы, как они растекались по пустыне? Как их достало для такого множества? Бывших было пять тысяч, кроме жен и детей; и это служит большой похвалой для народа, что и жены, и мужи следовали за Христом. Как могли быть остатки? Это тоже немаловажнее первого. Притом остатков вышло столько, что число корзин равнялось числу учеников, — ни больше, ни меньше. Господь отдал куски не народу, а ученикам, потому что народ не столько был совершен, как ученики.

По совершении же чуда, *абие понуди ученики влезти в корабль и предъити Ему на он пол, дондеже отпустит народы* (ст. 22). Если в Его присутствии могли думать, что произведено нечто мечтательное, а не действительное,

то не могли уже так думать в Его отсутствие. Поэтому-то, предоставляя ученикам строго исследовать случившееся, велел им взять с собой памятники и доказательства бывших чудес, и удалиться от Него. И в других случаях, совершив что-нибудь великое, Христос отсылает от Себя народ и учеников, внушая нам через это никогда не гоняться за людской славой и не привлекать к себе толпу. А словом: *понуди* Евангелист выражает, что ученики неохотно разлучались с Ним. Христос отослал их под предлогом отпустить народ, а в самом деле – намереваясь взойти на гору. Сделал же это опять для нашего научения, чтобы мы и не всегда старались быть с народом, и не всегда избегали его, а напротив, из того и другого извлекали пользу, и попеременно были то в уединении, то в обществе, смотря по нужде. Научимся же и мы быть с Иисусом, но не для чувственных даров, чтобы не заслужить упрека, подобно иудеям. Он говорит: *ищете Мене, не яко видесте знамени, но яко яли есте хлебы, и насытистеся* (Ин. VI, 26). Потому-то Он и не часто творит такое чудо, а только два раза, чтобы научить их не чреву служить, но непрестанно прилепляться к духовным благам. К ним-то и мы будем прилепляться, станем искать хлеба небесного и, приявши его, отложим всякое житейское попечение. Если иудеи, оставив дома, города, сродников и все, пребывали в пустыне и, несмотря на голод, не отходили от Иисуса, то тем более нам, которые приступаем к такой трапезе, должно показать большее любомудрие и возлюбить духовные блага, а потом уже искать чувственных. И иудеи не за то были порицаемы, что искали Его для хлебов, но за то, что главным образом и только из-за этого искали Его. Кто пренебрегает великими дарами, а желает малых и таких, которыми он должен пренебрегать по воле дающего, тот лишается и первых; наоборот, если любим первые, то он прилагает и по-

следние, потому что они служат добавкой к первым. Так они малоценны и маловажны в сравнении с первыми, сколько бы ни казались сами по себе великими. Итак, не будем заботиться о благах чувственных, будем считать и приобретение, и потерю их для себя делом безразличным, подобно Иову, который, и обладая благами, не прилеплялся к ним, и лишась не искал их. Потому они называются и благами, что мы должны употреблять их на нужды, а не потому, что должны зарывать их в землю. Как всякий художник знает свое только художество, так и богатый не умеет ни ковать, ни строить кораблей или домов, ни ткать, ни другого чего-либо подобного; а потому пусть учится употреблять свое богатство как должно, быть милосердым к неимущим, и тогда он будет знать искусство, лучше всех исчисленных.

4. И подлинно, это искусство выше всех других. Для него мастерская устроена на небесах. Орудия его — не железо и медь, а благость и добрая воля. Наставник в этом искусстве — Христос и Отец Его. Потому сказано: *будите милосерди якоже Отец ваш небесный* (Лк. VI, 36). И что удивительно, это искусство, будучи настолько всех других лучше, не требует ни труда, ни времени для занятия им. Стоит только захотеть, и все сделано. Посмотрим же, каков и конец этого искусства. Итак, что бывает концом его? Небо и небесные блага, неизреченная слава, духовные чертоги, светлые светильники, обитание с Женихом и все то, чего никакое слово, никакой ум не могут представить, так что и в этом оно много отличается от других искусств. Большая часть искусств полезны нам только в настоящей жизни, а это полезно и в будущем веке. Если же оно столько превосходит искусства, необходимые для нас, как, например, врачебное искусство, зодчество и прочие, им подобные, то еще более превосходит те, которые, по тщательном

исследовании, нельзя даже назвать и искусствами. Почему я все таковые излишние искусства и не почитаю искусствами. На что, например, нужны нам искусства стряпать и приправлять кушанье? Ни на что. Напротив, они даже бесполезны, крайне вредны, потому что повреждают душу и тело, легко приучая к сластолюбию, которое есть мать всех болезней и страданий. Кроме этих искусств, я не назвал бы также искусствами живопись и умение выводить узоры, потому что они вводят только в лишние издержки; а искусства необходимые, служащие к поддержанию нашей жизни, должны доставлять и приготовлять нам нужное. Бог на то и дал нам мудрость, чтобы изобретать способы, как поддерживать бытие свое; а изображать животных на стенах или на одеждах, скажи мне, полезно ли к чему-нибудь? Потому-то многое надобно бы выкинуть в ремесле сапожников и ткачей. Они многое ввели для щегольства; что было нужного, то испортили, и к искусству примешали ухищрение. То же случилось и с зодчеством. Доколе оно строит дома, а не театры, занимается необходимым, а не излишним, — я называю его искусством. Точно так же и искусство ткать, доколе оно готовит нужное для одежды, а не подражает паутинам, не тратит трудов на произведения смешные и пышные без меры, — называю искусством же. Не отниму этого названия и у сапожного ремесла, доколе оно занимается приготовлением обуви. Но когда оно мужчин преображает в женщин, и посредством обуви дает им вид изнеженных и слабых, тогда, — причисляю его к ремеслам вредным и излишним и не могу назвать уже искусством. Знаю, что, занимаясь такими предметами, для многих покажусь мелочным; но это не остановит меня. Причина всех зол именно в том и заключается, что многие считают такие грехи маловажными, а потому не обращают на них внимания. Иной скажет: какой

грех может быть маловажнее того, что человек носит красивые, светлые и обтягивающие ногу сапоги, если только можно назвать это грехом? Хотите ли, я изощрю на него язык свой, и покажу всю его гнусность? Выслушаете ли меня без гнева? Впрочем, если и погневаетесь, мало о том забочусь. Вы ведь виновны в этом безрассудстве, — вы, которые не почитаете этого греха и за грех, и тем заставляете нас вооружиться обличением против такой роскоши.

5. Так исследуем и рассмотрим, как велико это зло. Когда ты вышиваешь сапоги свои шелковыми нитями, которыми неприлично испещрять даже одежду, — каких укоризн, какого смеха достойно это? Если же ты пренебрегаешь нашим мнением, то выслушай сказанное Павлом, который со всею строгостью запрещает это, и тогда почувствуешь, как это смешно.

Что же говорит Павел? *Не в плетениих, ни златом, или бисером, или ризами многоценными* (1 Тим. II, 9). Стоишь ли ты какого извинения, когда Павел и жене не позволяет носить драгоценные одеяния, а ты допускаешь такую пышность в сапогах, и выдумываешь тысячи нарядов, достойных осмеяний и порицания? Для этих нитей строят корабли, набирают гребцов, кормчего и корабельщика, распускают паруса, переплывают море; для них купец, оставив жену, детей и отечество, вверяет жизнь свою волнам, отправляется в страну варваров, подвергается бесчисленным опасностям, а ты, после всего этого, взяв эти нити, нашиваешь себе на сапоги, украшаешь кожу. Что может быть хуже такого бессмыслия? Не таково было одеяние древних; напротив, оно прилично было мужам. Из этого заключаю, что со временем наши юноши без всякого стыда будут употреблять женскую обувь. И что всего несноснее, отцы, смотря на это, не негодуют, а считают это ничего не значащим. Хотите ли, скажу нечто и того еще несноснее? То

именно, что делается это тогда, как у нас много бедных. Хотите ли, представлю вам Христа, томимого голодом, нагого, преследуемого, связанного? Скольких молний достойны вы, которые не хотите обратить внимания на Христа, не имеющего нужной пищи, и между тем с такой заботливостью украшаете кожи! Христос, когда давал наставления ученикам Своим, не позволил им даже иметь сапог, а мы не только не умеем ходить босыми ногами, но и обуваться, как должно. Что же может быть беспорядочнее, смешнее этого? Все это показывает человека изнеженного, грубого, жестокого и суетного. Достанет ли досуга заняться чем-либо нужным тому, кто тратит время на такие излишества? Достанет ли досуга такому юноше позаботиться о душе, или даже подумать, что есть у него душа? Тот мелочен, кто принужден удивляться пышной обуви; тот жесток, кто для нее презирает нищих; тот чужд всякой добродетели, кто все свое старание употребляет на такие наряды. С любопытством рассматривая доброту нитей, живость красок, вытканные из них узоры, найдет ли он время воззреть на небо? Есть ли время подивиться красоте небес тому, кто пристрастился к красоте кож и поник в землю? Бог простер небо и возжег солнце для того, чтобы привлечь взор твой горе; а ты принуждаешь себя потупляться в землю, подобно свиньям, и повинуешься диаволу. Подлинно злой этот дух изобрел такие гнусные вещи, чтобы, отвлекши тебя от небесной красоты, привлечь ими к земле. И Богу, указывающему небо, предпочитается диавол, показывающий кожи, или даже и не кожи (потому что и они — произведение Божие), а напыщенность и ухищрение. Поникши к земле, идет юноша, которому надлежало бы мудрствовать о небесном; тщеславится своими сапогами более, чем какой-нибудь важной заслугой; едва ступает по торжищу, сам себе причиняя напрасные печали и огорчения, — боясь, как

бы в ненастье не замарать сапоги грязью, а в летнее время не запылить. Что скажешь на это, человек? Такой роскошью ты всю душу свою поверг во прах, и беспечно смотря на то, что она пресмыкается по земле, так много заботишься о сапогах! Подумай, для чего они употребляются, и устыдись того мнения, какое об них имеешь. Сапоги сделаны для того, чтобы попирать ими грязь, навоз и всякую нечистоту на полу. Если это для тебя несносно, возьми повесь их на шею, или положи на голову.

6. Вы смеетесь, слушая это; а мне приходится плакать, видя безумие таких людей и их заботливость о сапогах. Они скорее согласятся замарать в грязи тело, нежели эти кожи. Такие люди сколько бывают мелочны, столько, с другой стороны, сребролюбивы. Кто привык до безумия заботиться о таких украшениях, тому надобно много тратить на одежду и на все прочее, а потому и большие иметь доходы. Если отец у него щедр, то такой человек более и более предается этому пороку, и дает усиливаться безрассудной прихоти; а если скуп, то принужден прибегать к другим бесчестным средствам, чтобы иметь деньги на такие издержки. Вот отчего многие из молодых людей продали красоту свою, сделались шутами у богатых и унизились до других рабских услуг, чтобы за это приобресть только возможность исполнять такие свои прихоти. Отсюда видно, что такой человек будет сребролюбив и суетен, нерадивее всякого в делах нужных, и неминуемо впадет во многие проступки. Неоспоримо также и то, что он должен быть жестокосерд и тщеславен. Жестокосерд, когда, видя бедного, по страсти к нарядам, не удостаивает его и взора, и хотя сапоги украшает золотом, но на нищего, истаивающего от голода, не обращает и внимания. Тщеславен же, когда ничтожными вещами старается уловить внимание зрителей. Не столько ведь,

думаю, военачальник гордится победами, сколько распутный юноша нарядностью сапог своих, длинными одеждами, прической волос, хотя всем тем обязан искусству других. А если тщеславятся чужим, то как не тщеславиться своим? Сказать ли еще и того худшее, или для вас довольно и этого? Итак, окончим наше слово. Да и это говорил я для тех, которые упорны и не находят в таких нарядах ничего неприличного. Знаю, правда, что многие юноши не обратят и внимания на слова мои, потому что упились уже страстью. Однако ж из-за этого не должно молчать. Если у отцов есть ум и они еще в силе, то они могут и по неволе обратить их к должной благопристойности. Итак, не говори: и то не важно, и другое не беда. Это-то именно все и губит. Следует учить их и относительно таких предметов и в самых, по-видимому, малостях делать степенными, великодушными, пренебрегающими наряды. Таким образом они успевают и в важнейшем. Что маловажнее изучения азбуки? Однако ж, начавшие с нее делаются риторами, софистами, философами. А не знающие азбуки и этих наук никогда не узнают. Все же это говорим не для одних только юношей, но и для жен и девиц. И они ведь подлежат тем же упрекам и тем более, что девице особенно нужна скромность. Итак, все сказанное юношам, приложите и к себе, чтобы нам опять не повторять того же. Но время уже заключить слово наше молитвой. Помолитесь же вместе со мной, чтобы юноши, особенно христианские, могли жить скромно и достигнуть приличной им старости; ведь тем, которые не так живут, нехорошо дожить и до старости. Но кто в молодости живет как старик, тому желаю дожить до глубоких седин, сделаться отцом добрых детей, возвеселить своих родителей, а прежде всего — Бога, его сотворившего; совершенно освободиться не только от недуга щеголять обувью и одеждами, но и от всех душевных

болезней. Какова невозделанная земля, такова и юность, оставленная в небрежении: она произращает много терний. Итак пустим огонь Духа, попалим злые вожделения, обработаем нивы, приготовим их к принятию семян; потщимся, чтобы наши юноши были целомудреннее иных стариков. То и достойно удивления, когда целомудрие блистает в юноше. Кто целомудрен в старости, тот заслуживает небольшую награду; его самый возраст делает уже целомудренным. Чудно то, чтобы среди волнения наслаждаться тишиной, в печи не сгорать, в юности не предаваться распутству. Помышляя об этом, поревнуем блаженному Иосифу, просиявшему всеми этими добродетелями, чтобы удостоиться тех же венцов, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа, нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА L

И отпустив народы, взыде на гору один помолитися: позде же бывшу един бе ту. Корабль же бе посреде моря, влаяся волнами: бе бо противен ветр (Мф. XIV, 23, 24)

1. Для чего Господь восходит на гору? Чтобы научить нас, сколько удобны пустыня и уединение, когда нужно молиться Богу. Для того Он часто уходит в пустыни, и неоднократно проводит там ночи в молитве, уча нас избирать такое время и место, которые бы нас располагали к спокойной молитве. Пустыня есть матерь безмолвия, покой и пристань, укрывающая нас от всякой тревоги. Итак, Христос для молитвы взошел на гору; а ученики опять борются с волнами и претерпевают бурю, как и прежде. Но тогда во время бури Христос

был с ними на корабле, а теперь они одни. Господь постепенно и мало-помалу ведет их к большему, и приучает переносить все мужественно. Поэтому-то, когда они в первый раз подвергались опасности, был с ними, хотя и спал, чтобы тем самым успокоить их; теперь же, ведя их к большему терпению, поступает иначе: уходит от них, попускает буре застигнуть их среди моря, так что им не оставалось никакой надежды к спасению, и на всю ночь оставляет их бороться с волнами, — чем, думаю, хотел тронуть жестокое их сердце. Таковое действие должен был произвесть страх, возбужденный как бурею, так и ночным временем. Сверх сердечного умиления, Господь располагает их к сильнейшему желанию быть с Ним и непрестанному памятованию о Нем. Вот почему Он не тотчас явился к ним, но, как говорит Евангелист, *в четвертую стражу нощи, иде к ним Иисус, ходя по морю* (ст. 25), — чем научал их не искать скорого избавления от окружающих бедствий, но мужественно переносить все, что ни случится. Но когда они ожидали избавления, страх еще более увеличился. *Видевше Его ученицы по морю ходяща,* говорит евангелист, *смутишася, глаголюще, яко призрак есть; и от страха возопиша* (ст. 26). Господь и всегда так поступает: когда хочет прекратить бедствия, насылает другие, тягчайшие и ужаснейшие. Так было и в настоящем случае: кроме бури, и явление Христово устрашило их не менее бури. Христос не рассеял тьмы и не вдруг открыл Себя ученикам, чтобы продолжительностью страха укрепить их, как сказал я, и приучить к терпению. Так поступлено было и с Иовом. Когда Богу угодно было прекратить его страх и искушение, попустил, чтобы последнее страдание было тягчайшим. Я разумею здесь не смерть детей и слова жены, но укоризны рабов и друзей. Равным образом, когда Бог хотел Иакова избавить от бедствования на чужой стороне, попустил, чтоб открылись новые беспо-

койства и непрестанно увеличивались. Тесть настиг его на пути и угрожал смертно, а потом брат, хотевший перехватить на дороге, поверг его в крайнюю опасность. Так как человеку невозможно вынести искушений продолжительных и сильных, то Господь, желая, чтобы праведники приобрели больше, перед окончанием их подвигов увеличивает испытания. Так поступил Он и с Авраамом, назначив ему последним искушением заклание сына. И несносное делается сносным, когда налагается на человека при дверях, незадолго до освобождения. Так поступил Христос и в настоящем случае: не прежде открыл Себя апостолам, чем они возопили. Чем более увеличивалось беспокойство, тем приятнее для них было пришествие Христово. Потом, когда возопили, *абие же*, говорит Евангелист, *рече им Иисус, глаголя: дерзайте, Аз есмъ, не бойтеся* (ст. 27). Эти слова рассеяли страх и внушили смелость. Апостолы не узнавали Его по виду, как по причине чудесного хождения, так и по причине ночного времени; поэтому Он открывает Себя посредством голоса. Что же делает Петр, везде пламенный, всегда предупреждающий других учеников? *Господи*, — говорит он, — *аще Ты еси, повели ми приити к Тебе по водам* (ст. 27). Не сказал: помолись и призови на помощь Бога; но: *повели*. Видишь ли, сколько жара, сколько веры — хотя Петр от того и подвергается часто опасностям, что домогается чрезмерного? Так и здесь он просил слишком многого: впрочем, из одной любви, а не из хвастовства. Не сказал: вели мне идти по волнам; но что говорит? *Повели мне приити к Тебе.* Никто не любил столько Иисуса. Это доказал Петр и по воскресении Христовом. И тогда он не стал ждать, чтобы идти вместе с другими, но побежал вперед. Впрочем, он обнаруживает в себе не одну любовь, но и веру. Петр был уверен, что Иисус может не только Сам ходить по морю, но вести и других, и желает скорее быть близ Него.

Он же рече: прииди: и излезе из корабля Петр, хождаше по волнам, — и шел к Иисусу. *Видя же ветр крепок, убояся, и начен утопати, возопи глаголя: Господи, спаси мя! И абие Иисус простер руку ят его, и глагола ему маловере, почто усумнелся еси* (ст. 29–31)? Это происшествие чудеснее прежнего, потому и случилось после. Когда Христос показал, что он Владыка моря, Он производит перед учениками другое удивительнейшее знамение. Прежде Он запретил только ветрам, а теперь и Сам ходит по водам, и другому дозволяет сделать то же. Но если бы повелел то вначале, Петр не принял бы с таким расположением, потому что не имел еще такой веры.

2. Итак, для чего Христос позволил Петру? Для того, что, если бы сказал ему: не можешь, — Петр, по своей горячности, и здесь стал бы противоречить. Поэтому Христос и убеждает его самим делом впредь быть осторожнее. Но Петра и это не удерживает. Итак, сошедши с корабля, обуревается волнами, потому что убоялся; вот что произвело волнение, а страх произошел от ветра. Иоанн говорит, что *хотяху прияти Его в корабль, и абие корабль бысть на земли, в нюже идяху* (Ин. VI, 21). Эти слова показывают то же самое, то есть: что Иисус взошел на корабль тогда уже, как ученики приблизились к берегу. Итак, Петр, сошедши с корабля, шел к Нему, радуясь не столько тому, что ходит по водам, сколько тому, что идет к Иисусу. Но победив трудное, он едва не потерпел вреда от легчайшего; я разумею стремительность ветра, а не моря. Такова природа человеческая: часто, успев в великом, затрудняется малостью!

Как Илия пострадал от Иезавели, Моисей от египтянина, Давид от Вирсавии, так и Петр. Сначала, объятый еще страхом, он осмелился идти по водам; а против усилия ветра и притом находясь уже близ Христа устоять не мог. Так бесполезно быть близ Христа тому, кто не близок к Нему верой. Это обнаружило также

разность между учеником и Учителем и утешило прочих. Если они негодовали на двух братьев, то тем более вознегодовали бы на Петра, потому что еще не удостоились принять Святого Духа. После принятия Духа они стали иными, и во всем уже уступают первенство Петру; ему предоставляют право говорить в собраниях, хотя он менее других был искусен в слове. Но почему Господь не велел уняться ветрам, а Сам простер руку и поддержал Петра? Потому что нужна была Петрова вера. Когда с нашей стороны есть недостаток, то и божественное действие останавливается. Итак, желая показать, что не стремление ветра, но Петрово маловерие произвело такую перемену, Господь говорит: *маловере, почто усумнелся еси?* Следовательно, он легко устоял бы против ветра, если бы в нем не ослабела вера. Потому-то Господь, поддержав Петра, и не остановил дуновения ветра, желая показать, что ветер не вредит, когда крепка вера. Как птенца, который прежде времени вылетел из гнезда и готов упасть наземь, мать сажает к себе на крылья и опять уносит в гнездо, — так сделал и Христос. *И влезшим им в корабль, тогда преста ветр* (ст. 32). Раньше при подобном случае говорили: *кто есть* человек *Сей, яко и ветры и море послушают Его?* А теперь говорят иначе. *Сущии в корабли*, говорит евангелист, *пришедше поклонишася Ему, глаголюще: воистину Божий сын еси*! (ст. 33). Видишь ли, как Господь мало-помалу вел всех выше и выше? Оттого, что Сам ходил по морю, велел другому сделать то же, и спас его от опасности, вера в учениках весьма уже возросла. Тогда запретил Он морю, а теперь не запрещает; но иначе, в высшей мере, показывает Свое могущество. Потому и говорили: *воистину Божий Сын еси.* Что ж? Запретил ли Он говорить так? Совершенно напротив, даже подтвердил сказанное тем, что с большею властью и не по-прежнему стал исцелять приходящих к Нему. *И пришедше*, гово-

рит Евангелист, *приидоша в землю Геннисарефскую* (ст. 34). *И познавше Его мужие места того, послаша во всю страну ту, и принесоша к Нему вся болящия* (ст. 35). *И моляху Его, да токмо прикоснутся воскрилию ризы Его: и елицы прикоснушася, спасены быша* (ст. 36). Теперь приступили к Нему не с такими уже просьбами, как прежде: не зовут Его в дом, не домогаются, чтобы прикоснулся рукой, или приказал словом; напротив, с возвышеннейшим любомудрием и с обильнейшею верой просят об исцелении. Кровоточивая жена всех научила любомудрию. Между тем Евангелист, желая показать, что Иисус Христос давно уже не был в этой стране, говорит: *познавши мужие места того, послаша во всю страну ту, и принесоша к Нему вся болящия.* Однако время не только не истребило веры (в народе), но еще увеличило ее и сохранило во всей силе. Итак, прикоснемся и мы к краю одежды Христовой, вернее же сказать, — если хотим, мы можем иметь всего Христа. Нам предложено ныне и тело Его, — не только одежда, но самое тело, чтобы мы не только прикасались, но и ели, и насытились. Приступим же с верой, приступим все немощные. Если прикасающиеся к краю одежды Его привлекали на себя чудодейственную силу, то не гораздо ли в большей мере привлекут ее приемлющие в себя всего Христа? Приступить же с верой значит не только принять предложенное, но прикоснуться к нему с чистым сердцем, с таким расположением, как бы приступали к самому Христу. Что в том, что ты не слышишь гласа Его? Зато ты видишь Его тебе предлагаемого; или лучше сказать, и голос Его слышишь, потому что Он говорит через евангелистов.

3. Итак, веруйте, что и ныне совершается та же вечеря, на которой сам Он возлежал. Одна от другой ничем не отличается. Нельзя сказать, что эту совершает человек, а ту совершал Христос; напротив, ту и дру-

гую совершал и совершает сам Он. Когда видишь, что священник преподает тебе дары, представляй, что не священник делает это, но Христос простирает к тебе руку. Как при крещении не священник крестит тебя, но Бог невидимой силой держит главу твою, и ни ангел, ни архангел, ни другой кто не смеет приступить и коснуться, так и в причащении. Если один Бог возрождает, то Ему одному принадлежит дар. Не видишь ли, что и у нас желающие кого-либо усыновить, не рабам вверяют это дело, а сами являются в суд? Так и Бог не ангелам вверил дар, но сам присутствует повелевает и говорит: *не зовите Отца на земли* (Мф. XXIII, 9). Говорит это не для того, чтобы ты не почитал родителей, а чтобы предпочитал им создавшего тебя и принявшего в число детей Своих. А кто дал тебе большее, то есть предложил самого Себя, тот тем более не почтет недостойным Своего величия и преподать тебе Свое тело. Итак послушаем, иереи и миряне, чего мы удостоились, послушаем и ужаснемся! Христос дал нам в пищу святую плоть Свою, самого Себя предложил в жертву: какое же будем иметь оправдание, когда, принимая такую пищу, так грешим? Вкушая Агнца, делаемся волками! Снедая овча, бываем хищны как львы! Таинство это требует, чтобы мы были совершенно чисты, не только от хищения, но и от малой вражды. Это таинство есть таинство мира; оно не позволяет гоняться за богатством. Если Господь не пощадил для нас самого Себя, то чего будем достойны мы, когда, дорожа богатством, не щадим души своей, за которую Он не пощадил Себя? Для иудеев учредил Бог праздники, чтобы они ежегодно вспоминали о Его благодеяниях; а тебе, так сказать, каждый день напоминает о них через это таинство. Итак, не стыдись креста. В нем заключены наша слава, наши таинства; этим даром мы украшаемся, им хвалимся. Если я скажу, что Бог простер небо и землю, расширил море, послал

пророков и ангелов, я не выражу в такой мере Его благости. Верх благодеяний Его состоит в том, что Он не пощадил Сына Своего для спасения отчуждившихся от Него рабов. Итак, ни Иуда, ни Симон не должны приступать к этой трапезе, потому что оба они погибли от сребролюбия. Будем же избегать этой пропасти, и не почтем достаточным для спасения, если, ограбив вдов и сирот, принесем золотой и украшенный драгоценными камнями сосуд для святой трапезы. Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за которую принесена жертва; душу свою сделай золотой. Если же она хуже свинца и глины, а ты приносишь золотой сосуд, какая из того польза? Итак, будем заботиться не о том одном, чтобы принесть в дар золотые сосуды, но о том, чтобы принесть от праведных трудов. Такие приношения, добытые тобой без любостяжания, дороже всяких золотых. Церковь – не на то, чтоб в ней плавить золото, ковать серебро; она есть торжественное собрание ангелов. Поэтому мы требуем в дар ваши души, – ведь ради душ принимает Бог и прочие дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не из золотого сосуда Христос давал пить кровь Свою ученикам. Однако же там все было драгоценно, все возбуждало благоговение, потому что все исполнено было Духа. Хочешь почтить тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод, и наготу? Изрекший: *сие есть тело Мое* (Мф. XXVI, 26), и утвердивший словом дело, сказал также: вы видели Меня алчущего, и не напитали; и далее: *понеже не сотвористе единому сих меньших, ни Мне сотвористе* (Мф. XXV, 42–45). Для этого таинственного тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся же быть любомудрыми и почитать

Христа, как сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та честь, которой он сам желает, а не та, которую мы признаем лучшей. И Петр думал почтить Господа, не допуская Его умыть ноги; однако же это было не почтение, а нечто, тому противное. Так и ты почитай Его той честью, какую сам Он заповедал, то есть, истощай богатство свое на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, а золотые души.

4. Говоря это, не запрещаю делать богатые вклады: требую только, чтобы вы, вместе с вкладами и даже прежде них, творили милостыню. Хотя Бог приемлет и вклады, но гораздо лучше милостыню. Там один только приносящий получает пользу; а здесь и приемлющий. Там дар бывает иногда поводом к тщеславию; а здесь все делается по одному милосердию и человеколюбию. Что пользы, если трапеза Христова полна золотых сосудов, а сам Христос томится голодом? Сперва напитай Его алчущего, и тогда уже употреби остальное на украшение трапезы Его. Ты делаешь золотую чашу, и не даешь чаши студеной воды. Что в том пользы? Делаешь для трапезы златотканые покровы, а Христу не даешь и нужного для прикрытия. Какой плод от того? Скажи, мне: если ты увидишь человека, не имеющего у себя необходимой пищи, и вместо того, чтоб утолить его голод, обложишь только стол серебром, поблагодарит ли он тебя за это, или, скорее, огорчится? Еще: ты видишь человека, покрытого рубищем и окостеневшего от холода, и вместо того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь его: не скажет ли он, что ты над ним насмехаешься, и не почтет ли это крайней обидой? То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а ты, вместо того, чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лампадам серебряные цепи, а на Христа, связанного в

темнице, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и в том быть щедрым, но советую также не оставлять другого, или даже и предпочитать последнее. За неисполнение первого никто никогда не был осужден, а за неисполнение последнего угрожает геенна и огонь неугасимый и мучение вместе с демонами. Итак, украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата; этот храм превосходнее первого. Те утвари могут похитить и неверные цари, и тираны, и разбойники; а что сделаешь для брата алчущего и странного и нагого, того и сам диавол не может похитить: оно сбережется в неприступном хранилище. Почему же сам Христос говорит: *всегда нищия имате с собою, Мене же не всегда имате* (Мк. XIV, 7)? Потому-то особенно и нужно быть милосердными, что не всегда имеем Его алчущего, а только в настоящей жизни. Если же хочешь вполне постигнуть смысл этих слов, слушай: Христос говорит здесь не ученикам, как представляется с первого взгляда, а слабой жене. Так как она была еще несовершенна, а ученики приводили ее в сомнение, то Господь сказал это в ее ободрение. А чтобы показать, что действительно сказал это в ее утешение, присовокупил: *что труды даете* жене? Мы всегда имеем Его с собой, как сам Он говорит: *се Аз с вами семь во вся дни до скончания века* (Мф. XXVIII, 20). Из всего этого видно, что Христос сказал те слова единственно для того, чтобы запрещение учеников не иссушило в жене прозябшей тогда веры. Поэтому не будем ссылаться теперь на то, что сказано было с особенным намерением; но, прочитав все узаконения о милостыне, данные и в Новом, и в Ветхом Завете, употребим все старание, чтобы приложить их на деле. Милостыня и грехи очищает, как сказано: *дадите милостыню, и се вся чиста вам будут* (Лк. XI, 41).

Она важнее жертв: *милости хощу, а* не *жертвы* (Ос. VI, 6). Она отверзает небеса: *молитвы твоя и мило-*

стыни твоя взыдоша на память пред Бога (Деян. X, 4). Она нужнее девства. Так одни девы были изгнаны из брачного чертога; так другие введены были в него. Зная все это, будем сеять щедро, чтобы с большим изобилием пожать, и получить будущие блага по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь.

БЕСЕДА LI

Тогда приступиша ко Иисусови иже от Иерусалима книжницы и фарисее, глаголюще: почто ученицы твои и пр. (Мф. XV, 1)

1. *Тогда* – когда же это? После того, как Он сотворил бесчисленные знамения, после того, как исцелил недужных прикосновением к краю риз Его. Для того-то Евангелист и означает время, чтобы показать крайнюю, ничем не преодолимую злобу книжников и фарисеев. Но что значат слова: *иже от Иерусалима книжницы и фарисее?* Книжники и фарисеи были рассеяны по всем коленам, и разделены на двенадцать частей; но те из них, которые жили в главном городе, были гораздо злее прочих, так как большею пользовались честью и более надмевались. Смотри же, как они и самим вопросом своим уловляются. Они не говорят: почему ученики Твои преступают закон Моисеев, но – почему нарушают *предание старец?* Отсюда видно, что священники много вводили нового, хотя Моисей под страхом великого наказания и со многими угрозами запрещал им что-либо прилагать к закону, или отнимать от него, говоря: *да не приложите к словеси, еже аз заповедаю вам днесь, ниже да отъимете от него* (Втор. IV, 2). И тем не менее они вводили новые постановления, каково было и то, что не должно есть неумытыми руками, что чаши

и котлы надобно омывать и самим омываться. Тогда как иудейскому народу надлежало уже оставить прежние постановления, они навязывали ему еще более, опасаясь лишиться власти и желая, чтобы их тем более страшились, что они и сами законодатели. От этого дело дошло до такого нечестия, что их заповеди сохраняли, а Божьи нарушали; и столь велика была власть их, что это не почиталось уже и преступлением. Потому на них и лежала двойная вина: и за то, что вводили новые постановления, и за то, что, оставляя без внимания Божии заповеди, тем более вступались за свои. Умалчивая о других постановлениях, достойных только смеха, — как-то: о омовении кувшинов и котлов, — они выставляют на вид то, что по-видимому, более заслуживало внимания, желая, как мне кажется, привести через это Господа в гнев. Потому упоминали и о старцах, чтобы, в случае неуважения к ним, иметь предлог к обвинению Господа. Но сперва следует рассмотреть, почему ученики ели неумытыми руками? Итак, почему же они так поступали? Это они делали не с намерением, но потому, что презирали уже излишнее, и заботились об исполнении необходимого. Они не считали законом умываться, ни оставаться неумытыми, но поступали так, или иначе, как случалось могли ли они заботиться об этом, когда не заботились даже о самой пище, необходимой для них? И тогда как им часто случайно приходилось есть неумытыми руками, — как, например, когда в пустыне принимали пищу, или когда рвали колосья, — пренебрегающие всегда великим и заботящиеся много о излишнем поставляют им это в вину. Что же Христос? Он не стал ни порицать, ни защищать поведения учеников, но на обвинение фарисеев и сам отвечал обвинением, унимая дерзость их и показывая, что согрешающий в великих делах не должен с такой заботливостью подмечать в других мало-

важные проступки. Вас бы надлежало подвергнуть обвинению, — говорит Он, — а вы сами обвиняете других. Заметь, что когда Он хочет какое-либо постановление отменить, то делает это в виде отповеди; так и теперь поступил. Он не тотчас обращается к учиненному проступку, и не говорит, что он ничего не значит, — иначе Он увеличил бы их дерзость; но сперва сражает дерзость их, поставляя на вид преступление гораздо важнейшее, и возлагая его на главу их. Он не говорит и того, что нарушающие постановление хорошо поступают, чтобы не подать им случая к обвинению Себя; но и не охуждает поступок учеников, чтобы не подтвердить постановления. Равно не обвиняет и старцев, как людей законопреступных и порочных (иначе фарисеи отвратились бы от Него, как от ругателя и оскорбителя); но, все это оставив, избирает другой путь и, порицая, по-видимому, подошедших к Нему, касается между тем сделавших самые постановления. Он не упоминает вовсе о старцах, но в обличении, направленном против одних, низлагает и других, и показывает, что они вдвойне грешат, не покоряясь Богу и угождая людям. Он как бы так говорит: обыкновение повиноваться старцам, оно-то и погубило вас. Правда, Он не говорит этого, но то же самое дает разуметь в следующем ответе: *почто и вы преступаете заповедь Божию за предание ваше? Бог бо заповеда: чти отца и матерь, и: иже злословит отца или матерь, смертию да умрет. Вы же глаголете: иже аще речет отцу или матери: дар, имже бы от мене пользовался еси; и да не почтит отца своего, или матере; и разористе заповедь Божию за предание ваше* (ст. 3–6).

2. Господь не сказал: за предание старцев, но — *за предание ваше;* также не сказал: старцы же глаголют, но — *вы глаголете*, смягчая тем Свою речь. Книжникам и фарисеям хотелось показать, что ученики Его наруша-

ют закон; Христос, напротив, показывает, что они сами делают это, а ученики не подлежат обвинению. Постановление человеческое не есть закон (потому Он и называет его преданием), а особенно постановление людей беззаконных. Но так как предание, повелевающее умывать руки, не было противно закону, то Христос приводит другое, противное закону, именно следующее: фарисеи учили юношей, под видом благочестия, презирать отцов. Каким образом? Если кто из родителей говорил сыну: дай мне эту овцу, которую ты имеешь, или тельца, или иное что, то им отвечали: то, чем ты желаешь от меня пользоваться, я отдаю в дар Богу, и ты не можешь получить этого. Отсюда происходило двоякое зло: и Богу не приносили, и родителей, под предлогом приношения Богу, лишали дара; и оскорбляли родителей под предлогом обязанности к Богу, и Бога – под предлогом обязанности к родителям. Впрочем, Господь не прямо указывает на это, но сначала читает им закон, в котором показывает, что Бог строго требует почтения к родителям. *Чти*, говорит Он, *отца твоего и матерь, да будеши долголетен на земли.* И еще: *иже злословит отца или матерь, смертью да умрет.* Но, умолчав о награде, которая принадлежит почитающим родителей, Христос упоминает только о том, чего надобно страшиться, то есть о наказании, которое угрожает непочитающим родителей, желая таковых устрашить, равно как и благонамеренных ободрить, указывая таким образом на настоящих виновников, достойных смерти. Если, говорит Он, непочтительные на словах наказываются, то тем более будете наказаны вы, непочтительные на деле, и не только сами так поступающие, но и других научающие тому же. Как же вы, которым и жить не подобало бы, обвиняете учеников? Что удивительного, если вы Меня, доселе неизвестного вам, так много оскорбляете, когда являетесь так дерзкими и

перед Отцом? Так Христос везде говорит и показывает, что из неуважения к Отцу и происходит такое безумное высокомерие их. Некоторые изъясняют иначе это выражение: *дар, имже бы от мене пользовался еси,* именно: я не обязан почитать тебя, и это мой дар тебе, если я стану тебя почитать*. Но Христос не о таком оскорблении упоминал здесь. Евангелист Марк выражает это яснее, говоря: *корван, иже аще от мене пользовался еси* (Мк. VII, 11), что не означает ни дара, ни одолжения, но собственно выражает приношение. Итак, показав, что пренебрегающие законом Божиим не должны обвинять тех, кто нарушает предание старцев, Он то же самое показывает и из слов пророка. По строгом обличении, Он простирает речь Свою далее, что и всегда делает, представляя в доказательство Писания, и тем показывая Свое согласие с Богом. Что же говорит пророк? *Людие сии устнами чтут Мя, сердце же их далече отстоит от Мене: всуе же чтут Мя, учаще учением, заповедем человеческим* (Ис. XXIX, 13). Видишь ли, как пророчество совершенно согласно со словами Иисуса Христа и как оно еще прежде возвещало злобу иудеев? Что Христос осудил ныне, о том еще прежде говорил Исаия, то есть, что иудеи заповеди Божии презирают. *Всуе,* говорит, *чтут Мя,* а о Своих постановлениях прилагают великое старание: *учаще учением, заповедем человеческим.* Потому справедливо ученики и не соблюдают этих постановлений. Итак, нанесши иудеям смертельный удар и усилив обличение и делом, и собственным суждением, и словами пророка, Господь перестает говорить с ними, так как они не могли уже исправиться, но обращает речь Свою к народу, чтобы преподать ему высокое,

---

* Смысл толкования таков: если я приношу тебе дар, то это зависит только от моей воли, это – дело моей милости, потому что этот самый дар я мог бы посвятить Богу.

великое и исполненное многого любомудрия учение. Пользуясь этим случаем, Он присовокупляет большее, и совсем уже отвергает постановления о пище. Но заметь, когда это? Когда прокаженного очистил, когда нарушил покой субботний, когда показал Себя царем земли и моря, когда установил закон, когда грехи отпустил, когда мертвых воскресил, когда представил многие доказательства Своей божественности: тогда начинает рассуждать и о пище.

3. Все иудейство заключается в преданиях о подобных предметах. И если ты отвергнешь эти предания, то отвергнешь и все его. Таким образом Христос показывает, что и обрезание должно уничтожить. Впрочем, сам Он не внушает оставить этот обряд предпочтительно перед прочими, потому что заповедь об обрезании всех древнее прочих и более уважалась, но через учеников утверждает закон об его отмене. Обрезание так было важно, что и ученики, по прошествии уже многого времени желая отменить его, делают это после предварительного рассуждения. Но смотри, как Господь вводит закон: *призвав народы*, говорит Евангелист, *рече им: слышите и разумейте* (Мф. XV, 10)! Не просто объявляет им этот закон, но почтительностью и снисходительностью располагает народ к принятию слов Своих (что показал Евангелист в слове: *призвав*). Далее Он пользуется благоприятностью времени: начинает изрекать закон после того, как обличил фарисеев, одержал над ними победу и осудил их словами пророка, следовательно, когда народ, удобнее мог принимать слова Его; и притом Он не просто призывает их, но и возбуждает их внимание. *Разумейте*, – говорит Он, – то есть размыслите, обратите внимание ваше. Закон, который Я теперь намерен дать вам, достоин этого. Если фарисеи несвоевременно нарушили закон для сохранения своих преданий, и вы их слушали, то гораздо более

должны слушать Меня, в надлежащее время поучающего вас высшему любомудрию. Впрочем, Он не сказал, что разборчивость в пище ничего не значит, и что Моисей предписал ее напрасно, или из снисхождения; а говорит в виде увещания и совета, заимствуя доказательство из самого свойства вещи. *Не входящее во уста,* говорит Он, *сквернит человека, но исходящее изо уст* (ст. 11). Основываясь на самой природе, Он и изрекает, и утверждает закон. Слыша это, фарисеи ничего не сказали вопреки. Не сказали: что Ты говоришь? Тогда как сам Бог дал столько повелений о соблюдении различия в пище, Ты ли даешь такой закон? Но так как Христос совсем заставил молчать их не только тем, что обличил, но и тем, что вывел наружу их коварство, обнаружив тайные дела их и сокровенные помышления, то они молча удалились. Но смотри, как Господь нигде не решается восстать явно против пищи; потому и не сказал — пища, но: не *входящее сквернит человека,* — что можно было относить и к неумовению рук. Хотя Он говорил о пище, но можно было думать, что Он говорил и об умовении рук. Разборчивость в пище так строго была наблюдаема, что и после воскресения Петр говорил: *никакоже Господи! яко николиже ядох скверно, или нечисто* (Деян. X, 14). Хотя он говорил это и для других, и для того, чтобы иметь самому оправдание против обвинителей, и вместе показать, что Он сколько ни препирался, но не имел успеха, тем не менее показывает как много думали об этом предмете. Потому-то и сам Христос первоначально не прямо сказал о пище, а употребил выражение: *входящее во уста;* и после, когда, по-видимому, говорил об этом яснее, опять прикровенно заключил речь Свою, сказав: *а еже неумовенными руками ясти, не сквернит человека* (ст. 20), чтобы слышавшие думали, что Он с этого начал, и об этом рассуждал доселе. Потому не сказал пря-

мо: пища не сквернит человека; но говорил так, как бы рассуждал об умовении рук, чтобы фарисеи ничего не могли сказать вопреки. Услышав такие речи, *соблазнишася* говорится, фарисеи, но не народ. *Приступльше*, говорит Евангелист, *ученицы Его реша Ему: веси ли, яко фарисеи слышавше слово соблазнишася* (ст. 12)? – хотя Господь и не к ним говорил. Что же Христос? Он не стал выводить их из соблазна, но укорил их, говоря: *всяк сад, его же не насади Отец Мой небесный, искоренится* (ст. 13). Он знал, когда должно оставлять без внимания соблазны, и когда не должно. Так, в другом случае Он говорит: *да не соблазним их, верзи удицу в море* (Мф. XVII, 26); а здесь: *оставите их, вожди суть слепи слепцем: слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут* (ст. 14). Ученики говорили это не столько потому, что заботились о фарисеях, сколько потому, что сами несколько смущались. Но так как сказать это от своего лица не смели, то желали узнать через повествование о других. А что они действительно и сами соблазнялись, это видно из того, что ревностный и всегда других предупреждающий Петр подходит и говорит Иисусу: *скажи нам причту сию* (ст. 15); открывая свое душевное смущение, но не осмеливаясь явно сказать: я соблазняюсь, он просит изъяснения, дабы избавиться от этого смущения, за что и подвергся укоризне. Что же говорит Христос? *Всяк сад, егоже не насади Отец Мой небесный, искоренится.* Зараженные учением манихеев говорят, что это сказано о законе; но им заграждает уста то, что сказано выше. Если Господь говорил это о законе, то как же Он выше защищает его, и отстаивает, говоря: *почто преступаете заповедь Божию за предание ваше?* К чему приводит и слова пророка? Нет, это говорит Он о фарисеях и о их преданиях. Если Бог сказал: *чти отца и матерь*, то как же сказанное Богом не есть насаждение Божие?

4. Равным образом и из последующего видно, что изъясняемые слова сказаны о фарисеях, и о их преданиях, потому что Господь присовокупил: *вожди суть слепи слепцем.* Если бы эти слова говорил Он о законе, то сказал бы: слепой вождь слепых; но Он не говорит так, а говорит: *вожди суть слепи слепцем,* отклоняя этим порицание от закона и обращая на них самих. Потом, отделяя от них народ, как уже близкий к тому, чтобы пасть в яму через их водительство, говорит: *слепец слепца аще водит, оба в яму впадут.* Большое зло и слепым быть; но при слепоте не иметь руководителя и занимать должность вождя — двойное и даже тройное преступление. Если при слепоте не иметь вождя, то гораздо пагубнее браться водить другого. Что же Петр? Он не говорит: почему и для чего Ты сказал это; но спрашивает, как бы сказанное было не ясно; не говорит: для чего Ты утверждаешь противное закону, потому что опасается, чтобы Христос не почел его соблазнившимся; но как бы говорит, что сказанное не ясно. А что он в самом деле спрашивал не по причине неясности, но потому что соблазнялся, это очевидно из того, что в словах Господа не было ничего неясного. Поэтому Христос и укоряет его, говоря: *единаче ли и вы без разума есте?* (ст. 16). Народ, может быть, еще не понимал слов Его, а ученики соблазнились ими. Вот почему сначала они желали узнать о том, спрашивая как бы для фарисеев; когда же услышали произнесенную им тяжкую угрозу: *всяк сад, егоже не насади Отец Мои небесный, искоренится,* и: *вожди суть слепи слепцем,* — замолчали. Но Петр, во всех случаях ревностный, и этим не удерживается в молчании, а говорит: *скажи нам притчу сию.* Что же отвечает Христос? Он отвечает с великой укоризной: *единаче ли и вы без разума есте: не у ли разумеваете?* Так говорил Он и укорял их, чтобы уничтожить предрассудок, и не довольствуясь этим, присовокупил еще: *яко всяко, еже входит во уста,*

во чрево вмещается и афедроном исходит; исходящая же изо уст от сердца исходят, и та сквернят человека. От сердца бо исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы. Сия суть скверняща человека; а еже неумовенныма рукама ясти, не сквернит человека (ст. 17–20). Видишь ли, как сильно Он укоряет их? Потом подтверждает сказанное общим законом природы, для исправления их. Говоря: *во чрево вмещается и афедроном исходит*, Он дает ответ, приноравливаясь к брезгливости иудеев. Он говорит, что пища не остается во чреве, но исходит, между тем как если бы она и оставалась, и тогда не оскверняла бы человека; но они еще не могли вместить этого. Потому и законодатель позволяет оставаться без умовения в то время, пока пища находится внутри, но когда выходит вон, не позволяет. Он повелевает омываться и быть чистым вечером, расчисляя время переваривания и извержения пищи. А не чистота сердца, говорит Он, внутри пребывает и оскверняет человека не только тогда, когда остается там, но и когда исходит оттоле. Сначала Он исчисляет злые помышления, свойственные иудеям, и уже не заимствует доказательства из природы вещей, но из того, что одни из них порождаются в утробе, а другие в сердце, одни остаются в человеке, а другие не остаются. То, что входит в человека отвне, опять и исходит из него; но что зарождается внутри его, то оскверняет его и по исшествии, и тогда еще более. Такое доказательство употребил Он потому, что ученики, как я уже сказал, еще не могли слушать этого с должной мудростью. Марк (VII, 19) говорит, что Господь этими словами указывал на то, что пища очищается от нечистоты. Но Он не показал вида и не сказал, что есть такую-то пищу не сквернит человека, потому что книжники не стали бы и слушать, если бы Он стал явно говорить это. Потому Он и присовокупил: *а еже неумовенныма рукама*

ясти не скверпит человека. Итак, познаем, что оскверняет человека, познаем — и будем избегать того! Мы видим, что многие в церкви строго соблюдают обыкновение — приходить в чистых одеждах и с обмытыми руками; а о том, чтобы с чистой душой предстать Богу, нимало не заботятся. Говоря это, я не запрещаю умывать руки или лицо, но желаю, чтобы умывали их так, как должно — не водой только, но вместо воды убеляли добродетелями. Нечистоту уст составляют: злословие, хула, ругательство, гневные слова, срамословие, смех, насмешки. Поэтому, если ты сознаешь, что ничего подобного не говорил и не осквернил себя такой нечистотой, то приходи смело. Если же ты тысячекратно допускал себя осквернять этим нечистотам, то что трудишься напрасно омывать язык водой, осквернив его пагубной и вредоносной нечистотой?

5. Скажи мне: осмелился ли бы ты молиться, если бы замарал руки в навозе или в грязи? Никак. Между тем это не причинило бы тебе никакого вреда, а то осквернение пагубно. Итак, для чего ты в делах безразличных опаслив, а в том, что запрещено, нерадив? Что же, — скажешь ты, — или не должно молиться? Должно, только надобно быть чистым и неоскверненным. Но что, — скажешь, — если я прежде осквернил себя? Очистись. Каким же образом? Плачь, стенай, раздавай милостыню; извинись перед обиженным, и через то примирись с ним; очисти язык, чтобы более не раздражать Бога. Если бы кто измаранными в грязи руками держал тебя за ноги, умоляя о прощении, ты не только не стал бы слушать его, но и оттолкнул бы ногой. Как же ты сам дерзаешь в такой нечистоте приступать к Богу? Язык молящихся есть рука, которой мы обнимаем колени Божии. Итак, не оскверняй его, чтобы и тебе не сказал Господь: *аще умножите моление, не услышу вас.* И еще говорится: *в руце языка живот и*

смерть; и еще: *от словес своих оправдишися, и от словес своих осудишися* (Ис. I, 15; Притч. XVII 21; Мф. XII, 37). Итак, сохраняй язык более зеницы ока! Язык есть царский конь. Если ты наложишь на него узду и научишь его ходить прямо, то царь спокойно будет сидеть на нем; если же пустишь его бежать и скакать без узды, то на нем будет ездить диавол и бесы. Ты после сообщения с твоею женой, хотя это и не преступление, не смеешь молиться; а после ругательств и обид, которые ведут к геенне, прежде нежели очистишь себя совершенно, воздеваешь руки к Богу: как же ты не страшишься, скажи мне? Или ты не знаешь, что сказал Павел: *честна женитва и ложе нескверно* (Евр. XIII, 4)? Если же ты, восстав от непорочного ложа, не смеешь приступить к молитве, то как, лежа на ложе диавола, призываешь ужасное и страшное имя Божие? Поистине осквернять себя обидами и ругательствами — значит лежать на ложе диавола. Гнев, как злой прелюбодей, совокупляясь с нами с сильной похотью, переливает в нас губительные семена и порождает диавольскую вражду и делает все, противное браку. Брак производит то, что два бывают плоть одна, а гнев и соединенных разобщает, и самую душу разделяет и рассекает. Итак, чтобы тебе с дерзновением приступать к Богу, не допускай гнева, когда он хочет войти в твою душу и совокупиться с нею, но отгоняй, как бешеного пса. Такое и Павел дал повеление, когда сказал: *воздеюще преподобные руки без гнева и размышления* (1 Тим. II, 8). Итак, не оскверняй языка! Иначе, как он будет за тебя молиться, когда не будет иметь дерзновения? Укрась его кротостью и смирением, сделай его достойным призываемого тобой Бога, наполни благословением и многой милостынею, — можно ведь и словами творить милостыню. *Лучше,* сказано, *слово, нежели даяние* (Сир. XVII, 16), и еще: *отвещай* нищему *мирная в крото-*

сти (там же, IV, 8). Все остальное время украшай возвещением божественных законов: *вся повесть твоя да будет в законе Вышняго* (Сир. IX, 20). Украсив себя таким образом, приступим к Царю, и падем на колени не только телом, но и мыслью. Помыслим, к кому мы приступаем и зачем, что желаем получить? Приступаем к Богу, Которого созерцая, серафимы отвращают лицо, не имея сил сносить сияния, от лица Которого трепещет земля; приступаем к Богу, Который живет во свете неприступном; и приступаем для того, чтобы Он избавил нас от геенны, отпустил нам грехи наши, освободил нас от нестерпимых наказаний и даровал нам небо и его блага.

6. Итак, припадем к Нему и телом и мыслью, чтобы Он сам воздвиг нас лежащих; будем беседовать с Ним с кротостью и со всяким смирением. Но кто из людей, скажешь ты, так несчастен и жалок, что и во время молитвы не бывает кроток? Тот, кто молясь проклинает, исполнен гнева и вопиет против врагов своих. Если ты хочешь обвинять, то обвиняй себя самого. Если хочешь изощрить язык свой, изощряй его против грехов своих; говори не о том, какое зло причинил тебе другой, но какое ты сам себе нанес; оно-то и есть величайшее зло. Другой не может обидеть тебя, если ты сам себя не обижаешь. Итак, если ты хочешь восставать против обижающих тебя, то восстань прежде против самого себя, — в этом никто тебе не препятствует; а если ты восстанешь против другого, то будешь в большой обиде. Да и какую ты, говоря по правде, можешь представить обиду? Ту ли, что кто-нибудь оскорбил, обобрал тебя и подверг опасностям? Но это не значит быть обиженным; напротив, если мы будем внимательны, то такие обиды принесут нам даже величайшую пользу. Здесь обиженный есть тот, кто учинил такое зло, а не тот, кто потерпел его. И в этом-то

заключается главная причина всех зол, что мы не знаем даже и того, кто когда получает и кто наносит обиду. Если бы мы хорошо знали это, то никогда не обижались бы и не жаловались бы в молитвах своих на другого, зная, что другой не может причинить нам зла. Не лишаться, а лишать кого имущества есть зло. И потому, если ты похитил что-нибудь, то осуждай самого себя; если же у тебя похитили имущество, молись за похитителя, потому что он доставил тебе весьма великую пользу. Пусть его намерение было и не таково; но ты сам собой приобретешь величайшую пользу, если великодушно перенесешь обиду. Его карают и божественные и человеческие законы, а тебя, обиженного, увенчивают и прославляют. Если бы страждущий горячкой похитил у кого-нибудь сосуд с водой и утолил ею опасную жажду, мы назвали бы обиженным не того, у кого похищен сосуд, но того, кто похитил, потому что через это он усилил бы жар, и ухудшил свою болезнь. Так думай и о любостяжателе и о сребролюбце: и он, ведь, в жару любостяжания, который сильней самой горячки, похищением еще более усиливает свой пламень.

Также, если бы кто в бешенстве, похитив у кого-нибудь меч, заколол им себя, кто тогда потерпел бы зло: тот ли, у кого похищен меч, или тот, кто похитил? Очевидно тот, кто похитил. Так должны мы судить и о похищении имущества. Поистине богатство для сребролюбца то же, что и для безумного меч, и даже еще гораздо вреднее. Безумный, взяв меч и нанесши себе смертный удар, освобождается от безумия, и не получает другого удара; а сребролюбец каждый день получает бесчисленные, жесточайшие раны. Он не освобождается от своего безумия, но еще более увеличивает его; и чем больше получает ран, тем более подает случай раскрываться другим, жесточайшим. Помышляя об этом,

будем избегать такого меча, будем избегать безумия — и, хотя и поздно, научимся воздержанию. Поистине и эту добродетель не менее должно называть целомудрием, как и ту, которую все называют этим именем. Там бывает борьба с одной лютой плотью, а здесь нужно побеждать многие и различные похоти. Нет безумнее человека, раболепствующего богатству. Одолеваемый он представляет себя повелителем; будучи рабом, почитает себя господином; связав себя узами, радуется; усиливая лютость зверя, веселится; находясь в плену, торжествует и скачет; и видя пса, бесящегося и нападающего на его душу, вместо того, чтобы связать и изнурить его голодом, он доставляет ему обильнейшую пищу, чтобы он еще более нападал на него и был еще ужаснее. Итак, представляя все это, расторгнем узы, умертвим зверя, отринем болезнь, отринем это безумие, чтобы нам насладиться спокойствием и совершенным здоровьем и, достигнув с великой радостью тихого пристанища, получить вечные блага, которых и да сподобимся мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LII

И изшед оттуду Иисус, отыде во страны Тирские и Сидонския. И се жена Хананейска от предел тех изшедши, возопи в Нему глаголющи: помилуй мя, Господи, Сыне Давидов! Дщи моя зле беснуется (Мф. XV, 21, 22)

1. Евангелист Марк говорит, что Христос, и *вшед в дом, не може утаитися* (Мк. VII, 24). Но для чего Христос отправился в эти именно страны? Он, отменив для иудеев закон о разборчивости в пище, теперь, прости-

раясь далее, отверзает дверь уже и язычникам. Так и Петр сперва получил повеление отступить от закона (о пище), а потом был послан к Корнилию. Если же кто спросит: как же Христос, говоря ученикам: *на путь язык не идите* (Мф. X, 10), сам вступает на этот путь? — то мы скажем на это: во-первых, Он не обязан был сам исполнять того, что заповедал Своим ученикам; во-вторых, Он шел в эти страны не проповедовать: на это указывает и Марк, говоря, что Господь скрылся, но не мог утаиться. Как не следовало Христу идти к язычникам первым, так напротив не сообразно было с Его человеколюбием удалять их от себя, когда они сами приходили. Если Ему не надлежало оставлять убегавших от Него, тем более не должно было убегать тех, которые сами Его искали. Смотри, например, как вполне достойна была жена благодеяний! Она не смела прийти в Иерусалим, потому что опасалась и считала себя недостойной; если бы было не так, то она пришла бы и туда, как это видно из настоящего ее великого усердия и из того, что она вышла за пределы своей земли. Некоторые, толкуя эти слова иносказательно, говорят, что по отшествии Христа из Иудеи к Нему дерзнула приступить Церковь, также вышедшая за пределы свои, потому что Писание говорит: *забуди люди твоя и дом отца твоего* (Пс. XLIV, 11). Христос вышел из пределов Своей страны, а жена из пределов своей, и таким образом они могут встретиться. *Се жена Хананейска*, говорит Евангелист, *изшедши от предел своих*. Так он называет жену для того, чтобы указать здесь чудо и ее еще более прославить. В самом деле, слыша название хананеянки, представь себе тот беззаконный народ, который извратил в самых основаниях законы природы; а представив это, уразумей силу пришествия Христова. Те, которые были изгнаны для того, чтобы не развратили иудеев, теперь больше иудеев оказывают

усердия. Они выходят из пределов страны своей и сами идут ко Христу, а иудеи и пришедшего к Ним Христа гонят от себя. Итак, пришел к Иисусу, жена одно только говорит: *помилуй мя,* и своим воплем привлекает к себе народ. Подлинно трогательное было зрелище – видеть жену, вопиющую с таким состраданием, видеть мать, умоляющую о своей дочери, о дочери, так жестоко страждущей. Она не осмелилась привести беснующуюся к Учителю, но, оставив ее дома на одре, сама умоляет Его и объявляет только болезнь, ничего более не прибавляя. И не зовет Врача в дом свой, подобно тому князю, который говорил: *пришед возложи руку Твою* (Мф. IX, 18), – или тому цареву мужу, который сказал: *сниди прежде даже не умрет отрочищ мой* (Ин. IV, 49); но поведав о своем горе и тяжкой болезни дочери, обращается к милосердию Владыки и громким голосом вопиет, прося помилования не дочери своей, но себе самой: *помилуй мя*! Как бы так говорила она: дочь моя не чувствует болезни своей, а я терплю тысячи различных мучений; я больна, я чувствую болезнь, я беснуюсь, и сознаю это. *Он же не отвеща ей словесе* (ст. 23). Что значит этот новый и необыкновенный поступок Иисуса? Иудеев и неблагодарных вводит, и злословящих призывает, и искушающих не оставляет, а ту, которая сама приходит к Нему, просит Его и молит, которая не знала ни закона, ни пророков, и между тем показывает такое благочестие, Он не удостаивает даже и ответа. Кто бы не соблазнился о Иисусе, видя поступок, так несогласный с молвой о нем? Слышно было, что Он сам обходил селения для того, чтобы исцелять больных; но вот Он отвергает и ту, которая сама пришла к Нему. Кого бы не приклонили такое страдание и такая покорность, с какой умоляла жена о своей злостраждущей дочери? Она не почитала себя достойной благодеяния, и пришла не с тем, чтобы требовать должного; но просила

оказать милость и изъявляла только свое несчастье, — и при всем этом не удостоена ответа. Может быть, многие из слышавших это соблазнились; но она не соблазнилась. И что я говорю — из слышавших? Я думаю, что и сами ученики тронулись несчастьем жены, смутились и опечалились. Однако и смутившись, они не смели сказать Ему: окажи ей милость; *но приступльше ученицы Его, моляху Его, глаголюще: отпусти ю, яко вопиет в след нас.* Так и мы, когда желаем склонить к чему-либо другого, часто говорим не то, что бы хотели. Христос же отвечает: *несмь* послан, *токмо ко овцам погибшим дому Израилева* (ст. 24).

2. Как же поступила жена? Умолкла ли она, услышав это? Отошла ли? Потеряла ли бодрость? Нет! Она еще более усилила свои моления. Не так поступаем мы. Если не получаем просимого, то перестаем и просить, тогда как надлежало бы просить еще усерднее. Кого бы не привели в недоумение слова Спасителя? Довольно было и одного молчания, чтобы привесть хананеянку в отчаяние; тем более мог повергнуть в него ответ Христов. Видя вместе с собой в недоумении своих ходатаев и слыша, что просьба ее не может быть исполнена, можно было потерять всякую надежду. И однако жена не потеряла ее, но, видя бессилие своих ходатаев, вооружилась похвальной смелостью. Прежде она не смела и явиться перед лицо Господа, — сказано: *вопиет в след нас*; а теперь, когда по причине безнадежности надлежало бы вовсе удалиться, она приступает ближе и кланяется, говоря: *Господи, помози ми* (ст. 25). О жена! Неужели ты имеешь более дерзновения, более мужества, нежели апостолы? Нет, — говорит она, — я не имею ни дерзновения, ни мужества; напротив, я стыжусь, но употребляю дерзость вместо мольбы. Может быть, Он почтит мое дерзновение. Но что это? Или ты не слыхала, что Он сказал: *несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому*

Израилева? Слышала, говорит она; но Он — Господь. Потому-то она и не сказала: попроси и помолися, но — *помози ми.* Что же Христос? Он и тем не удовольствовался, но еще более умножает ее недоумение, говоря: *несть добро отъяти хлеба чадом, и поврещи псом* (ст. 26). Удостоив ответа, Господь своими словами еще более поразил ее, нежели молчанием. Он уже не ссылается на другого в Свое оправдание, и не говорит: *несмь послан*; но чем более усиливает она свою просьбу, тем и Он решительнее отказывает. Он уже не овцами называет иудеев, но чадами, а ее псом. Как же поступает жена? Она в самых Его словах находит себе защиту. Если я пес, говорит она, то значит не чужая. Справедливо сказал Христос: *Аз приидох на суд* (Ин. IX, 39). Жена любомудрствует, показывает великое терпение и веру, несмотря на свое уничижение; а иудеи, получая исцеления и почести, воздают противным. Я знаю, — говорит она, — что чадам необходимо давать пищу; но и мне она не совсем возбранена, несмотря на то, что я подобна псу. Если мне вовсе нельзя пользоваться пищей, то нельзя участвовать и в крохах. Если же я могу иметь хотя малое участие в ней, то мне она не совсем возбранена, несмотря на то, что я подобна псу; или лучше, потому особенно я и имею в ней участие, что подобна псу. Христос знал, что она скажет это. Потому-то и медлил (оказать ей помощь); для того и отказывался даровать ей просимое, чтобы показать ее любомудрие. Если бы Он вовсе не хотел оказать ей помощи, то не оказал бы ее и после этого, и не стал бы снова заграждать ей уста. Но как поступил Он с сотником, сказав: *Аз пришед исцелю его* (Мф. VIII, 7), чтобы мы узнали о благочестии этого мужа и услышали от него слова: *несмь достоин, да под кров мой внидеши;* как поступил Он с кровоточивой, сказав: *Аз чух силу зшедшую из Мене* (Лк. VIII, 46), чтобы через то сделать известной веру ее; как по-

ступил с самарянкой, чтобы показать, что она не отошла от Него и после обличения, — так поступает и теперь. Он не хотел скрыть столь великой добродетели жены, и то, что говорил ей, говорил не для того, чтобы укорить ее, но чтобы призвать к Себе и открыть скрытое сокровище.

Но ты, вместе с верой, познай и смиренномудрие ее. Господь назвал иудеев чадами; а она не удовольствовалась этим, но назвала их и господами. Так далека она была от того, чтобы завидовать славе других! *И пси,* — говорит она, — *ядят от крупиц, падающих от трапезы господей своих* (ст. 27). Видишь ли благоразумие жены? Она не стала противоречить, не завидовала похвалам других и не оскорбилась собственной обидою. Какая твердость духа! Христос говорит: *несть добро,* — она ответствует: *ей, Господи!* Он называет иудеев чадами, — а она господами. Он называет ее псом, — а она приписывает себе и действие свойственное псу. Видишь ли ее смирение? Теперь посмотри на высокомерие иудеев. *Семя Авраамле есмы,* говорят они, и *никомуже работахом николиже*; мы рождены от Бога (Ин. VIII, 33, 41). Не так поступает жена. Она называет себя псом, а их господами; и за это-то сделалась чадом. Что же Христос? *О, жено,* — восклицает Он, — *велия вера твоя!* (ст. 28). Для того и медлил Он доселе оказать помощь, чтобы сказать эти слова и увенчать жену. *Буди тебе, якоже хощеши,* — то есть вера твоя может сделать и больше этого, но *буди тебе, якоже хощеши!* Это восклицание подобно повелению: да будет небо — и бысть. *И исцели дщи ея от того часа.* Видишь ли, как много она способствовала к исцелению своей дочери? Потому-то и Христос не сказал: да исцелеет дочь твоя, но: *велия вера твоя, буди тебе, якоже хощеши,* — чтобы ты знал, что сказанное ею были не пустые или льстивые слова, а выражали великую силу веры. Наилучшее доказательство и свидетельство

последней заключается в самом событии, – именно дочь ее тотчас же исцелилась.

3. Заметь, что она совершила то, в чем побеждены были и чего не могли сделать апостолы. Такова сила неотступной молитвы! Бог хочет, чтобы мы в нуждах своих сами более просили Его, нежели другие ходатайствовали за нас. Хотя апостолы и более имели дерзновения, но жена показала великое терпение. Исполнив прошение жены, Христос оправдал Себя в медленности перед учениками и показал, что Он справедливо не согласился на их просьбу. *И прешед оттуду Иисус, прииде на море Галилейское: и возшед на гору, седе ту. И приступиша к Нему народи мнози, имуще с собой хромыя, слепыя, бедныя, немыя и привергоша их к ногама Иисусовыма, и исцели их. Якоже народом дивитися, видящим немыя глаголюща, бедныя здравы, хромыя ходяща и слепые видяща: и славяху Бога Израилева* (ст. 29, 30). Господь иногда сам ищет больных, а иногда выжидает, чтоб они сами приходили к Нему, и хромых возводит на гору. Теперь они уже не прикасаются и к одежде Его, но начинают рассуждать правильнее: повергаются к ногам Его и обнаруживают сугубую веру; несмотря на хромоту свою, восходят на гору, и ничего другого не требуют, кроме того, чтобы повергнуться к ногам Его. Весьма удивительно и странно было видеть, что те, которых прежде носили, теперь ходят сами, слепые не имеют нужды в руководителях. Но и самое множество исцеляющихся и легкость исцеления приводили в удивление народ. Знаешь ли, почему жену исцелил Он после такого промедления, а этих тотчас? Не потому, что они были достойнее ее, но потому, что она более их имела веры. Для того Он и отлагает и медлит исцелить ее, чтобы показать ее твердость, а этим тотчас подает дар для того, чтобы заградить уста неверных иудеев и лишить их всякого оправдания.

Подлинно, кто более получает благодеяний, тот большему подвергается и наказанию, когда бывает неблагодарен, когда и самая честь не делает его лучше. И богатые потому наказываются сильнее бедных за свою жестокость, что они и в изобилии не были сострадательны.

Не говори мне, что они подавали милостыню. Если они подавали менее, нежели сколько могли давать, то и тогда не избегнут наказания. Милостыня ценится не по количеству подаваемого, но по обилию расположения. Если и мало подающие будут наказаны, то тем более те, кто стяжал много благ, кто созидает дома в три и четыре кровли, а алчущих презирает, кто о любостяжании заботится, а о милостыне нерадит. Но если уж зашла речь о милостыне, то продолжим теперь ту беседу, которую я за три дня перед тем, рассуждая о человеколюбии, оставил недоконченной. Вы помните, что тогда я, рассуждая о чрезмерной и суетной заботливости об обуви и о изнеженности юношей, перешел к обличению этих пороков от размышления о милостыне. Что же тогда было поводом к этому? Мы сказали, что милостыня есть искусство, которого училище находится на небесах, а учитель не человек, но Бог. Потом, исследуя, что можно назвать искусством и чего нельзя, перешли к занятиям суетным и искусствам вредным, между которыми упомянули и об искусстве делать обувь. Вспомнили ли? Итак, займемтесь и теперь тем, о чем говорили тогда, и покажем, почему милостыня есть искусство, и притом лучшее всех искусств. Если дело искусства состоит в том, чтобы доставлять какую-либо пользу, а полезнее милостыни нет ничего, то очевидно, что она есть искусство,—и притом лучшее всех искусств. Она не обувь нам делает, не одежду доставляет, не дома бренные созидает, но жизнь вечную уготовляет, из рук смерти исхищает, и в той, и в другой жизни прославляет,

и созидает нам жилище и вечные чертоги на небесах. Она не дает погасать нашим светильникам, ни являться нам на брак в нечистых одеждах, но омывает их и делает чище снега: *аще бо будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю* (Ис. I, 18); она не попускает нам впасть туда, где находится (евангельский) богач и слышать страшные глаголы, но ведет нас на лоно Авраама. Каждое из искусств житейских доставляет одну какую-нибудь пользу, — так земледелие питает, искусство ткать одевает; а, вернее сказать, и такой пользы ни одно из них само по себе, без помощи другого, не может нам доставить.

4. Если хотите, то рассмотрим, во-первых, земледелие. Земледелец никак не мог бы заниматься своим искусством, если бы кузнец не доставлял ему заступа, сошника, серпа, топора и много других орудий, нужных для земледелия; если бы плотник не сделал для него плуга, не приготовил ярма и молотильной телеги, кожевник — ремней, и опять плотник не построил стойл для пашущих волов и жилищ для самих пахарей; если бы дровосек не рубил дров и, наконец, если бы не было людей, умеющих печь хлеб. Равным образом занимающиеся искусством тканья, при отправлении работ своих, призывают к себе на помощь многие искусства, и если не получат ее, то не могут производить работ своих. И вообще каждое искусство имеет нужду в другом. Одна только благотворительность ничего другого не требует, кроме одного расположения. Если ты скажешь: она требует имущества, домов, обуви, то прочти слова Христа, сказанные Им о вдовице, и отложи такого рода заботу. Хотя бы ты был весьма беден, беднее даже тех, которые у тебя просят, — все же, если ты ввергнешь две лепты, то ты все совершил; хотя бы ты дал кусок хлеба, не имея у себя ничего, кроме него, — ты все исполнил. Итак, посвятим себя этой науке и искусству, и будем

упражняться в нем. Знать его — лучше, нежели быть царем и украшаться диадемой. Преимущество его состоит не в том только, что оно не имеет нужды ни в какой посторонней помощи, но и в том, что оно совершает многие и самые различные дела. Оно созидает вечные жилища на небесах, научает почитателей своих избегать вечной смерти; оно дарует тебе сокровища неистощимые, которые не могут потерпеть вреда ни от воров, ни от червей, ни от тления, ни от времени. Если бы кто-нибудь научил тебя сберегать только хлеб, то чего бы ты не дал, чтобы научиться сохранять его без вреда в продолжение нескольких лет? Но вот благотворительность научает тебя безвредно сберегать не только хлеб, но и все: и имущество, и душу, и тело. Но что подробно перечислять все выгоды, доставляемые этим искусством? Оно научает тебя тому, как можешь ты уподобиться Богу, а это есть первое из всех благ. Теперь видишь ли, что милосердие совершает не одно только действие, но многие? Не требуя помощи от других искусств, оно созидает дома, приготовляет одежды, доставляет неиждиваемые сокровища, делает победителями смерти, одолевает диавола, уподобляет Богу. Итак, что может быть полезнее этого искусства? Кроме того, другие искусства оканчиваются вместе с настоящей жизнью, не действуют во время болезни художников и имеют действия преходящие, требуют труда и многого времени, и других бесчисленных принадлежностей. А милостыня по скончании мира еще яснее открывается, по смерти человека наиболее просиявает и обнаруживает свои действия, и не требует ни времени, ни труда, ни чего-либо другого трудного. Она действует и во время болезни твоей, и в старости, сопутствует тебе в жизнь будущую и никогда тебя не оставляет. Она делает тебя сильнее мудрецов и ораторов; люди знаменитые по своей мудрости и ораторству

имеют у себя многих завистников, а за тех, которые прославили себя милосердием, бесчисленное множество людей приносят молитвы. Те предстоят перед судом человеческим, защищая обиженных, а часто и обижающих; а милостыня предстоит перед судом Христа, и не только защищает, но и самого Судью преклоняет защищать подсудимого и произнести милостивый приговор о нем. Хотя бы он был виновен в бесчисленных согрешениях, — она венчает его и провозглашает победителем; *дадите,* сказано, *милостыню и вся чиста будут* (Лк. XI, 41). И что я говорю о будущей жизни? И в настоящей, — спросите кого угодно из людей, — чего они желают более: того ли, чтобы между ними было много мудрецов и ораторов, или людей милосердых и человеколюбивых? И вы услышите, что они изберут последнее. И весьма справедливо. От уничтожения красноречия жизнь нисколько не потерпит вреда; она и до него долгое время существовала. Но если уничтожится милосердие, то все погибнет и истребится. Как на море нельзя плыть далее берегов, так и земная жизнь не может стоять без милосердия, снисхождения и человеколюбия.

5. Вот почему Бог не только разуму предоставил побуждать нас к милосердию, но во многих случаях самой природе нашей даровал власть преклонять нас к последнему. Так отцы и матери оказывают милосердие детям, а дети родителям; и то бывает не только у людей, но и у всех бессловесных. Так брат оказывает милосердие брату, родственник — родственнику, ближний — ближнему, человек — человеку. Мы по самой природе имеем некоторую наклонность к милосердию. Потому-то мы и скорбим об обиженных, болезнуем смотря на убиваемых, плачем при взгляде на плачущих. Бог весьма желает, чтобы мы исполняли дела милосердия, потому и повелел природе сильнее побуждать нас к ним,

показывая тем, что Ему весьма любезно милосердие. Итак, помышляя об этом, пойдем сами и поведем детей и ближних наших в училище милосердия. Человек всего более должен учиться милосердию, потому что оно-то и делает его человеком. *Велика вещъ человек, и драгая муж, творяй милостъ* (Притч. XX, 6). Кто не имеет милосердия, тот перестает быть и человеком. Оно делает мудрыми. И чему дивишься ты, что милосердие служит отличительным признаком человечества? Оно есть признак божества. *Будите милосерды*, говорится, *якоже Отец ваш* (Лк. VI, 36). Итак, по всем этим причинам научимся быть милосердыми, а особенно потому, что мы и сами имеем великую нужду в милосердии. И не будем почитать даже жизнью время, проведенное без милосердия. Я говорю о милосердии, чуждом всякого любостяжания. Если человек, довольствующийся своим состоянием и не дающий ничего другому, не есть милосерд, то может ли назваться милосердым тот, кто похищает чужое, хотя бы он делал бесчисленные подаяния? Если наслаждаться одному своими благами бесчеловечно, то еще более отнимать их у других. Если люди, не причинившие никакой обиды другим, подвергаются наказанию только за то, что не разделяли с ними своего имущества, то еще более подвергнутся те, которые похищали чужое. Не оправдывай себя тем, что, причиняя вред одному, ты оказываешь милость другому. Так поступать несправедливо. Тебе должно оказывать милость тому; кого ты обидел; а ты, нанося раны одним, врачуешь тех, которым не причинил никаких ран, тогда как должно бы врачевать их, или, лучше, не должно бы совсем и наносить. Человеколюбив не тот, кто сам поражает и исцеляет пораженных им, но тот, кто врачует раны, нанесенные другими. Итак, врачуй те раны, которые ты сам нанес, а не те, которые другими причинены; или, лучше, не поражай и не низлагай другого, — это значило

бы издеваться над другими, — но восставляй пораженных. Уврачевать милостыней в соответствующей мере то зло, которое нанесено любостяжанием, невозможно. Если ты отнял у кого обол, то тебе мало уже обола, чтобы посредством милостыни залечить рану, нанесенную любостяжанием, но потребен талант. Вот почему пойманный вор возвращает вчетверо больше похищенного им. Но хищник хуже вора. Если же вор должен возвращать вчетверо более украденного им, то хищник вдесятеро, или еще более; хорошо, если и при этом условии сможет он получить отпущение в своей неправде: плода же милостыни он и тогда не получит. Потому-то Закхей и сказал: *аще кого чим обидех, возвращу четверицею;* и: *пол имения моего дам нищим* (Лк. XIX, 8). Если же во время закона должно было вознаграждать вчетверо, то тем более в царстве благодати. Если вор обязан это сделать, то тем более хищник; этот последний, кроме убытка, причиняет еще обиду, так что хотя бы ты дал во стократ больше, и тогда не вознаградишь всего. Видишь ли, что я не напрасно сказал, что если ты похитишь обол, а отдашь талант, то и тогда едва вознаградишь? Если же, и поступая таким образом, ты едва можешь вознаградить вред другого, то когда ты поступишь наоборот, то есть, похитив все имущество у ближнего, раздашь только малую часть его, и притом не тем, у кого похитил, а другим, — какое ты будешь иметь тогда оправдание? Какое прощение? Какую надежду спасения? Хочешь ли знать, сколь великое зло делает тот, кто оказывает такое милосердие? Послушай, что говорит Писание: *яко* убиваяй чадо *пред отцем его, тако приносяй жертву от имения* нищих (Сир. XXXIV, 20). Итак, прежде нежели выйдем из храма этого, начертаем эту угрозу в уме нашем; напишем ее на стенах, на руках, в совести и везде, чтобы по крайней мере страх, усилившись в уме нашем, удерживал руки наши от ежедневных

убийств. Хищение хуже убийства, поскольку оно медленно убивает бедного. Чтобы нам освободиться от этой болезни, будем размышлять о большем и сами с собой, и с другими. Таким образом мы и к милосердию будем более склонны, и получим славные награды, даруемые за него, и удостоимся вечных благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LIII

Иисус же, призвав ученики Своя, рече: милосердую о народе, яко уже три дни приседят Мне, и не имут чесо ясти: и отпустити их не ядших не хощу, да не како ослабеют на пути (Мф. XV, 32)

1. И прежде Христос, намереваясь сотворить подобное чудо, сперва исцелил страждущих телесными болезнями; и теперь делает то же самое: приступает к чудодействию после исцеления слепых и хромых. Почему же тогда ученики сказали: *отпусти народы,* а теперь этого не сказали, хотя прошло уже три дня? Или сами стали уже лучшими, или видели, что народ не слишком чувствовал голод, славя Бога за оказанные ему благодеяния? Но смотри, как Христос и теперь не просто приступает к чудодействию, но вызывает на него учеников. Народ, пришедши для исцеления болезней, не осмеливался просить хлеба; но Христос, будучи человеколюбив и попечителен, дает и не требующим, и говорит ученикам: *милосердую о народе, и отпустити, их не ядших не хощу.* Но чтобы кто-нибудь не сказал: они пришли с запасом хлеба, — Христос говорит: *три дни уже приседят Мне;* следовательно, если бы пришли и с запасом, то запас истощился бы. Потому-то и чудо сотворил Он не

в первый и не во второй день, но когда вышло у них все, — чтобы, наперед восчувствовав нужду, тем с большим восторгом приняли чудо. Для того и говорит: *да не ослабеют на пути*, показывая тем, что далеко было до селения и что у них ничего не осталось. Но если ты не хочешь отпустить их голодными, почему не творишь знамения? Чтобы своим вопросом и ответом учеников возбудить в них большее внимание, и дать им случай показать веру свою, подойти к Нему и сказать: сотвори хлебы. Но и тут они не поняли цели вопроса. Вот почему после, как повествует Марк, Христос и говорит им: так ли окаменели сердца ваши? *Очи имуще не видите, и уши имуще не слышите?* (Мк. VIII, 17, 18). Если бы этого не было, то для чего говорить ученикам, и давать знать, что народ достоин благодеяния, и прибавлять, что Он милосердует о нем? Матфей говорит, что после Он еще укорял их, говоря: *маловери, не у ли разумеете, ниже помните пять хлебы пятим тысящам, и колико кош взясте? Ни ли седмь хлебы четырем тысящам, и колико кошниц взясте?* (Мф. XVI, 8–10). Так согласны между собой евангелисты. Итак, что ж ученики? Они еще пресмыкаются долу и, хотя Христос всячески старался запечатлеть в их памяти это чудо, и вопросом, и ответом, и тем, что сделал их раздаятелями (хлеба), и что короба остались, — но они все еще оставались несовершенными, почему и говорят Ему: *откуду нам в пустыни хлебы толицы?* (ст. 33). И раньше, и теперь они все поминают о пустыне; и хотя говорят это не рассудив надлежащим образом, но самое чудо и здесь не подвергают никакому сомнению. Но чтобы кто-нибудь не сказал, — как я уже и прежде заметил, — что Он хлеб получил из какого-нибудь ближайшего селения, то указывается на самое место, чтобы чудо было вне сомнения. Потому-то как первое, так и это чудо Он творит в пустыне, далеко отстоящей от селений. Но ученики, ничего этого не

понимая, говорили: *откуда нам в пустыни, толицы хлебы?* Они весьма неразумно думали, что Он говорит им это в намерении поручить им самим напитать народ. И прежде Он для того говорил: *дадите им вы ясти* (Мф. XIV, 16), чтобы дать им случай просить Его об этом. Теперь же и того не говорит — *дадите им ясти;* но что? *Милосердую, и отпустити их не ядших не хощу*. Этими словами Он еще ближе наводит их на мысль, еще сильнее побуждает и дает разуметь, чтобы они просили Его напитать народ. Эти слова показывали, что Он может не отпустить их голодными, и свидетельствовали о Его могуществе. Это именно и означало слово: *не хощу*. Но так как они, несмотря и на это, не поняли сказанного Христом и упомянули о народе, и о месте, и о пустыне (сказали именно: *откуду нам в пустыни хлебы толицы, яко да насытится толик народ?*), то Он уже сам прямо вразумляет их, и говорит им: *колико хлебы имате? Они же реша: седмь и мало рыбиц* (ст. 34). Не говорят уже: но *сии что суть на толико* (Ин. VI, 9), как прежде говорили. Так, хотя они и не все вдруг понимали, но все же мало-помалу приобретали более высокое познание. И сам Он, возбуждая этим их мысли, спрашивает так же, как и прежде, чтобы самым образом вопроса напомнить им о прежде совершенном чуде. Ты же, приметив из этого их несовершенство, познай вместе и любомудрый их разум, и подивись их любви к истине, как сами они в своих писаниях не скрывают собственных недостатков, и притом великих. В самом деле, немалая вина — так скоро забыть чудо, недавно бывшее; за это Господь их и укоряет.

2. Кроме того, познай их любомудрие и в другом отношении, именно: как мало заботились они о чреве, как привыкли немного думать о пище. Находясь в пустыне и пребывая в ней три дня, имели только семь хлебов. Во всем прочем Господь поступает подобно

прежнему: рассаживает их на земле и делает так, что в руках учеников не убывают хлебы. *Повеле*, сказано, *народом возлещи на земли: и прием седмъ хлебы и рыбы, хвалу воздав преломи, и даде ученикoм, ученицы же народом* (ст. 35–36). Но что за этим следовало, не походило на прежнее. *Ядоша*, сказано, *вси и насытишася, и взяша избытки укрух, седмь кошниц исполнь. Ядших же бяше четыре тысящи мужей, разве жен и детей* (ст. 37–38). Но почему тогда от пяти тысяч осталось двенадцать коробов, а здесь от четырех тысяч осталось семь корзин? Итак, для чего и почему остаток был меньше, хотя и евших было меньше? Можно сказать, что или корзины были больше коробов, или если не то, надобно думать, что Господь опять, чтобы сходство чуда не довело их до забвения, таким различием пособляет их памяти, чтобы, помня сделанное иначе, помнили то и другое чудо. Поэтому-то в первом случае число коробов с остатками делает равным числу учеников, а теперь число корзин равным числу хлебов. И в этом Он обнаруживает неизреченную силу и свободу могущества, показывая, что и так и иначе может творить чудеса. Подлинно, делом немалого могущества было то, что Он соблюл число как тогда, так и теперь: тогда было пять тысяч, а теперь четыре тысячи, остатков же было ни больше, ни меньше, в первом случае – числа коробов, а во втором – корзин, хотя число евших было различно. И что далее следует, подобно прежнему. Как тогда, оставив народ, Христос вошел в корабль, так и теперь. И Иоанн тоже говорит (Ин. VI, 17). Так как никакое чудо не располагало столько народ следовать за Ним, как чудо хлебов, – даже хотели не только за Ним следовать, но и сделать Его за это царем, – то Христос, избегая даже и вида властолюбия, удаляется после этого чудотворения; и не пеший уходит, но, чтобы не мог следовать народ, входит на корабль. *И отпустив*, говорит Еванге-

лист, *народы, влезе в корабль, и прииде в пределы Магдалински* (Мф. XV, 39). *И приступивше Фарисее и Саддукее, просиша Его знамение с небесе показати им. Он же рече: вечеру бывшу глаголете ведро, чермнуетбося небо; и утру: днесь зима, чермнуетбося дряселуя небо. Лице убо небесе умеете рассуждати, знамений же временом не можете. Род лукав и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка. И оставль их отъиде* (Мф. XVI, 1–4). А Марк говорит, что когда они пришли к Нему и спрашивали, *воздохнув духом Своим, глагола: что род сей знамения ищет?* (Мк. VIII, 12). Хотя такой вопрос должен был возбудить гнев и негодование, однако человеколюбивый и милосердый Господь не гневается, но сожалеет и болезнует о них, как о неисцельно больных, которые после стольких доказательств Его могущества все еще искушали Его. Они спрашивали Его не для того, чтобы уверовать, но чтобы уловить. Если бы пришли с тем, чтобы уверовать, Он дал бы им знамение. Тот, Кто сказал жене: *несть добро* (Мф. XV, 26) и потом дал, тем более дал бы им. Но так как они просили знамения не для того, чтобы уверовать, то Спаситель называет их в другом месте и лицемерами, за то, что они одно говорили, а другое думали. Если бы они веровали, то не просили бы и знамения. А что они не веровали, это видно и из того, что после укора и обличения, уже не настаивали на своей просьбе, и не сказали: мы не знаем, и хотим научиться. Какого же знамения с неба просили? Остановить солнце, или удержать луну, или низвести молнию, или произвести перемену в воздухе, или сделать что-нибудь подобное. Что же на это отвечает Христос? *Лице небесе умеете разсуждати, знаменний же временом не можете.* Видите ли кротость и снисходительность? Он не просто отказал, как прежде, не сказал: *не дастся ему* (Мф. XII, 39), но указывает и причину, по которой не дает, хотя они и не для того спраши-

вали, чтобы научиться. Какая же причина? Как на небе, говорит Он, иной признак ненастья, иной — ведра, и никто, видя признак ненастья, не будет ожидать хорошей погоды, а в хорошую погоду — ненастья, так и обо Мне должно рассуждать. Иное время настоящего пришествия и иное — будущего. Ныне нужны знамения на земле, а знамения на небе отложены до будущего времени. Ныне Я пришел как врач, тогда явлюсь как судья; ныне пришел взыскать заблудшее, тогда приду потребовать отчета. Потому ныне пришел скрытно, тогда приду со всею торжественностью: совью небо, сокрою солнце, лишу света луну; тогда и силы небесные подвигнутся, и явление Моего пришествия будет подобно молнии, которая вдруг всем является. Но не ныне время этих знамений: Я пришел умереть и претерпеть поноснейшие страдания. Не слыхали ли, что пророк говорит: *не пречет, ни возопиет ниже услышится вне глас Его* (Ис. XLII, 2)? И еще другой: *снидет яко дождь на руно* (Пс. LXXI, 6)?

3. Если укажете на знамения, бывшие при фараоне, то те знамения тогда были кстати, потому что нужно было избавиться от врага. А кто пришел к друзьям, тому нет нужды в таких знамениях. И что Мне производить великие знамения, когда малым нет веры? Малыми их я называю по видимости, потому что по (внутренней) силе последние гораздо более первых. В самом деле, что может сравниться с отпущением грехов, воскрешением мертвого, изгнанием бесов, исцелением тела, словом — с восстановлением всего? Ты же заметь, как ожесточено сердце иудеев. Слыша, что не дастся им знамения, кроме знамения Ионы пророка, они не расспрашивают Его, хотя, зная пророка и все, с ним случившееся, и вновь слыша об этом от Христа, они должны были спросить и узнать, что значило сказанное? Но я сказал, что они просят знамения не с

желанием научиться. Вот почему и Христос, оставив их, отошел. *И прешедше ученицы Его,* говорит Евангелист, *на он пол, забыша хлебы взяти. Иисус же рече им: внемлите и блюдитеся от кваса фарисейска и саддукейска* (ст. 5, 6). Почему не сказал: берегитесь учения? Очевидно, что хочет напомнить им о бывшем: знал, что они то забыли. Прямо обличать их не было видимого основания; но, от них же самих взяв повод укорить их, делает обличение не так для них чувствительным. Почему же не тогда укорил их, когда говорили: *откуду нам в пустыни хлебы толицы?* Казалось, что тогда кстати было сказать; но не сказал, чтобы не дать знать, что Он хочет сделать чудо. Притом, не хотел и их обличать, и сам хвалиться перед народом. Теперь же приличнее было обвинять их, так как и после двукратного чуда они не вразумились. Вот почему уже после второго чуда укоряет их и выводит наружу то, о чем они думали. О чем же они думали? *Яко хлебы,* — говорит Евангелист, — *не взяхом* (ст. 7). Они еще заботились об иудейских очищениях, и наблюдали разборчивость в пище. За все это Христос и укоряет их с большею строгостью, говоря: *что мыслите в себе, маловери, яко хлебы не взясте? Не у ли разумеете, ниже помните? Еще ли окаменено сердце ваше? Очи имуще не видите, уши имуще не слышите? Не у ли помните пять хлебы пяти тысящам, и колико кош взясте? Ни ли седмь хлебы четырем тысящам, и колико кошниц взясте?* (ст. 8 и 10).

Видишь ли сильное негодование? Нигде еще Он так не укорял их. Для чего же делает это? Чтобы опять отвергнуть предрассудок их касательно пищи. Почему-то тогда Он сказал только: *не у ли разумеете, ниже помните?* Здесь же с сильной укоризной говорит: *маловери!* И кротость не везде уместна. Как давал им полную свободу говорить, так и укоряет их; а то и другое делал для их спасения. Смотри же, как Он был строг и сни-

сходителен. Он едва не извиняется перед ними, что их укорил с такой силой, когда говорит: *не у ли помышляете пять хлебы, и колико кош взясте, и седмь хлебы, и колико кошниц взясте?* Для того означает число как евших, так и остаток, чтобы, напомнив им о прошедшем, сделать более внимательными к будущему. Но чтобы тебе узнать, что произвела укоризна, и как пробудила их усыпленный ум, послушай, что говорит Евангелист. Хотя Господь ничего более не сказал, а укоривши, присовокупил только: *како не разумеете, яко не о хлебех рех вам внимати, но от кваса фарисейска и саддукейска?* – но они, говорит далее Евангелист, *тогда разумеша, яко не рече хранитися от кваса хлебнаго, но от учения фарисейска и суддукейска*, – чего сам Он не объяснял. Смотри, сколько доброго произвела укоризна! Она заставила их отстать от иудейской разборчивости, и из беспечных сделала внимательными, и освободила их от честолюбия и маловерия, так что они перестали приходить в страх и трепет, когда случалось им иметь мало хлебов, и не заботились, чем утолить голод, но все это презирали. Так и мы не должны всегда поблажать подчиненным, равно не должны искать того, чтобы начальники наши нам поблажали. Для души человеческой необходимы оба эти врачевства (и строгость, и снисходительность). Вот почему и Бог в целой вселенной так распоряжается, что иногда употребляет строгость, а иногда – снисходительность, и не попускает быть ни благополучию без скорбей, ни бедствий без радостей. Как в природе бывает то ночь, то день, то лето, то зима, так и у нас – то печаль, то радость, то болезнь, то здоровье. Итак, не дивись, когда ты болен, – иначе должен будешь дивиться, когда ты и здоров; не смущайся, когда ты печален, – иначе должен будешь беспокоиться, когда и весел. Все совершается по естественному порядку.

4. И что дивишься, если с тобой это случилось? Кто не знает, что то же случалось и со святыми? А чтобы тебе понять это, изобразим ту жизнь, о которой ты думаешь, что она вся исполнена удовольствиями и свободна от забот. Хочешь ли, рассмотрим жизнь Авраама с самого ее начала? Что же он прежде всего услышал? *Изыди от земли твоея, и от рода твоего* (Быт. XII, 1). Видишь ли, что требование очень неприятно? Но смотри, сколько следует затем радостного! *И иди в землю, юже ти покажу, и сотворю тя в язык велий* (ст. 1, 2). А что, когда пришел в землю, достиг пристани, кончились ли скорби? — Отнюдь нет: опять следуют новые скорби, тягостнее прежних — голод, странствование, похищение жены; а затем ожидали его другие радости — поражение фараона, отпуск с честью, со многими дарами, и возвращение в дом. И вся остальная жизнь представляет такую же цепь радостей и печалей. То же самое случилось и с апостолами. Потому Павел и говорит: *утешай нас о всякой скорби, яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби* (2 Кор. I, 4). Но ты скажешь: как это идет ко мне, который всегда нахожусь в скорбях? Не будь нечувствителен и неблагодарен; никому невозможно быть всегда в скорбях; этого не перенесет природа (человеческая). Но так как мы всегда желаем быть в радости, то и думаем, что всегда находимся в печали. Кроме того, так как радостное и приятное мы скоро забываем, а печальное всегда помним, то и говорим, что всегда находимся в печалях. Человеку по природе его невозможно быть всегда в печали. Если угодно, рассмотрим жизнь, проводимую в неге, забавах и роскоши, — и жизнь в нужде, в бедствиях и горестях. Мы покажем вам, что как та имеет свои горести, так и эта имеет свои радости. Но будьте спокойны. Вообразите себе человека, заключенного в оковы, и еще юного осиротевшего царя, который получил великое богатство;

вообразите также работника, который трудится целый день, и человека, который все время проводит в неге. Хочешь ли, мы опишем прежде скуку преданного неге человека? Представь, как должны волноваться его мысли, когда ищет он славы не по силам своим, когда слуги его презирают, когда низшие оскорбляют, когда тысячи его винят и осуждают его расточительность; а того и пересказать нельзя, что еще обыкновенно случается с такими богачами, как то: вражда, оскорбления, обвинения, убытки, злоумышления завистников, которые, когда не могут себе присвоить его богатства, завлекают молодого человека в разные дела, всячески расстраивают и причиняют ему тысячи беспокойств. Хочешь ли, опишу тебе приятности в жизни работника? Он свободен от всего исчисленного; если кто и обидит его, – не оскорбит, потому что никому себя не предпочитает; потери имения не страшится; ест с удовольствием, спит беззаботно. Не с таким удовольствием пьет иной и фазское вино, с каким он приходит к источнику и пьет ключевую воду. Но не такова жизнь богача. А если и этого тебе мало, то чтобы одержать над тобой еще большую победу, сравним царя с узником, и ты не раз увидишь, что узник наслаждается удовольствием, веселится и скачет, а царь, напротив, в диадеме и порфире скучает, имеет тысячи забот и обмирает от страха. Никому, никому нельзя жить без печали, равно как и без всякого удовольствия. Этого не вынесла бы и природа наша, как я сказал прежде. Если же один более радуется, а другой более скорбит, то происходит это от самого человека, который скорбит по малодушию, а не от природы вещей. Если же хотим всегда радоваться, то много имеем к тому случаев. Если утвердимся в добродетели, то ничто уже нас не будет печалить: добрые надежды внушает она тем, кто приобрел ее, делает их угодными Богу и почтен-

ными перед людьми, и дает им неизреченную отраду. Правда, многого труда стоит утвердиться в добродетели; но за то она много радует совесть, и столько производит внутреннего удовольствия, что никаким словом и выразить нельзя. В самом деле, что тебе кажется приятным в настоящей жизни? Стол ли роскошный, здравие ли телесное, слава ли и богатство? Но все эти удовольствия покажутся весьма горькими, если сравнить их с удовольствием внутренним. Поистине нет ничего приятнее неукоризненной совести и доброй надежды.

5. И если хотите увериться в этом, испытаем человека, близкого к смерти или престарелого и, припомнив ему о роскошных столах, которыми он услаждался, о славе и чести, равно и о добрых делах, какие он когда-либо делал и совершал, – спросим его: что больше его радует? И увидим, что, вспоминая первые, он стыдится и закрывает лицо, а вспоминая последние, восхищается и ликует. Так Езекия, когда изнемог, вспомнил не о славе, не о царстве, не о столах роскошных, но о правде. *Помяни, Господи,* говорит он, *како ходих перед Тобой путем правым* (4 Цар. XX, 3). Посмотри, как и Павел восхищается добрыми делами, и говорит: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох* (2 Тим. IV, 7). Скажешь: о чем ему было и говорить? О многом, и большем этого: о почестях, ему возданных, об охранителях, которые имелись у него, и о многократных услугах. Не слышишь ли, что он говорит: *якоже ангела Божия приясте мя, яко Христа Иисуса,* что *аще бы было мощно, очеса ваша извертевше дали бысте ми* (Гал. IV, 14, 15), и что *по души* его *своя выя положиша* (Рим. XVI, 4). Однако он говорит не об этих почестях, но о трудах, об опасностях и соответствующих им венцах. И весьма справедливо. То остается здесь, а это за нами последует; за то дадим отчет, а за это получим

награду. Или не знаете, как возмущают душу грехи в день кончины, как волнуют сердце? В эти-то минуты воспоминание о добрых делах, подобно ветру во время бури, успокаивает смущенную душу. Если будем бодрствовать, то страх этот неразлучен будет с нами еще и в жизни; когда же остаемся бесчувственными, то он, без сомнения, предстанет тогда, когда будем разлучаться с этой жизнью. Так и узник тогда особенно скорбит, когда выводят его на суд; тогда особенно трепещет, когда приближается к судилищу, когда должен дать отчет. Вот почему много ходит и рассказов об ужасах при последнем конце и страшных явлениях, которых самый вид нестерпим для умирающих, так что лежащие на одре с великой силой потрясают его и страшно взирают на предстоящих, тогда как душа силится удержаться в теле и не хочет разлучиться с ним, ужасаясь видения приближающихся ангелов. Если мы, смотря на страшных людей, трепещем, то каково будет наше мучение, когда увидим приближающихся грозных ангелов и неумолимые силы, когда они душу нашу повлекут и будут отторгать от тела, когда много будет она рыдать, но вообще и без пользы? И богач, упоминаемый в Евангелии, много плакал по смерти; но это не принесло ему никакой пользы. Все это напечатлевая в уме и всегда представляя, чтобы и нам не потерпеть того же, удержим в свежей памяти страх смерти, чтобы избежать наказания за наши грехи и получить вечные блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и святому и животворящему Духу слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LIV

Пришед же Иисус во страны Кесарии Филипповы, вопрошаше ученики Своя, глаголя: кого Мя глаголют человецы быти, Сына человеческаго (Мф. XVI, 13)?

1. Для чего Евангелист упомянул об основателе города? Для того, что была другая Кесария, именно Стратонова; а Иисус Христос спрашивал учеников не Стратоновой, а в Филипповой, отведши далеко от иудеев, чтобы они, освободившись от всякого опасения, смело высказали все, что у них было на мыслях. Для чего же Он спросил сначала не об их мнении, а о мнении народа? Для того, чтобы они, сказавши народное мнение, потом, будучи спрошены: *вы же кого Мя глаголете быти?* — самым порядком вопросов были возведены к высшему разумению, и не стали о Нем так же низко думать, как и народ. По той же причине спрашивает их не в начале проповеди, но когда сотворил много чудес, беседовал с ними о многих и высоких истинах и многократно доказал Свою божественность и единство с Отцом, тогда уже предлагает им этот вопрос. И не говорит: за кого Меня почитают книжники и фарисеи? — хотя они часто приходили к Нему и беседовали; но желает знать непритворное мнение народа: *кого Мя глаголют человецы быти?* Мнение народа было хотя гораздо ниже надлежащего, но без всякого лукавства; мнение же книжников и фарисеев внушено было сильной злобой. И показывая, как сильно желает, чтобы исповедовали Его воплощение, говорит: *Сына человеческого,* — разумея под этим и божество, как нередко и в других местах Он делает. Так говорит: *никто же взыде на небо, токмо Сын человеческий, сый на небеси* (Ин. III, 13); и в другом месте: *аще убо узрите Сына человеческаго восходяща, идеже бе, прежде* (Ин. VI, 62). Потом, когда ученики сказали Ему: *ови убо*

Иоанна Крестителя, инии же Илию, друзии же Иеремию, иные единаго от пророк (Мф. XVI, 14), и объявили Ему ложное мнение народа, — тогда присовокупил: *вы же кого Мя глаголете быти* (ст. 15)? Этим вторым вопросом Он побуждает их думать о Нем выше, и дает разуметь, что первое мнение весьма мало соответствует Его достоинству. Для того Он требует от них другого мнения и предлагает другой вопрос, чтобы они не думали о Нем одинаково с народом, который видел чудеса, превышающие силы человека, и почитал Его человеком, хотя таким, который воскрес из мертвых, как говорил и Ирод. Но Он, отклоняя от таких догадок, говорит: *вы же кого Мя глаголете быти*, — вы, которые всегда со Мной были, видели Мои чудодействия и сами творили через Меня многие чудеса? Что же на это отвечает Петр, уста апостолов, всегда пламенный, глава в лике апостольском? На вопрос, предложенный всем, отвечает от себя. Когда Христос спрашивал о мнении народа, тогда все отвечали на Его вопрос; когда же о их собственном, то Петр не терпит, предупреждает и говорит: *Ты еси Христос, Сын Бога живаго!* (ст. 16). Что же сказал Христос? *Блажен еси, Симоне, вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе* (ст. 17). Конечно, если бы Петр исповедал Его сыном не в собственном смысле и не от самого Отца рожденным, то это не было бы делом откровения; если бы он почел Его сыном, подобным многим, то его слова не заслуживали бы блаженства. И прежде еще бывшие на корабле, после бури, говорили: *воистину Божий сын есть* (Мф. XIV, 33), однако не были названы блаженными, хотя и истину сказали. Они исповедали Его не таким сыном, как Петр, но признавали воистину сыном, подобным многим, даже превосходнейшим многих, только не из самой сущности Отца рожденным.

2. И Нафанаил также говорил: *равен, Ты еси сын Божей, Ты еси царь Израилев* (Ин. I, 49), однако ж не только

не называется блаженным, но еще обличается Господом за то, что много еще не досказал истины. Потому Христос и прибавил: *зане рех ти, яко видех тя под смоковницею, веруеши? Больша сих узриши* (ст. 50). За что же Петр называется блаженным? За то, что он исповедал Его истинным Сыном. По этой-то причине Христос других не назвал блаженными, но, говоря с Петром, показал, кто и открыл ему. Чтобы исповедание Петрово не показалось многим сказанным из дружбы и лести, и в знак особенного к Нему расположения, — потому что он весьма любил Христа, — и указывает Того, Кто внушил ему, чтобы ты разумел, что Петр только произносил, а научал его Отец, и чтобы ты верил, что слова эти не выражают человеческое мнение, но божественное учение. Но почему Христос не открывает Себя сам, — не говорит: Я Христос, — но достигает этого вопросом Своим и заставляет произнести исповедание учеников. Потому что это и Ему тогда было приличнее и нужнее, и их более побуждало верить сказанному. Видишь ли, как Отец открывает Сына? Как Сын открывает Отца? *Ни Отца кто знает,* сказано, *токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти* (Мф. XI, 27; Лк. X, 22). Таким образом, не через другого кого можно познать Сына, как только через самого Отца; и не через другого кого можно познать Отца, как только через Сына, так что и из этого видно, что Они равночестны и единосущны. Что же говорит Христос? *Ты еси Симон, сын Ионин; ты наречешися Кифа* (Ин. I, 42). Так как ты проповедал Моего Отца, то и Я именую родившего тебя, и как бы так говорит: как ты сын Ионин, так и Я Сын Моего Отца. Иначе излишне было бы говорить: *ты еси сын Ионин.* Но когда Петр назвал Его Сыном Божим, тогда Христос, чтобы показать, что Он так же есть Сын Божий, как Петр — сын Ионин, то есть одной сущности с родившим, присовокупил: *и Аз тебе глаголю: ты еси Петр,*

и на сем камени – то есть на вероисповедании – *созижду Церковъ мою* (ст. 18). Этими словами Господь показывает, что отселе многие будут веровать, ободряет дух Петра и делает его пастырем: *и врата адовы не одолеют ей.* Если же не преодолеют ее, то тем более Меня. Поэтому не смущайся, когда услышишь, что Я буду предан и распят. Далее обещает и другую почесть: *и Я дам ти ключи царствия небеснаго* (ст. 19). Что значит: *и Я дам ти?* Как Отец дал тебе познание обо Мне, так и Я дам тебе; не сказал – умолю Отца, хотя и это было бы важным доказательством Его могущества и неизреченно великим даром; но: *Я дам тебе.* Что же даешь Ты, скажи мне? Ключи неба, чтобы *еже аще свяжеши на земли, будет связано на небесех: и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех.* Как же не может дать того, чтобы сесть одесную и ошуюю – Тот, Который говорит: Я дам тебе? Видишь ли, как Христос этими двумя обещаниями возводит Петра к высокому о Нем мнению, как открывает Себя и показывает истинным Сыном Божиим? Он обещает даровать ему то, что собственно принадлежит одному Богу, именно: разрешать грехи, соделать Церковь непоколебимой среди всех волнений, и простого рыбаря явить крепчайшим всякого камня, когда восстанет на него вся вселенная. Подобным образом и Бог Отец сказал, беседуя с Иеремиею, что полагает его, как столп медный и как стену (Иер. I, 18); но Иеремия поставлен был для одного народа, а Петр для целой вселенной. Хотелось бы мне спросить тех, которые унижают Сына: какие больше дары – те ли, которые Отец дал Петру, или те, которые дал Сын? Отец даровал Петру откровение о Сыне; Сын же откровенное познание об Отце и о самом Себе посеял во всей вселенной, и простому смертному вручил, давши ему ключи, власть над всем небесным; и он распространил Церковь по всей вселенной, и явил ее

сильнейшею самого неба. *Небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут* (Мф. XXIV, 35). Как же меньше Тот, Кто дал такую власть и совершил такие дела? Говоря это, я не отделяю дел Отца от деле Сына: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть* (Ин. I, 3); но хочу обуздать бесстыдный язык дерзающих унижать Сына.

3. Из всего этого познай власть Христа. *Аз тебе, глаголю: ты еси Петр; Я созижду церковь; Я дам ти ключи неба. Тогда,* — сказав это, — *запрети им, да никомуже рекут, яко Сей есть Христос* (ст. 18–20). Для чего Он запретил? Для того, чтобы, по удалении соблазнителей, по совершении крестного подвига и по окончании всех Его страданий, когда уже некому было препятствовать и вредить вере в Него многих, тогда чисто и твердо напечатлелось в уме слушающих верное о Нем понятие. Могущество Его не так еще очевидно обнаруживалось. Поэтому Он хотел, чтобы апостолы тогда уже начали проповедовать о Нем, когда очевидная истина проповедуемого и сила событий будут подтверждать слова их. Действительно, иное было дело видеть, что Он то чудодействует в Палестине, то подвергается поношениям и гонениям (особенно, когда за чудесами должен был последовать крест), и иное дело видеть, что вся вселенная Ему поклоняется и верует в Него, и что Он уже не терпит ни одного из тех страданий, которые претерпел. Поэтому-то Он и повелел никому не сказывать. Раз укоренившееся, а потом исторгнутое, трудно уже насадить и удержать во многих; напротив, что однажды принялось и остается на своем месте и ничем не бывает повреждаемо, то легко прозябает и возрастает. Если те, которые видели многие чудеса и слышали столько неизреченных таин, соблазнились при одном слухе о страданиях, притом не только прочие апостолы, но и верховный из них Петр, то представь, какому бы соблазну подвергся народ, если бы он знал, что Христос есть Сын Божий,

и потом увидел, что Его распинают и оплевывают, между тем не разумел бы сокровенного в этих тайнах, не приняв еще Святого Духа? Если и ученикам Христос говорил: *много имам глаголати вам, но не можете носити ныне* (Ин. XVI, 12), то тем более смутился бы прочий народ, если бы прежде надлежащего времени открыта ему была высочайшая из тайн. Вот почему Он и запретил сказывать! И действительно, как важно было познать полное учение не прежде, чем после этих событий, когда миновали соблазны, познай то из примера верховного Апостола. Тот же самый Петр, который после стольких чудес оказался таким слабым, что даже отрекся Иисуса и убоялся простой служанки, — когда совершились уже крестные страдания, когда он увидел ясные доказательства воскресения и когда ничто уже его не соблазняло и не устрашало, тот же Петр с такой непоколебимостью защищал учение Духа, что, несмотря на все угрожавшие ему опасности и тысячи смертей, сильнее льва устремлялся на народ иудейский. Итак, справедливо запретил Он сказывать прежде креста народу, когда прежде креста опасался все открыть и тем, которые должны быть наставниками. *Много имам глаголати вам,* — говорит Христос, — *но не можете носити ныне.* И действительно, многого они еще не разумели в Его словах, чего прежде креста Он ясно не открыл им; после же воскресения они поняли некоторые из Его слов. *Оттоле начат Иисус сказовати им, яко подобает Ему пострадати* (ст. 21). *Оттоле:* с которого времени? С того, когда насадил в них учение о Своей божественности, — когда положил начало обращению языков. Но и тогда они не поняли еще слов Его, — сказано: *бе сокровен глагол сей от них* (Лк. XVIII, 34); они все еще оставались как бы в некоем мраке, не зная, что должно Ему воскреснуть. Вот почему Христос и останавливается на этом трудном для них предмете, распространяет

Свое слово, чтобы отверсть их ум и дать выразуметь, что значат слова Его. Но они *не разумеша,* но *бе глагол сей сокровен от них;* они даже боялись спрашивать Его, впрочем, не о том, точно ли умрет Он, но о том, как и каким образом, и что значит эта тайна? Они не знали, что такое значит воскреснуть, и считали важнейшим никогда не умирать. Вот почему, при общем смущении и недоумении учеников, пылкий Петр опять один осмеливается продолжить об этом разговор, но и то не при всех, а наедине, то есть устранившись от других учеников; и говорит: *милосерд, ты Господи: не имать быти тебе сие* (ст. 22)! Что это значит? Тот, который удостоился откровения, назван блаженным, так скоро споткнулся и упал так, что побоялся страдания? Но что удивительного, если это случилось с человеком, который не получил о том откровения? Чтобы знать тебе, что он не сам от себя произнес слова *(Ты еси Христос, Сын Божий),* – смотри, как он смущается и недоумевает о том, что ему еще не открыто, и, тысячу раз слыша, не понимает, что говорят ему. Он познал, что Иисус есть Сын Божий; а что такое тайна креста и воскресения, – то ему еще не было известно. Сказано: *и бе сокровен от них глагол сей.* Видишь ли, что Христос справедливо запретил сказывать о том другим? Если сказанное так смутило и тех, кому нужно было это знать, то чего не случилось бы с другими? Но Христос, желая показать, что Он нимало не против собственной воли идет на страдание, даже обличил Петра и назвал сатаной.

4. Да слышат это все те, которые стыдятся крестных страданий Христовых. Если и верховный апостол, и притом, когда не понимал еще всего ясно, назван сатаной за то, что устыдился креста, то какое извинение найдут те, которые при всей очевидности отвергают это таинство? Если слышит такой упрек названный

блаженным и исповедавший божество Христово, то подумай, чему подвергнутся те, которые и ныне отвергают таинство креста? Христос не сказал: сатана говорит твоими устами; но: *иди за Мною сатано!* потому что противник именно желал того, чтобы Христос не страдал. Вот причина, почему Он с такой силой обличил Петра; Он видел, что и Петр, и другие всего более того боялись, и не могли спокойно слышать. По той причине Он обнаруживает и тайные его мысли, говоря: *не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая.* Что значит: *не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая* (ст. 23)? Петр, заключая о деле по человеческому и плотскому рассуждению, думал, что страдание для Христа позорно и несвойственно. Итак, проникая в его мысли, Христос говорит: нимало не несвойственны Мне страдания, но ты так судишь по плотскому разуму; напротив, если бы ты в божественном Духе, освободившись от плотских помыслов, высказал сказанное Мной, то понял бы, что это Мне весьма прилично. Ты думаешь, что страдать для Меня низко, а Я тебе говорю, что эта мысль — не страдать Мне — от диавола. Так Он страхом противного рассеивает боязнь Петра. Как и Иоанна, когда тот почитал низким для Христа креститься от него, Он убедил крестить, сказав: *тако подобает нам* (Мф. III, 15); как и самому Петру, когда не давал Ему умыть ног своих, сказал: *аще не умыю ног твоих, не имаши части со Мною* (Ин. XIII, 8), так и здесь Он вразумил Петра страхом противного и силой обличения, уничтожил страх, возбужденный мыслью о страдании. Итак, никто не стыдись достопоклоняемых знаков нашего спасения, которыми мы живем, и начала всех благ, которыми существуем. Но как венец будем носить крест Христов. Через него совершается все, что для нас нужно. Нужно ли родиться — предлагается нам крест; хотим ли напитаться таинственной пищей, нужно ли принять рукополо-

жение, или другое что сделать — везде предстоит нам этот знак победы. Потому-то мы со всяким тщанием начертываем его и на домах, и на стенах, и на дверях, и на челе, и на сердце. Крест есть знамение нашего спасения, общей свободы и милосердия нашего Владыки, который *яко овча на заколение ведеся* (Ис. LIII, 7). Потому когда знаменуешься крестом, то представляй все значение креста, погашай гнев и все прочие страсти. Иногда знаменуешься крестом, пусть на челе твоем выражается живое упование, а душа твоя делается свободной. Без сомнения, вам известно, что доставляет нам свободу. Потому и Павел, склоняя нас к этому, — я разумею свободу, нам приличную, — упомянув о кресте и крови Господней, убеждает такими словами: *ценою куплени есте, не будите раби человеком* (1 Кор. VII, 23). Помышляй, говорит, о дорогой цене, какая заплачена за тебя, и не будешь рабом ни одного человека; а под дорогой ценой он разумеет крест. Не просто перстом должно его изображать, но должны этому предшествовать сердечное расположение и полная вера. Если так изобразишь его на лице твоем, то ни один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого получил смертельную рану. Если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь как ужасается диавол, видя оружие, которым Христос разрушил всю его силу и отсек главу змия. Итак, не стыдись столь великого блага, да не постыдит и тебя Христос, когда придет во славе Своей, и когда это знамение явится перед Ним, сияя светлее самых лучей солнечных. Тогда крест этот самым явлением своим как бы скажет в оправдание Господа перед целой вселенной и во свидетельство, что с Его стороны все сделано, что только было нужно. Это знамение и в прежние, и в нынешние времена отверзало заключенные двери; оно

отнимало силу у вредоносных веществ, делало недействительным яд; оно врачевало смертоносные угрызения зверей. Если оно отверзло врата адовы, отворило твердь небесную, вновь открыло вход в рай и сокрушило крепость диавола, то что удивительного, если оно побеждает силу ядовитых веществ, зверей и всего, тому подобного?

5. Итак, напечатлей крест в уме твоем и обними спасительное знамение душ наших. Этот самый крест спас и преобразовал вселенную, изгнал заблуждение, ввел истину, землю обратил в небо, людей соделал ангелами. Когда при нас крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны; смерть уже не смерть, а сон. Крестом все враждебное нам низложено и попрано. Итак, если кто скажет тебе: ты поклоняешься Распятому, отвечай ему радостным гласом и с веселым лицом: поклоняюсь и не перестану поклоняться. Если он засмеется, ты оплачь его безумие и благодари Господа, что Он оказал нам такие благодеяния, которых без откровения свыше и познать никто не может. Такой человек смеется ведь, потому только, что *душевен человек не приемлет, яже Духа Божия* (1 Кор. II, 14). То же бывает и с детьми, когда они видят что-нибудь великое и удивительное; если ты станешь объяснять ребенку тайну, он засмеется. И язычники подобны таким детям, а лучше сказать и их безрассуднее, почему и более достойны сожаления, как поступающие по-детски не в детском а в совершенном возрасте. Поэтому-то они не заслуживают никакого и извинения. Но мы громким, сильным и высоким голосом взываем и говорим, а когда предстанут все язычники, еще с большим дерзновением возопием, что крест есть наша похвала, начало всех благ, дерзновение и все наше украшение. О, если бы я мог сказать с Павлом: *имже мне, мир распяся, и аз миру* (Гал. VI, 14)! Но не могу, будучи одержим различными

страстями. Поэтому увещеваю вас, а прежде вас себя самого — распяться миру и не иметь ничего общего с землею, но возлюбить горнее отечество, славу и блага небесные. Мы — воины Царя небесного, мы облеклись в оружие духовное. Зачем же мы живем подобно корчемникам, бродягам и даже подобно червям? Где царь, там должен быть и воин. Мы воины не отдаленного какого-либо царя, но близкого к нам. Земной царь не допустит всех в свой дворец и к своей особе; но Царь небесный хочет, чтобы все были близ царского Его престола. Но как возможно, — скажешь, — чтобы мы, находясь здесь, предстояли Его престолу? Так же, как и Павел, будучи на земле, был там, где серафимы и херувимы, и даже ближе был ко Христу, нежели щитоносцы к царю: эти последние обращают свои взоры на многие предметы, Павла же ничто не занимало, ничто не развлекало, но вся мысль его была устремлена к Царю-Христу. Если, следовательно, мы захотим, и нам это будет возможно. Если бы Господь отдален был местом, то ты имел бы причину сомневаться; если же Он везде присутствует, то и близок ко всякому, кто все внимание устремил к Нему. Вот почему и пророк сказал: *не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. XXII, 4). И сам Бог говорит: *Бог приближаяйся Аз есмь, а не Бог издалеча* (Иер. XXIII, 23). Потому как грехи удаляют нас от Него, так добрые дела приближают к Нему: *еще глаголющу ти,* сказано, *речет: се приидох* (Ис. LVIII, 9). Какой отец когда-либо бывал так внимателен к детям? Какая мать так бывает заботлива и всегда ждет, не позовут ли ее дети? Не найдешь ни одного такого отца, ни одной такой матери; только один Бог непрестанно ждет, не воззовет ли к Нему кто из слуг Его, и никогда не оставляет наших прошений, когда просим Его должным образом. Потому-то Он и говорит: *еще глаголющу ти,* — ты еще не кончишь своих прошений, а Я уже

выслушаю. Итак, будем призывать Его, как Он того хочет. Но как Он хочет? *Разрешай,* — говорит, — *всяк соуз неправды, разрушай обдолжения насильных писаний, всякое списание неправедное раздери. Раздробляй алчущим хлеб твой, и нищия безкровныя введи в дом твой; аще видиши нага, одей, и от свойственных племене твоего не презри. Тогда разверзется рано свет твой, и исцеления твоя скоро возсияют; и предыдет пред тобою правда твоя, и слава Божия обымет тя. Тогда* призовешь Меня и услышу *тя; еще глаголющу ти,* реку: се *приидох* (Ис. LVIII, ст. 6–9)! Но кто же в состоянии все это сделать, скажешь ты? А я спрошу тебя: кто не в состоянии? В самом деле, что здесь трудного? Что тягостного? Что неудобного? Напротив, это не только возможно, но и так легко, что многие даже сделали более: не только раздирали неправедное писание, но и отдавали все свое; не только укрывали и питали у себя бедных, но трудились до пота, чтобы их прокормить; благодетельствовали не только сродникам, но и врагам.

6. И в самом деле, что трудного в сказанном выше? Не говорят тебе: взойди на гору, переплыви море, возделай столько-то десятин земли, долго постись, надень вретище; но (сказано): подай ближним, подай хлеба, разорви неправедно составленные писания. Что легче этого, скажи мне? Если же тебе и кажется это трудным, то посмотри на награды — а будет для тебя легко. Подобно тому, как цари подвизающимся на ристалищах конских предлагают венцы, награды и одежды, так и Христос среди поприща полагает награды, показывая их в каждом слове пророка, как бы в особой руке. Земные цари, — пусть они будут тысячу раз цари, все же люди: и богатство у них тратится, и щедрость истощается, а потому они и стараются малое показать великим, отчего каждую вещь вручают особому прислужнику, и таким образом выставляют

напоказ. Не так поступает наш Царь: так как Он весьма богат и ничего не делает напоказ, то Он выставляет дары, сложивши все вместе, и если бы эти дары разложить порознь, они были бы неисчислимы и много требовалось бы рук держать их. Чтобы увериться в этом, рассмотри внимательно каждую из наград. *Тогда разверзется*, сказано, *рано свет твой*. Не думаешь ли, что тут один дар? Нет, не один; он заключает в себе много почестей, венцов и других наград. Если угодно, разложим и покажем, по возможности, все богатство; только не поскучайте. И во-первых, посмотрим, что значит: *разверзется?* Не сказано: явится, но: *разверзется*. Это показывает нам скорость и обилие, и то, как много желает Он нашего спасения, как усиливается и спешит породить эти блага, — показывает, что ничто не удержит этого неизреченного усилия; все это выражает обилие даров и бесчисленное богатство. Что значит: *рано*? Это значит, что награды даются не после искушений, или испытанных бедствий, но еще прежде. Как плоды, которые показались прежде времени, мы называем ранними, так и здесь, опять выражая скорость, Он так же говорит, как и выше сказал: *и еще глаголющу ти*, реку: се *приидох!* А о каком свете говорит Он? Что это за свет? Не этот чувственный, но другой, гораздо лучший, при котором мы видим небо, ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, престолы, господства, начала, власти, все воинство, чертоги и дворы царские. Если ты удостоишься этого света, то и это все увидишь; избавишься геенны, ядовитого червя, скрежета зубов, неразрешимых уз, стенания и скорби, непроницаемой тьмы, рассечения надвое, реки огненной, проклятия и места мучения, и пойдешь туда, где нет ни болезни, ни печали, где великая радость, и мир, и любовь, и веселие, и услаждение; где жизнь вечная, слава несказанная и красота неизреченная; где

вечные обители, слава Царя недоведомая и такие блага, *их же око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. II, 9); где духовный чертог и небесные ложи; где девы с ясными светильниками и облеченные в брачные одежды; где бесчисленное богатство Господа и царские сокровищницы. Видишь ли, сколько наград, и как все они выражены одним словом, и как все совокуплены вместе? Точно также, если станем разбирать и прочие слова, откроем бесчисленнейшие богатства – море неизмеримое! Итак, скажи, будем ли еще медлить и нерадеть о вспомоществовании бедным? Нет, умоляю вас; но хотя бы нужно было всем пожертвовать, хотя бы нужно было броситься в огонь и идти против мечей и секир, или другое что потерпеть, – все будем переносить охотно, чтобы получить одеяние царства небесного и неизреченную славу, каковой славы все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LV

Тогда Иисус рече учеником Своим: аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет (Мф. XVI, 24)

1. *Тогда* – когда же? После того, как Петр сказал: *милосерд Ты, Господи, не имать быти Тебе сие;* и получил в ответ: *иди за Мною, сатано!* Господь не удовольствовался одним воспрещением, но желая вполне показать неуместность слов Петра и пользу страданий, сказал: ты Мне говоришь: *милосерд Ты, не имать быти Тебе сие,* а Я тебе говорю, что не только вредно и пагубно для тебя препятствовать Мне и сокрушаться о Моем страдании, но и ты сам не можешь спастись, если не будешь всегда

готов умереть. А чтобы ученики не думали, что страдать для Него бесчестно, то о пользе страдания вразумляет их не одними вышеприведенными словами, но и следующими. Так у Иоанна говорит Он: *аще зерно пшенично, пад на землю, не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод приносит* (Ин. XII, 24). Итак, здесь, вполне раскрывая пользу страдания, сказанное о необходимости умереть распространяем не на себя только, но и на них. Такова польза этого подвига, что и для вас не желать умереть – пагубно, а быть готовыми к тому – благо. Впрочем, вполне объясняет это Христос после, а теперь раскрывает только отчасти. И заметь, как Он, говоря это, не принуждает; не сказал, что вам волею или неволею должно пострадать, а что сказал? *Аще кто хощет по Мне ити.* Я не заставляю, не принуждаю; но предоставляю это собственной воле каждого. Потому и говорю: *аще кто хощет.* Я приглашаю на доброе дело, а не на злое и тягостное, не на казнь и мучение, к чему Мне нужно было бы принуждать. Дело само по себе таково, что может вас привлечь. Говоря таким образом, Христос только сильнее привлекал к последованию за Ним. Тот, кто принуждает, часто отвращает; а кто предоставляет слушателю свободу, скорее привлекает. Кроткое обращение действительнее принуждения. Потому и Христос сказал: *аще кто хощет.* Велики те блага, говорит Он, которые Я вам даю, – таковы, что к ним вы охотно будете стремиться. Кто дает золото и предлагает сокровище, тот не станет употреблять насилие. Если же при этих благах не нужно насилия, то тем менее оно нужно при благах небесных. Если свойство самого блага не побуждает тебя стремиться к нему, то ты недостоин и получить его; если же и получишь, то не будешь знать цены полученного. Потому-то и Христос не принуждает, но снисходительно увещевает нас. Так как ученики, смущаясь словами Иисуса, по-видимому, наедине

много роптали, то Он говорит: не должно роптать и смущаться. Если вы не верите, что то, о чем Я сказал, будет причиной бесчисленных благ и с вами сбудется, – Я не заставляю, не принуждаю; но кто желает последовать, того призываю. Не считайте последованием Мне то, что теперь делаете, ходя за Мной. Если хотите за Мной идти, то вам надобно будет перенести много трудов, много опасностей. Не думай, Петр, что, поелику ты исповедал Меня Сыном Божиим, за это одно и можешь ждать венцов; не считай этого достаточным для твоего спасения и не успокаивайся на этом, как будто бы все тобой сделано. Я, как Сын Божий, могу сделать, что ты не подвергнешься бедствиям, но не хочу того для тебя, чтобы было нечто и твое собственное, и чтобы ты заслужил больше похвалы. Какой распорядитель игр на поприще, будучи другом борцу, захочет его увенчать только по милости, без всякой его заслуги и единственно потому, что любит его? Так и Христос тем, которых особенно любит, желает, чтобы они приобретали славу и сами по себе, а не при Его только помощи. Смотри же, как нетрудна предлагаемая Им заповедь. Не их одних обрекает Он на бедствие, но дает общую заповедь для всех, говоря: *аще кто хощет*, жена ли, муж ли, начальник ли, подчиненный ли, – всякий должен следовать по этому пути. И хотя, по-видимому, говорит об одном, а разумеет три действия: отвержение самого себя, взятие креста своего и последование Ему. Два соединены между собой, а одно поставлено особо. Итак, посмотрим, во-первых, что значит отвергнуться самого себя. Наперед исследуем, что значит отвергнуться другого, тогда узнаем и то, что значит отвергнуться самого себя. Итак, что значит отвергнуться другого? Отрекающийся другого, например, брата, или раба, или кого иного, хотя бы и видел, что его бьют, или вяжут, или ведут на

казнь, или как иначе мучат, не заступается, не защищает, не соболезнует, не принимает в нем никакого участия, как бы он был совершенно ему чужой. Так точно и Христос желает, чтобы мы не жалели своего тела: бьют ли, гонят ли, жгут ли, или другое что делают, — не жалей себя. Это-то самое и значит жалеть себя. И отцы тогда жалеют детей своих, когда, препоручая их учителям, приназывают не щадить их. Так и Христос. Он не сказал: пусть не жалеет самого себя, но, что гораздо сильнее — *да отвержется себе*, то есть пусть не имеет ничего общего с самим собой, а пусть обрекает себя на опасности, на подвиги, и их переносит, так, как бы то терпел другой кто-либо. Христос не сказал: да отречется, но: *да отвержется*, — небольшим этим прибавлением придавая большую силу словам Своим, так как последнее гораздо выразительнее первого.

2. *И возмет крест свой.* Это следует из первого. Чтобы ты не подумал, что, отвергаясь самого себя, должен переносить словесные только оскорбления и укоризны, Он назначает предел, до которого должно простираться самоотвержение, именно — смерть, и смерть поносную. Поэтому не сказал Он: *да отвержется себе* даже до смерти, но: *возмет крест свой*, разумея поносную смерть, и действие не раз или два раза, но целую жизнь совершаемое. Беспрестанно, говорит Он, имей перед глазами смерть, и каждый день будь готов на заклание. Многие, хотя пренебрегали богатством, удовольствиями и славой, но не презирали смерть, а страшились опасностей; поэтому Я, говорит Он, хочу, чтобы Мой подвижник ратовал до крови, и подвиги его продолжались до самого заклания. Итак, если нужно будет претерпеть смерть, и смерть поносную, смерть под проклятием и по подозрению в худых делах, то все должно перенести с мужеством, и еще тому радоваться. *И по Мне грядет.* Так как иной, и страдая, не

последует Ему, когда страдает не за Него (и разбойники, например, и расхитители гробниц, и чародеи терпят много тяжких мучений), то, чтобы ты не подумал, что довольно самих бедствий, от чего бы они ни происходили, Он присовокупляет, какая должна быть причина бедствий. Какая же? Что ни делаешь, ни терпишь, последуй Христу, все за Него претерпевай и соблюдай прочие добродетели. В словах: *по Мне грядет* заключается и то, чтобы ты оказывал не только мужество в бедствиях, но и целомудрие и кротость, — и всякую добродетель. То и значит последовать Ему, как должно, чтобы стараться о всякой другой добродетели, и все за Него терпеть. Есть люди, которые, последуя диаволу, терпят то же и предают за него свои души; но мы терпим за Христа, или, лучше сказать, за самих себя. Они терпением вредят себе и здесь, и там; а мы приобретаем пользу и в этой, и будущей жизни. Итак, не крайнее ли это нерадение — не оказывать и такого мужества, какое оказывают погибающие, и это несмотря на то, что нам уготовано столько наград? Притом нам помогает Христос, а им — никто. Еще прежде, когда посылал учеников Своих, Господь заповедал им, говоря: *на путь язык не идите; посылаю вас яко овцы посреде, волков;* и: *пред владыки же и цари ведени будете* (Мф. X, 5, 16, 18). А теперь заповедывет гораздо сильнее и строже. Тогда говорил о смерти только, а теперь упомянул и о кресте, и кресте всегдашнем: *да возмет*, говорит Он, *крест свой,* — то есть да держит и носит его непрестанно. Так и всегда обыкновенно Христос поступал: не сначала, не при первых наставлениях, но постепенно и мало-помалу предлагал труднейшие заповеди, чтобы не встревожить слушателей. Далее, так как заповедь казалась тяжкой, смотри как Он смягчает ее последующими словами, как предлагает награды, превышающие труды, и не награды только, но и наказания за грехи; о наказаниях рас-

пространяется даже более, нежели о наградах, потому что обыкновенно не столько даяния благ, сколько строгая угроза умудряет многих. Смотри же, как Он и здесь начинает, и тем же самым оканчивает. *Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю; и иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю. Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит, или что даст человек измену за душу свою* (ст. 25, 26)? Слова эти значат: не думайте, чтобы Я вас не щадил; напротив, очень щажу, когда заповедую вам это. Так и тот, кто щадит своего сына, губит его, а кто не щадит, тот сохраняет его. То же самое сказал и один мудрый: *аще биеши жезлом* сына твоего, не *умрет, душу же его избавит от смерти* (Притч. XXIII, 13, 14); и еще: *угождаяй сыну, обяжет струны его* (Сир. XXX, 7). Тоже бывает и с воинами: если военачальник, щадя воинов, позволяет им всегда сидеть дома, то погубит и тех, кто остается с ними вместе. Итак, чтобы не случилось того же и с вами, говорит Он, вам беспрестанно должно быть готовыми на смерть. Ведь и ныне уже возгорается ужасная брань. Потому не сиди дома, но пойди и сражайся; если и падешь на брани, в ту же минуту оживешь. Если и в видимых сражениях идущий на смерть славнее других и считается непобедимым, и для врагов особенно страшен, хотя царь, за которого он поднимает оружие, и не силен воскресить его по смерти, то тем более в этих бранях, — когда столько надежд воскреснуть, — предающий душу свою на смерть обретет ее — во-первых, потому что не скоро побежден будет, во-вторых, потому что если и падет, приобретет для нее лучшую жизнь.

3. Потом, так как, говоря: *иже аще хощет спасти* (душу), *погубит ю; и иже аще погубит, спасет,* в том и другом случае употребляет слова: *спасет* и *погубит,* — то чтобы не подумал кто-нибудь, что погубить и спасти в обоих случаях значит одно и то же, но ясно видел, что

между тем и другим спасением такое же различие, какое между погибелью и спасением, — Он объясняет это от противного: *кая бо польза человеку,* говорит Он, *аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит?* Видишь ли, что спасать душу, не как следует, значит губить ее, и хуже чем губить, — губить невозвратно, так что не остается уже средств искупить ее? Не говори мне, — как бы так сказал Он, — что избежавший величайших опасностей спас душу свою, но представь, что душе его покорена вся вселенная: что ему будет пользы от того, когда душа его гибнет? Скажи мне: если ты видишь, что рабы твои живут в полном довольстве, а сам ты в крайней беде, какая тебе польза от того, что ты господин? Никакой. Так же суди и о душе: когда плоть наслаждается и богатеет, душа ожидает будущей гибели. *Что даст человек измену за душу свою?* Опять подтверждает то же. Ты не можешь, говорит Он, вместо души дать другой души. Если ты потеряешь деньги, можешь дать другие; то же можно сказать о доме, о рабах и о всяком другом имуществе; а потерявши душу, не сможешь дать другой души. Хотя бы ты владел и целым миром, хотя бы был царем вселенной, — однако, и всю вселенную отдавши, и на всю вселенную не купишь ни одной души. Да и что удивительного, если так случается с душой? Так же, как всякий может видеть, бывает и с телом. Хотя бы ты надел на себя тысячи венцов, но если у тебя тело по природе больное и неизлечимо страдает, то не можешь пособить тому, хотя бы ты отдал целое царство и присовокупил тысячи тел, города, имущества. Так же суди и о душе, да о душе еще больше, и оставив все прочее, приложи о ней все старание.

4. Заботясь о чужом, не забывай себя и своего, как ныне все делают, подражая рудокопам. Для них нет никакой пользы от такой работы и от самых драгоценностей; напротив: бывает еще большой вред, потому что

они подвергаются опасностям напрасно и подвергаются для других, не получая для себя никакого плода от своих трудов и изнурений. Им-то ныне и подражают многие, собирая богатство для других. Да о нас больше, чем о них, жалеть надобно, потому что нас после таких трудов ожидает геенна. Рудокопа от его трудов освобождает смерть; а для нас смерть бывает началом бесчисленных зол. Ты говоришь, что тебе приятно трудиться, когда обогащаешься; но покажи, что душа твоя радуется: тогда поверю. Всего главнее в нас душа. Если же тело тучнеет, а душа истаивает, то в этом тебе нет ни малой пользы. Так, если раба веселится, а госпожа гибнет, то для госпожи нет пользы от благоденствия служанки; так и для больного тела нет пользы от нарядной одежды. *Что даст человек измену за душу свою?* — говорит тебе опять Христос, повелевая тебе всячески стараться о душе, и о ней одной заботиться. Устрашив указанием на погибель души, Христос утешает и обетованием благ: *приити бо имать*, говорит Он, *Сын человеческий во славе Отца Своего, со* святыми *ангелы Своими, и тогда воздаст комуждо по делом его* (Мф. XVI, 27). Видишь ли, что Отцу и Сыну принадлежит одна слава? Если же слава одна, то, очевидно, и сущность одна. Если, при единстве сущности, бывает разность в славе *ина бо слава солнцу, и ина слава луне, и ина слава звездам; звезда бо от звезды разнствует во славе* (1 Кор. XV, 41), хотя они и одиковой сущности), то как можно почитать не единосущными тех, которым принадлежит одна слава? Он не сказал: во славе такой, которая свойственна Отцу, — чтобы ты опять не подумал, что здесь есть какая-нибудь разность, — но со всей точностью показывает, что слава одна и та же, говоря, что во славе Отца приидет. Итак, — говорит, — чего ты страшишься, Петр, слыша о смерти? Ты увидишь тогда Меня во славе Отца. А если Я во славе, то и вы. Ваша награда не в настоящей жиз-

ни; нет, вы наследуете другой, лучший жребий. Сказав о благах, Он, однако, не остановился на том, но присоединил и угрозы, упоминая о последнем суде, о строгом истязании, о беспристрастном приговоре, о праведном решении. Впрочем, Он не хотел только опечалить их словом, но растворил его приятными надеждами. Не сказал: тогда накажет грешников, но — *воздаст комуждо по делом его.* Говоря это, разумел Он не наказание только грешников, но и награды и венцы праведников. Он сказал это для того, чтобы ободрить и людей добродетельных. А я всегда трепещу, слыша о суде, так как я не из числа венчаемых. Думаю, что и другие также страшатся и ужасаются, так как кого не устрашит, кого не заставит трепетать это слово, если слушающий придет только в сознание самого себя? Кого не заставит убедиться, что вретище и самый строгий пост нужнее для нас, чем для народа ниневийского? Нам говорят не о разрушении града, не об общей погибели, но о муке вечной, об огне негасимом.

5. Вот почему я отдаю честь и удивляюсь инокам, которые удалились в пустыни, будучи побуждены как другими причинами, так и этим словом Христовым. Они после обеда, или, лучше сказать, после ужина (у них обеда иногда и не бывает, так как настоящую жизнь считают они временем плача и поста), — после ужина, вознося благодарственные песни Богу, вспоминают об этом слове. Если хотите слышать и самую песнь их, чтобы и вам всегда произносить ее, то я повторю вам всю эту священную песнь. Вот собственные слова ее: «Благословен Бог, питающий меня от юности моей, подающий пищу всякой плоти! Исполни радостью и веселием сердца наши, чтобы мы, имея всякое довольство, всегда избыточествовали во всяком деле благом, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Тебе слава, честь и держава, со Святым Духом во веки.

Аминь. Слава Тебе, Господи, Слава Тебе, Святый, Слава Тебе, Царю, что Ты дал нам брашна и веселие! Исполни нас Духом Святым, да обрящемся перед Тобой благоугодными, да не будем постыжены, когда Ты воздашь всякому по делам его». Вся песнь эта достойна удивления, особенно же конец ее. Так как за столом от пищи человек несколько забывается и тяжелеет, то они, вспоминая о времени суда, во время веселия словом Христовым, как бы некоторой уздой, укрощают душу. Они знают, что случилось с Израилем от роскошной пищи:- *яде, и насытися, и отвержеся возлюбленный* (Втор. XXXII, 15). Так и Моисей сказал: *ядый* и пия, *и насытився, вспомни Господа Бога Твоего* (VI, 12, 11), потому что после пресыщения израильтяне отваживались на великие беззакония. Итак, берегись, чтобы и с тобой не случилось чего-либо подобного. Хотя бы ты и не приносил в жертву камню или золоту овец и тельцов, ко берегись, чтобы не принести своей души в жертву гневу, своего спасения — в жертву любодеянию или другим подобным страстям. Потому-то и иноки, опасаясь таковых падений, после стола, или, лучше сказать, после поста (так как они и за столом соблюдают пост) приводят себе на память страшный суд и последний день. Если же те, которые уцеломудривают себя постом, преклонением долу, бдением, вретищем и бесчисленными подвигами, имеют еще нужду в таком воспоминании, то как можем безбедно прожить мы, когда наши столы приводят в волнение страсти, а мы и садимся за стол, и встаем из-за него без молитвы? Для отвращения таких бед объясним всю песнь, которую мы привели, чтобы, узнав пользу ее, всегда петь ее при столе, — укрощать тем неистовство чрева, и ввести у себя в домах обычаи и уставы земных ангелов. Самим бы вам надлежало сходить к ним, чтобы получить такую пользу; а если не хотите, по крайней мере из моих уст выслушай-

те это духовное сладкопение, и пусть каждый после стола произносит слова песни, начиная так: *Благословен Бог!* Так, в самом же начале они исполняют апостольскую заповедь, которой предписывается: *все, еже аще творим словом и делом, творим во имя Господа нашего Иисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тем* (Кол. III, 17). Итак, благодарить должно не за один настоящий день, но за целую жизнь, почему и сказано: *питающий меня от юности моей.* И здесь-то заключается учение любомудрия. Если Бог питает, то самому не нужно заботиться. Если бы царь обещал тебе давать на ежедневное пропитание из своей казны, то ты остался бы спокойным; тем более должен быть ты свободен от всякой заботы, когда сам Бог дает, и все тебе от Него рекой течет. Для того-то они и произносят такие слова, чтобы убедить себя и поучаемых ими отрешиться от всякого житейского попечения. Далее, чтобы ты не подумал, что они воздают такую благодарность только за самих себя, присовокупляют: *подающий пищу всякой плоти,* — благодаря тем за весь мир. Как отцы всей вселенной, они за всех благословляют Бога, возбуждая себя к искреннему братолюбию; они не могут ненавидеть тех, за которых благодарят Бога, питающего их. Видишь ли из сказанного теперь и прежде, как благодарение ведет к любви, и удаляет житейское попечение? Если Господь питает всякую плоть, то тем более уповающих на Него. Если питает связанных житейскими заботами, то тем более тех, которые свободны от них, как то и Христос подтвердил, сказав: скольких *птиц лучше есте вы* (Лк. XII, 7). Этими словами Он научал не надеяться на богатство и плодоношение семян. Не это питает, а слово Божие. Таким образом, иноки своей песнью посрамляют манихеян и валентиниан, и всех их единомышленников. В самом деле, нельзя почитать злым того, кто свои блага предлагает всем, даже и тем, которые хулят его. Далее

следует прошение: *исполни радостию и веселием сердца наша.* Какой радостью: не житейской ли? Нет. Если бы иноки желали такой радости, то не стали бы жить на высотах гор и в пустынях, не стали бы облекаться во вретище. Напротив, они говорят о той радости, которая не имеет ничего общего с настоящей жизнью, — о радости ангельской, о радости горней. И не просто испрашивают они радости, но просят ее в великом избытке. Не говорят: дай; но: *исполни;* не говорят: исполни нас, но: *сердца наши.* Такая-то радость и есть преимущественно радость сердца. *Плод духовный,* говорится, *любы, радость, мир* (Гал. V, 22). Так как грех породил печаль, то они просят водворить в них вместе с радостью правоту; иначе и быть не может радости. *Чтобы мы, имея всякое довольство, всегда избыточествовали во всяком благом деле.* Вот исполнение евангельского слова: *хлеб наш насущный даждь нам днесь* (Лк. XI, 3). Смотри, как они ищут и самого довольства только для души: *чтобы мы избыточествовали во всяком деле благом.* Не сказали, чтобы мы исполнили только должное, но — даже и более заповеданного. Это-то и значат слова: *чтобы мы избыточествовали.* И хотя просят у Бога довольства только в необходимом для жизни, но сами готовы повиноваться не столько, сколько от них требуется, но с великим преизбытком во всем. Так всегда и во всем избыточествовать свойственно рабам благонамеренным, мужам любомудрым. Потом, опять напоминая себе о своей немощи и о том, что без вышней помощи ничего доброго не могут сделать, они к словам: *чтобы мы избыточествовали во благом деле,* присоединяют еще: *во Христе Иисусе Христе нашем, с Которым Тебе слава, честь и держава во веки, аминь.* Таким образом, они и начинают, и оканчивают песнь благодарением.

6. После этого они опять начинают как бы снова, но в самом деле продолжают то же. Подобным обра-

зом и Павел, начало послания окончив славословием и сказав: *по воле Бога и Отца, Ему же слава во веки, аминь* (Гал. I, 4, 5), вслед за тем начинает раскрывать содержание своего послания. Равным образом и в другом месте, сказав: *почтоша и послужиша твари паче Творца, иже есть благословен во веки, аминь* (Рим. I, 25), не окончил речи, а продолжает ее и далее. Итак, не будем винить и этих ангелов за то, что они не соблюдают порядок, когда, заключив речь славословием, опять продолжают священные песни. Они следуют примеру апостолов, когда начинают славословием и оканчивают тем же и, по таком окончании, начинают снова. Итак, говорят: *слава Тебе, Господи, слава Тебе, Святый, слава Тебе, Царю, что Ты дал нам брашна в веселие!* Благодарить должно не за великие только благодеяния, но и за малые. Благодаря же и за малые, они обличают ересь манихеев и всех тех, кто говорит, что настоящая жизнь есть зло. Чтобы ты, судя по высокому их любомудрию и по тому, что небрегут о чреве, не заключил, что они гнушаются брашен, подобно самоубийцам, они своею молитвой научают тебя, что воздерживаются от многого, не по отвращению от созданий Божий, но по любви к подвижничеству. И смотри, как они, возблагодарив за ниспосланные уже блага, просят других, больших, и не останавливаются на житейских, но возносятся превыше небес, и говорят: *исполни нас Духом Святым!* Не исполнившись благодати Духа, ни в чем нельзя иметь надлежащего успеха, равно как нельзя совершить ничего доблестного и великого без помощи Христовой. И как они к словам: *чтобы избыточествовали во всяком деле благом* присоединяют: *во Христе Иисусе,* так и здесь говорят: *исполни нас Духом Святым, да окажемся благоугодными пред Тобою.* Видишь ли, что они о житейском не молятся, а только благодарят, о духовном же и благодарят, и молятся? *Ищите,* сказал Христос, *царствия* небесного, *и сия вся приложатся*

вам (Мф. VI, 33). Примечай и дальше их любомудрие. *Да окажемся,* говорят они, *пред Тобой благоугодными, да не будем постыжены.* Мы не боимся, говорят они, посрамления людского; что бы люди ни говорили о нас в насмешку и поношение, мы не обращаем на то никакого внимания. Мы о том только заботимся, чтобы тогда не постыдиться. А когда говорят это, помышляют об огненной реке, о награде, о почестях. Не сказали: чтобы нам не потерпеть наказания; но: чтобы не постыдиться. Явиться оскорбителями Господа для нас страшнее геенны. Но так как многих беспечных это не устрашает, то они присоединяют: *когда воздашь комуждо по делом его.* Видишь, сколько приносят нам пользы эти странники и пришельцы, пустынножители, или, лучше, — небожители. Мы странники, небесные, а жители земные; а они — наоборот. После такой песни, исполнившись умилением, с горячими и обильными слезами, они отходят ко сну и спят столько, сколько потребно для малого успокоения. И опять ночь превращают в день, проводя время в благодарениях и псалмопениях. И не одни только мужи, но и жены упражняются в таком любомудрии, побеждая немощь естества избытком усердия. Итак мы, мужи, устыдимся крепости жен и перестанем заботиться о настоящем — о тени, о мечте, о дыме. Большая часть жизни нашей проходит в бесчувствии. В юности мы почти вовсе неразумны; когда наступает старость, то притупляется в нас всякое чувство. Остается небольшой промежуток, в который мы с полным чувством можем наслаждаться удовольствием; да и в это время мы не наслаждаемся вполне, по причине бесчисленных забот и трудов. Потому-то и убеждаю искать благ неизменных, нетленных, и жизни, никогда не стареющейся. Можно, ведь, живя и в городе подражать любомудрию пустынножителей; и женатый и семейный может и молиться, и поститься,

и приходить в умиление. Так, первые христиане, наученные апостолами, жили в городах, а являли благочестие, свойственное пустынножителям; иные занимались и рукоделием, как-то: Прискилла и Акила. Да и все пророки имели и жен, и дома, как, например: Исаия, Иезекииль, великий Моисей; однако это не препятствовало им быть добродетельными. Им и мы подражая, будем всегда благодарить Бога и всегда воспевать Его; будем стараться о целомудрии и прочих добродетелях, и введем любомудрие пустынников в городах, чтобы нам явиться и перед Богом благоугодными, и перед людьми — почтенными, и чтобы нам удостоиться будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу слава, честь, держава, со Святым и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LVI

Аминь, аминь глаголю вам: суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына человеческаго, грядущаго во царствии Своем (Мф. XVI, 28)

1. Так как Христос много беседовал об опасностях, о смерти и страданиях Своих, об избиении учеников, и завещал им тяжкие подвиги, которым они должны были подвергнуться в настоящей жизни, и притом весьма скоро, между тем как блага, — спасение, например, души для тех, кто губит ее, пришествие Христа во славе Отца Своего, воздаяние наград за подвиги, — оставались для них в надежде и ожидании, то теперь, желая просветить взор их и показать, сколько то возможно для них, в чем будет состоять та слава, с которой Он придет, открывает им эту славу еще в настоящей жизни,

чтобы они, а особенно скорбевший Петр, не печалились о своей смерти, равно как и о смерти Господа своего. И заметь, как Он поступает. Сказав о геенне и царствии [именно словами: обретший *душу свою погубит ю,* и если кто погубит *ее Мене ради, обрящет ю,* и: *воздаст комуждо по делом его* (Ин. XII, 25; Мф. XVI, 27) Он означил и то и другое], сказав о том и другом, Он царствие поставляет перед самыми глазами, а геенну удаляет от взора. Почему же так? Потому, что для людей более грубых нужно было говорить и о геенне; а так как ученики Его были опытны и сведущи, то Он убеждает их тем, что могло доставить им большое утешение. Притом же так говорить было и приличнее Иисусу Христу. Впрочем, Он не оставляет совершенно и геенны, но иногда и ее представляет перед глазами, когда, например, приводит образ Лазаря (Лк. XVI), или заимодавца, или человека, требовавшего сто динариев (Мф. XVIII), облеченного в грязные одежды, и многих других (Мф. XXII). *И по днех шестих поят Петра, Иакова и Иоанна* (Мф. XVII, 1). Если другой Евангелист говорит: *спустя восемь дней* (Лк. IX, 28), то здесь нет противоречия, напротив — согласие. Один разумел и тот день, в который говорил Иисус, и тот, в который возвел Он учеников Своих на гору; а другой считает только те дни, которые протекли между этими днями. Посмотри же, как беспристрастен Матфей: он не скрывает тех, которые были предпочтены ему. То же самое часто делает и Иоанн, с полной точностью описывая отменные похвалы, воздаваемые Петру. Так, всегда были чужды зависти и тщеславия все эти святые мужи.

Итак, взявши верховных апостолов, *возведе их на гору высоку едины, и преобразися пред ними: и просветися лице Его яко солнце, ризи же Его быша белы яко свет. И се явистася им Моисей и Илиа, с Ним глаголюща* (Мф. XVII, 2, 4). Почему Христос берет только этих учеников? Потому,

что они превосходили прочих: Петр сильной любовью к Иисусу, Иоанн – особенной любовью к нему Иисуса, а Иаков – ответом, который он дал вместе с братом своим: можем испить чашу (Мф. XX, 22), и не одним ответом, но и делами – как другими, так и теми, которыми он оправдал свои слова. И действительно он был так неприязнен и ненавистен для иудеев, что и Ирод умерщвлением его думал сделать великий подарок иудеям. Для чего же Иисус не тотчас возводит их? Для того, чтобы прочие ученики не пришли в смущение. Потому же Он не говорит даже и об именах тех, которые взойдут с Ним на гору. В противном случае, прочие ученики сильно пожелали бы следовать за Ним, чтобы видеть образ будущей славы, и восскорбели бы, как будто презренные. Хотя Христос намеревался показать славу Свою и чувственным образом, однако ж, и это было для них вожделенно. Но для чего же Он прежде сказал об этом? Для того, чтобы они, услышав об этом ранее, сделались способнее к созерцанию, и чтобы число дней, воспламенивши в них сильнейшее желание, заставило их приступить с мыслью бодрственной и озабоченной. Для чего же тут являются Моисей и Илия? На это можно много представить причин. И во-первых, так как одни из народа почитали Христа за Илию, другие – за Иеремию, иные за какого-либо из древних пророков, то и являются главные пророки, чтобы видно было различие рабов от Господа, и то, что Петр справедливо похвален, за исповедание Христа Сыном Божиим. Можно указать, далее, и вторую причину. Иудеи часто обвиняли Христа в преступлении закона и в богохульстве, – будто бы Он похищал славу Отца, Ему не принадлежащую, и говорили: *несть Сей от Бога, яко субботу не хранит* (Ин. IX, 16); и еще: *о добре деле камение не мещем на Тя, но о хуле, яко Ты, человек сый, твориши Себе Бога* (Ин. X, 33); поэтому, чтобы по-

казать, что оба обвинения произошли от зависти, а Он свободен и от того, и от другого, — то есть, что Он ни закона не преступил, ни славы, не принадлежащей Ему, не присвоил, называя Себя равным Отцу, — Он представляет мужей, прославившихся и исполнением закона, и ревностью к славе Божией. Если Моисей дал закон, то иудеи могли заключить, что он не потерпел бы презрения этого закона, как они думали, и не стал бы служить нарушителю его, для него неприязненному. Также и Илия из ревности к славе Божией не предстал бы и не повиновался бы Христу, если бы Он был противником Божиим, и назвал Себя Богом и равным Отцу, не будучи таковым на самом деле.

2. Наряду с указанными, можно привесть и еще причину. Какую же? Этим явлением Иисус Христос хотел научить учеников тому, что Он имеет власть над жизнью и смертью, и владычествует над небом и землею. Для того-то и являются здесь и умерший, и еще не испытавший смерти. Пятую же причину (а это действительно пятая) представил сам Евангелист. Она состоит в том, чтобы показать славу креста, утешить Петра и других учеников, боявшихся страдания, и ободрить их сердца. В самом деле, явившиеся два мужа не молчали, но говорили о славе, которую он намерен был явить в Иерусалиме, то есть о страдании и о кресте, потому что страдание и крест всегда называются славой. Далее — причиной избрания этих мужей была сама их добродетель, которой Он преимущественно требовал от учеников. Так как Христос всегда учил: *иже хощет по Мне ити, да возмет крест свой и последует Ми,* то Он теперь и выводит на средину тех, которые тысячу раз умирали за славу Божию и за вверенный им народ. Подлинно, каждый из них, погубив душу, обрел ее; каждый смело говорил против тиранов, один — против фараона, другой против Ахаава, и притом за людей неблагодарных

и непослушных, которые за свое спасение платили им неблагодарностью, ввергая их в крайние опасности; каждый хотел отвлечь народ от идолослужения. Оба были люди простые, и притом один был косноязычен и худогласен, а другой вел жизнь суровую. Оба отличались нестяжательностью, потому что ни у Моисея ничего не было, ни Илия ничего не имел, кроме милости. И притом все это было в Ветхом Завете, когда еще не было столь обильного дара чудес. Правда, и Моисей разделил море, но Петр ходил по водам, мог переставлять горы, врачевал различные телесные болезни, изгонял жестоких демонов, самой тенью своей совершал великие чудеса, и обратил всю вселенную. Также и Илия, хотя воскресил мертвеца, но ученики Христовы воскресили тысячи, и притом тогда, когда еще не удостоились принять в себя Духа. Христос беседует с Моисеем и Илиею и для того, чтобы побудить учеников Своих подражать их любви к своему народу, их постоянству и твердости, чтобы они были кротки, как Моисей, ревностны, как Илия, и равно попечительны. В самом деле, один из них три года сносил голод для иудейского народа, а другой говорит: *аще оставиши им грех, остави; аще же ни, изглади Мя из книги, в нюже вписал еси* (Исх. XXXII, 32). Обо всем этом Христос и напоминал ученикам явлением Моисея и Илии. И во славе Он вывел их не только для того, чтобы ученики были таковыми, но и превосходили их. Вот почему, когда однажды они сказали: *речем, да огнь снидет с небесе* (Лк. IX, 54), и упомянули об Илии, сделавшем подобное, то Он сказал им: *не весте, коего духа есте*, превосходством дара убеждая их к перенесению обид. Но да не подумает кто-либо, что мы осуждаем Илию, как несовершенного; мы этого не говорим. Он очень совершен был, но только в свое время, когда ум людей находился еще в младенчестве, и когда они имели нужду в таком

руководстве. Равно и Моисей совершен был; но от учеников Христовых требуется более совершенства: *аще не преизбудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное* (Мф. V, 20). И это потому, что ученики были посланы не в Египет, но во всю вселенную, которая находилась в худшем состоянии, нежели Египет, и не с фараоном имели разговаривать, но сражаться с самим начальником зла – диаволом. Их подвиг состоял в том, чтобы связать его и расхитить все его сосуды; и это они совершили не море разделяя, но рассекая жезлом Иесеевым бездну нечестья, вздымаемую бурными волнами. Представь, что только не устрашало этих мужей: смерть, бедность, бесславие, бесчисленные страдания. Все это для них было страшнее, нежели тогда море для иудеев. И тем не менее Христос убедил их все это презреть и идти с совершенной безопасностью, как бы сухим путем. Приготовляя их ко всему этому, Он и поставил перед ними мужей, прославившихся в Ветхом Завете. Что ж при этом пламенный Петр? *Добро нам зде, быти* (ст. 4), говорит он. Так как он слышал, что Христу должно идти во Иерусалим и пострадать, то боясь и трепеща за Него, он после сделанного ему упрека не смеет приступить и повторить то же: *милосерд ты* (Мф. XVI, 22), но от страха ту же самую мысль выражает в других, но уже не столько ясных словах. Теперь, видя гору и уединенную пустыню, он подумал, что самое место доставляет безопасность, и не только надеялся на безопасность места, но и думал, что Иисус не пойдет уже в Иерусалим. Петр хочет, чтобы Христос здесь остался навсегда, потому и напоминает о шатрах. Если, думал он, станется это, то мы не пойдем в Иерусалим; а если не пойдем, то и Христос не умрет, потому что там, говорил Иисус, нападут на Него книжники. Но не осмелившись сказать таким образом, а желая, чтобы это было, Петр без вся-

кого опасения сказал: *добро нам зде быти*! Здесь находятся Моисей и Илия, Илия – низведший огонь с неба на гору, Моисей – вошедший в мрак и беседовавший с Богом; и никто не узнает, что мы здесь.

3. Видишь ли, как пламенно Петр любит Христа? Не думай о том, что предлагаемое им убеждение не было обдумано; но рассуждай о том, как он пламенен был, и как любовь ко Христу сжигала его. А что Петр говорил это не из боязни за себя, то видно из слов его, которые он произнес, когда Христос предсказывал будущую смерть и исход Свой, – из слов: *душу мою положу за Тя; аще ми есть с Тобой и умрети, не отвергуся Тебе* (Мк. XIV, 31). Заметь, как ради Христа он подвергался опасностям, когда именно не только не убежал от напавшей на Христа толпы народа, но извлекши еще меч, отсек ухо у раба архиерейского. Таким образом, он не о себе заботился, но трепетал за Учителя своего. Далее, – так как слова его были решительны, то теперь он одумывается, и чтобы снова не навлечь на себя упрека, продолжает: *хощеши ли, да сотворим зде три сени, едину Тебе, и Моисеови едину, и Илии едину?* Что ты говоришь, Петр? Не ты ли незадолго перед этим отличал Его от рабов, а теперь опять смешиваешь с рабами? Вот как ученики были несовершенны до креста! Хотя Петр и имел откровение от Отца, но он не удерживал его постоянно, а смущался страхом, – не только тем, о котором я сказал, но и страхом, родившимся в нем при самом видении. Потому другие евангелисты, говоря об этом и показывая, что причиной смущения, с которым он произносил эти слова, был именно страх тот, сказали: Марк – *не ведяше, что рещи; бяху бо пристрашни* (Мк. IX, 6); а Лука, сказав: *сотворим сени три*, присоединил: *не ведый, еже глаголаше* (Лк. IX, 33). Притом показывая, что как Петр, так и прочие ученики были поражены большим страхом, Лука говорит о них: *бяху отягчени*

сном, убуждшеся же видеша славу Его (ст. 32). Под сном здесь Евангелист разумеет большое отягчение, происшедшее в них от видения. Как чрезмерный блеск ослепляет глаза, так и они поражены были тогдашним светом. Этот свет явился не ночью, а днем, и слабое их зрение отягчалось величием блеска. Что ж далее? Ни сам Христос не говорит ничего, ни Моисей, ни Илия; но больший всех и более всех достойный веры Отец глаголет из облака. Почему ж из облака? Так всегда является Бог. *Облак и мрако крест Его* (Пс. XCVI, 2); еще: *седит на облаце легце* (Ис. XIX, 1); еще: *полагаяй облаки восхождение Свое* (Пс. CIII, 3); также: *облак подъят Его от очию их* (Деян. I, 9), еще: *яко Сын человечь идый бяше на облацех небесных* (Дан. VII, 13). Потому, чтобы ученики проверили, что глас этот есть глас самого Бога, является облако, и притом светлое. *Еще же Ему глаголюще, се облак светел осени их, и се глас из облака, глаголя: сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих, Того послушайте* (Мф. XVII, 5)! Когда Бог изрекает угрозы, тогда показывает мрачное облако, как, например, на горе Синайской: *сниде Моисей в* облако и во мрак (Исх. XXIV, 18), *и восхождаше дым, яко дым пещный* (XIX, 18). Равным образом и пророк, говоря об угрозах, сказал: *вода во облацех воздушных* (Пс. XVII, 12). Здесь же, поелику Он имел намерение не устрашить, а научить, является светлое облако. И в то время, как Петр сказал: *сотворим три сени*, сам Он показал сень нерукотворную. Вот почему там курение и дым пещный, здесь – свет неизреченный и глас. Потом, чтобы показать, что не просто говорит об одном из трех, но именно о Христе, прочие двое, когда раздался глас, удалились, потому что если бы говорено было просто о комнибудь из них, то по удалении двоих не остался бы один Иисус. Почему же облако осенило не одного только Христа, но всех? Если бы оно осенило одного Христа, то можно было бы подумать, что глас происходил

от самого Христа. Потому и Евангелист, предотвращая это самое, говорит, что глас был из облака, то есть от Бога. Что ж говорит глас этот? *Сей есть Сын Мой возлюбленный!* Если же Иисус есть Сын возлюбленный, то не бойся, Петр! Тебе уж нужно было знать и могущество Его, и увериться в Его воскресении. Если же ты не знаешь, то по крайней мере ободрись гласом Отца. Если Бог всемогущ, — как Он и действительно таков, — то и Сын всемогущ. Потому не бойся угрожающих опасностей. Если же ты все еще не соглашаешься, то по крайней мере рассуди, что Он есть Сын, и Сын любимый: сей *есть Сын Мой возлюбленный*! Если же Он любимый, то не бойся. Кто погубит того, кого любит? Итак, не смущайся; хотя бы любовь твоя к Нему была безмерна, но ты не любишь Его так, как любит Родивший Его, Который о Нем благоволит. Он не потому только любит Его, что родил Его, но и потому, что Он равен Ему во всем, и одну имеет с Ним волю. Следовательно, причина любви Его двоякая, или даже троякая, то есть: что Он Ему Сын, что возлюбленный, что в Нем все Его благоволение. Что ж значит: о *Немже благоволих?* Отец как бы так говорит: в Нем покой Мой и услаждение; и это потому, что Он во всем совершенно равен Отцу; воля у Него одна с волею Отца, и, будучи Сыном, Он во всем составляет одно с Рождшим. *Того послушайте*, — так что, если бы Он захотел быть распятым на кресте, ты тому не противься. *И слышавше падоша ницы, и убояшася зело. И приступль Иисус, прикоснуся их, и рече: востаните и не бойтеся. Возведше же очи свои, никогоже видеша, токмо Иисуса единаго* (Мф. XVII, 6–8).

4. Отчего же они были так поражены, когда услышали эти слова? И прежде такой глас был на Иордане, в присутствии народа, но никто не испытал ничего подобного; и после опять, когда и гром был, как говорили, никто не испытал подобного. Отчего же они повер-

глись ниц на горе? Причины тому: уединенность и высота места, глубокое молчание, преображение, соединенное с ужасом, свет чрезвычайный и облако простертое, – все это повергло их в сильный трепет. Отовсюду окружали их поразительные вещи, и они, в ужасе, пали и поклонились. Но чтобы страх, слишком долго действуя, не лишил их памяти, Христос тотчас рассевает их ужас и предстает очам их один; и заповедает им не говорить о событии никому до тех пор, пока Он восстанет из мертвых. *Сходящим им с горы, заповеда им никому же поведати видения, дондеже из мертвых воскреснет* (ст. 9). Действительно, чем более стали бы рассказывать о Нем чудесного, тем труднее для многих было бы тогда верить этому. Притом, соблазн о кресте от того еще более увеличивался. Потому-то Он велит им молчать, и не просто велит, но снова напоминает им о Своих страданиях, как будто бы приводя причину, по которой Он повелевал им молчать, – запретив именно не всегда открывать это, но только до тех пор, пока Он восстанет из мертвых. Умолчав о том, что было весьма неприятно, Он говорит только одно утешительное. Что ж после этого? Не могли ли они соблазниться? Никак. Нужно было только пройти времени до креста; а после они исполнились Духа, и в знамениях находили голос, споспешествующий им. Все, что они говорили после, достойно было вероятия: дела, громче всякой трубы, провозвещали Его могущество, и события не возбуждали уже никакого соблазна. Подлинно, ничего не может быть блаженнее апостолов, и особенно троих из них, удостоившихся быть с Господом под покровом одного облака. Впрочем, и мы, если захотим, можем увидеть Христа, – не в таком виде, в каком они видели Его на горе, но в виде гораздо лучшем, потому что впоследствии Он придет не в прежнем виде. Тогда Он, щадя учеников, явил им столько славы, сколько они могли

снести; после же Он придет во славе Отца Своего, не с Моисеем только и Илиею, но с бесчисленными воинствами ангелов, с архангелами, с херувимами, со всеми их несметными полчищами; не одно облако будет над главой Его, но все небо будет сосредоточено над Ним. Как судьи, когда совершают всенародно суд свой, отнимают занавеси и показываются всем, так точно и тогда все увидят Христа восседящего, и все люди предстанут Ему, и Он сам Своими устами будет отвечать им. Иным скажет: *приидите благословении Отца Моего: взалкал бо, и даете Ми ясти* (Мф. XXV, 34); некоторым же скажет: *благий рабе и верный, о мале был еси верен, над многими тя поставлю* (ст. 21). А другим, определяя иное, скажет: *отыдите во огнь вечный, уготованный диаволу и аггелом его* (ст. 41); некоторым же: *лукавый рабе и лениве* (ст. 26). Иных рассечет и предаст мучителям; других же велит, связав руки и ноги, ввергнуть в тьму кромешную. И после секиры примет их печь, в которую будет ввергнуто все, что выброшено из сети. *Тогда праведницы просветятся яко солнце* (Мф. XIII, 43), и даже еще более, нежели солнце; если же сказано так, то не потому, чтобы светлость их была точно такова, как солнечная, но потому, что мы не знаем другого светила, блистательнее солнца. Христос посредством известного нам предмета хотел только изобразить будущую славу святых. Так точно Евангелист, когда говорит, что Иисус на горе просиял, как солнце, говорит так по той же самой причине; а что свет был более приводимого в сравнение (солнечного света), это доказали ученики тем, что пали ниц. Если бы свет этот не был чрезвычайный, а был бы подобный солнечному, то они не пали бы, а легко снесли его. Итак, праведники в то время просветятся, как солнце, и еще более; грешники же испытают крайние бедствия. Тогда не нужно будет доказательств, обличений, свидетелей. Тот, Кто судит, есть вместе и свиде-

тель, и обличитель, и судия. Он все знает ясно: вся бо *нага и объявлена пред очима Его* (Евр. IV, 13). Туда никто не явится богатым или бедным, сильным или слабым, мудрым или глупым, рабом или свободным; все эти отличия исчезнут, и разбираться будут одни дела. Если в судах осужденный за худое управление или убийство, кто бы он ни был — префект или консул, или подобный им, лишается всех достоинств и приемлет достойную казнь, то тем более так будет там.

5. Итак, чтобы этого не случилось с нами, снимем с себя нечистые одежды, облечемся в оружие света, — и слава Божия осенит нас. Какая в самом деле из заповедей неудобоисполнима, какая трудна? Выслушай, что говорит пророк, и тогда узнаешь, что они легки. *Ниже аще слячеши, яко серп, выю твою, и вретище и пепел постелеши, ниже тако наречеши пост приятен; но разрешай всяк соуз неправды, разрушай обдолжения насильних писаний* (Ис. LVIII, 5, 6). Заметь мудрость пророка! Предложив сперва и потом отвергнув средства трудные, он представляет легкий путь спасения, показывая, что Бог требует не трудов, а послушания. Потом, доказывая, что добродетель легка, а порок тягостен, он изображает это самыми простыми словами. Порок, говорит он, есть узы и рабство, а добродетель — освобождение и разрешение от всего этого. *Всякое писание неправедное раздери*, — разумея под этим расписки в долгах и займах. *Отпусти сокрушенныя на свободу*, — то есть бедных, потому что должник, как скоро увидит заимодавца, смущается духом и страшится его больше зверя. *Нищия безкровныя введи в дом твой; аще видиши нага, одей, и от свойственных племене твоего не презри* (Ис. LVIII, 7). В прежней беседе, рассуждая о наградах, мы назвали их источником богатства. Теперь посмотрим, есть ли в заповедях что-нибудь трудное, превышающее нашу природу? Нет, мы не найдем в них ничего такого; даже еще

найдем противное. Они столько же легки, сколько порок труден. В самом деле, что может быть труднее — давать взаймы, заботиться о прибыли, заключать сделки, требовать поручительства, страшиться и трепетать за заклады, за отданные в рост деньги, за расписки, за барыши, за выполнение обещаний? Таково-то все житейское! Самая, по-видимому, изысканная предусмотрительность во всем ненадежна и непрочна. Напротив того, быть милостивым легко, и освобождает от всех забот. Итак, не будем наживаться за счет чужих несчастий и торговать милосердием. Знаю, что для многих неприятно слушать эти слова; но что за выгода и молчать? Если я буду молчать и не докучать своими словами, то не только не могу этим молчанием избавить вас от наказания, — напротив, наказание от этого еще увеличится, и не для вас только увеличится, — даже и мне самому это молчание навлечет наказание. Итак, что пользы в льстивых словах, когда они не помогают на деле, но еще вредят? Какая прибыль веселить словами и печалить на самом деле, нежить слух и подвергать душу наказанию? Итак, надобно печалиться здесь, чтобы не подвергнуться наказанию там. Ужасная, любезные мои, ужасная, и большого требующая врачевства болезнь вкралась в церковь! Те, которым даже не велено копить богатства и праведными трудами, но повелено отверзать дома свои неимущим, те самые извлекают свою выгоду из бедности других, выдумывая благовидный образ хищения, искусно прикрывая любостяжание. Не говори мне о внешних законах. И мытарь исполняет закон внешний, но несмотря на то повинен наказанию. То же придется испытать и нам, если не перестанем притеснять бедных в нужде и в несчастьях, и пользоваться этим случаем для постыдного прибытка. Ты для того имеешь деньги, чтобы облегчать бедность, а не для того, чтобы утеснять ее; а ты, под

видом великодушия, только увеличиваешь бедность и продаешь милосердие за деньги. Продавай, я не запрещаю; но только ради царства небесного. За это дело ты получишь не малую награду – но воздаяние сторичное, жизнь бессмертную. Для чего ты беден и нищ? Для чего ты, малодушный, продаешь великое за малую цену – за деньги погибающие, между тем как это должно было бы делать ради царства, вечно пребывающего? Для чего, оставив Бога, стараешься о выгодах человеческих? Зачем, обегая Богатящего, докучаешь неимущему, и оставляя щедрого Дателя, вступаешь в сношение с неблагодарным? Тот сам желает дать, а этот с трудом дает. Этот дает едва ли сотую часть, а Тот более, нежели стократ – жизнь вечную. Этот с обидой и ругательством, Тот – с любовью и благосклонностью. Один возбуждает в тебе ненависть, другой и венцы тебе сплетает. Один с тобой только что здесь, другой – и здесь и там. Итак, не крайнее ли это безумие – не знать даже своей пользы? Сколько людей потеряло в погоне за барышами свои деньги! Сколько людей, ради корыстей, подверглись опасностям! Сколько людей и себя, и других повергли в крайнюю бедность от неслыханного любостяжания!

6. Не говори мне, что тот, кто берет в долг, радуется и благодарит за то, что ему дали; это происходит от твоей жестокости. И Авраам, отдав варварам жену свою, сам показывал вид, будто дурное их намерение для него приятно; однако он это делал не из доброй воли, но опасаясь фараона. Так точно и бедный: раз ты не считаешь его достойным и того, чтобы дать ему в долг, принужден благодарить тебя и за твою жестокость. Мне кажется, что ты даже освободив кого-нибудь от опасности, потребуешь награды за это. Нет, скажешь ты, этого не будет! Что ты говоришь? Избавляя от большого несчастья, ты не хочешь брать за то денег, между

тем как при малой услуге ты оказываешь такое бесчеловечие? Разве ты не видишь, какого наказания достоин такой поступок? Разве не знаешь, что это запрещено было и в Ветхом Завете (Втор. XV)? Но что еще говорят многие: «Я возьму проценты, и подам бедным?» Хорошо говоришь ты, друг, — только Богу не угодны такие приношения. Не хитри с законом. Лучше совсем не подавать нищему, чем подавать приобретенное такими средствами. Неправедным мздоимством ты нередко делаешь противозаконным и то богатство, которое собрал честными трудами, — точно так же, как если бы кто заставлял здоровое чрево раждать скорпионов. И что я говорю о законе Божием? Не сами ли вы называете это нечистым? Если же вы, корыстолюбцы, так думаете об этом, то представьте, какой суд произнесет над вами Бог? Если ты хочешь знать, как думали об этом земные законодатели, то и на их взгляд такие поступки были знаком крайнего бесстыдства. Тем, которые в чести и принадлежат к великому совету, называемому сенатом, запрещалось бесчестить себя такими прибытками. У них был закон, возбранявший подобные прибытки. Как же не почувствовать ужаса, когда ты не отдаешь такой чести небесному государству, какую воздают законодатели римскому сенату, даже почитаешь небо ниже земли? И ты не стыдишься такого безумия? Ведь это так же бессмысленно, как если бы кто вздумал сеять без земли, дождя и плуга. Те, которые выдумали бы такой нелепый образ земледелия, не должны бы ничего ожидать от этого, кроме плевел, обреченных огню.

Разве нет многих честных способов к приобретению, например: лугов, паств, полей, рогатого скота, рукоделий, попечения о имении? Для чего же ты безумствуешь и, сея на удачу, получаешь терния? Плоды земные, скажешь ты, много терпят вреда, например: от

града, засухи, проливных дождей. Но все не такой, какой проценты. В самом деле, от тех несчастных случаев терпят только плоды, а капитал, то есть поле, остается. Здесь же, напротив, многие часто губят и самый капитал, и еще прежде этого несчастья испытывают постоянно беспокойство. Заимодавец никогда не наслаждается тем, что имеет, никогда не радуется об этом, да и тогда, как наростают проценты, не веселится о прибытке, напротив, печалится о том, что рост еще не сравнился с капиталом; и прежде нежели этот неправедный рост сравнится совершенно, он старается пустить его в оборот, обращая в капитал и самые проценты, и насильно заставляя производить преждевременные порождения ехиднины. Таковы проценты! Они более этих ядовитых животных терзают и снедают души несчастных. Вот — *союз неправды!* Вот — *обдолжения насильных писаний*! Человек говорит: я даю не для того, чтобы ты что-нибудь имел, но чтобы возвратил с лихвой. А Бог, напротив, не велит и отданное получать обратно. *Взаим дайте*, говорит Он, тем, от кого не ожидаете получить (Лк. VI, 35); ты же требуешь даже более того, сколько дал, и принуждаешь должника своего почитать долгом и то, чего ты не дал. Ты думаешь через это умножить свое имение; но вместо того уготовляешь для себя огонь неугасимый. Чтобы с нами не случилось этого, отсечем неправедные порождения прибытков, истребим беззаконные желания, иссушим пагубное это чрево, и будем стремиться к одним истинным и великим выгодам. А какие это выгоды? Послушай, что говорит Павел: *снискание велие — благочестие с довольством* (1 Тим. VI, 6). Этим-то единственным богатством будем обогащаться, чтобы и здесь насладиться спокойствием, и достигнуть будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LVII

И вопросиша Его ученицы Его, глаголюще: что убо книжницы глаголют, яко Илии подобает прийти прежде? (Мф. XVII, 10)

1. Итак, ученики узнали об этом не из писаний, но им открыли книжники, — и молва об этом носилась в простом народе, как и о Христе. Потому и самарянныня сказала: *Мессия приидет; егда Той приидет, возвестит нам вся* (Ин. IV, 25); и книжники вопрошали Иоанна: *Илиа ли еси ты, или пророк?* (Ин. I, 21). Итак, среди иудеев, как я сказал, была молва о пришествии Христа и Илии, но они неправильно толковали ее. Писание говорит о двух пришествиях Христа, о бывшем и будущем. И Павел, указывая на оба пришествия, сказал: *явися благодать Божия спасительная наказующи нас, да отвергшеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем.* Вот одно пришествие; послушай, как и о другом говорит. Сказавши эти слова, он присовокупил: *ждуще блаженнаго упования, и явления великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. II, 11—13). Также и пророки о том и другом упоминают; они говорят, что предтечею одного из них, именно второго, будет Илия, а первого был Иоанн, которого Христос называет Илиею — не потому, чтобы он был Илия, но потому, что он совершал служение Его. Как Илия будет предтечею второго пришествия, так Иоанн был предтечею первого. Но книжники, сливая то и другое и развращая народ, упоминали перед народом об одном только втором пришествии и говорили, что если этот — Христос, то Илия должен предварить Его своим приходом. Потому и ученики говорят: *что убо книжницы глаголют, яко Илии подобает приити прежде?* По той же причине фарисеи посылали к Иоанну и спрашивали: *Илиа ли еси ты?* вовсе не упоминая о первом пришествии. Какой же ответ дал

Христос? Илия точно придет тогда, перед вторым Моим пришествием; но и ныне пришел Илия, — называя этим именем Иоанна. Этот Илия пришел. А если ты спрашиваешь о фесвитянине, то он придет; потому и сказал: *Илиа приидет и устроит вся.* Что такое — *вся?* То, о чем сказал пророк Малахия: *послю вам Илию свитянина, иже устроит сердце отца к сыну, да не пришед поражу землю в конец* (Мал. IV, 5, 6). Видишь точность пророческого изречения! Когда Иоанна назвал Илиею Христос, то назвал по причине сходства служения. А чтобы ты не подумал, что то же самое говорится и у пророка, последний присовокупил и родину его, называя фесвитянином; а Иоанн фесвитянином не был. Вместе с тем он указывает и другой признак, говоря: *да не пришед поражу землю в конец,* — означая этим второе страшное Его пришествие. В первом Он не пришел поразить землю: не *приидох,* говорит, *да сужду мирови, но да спасу мир* (Ин. XII, 47). Итак, означенные слова пророка показывают, что фесвитянин придет перед тем пришествием, когда будет суд. Он вместе показывает и причину пришествия его. Что же это за причина? Чтобы он, пришедши, убедил иудеев уверовать во Христа и чтобы, когда Христос придет, не все они совершенно погибли. Потому-то и Христос, приводя им это на память, сказал: *и устроит вся,* то есть исправит неверие иудеев тогдашнего времени. Вот почему и пророк весьма точно сказал; он не сказал: *устроит сердце* сына к отцу, но: *отца к сыну.* Так как отцы апостолов были иудеи, то сказано: обратит к учению сынов, то есть апостолов, сердца отцов, то есть расположение народа иудейского.

Глаголю же вам, яко Илиа уже прииде, и не познаша его; но сотвориша о нем, елика восхотеша: тако и Сын человеческий имать пострадати от них. Тогда разумеша, яко о Иоанне рече им (Мф. XVII, 12, 13). Хотя об этом не говорили

ни книжники, ни писания, но так как апостолы стали уже проницательнее и внимательнее к словам, то скоро поняли. Откуда же узнали об этом ученики? Прежде им было сказано: *той есть Илиа хотяй приити* (Мф. XI, 14), а здесь говорится, что уже пришел; и опять: *Илиа приидет и устроит вся.* Но не смущайся и не считай за ошибку, когда в одном месте говорится: *приидет,* а в другом: *пришел.* Все это справедливо. Когда Христос говорит: *Илиа приидет, и устроит вся,* разумеет самого Илию и будущее обращение иудеев; а когда говорит: *той есть хотяй приити,* то по образу служения называет Иоанна Илиею. Подобно этому пророки каждого благочестивого царя называли Давидом, а иудеев — князьями содомскими и сынами эфиопов, и именно по образу жизни их. Как Илия будет предтечею второго пришествия, так Иоанн был предтечею первого.

2. Но не по одной только указанной причине Христос везде именует его Илиею, но и для того, чтобы показать, что Он говорит совершенно согласно с Ветхим Заветом, что пришествие это совершилось по пророчеству. Потому и присоединяет: *прииде, и не познаша его, но сотвориша о нем* вся, *елика восхотеша.* Что такое значит, вся *елика восхотеша?* Ввергли в темницу, поругались, умертвили, принесли главу его на блюде. *Тако и Сын человеческий имать пострадати от них.* Видишь, как благовременно Он опять напоминает им о страдании? Он уже утешил их страданиями Иоанна; и не этим только, но и тем, что вскоре начинает совершать великие чудеса. Когда говорит Он о страданиях, то тотчас же творит чудеса; и, как можно заметить, Он и прежде слов этих и после, и вообще при всяком случае поступал так. Тогда *начат сказовати, яко подобает Ему ити во Иерусалим, и много пострадати, и убиену быти* (Мф. XVI, 21). Когда же? Тогда, как исповедовали, что Он Христос и Сын Божий. И еще на горе напоминал им о страдани-

ях, когда показал им чудное видение, и когда о славе Его разговаривали пророки. Окончив историю об Иоанне, Он присовокупил: *тако и Сын человеческий имать пострадати от них;* и немного спустя, когда изгнал беса, которого ученики не могли изгнать, *живущим им в Галилеи,* рассказывает Евангелист, *рече им Иисус: имать Сын человеческий предан быти в руце человек грешник, и убиют Его, и в третий день востанет* (Мф. XVII, 22, 23). Так поступал Он для того, чтобы величием чудес уменьшить чрезмерность печали, и чтобы как-нибудь их утешить. Так и здесь, напомнив о смерти Иоанновой, доставил им великое утешение. Если же кто спросит: почему Он и теперь не послал Илию, когда столько благодеяний свидетельствуют о Его пришествии? – отвечаем: потому, что и теперь признающие Христа за Илию не уверовали в Него; и ясно говорится: одни Тебя почитают Илиею, другие – Иеремиею (Мф. XVI, 14). Но между Иоанном и Илиею не было иного различия, как только по времени. Как же, спросишь ты, тогда уверуют? Он устроит все не славой только имени своего, но и тем, что слава Христа до того времени успеет весьма распространиться и будет для всех яснее солнца. Потому, когда он придет после того, как уже распространится высокое мнение о Нем, и ожидания, и станет проповедовать Иисуса, то его благовестие примут с охотой. Когда Христос говорит: *не познаша его,* то этим и извиняет, по-видимому, врагов Своих, и утешает учеников. Кроме того, утешает этих последних еще и тем, что указывает на неповинное Свое страдание, и прикрывает скорби двумя знамениями: бывшим на горе и тем, которое имеет быть. Услышав это, они не спрашивают Его, когда Илия придет – или потому, что угнетены были скорбью о страдании, или потому, что боялись. Часто случалось, что как скоро замечали, что Он не хотел говорить о чем-нибудь ясно, переставали любо-

пытствовать. Когда, находясь в Галилее, Он сказал: *имать Сын человеческий предан быти, и убиют Его,* то они, присовокупляет Евангелист, *скорбни быша зело,* что два Евангелиста поясняют таким образом: Марк — *не разумеваху глагола, и бояхуся Его вопросити* (Мк. IX, 31); Лука — *яко бе прикровен от них, да не ощутят Его, и бояхуся вопросити Его о глаголе* (Лк. IX, 45). *Пришедшим же им к народу, приступи к нему человек, кланяяся Ему и глаголя: Господи, помилуй сына моего, яко на новы месяцы беснуется, и зле страждет; множицею бо падает во огнь и множицею в воду. И приведох его ко учеником Твоим, и не возмогоша его исцелити* (Мф. XVII, 14—16). Писание свидетельствует, что этот человек был весьма слаб в вере. Это видно из многого: из того, что Христос сказал: *верующему вся возможна* (Мк. IX, 23); из того, что сам пришедший к Нему говорил: *помози моему неверию;* даже и из того, что Христос запретил злому духу когда-либо войти в него, и, наконец, из того, что человек этот сказал еще Христу: *аще можеши.* Но если неверие, скажешь ты, было причиной того, что злой дух не выходил, то за что же Христос обвиняет учеников? Он показал этим, что они верой могут исцелять больных и без посредников. Часто и вера посредника достаточна бывает для того, чтобы даже от меньших собратий получить желаемое; равно и сила чудотворца часто бывает достаточна к произведению чуда, хотя бы приходящие не имели веры. Оба эти случая подтверждает Писание. Домашние Корнилия своею верой привлекли благодать Духа, и Елиссей воскресил мертвого тогда, как никто не веровал, потому что бросившие мертвеца бросили не по вере, но по робости, бросили как попало и, убоявшись опасности, убежали, и сам брошенный был мертв, но от одной силы святого тела этот мертвец восстал. Отсюда очевидно, что и ученики были слабы, но не все; столпы не были при этом.

3. Но ты можешь видеть наразумие этого человека и из другого обстоятельства. Вот он перед народом жалуется Иисусу на учеников: *приведох его*, говорит, ко *ученикам Твоим, и не возмогоша его исцелити* (Мф. XVII, 16). Впрочем, Христос, отклоняя от них обвинение в глазах народа, более обвиняет его самого: *о, роде неверный и развращенный, доколе буду с вами* (ст. 17)? Чтобы не смутить его, Он обращается не к нему одному, но и ко всем иудеям. Вероятно, многие из предстоящих соблазнились и стали думать худо об учениках. Когда же говорит: *доколе буду с вами*, показывает опять, что для Него смерть вожделенна и переселение отсюда составляет предмет желания, и что Ему не распинаться тяжело, а жить с ними. Однако Он не ограничивается обвинениями, но что говорит? *Приведите Ми его семо*, — и Сам вопрошает отца, сколько лет страдает сын его, защищая тем и учеников, и в нем возбуждая благую надежду и уверенность в том, что сын его будет избавлен от недуга. Если же попускает ему терзаться, то это не напоказ: когда стал сбегаться народ, Он запретил духу; но делает это для самого отца, чтобы он, когда увидит смятение беса от одного только слова Иисусова, по крайней мере, после этого поверил имеющему совершиться чуду. Когда же он сказал: *издетска*, и: *аще можеши, помози ми*, то Спаситель говорит: *верующему вся возможна* (Мк. XI, 20–22), — опять делая ему укоризну. Когда прокаженный говорил: *аще хощеши, можеши мя очистити*, свидетельствуя о Его власти, тогда Господь, похваляя его и подтверждая сказанное, отвечает: *хощу, очистися* (Лк. V, 12, 13). Напротив, когда этот ничего не сказал, что бы достойно было Его могущества, а говорил только: *аще можеши, помози ми*, то смотри, как Христос исправляет его погрешность. Что говорит? *Аще можеши веровати, вся возможна верующему*, то есть: Я имею столько могущества, что и других могу сделать чудо-

творцами; а потому, когда ты уверуешь как должно, сам можешь излечить и сына, и многих других. Сказав это, Христос исцелил одержимого духом. Ты же не только из этого должен видеть благотворительное промышление Его, но и из самого времени, с которого Он попустил демону вселиться в отрока, — потому что если бы не особенный промысл и в это время, то больной давно погиб бы. Писание говорит, что дух повергал его и в огнь, и в воду; если же он дерзал на такие дела, то и вовсе бы его убил, если бы среди такого бешенства Бог не укрощал духа. То же было и с теми нагими, что блуждали по пустым местам и бились о камни. Если этот бесноватый называется лунатиком, то не смущайся; так называл его отец.

Почему же говорит Евангелист, что Христос многих исцелил лунатиков? Он называет их так сообразно с мнением народа. Бес клевещет на стихию, и мучит одержимых, и послабляет им по течению луны; но это не значит, чтобы луна действовала, — нет, сам дух прибегает к такой хитрости, клевеща на стихию. Отсюда-то утвердилось ошибочное мнение между неразумными, и вдаваясь в обман они называют этим именем демонов. Но это несправедливо. *Тогда приступльше ученицы* Его *на едине*, спросили Его: *почто мы не возмогохом изгнати беса?* (ст. 19). Мне кажется, они боялись, не потеряли ли благодати, сообщенной им; они получили власть над духами нечистыми: потому и спрашивают Христа, пришедши к Нему тайно, не потому, что стыдились (раз дело уже совершилось, и они были обличены, то не для чего им было стыдиться словесного признания), а потому, что они намерены были вопрошать Его о предмете важном и тайном. Что же Христос? *За неверствие*, говорит, *ваше; аще бо имате веру яко зерно горушно, речете горе сей: прейди, и прейдет, и ничтоже невозможно будет вам* (Мф. XVII, 20). Скажешь: где они сдвинули с места гору?

Я скажу, что они сделали гораздо более, воскресив тысячи мертвых. Поистине, не столько потребно силы передвинуть гору, сколько выгнать из тела смерть. Говорят, впрочем, что святые, после них жившие и их гораздо меньшие, передвигали и горы, когда требовала того нужда. Отсюда очевидно, что и апостолы могли бы сдвинуть, если бы только нужно было, но так как тогда не было нужды, то не следует и обвинять их. Да и Господь не сказал: передвинете непременно, но: можете передвинуть. А если они не переставляли гор, то не потому, что не могли (иначе как же могли они совершать более важные чудеса), но потому, что не хотели; а не хотели потому, что не было нужды; а может быть, это и случалось, но нигде не упоминается, так как не все чудеса описаны. К тому же они тогда еще были не столько совершенны. Почему? Ужели не имели такой веры? Не имели; они не всегда были одинаково совершенны. Так Петр то называется блаженным, то укоряется; так и прочие получают от Христа упрек в неведении, когда не разумели слова о квасе. Может быть, и в настоящем случае апостолы обнаружили слабость веры, так как прежде креста они были не совсем совершенны. Говоря здесь о вере, Христос разумеет веру чудодействующую, и желая показать неизреченную силу ее, указывает на горчицу, которая хотя по виду весьма невелика, но имеет весьма великую силу. Итак, в доказательство того, что и самая малая искренняя вера имеет великую силу, указывает на горчицу; не останавливаясь на этом, упоминает затем еще и о горах и, восходя далее, прибавляет: *ничто же невозможно будет вам.*

4. Подивись же и здесь их любомудрию и силе духа: любомудрию, потому что не скрыли своей слабости; силе Духа, потому что тех, которые не имели веры и с зерно горчичное, Он в короткое время так возвысил,

что протекли в них реки и источники веры. *Сей же роде не исходит, токмо молитвой и постом* (ст. 21), присовокупляет Он. Здесь Он разумеет вообще демонов, а не одних только лунатиков. Видишь ли, как и апостолам говорит уже о посте? Не говори мне о редких случаях, что некоторые и без поста изгоняли бесов. Хотя и рассказывают про некоторых, что они и без поста изгоняли бесов, однако быть не может, чтобы человек, живущий среди утех, избавился от такого недуга: нет, страждущий таким недугом имеет особенную нужду в посте. Ты скажешь: если нужна вера, для чего же еще нужен пост? Для того, что кроме веры и пост много придает крепости, он научает великому любомудрию, человека делает ангелом, и укрепляет против сил бестелесных. Впрочем, не сам по себе; — нужна еще молитва, и она должна предшествовать. И смотри, какие блага происходят от этих двух добродетелей. Тот, кто молится, как должно, и притом постится, немногого требует; а кто требует немногого, тот не будет сребролюбив; а кто не сребролюбив, тот любит подавать и милостыню. Кто постится, тот становится легким и окрыляется, и с бодрым духом молится, угашает злые похоти, умилостивляет Бога и смиряет надменный свой дух. Потому-то и апостолы всегда почти постились. Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легче самого ветра. Таковой не дремлет, не говорит много, не зевает и не расслабевает на молитве, как то со многими бывает, но он быстрее огня и выше земли; потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека, искренно молящегося. Если жена могла преклонить жестокого начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, — то тем более может преклонить Бога тот, кто непрестанно предстоит перед Ним, укрощает чрево и отвергает утехи.

Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно, то оно не слабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева. Если ты не можешь поститься, то, по крайней мере, можешь не роскошествовать, — а и это немаловажно и недалеко от пощения, и может укротить неистовство диавола. Подлинно, ничто так не любезно демону, как роскошь и пьянство — источник и мать всех зол. Этим путем диавол ввергнул некогда израильтян в идолопоклонство, этим возжег содомлян на беззаконные похоти. *Сие есть*, говорит Писание, *беззаконие Содомлян: в гордости, в сытости и в изобилии сластолюбствовати* (Иез. XVI, 49). Тем же путем он и многих других погубил и предал геенне. В самом деле, какого зла не производит роскошь? Она делает людей свиньями, и хуже свиней. Свинья валяется в грязи и питается калом, а сластолюбивый человек приготовляет себе стол отвратительнейший, придумывая непозволенные связи и беззаконную любовь. Такой нимало не различается от бесноватого: он так же бесстыдствует и неистовствует. О бесноватом мы по крайней мере жалеем, а этого отвращаемся и ненавидим. А почему? Потому что он произвольно неистовствует, и обращает и рот свой, и глаза, и ноздри, и все вообще в проводники смрада и нечистоты. Если же заглянуть внутрь такого человека, то увидим, что душа в нем застыла и оцепенела, как бы среди зимы и мороза, и уже не может подать никакой помощи ладье, по причине чрезмерной непогоды. Стыдно мне говорить, как много страждут от сластолюбия и мужчины, и женщины. Это я оставляю на их совести, которая точнее знает все. Что отвратительнее пьяной женщины, качающейся туда и сюда? Чем немощнее сосуд, тем жесточе крушение. Свободная ли то будет жена, или раба, — свободная бесчестит себя среди рабов, а раба то же делает среди рабов, и таким образом делают то, что дары Божии хулятся несмысленны-

ми. Я слышу, как многие, когда встречаются такие случаи, говорят: будь проклято вино! О, глупость; о, безумие! Другие грешат, а ты порицаешь дар Божий. Что за сумасбродство? Ужели вино, — о человек, — причиной такого зла? Нет, — не вино, а невоздержание тех, которые злоупотребляют вином. Итак, лучше скажи: исчезни пьянство, погибни роскошь! А если скажешь: пропади вино, то можешь вслед затем сказать: пропади железо, — потому что есть человекоубийцы; пропади, ночь, — потому что есть воры; пропади, свет, — потому что есть клеветники; да погибнут жены, — потому что есть блудницы. Таким образом ты все наконец захочешь истребить.

5. Но ты не поступай так, — это сатанинский дух. Не презирай вина, но презирай пьянство. Когда пьяный придет в чувство, опиши ему все его безобразие. Скажи ему: вино дано для увеселения, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселым, а не для того, чтобы быть посмешищем; дано для укрепления здоровья, а не для расстройства; для уврачевания немощей телесных, а не для ослабления духа. Бог тебя почтил этим даром: для чего же ты неумеренным употреблением этого дара бесчестишь себя? Послушай, что говорит апостол Павел: *мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. V, 23). Если этот святой, даже одержимый болезнью и частыми недугами, не употреблял вина, доколе не повелел ему учитель, то какого же достойны будем осуждения мы, когда и здоровые упиваемся? Ему сказано: *мало вина приемли, стомаха ради твоего;* а из вас каждому упивающемуся скажет апостол: употребляй меньше вина, потому что от пьянства рождается блудодеяние, сквернословие, и прочие дурные похоти. Если же не хотите воздерживаться от пьянства по этой причине, то воздерживайтесь хоть потому, что оно возбуждает гнусные похоти.

Вино дано для веселия, – сказано: *вино веселит сердце человека* (Пс. CIII, 15); а вы и это доброе его свойство порочите. В самом деле, что за радость – быть не в себе, мучиться множеством болезней, видеть все кружащимся, все во мраке, и подобно находящимся в горячке, иметь нужду в том, чтобы кто-нибудь намазал голову елеем? Я говорю не о всех, вернее – впрочем – о всех; не потому, что все пьют; нет, но потому, что не пьющие не заботятся о пьющих. Потому я и к вам особенно обращаюсь, – к вам, находящиеся в здоровом состоянии. Так и врач, оставляя больных, беседует с теми, которые сидят около них. Итак, к вам я обращаю слово: умоляю вас, не заражайтесь этой болезнью; а тех, которые заразились, исхищайте из беды, чтобы они не оказались хуже бессловесных. В самом деле, скоты не требуют ничего более того, что им нужно; а предающиеся пьянству становятся бессмысленнее и их, преступая границы умеренности. И подлинно, не гораздо ли лучше таких людей осел? Не гораздо ли лучше пес? Каждое из этих животных, как и все вообще животные, едят ли, пьют ли, знают пределы довольства и не простираются далее потребного. И хотя бы тысячи человек принуждали их, никогда не дадут себе дойти до неумеренности. Итак, вы хуже бессловесных и в этом отношении, и не только в глазах здоровых людей, но и в собственных ваших глазах. И что вы сами о себе думаете хуже, чем о свиньях и ослах, это видно из того, что этих животных вы не заставляете есть сверх меры. Почему ж это так, спросят? Ты скажешь: чтобы не нанести им вреда; а о себе ты и этой предусмотрительности не употребляешь. Следовательно, ты думаешь о себе хуже, нежели о скотах и, всегда обуреваемый, нерадишь о себе. Ты страдаешь от пьянства, не только в тот день, когда пьян, но и после того дня. Подобно как и по прошествии горячки, остаются еще следы пагубного влияния ее, так и у тебя,

и по прошествии хмеля, и в душе, и в теле свирепствует буря. Бедное тело лежит расслаблено, как корабль, разбитый бурею, а того беднее душа, потому что и в расслабленном теле вздымает бурю и возжигает похоть. Когда же, по-видимому, приходит в здравый смысл, тогда-то особенно безумствует, воображая вино, бутылки, стаканы, чаши. Как при укрощении волнения после бури остаются следы разрушительного действия ее, так и здесь. Как там товары, так здесь почти все доброе выбрасывается. Целомудрие ли стяжал кто-либо, стыдливость ли, пристойность ли, кротость ли, смирение ли, – все это пьянство повергает в море нечестия. А что еще после этого делает пьянство, того нельзя ни с чем и сравнить. Там, по выгружении, корабль делается легче; а здесь, напротив, новое отягощение: вместо богатства корабль нагружается песком, соленой водой и всякой дрянью, отчего корабль и с пловцами, и с кормчим тотчас погибает. Итак, чтобы не потерпеть нам того же, устранимся от этой бури. Нельзя пьянице видеть царствия небесного. *Не льститеся*, говорит апостол: *ни пияницы, ни досадители царствия Божия не наследят* (1 Кор. VI, 9, 10). И что я говорю: царствия небесного? Пьяный не видит и настоящих предметов; пьянство дни превращает для нас в ночи, свет – во тьму; пьяный, смотря во все глаза, не видит и того, что у него под ногами. И не это только зло рождается от пьянства, но и потом пьяницы подвергаются другой, жесточайшей казни: безумному унынию, неистовству, расслаблению, насмешкам, поношениям. Какого же помилования ждать тем, которые убивают себя такими бедствиями? Совершенно никакого. Итак потщимся избегнуть этого недуга, чтобы получить нам и настоящие и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LVIII

Живущим же им в Галилеи, рече им Иисус: предан имать быти Сын человеческий в руце человеком, и убиют Его, и в третий день востанет; и скорбни быша зело (Мф. XVII, 22, 23)

1. Чтобы ученики не говорили: для чего мы здесь остаемся столько времени? – Христос опять говорит им о страдании, а слыша об этом, они не хотели даже и видеть Иерусалима. Смотри же, как апостолы и после того даже, как Петру уже сделано было порицание, после того, как Моисей и Илия, беседуя о страдании, называли это дело славой, после того, как и Отец свыше подал глас, и столько было чудес, и воскресение уже было при дверях (потому что Христос сказал, что Он недолго будет оставаться в объятиях смерти, но в третий день воскреснет), – все же не перенесли слов Христовых, но опечалились, и опечалились сильно. Это произошло от того, что они еще не разумели силы слов Христовых, как то показывают Марк и Лука. Один говорит: *не разумеваху глагола, и бояхуся Его вопросити* (Мк. IX, 32); а другой: *бе прикровен от них* глагол, *да не ощутят, и бояхуся Его вопросити о глаголе* (Лк. IX, 45). Но если они не понимали, то как же могли печалиться? Нельзя сказать, чтобы они ничего не понимали; напротив, знали они, что Он умрет, потому что непрестанно слышали о том. Но чтобы могла когда-либо случиться с Ним такая смерть, и что вскоре она должна разрушиться и произвесть бесчисленные благодеяния, – этого они ясно еще не понимали; не знали и того, что это за воскресение. Потому-то они и скорбели, что весьма любили Учителя.

Пришедшим же им в Капернаум, приступиша приемлющии дидрахмы к Петру и реша: учитель ваш не даст ли дидрахмы? (Мф. XVII, 24). Что это за дидрахмы? Когда Бог

избил первенцев египетских, то вместо их взял колено левитов. Но, так как число левитов было меньше числа первородных у иудеев, то Он за тех, которых недоставало в число, повелел вносить сикль. С этого времени вошло в обыкновение платить такую пошлину за первенцев. А так как Христос был первенец, и из учеников Петр казался первым, то собиратели пошлины и приступили к нему. Они, как мне кажется, собирали пошлину со всякого города; поэтому и пришли к нему в отечество, которым считался Капернаум. К самому Христу они не осмелились приступить, а пришли к Петру; впрочем, и к последнему приступили не с насильственным требованием, а скромно. Они не настоятельно требовали, а только спрашивали: *учитель ваш не даст ли дыдрахмы?* Надлежащего о Нем мнения они еще не имели, но считали Его за простого человека; впрочем, воздавали Ему некоторое уважение и честь за предшествовавшие знамения. Что ж им отвечает Петр? *Глагола: ей!* Собирателям пошлины сказал Петр, что Христос даст дидрахму; но самому Христу не объявил об этом, может быть, стыдясь говорить с Ним о таких вещах. Потому кроткий и все ясно ведущий Иисус, предупреждая его, говорит: *что ти мнится, Симоне? Царие земстии от киих приемлют дани или кинсон. От своих ли сынов или от чужих?* Когда Петр ответил: от чужих, — Христос сказал: *убо свободны суть сынове* (ст. 25, 26). Чтобы не подумал Петр, что Он услышал что-либо от них, предваряет его, обнаруживая Свои мысли о том же самом предмете, и давая ему смелость, так как прежде последний не смел говорить об этом. Смысл же слов Его такой: Я свободен от платежа пошлины. Если цари земные не берут подати с сыновей своих, но с чужих, то тем более Я должен быть свободен от требования их, Царь и Сын Царя не земного, а небесного. Видишь ли, как Он различил

сынов от тех, которые — не сыны? Если бы Он не был Сын, то напрасно привел в пример царей. Точно, говорят, Он Сын, но не истинный. Следовательно, не Сын. А если не Сын, и не истинный Сын, то не Сын Божий, а чужой. Если же чужой, то пример царей не имеет своей силы. Он говорит не просто о сынах, каких бы то ни было, но о сынах законных, собственных, участвующих в царстве с родившими их. Потому-то для различия и противопоставил сынов чужих, так называя тех, которые рождены не от них (от царей). Сынами же своими называет тех, которых родили сами цари. Но обрати здесь внимание и на то, как подкрепляет Он своими словами открытое Петру ведение. Впрочем, Он не останавливается и на этом, но и снисхождением Своим внушает то же: новый опыт великой мудрости! Сказав это, Он присовокупляет: *но да не соблазним их, шед, верзи удицу в море, и юже прежде имеши рыбу, возми, и обрящеши в ней статир: той взем, даждь им за Мя и за ся* (ст. 27). Видишь ли, как Он и от подати не отказывается и, между тем, не просто повелевает отдать ее? Показав наперед, что Он не подлежит подати, потом дает ее; первое делает для того, чтобы не соблазнились ученики, последнее — чтобы не соблазнились сборщики податей. Дает пошлину не как обязанный к тому, но из снисхождения к их слабости.

В другом месте, рассуждая о пище, Христос пренебрегает соблазном; этим Он поучает нас различать время, когда надобно заботиться о соблазняющихся, а когда можно и оставить без внимания. Да и самый образ, как Он дает подать, открывает, кто Он таков. Для чего не велит Он заплатить из хранившихся у них денег? Для того, как я выше сказал, чтобы и в этом случае показать, что Он есть Бог над всем, и что море в Его власти. Эту власть Он показал и тогда уже, когда *запретил морю,* и тому же самому Петру позволил ходить по волнам.

Эту же самую власть и теперь показывает, хотя другим образом, но также приводит в великое изумление. В самом деле, немало значило сказать о бездне, что первая же рыба попадется, с требуемой пошлиной, и что повеление Его, подобно закинувшему сеть в бездну, поймает рыбу со статиром. Но дело власти прямо божественной и неизреченной – повелеть морю, чтобы оно принесло дар, и показать, как во всем оно Ему покорно, и тогда, когда, взволновавшись, вдруг утихло и среди неистовства волн подъяло сослужителя своего, и теперь также, когда платит за Него требующим подати. *И даждь им*, говорит, *за Мя и за ся*. Видишь ли великое предпочтение? Познай же и глубокую мудрость Петрову. Об этом важном обстоятельстве не упомянул Марк, ученик его, как о великой чести, оказанной Петру Христом, но об отвержении его и он написал, а о том, что могло бы прославить Петра, умолчал, – может быть, потому что Учитель запретил говорить о нем то, что относилось к его славе. *За Мя и за ся,* – так как и Петр был первенец. Ты дивишься силе Христовой? Подивись и вере ученика, который так послушен был в случае столь затруднительном. Действительно, для человеческого разума дело представлялось слишком трудным. В награду за такую-то веру Христос и присоединил его к Себе при плате пошлины: *за Мя и за ся. В той час приступиша ко Иисусу ученицы глаголюще: кто убо болий есть в царствии небеснем?* (Мф. XVIII, I). Нечто человеческое действовало в учениках. На это указывает и Евангелист, говоря; *в той час,* то есть, когда Христос предпочел Петра всем прочим. И Иаков был первородный, но Иисус ничего подобного не оказал ему. Стыдясь обнаружить страсть, которой недуговали, они не говорят прямо: почему Ты отдал Петру предпочтение перед нами? Разве он больше нас? Они стыдились сказать так, а спрашивают неопределенно: *кто убо болий есть?* Когда Иисус оказывал предпочте-

ние троим из них, в них не обнаруживалось ничего подобного. А когда честь предоставлена была одному только, они опечалились. И не это только, но и другие обстоятельства приняв в соображение, они воспламенились страстью. Так Христос сказал некогда Петру: *дам ти ключи царства небеснаго. Блажен еси Симоне, вар Иона* (Мф. XVI, 19, 17); и здесь говорит: *даждь им за Мя и за ся;* к тому ж и большее дерзновение, какое они неоднократно видели в Петре, раздражало их. Если же Марк и не говорит, что они вопрошали, а в себе самих помышляли, то это нимало не противоречит первому: вероятно, и то и другое было с ними; еще и прежде неоднократно они приходили в такое состояние, а теперь выразили на словах, и в себе самих помышляли. Но ты смотри не на одно лишь то, что достойно было бы порицания, а размысли и о том, во-первых, что они и теперь ничего земного не ищут; во-вторых, что они после оставили и эту слабость и взаимно друг другу уступали первенство. Что ж касается до нас, то мы не можем возвыситься и до погрешностей их; не спрашиваем о том, кто больше в царствии небесном, но кто больше в царстве земном, кто богаче, кто сильнее. Что же говорит им Христос? Он раскрывает их совесть, и отвечает на их чувствования, а не просто на слова. *Призвав отроча, рече: аще не обратитеся и будете, яко отроча сие, не внидете в царствие небесное* (ст. 2 и 3). Вы доискиваетесь, говорит, кто больше, и спорите о первенстве. Я же говорю: кто не будет ниже всех, тот недостоин царствия небесного. И прекрасный представляет пример. Но и не представляет только, а на самом деле поставляет посреди их отрока, пристыжая самым тем, что видят они перед собой; убеждает быть столько же смиренными и простосердечными, как и младенец, который не имеет ни зависти, ни тщеславия, ни желания первенства, но обладает высокой добродетелью

простоты, беззлобия и смирения. Итак, нужно иметь не одно только мужество и благоразумие, но и добродетель смиренномудрия и простоты. Когда мы не имеем этих добродетелей, то сколь бы ни велики были наши дела, спасение наше сомнительно. Младенца хотя бы поносили, хотя бы наказывали, хотя бы хвалили, хотя бы честили, он ни в первом случае не досадует и не укоряет, ни в последнем не гордится.

3. Видишь ли, как Он опять призывает нас к добрым естественным делам, показывая, что их можно совершать по свободному произволению? Этим искореняет Он и нечестивое учение манихеев. В самом деле, если природа есть зло, то почему же Он почерпает из нее примеры любомудрия? Что ж касается до дитяти, которое было поставлено перед учениками, то, по моему мнению, это было дитя в полном смысле, свободное от всех указанных страстей, – дитя, чуждое и гордости, и тщеславия, и зависти, и сварливости, и всех подобных страстей, – дитя, украшенное многими добродетелями, как-то: простосердечием, смирением, спокойствием, и которое ни одной из этих добродетелей не гордится; а это, то есть обладать качествами и, между тем, не надмеваться ими, свойство высокой мудрости. Потому-то Христос привел его и поставил посреди. Но и этим не ограничил Он Своего наставления, а простер его еще далее: *и иже аще приемлет отроча таково во имя Мое, Мене приемлет* (Мф. XVIII, 5). Не только, говорит Он, если сами вы таковыми будете, получите великую награду, но даже если ради Меня будете почитать таковых, то в награду за почтение к ним назначаю вам царство. Даже выражает более того: *Мене*, говорит, *приемлет:* так Мне любезно смирение и простосердечие! Под именем младенца здесь Он разумеет людей столько же простодушных, смиренных, отвергаемых и презираемых людьми обыкновенными. Чтобы сделать

речь более убедительной, Он усиливает ее далее не только обещанием чести, но и угрозой казни. *И иже аще соблазнит,* продолжает Он *единаго малых сих, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей* (ст. 6). Как те, говорит Он, кто почитает таковых ради Меня, получат небо и даже честь, большую самого царства, так понесут жесточайшее наказание и пренебрегающие их (это означается словом – соблазнить). Не удивляйся, что Он обиду называет соблазном: многие малодушные нередко соблазнялись тем, что их презирали и бесчестили. Таким образом, увеличивая преступление, Он представляет проистекающий из него вред. Наказание же Он изображает уже иначе, чем награды, объясняя – именно – тяжесть его вещами, нам известными. Так, когда Он особенно хочет тронуть людей нечувствительных, то приводит чувственные примеры. Поэтому и здесь, желая показать то, что они подвергнутся великому наказанию, и обличить гордость тех, которые презирают таких людей, представляет чувственное наказание – мельничный жернов и потопление. Сообразно с предыдущим надлежало бы сказать: тот, кто не приемлет одного из малых сих, Меня не приемлет, – что тяжелее всякого наказания. Но так как на людей бесчувственных и грубых это страшное наказание мало бы подействовало, то Он говорит о жернове мельничном и потоплении. Не сказал, что жерновный камень повешен будет на шею его, но что лучше бы было потерпеть такое наказание, показывая этим, что несчастного ожидает другое, тягчайшее зло; если то несносно, тем более это, последнее. Видишь ли, какая ужасная угроза? Сравнивая ее с известной для нас угрозой, Он представляет ее в большей ясности; а указывая на большую тягость, заставляет страшиться большего наказания, нежели каково чувственное. Видишь ли, как Он с корнем исторгает высокомерие? Как врачует не-

дуг тщеславия? Как научает нигде не искать первенства? Как внушает домогающимся первенства везде искать последнего места? Подлинно, нет ничего хуже высокомерия. Оно лишает нас самого обыкновенного благоразумия, выставляет глупцами, или, вернее, и совсем делает безумными. Если бы кто-нибудь, будучи не выше трех локтей, усиливался быть выше гор, и считал бы себя таковым; если бы он стал вытягиваться, как будто бы был выше горных вершин, — то мы не стали бы искать другого доказательства его безумия. Так точно, когда ты увидишь надменного человека, который считает себя лучше всех и за бесчестие ставит жить вместе с простыми людьми, то не ищи уже другого доказательства его безумия. Такой человек гораздо более достоин посмеяния, нежели глупые от природы, потому что сам добровольно навлек на себя эту болезнь. И не потому только он достоин сожаления, но и потому, что впадает в бездну зла, не чувствуя того. В самом деле, может ли он когда-нибудь сознать грехи свои должным образом? Может ли почувствовать свои преступления? Диавол, взяв его, как непотребного раба и пленника, влечет его, куда хочет, всячески муча его и подвергая бесчисленным поруганиям; наконец он доводит таких людей до такого безумия, что, следуя его внушениям, они начинают гордиться перед детьми и женами своими, даже перед предками, — или же, напротив, надмеваться знаменитостью этих последних. А что может быть того безумнее, когда гордятся совсем противоположными вещами: одни тем, что имели бедных отцов, дедов и прадедов, а другие — тем, что имели славных и знаменитых предков? Итак, чем смирить гордость и тех, и других? Одним надлежит сказать: поднимись подальше своих дедов и прадедов: может быть, много среди них найдешь поваров, погонщиков, харчевников; а тем, которые гордятся

собой, смотря на низость предков, надлежит сказать противное: и ты тоже посмотри на предков своих, живших пораньше: найдешь многих, гораздо тебя знаменитейших.

4. Что таков порядок природы, это я докажу вам от Писания. Соломон был сын царя, и царя знаменитого; но отец этого последнего был из числа людей бедных и незнатных; таков же был и дед его по матери, иначе он не выдал бы своей дочери за простого воина. Но если ты будешь восходить выше, то после этих бедных предков снова увидишь знаменитейший царственный род. То же можно наблюдать и относительно Саула, и многих других. Итак, не будем же гордиться предками. Скажи мне, в самом деле, – что такое род? Не что иное, как одно пустое имя. И это вы узнаете в последний день. Но поелику он еще не наступил, то мы постараемся убедить вас известными нам ныне обстоятельствами в том, что знаменитость происхождения не дает никакого преимущества. Когда наступает война, голод или какое-нибудь другое бедствие, тогда ничтожество всех мнимых преимуществ знатного происхождения обнаруживается ясно. Приключится ли болезнь или моровая язва, она не знает различия между богатым и бедным, между славным и бесславным, между знатным и низким; так точно и смерть и другие перевороты: одинаково они постигают всех и, что всего чуднее, особенно богатых. Чем беспечнее последние ведут себя в таковых обстоятельствах, тем легче погибают. Даже страх сильнее действует на богатых. Трепеща больше других перед начальниками, они в такой же мере, и даже гораздо еще сильнее, боятся и народа, поскольку часто дома богачей становятся жертвой и неистовства черни, и неудовольствия начальников. Напротив, бедный остается безопасным от этих волнений. Итак, если желаешь показать, что ты благород-

ного происхождения, то, презрев благородство рода, яви такое же благородство духа, какое имел тот блаженный, хотя и бедный, который сказал Ироду: *не достоит ти имети жену Филиппа брата твоего* (Мк. VI, 18); какое имел тот, который был до него, и который будет после него, так обличавший Ахаава: *не развращаю аз Израиля, но разве ты и дом отца твоего* (3 Цар. XVIII, 18); какое имели пророки и все апостолы. Но не таковы души преданных богатству: подобно тем, которые находятся под властью бесчисленных приставников и палачей, они не смеют даже возвести очей своих, не смеют свободно действовать для добродетели. Жадность к деньгам, славе и другим предметам, бросая на них суровый взор, делает их рабами своими и невольниками. Подлинно, ничто не лишает столько свободы, как прилепление к вещам житейским и пристрастие ко всему блестящему. Таковой служит не одному, не двум, не трем, а бесчисленным господам. И если хотите исчислить их, то приведем для примера одного какого-нибудь знаменитого царедворца. Пусть он обладает бесчисленным богатством, пусть облечен он великой властью, пусть будет у него славная родина, знатные предки и пусть обращает он на себя взоры всех. Посмотрим же, не презреннее ли этот вельможа всех рабов? Противопоставим ему не просто раба, но раба, принадлежащего рабу; ведь многие и слуги имеют рабов. Этот раб раба имеет одного господина, — что нужды, если и не свободного? Зато одного, которому только и старается угодить. И пусть он знает, что господин его также подвластен; но все же он повинуется только одному, и если хорошо управляет его имением, то проводит жизнь спокойно. Напротив, тот имеет не одного, не двоих господ, но многих, и гораздо более взыскательных. И прежде всего его тревожит мысль о царе. Большая разница иметь владыкой над собой какого-либо

человека незнатного, или царя: этот последний, слушая наветы многих, оказывает свое благоволение сегодня одним, а завтра другим. И хотя он ничего не знает за собой, несмотря на то, всех подозревает, и своих сподвижников, и подчиненных, и друзей, и врагов. Но и тот, скажут, боится господина своего. Но разве одно и то же — иметь одного господина и бояться его, или иметь многих и страшиться их? Мало того; если кто тщательно рассмотрит дело, то найдет, что тот ни одного не имеет над собой господина. Как и каким образом? Он не имеет никого, кто бы пожелал лишить его такой службы и поставить себя на его место, а потому не имеет себе соперника. Напротив, вельможи о том только и заботятся, чтобы очернить перед царем того, кому он оказывает благоволение и любовь свою. Потому-то все они и принуждены льстить высшим, равным, друзьям, потому что где господствует зависть и жадность к славе, там нет искренней дружбы. Как люди, занимающиеся одним и тем же художеством, не могут чисто и искренно любить друг друга, так точно и те, которые обладают равным достоинством, и в вещах житейских домогаются одного и того же. От того-то происходит между ними сильная борьба. Итак, видишь ли целый ряд владык и владык жестоких? Хочешь ли, укажу и нечто другое, еще более тягостное, в их положении? Находясь ниже другого, каждый старается возвыситься перед ним; а те, которые возвышены, стараются воспрепятствовать другим сравниться с ними, или превзойти их.

5. Но, о, чудо! Я намерен был указать владык; а мое слово увлекло меня до того, что я сказал более, нежели сколько был намерен: представил господ недругами, или — вернее — одних и тех же представил и господами, и недругами, потому что они пользуются уважением как господа, страшны как недруги и злокозненны как вра-

ги. Если же кому кто и господин, и вместе недруг, то что можно представить хуже этого несчастья? Раб, хотя находится в зависимости от своего господина, все же пользуется от него покровительством и благосклонностью. Напротив, ими и повелевают, и против них же враждуют; они вооружены друг против друга и больше, чем на войне, подвержены опасностям, поскольку хотят скрыть свою вражду, под личиной дружбы питают чувства враждебные, и на развалинах счастья других стараются часто созидать свое собственное. Между нами не так бывает: если кто несчастлив, то многие страдают с ним; а если кто счастлив, то многие с ним радуются, как говорит апостол: *аще страждет един уд, с ним страждут еси уди, аще ли же славится един уд, с ним радуются еси уди* (1 Кор. XI, 26). Предлагая такие увещания, в одном случае он говорил: *кто нам упование, или радость, не вы ли?* (1 Сол. II, 19). В другом: *яко мы ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе* (1 Сол. III, 8). В третьем: *от печали многия и туги сердца написах вам* (2 Кор. II, 4); или: *кто изнемогает, и не изнемогаю; кто соблазняется, и аз не разжизаюся?* (2 Кор. XI, 29). Итак, для чего же доселе мы кружимся в вихрях и обуреваемся волнами житейских забот, а не спешим к тихому пристанищу: почему не стремимся к самым вещам, оставив пустые имена? Слава и власть, богатство и знатность и тому подобное у них только имена, а у нас самая вещь; равно как и наоборот, печаль, смерть и бесчестие, бедность и тому подобное для нас только имена, а для них самое дело. Если угодно, приведем прежде всего в пример славу, столь для них любезную и вожделенную. Я не говорю уже, что она кратковременна и что скоро исчезает. Нет, представь ее в то время, когда она находится в полном блеске; не скрывай нарядов и прикрас любодейцы, но выставь ее во всем ее украшении, и я укажу ее безобра-

зие. Итак, ты, конечно, укажешь на одежду, на множество ликторов, голос герольда, покорность толпы, безмолвие черни, удары встречающимся на пути, и, наконец, всеобщее внимание. Разве, скажешь, все это не составляет блеска? Рассмотрим, однако, не лишнее ли все это, и не одно ли пустое тщеславие? В самом деле, чем лучше становится человек от этого: по душе ли, или по телу (ведь из таковых частей и состоит только человек)? Разве он от этого делается выше, или сильнее, или здоровее, или быстрее? Или он приобретает чувства острейшие и проницательнейшие? Но этого никто не скажет. Равным образом, если обратимся к душе, то найдем, что и здесь не приобретается никакой выгоды. Что же? Ужели тот, перед кем так раболепствуют, через то делается умереннейшим, скромнейшим, благоразумнейшим? Нимало! Даже совершенно напротив. Здесь бывает не то, что с телом. Тело — только что ничего не приобретает от почестей в свою пользу; а здесь, напротив, не одно только то несчастье, что душа никакой не получает пользы, но и что она же становится более злой. Она предается от этого гордости, тщеславию, безумию, гневу и другим бесчисленным порокам. Но, — ты скажешь, — она радуется здесь, ликует, восхищается. Но это-то и верх зла, болезнь неисцельная. В самом деле, кто утешается таким положением, тот не скоро и захочет освободиться от уз зла; его довольство заграждает собой путь к исцелению. Это-то и есть крайнее несчастье, что он, видя умножение своих болезней, не только не печалится, а даже радуется. Не всегда ведь радость составляет добрый признак. Радуется и вор, когда украдет что-либо, и прелюбодей, оскверняющий брачное ложе ближнего своего; и любостяжатель, похищающий чужое; и человекоубийца, губящий людей. Итак, мы не на то должны обращать внимание, радуется ли человек, а на то,

о добром ли радуется, и должны опасаться, чтобы не найти такой радости, какова у прелюбодея или вора. Почему радуется он, скажи мне? Потому ли, что, снискав славу, он в состоянии гордиться перед другими и обращать на себя их внимание? Но что может быть преступнее такого расположения и такой безумной любви. Если это не зло, то не обвиняйте тщеславных, и не осыпайте их бесчисленными укоризнами. Перестаньте проклинать гордых и высокомерных. Но вы находите это невозможным. Следовательно, и те заслуживают бесчисленных порицаний, хотя и окружены бесчисленной свитой. Вот что я намерен был сказать о беззаконных вельможах! И действительно, многих из них мы найдем таких, которые, по причине злоупотребления своей властью, несравненно преступнее разбойников, убийц, прелюбодеев, гроборасхитителей. В самом деле, они и похищают бесстыднее, нежели те, и умерщвляют с большею жестокостью, и предаются наслаждениям несравненно постыднейшим, и, по силе власти своей, разоряют не стены, но имущество и бесчисленные дома других; они, предаваясь беспечно страстям, страдают под игом жесточайшего рабства; терзая нещадно подобных себе рабов, трепещут всякого, кто знает их ближе. Подлинно, тот только свободен, тот только владыка и могущественнее царей, кто не порабощен страстям. Итак, зная это, постараемся снискать истинную свободу и удаляться от постыдного рабства; не будем ничего, кроме одной добродетели, почитать за блаженство: ни ложного блеска власти, ни богатства поработительного, — и тогда мы будем наслаждаться спокойствием в здешней жизни, и в будущей получим блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава с Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LIX

Горе миру от соблазн! Нужда бо естьприити соблазном: обаче горе человеку тому, им же соблазн приходит (Мф. XVIII, 7)!

1. Если надобно прийти соблазнам, — скажет, может быть, кто-либо из противников, — то для чего же Христос сожалеет о мире, тогда как должен бы избавить его от соблазнов и подать руку помощи? В этом ведь состоит долг врача и ходатая; а сожалеть и всякий может. Что отвечать нам на столь бесстыдные слова? Можешь ли ты найти что-либо такому равное врачеванию? Будучи Богом, Христос соделался для тебя человеком, принял образ раба, подвергся всем поношениям и не оставил со Своей стороны ничего, что нужно было сделать. Но так как все это людям неблагодарным не принесло никакой пользы, то Он сожалеет о них, — сожалеет о том, что и после такого врачевания они не избавились от своей болезни, подобно тому, как если бы кто-нибудь, сожалея о больном, о котором прилагали великое старание, но который не захотел повиноваться предписаниям врача, сказал: горе этому человеку от болезни, которую он усилил собственным своим нерадением! Но там нет никакой пользы от сожаления; а здесь и то служит врачевством, что Христос предсказывает будущее и сожалеет о мире. В самом деле, часто от советов многие не получали никакой пользы, а от сожаления исправлялись. Потому-то особенно Спаситель и сказал: *горе миру!* — чтоб возбудить людей, приготовить их к подвигам и заставить бодрствовать. Вместе с тем, Он обнаруживает любовь Свою к ним и кротость — тем, что и о противящихся сожалеет, не негодуя только, но и исправляя их Своим сожалением и предсказанием, чтобы обратить их к Себе. Но как это возможно? — скажешь ты. Если надобно прийти

соблазнам, то как можно избежать их? Прийти соблазнам надобно, но погибать от них нет необходимости. Если бы, например, какой-нибудь врач сказал (ничто не препятствует опять представить тот же пример): надобно прийти такой-то болезни, — из этого еще не следует, что эта болезнь необходимо должна причинить вред человеку осторожному. Эти слова Спаситель сказал, как я выше заметил, для того, чтобы вместе с прочими пробудить от усыпления и учеников Своих. Чтобы они не предавались усыплению, как будто бы им назначено было вести жизнь покойную и безмятежную, Он предсказывает о множестве предстоящих им внутренних и внешних браней. И Павел, указывал на это, сказал: *внеуду брани, внутрьуду боязни, беды во лжебратии* (2 Кор. VII, 5; XI, 26). Также рассуждая с ефесскими пастырями в Милете, говорил: *востанут нецыи от вас глаголющии развращенная* (Деян. XX, 30). И сам Христос сказал: *врази человеку домашнии его* (Мф. X, 36).

Когда Христос говорит о необходимости соблазнов, то не уничтожает этим ни свободного произволения, ни свободы воли, и не подчиняет жизнь нашу какой-либо необходимости действий, но предсказывает только то, что непременно должно случиться. То же самое и Евангелист Лука выражает, говоря: *невозможно есть не приити соблазном* (Лк. XVII, 1). Что же такое соблазны? Препятствия на прямом пути. Так и в театре называют тех, которые искусно ставят препятствия и ловко перевертывают тела. Итак, не предсказание Спасителя причиной соблазнов; нет; и не потому соблазны существуют, что Спаситель предсказал о них; но потому предсказал, что они непременно должны были произойти. Если бы люди, от которых происходят соблазны, решились не делать зла, то соблазны и не пришли бы; а если бы они не имели прийти, то не были бы и предсказаны. Но так как люди предались

злу и впали в болезнь неисцельную, то соблазны пришли, и Спаситель предсказывает лишь то, что должно было случиться. А если б они исправились, — скажешь ты, — и никто не стал бы вводить соблазнов, то не оказалось ли бы ложным это предсказание? Нимало; его тогда и не было бы. Если бы все люди могли исправиться, то Спаситель и не сказал бы: *нужда есть приити соблазном*. Но поелику Он предвидел, что некоторые не захотят исправиться, потому и сказал, что соблазны непременно придут. Но для чего же, спросишь ты, Господь не уничтожил их? Для чего же уничтожать их? Для тех ли, кто получает от них вред? Но они получают вред не от соблазнов, а от своего нерадения. Это видно из примера людей добродетельных, которые не только не терпят от соблазнов никакого вреда, но еще получают величайшую пользу. Таков был Иов, таков Иосиф, таковы все праведники и апостолы. Если же многие и погибли, то погибли от своей беспечности. Если бы было не так, и погибель зависела от соблазнов, то надлежало бы всем погибнуть. Если же есть люди, которые избегают соблазнов, то не избегающий их должен винить себя самого. Соблазны, как я сказал, пробуждают людей от усыпления, делают их осмотрительными и проницательными, и не только того, кто хранит себя от них, но и падшего скоро восстановляют, они научают его осторожности и делают неуловимым. Итак, если мы бываем внимательны, то немалую получаем пользу от соблазнов: мы научаемся непрестанно бодрствовать. Если и при таком множестве врагов и искушений мы предаемся усыплению, — то что было бы с нами, когда бы мы жили в безопасности? Посмотри, например, на первого человека. Если он краткое время, может быть, менее одного дня, живя в раю и наслаждаясь удовольствиями, дошел до такого повреждения, что возмечтал быть

равным Богу, обольстителя счел за благодетеля и не мог сохранить одной заповеди, то чего не сделал бы он, если бы и после вел жизнь безбедственную?

2. Но, слыша от нас такие слова, противники снова возражают нам, говоря: для чего же Бог сотворил его таковым? Нет, не Бог сотворил его таковым; иначе Он и не наказал бы его. Если и мы не обвиняем рабов своих за то, в чем сами бываем виновны, тем более не может делать этого Бог всяческих. Отчего же человек сделался таковым? спрашиваешь ты. От самого себя и своей беспечности. Как это: от самого себя? Спроси себя. Если злые злы не от самих себя, то не наказывай раба своего, не порицай жены, если она погрешит в чем, не бей сына, не обвиняй друга, не питай ненависти к врагу, обижающему тебя: ведь все они достойны сожаления, а не наказания, если их погрешности непроизвольны. Но, скажешь, я не могу так рассуждать. Нет, когда ты сознаешь, что они не произвольно, а по необходимости сделались виновными, то можешь рассуждать. Так, если раб, по причине болезни, не исполнит твоих приказаний, ты не только не обвиняешь его, но и охотно прощаешь. Таким образом, ты сам свидетельствуешь, что иное зависит от него, а иное не от него. Подобным образом и здесь: если бы первый человек был столько порочен потому, что сотворен таковым, то ты не только не стал бы обвинять, но охотно простил бы его. Если ты прощаешь раба по причине болезни, то, конечно, не откажешь в прощении тому, кто сотворен от Бога наклонным ко злу, если только он действительно сотворен был таковым. Тем, которые делают подобные возражения, легко заградить уста и другим образом: истина обильна доказательствами. Почему, например, ты никогда не обвиняешь раба своего за то, что он некрасив лицом, невысок ростом, не умеет летать? По тому, что это зависит от

природы. Итак, что человека нельзя обвинять в том, что зависит от природы, тому никто не будет противоречить. Следовательно, когда ты обвиняешь кого, то показываешь этим, что его преступление зависит не от природы, а от собственной воли. Если мы тем, что не обвиняем других в преступлениях, показываем, что их преступления зависят от природы, то очевидно, что если в чем порицаем других, этим даем знать, что их преступление зависит от свободы. Итак, не представляй превратных умствований и хитросплетений, которые слабее паутинной тенеты, а отвечай мне опять на вопрос: всех ли людей Бог сотворил? Конечно. Почему же не все равно добродетельны и порочны? Откуда добрые, хорошие, смиренные? Откуда порочные и нечестивые? Если это зависит не от воли, а от природы, то почему одни добродетельны, а другие порочны? Если все от природы злы, то никому нельзя было бы быть добрым; если ж от природы все добры, то никто не может быть злым. Если у всех людей одинакова природа, то все они, в силу этого, должны быть одинаковы, — или все добры, или все злы. Если же мы скажем, что одни добры от природы, а другие злы (что несправедливо, как мы показали), то эти свойства их должны бы быть неизменными, так как природные свойства не изменяются. Например, посмотри: все мы смертны, подвержены страстям, и никто не может освободиться от них, хотя бы употреблял тысячу усилий. Между тем мы видим, что многие из добрых делаются злыми и из злых — добрыми: одни по нерадению, другие но великому тщанию; из чего особенно и видно, что быть добрым или злым — не зависит от природы. Что дано природой, то ни изменяется, ни приобретается посредством старания. Как для того, чтоб видеть или слышать, нам не нужно трудиться, так и для приобретения добродетели нам не было бы нужды

употреблять усилия, если бы она дана была в самой природе. Да для чего и Бог сотворил бы злых, когда мог всех сотворить добрыми? Итак, откуда же зло? Спроси самого себя; мое дело только показать, что оно ни от природы, ни от Бога. Итак, скажешь, само собой явилось? Ни в каком случае! Что же, или оно нерожденно? Замолчи, о, человек! Беги от такого безумия, и не воздавай злу одинаковой чести с Богом, и притом высочайшей. Ведь, если зло нерожденно, то значит оно могущественно, и нельзя ни отвратить, ни уничтожить его: всякому известно, что нерожденное не может погибнуть.

3. Отчего же так много добрых, когда зло имеет такую силу? Как рожденные могут быть сильнее нерожденного? Ты скажешь: Бог некогда уничтожит зло. Но каким образом Он уничтожит зло, если оно, подобно Ему, безначально, могущественно и вечно? — скажет кто-либо? О, злоба диавольская! Сколько она изобрела зла! До какого богохульства довела человека! Под каким благочестивым предлогом измыслила новое нечестивое учение! Желая показать, что зло не от Бога происходит, люди ввели новое нечестивое учение, признав зло нерожденным. Итак, откуда же происходит зло? От хотения и нехотения. Но откуда происходит самое хотение и нехотение? От нас самих. Предлагать такой вопрос — значит то же, что спрашивать: отчего человек видит, и не видит? Если бы я отвечал тебе: оттого, что он открывает и закрывает глаза свои, ты бы снова спросил меня: а отчего он открывает и закрывает глаза свои? И потом, когда бы я сказал тебе, что это зависит от нас самих и от нашего хотения, ты бы опять стал искать новой причины. Зло не иное что есть, как неповиновение Богу. Откуда же, скажешь ты, это неповиновение произошло в человеке? Но скажи мне: трудно ли было произойти ему? Я не говорю того,

что трудно; спрашиваю только, отчего человек захотел не повиноваться Богу? От беспечности. Имея власть повиноваться и не повиноваться Богу, он избрал последнее. Если ты и после этого сомневаешься и недоумеваешь, то я предложу тебе вопрос не трудный и не запутанный, но простой и ясный: не случалось ли с тобой, что иногда ты поступал худо, а иногда хорошо? Например, побеждал какую-либо страсть и снова подвергался ей, предавался пьянству и удерживался от него, гневался и укрощал гнев, презирал бедного и не презирал его, прелюбодействовал и снова делался целомудренным? Итак, скажи мне: откуда все это? Отчего? Если ты мне не скажешь, то я скажу тебе: это оттого, что сперва ты старался (о добродетели) и был ревностен, а потом ослабел и сделался беспечен. Людям отчаянным и совершенно предавшимся злу, бесчувственным и безумным, которые не хотят даже и слышать о том, что может исправить их, я не буду и говорить о любомудрии; а тем, которые поступают то так, то иначе, скажу с удовольствием. Ты похитил как-нибудь имущество тебе не принадлежащее, а после, побуждаемый милосердием, уделил бедному и от собственных твоих благ: откуда произошла в тебе такая перемена? Не очевидно ли, что от твоей воли и расположения? Это так очевидно, что всякий легко согласится с этим.

Поэтому прошу вас быть тщательными и держаться добродетели, и тогда вы не будете предлагать подобных вопросов. Если мы захотим, то зло будет существовать только по одному имени. Итак, не спрашивай, откуда происходит зло, и не предавайся сомнению; но узнав, что оно происходит от одной беспечности, удаляйся его. Если же кто скажет тебе, что зло не от нас самих происходит, то когда ты увидишь, что он гневается на раба, сердится на жену, обвиняет сына и осуждает тех,

которые причиняют другим обиды, скажи ему: как же ты говорил, что зло происходит не от нас самих? Если оно не от нас, то для чего же ты обвиняешь других? Спроси также его: добровольно ли ты порицаешь и поносишь других? Если не добровольно, то никто не должен на тебя гневаться; если же добровольно, то значит, зло происходит от тебя и от твоей беспечности. Далее: веришь ли ты, что есть люди добрые? Если нет добрых, то откуда ты взял самое это название? Откуда твои похвалы? Если же есть добрые, то очевидно, что они могут порицать злых. Если же злой делается злым не добровольно, и не сам по себе, то несправедливо поступят добрые, упрекая злых, и сами сделаются через то злыми. В самом деле, что может быть хуже, как обвинять невинного? Если же добрые, и упрекая злых, остаются добрыми, и это служит сильнейшим доказательством их доброты даже для людей безрассудных, то и отсюда очевидно, что никто никогда не был злым по необходимости. Если ты и после этого будешь спрашивать, откуда происходит зло, то я скажу тебе: от беспечности, от праздности, от обращения со злыми и от презрения к добродетели. Отсюда происходит и зло, и то, что некоторые спрашивают, откуда происходит зло. Из людей добродетельных, возлюбивших жизнь смиренную и целомудренную, никто не спрашивает об этом; одни только дерзающие делать зло и желающие посредством этого учения ввести некоторую пагубную беспечность сплетают паутинные тенета. Но мы разорвем эти паутины не словами только, но и самыми делами. Зло существует не по необходимости. Если бы оно было необходимо, то Христос не сказал бы: *горе человеку тому, имже соблазн приходит.* Он называет несчастными тех только, которые делают зло по своей воле. А что говорит: *имже соблазн приходит,* — то не удивляйся. Эти слова Его означают не то,

будто бы посредством этого человека другой кто вводит соблазн, но что он сам все производит. В Писании часто, вместо предлога *от*, употребляется предлог *через*, например: *стяжах человека Богом* (Быт. IV, 1), то есть первая причина полагается вместо второй. Также: *еда не Богом изъявление их есть* (XL, 8)? И еще: *верен Бог, Имже звани бысте во общение Сына Его* (2 Кор. I, 9).

4. А чтобы тебе увериться, что зло не зависит от необходимости, послушай, что далее говорит Господь. Изъявив сожаление о тех, которые вводят соблазны, Он продолжает: *аще ли рука твоя, или нога твоя соблазняет тя, отсецы ю, и верзи от себе: добрейше ти есть внити в живот хрому или бедну, нежели две руце, и две нозе имущу, ввержену быти в огнь. И аще око твое десное соблазняет тя, изми е: добрейше ти есть со единым оком в живот внити, неже две оце имущу ввержену быти в пещь огненную* (Мф. XVIII, 8, 9). Спаситель говорит здесь не о членах тела, но о друзьях и о сродниках наших, которые составляют как бы необходимые для нас члены. Об этом Он говорил и прежде, и теперь говорит. Действительно, ничто столько не вредно, как общение с людьми порочными и развратными. Чего не может произвести необходимость, то часто производит дружество — и ко вреду, и к пользе. Вот почему Спаситель с особенной силой и повелевает нам удаляться людей вредных, разумея под ними тех, которые вводят соблазны. Видишь ли, как Христос предотвратил вред, могущий произойти от соблазнов? Во-первых, Он предсказал, что соблазны непременно произойдут, чтобы никто не предавался беспечности, но все, ожидая их, бодрствовали; во-вторых, показал, что соблазны великое зло (он не без причины сказал: *горе миру от соблазн*, но чтобы показать великий вред, от них происходящий), в-третьих, — и еще более, — показал это тем, что назвал несчастным того, кто вводит соблазны (словами: *горе человеку тому*

Спаситель означает То, что этот человек подвергнется тяжкому наказанию). И не только этими словами, но и присоединенным к ним сравнением увеличивает страх. Но не довольствуясь этим, Он показывает и путь, которым можно избежать соблазнов. Какой же это путь? Прекрати, говорит Он, дружество с людьми нечестивыми, хотя бы они были для тебя весьма любезны, и представляет тебе на это неопровержимое доказательство. Если, говорит, они пребудут твоими друзьями, то ты и им не принесешь пользы, и себя погубишь. Если же прекратишь с ними дружество, то по крайней мере сам приобретешь спасение. Итак, если дружество с кем-либо для тебя вредно, удались от него. Если мы часто отсекаем члены тела своего, когда они бывают больны неизлечимо и вредны для прочих членов, то тем более должно поступать так с друзьями. Если бы зло зависело от природы, то излишне было бы все это увещание и всякий совет, излишне было бы и предостережение, заключающееся в вышесказанном; если же оно не излишне, — каково и действительно, — то очевидно, что зло зависит от воли. *Блюдите, да не презрите единаго от малых сих: глаголю бо вам, яко ангели их на небесех выну видят лице Отца Моею небеснаго* (10). Малыми Господь называет здесь не тех, которые в самом деле малы; но тех, которых многие почитают таковыми, то есть бедных, презираемых и незнатных. Как, в самом деле, можно назвать малым того, кто дороже целого мира? Того, кто друг Богу? Спаситель называет малыми тех, которые были таковы во мнении людей. Он не говорит — многих, но — *единаго*, предотвращая и через это вред от многих соблазнов. Как удаление от злых, так и почитание добрых доставляет великую пользу; и человек внимательный двояким образом предохраняет себя от зла, — удаляясь от содружества с людьми соблазняющими, и отдавая уважение и честь

мужам святым. Потом еще и другие побуждения представляет нам почитать этих мужей, говоря: *яко ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего небеснаго.* Отсюда очевидно, что все святые имеют на небесах ангелов. И апостол говорит о жене, что она *должна есть власть имети на главе ангел ради* (1 Кор. XI, 10); и Моисей говорит: *постави пределы языков по числу ангел Божиих* (Втор. XXXII, 8). Здесь не об ангелах только говорится, но и о высших чинах ангельских. А говоря, что они *видят лице Отца Моего,* не иное что означает, как великое их дерзновение и великую честь. *Прииде бо Сын человеческий спасти погибшаго* (11). Вслед за этим представляет новое доказательство, сильнейшее первого, и присовокупляет притчу, в которой показывает, что и сам Отец желает, чтобы мы не презирали меньших братии своих. *Что вам мнится,* говорит Он, *аще будет некоему человеку сто овец, и заблудит едина от них: не оставит ли девятьдесять и девять, и шед в горы ищет заблуждшую? И аще будет обрести ю, радуется о ней паче, неже о девятидесятих и девяти не заблуждших. Тако несть воля перед Отцем вашим небесным, да погибнет един от малых сих* (ст. 12–14). Видишь ли, как много побуждений представляет нам Господь, заставляя пещись о низких по состоянию братьях наших? Итак, не говори, что такой-то кузнец, сапожник, земледелец – человек глупый и потому достоин презрения. Чтобы тебе не подвергнуться этому злу, посмотри, как многими доказательствами убеждает тебя Христос умерять самого себя, и прилагать попечение о тех людях. Он поставил дитя посреди и сказал: *будите яко дети,* и: *иже аще приемлет отроча таково, Мене приемлет* (ст. 5). А кто соблазнит, тот подвергнется жесточайшему наказанию; и сказав: *уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей* (ст. 6), не удовольствовался этим, но присовокупил еще: *горе человеку тому, имже*

соблазн приходит (ст. 7), и повелел удаляться таковых, хотя бы они были для нас вместо рук и глаз. Потом и ради ангелов, которым вверены эти меньшие братья, заставляет нас почитать их, и собственной волею и страданием побуждает нас к тому (потому что когда говорит: *прииде Сын человеческий спасти погибшаго*, то указывает этим на крест, как и Павел говорит о брате: *за него же Христос умре*, – Рим. XIV, 15), и волею Отца, потому что и Ему не угодно, чтобы кто-либо от малых погиб. И наконец употребляет общее доказательство, что и пастырь, оставив сохраненных им овец, ищет погибшей, и когда найдет ее, весьма радуется о обретении и о спасении ее.

5. Итак, если Бог столько радуется о обретении меньшего брата, то как же ты презираешь тех, о которых столько печется Бог, тогда как тебе должно полагать душу за единого от малых сих? «Но он немощен и беден!» Потому-то особенно ты и должен делать все, чтобы спасти его. И сам Господь, оставив девяносто девять овец, пошел за одной, и спасение такого множества овец не могло скрыть от него погибели одной. Евангелист Лука говорит, что Он взял ее даже на плечи Свои, и что на небе более бывает радости о едином грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках. Оставив незаблудившихся овец для одной заблудившейся, и возрадовавшись о ее обретении более, нежели о сохранении тех, Он показал через то великое попечение о ней. Итак, не будем презирать таковых душ. Для того ведь все это нам и сказано. Угрожая тем, которые не будут подобны детям, совершенным отлучением от царствия небесного и упоминая о жернове, Спаситель низлагает этим гордость людей высокомерных, так как ничто столько не противно любви, как гордость. Говоря: *нужда есть приити соблазном*, возбуждает нас к бодрствованию; присовокупляя к этим

словам: *горе человеку тому, имже соблазн приходит*, каждого из нас предостерегает от того, чтобы не делать соблазна; повелевая удаляться от соблазняющих, делает для нас удобнейшим путь ко спасению; а запрещая презирать меньших братий, — и не просто запрещая, но с особенной силой, говоря: *блюдите, да не презрите единаго от малых сих*, и еще: *яко ангели их видят лице Отца Моего*, также: для того и Я пришел, и Отец Мой хочет того, — соделывает ревностнейшими тех, которые должны пещись о них.

Видишь ли, каким оплотом Он оградил их, и какое прилагает попечение о людях презираемых и погибающих, угрожая тяжкими бедствиями соблазняющим их, и обещая великие блага тем, которые служат им и пекутся о них? Это подтверждает и собственным примером, и примером Отца. Будем и мы подражать Ему, и не будем отказываться для братьев наших ни от каких, по-видимому, унизительных и трудных дел. Но хотя бы нам надлежало послужить человеку, незнатному и бедному, хотя бы это сопряжено было с великими трудами, хотя бы надлежало перейти для этого горы и стремнины, — все это мы должны переносить для спасения брата. Бог столько печется о душе, что не пощадил и Сына Своего. Потому умоляю вас, будем с самого утра, как скоро выйдем из дома своего, стремиться к одной этой цели, и прежде всего будем заботиться о том, чтобы избавить от опасности брата. Я говорю здесь не столько об опасности телесной, — это почти нельзя и назвать опасностью, — сколько о душевной, которой подвергает людей диавол. Купец для умножения богатства переплывает море, и художник для увеличения своего имущества делает все. Так и мы должны заботиться не только о своем спасении (но и о спасении ближних); иначе и сами не получим спасения. Воин, который во время сражения старается

только о том, чтобы спасти себя самого бегством, вместе с собой губит и других; напротив, мужественный, сражаясь для защиты других, вместе с другими спасает и самого себя. А так как и наша жизнь есть также война, и притом жесточайшая из всех войн, — время сражения и битвы, — то будем вступать в сражение так, как повелел Царь наш, с готовностью поражать, убивать и проливать кровь врагов наших, заботясь о спасении всех, укрепляя стоящих и поднимая падших. Многие из собратий наших в этом сражении лежат в ранах, истекают те кровью, и нет человека, который бы помог им; ни народ, ни священники, ни другой кто, ни покровитель, ни друг, ни брат не заботятся о них, но каждый печется только о себе самом. Через это-то мы и унижаем достоинство своих подвигов, — потому что величайшее дерзновение (к Богу) и похвала принадлежит тому, кто печется не о своей пользе. Оттого-то мы бываем слабы и удобно побеждаемся как от людей, так и от диавола, что ищем только своего, и не укрепляем друг друга, не ограждаем любовью о Боге, но отыскиваем иные случаи для дружества: одни в родстве, другие в товариществе, третьи в знакомстве, иные в соседстве, — и всякие другие узы гораздо более утверждают нас в дружестве, нежели благочестие, тогда как оно одно должно связывать нас узами дружества. Но с нами происходит противное. Порой мы охотнее вступаем в дружбу с иудеями и эллинами, нежели с сынами Церкви.

6. Но один, говоришь ты, зол, а другой добр и кроток. Что ты говоришь? Ты называешь злым брата своего — того, которому тебе запрещено говорить: *рака?* И ты не стыдишься, не краснеешь, понося брата, который есть член твой, который участвует в одном с тобой рождении, и приобщается одной трапезы? Если брат твой по плоти учинит бесчисленное множество зол, ты

стараешься прикрыть его, и его бесчестие почитаешь собственным бесчестием; а брата духовного, которого бы надлежало тебе защищать от клеветы, ты всячески поносишь? Он зол и несносен, говоришь ты. Но потому-то ты и должен сделаться его другом, чтобы он перестал быть таковым, переменился и обратился к добродетели. Но ты говоришь: он не повинуется и не принимает советов. Откуда ты знаешь это? Увещевал ли ты его, и старался ли исправить? Ты скажешь: я много раз увещевал его. А сколько? Два раза? И это значит много! Если бы ты всю жизнь делал это, и тогда не должен ослабевать и отказываться от этого дела. Не видишь ли ты, как Бог непрестанно увещевает нас через пророков, апостолов, евангелистов? Что ж, мы все исполняем, всему повинуемся? Нет. Но перестал ли Он увещевать нас? Умолк ли? Не говорит ли, напротив, каждый день: *не можете Богу работати и мамоне* (Лк. XVI, 13), – и, между тем, страсть к богатству и жестокость возрастает у многих? Не каждый ли день Он взывает к нам: «Отпустите – и отпустится вам» (Мф. VI, 14), и мы еще более ожесточаемся? Не увещевает ли Он нас непрестанно господствовать над похотью и побеждать порочные удовольствия, и между тем многие, хуже свиней, валяются в этом грехе? И все же Он не перестает увещевать нас. Итак, почему же мы не размышляем и не говорим самим себе, что и нас Бог увещевает и не перестает увещевать, хотя мы часто не повинуемся Его увещаниям? Потому-то Он говорил, что мало спасаемых (Лк. XIII, 23). Если нам для спасения недостаточно одной собственной добродетели, но должно оставить эту жизнь, обратив к добродетели и других, то что мы должны будем претерпеть, когда ни самих себя, ни других не приведем ко спасению? За что можем надеяться получить спасение? Но что я обвиняю за нерадение о спасении ближних, когда мы нимало не печемся и о тех,

которые живут вместе с нами, то есть о жене, детях и рабах, но, подобно пьяным, делаем не то, что должно, — заботимся о том, чтобы у нас было больше рабов и чтобы они служили нам с великой ревностью, чтобы оставить детям своим богатое наследство, чтобы жена носила золотые украшения и драгоценные одежды, — и никогда не печемся о них самих, но только об их имуществе. В самом деле, мы не о жене печемся, а о вещах, ее украшающих, и не о детях, а об их имении, и поступаем подобно человеку, который, видя, что дом его обветшал и стены готовы разрушиться, вместо того, чтоб поддержать их, обносит кругом его большую ограду; или подобно тому, кто, не заботясь о исцелении своего больного тела, готовит для него дорогие одежды; или, во время болезни госпожи, заботится о рабынях, об их занятии, о сосудах и о прочих домашних принадлежностях, оставив ее страдать и плакать. Так и мы поступаем. Тогда как душа наша страдает от жестокой болезни, предается гневу, злословию, безрассудным желаниям, тщеславию, возмущению, прилеплена к земле и терзается столь многими зверями, мы, не заботясь об избавлении ее от страстей, печемся о доме и о рабах. Если откуда тайно убежит медведица, то мы запираем дома, прячемся, чтобы не встретиться с нею; а тут, несмотря на то, что не один зверь, но множество их, то есть нечистые помыслы, терзают душу нашу, мы даже и не чувствуем их. Живя в городе, мы весьма строго смотрим за зверями, заключаем их в местах безлюдных и в пещерах, и держим их на цепи не на городской площади, или около судилища и царских чертогов, но где-нибудь в отдалении. А в душу — это место совета, эти царские чертоги, это судилище — вторгаются звери и производят крик и шум около самого ума и престола царского. От того-то все и приходит в беспорядок, повсюду возму-

щение, и внутри, и вне нас, и каждый из нас весьма похож на город, который привели в возмущение нашедшие на него варвары. С нами бывает то же, что с птичками, когда змей займет гнездо их. Издавая жалобный писк, они всюду летают в страхе и смятении, не зная, как освободиться от опасности.

7. Потому умоляю вас, истребим змия, заключим зверей, умертвим их и отсечем лукавые помыслы мечом духовным, чтобы и нам не угрожал пророк тем же, чем угрожал земле иудейской: *онокентавры тамо вселятся, и ежеве и змии* (Ис. XIII, 22). Подлинно, и люди бывают хуже онокентавров. Они необузданны как звери, живущие в пустыне. Таковы бывают по большей части юноши. Преданные свирепым страстям, они скачут и прыгают, необузданно носясь всюду и нимало не заботясь о должном. А виноваты в этом их отцы. Своих конюхов они заставляют укрощать лошадей с великим тщанием, и не позволяют долгое время молодым коням оставаться неукрощенными, но в самом начале обуздывают их и все другие средства употребляют для их укрощения, а на детей своих долгое время смотрят равнодушно, когда они живут необузданно, не имея целомудрия, бесчестят себя, предаваясь любодеянию, играм, посещая бесчестные зрелища, — тогда как для предупреждения любодеяния надлежало бы соединить сына брачным союзом с женой целомудренной и мудрой; она удержит мужа от безрассудного образа жизни и обуздает его. Блуд и прелюбодеяние оттого и происходят, что юношам дают свободу. Если бы он имел разумную жену, то стал бы заботиться о доме, о славе и чести. Но ты скажешь: он еще молод. И я знаю это. Но если Исаак на сороковом году от рождения вступил в супружество, и до того времени хранил девство (Быт. XXV, 20), то тем более в благодатном состоянии юноши должны иметь эту добродетель. Но

что мне делать? Вы не только не хотите позаботиться о их целомудрии, но смотрите равнодушно, когда они бесчестят, оскверняют себя и предаются различным порокам, не зная того, что польза брака зависит от сохранения чистоты тела, без которой нет никакой пользы от брака. А у вас бывает противное. Когда дети ваши уже осквернят себя бесчисленными пороками, тогда соединяете их узами брака; но уже тщетно и напрасно. Но вы говорите: надобно подождать времени, когда сын станет знаменитым и прославит себя делами государственными, а о душе нимало не печетесь, но равнодушно смотрите на ее падение; оттого-то у нас во всем такое смешение, расстройство и беспорядок, что мы не заботимся о душе, пренебрегаем необходимым, и все попечение обращаем на дела маловажные. Неужели ты не знаешь, что ты ничем лучше не можешь облагодетельствовать сына своего, как сохранив его от нечистоты блуда? Ведь ничего нет драгоценнее души: *кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою оттщетит?* (Мф. XVI, 26). Но любовь к богатству превратила и ниспровергла все, и истребила истинный страх Божий. Как тиран разрушает крепость, так и она ниспровергла души людей. Потому-то мы и не печемся ни о спасении детей, ни о своем собственном, заботясь только о том, чтобы сделаться богатыми и оставить богатство своим наследникам, а те своим, и так далее; и таким образом мы только передаем свое имущество другим, а не обладаем им сами. Вот откуда происходит безумие; вот отчего люди свободные делаются хуже рабов. В самом деле, мы наказываем рабов, если не для них, то по крайней мере для самих себя; а свободные не пользуются и таким попечением, и оказываются у нас хуже даже рабов. И что я говорю о рабах? Участь детей наших хуже даже скотов; об ослах и лошадях мы более заботимся, неже-

ли о детях. Если кто имеет лошака, то всячески старается найти лучшего конюха, который бы был честен, не вор, не пьяница, и знал свое дело. Если же нам нужно дать наставника сыну, то мы просто, без всякого выбора, берем кого случится. А между тем нет ничего труднее искусства воспитывать. В самом деле, какое искусство сравнится с искусством образования души и просвещения ума юноши? Человек, знающий это искусство, должен быть внимательнее всякого живописца и ваятеля. Но мы об этом нимало не заботимся, а обращаем внимание только на то, чтобы ученик выучился говорить. Да и об этом заботимся только для богатства. Он учится говорить не для того, чтобы уметь хорошо говорить, но чтобы обогащаться, так что если бы, и не умея говорить, можно было приобретать богатство, то мы не стали бы заботиться и об этом. Видишь ли, какую силу имеет над нами страсть к деньгам? Как она все покорила под власть свою и связала нас, точно невольников и скотов, и влечет куда хочет? Но что нам пользы от таковых обличений? Мы вооружаемся против этой страсти словами, а она побеждает нас делами. Впрочем, не перестанем хоть и так — словами уст наших — поражать ее. Если от этого будет какая польза, то она будет простираться и на нас, и на вас. Если же вы не оставите прежних пороков, по крайней мере мы со своей стороны сделали все. Бог же и вас да освободит от этой болезни, и нам да подаст случай приобресть похвалу через вас. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LX

Аще согрешит к тебе брат твой, иди, обличи его между тобой и тем единем: аще тебе послушает, приобрел еси брата твоего (Мф. XVIII, 15)

1. Так как Спаситель произнес строгое обличение против соблазнителей и поразил их страхом, то чтобы, в виду этого обличения, в свою очередь и соблазняемые не впали в беспечность и, все почитая не до них касающимся, по ложной надежде, что все им должно служить, не впали в безумную гордость, — смотри, как Он и их воздерживает. Он повелевает их обличать, но обличать только наедине, чтобы обличение в присутствии многих свидетелей не показалось слишком тяжким и обличаемый, вместо того, чтобы исправиться, не сделался еще наглее. Потому и говорит: *обличи его между тобой и тем единем: аще послушает, приобрел еси брата твоего.* Что же это значит: *аще послушает?* Если осудит самого себя, если сознается в своем грехе. *Приобрел еси брата твоего.* Не сказал: ты достаточно отомстил ему, но: *приобрел брата твоего,* — показывая, что от вражды происходит вред тому и другому. Не сказал: он получил пользу только для себя; но: и ты со своей стороны приобрел его. А этим показал, что и тот, и другой прежде того много теряли, — один терял брата, а другой — собственное спасение. Тому же учил Он и тогда, когда сидел на горе; то оскорбившего Он посылал к оскорбленному, и говорил: если ты, предстоя алтарю, *ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя, шед прежде примирися с братом твоим* (Мф. V, 23); то оскорбленному повелевал простить ближнего: *остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим* (Мф. VI, 12), — так Он учил говорить в молитве. Здесь же употребляет и другой способ: не оскорбившего посылает Он к оскорбленному, а последнего к первому. Так как оскорбивший, от

стыда, неохотно бы пошел просить прощения, то он посылает к нему оскорбленного, и посылает его с тем именно намерением, чтобы исправить происшедшее между ними расстройство, и не говорит: обвини, или укори, или потребуй на него суда и наказания; но только — обличи. Оскорбивший тебя, от гнева и стыда, находится как бы в усыплении; а ты, здоровый, и должен прийти к больному, и для того, чтобы врачевство твое скорее могло быть принято, ты должен производить суд не публично. Слово: *обличи* не другое что значит здесь, как: напомни ему о грехе, и скажи ему о том, что ты от него претерпел. Если это будет сделано как должно, то ты сделаешь два дела: и себя будешь оправдывать, и другого склонять к примирению. Но что, если он не послушает и будет упорствовать? *Пойми с собою еще единаго или два, да при устех двою свидетелей станет всяк глагол* (Мф. XVIII, 16). Чем он будет бесстыднее и дерзновеннее, тем более нам должно прибегать к врачевству, а не к гневу и негодованию. И врач, видя, что болезнь не прекращается, не оставляет больного и не гневается на него, но тем более прилагает попечение. То же самое и здесь повелевает делать Спаситель. Ты был слаб, когда был один; будь сильнее при помощи других. Двое могут обличить согрешившего. Видишь ли, как Спаситель ищет пользы не оскорбленного только, но и оскорбившего? Обижен собственно тот, кто объят страстью; он и болен, и слаб, и немощен. Потому-то Спаситель и посылает к нему оскорбленного, то одного, то с другими. Если же и тогда он будет упорствовать, то посылает вместе с Церковью: *повеждь*, говорит, *Церкви* (ст. 17). Если бы Он искал только пользы оскорбленного, то не повелел бы кающегося прощать до седмижды седмидесяти раз и не указал бы столько врачей для его болезни, но раз он остается упорным после первого обличения, и приказал бы его оставить; напротив, Он повелевает

врачевать его однажды, и дважды, и трижды, и то одному, то с двоими, то, наконец, со многими. Когда дело касалось одних внешних, то Он там ничего такого не заповедовал, а говорил: *аще тя кто ударит в десную ланиту, обрати ему и другую* (Мф. V, 39), а здесь не так. Тому же самому и Павел научает, говоря: *что ми судити внешних?* (1 Кор. V, 12). И тот же Павел повелевает и обличать, и обращать братьев, а непокорных отсекать, дабы устыдились. И Спаситель здесь то же делает, когда предписывает такое правило касательно братьев; троих дает оскорбившему учителей и судей, которые бы вразумили его в том, что сделал он во время своего опьянения. Хотя он и сам говорил, и делал все непристойности, но имеет нужду в постороннем вразумлении, как и пьяный. Гнев и грех приводят человека в сильнейшее исступление, нежели всякое пьянство. Кто был мудрее Давида? Но и он, когда согрешил, ничего не чувствовал, похоть овладела всем его рассудком и, подобно дыму, наполнила его душу. Потому-то он и имел нужду в светильнике пророческом и в тех словах, которые бы привели ему на память то, что он сделал. Потому-то и здесь Спаситель приводит к согрешившему таких людей, которые бы рассказали ему о его поступке.

2. А почему повелевает обличать оскорбленному, а не кому-либо другому? Потому что оскорбивший может удобнее перенесть обличение от него, как от обиженного, оскорбленного и потерпевшего вред. Не все равно слышать обличение от других, которые вступаются за обиженного, и от самого обиженного, — особенно когда обличителем бывает только он один. В самом деле, если тот, кто имел бы право требовать от него удовлетворения за обиду, появляется перед оскорбившим с заботами о спасении его, — тогда скорее всех может привести его в стыд. Видишь ли, что обличение здесь делается не с тем, чтобы обидеть, но чтобы ис-

править. С той же целью и двоих повелевает Спаситель брать для обличения не вдруг, а когда сам обиженный уже не будет иметь успеха; да и тогда не повелевает обличать вдруг многим, но повелевает взять только двоих, или одного; а когда обличаемый презрит и этих, тогда предоставляет его суду Церкви. Таким образом, Спаситель великое прилагает попечение о том, чтобы о грехах ближнего не было разглашаемо. Хотя право поведать Церкви Он мог бы предоставить обиженному в самом начале, но чтобы грех не разглашался, Он повелевает делать это уже после одного и двух обличений. А что значит: *при устех двою, или триех свидетелей станет всяк глагол?* Это значит, что ты со своей стороны сделал все, и не опустил ничего, что тебе надлежало сделать. *Аще же и сих не послушает, поведждь Церкви*, то есть, ее представителям; *аще же и церковь преслушает, буди тебе, якоже язычник и мытарь*. Таковой неизлечимо болен. Вспомни, что Он везде мытаря представляет в пример самого тяжкого грешника. И выше сказал Он: *не и мытари ли тожде творят?* (Мф. V, 6). И еще в другом месте: *мытари и любодейцы варяют вы в царствии Божии* (Мф. XXI, 31), – то есть люди самые презренные. (Пусть слушают те, которые ищут неправедных ростов, и требуют процентов на проценты!) Почему же Он поставил человека, преслушавшего Церковь, в ряду с мытарями? В намерении утешить обиженного и устрашить того. Но в этом ли только наказание? Нет; но послушай далее: *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси* (ст. 17). Он не говорит предстоятелю Церкви: свяжи его; но: если и ты свяжешь (все дело предоставляется оскорбленному), – то узы будут также неразрешимы. Итак, он подвергнется крайнему несчастью; но не тот виноват, кто связывает, а тот, кто не хочет покоряться. Смотри, каким бедам он подвергает упорного: и здешнему наказанию, и буду-

щему мучению! А этим он угрожает не для того, чтобы так и случилось, но чтобы устрашенный угрозой, то есть и отсечением от Церкви, и опасностью быть связану на небесах, стал кротче и, зная то, если не в начале, то по крайней мере после многих осуждений, оставил гнев. Так Спаситель установил первый и второй и третий суд, а не вдруг отверг грешника, — чтобы если он не послушает первого суда, то покорился бы второму, а если презрит и этот, то устрашился бы третьего, если же не уважит и последнего, ужаснулся бы будущего наказания, — определения и суда Божьего.

Паки же глаголю вам, яко аще два от вас совещаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, иже на небесех (ст. 19). *Идиже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту семь посреде их* (ст. 29). Смотри, как еще Он разрушает вражду, истребляет мелкие расчеты и мирит враждующих, — не возвещением только казни, но и представлением благ, от любви проистекающих. После вышесказанных угроз против вражды, Он возвещает великие награды за согласие. Единодушные преклоняют Отца на то, чего просят, и Христос пребывает среди их. Но что же? Ужели нет нигде и двух между собою согласно живущих? Есть, конечно, во многих местах, а может быть, и везде. Почему же они не все получают? Потому, что есть много причин других, которые препятствуют получать. Не получают, например, потому, что часто просят бесполезного. И чему же дивиться, если так бывает с другими, когда то же самое испытал и Павел: *довлеет ти*, — сказано ему, — *благодать Моя, сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9)? Не получают потому, что недостойны того, чтобы слушали их, не делая со своей стороны того, что от них требуется; а Спаситель ищет таких молящихся, которые бы уподоблялись апостолам, почему и говорит: (два) *от вас*, то есть добродетельные и ведущие жизнь ангель-

скую. Или потому, что приносят молитвы против оскорбивших, требуя им отмщения и наказания, что запрещено, именно говорится: *молитеся за враги ваша* (Мф. V, 44). Или потому, что просят милости грешники нераскаянные, а им получить невозможно, хотя бы не только они сами просили, но и даже другой, имеющий дерзновение к Богу, ходатайствовал за них. И Иеремия, молившийся за иудеев, услышал в ответ: *ты не молися о людех сих, не услышу бо тебя* (Иер. XI, 14). Если же все эти требования исполнены, то есть: если ты и полезного просишь, и делаешь все, что от тебя требуется, и жизнь ведешь апостольскую, и с ближними находишься в согласии и любви, – то получишь по своей молитве потому что Господь человеколюбив.

3. Далее, так как Спаситель сказал: *от Отца Моего,* то, чтобы показать, что и Он сам есть податель, а не один Отец, присовокупил: *идеже бо еста два или трие собрани, во имя Мое, ту есмь посреде их* (ст. 50). Итак, что же? Неужели не случается, чтобы двое или трое собрались во имя Его? Случается, но редко. Христос не просто говорит о собрании, и не его только требует, но главным образом, как я и выше сказал, вместе с тем другой добродетели; а потом уже и этого также непременно требует. Слова Его имеют такой смысл: если кто поставляет Меня за первое основание любви к ближнему, и если притом имеет другие добродетели, с тем Я буду находиться вместе. Но мы видим, что многие имеют другие побуждения к любви: один любит потому, что его самого любят; другой потому, что его уважают; иной потому, что ближний в некотором житейском деле был для него полезен; а четвертый почему-нибудь другому. Но трудно найти такого, который бы любил ближнего искренно и как должно – для Христа. Большинство соединены друг с другом только житейскими делами. Павел не так любил: он любил для Христа; потому-то,

хотя и не был любим так, как сам любил, однако не ослаблял любви своей, а дал ей укорениться в себе. Не такова нынешняя любовь. Если мы исследуем все причины любви, то найдем, что у большинства они отличаются от указанной. И если бы кто позволил мне в этом многолюдном собрании учинить такое исследование, то я показал бы, что весьма многие соединены между собой житейскими видами. Это открывается из причин, производящих вражду. Так как они соединены между собой преходящими выгодами, то поэтому любовь их не имеет ни пламенности, ни постоянства; напротив, каждая обида, или потеря денег, или зависть, или любовь к тщеславию, или другое что подобное легко разрушает их любовь, не имеющую духовного корня. Если бы был такой корень, то ничто бы житейское не могло разрушить духовного. Любовь, имеющая основанием Христа, тверда, постоянна, непобедима; расторгнуть ее не может ничто, — ни клеветы, ни опасности, ни смерть, ни другое что-либо подобное. Кто таким образом любит, хотя бы претерпевал тысячу поражений за свою любовь, не оставит ее. Кто любит за то, что его любят, тот, случись с ним неприятность, прервет любовь свою; а кто соединен той любовью, никогда не оставит ее. Потому и Павел сказал: *любы николиже отпадает* (1 Кор. XIII, 8). Что ты скажешь мне в защиту свою? Что тебя обидел тот, который был почтен тобой? Или что облагодетельствованный тобой хотел убить тебя? Но если ты любишь для Христа, то и это самое располагает тебя к большей любви. Что у других служит к разрушению любви, здесь то же самое служит к утверждению ее. Почему же? Во-первых, потому, что таковой бывает для тебя виновником наград; во-вторых, потому, что он имеет нужду в большей помощи и заботливости о нем. Вот почему, кто так любит, тот не разбирает ни рода, ни

отечества, ни богатства, ни взаимной любви к себе, ни другого чего-либо подобного. Но хотя бы его ненавидели, обижали, умерщвляли, не перестает любить, имея достаточную причину к любви Христа. На Него неуклонно взирая, он пребывает тверд и неизменен. И Христос таким же образом любил врагов, неблагодарных, обидчиков, поносителей, ненавистников, не хотевших и смотреть на Него, предпочитавших Ему даже дерево и камни, — любил их высочайшей любовью, которой нельзя найти подобной. Он говорит: *больши сея любве никто же иматъ, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. XV, 13). Смотри, как он заботится и о тех, которые распяли Его, и которые столько оказали неистовства над Ним! Так говорил Он об них к Отцу: *отпусти им, не ведят бо, что творят* (Лк. XXIII, 34)! И впоследствии послал еще к ним учеников. Итак, поревнуем и мы этой любви, и будем взирать на нее, чтобы, сделавшись подражателями Христу, удостоиться и здешних, и будущих благ, благодатно и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXI

Тогда приступль к Нему Петр, рече: Господи, колькраты согрешит в мя брат мой, и отпущу ему? До седмь крат? Глагола ему Иисус: не глаголю тебе, до седмь крат, но до седмьдесять крат седмерицею (Мф. XVIII, 21, 22)

1. Петр думал, что говорит нечто великое, почему, как бы желая похвалиться любовью к ближнему, заключил вопрос свой словами: *до седмъ крат*? Ты повелел, — говорит он Иисусу, — прощать обиды ближнему; сколько же раз я должен делать это? Если, например, ближ-

ний часто будет погрешать и, по обличении, всегда будет раскаиваться, – то сколько раз Ты повелишь нам прощать его? Того, кто не раскаивается и не осуждает себя за грех, Ты повелел, по троекратном обличении, оставить, сказав; *буди тебе, якоже язычник и мытарь;* а для раскаивающегося не положил никакого предела, но велел принимать его. Итак, сколько же раз должно прощать его, когда он по обличении раскаивается? Довольно ли семи раз? Что ж отвечает Христос, человеколюбивый и благий Бог? *Не глаголю тебе до седмь крат, но до седмьдесять крат седмерицею.* Число седмьдесят крат седмерицею берется здесь неопределенно, и означает непрерывную или всегдашнюю обязанность.

Как выражение: тысячу раз употребляется для означения множества, так и настоящее выражение. Например, и в словах: *неплоды роди седмь* (1 Цар. II, 5), под словом *седмь* Священное Писание разумеет множество. Таким образом, Христос не определил числа, сколько раз мы должны прощать ближнему, но показал, что это постоянная и всегдашняя наша обязанность. То же самое объяснил Он и в следующей далее притче. Чтобы повеление, заключающееся в словах: *до седмьдесять крат седмерицею* не показалось кому-либо великим и трудным, Он присоединил эту притчу, в которой разъясняет смысл предыдущих слов, посрамляет того, кто бы стал гордиться прощением обид, и вместе показывает, что таковое повеление не трудно, а напротив, весьма легко. Потому-то Он представит в ней человеколюбие Свое, чтобы ты отсюда познал, что, хотя бы седмижды семьдесят раз прощал ближнему, хотя бы все вообще его прегрешения всегда оставлял, – и тогда твое человеколюбие будет столь же далеко от бесконечной божественной благости, которая для тебя нужна на будущем суде при требовании от тебя отчета, сколько капля воды от беспредельного моря даже еще более. Вот слова

Христа: *уподобися царствие небесное человеку царю, иже восхоте стязатися о словеси с рабы своими* (ст. 23). *Начешу же ему стязатися приведоша ему единого должника тмою талант* (ст. 24). *Не имущу же ему воздати, повеле и господь его продати, и жену его, и чада, и вся елика имеяше* (ст. 25). Потом, когда этот должник, помилованный господином, вышедши, стал душить своего товарища, должного ему сто динариев, и тем разгневал господина, то последний приказал снова ввергнуть его в темницу, пока не отдаст всего. Вот как велико различие между грехами против Бога и грехами против человека! Так же велико, как между десятью тысячами талантов и сотнею динариев; и даже еще более. Причина этого заключается как в различии лиц, так и в непрерывном повторении грехов. На глазах человека мы удерживаемся и опасаемся грешить; а Бога, хотя Он каждодневно на нас смотрит, не стыдимся, – напротив, и делаем все, и говорим обо всем безбоязненно. И не от этого только зависит важность грехов, но еще и от благодеяний и той чести, которой мы почтены от Бога. И если вы желаете знать, что значит *тма,* – и даже гораздо более – *талантов,* то есть грехов к Богу, то я постараюсь показать это вкратце. Но я опасаюсь, чтобы через это или не подать большого повода ко греху тем, которые склонны к беззаконию и любят непрестанно грешить, или не ввергнуть в отчаяние малодушных, которые, подобно апостолам, может быть, спросят: *кто же может спасен быти?* (Лк. XVIII, 26). Однако ж скажу, чтобы внимательных сделать более твердыми и благодушными. Страждующие неизлечимой болезнью и не чувствующие ее и без моих слов не оставят своего нечестия и нерадения. Если же мои слова подадут им больший повод к беспечности, причина будет заключаться не в них, а в самой их бесчувственности. По крайней мере, поучение мое внимательных может обуздать

и довесть до сердечного сокрушения, а мягких сердцем, показав им тяжесть грехов их и открыв силу покаяния, более расположить к нему. Потому почитаю нужным говорить. Таким образом, в слове своем я изложу грехи как по отношению к Богу, так и по отношению к людям, — и притом не частные, но общие, так как частные каждый может присовокупить, советуясь со своею совестью. А для того предварительно изображу божественные благодеяния. Итак, какие же благодеяния Божии? Он даровал нам бытие и сотворил для нас все видимое: небо, море, землю, воздух и все в них содержащееся: животных, растения, семена; но невозможно исчислить всех Божьих дел по причине беспредельного их множества! Из всех тварей, населяющих землю, в нас только одних вдохнул душу живую; насадил рай, дал помощницу, поставил владыками над всеми бессловесными, увенчал славой и честью. Потом, когда человек оказался неблагодарным к своему Благодетелю, Он удостоил его еще большего благодеяния.

2. В самом деле, смотри не на то только, что Бог изгнал человека из рая, но обрати внимание и на ту пользу, которая произошла отсюда. По изгнании из рая, Он оказывал людям бесчисленные благодеяния, совершил различные строения спасения, и наконец послал единородного Сына Своего к облагодетельствованным Им и ненавидящим Его, отверз нам небо, отпер двери рая, и нас, врагов Своих неблагодарных, соделал сынами. Потому прилично теперь сказать: *о, глубина богатства и премудрости и разума Божия* (Рим. XI, 33)! Он дал нам крещение во оставление грехов, освободил от наказания, сделал наследниками царствия, обещал бесчисленные блага добродетельно живущим, простер к нам Свою руку, и излил Духа в сердца наши. Итак, что же, после таких бесчисленных Божиих благодеяний? Какое мы должны иметь расположение к Нему? Воз-

дали ли бы мы не только достойную, но даже самомалейшую часть долга и тогда, когда бы каждый день умирали за Того, Который столько возлюбил нас? Нимало. И это самое обращалось бы в нашу пользу. Но такие ли мы имеем к Нему расположения, какие должно иметь? Мы каждодневно нарушаем Его законы. Не оскорбляйтесь, если я обращу свое слово против грешников: я буду обвинять не вас только, но и самого себя. Итак, с кого бы мне начать, по вашему желанию? С рабов или со свободных? С воинов или простолюдинов? С начальников или подчиненных? С жен или мужей? Со старцев или юношей? С какого возраста? С какого рода? С какого чина? С какого звания? Угодно ли вам, чтобы я начал свое слово с воинов? И что же? Не грешат ли они каждодневно, оскорбляя, понося других, неистовствуя, и всячески стараясь сделать их несчастными? Будучи подобны волкам, они никогда не чужды злодеяний. Да и может ли море быть без воли? Какая страсть не возмущает их! Какая болезнь не обдержит их души! По отношению к равным они водятся ненавистью, завистью и тщеславием; по отношению к подчиненным — корыстолюбием; по отношению к тяжущимся и прибегающим к ним как к пристани — коварством и клятвопреступлением. Сколько производят они хищений! Сколько у них обманов! Каких нет между ними клевет и непозволенных торгов! Сколько между ними раболепных ласкательств! Теперь противопоставим каждому пороку закон Христов. *Рекий брату своему: уроде, повинен есть геенне огненней* (Мф. V, 22). *Воззревый на жену, ко еже вожделети, уже любодействова с нею* (ст. 28). *Аще кто не смирит себе яко отроча, не внидет в царствие небесное* (XVIII, 4). Воины же надмеваются перед подчиненными и вверенными их власти, которые трепещут перед ними и страшатся их, так как они жестокостью своею превосходят зверей. Ничего не делают ради Христа, а все для чрева, для

корыстолюбия и тщеславия. И можно ли исчислить в слове все беззаконные их поступки? Кто в состоянии описать их насмешки, неумеренный смех, неприличные разговоры, постыдные слова? А о корыстолюбии и говорить нечего. Как монахи, живущие в горах, не знают, что такое корыстолюбие, так и воины, — только по противоположным причинам. Первые не знают этой страсти потому, что слишком далеки от этой болезни; а последние не чувствуют того, какое великое зло эта страсть, по той причине, что чрезмерно упиваются ею. Эта страсть до того искоренила в них добрые расположения и так возобладала над ними, что не почитается даже у этих неистовых людей и тяжким преступлением. Но не угодно ли вам, оставивши воинов, посмотреть на других, более кротких? Обратимся, например, к художникам и ремесленникам. Кажется, эти люди преимущественно перед другими снискивают пропитание справедливыми трудами и собственным потом; но и они, при всех трудах своих, подвергаются многим порокам, когда бывают невнимательны к себе самим. К праведным трудам своим они часто присовокупляют неправедную продажу и куплю; из корыстолюбия лгут, клянутся и нарушают клятву. Они заботятся только о настоящей жизни, прикованы к земле: все делают из корыстных видов и, желая умножить свое имение, мало пекутся о подании помощи нуждающимся. Кто может изобразить употребляемые при этом злословия, обиды, барыши, проценты, договоры, коварно заключаемые бесчестные торговые дела?

3. Впрочем, если вам угодно, оставим и этих, и перейдем к другим, — более, по-видимому, справедливым. Кто же это? Это те, которые владеют поместьями и собирают богатство от плодов земли. Но можно ли найти кого несправедливее их? Если посмотрите, как они поступают с бедными, несчастными земледельца-

ми, то увидите, что свирепость их превышает жестокосердие варваров. Тогда как земледельцы истаивают от голода, изнуряют себя всю жизнь трудами — они непрестанно полагают на них новые тяжкие оброки, определяют их к самым трудным работам и употребляют их вместо ослов и лошаков, и даже вместо камней. Не давая им ни малейшего отдыха, и во время плодородия, и во время бесплодия равно угнетают их и никакой пощады им не оказывают. Есть ли кто-нибудь несчастнее этих бедняков, которые трудясь всю зиму, проводя ночи на холоде, под дождем, без сна, и за все это не получая никакой платы, но еще задолжавши, принуждены бывают убегать от своих господ, не столько спасаясь и боясь голода и домашнего расстройства, сколько мучений, насилия, истязаний, тюрьмы и неизбежных работ — от управителей? Что сказать о торгах, через них производимых, и о неправедных прибытках, отсюда получаемых? Господа, их притесняющие, наполняя свои точила и подточилия от трудов и пота их, не позволяют этим беднякам брать в свои дома ни малейшей части; но весь плод от винограда вливая в свои неправедные сосуды, бросают им за это самую малую плату. Они выдумывают новые роды процентов, недозволенные законами даже у язычников; составляют самые бесчестные долговые акты, в которых требуют не сотой части, но половины всего имения от должника; и хотя бы последний имел жену, воспитывал детей, хотя бы был человек бедный и собственными трудами собирал в свое гумно и точило, — они об этом не размышляют. Потому уместно здесь привесть слова пророка: *ужаснися, небо, и убойся, земля!* До какого неистовства дошел род человеческий! Говоря обо всем этом, я не осуждаю искусств, земледелия, воинского звания, поместьев, — но нас самих. И Корнилий был сотником, и Павел был скинотворцем, и после проповеди занимался своим ремеслом,

и Давид был царем, и Иов был господином большого имения и получал великие доходы; но все это никому из них не послужило препятствием к добродетели. Итак, рассмотрев все это и вспомнив о тьме талантов, потщимся хоть поэтому прощать ближнему малочисленные и неважные оскорбления. Мы должны дать отчет в исполнении предписанных нам заповедей; но мы не в состоянии исполнить всего, что бы мы ни делали. Поэтому Бог и дал нам легкое и удобное средство к уплате совершенно всех наших долгов, — то есть, забвение обид. А чтобы лучше уразуметь это, выслушаем всю притчу по порядку. *Приведоша бо*, говорит Спаситель, *ему единаго должника тмою талант. Не имущу же ему воздати, повеле его продати, и жену его, и чада.* Почему же велел и жену продать? Не по жестокости или бесчеловечию (в таком случае, раб его потерпел бы новый урон, так как тогда и жена сделалась бы рабой), но по особенному намерению. Таким строгим повелением хотел устрашить раба своего, и тем побудить его к покорности, без всякого намерения продать. Если бы он имел это в виду, то не внял бы его просьбе и не оказал бы ему своего милосердия. Но почему же он не сделал этого, и не простил ему долга прежде такого повеления? Чтобы вразумить его, сколько долгов он прощает ему, и через это заставить его быть снисходительнее к своему товарищу, который был должен ему. В самом деле, если он и тогда, как узнал и тяжесть своего долга, и великость прощения, стал душить своего товарища, то до какой бы жестокости не дошел он, если бы наперед не был вразумлен этим средством? Как же на него подействовало это средство? *Потерпи на мне*, — говорит он, — *и вся ти, воздам* (Мф. XVIII, 26). Господин же его, *милосердовав прости его и долг отпусти ему* (ст. 27). Не открывается ли и здесь опять его чрезмерное человеколюбие? Раб просил только отсрочки времени, а он дал ему более про-

симого: он отпустил ему весь долг и простил его. Господин и прежде хотел простить долг рабу своему, но не хотел, чтоб это было одним только даром его, – но и следствием покорности раба, чтобы и со стороны его что-нибудь было сделано для получения награды. Впрочем, причина прощения показывает, что все это зависело от самого господина, хотя раб припадал к нему со своим прошением. *Милосердовав*, сказано, *отпусти ему*. Однако ж господин так поступил, чтобы и со стороны раба была причина прощения ему долга (иначе он был бы совершенно посрамлен), и чтобы, научившись собственным несчастием, был снисходительнее к своему товарищу.

4. И действительно, в это время раб был добр и чувствителен: он ни от чего не отрекся, – дал обещание заплатить долг свой, припал к господину с прошением, возгнушался грехами своими и познал великость своего долга. Но последующие его поступки совершенно не соответствуют прежним. Выйдя же тотчас, – не через несколько времени, но *тотчас*, еще живо ощущая благодеяние, ему оказанное, – он во зло употребил и дар, и свободу, ему данную. *Обрет*, говорится, *единаго от клеврет своих, иже бе должен ему стом пенязь, давляше его, глаголя: отдаждь ми, им же ми еси должен* (ст. 28). Не очевидно ли человеколюбие господина, не очевидна ли и жестокость раба? Заметьте это, поступающие так из-за прибытков! Если не должно так поступать во внимание к греху, то тем более из-за прибытков. Итак, что же сказал должник? *Потерпи на мне, и вся воздам ти* (ст. 29). Но тот не тронулся этими словами, которые спасли его самого: ведь и он, сказав то же самое, прощен был в десяти тысячах талантов; он не вспомнил о пристани, спасшей его от потопления; та же самая просьба не напомнила ему о человеколюбии господина. Но по любостяжанию, жестокосердию и

злобе, пренебрегши всем этим, душил своего товарища с жестокостью, несвойственной даже диким зверям. Что ты делаешь, человек? Или не чувствуешь собственного обольщения? Не вонзаешь ли меч в самого себя, вооружая против себя милость господина и отпущение им долга? Но он нимало об этом не размышлял, подобного случая, бывшего с ним, не припомнил, а потому и не сделал должнику своему никакого снисхождения, хотя последний просил о долге и не так важном. Сам он просил господина о прощении десяти тысяч талантов, а этот только о сотне динариев; последний просил у равного себе, а тот у господина. Сам он получил совершенное прощение, а товарищ просил только отсрочки времени, но он и в этом отказал ему, — потому что сказано: *всади его в темницу. Видевше же клеврети его* (ст. 30, 31), обвинили его перед господином. Даже и людям это было неприятно: что сказать о Боге? Так негодовали на него не имеющие на себе долга! Что же сказал господин? *Рабе лукавый, весь долг он отпустих тебе, понеже умолил мя еси. Не подобаше ли и тебе помиловати клеврета твоего, якоже и аз тя помиловах?* (ст. 32, 33). Примечай опять кротость господина! Он судится с рабом своим и как бы защищается, намереваясь уничтожить свой дар (или, лучше, не он уничтожил, но сам получивший), а потому и говорит: *весь долг он отпустих тебе, понеже умолил мя еси. Не подобаше ли и тебе помиловати клеврета твоего?* Хотя и тяжким для тебя кажется простить долг ближнему своему, но ты должен обратить внимание и на ту пользу, которую ты уже получил и имеешь получить; хотя и тяжко повеление, но надлежало помыслить о награде за исполнение его. Притом товарищ не оскорблял тебя, напротив, ты оскорбил Бога, простившего тебя за одно только прошение твое. Если бы даже он и оскорбил тебя, и для тебя несносно быть ему другом, то еще несноснее попасть в геенну.

Если бы ты то и другое сравнил между собой, то увидел бы, что первое гораздо легче последнего. Когда он был должен десять тысяч талантов, господин не называл его лукавым, и не укорял его, но помиловал его. Как же скоро он поступил жестоко со своим товарищем, то господин сказал: *рабе лукавый!* Слушайте, лихоимцы (к вам слово)! Слушайте, безжалостные и жестокие! Вы жестоки не для других, но для самих себя. Когда ты питаешь злобу, то знай, что ты питаешь ее к самому себе, а не к другому, обременяешь самого себя грехами, а не ближнего. Что бы ты ни делал последнему, все это сделаешь как человек, и притом в настоящей только жизни; но Бог не так поступит: Он подвергнет тебя большему и вечному мучению в жизни будущей: *предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой* (ст. 34), – то есть навсегда, потому что он никогда не будет в состоянии заплатить своего долга. Если благодеяние тебя не сделало лучшим, то остается исправлять тебя наказанием. Хотя благодеяния и дары Божии непреложны, но злоба так усилилась, что нарушила и этот закон. Итак, что хуже памятозлобия, когда оно может лишить нас столь великого дара Божьего? Господин не только предал раба своего мучителям, но и прогневался на него. Когда он приказывал его продать, то приказание дано было без гнева; потому-то он не исполнил последнего, и это служит яснейшим доказательством его человеколюбия. Но теперь делается определение с великим негодованием, определение мести и наказания. Итак, что означает эта притча? *Тако и Отец Мой небесный*, говорит Христос, *сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешений их* (ст. 35). Не говорит: Отец ваш, но: *Отец мой,* – потому что недостойно называться Богу Отцом столь лукавого и столь человеконенавистного раба.

5. Итак, требование Спасителя двоякое: чтобы мы чувствовали свои грехи и чтобы прощали другим. Чувствовать свои грехи нужно для того, чтобы удобнее было прощать их другим (так как размышляющий о собственных грехах снисходительнее бывает к ближнему). Прощать же другим мы должны не словами только, но от чистого сердца. Итак, не будем же обращать против самих себя меча своим памятозлобием. Чем и в такой ли мере причинит тебе зло оскорбивший тебя, сколько ты сам себе причинишь, питая в себе гнев и подвергаясь за то осуждению от Бога? Если ты будешь рассудителен и любомудр, то зло обратится на главу оскорбившего, и он жестоко пострадает. Если же ты будешь оскорбляться и негодовать, то сам пострадаешь, — не от него, а от самого себя. Итак, не говори, что другой оскорбил тебя и оклеветал, и причинил большое зло: чем больше будешь говорить, тем более покажешь, что он твой благодетель. Он доставляет тебе случай освободиться от грехов, так что, чем больше наносит тебе обид, тем больше становится причиной очищения грехов твоих. Действительно, если мы захотим, нас никто не может обидеть; самые даже враги величайшую доставят нам пользу. Но что говорить о людях? Может ли кто быть лукавее диавола? Но и он может доставить нам удобнейший случай к нашей славе, как это показывает пример Иова. Если же диавол доставляет случай получать венцы, то для чего бояться врага — человека? Смотри, сколько получаешь ты пользы, перенося безропотно обиды от врагов: первая и важнейшая — отпущение грехов; вторая — терпение и великодушие; третья — кротость и человеколюбие, так как тот, кто не способен гневаться на оскорбляющих его, тем более будет кроток в отношении к любящим его; четвертая — совершенное истребление гнева, с чем никакое благо не может сравняться, так как свободный от гнева без со-

мнения свободен и от неприятностей, с ним соединенных, и не проводит жизни в напрасных огорчениях и муках. Не умеющий враждовать не знает и печали, но наслаждается радостью и другими бесчисленными благами. Итак, ненавидя других, мы сами себя наказываем, равно как любя других, благодетельствуем сами себе. Притом тебя будут уважать все, даже и сами враги, хотя бы они были демоны; вернее же сказать, поступая таким образом, ты уже не будешь иметь и врага. Но что всего важнее, ты приобретешь милосердие Божие. Если ты согрешил, получишь прощение грехов своих; если прав, получишь большее дерзновение к Богу. Итак, не будем питать ненависти ни к кому, чтобы и самим заслужить любовь от Бога, – и тогда, хотя бы мы десятью тысячами талантов были должны, Он умилосердится над нами и помилует нас. Но ты обижен ближним? Потому-то и будь снисходителен к нему; не питай ненависти; плачь и рыдай, а не презирай его: ведь не ты прогневал Бога, но он; а ты, перенесши обиду, поступил достохвально. Припомни, что и Христос, идя на крестную смерть, о Себе радовался, а о распинателях Своих плакал: подобным образом и нам надлежит поступать. Чем более нас обижают, тем более мы должны оплакивать обидевших нас; для нас отсюда происходит великое благо, для них же, напротив, великое зло. Но ближний тебя обидел при всех, и даже ударил? Это значит лишь, что он при всех обесчестил и посрамил самого же себя, и тысячу обвинителей вооружил против себя, тебе же, напротив, приготовил многие венцы и дал многих глашатаев твоего великодушия. Но он оклеветал тебя перед другими? Что тебе и до этого, когда Сам Бог будет рассматривать твое дело, а не те, которые слышали клевету? Он только прибавил лишний повод для своего наказания, так как должен будет дать ответ не только за свои поступки, но и за то, что осудил

тебя*. Тебя он оклеветал перед людьми, а сам сделался виновным перед Богом. Если же для тебя этого недостаточно, то вспомни, что и Сам Владыка был оклеветан и от сатаны, и от людей, и притом перед теми, которых Он наиболее любил. То же самое испытал и единородный Сын Его, Который потому и сказал: *аще Господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашния его* (Мф. X, 25). И не только оклеветал Его злой тот демон, но даже успел клевету свою выдать за истину, и оклеветал не в маловажном чем-нибудь, но в величайших и позорных преступлениях: называл Его и беснующимся, и льстецом, и противником Богу. Но ты, оказав благодеяния ближнему, терпишь от него обиду? Поэтому-то особенно плачь и болезнуй о причинившем тебе зло, а о себе радуйся: ты уподобился Богу, *сияющему солнце на злыя и благия* (Мф. V, 45). Но если подражание Богу превосходит твои силы (хотя для ревностного и это не трудно, но пусть тебе кажется это сверх твоих сил), то мы укажем тебе пример для подражания в подобных тебе рабах. Посмотри на Иосифа: он хотя претерпел бесчисленные бедствия от своих братьев, однако облагодетельствовал их; посмотри на Моисея, который, после бесчисленных против него злоумышлений иудеев, молился за них; посмотри на блаженного Павла, который не мог даже исчислить страданий, какие потерпел он от иудеев, и при всем том желал еще быть за них под анафемой; посмотри на Стефана, который, будучи побиваем камнями, молился об отпущении греха этим убийцам. Припомнив все это, оставь всякий гнев, чтобы и тебе Бог оставил все прегрешения твои, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

* По-видимому, Златоуст выражает ту мысль, что клеветник должен дать ответ за те поступки, которые он возвел на другого.

БЕСЕДА LXII

И бысть егда сконча Иисус словеса сия, прейде от Галилеи, и прииде в пределы Иудейские обон пол Иордан (Мф. XXI, 1)

1. Иисус Христос, часто оставляя Иудею по причине ненависти к Нему жителей, ныне опять приходит туда, так как приближалось время Его страдания. Впрочем, в самый Иерусалим не входит еще, но посещает только пределы иудейские. За Ним *идоша народи мнози и исцели их* (ст. 2). Он не занимается исключительно ни одной только проповедью, ни одним только чудотворением, но то тем, то другим попеременно, представляя различные средства ко спасению неотлучным Своим последователям, чтобы посредством знамений приобрести доверие к Себе как учителю и веру к Своей проповеди, а посредством учения умножить пользу знамений. А это сделано Им было с той целью, чтобы привести Своих слушателей к богопознанию. Заметь и то, что ученики вообще говорят о людях, следовавших за Иисусом, не называя по имени каждого из тех, которые исцелились. Они не говорят: такой-то или другой, но: *многие*, – чтобы научить смирению. Христос благодетельствовал и многим другим: исцеление немощи первых представляло случай к богопознанию последним. Только не фарисеям. Напротив, последние от этого еще более ожесточаются, и приходят к Нему с искушением. Так как они не могли уловить Иисуса Христа в делах, то предлагают Ему для разрешения вопросы. Приступив, говорится, *к Нему и искушающе глаголаша: аще достоит человеку пустити жену свою по всякой вине?* (ст. 3). Какое безумие! Они хотели заградить уста Его своими вопросами, хотя уже видели доказательство такой Его силы! Когда фарисеи с Иисусом Христом много рассуждали о субботе (Мф. XII), когда гово-

рили, что Он богохульствует (Мф. IX, 3), беса имеет (Ин. X, 20), когда укоряли учеников Его по случаю прохождения их по насеянным полям, когда рассуждали о неумытых руках (Мф. XII, 2), — везде, заградив им уста и связав бесстыдный язык, Он таким образом отпускал их. И все-таки они Его не оставляют. Такова злость и такова зависть, — бесстыдна и дерзостна; хотя тысячу раз отразишь ее, она опять столько же раз будет нападать!

Но заметь злость в самом вопросе. Не говорят Ему: Ты велел не оставлять жену, — потому что об этом законе уже говорено было; они не вспомнили этих слов, а с намерением удалились от них, и с коварным умыслом, желая более уловить Его и поставить в необходимость противоречить закону, — не говорят: для чего Ты установил тот, или другой закон? а как будто бы не было говорено ни о каком законе, — спрашивают: *аще достоит?* думая, что Он забыл Свои слова, и готовясь, если Он скажет, что следует отпускать, обратить против Него собственные Его слова и сказать: для чего же Ты говорил прежде не так? — а если повторит прежние свои слова, то противоположить ему закон Моисеев. Что же Он им отвечает? Он не сказал: *что мя искушаете, лицемери* (Мф. XXII, 18)? Хотя после так говорит, но здесь этого не сказал. Почему же? Для того, чтобы вместе со Своим могуществом показать кротость. Он не во всяком случае молчит, чтобы не подумали, что Ему неизвестно; не всегда и обличает, чтобы научить нас, что все должно переносить с кротостью. Как же Он отвечает им? *Несте ли чли, яко сотворивый искони мужеский пол и женский сотворил я есть? И рече: сего ради оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину. Якоже ктому неста два, но плоть едина; еже бо Бог сочета, человек да не разлучает* (ст. 4—6). Подивись мудрости учителя! На вопрос: *аще достоит?* Он не

тотчас отвечал: не должно! чтобы они не возмутились и не наделали шуму; но прежде решительного ответа Он предварительно сделал его уже очевидным, объяснив, что и Его повеление есть заповедь Отца Его, и что Он установил ее, не противореча Моисею, а в полном согласии. Заметь, что Он утверждает Свои слова не только тем, что Бог сотворил мужа и жену, но и заповедью, которую Он произнес после их сотворения; Он не сказал, что Бог только сотворил одного мужчину и одну женщину, но и то, что велел им — одному и одной — между собой соединиться. А если бы Бог хотел, чтоб жену оставляли и брали другую, то сотворил бы одного мужчину и многих женщин. Итак, как образом творения, так и определением закона Иисус Христос показал, что муж с женой должны соединиться навсегда, и никогда не разлучаться. И смотри, как говорит; *сотворивый искони, мужеский и женский пол сотворил я есть*, то есть: так как они произошли от одного корня, то и должны соединиться в одно тело: *будета*, говорит, *оба в плоть едину*. Потом, представляя, как страшно нарушать это повеление и утверждая закон, не сказал: итак, не расторгайте, не разделяйте, но: *еже Бог сочета, человек да не разлучает*. Если ты ссылаешься на Моисея, то я указываю на Господа Моисеева, и притом утверждаю древностью установления. *Бог искони мужеский пол и женский сотворил я есть*. И этот закон есть самый древний (хотя и вводится, по-видимому, теперь только Мной), и установлен с особенным тщанием. Не просто Бог привел мужа к жене, но велел оставить и матерь, и отца; и не просто приказал прийти к жене, а прилепиться, самыми словами показывая нерасторжимость. Но и этим не удовольствовался; Он еще потребовал другого соединения, теснейшего: *будета*, говорит, *оба в плоть едину*.

2. Таким образом, изложив древний закон, делом и словом установленный, и доказав его достоверность

тем, Кто дал его, Он с властью далее изъясняет его, и усиливает словами: *сего ради ктому неста два, но плоть едина.* Следовательно, как рассекать плоть есть дело преступное, так и разлучаться с женой – дело беззаконное. И на этом еще не остановился, но в подтверждение указал на Бога, говоря: *еже Бог сочета, человек да не разлучает.* Этими словами Он показывает, что разводиться – дело противное как природе, так и закону: природе, поскольку рассекается одна и та же плоть; закону, поскольку вы покушаетесь разделить то, что Бог соединил и не велел разделять. Что же после этого должно было делать? Не замолчать ли, и не похвалить ли сказанного? Не подивишься ли мудрости? Не изумишься ли такому согласию с Отцом? Но фарисеи ничего этого не делают, а опять продолжают спорить, и говорят: *како убо Моисей заповеда дати книгу распустную, и отпустити ю?* (ст. 8). Хотя не они Ему должны были сделать такое возражение, а Он им, но он не нападает на них, не говорит им и того, что не Я виновен в этом, но разрешает и это возражение. И если бы Он не был согласен с древним законом, то не вошел бы в спор за Моисея; не утверждался бы на том, что вначале однажды установлено; не старался бы доказать, что Его слова согласны с древним законом. Но Моисей заповедал много и другого, например, о пище и о субботе. Почему же они не указывают Ему на эти предписания, подобно тому, как делают это в настоящем случае? Потому что желают вооружить против Него народ. У иудеев развод был обычным явлением, и все им пользовались. Поэтому-то из всех заповедей, о которых было говорено на горе, они теперь и вспомнили только об этой. Но неизреченная Мудрость и эту заповедь защищает, и говорит: *яко Моисей по жестокосердию вашему* (ст. 8) положил такой закон. Спаситель не допускает порицать и Моисея, поелику Он сам дал ему

этот закон; но освобождает его от осуждения, и все обращает против фарисеев, как и везде Он это делает. Так, когда они обвиняли учеников в том, что они срывают травы, Он показал, что и они не чужды обвинения; и когда они называли преступлением есть неумытыми руками, Он показал, что они сами преступники. Так поступил Он говоря о субботе, так поступал везде, так и здесь. Затем, — так как слова Его были для них несносны и весьма укоризненны, то Он тотчас обращает Свою речь к древнему закону, говоря то же, что и прежде сказал: *из начала же не бысть тако*, то есть, вначале самым делом Бог дал нам закон противоположный, чтобы они не сказали: откуда известно, что Моисей сказал это по жестокосердию нашему? Христос опять заставляет их этим молчать. В самом деле, если бы этот закон дан был раньше и был полезен, то тот не был бы дан вначале, и Бог, сотворивший человека, не сотворил бы его таким образом (то есть в лице только мужа и жены), и Христос не сказал бы: *глаголю же вам, яко, иже аще пустит жену свою разве словесе прелюбодейна, и оженится иной прелюбы творит* (ст. 9). После того как заставил их молчать, Он, как Господь, поставляет закон, подобно тому, как Он сделал это, когда рассуждал о пище и о субботе. Как тогда, опровергнув их по отношению к закону о пище, начал говорить народу, что *не входящее в уста сквернит человека* (Мф. XV, 11), равно, посрамив их по отношению к закону о субботе, сказал: *темже достоит в субботу добро творити*, — так и здесь. Но что там случилось, то и здесь. Как там, после посрамления иудеев, ученики смутились и, подошедши к Нему с Петром, говорили: *скажи нам притчу сию* (Мф. XIII, 36), — так и здесь, смутившись, говорили: *аще тако есть вина человеку, лучше есть не женитися* (ст. 10). Но теперь они лучше поняли сказанное, нежели прежде. Поэтому-то тогда они замолчали, а теперь, поелику возражение

было опровергнуто, вопрос решен и закон сделался яснее, вопрошают Его. Явно противоречить они не осмеливаются, а предлагают лишь то, что из сказанного им кажется важным и трудным. *Аще тако*, говорят они, *есть вина человеку с женой, лучше есть не женитися.* Им казалось, что слишком несносно иметь жену, исполненную всякого зла, и терпеть при себе постоянно неукротимого зверя.

3. Что точно ученики смутились, это показал Марк, говоря, что они наедине спрашивали об этом Иисуса. Что же значат их слова: *аще тако есть вина человеку с женой.* То значат: если муж с женой для того соединились, чтобы составлять одно; если муж так этим обязан, что он всякий раз, как скоро оставляет жену, поступает против закона, — то легче сражаться с пожеланием природы и с самим собой, нежели со злой женой. Что же сказал Христос на это? Не сказал: «Да, точно, легче», — и это для того, чтобы не подумали, что это дело законное, — но произнес: *не вси вмещают, но имже дано есть* (ст. 11). Этим самым Он возвышает предмет, представляет его великим и, таким образом, привлекает и побуждает к нему. Но обрати здесь внимание на противоречие: Он называет это великим, а они легким. В самом деле, то и другое нужно было. Ему надобно было назвать это великим для того, чтобы сделать их усерднейшими, а они должны были своими словами показать легкость этого, чтобы и по этой причине преимущественно избрать девство и целомудрие. Так как речь о девстве могла показаться им очень тяжкой, то Он непременяемостью брачного закона возбудил в них желание девства. Далее, доказывая возможность безбрачной жизни, говорит: *суть скопцы, иже из чрева матерня родишася тако: и суть скопцы, иже скопишася от человек: и суть скопцы, иже исказиша сами себе царствия ради небеснаго* (Мф. XIX, 12). Неприметно возбуж-

дая в них этими словами желание к избранию девства, и убеждая в возможности этой добродетели, Он как бы так говорит: представь себе, что ты таков от природы, или сделался таковым через насилие других: что бы ты стал делать, лишившись наслаждения и не получая за то награды? Итак благодари Бога, что для награды и венцов терпишь то, что терпят другие, не имея их в виду. Притом это еще облегчается, когда ты подкрепляешь себя надеждой, и сознанием добродетели, и не увлекаешься пожеланием, сильно волнующим тебя. Подлинно не столько отсечение члена, сколько сила ума может укрощать подобные волны и водворять тишину. Итак, чтобы научить учеников, Христос перечислил роды скопцов. Если бы Он не имел этой цели, то для чего бы Ему было перечислять других скопцов? Когда же Он говорит: *скопиша себе*, то разумеет не отсечение членов, — да не будет этого! — но истребление злых помыслов, потому что отсекший член подвергается проклятию, как говорит Павел: о *дабы отсечени были развращающие вас* (Гал. V, 12)! И весьма справедливо. Таковой поступает подобно человекоубийцам; содействует тем, которые унижают творение Божие; отверзает уста манихеев и преступает закон, подобно тем из язычников, которые отрезают члены. Отсекать члены искони было дело диавольское и злоухищрение сатаны, чтобы через это исказить создание Божие, чтобы нанести вред человеку, созданному Богом, и чтобы многие, приписывая все не свободе, а самим членам, безбоязненно грешили, сознавая себя как бы невинными; отсечение членов измышлено было, таким образом, для того, чтобы причинить человеку сугубый вред: как отсечением членов, так и поставлением препятствий воле делать добро. Все это измыслил диавол, который, желая расположить людей к принятию этого заблуждения, ввел еще и другое ложное учение — о судьбе и необходимости, и,

таким образом, всячески старался уничтожить свободу, дарованную нам Богом, уверяя, что зло есть следствие физической природы, и через это рассеивая многие другие ложные учения, хотя и скрытно. Таковы стрелы диавольские! Поэтому, молю, убегайте такого преступления. К сказанному следует прибавить, что пожелания наши отсечением членов не только не укрощаются, но еще более раздражаются, — так как семя, находящееся в нас, другие имеет источники и другим образом возбуждается. Одни говорят, что пожелание происходит от мозга, другие от чресл; а я говорю, что оно происходит не из иных источников, как от развращенной воли и невнимания к помыслам. Если воля целомудренна, то никакого не будет вреда от естественных движений. Итак, сказав о скопцах, как о тех, которые напрасно скопят себя, не будучи целомудренными в помыслах, так и о тех, которые ради царствия небесного сохраняют девство, Христос прибавляет: *могий вместити, да вместит.* И таким образом, по неизреченной Своей кротости показывая, сколь важно соблюдение девства, и не заключая его в необходимых предписаниях закона, Он еще более воспламеняет в них любовь к нему. И этим самым Он показал совершенную возможность добродетели, чтобы тем сильнее возбудить в воле желание ее.

4. Но если это зависит от воли, то спросит кто-либо: для чего Он вначале сказал: *не еси, вмещают, но имже дано есть?* Для того, чтобы ты с одной стороны познал, как велик подвиг, с другой — не представлял его для себя необходимым. Дано тем, которые хотят. А говорил Он таким образом для того, чтобы показать, сколь великую имеет нужду в божественной помощи тот, кто вступает на этот подвиг, — помощи, которую без сомнения получит желающий. Спаситель обычно употребляет это выражение, когда ведет речь о чем-либо важ-

ном, как, например, говорит: *вам есть дано ведати тайны* (Лк. VIII, 10). А что это истинно, видно и из настоящего места. В самом деле, если бы эта добродетель была только даянием свыше и сами девственники от себя ничего не приносили бы, то напрасно бы Он обещал им царствие небесное и отличал их от других скопцов. Но обрати внимание на то, каким образом одни этим пренебрегают, а другие отсюда получают пользу: иудеи удалились, ничему не научившись, и не вопрошали, чтобы научиться чему-либо; ученики же отсюда получили пользу. *Тогда приведоша к Нему дети, да руце, возложит на них, и помолится: ученицы же, запретиша им. Он же рече им: оставите детей приити ко Мне, таковых бо есть царствие небесное. И возложь на тех руце, отыде оттуду* (Мф. XIX, 13–15). Почему же ученики не допускали детей? Из уважения к Иисусу Христу. Что же Он? Чтобы научить их смирению и истребить гордость мирскую, берет детей, обнимает их, и таковым обещает царствие, – о чем и прежде Он говорил. Так и мы, если хотим наследовать небеса, всеми силами должны стараться стяжать добродетель смирения. Цель любомудрия в том и состоит, чтобы с мудростью соединять простоту. Это есть жизнь ангельская. Душа дитяти чиста от всех страстей; дитя не помнит обид и к обидевшим подбегает как к друзьям, как бы ничего не бывало; сколько бы мать ни наказывала свое дитя, оно всегда однако ж ищет ее, и более всех любит ее. Представь ему царицу в диадеме: оно не предпочтет ее матери, облеченной в рубище, но еще более будет желать видеть последнюю в рубище, нежели царицу в богатой одежде. Свое оно различает от чужого не по бедности или богатству, но по любви. Дитя ничего более не требует, кроме необходимого, и коль скоро насытится молоком, оставляет сосцы. Дитя не печалится, как мы, о потере денег и тому подобном; равно как не радуется подобно

нам о таких скоропреходящих вещах; дитя не пристрастно к красоте телесной. Вот почему Христос и сказал: *таковых бо есть царствие небесное*, чтобы мы по свободной воле делали то, что дети делают по природе. Так как фарисеи руководились в исполнении своих дел не иным чем, как хитростью и гордостью, то Он, обличая их и научая Своих учеников, повелевает последним везде быть простыми – как на высших, так и на низших степенях достоинства. Подлинно, ничто так не надмевает человека, как власть и преимущества. Между тем ученикам Христовым предстояли большие почести во всей вселенной; поэтому Спаситель и предупреждает их, не попуская им потерпеть что-либо человеческое и запрещая требовать почестей от народа, или гордиться перед ним. Хотя это и кажется маловажным, однако служит причиной многих зол. Так фарисеи, привыкнув к гордости в отрочестве, впоследствии низринулись в бездну зол, требуя приветствий, председания, посредничества и пороки ввергли их в безумное славолюбие, а последнее повергло их в нечестие. Вот почему они навлекли на себя проклятие за искушение Господа; дети же, как чистые от всех этих пороков, получили благословение. Уподобимся же и мы детям, и да будет злоба наша подобна злобе младенцев. Невозможно, невозможно, говорю, иначе увидеть небо; всякому нечестивому и лукавому непременно должно низринуться в геенну. Но еще прежде геенны, здесь мы потерпим крайнее зло. *Аще зол будеши*, говорит Писание, *един почерпнеши злая*, если же добр, то будешь таковым для себя и для ближнего (Притч. IX, 12). Вспомни, что и прежде так было. Кто был злее Саула, и кто проще и незлобивее Давида? Но кто из них был сильнее? Не два ли раза Давид имел Саула в руках своих, и не оставлял ли он ему жизнь, когда мог отнять ее? Не пощадил ли его, когда имел его в своей власти, и как бы связан-

ного в сетях и темнице? Хотя и другие подстрекали Давида, и сам он имел причину наказать Саула за его бесчисленные преступления, однако он отпустил его от себя, не причинив ему вреда. Саул со всем войском преследовал Давида, а последний блуждал с малым числом беглецов, лишенных всякой надежды, и перебегал с места на место; между тем беглец победил царя. И это от того, что Давид вооружался простотой, а Саул злобой. В самом деле, можно ли представить кого злее Саула, искавшего убить вождя своего войска, который счастливо совершал все войны, одерживал победы, получал трофеи, сам переносил труды, а его украшал победными венцами?

5. Такова зависть! Она всегда строит козни добрым ближним, и страждущего ею терзает и окружает бесчисленными бедствиями. Жалкий Саул, пока Давид не ушел от него, не произносил в слезах таких жалостных слов: *скорблю зело, и иноплеменницы воюют на мя, и Бог отступи от мене* (1 Цар. XXVIII, 15). Пока Давид не удалился от него, дотоле не падал он на брани, но был в безопасности и славе, так как слава военачальника переходила на царя. Давид не был честолюбив, не искал свергнуть его с престола, но все исполнял для него и неусыпно заботился о нем. Это видно и из последующего. Может быть, не совсем знающие дело станут приписывать закону подчиненности то, что Давид воевал за Саула. Но после того, как Саул изгнал Давида из своего царства, что уже удерживало последнего в пределах повиновения, и заставляло удерживаться от войны с царем? Не все ли, напротив, располагало убить Саула? Не строил ли Саул несколько раз козней против Давида? Не был ли он облагодетельствован этим? Не имел ли Давид права обвинять его? Не подвергалось ли опасности обещанное Давиду царствование, и даже самая жизнь его? Не принужден ли был

Давид беспрестанно блуждать, бегать и трепетать за свою участь, доколе Саул был жив и царствовал? И однако ничто не могло заставить Давида обагрить кровью свой меч. Видя Саула спящим, в полной своей власти, одного, среди своих воинов, касаясь главы его, подстрекаемый многими, которые говорили, что такой благоприятный случай есть определение Божие, Давид, замкнув уста подстрекавшим его, удержался от убийства и отпустил Саула живым и невредимым и, как бы телохранитель его и щитоносец, а не враг, обвинял воинов в предательстве царя. Что может сравниться с такой душой? Что — с такой кротостью? Об этом можно судить по вышесказанному; но еще более можно убедиться, если обратить внимание на то, что ныне бывает. Когда мы увидим нашу злость, тогда лучше познаем добродетель святых. Поэтому, умоляю вас, подражайте их ревности к добродетели. Если желаешь ты славы, и потому строишь козни ближнему, то тогда вполне приобретешь ее, когда, презрев эту славу, будешь удерживаться от коварства. Как для сребролюбивого приобретение богатства соединено с потерей, так и для славолюбивого домогательство славы соединено с бесславием. И если хотите, то и другое рассмотрим порознь. Так как мы нимало не страшимся геенны и нисколько не заботимся о царствии небесном, то по крайней мере посмотрим на следствия того и другого в настоящей жизни. Скажи мне, кто достоин посмеяния: не тот ли, кто слишком домогается славы у людей? Кто достоин похвалы: не тот ли, кто совершенно пренебрегает человеческой похвалой? Следовательно, если любовь к пустой славе соединена с поношением, и если тщеславный, гоняющийся за славой, не может скрыться, то и будет он непременно подвергаться поношению, и домогательство славы сделается для него причиной бесславия. И не за это только потерпит он

бесчестье, но и за то, что бывает принужден делать много позорного и свойственного только самому последнему рабу. Равным образом и все те, которые до безумия пристращаются к корысти, обыкновенно получают вред, главным образом от своего недуга (они подвергаются многим обманам: малейшие выгоды причиняют большой вред, как говорит пословица). Так точно и сладострастному служит препятствием к наслаждению необузданная его страсть. Со сладострастными и женоподобными мужьями жены обходятся как с рабами, и никогда не хотят обращаться с ними как с мужьями, но бьют их по щекам, плюют в лицо, во всем их проводят и обманывают, издеваются над ними и приказывают исполнять все свои желания. Точно так же нет ничего презреннее и бесчестнее и человека надменного, славолюбивого и очень много о себе думающего. Люди, не привыкшие уступать свои права другим, ничему столько не сопротивляются, как человеку спесивому, надменному и славолюбивому. Притом гордый, чтобы удовлетворить своей страсти, надевая на себя личину, рабски пресмыкается перед высшими, ласкает и угождает им и несет рабство хуже всякого покупного раба. Итак, представляя все это, отвергнем эти страсти, чтобы и здесь не подвергнуться наказанию, и там не мучиться вечно. Будем любить добродетель. Тогда мы и здесь прежде еще царствия небесного приобретем великие блага, и по смерти насладимся благами вечными, коих все мы и да сподобимся, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXIII

И се един приступль, рече Ему: учителю благий, что сотворив, живот вечный наследую? (Мф. XIX, 16).

1. Некоторые обвиняют этого юношу в том, будто он подошел к Иисусу с хитростью и лукавством, и притом с намерением искусить Его; но я скорее согласен назвать его сребролюбцем и невольником богатства, так как в этом же самом и Христос изобличил его. Укорять же юношу в лукавстве я отнюдь не намерен: небезопасно быть судьей того, чего мы не знаем, и особенно судьей-обличителем. Да и Марк отдалил такое подозрение, когда сказал об нем: *притек и поклонся на колену, вопрошаше Его*; и еще: *Иисус же воззрев нань, возлюби его* (Мк. X, 17, 21). Отсюда видно, как велика власть богатства. Хотя бы мы в остальных отношениях и были добродетельны, богатство истребляет все эти добродетели. Вот почему и Павел справедливо назвал его корнем всех зол: *корень бо всем злым сребролюбие есть*, говорит он (1 Тим. VI, 10). Но почему Христос отвечает юноше такими словами: *никтоже благ?* Юноша подошел к Нему как к простому обычному человеку и считал Его просто учителем иудейским; Иисус и беседует с ним как человек. И часто говорит Он приспособительно к мнениям обращавшихся к Нему; так, например: *мы кланяемся егоже вемы* (Ин. IV, 22); или: *аще Аз свидетельствую о Мне, свидетельство Мое несть истинно* (Ин. V, 31). Итак, когда Он сказал: *никтоже благ*, то этим не хотел показать, что Он не благ. Да не будет этого! Ведь Он не сказал: почему ты называешь Меня благим? Я не благ; но: *никтоже благ*, то есть никто из людей. Впрочем, Он этими словами не лишает благости и людей, но только отличает последнюю от благости Божией, — почему и присовокупил: *токмо един Бог*. Не сказал: только Отец Мой, чтобы мы знали, что Он не открылся юноше. Точно в таком

же смысле назвал Он выше людей злыми, когда сказал: *аще сы лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим* (Мф. VII, 11). И здесь назвал Он их злыми не с тем, чтобы изобличить во зле всю природу человеческую, — сказал: *вы,* а не все люди, — а с тем, чтобы только сравнить благость Божию с благостью человеческой, почему и присовокупил: *кольми паче Отец ваш даст блага просящим у Него.* Но говорят: что заставило Иисуса Христа, и какую Он имел цель так отвечать юноше? Без сомнения, ту, чтобы постепенно вести юношу к совершенству, отучить его от лести, отдалить от пристрастия ко всему земному и приблизить к Богу, возбудить в нем желание благ будущих и, наконец, научить его познанию истинного блага — источника и корня всех благ, и ему-то одному воздавать честь. Подобно этому же, когда Христос говорит: не называйте учителя на земле (Мф. XXIII, 8), говорит так по отношению к Себе, и чтобы научить, каково первое начало всего. Юноша показал немалое усердие, когда сделал Иисусу Христу такой вопрос. В самом деле, тогда как одни приближались к Иисусу с намерением искусить Его, а другие по причине своих собственных или чужих болезней, он подходит к Нему и беседует о жизни вечной. Тучна была земля и способна к плодородию, но множество терния заглушало посеянное. Смотри, как он доселе готов был к выполнению того, что бы ни повелел Христос. Что мне делать, говорит юноша, чтобы наследовать жизнь вечную? Вот готовность его исполнить повеление Учителя! Если же бы юноша подошел к Иисусу Христу с намерением искусить Его, то это показал бы нам и Евангелист, как он делает это в других случаях, например, в истории о законнике. Но если бы и сам юноша утаил свое намерение, то Христос не попустил бы ему утаиться: Он или явно, или намеками обличил бы его, чтобы мы не заключили, что юноша, обманув Его, ута-

ился, а таким образом поругался над Ним. Сверх того, если бы юноша подошел к Иисусу с намерением искусить Его, то не отошел бы с печалью о том, что услышал. Никто из фарисеев никогда не испытал в себе такого состояния; напротив, все они, будучи опровергаемы Иисусом, еще более ожесточались против Него. Не так поступает юноша: он уходит с печалью. А это служит признаком того, что он подходил не с коварным намерением, хотя и не с совершенно чистым; желал наследовать жизнь вечную, а обладаем был страстью гораздо сильнейшей. Итак, когда Христос сказал: *аще ли хощеши внити в живот, соблюди заповеди* (ст. 17), — он немедля спрашивает: *кия*? И спрашивает не для того, чтобы искушать Иисуса, — нет, — а думал, что, кроме заповедей закона, есть еще другие, которые будут его путеводителями в жизнь вечную. Так сильно было его желание спастись! Но когда Иисус пересказал ему заповеди закона, — *вся сия сохраних от юности моея*, говорит он; и на этом не останавливается, но снова спрашивает: *что есмь еще не докончал* (ст. 20)? И это тоже было знаком сильного желания им вечного спасения. Немаловажно то, что он не почитал себя докончившим дело своего спасения, а думал, что сказанного им еще недостаточно к получению желаемого. Что же Христос? Намереваясь предписать заповедь трудную, Он сначала предлагает награду за исполнение ее, и говорит: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и, даждь нищим; и имети имаши сокровище на небеси и гряди в след Мене* (ст. 21).

2. Видишь ли, какую награду и какие венцы обещает Христос за этот подвиг? Если бы юноша искушал Его, то Он не сказал бы ему этого. А теперь и говорит, и, чтобы привлечь юношу к Себе, обещает ему великую награду, предоставляет все собственной его воле, прикрывая всем этим трудную сторону Своего повеле-

ния. Потому-то прежде, нежели говорит о подвигах и труде, предлагает юноше награду: *аще хощеши совершен быти*, — и потом уже говорит: *продаждь имение твое и даждь нищим*. Далее — опять награда: *имети имаши сокровище на небеси, и гряди в след Мене*, — так как следовать за Иисусом — великая награда. *И имети имаши сокровище на небеси*. Так как речь была о богатстве, то Спаситель повелевает юноше оставить все, показывая, впрочем, что Он не только не отнимает у него богатства, но еще и присовокупляет к нему новое, превышающее то, которое повелевает раздать, — настолько превышающее, насколько небо превышает землю, и даже еще более. Под сокровищем же Он разумеет обильную награду, сокровище единственное, которого никто похитить не может, представляя его юноше сколько возможно по-человечески. Итак, не довольно презирать богатство; а надобно еще напитать нищих, и — главное — последовать за Христом, то есть делать все то, что ни повелит Он, быть готовым на страдания и даже на смерть. *Аще*, говорит Он, *кто хощет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой, и последует Ми* (Лк. IX, 23). Конечно, заповедь проливать собственную кровь гораздо труднее заповеди оставить свое богатство; однако и исполнение последней немало способствует исполнению первой. *Слышав же юноша, отъиде скорбя* (ст. 22). Вслед за тем, Евангелист, желая показать, что он не без причины опечалился, прибавляет: *бе бо имея стяжания многа*.

Действительно, не столько имеют препятствий на пути ко спасению те, которые владеют немногим, сколько те, которые погружены в бездну богатства, — потому что страсть к богатству тогда бывает сильнее. И я никогда не перестану повторять, что приращение богатства более и более возжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего: возбуждая в них беспрестан-

но новые пожелания, заставляет через то сознавать всю свою нищету. Смотри вот, какую силу и здесь показала эта страсть. Того, кто с радостью и усердием подошел к Иисусу, так помрачила она и так отяготила, что, когда Христос повелел ему раздать имение свое, он не мог даже дать Ему никакого ответа, но отошел от Него молча, с поникшим лицом и с печалью. Что же Христос? *Яко неудобь* богатые внидут в *царствие небесное* (ст. 23). Христос этими словами не богатство порицает, но тех, которые пристрастились к нему. Но если трудно войти в царствие небесное богатому, то что сказать о любостяжателе? Если не давать от своего имения другому есть уже препятствие на пути к царствию, то представь, какой собирает огонь тот, кто захватывает чужое! Но для чего же Христос сказал ученикам Своим, что трудно богачу войти в царствие небесное, когда они были бедны и даже ничего не имели? Для того, чтобы научить их не стыдиться бедности, и как бы оправдаться перед ними в том, почему Он прежде советовал им ничего не иметь. Сказав здесь, что неудобно богатому войти в царствие небесное, далее показывает, что и невозможно, не просто невозможно, но и в высшей степени невозможно, что и объясняет примером верблюда и игольных ушей. *Удобнее*, говорит, *есть велбуду сквозе иглины уши проити, неже богату в царствие Божие.* А отсюда видно, что немалая награда ожидает тех, кто при богатстве умеет жить благоразумно. Потому Христос называет такой образ жизни делом Божиим, чтобы показать, что много нужно благодати тому, кто хочет так жить. Когда же ученики смутились, слыша Его слова, Он далее сказал: *у человек сие невозможно, у Бога же вся возможна* (ст. 26). Но отчего смущаются ученики, будучи бедны, и даже слишком бедны? Что их беспокоит? Оттого, что имели слишком сильную любовь ко всему человечеству, и уже принимая на себя должность его учителей, стра-

шились за других, за спасение всех людей. Эта-то мысль очень много и смущала их, так что они великую имели нужду в утешении. Потому Иисус, посмотрев сначала на них, сказал: *невозможная у человек возможна суть у Бога* (Лк. XVIII, 27). Кротким и тихим взором Он успокоил волнующиеся их мысли, и разрешил недоумение (на это самое указывает и Евангелист словами: *воззрев)*, а потом ободряет их и словами, указывая на силу Божию, и таким образом возбуждая в них надежду. А ежели хочешь знать, каким образом и невозможное может быть возможным, то слушай. Не для того ведь сказал Христос: *невозможная у человека возможна суть у Бога,* чтобы ты ослабевал в духе и удалялся от дела спасения, как невозможного; нет, Он сказал это для того, чтобы ты, сознавая великость предмета, тем скорее принялся за дело спасения и, с помощью Божией ступив на путь этих прекрасных подвигов, получил жизнь вечную.

3. Итак, каким же образом невозможное сделается возможным? Если ты откажешься от своего имения, раздашь его нищим и оставишь злые вожделения. Что Христос не приписывает дела спасения исключительно одному Богу, а сказал так для того, чтобы показать трудность этого подвига, это видно из следующего. Когда Петр сказал Христу: *се мы оставихом вся и в след тебе идохом,* и потом спросил Его: *что убо будет нам* (ст. 27)? – то Христос, определив им награду, присовокупил: *и всяк, иже оставит дом, или земли, или братию, или сестры, или отца, или матерь, сторицею приимет, и живот вечный наследит* (ст. 29). Так невозможное делается возможным. Но как, скажут, все это привести в исполнение? Как может восстать тот, кем уже овладела ненасытимая страсть к богатству? Если он начнет раздавать имение и разделять свои избытки, – через это он мало-помалу будет удаляться от своей страсти, и впоследствии поприще для него облегчится.

Итак, если вдруг всего достигнуть для тебя трудно, то не домогайся получить все в один раз, но постепенно и мало-помалу восходи по этой лестнице, ведущей тебя на небо. Как страждущие горячкой, при умножающейся внутри их острой желчи, если принимают какую-либо пищу и питье, не только не утоляют жажды, но еще сильнее разжигают пламень, так точно и любостяжатели, по мере удовлетворения своей ненасытимой страсти, которая острее самой желчи, еще более воспламеняют ее. Ничто не прекращает этой страсти так легко, как постепенное ослабление желания корысти, подобно тому, как малое употребление пищи и питья уничтожает действие желчи. А это, спросишь ты, как может быть? Не иначе, как если ты будешь представлять, что, непрестанно обогащаясь, ты никогда не перестанешь жаждать нового богатства и истаивать от желания большего, а не прилепляясь к богатству, легко можешь остановить и самую страсть. Итак, не озабочивайся многим, чтобы не погнаться за тем, чего нельзя достигнуть, не заразиться неизлечимой болезнью и от того не сделаться несчастнее всех. Скажи мне, кто более мучится и терзается: тот ли, кто желает дорогих кушаний и напитков и не в состоянии удовлетворить своего желания, или тот, кто не имеет такого желания? Очевидно, тот, который сильно желает и не может получить желаемого. Состояние желающего и не получающего, жаждущего и не утоляющего своей жажды так мучительно, что и Христос, желая дать нам понятие о геенне, изображает ее точно так же, представляя в ней богатого среди пламени; последний, желая капли воды и не получая ее, жестоко мучился. Итак, кто презирает богатство, тот только подавляет в себе страсть к нему; напротив, кто желает обогатиться и умножить свое имение, тот еще более воспламеняет ее, и никогда не в силах подавить. Последний, хотя бы

собрал бесчисленное богатство, желает получить еще столько же; хотя бы удалось ему и это получить, и тогда он пожелает иметь еще вдвое более; и таким образом, более и более желая, он впадает в некоторый новый, ужасный и никогда неизлечимый род сумасшествия, которое заставляет его желать, чтобы и горы, и земля, и море, и вообще все претворилось для него в золото. Итак, знай, что не умножением богатства, но истреблением в себе страсти к нему прекращается зло. В самом деле: если бы тебе пришла когда-нибудь глупая страсть летать по воздуху, то как бы ты истребил ее? Устройством ли крыльев и других потребных к тому орудий, или путем рассуждения, что желание это невыполнимо, и что не следует даже и пытаться его исполнить. Очевидно, последним способом. Но летать, скажешь, невозможно. Но еще более невозможно положить предел страсти любостяжания; легче для людей летать, нежели умножением богатства прекратить страсть к нему. Если ты желаешь возможного, то можешь утешаться надеждой, что некогда это получишь; если же невозможного, то ты об одном только должен стараться, то есть об истреблении такого желания, потому что иным образом нельзя доставить душе спокойствия. Итак, чтобы не напрасно нам беспокоиться, для этого, отвергнув постоянно терзающую нас и никогда не успокаивающуюся любовь к богатству, устремимся к другой, которая и гораздо легче может сделать нас блаженными, и возжелаем небесных сокровищ. Здесь труд не велик, а польза бесчисленная: никогда не может лишиться благ небесных тот, кто всегда бодрствует, трезвится и презирает земные блага, напротив, тот, кто порабощен и совершенно предан этим последним, необходимо лишиться первых.

4. Итак, размыслив о всем этом, истреби в себе злую страсть к богатству. Ты не можешь даже сказать

и того, что она доставляет блага настоящие, а лишает только будущих; да хотя бы это было и так, и это есть уже крайнее наказание и мучение. На самом деле, однако, нельзя сказать и этого. Страсть к богатству подвергает тебя жестокому наказанию не только в геенне, но еще и прежде ее, в настоящей жизни. Страсть эта разоряла многие дома, воздвигала жестокие войны и заставляла прекращать жизнь насильственной смертью. Да еще и прежде этих бедствий она помрачает добрые качества души и часто делает человека малодушным, слабым, дерзким, обманщиком, клеветником, хищником, лихоимцем, и вообще имеющим в себе все низкие качества. Но, может быть, ты, смотря на блеск серебра, на множество слуг, на великолепие зданий и на уважение к богатству в собраниях, обольщаешься всем этим? Какое же средство против этой гибельной болезни? Собственное твое размышление о том, как это уязвляет твою душу, как помрачает ее и делает гнусной, безобразной и порочной; собственное твое размышление, с какими бедствиями соединено собирание богатства, с какими трудами и опасностями должно его беречь, вернее же – что его и нельзя уберечь до конца, а если и удастся сохранить от всяких хищений, то приходит смерть и передает твое богатство часто в руки врагов, а тебя самого похищает ничего не имеющего, кроме ран и язв, полученных от богатства, с которыми душа твоя переселяется в тот мир. Итак, если ты увидишь кого-нибудь облеченного блестящей одеждой и окруженного толпой телохранителей, то раскрой его совесть, – и ты найдешь внутри его много паутины и увидишь много нечистоты. Представь Павла и Петра, представь Иоанна и Илию, и в особенности самого Сына Божия, Который не имел, *где главу подклонити* (Лк. IX, 58). Подражай Ему и его рабам и помышляй о неизреченном богатстве. Если же ты, несколько

прозрев, опять помрачишься земными благами, подобно погибающим во время кораблекрушения, то припомни изречение Христа о том, что невозможно богатому войти в царство небесное. Вместе с этим изречением представь и то, что и горы, и земля, и море, словом, все, если хочешь, превратились в золото, и ты увидишь, что ничто не может сравниться с тем вредом, который отсюда для тебя проистек бы. Ты укажешь на множество десятин земли, на десять, двадцать или, пожалуй, и более домов, на столько же бань, на тысячу или вдвое больше слуг, на посеребренные и позолоченные колесницы, а я скажу вот что. Если бы каждый из обогащающихся между вами, презрев эту нищету (ведь в сравнении с тем, о чем я намерен говорить, это есть нищета), приобрел весь мир, если бы каждый из них столько же имел у себя рабов, сколько теперь находится людей на земле, море и во всем мире, если бы каждый из них имел в своем владении и землю, и море, все здания, города и народы, и если бы для них из всех источников, вместо воды, текло золото, то и этих богачей я не счел бы стоящими даже трех оболов, — так как они лишаются царствия небесного. Если они, желая тленных благ, мучатся, когда не получают их, то что может утешить их, когда они узнают цену будущих неизреченных благ? Совершенно ничто. Итак, помышляй не о множестве богатства, но о том вреде, которому подвергаются слишком пристрастившиеся к нему; они из-за него теряют небесные блага, и уподобляются тем, которые, лишившись великой чести при царском дворе, остаются с кучей навоза, и даже еще гордятся этим. И подлинно, куча богатства ничем не лучше кучи навоза, даже еще хуже. Навоз годен и для земледелия, и для топления бань, и для других подобных нужд; золото же, закопанное в землю, совершенно бесполезно: да и дай Бог, чтобы оно было только бесполезно. Но оно

в душе обладающего им воспламеняет как бы огненную печь, если не употребляется как должно. Каких зол оно не причиняет? Потому-то светские писатели и называли любостяжание верхом зол, а блаженный Павел гораздо лучше и с большей выразительностью назвал корнем всех зол. Итак, размышляя о всем этом, поревнуем тому, что достойно ревности: не желая величественных зданий или дорогих поместий, поревнуем мужам, имеющим великое дерзновение к Богу, которые приготовили себе сокровище на небесах и наслаждаются им, мужам, которые поистине богаты, так как сделались бедными для Христа; поревнуем им, чтобы получить нам вечные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXIV

Тогда отвещав Петр, рече Ему: се мы оставихом вся, и вслед Тебе идохом, что убо будет нам (Мф. XIX, 27)?

1. Что это значит, блаженный Петр: *оставихом вся?* Уду, сети, корабль, ремесло? Это ли разумеешь ты под словом: *вся?* Да, отвечает он. Но не честолюбие заставляет меня говорить так. Я хочу этим вопросом обратить людей бедных (к Господу). Так как Господь сказал: *аще хощеши совершен быти, продаждь имение твое и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небеси* (Мф. XIX, 21), то, чтобы кто из бедных не спросил: что же, если у меня нет имения, значит я и не могу быть совершенным? — для того Петр предлагает вопрос свой Иисусу, чтобы ты, бедный, знал, что бедность твоя нимало не вредит тебе. Петр спрашивает для того, чтобы не от

Петра узнал ты истину, и сомневался (он и сам тогда был еще несовершен и не имел Духа), но чтобы, получив ответ от Учителя Петрова, был твердо уверен в ней. Как поступаем мы, когда, предлагая мнения других, часто усвояем их себе, так поступил и апостол: он вместо всей вселенной предложил Иисусу этот вопрос. Свою участь он знал ясно, как это видно из того, что о нем было прежде сказано. Получив еще не земле ключи царствия небесного, он тем более мог быть уверен в наследии благ. Но смотри, с какой точностью отвечает он на требования Христовы. Христос требовал от богатого двух вещей: чтобы он отдал имение свое нищим, и чтобы последовал за Ним. Поэтому и апостол указывает на эти же два действия: на оставление имения и последование за Иисусом. *Се мы*, говорит он, *оставихом вся, и вслед тебе идохом*. Оставление всего было нужно для последования: последование через оставление сделалось удобнее, и за то, что они оставили все, были исполнены надежды и радости. Что же отвечает Христос? *Аминь глаголю вам, яко вы, шедшии по Мне, в пакибытие, егда сядет Сын человеческий на престоле славы Своея, сядете и вы на двоюнадесяте престолу, судяще обемана десяте коленома Израилевома* (ст. 28). Итак, что же? И Иуда будет сидеть на престоле? Нет. Как же Христос говорит: *вы сядете на двоюнадесяте престолу*? Как обещание это исполнится? Внимай, как и каким образом. Бог дал закон, через Иеремию-пророка возвещенный иудеям и гласящий: *наконец возглаголю на язык и на царство, да искореню и разорю. И аще обратится язык той от лукавств своих, раскаюся и Аз о озлоблениях, яже помыслих сотворити им. И наконец реку на язык и на царство, да возсозижду и насажду я. И аще сотворят лукавая передо Мною, еже не послушати гласа Моего, раскаюся и Аз о благих, яже глаголах сотворити им* (Иер. XVIII, 7, 10). По тому же закону поступаю Я, говорит Он, и с добродетельными. Хотя

Я и обещаю воссоздать их, но если они окажутся недостойными этого обещания, то Я не исполню его. Так случилось с человеком первозданным. *Трепет и страх ваш,* сказал Господь, *будет на всех зверех земных* (Быт. IX, 2); но этого не исполнилось, так как человек сам себя показал недостойным такой власти. Так точно и Иуда. Но чтобы одни, устрашенные приговором наказания, не предались отчаянию и еще более не ожесточились, а другие, надеясь на обещание благ, не сделались совершенно беспечными, ту и другую болезнь Он врачует вышеупомянутым образом, как бы так говоря: буду ли Я угрожать тебе казнью, не отчаивайся, потому что ты можешь покаяться и уничтожить Мое определение, как сделали ниневитяне; буду ли обещать какое-либо благо, не ослабевай, надеясь на обещание, потому что если ты окажешься недостойным, то Мое обещание не только не принесет тебе никакой пользы, но еще увеличит твое наказание. Я обещаю награду только достойному. Вот почему и тогда, беседуя с учениками Своими, Он не без условия дал обещание; не сказал просто; *вы,* но присовокупил еще: *шедшии по Мне,* чтобы и Иуду отвергнуть, и тех, которые после имели обратиться к Нему, привлечь, — эти Его слова относились не к ученикам одним, и не к Иуде, который впоследствии времени сделался недостойным Его обещания. Итак, ученикам Господь обещал дать награду в будущей жизни, говоря: *сядете на двоюнадесяте престолу* (потому что они уже находились на высшей степени совершенства, и никаких земных благ не искали); а другим обещает и настоящие блага: и *всяк*, говорит, *иже оставит братию, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, или дом имене Моего ради, сторицею приимет* в настоящем веке, *и живот вечный наследит.* Чтобы некоторые, слыша слово: *вы*, не подумали, что сподобиться в будущей жизни

величайших и первых почестей предоставлено одним ученикам, Он продолжил речь и распространил Свое обещание на всю землю, и обещая настоящие блага, уверяет в будущих. Господь и с учениками, вначале, когда они еще были несовершенны, начал беседу Свою представлением настоящих благ. Когда именно Он призывал их к Себе, от моря, и отвлекал от их ремесла, и повелевал оставить корабль, Он упоминал не о небесах, не о престолах, но о настоящих вещах, говоря: *сотворю вы ловцы человеком* (Мф. IV, 19). Но когда возвел их на высшую степень совершенства, тогда говорит уже и о небесных благах.

2. Но что значат слова: *судяще обеманадесяте коленома Израилевома?* То, что они осудят их; апостолы не будут сидеть, как судьи; но в каком смысле сказал Господь о царице Южской, что она осудит род тот, и о ниневитянах, что они осудят их, в том же говорит и о апостолах. Потому и не сказал: *судяще языком* и вселенней, но: *коленома Израилевома.* Иудеи были воспитаны в тех же самых законах, и по тем же обычаям, и вели такой же образ жизни, как и апостолы. Поэтому, когда они в свое оправдание скажут, что мы не могли уверовать во Христа потому, что закон воспрещал нам принимать заповеди Его, то Господь, указав им на апостолов, имевших один с ними закон и однако же уверовавших, всех их осудит, как о том и раньше сказал: *сего ради тии будут вам судии* (Мф. XII, 27). Что же, скажешь ты, великого и в Его обещаниях, если апостолы будут иметь то же, что имеют ниневитяне и царица Южская? Но Он еще прежде обещал им много других наград и после обещает. Не в этом одном только их награда. Впрочем, и в этом обещании заключается нечто большее перед тем, что сказано о ниневитянах и царице Южской. О последних Господь сказал просто: *мужие Ниневитстии востанут и осудят род сей, и царица Южская осудит* (Мф. XII, 41, 42).

А о апостолах не говорит так просто. Но как говорит? *Егда сядет Сын человеческий на престоле славы Своея, тогда и вы сядете на двоюнадесяте престолу*, — показывая этим, что и они вместе с Ним будут царствовать и участвовать в той славе. *Аще терпим*, говорит апостол, *с Ним и воцаримся* (2 Тим. II, 12). Престолы не означают седалища (так как Он один есть сидящий и судящий), но ими означается неизреченная слава и честь. Итак, апостолам обещал Господь эту награду, а всем прочим — живот вечный и сторичную мзду здесь. Но если все прочие, то тем более апостолы должны получить возмездие и там, и в здешнем веке. Так и сбылось. Оставив уду и сети, они имели во власти своей имущества всех людей, их дома, поля и даже самые тела верующих; многие готовы были даже умереть за них, как свидетельствует о том Павел, говоря: *аще бы было мощно, очеса бы ваши извертевше, дали бысте ми* (Гал. IV, 15). Далее, словами: *всяк, иже оставит жену*. Господь не внушает того, чтобы без причины были расторгаемы браки; но как говоря о душе, что: *погубивши душу свою Мене ради обрящет ю* (Мф. X, 39), говорил это не для того, чтобы мы убивали самих себя и тотчас разлучали душу с телом, но для того, чтобы предпочитали всему благочестие, — так и здесь того же требует Он, повелевая оставить жену и братьев. Мне кажется также, что Он говорит здесь еще и о гонениях. В то время многие отцы детей своих и жены мужей своих привлекали к нечестию. Итак, когда они от вас требуют этого, говорит Господь, оставьте и жену, и отца, о чем и Павел говорит: *аще ли неверный отлучается, да разлучится* (1 Кор. VII, 15). Возвысив таким образом апостолов и утвердив их в надежде награды, определенной и им самим и всей вселенной, Господь присоединил: *мнози будут первии последнии, и последни первии* (Мф. XIX, 30). Слов этих нельзя ограничивать некоторыми только ли-

цами. Они относятся ко многим и другим; впрочем, в них говорится и о верующих, и о непокорных фарисеях, как и прежде о них же говорил Господь, что *мнози от восток и запад приидут, и возлягут с Авраамом и Исааком и Иаковом, сынове же царствия изгнани будут вон* (Мф. VIII, 11, 12). Потом Господь предлагает и притчу, чтобы побудить к большей ревности тех, которые обратились к Нему после других. *Подобно есть*, говорит Он, *царствие небесное человеку домовиту, иже изыде купно утро наяти делатели в виноград свой. И совещав с ними по пенязю на день, посла их в виноград. И в третий час виде ины стояща празднь, и тем рече: идите и вы в виноград, и еже будет праведно, дам вам. И в шестый и девятый час сотвори такожде. Во единый же надесять час виде другия стояща праздны, и глагола им: что зде стоите весь день праздны? Они же глаголаша ему: никтоже нас наят. Глагола им: идите и вы в виноград мой, и еже будет праведно, приимете. Вечеру же бывшу, глагола господин винограда к приставнику своему: призови делатели и даждь им мзду, начен от последних до первых. И пришедше иже, в единонадесятый час, прияша по пенязю. И первии мнихy больше прияти; и прияша и тии по пенязю. И приемше роптаху на господина, глаголюще: сии последнии един час сотвориша, и равных нам сотворил их еси, понесшим тяготу дне и вар. Он же, отвещав единому их, рече: друже, не обижу тебе; не по пенязю ли совещал еси со мною? Возми твое и иди; хощу же и сему последнему дати, якоже и тебе. Или несть ми лет сотворити еже хощу во своих ми? Аще око твое лукаво есть, яко аз благ есмь? Тако будут последнии первии, и первии последни: мнози бо суть звани, мало же избранных* (Мф. XX, 1–17).

3. Что значит эта притча? Сказанное в начале не согласно с тем, что говорится в конце ее, но открывает совершенно противное. В ней Господь показывает, что все люди получают равные награды; а не говорит того,

что одни изгоняются, а другие вводятся. Но прежде этой притчи и после нее Он говорил противное: *будут первии последни и последнии перви*, то есть, последние будут выше и самых первых, которые уже не будут первыми, но сделаются последними. А что таков действительно смысл этого изречения, это видно из присоединенных к нему слов: *мнози бо суть звани, мало же избранных*, — которыми Господь вместе и первых укоряет, и последних утешает и ободряет. Но притча не то говорит, в ней говорится только, что последние равны будут мужам уже испытанным и много трудившимся. *Равных бо нам*, говорится в ней, *их сотворил еси, понесшим тяготу дне и вар.* Итак, что же значит эта притча? Нужно прежде объяснить ее, и тогда мы разрешим указанное противоречие. Виноградом называются в ней повеления и заповеди Божии, временем делания — настоящая жизнь, а делателями — те, которые различным образом призываются к исполнению заповедей Божиих; утро же, третий, шестой, девятый и одиннадцатый час — означают различные возрасты пришедших и получивших одобрение за труды свои. Но главное дело состоит в том: те первые, которые столько прославились и угодили Богу и весь день с особенной ревностью провели в трудах, не заражены ли сильнейшей страстью злобы, завистью и недоброжелательством? Видя, что и пришедшие после них получили такую же награду, они говорили: *сии последнии един час сотвориша, и равны их нам сотворил еси, понесшим тяготу дне и вар.* Так они, не потерпев никакого убытка и получив сполна свою награду, досадовали и негодовали на то, что другие пользуются благами, — а это происходило от зависти и недоброжелательства. Но что всего важнее, сам Домовладыка, защищая тех и оправдывая свой поступок перед человеком, говорившим ему, обвиняет его в злобе и край-

ней зависти, говоря: *не по пенязю ли совещал еси со Мною? Возми твое и иди; хощу ж последнему дати якоже и тебе. Аще око твое лукаво есть, яко аз благ есмь?* Итак, чему научают нас такие притчи? Не в этой только, но и в других притчах то же можно видеть. Так, например, и добрый сын впал в такую же душевную болезнь, когда увидел, что блудный брат его удостоился великой чести, и даже большей, нежели он. Как последним делателям винограда большая честь была оказана тем, что они первые получили награду, так и блудному сыну обилием даров сделано было предпочтение, о чем свидетельствует сам добрый сын. Что же следует сказать? То, что в царстве небесном нет ни одного человека, который бы производил такие споры и жалобы, и быть не может, потому что там нет места ни зависти, ни недоброжелательству. Если святые и в настоящей жизни полагают души свои за грешников, то, видя их там наслаждающихся уготованными благами, они тем более радуются, и почитают это собственным блаженством. Итак, для чего Господь в таком образе предложил слово Свое? Это притча; а в притчах не нужно изъяснять все по буквальному смыслу, но узнавши цель, для которой она сказана, обращать это в свою пользу, и более ничего не испытывать. Для чего же так изображена эта притча, и какая цель ее? Та, чтобы соделать ревностнейшими людей, которые в глубокой старости переменяют образ жизни и становятся лучшими, и чтобы освободить их от того мнения, будто они ниже других (в царстве небесном). Потому-то Господь к представляет, что другие с огорчением смотрят на их блага, не для того, чтобы показать, будто они истаивают от зависти и терзаются, — нет, — но чтобы уверить, что и поздно обратившиеся удостоятся такой чести, которая может породить в других зависть. Так часто делаем и мы сами, говоря: он меня обвиняет за

то, что я тебя удостоил такой чести, — и говорим так не потому, чтобы в самом деле кто-либо обвинял нас, или чтобы нам хотелось оклеветать кого, но чтобы показать этим величие дара, коего другой удостоился. Но почему Он не всех вдруг нанял? Насколько мог, всех, а что не все вдруг Его послушались, это зависело от воли званных. Поэтому Он одних утром, других в третьем, иных в шестом, иных в девятом часу призывает, а некоторых даже в одиннадцатом, смотря по тому, когда кто готов был повиноваться Ему. Это объясняет и Павел, говоря: *егда же благоволи избравый мя от чрева матери моея* (Гал. 1, 15). Но когда благоволил? Тогда, когда он готов был повиноваться. Сам Бог хотел этого от начала; но так как Павел не послушал бы Его, то Он тогда благоволил призвать его, когда последний и сам готов был покориться Ему. Так призвал Он и разбойника. Мог и прежде призвать его; но тогда он не послушал бы Его. Если Павел не послушал бы Его сначала, то тем более разбойник. Что же касается до слов делателей: *никтоже нас наят*, то уже я сказал общую мысль, что не на все в притчах должно обращать внимание. А здесь это не нужно и потому, что говорящим представляется не сам Домовладыка, но трудившиеся. Он же не обличает их для того, чтобы не привести их в сомнение, но привлечь к Себе. А что Он звал всех, кого мог, в первом часу, это видно и из самой притчи, где сказано, что Он с утра вышел нанять.

4. Итак, из всего видно, что притча эта сказана как для тех, которые в первом возрасте жизни своей, так и для тех, которые в старости и позже начали жить добродетельно: для первых, чтобы они не возносились и не упрекали тех, кто пришел в одиннадцатый час; для последних, чтобы они познали, что и в короткое время можно все приобрести. Так как раньше Господь говорил о великой ревности, об оставлении имений и о

пренебрежении всего находящегося на земле, а для этого потребно великое мужество и юношеская ревность, то чтобы возжечь в слушателях пламень любви и волю соделать твердой, Он показывает, что и после пришедшие могут получить награду за целый день. Этого, впрочем, Он не говорит, чтобы они опять не возгордились; но показывает, что все зависит от Его человеколюбия, по которому и они не будут отвергнуты, но будут удостоены вместе с другими неизреченных благ. И это-то составляет главную цель настоящей притчи. Если далее Он присовокупляет: *так будут последнии перви, и первии последни, мнози бо суть звани, мало же избранных,* — то не удивляйся этому. Это Он высказывает не как заключение, выведенное из притчи, а утверждает лишь то, что как сбылось одно, так сбудется и другое. Здесь первые не сделались последними, но все получили одну награду, сверх всякой надежды и ожидания. Но как здесь, сверх чаяния и надежды, сбылось то, что последние сравнялись с первыми, так сбудется и еще большее и удивительнейшее, то есть, что последние окажутся впереди первых, а первые останутся за ними. Итак, одно выражает притча, другое — послесловие. Кажется мне, что Он указывает здесь на иудеев и на тех из верных, которые, просияв сначала добродетелью, после нее вознерадели и опять обратились к пороку; равно как и на тех, которые, удалившись от беззакония, многих превзошли добродетелями. И действительно, мы видим, что такие перемены случаются и в вере, и в образе жизни.

Потому умоляю вас, будем прилагать великое старание о том, чтобы нам пребывать и в правой вере и вести жизнь добродетельную. Ежели мы с верой не соединим достойной жизни, то подвергнемся жесточайшему наказанию. Это подтвердил блаженный Павел опытом древних времен, когда он, говоря об израильтянах, что

вси тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде пиво духовное пиша (1 Кор. X, 4), присоединяет далее, что они не спаслись: *поражены бо быша в пустыни* (5). И сам Христос в Евангелии подтвердил то же, когда сказал, что некоторые люди, изгонявшие бесов и пророчествовавшие, осуждены будут на казнь. Да и все притчи Его, как-то: притча о девах, о неводе, о тернии, о древе, не приносящем плода, требуют, чтобы мы были добродетельны на деле. О догматах Господь редко рассуждает (так как верить им не трудно), но о жизни добродетельной – очень часто, или, лучше сказать, всегда, так как на поприще ее предстоит всегдашняя брань, а потому и труд. И что я говорю о совершенном пренебрежении добродетели? Даже нерадение о малейшей части ее подвергает великим бедствиям. Так небрежение о подаянии милостыни ввергает небрегущего о том в геенну, хотя это не вся добродетель, а только часть ее. И однако, девы за то, что не имели этой добродетели, были наказаны, и богач за то же страдал в пламени, и все те, которые не напитали алчущего, осуждаются с диаволом. Равным образом, и не укорять других есть малейшая часть добродетели, – однако же кто ее не исполняет, тот изгнан будет из царствия. *Рекий бо брату своему*, говорит Писание, *уроде, повинен есть геенне огненней* (Мф. V, 22). И целомудрие, опять, есть часть добродетели; но без нее никто не увидит Господа: Писание говорит: *мир имейте и святыню со всеми, их же кроме никто же узрит Господа* (Евр. XII, 4). Смиренномудрие есть также часть добродетели; но если бы кто другие добродетели исполнил, а этой не соблюл, тот не чист перед Богом. Это показывает пример фарисея, который был украшен многими добродетелями, но гордостью погубил все. Я еще гораздо более скажу: не только пренебрежение одной какой-либо добродетели заключает для нас небо; но хотя бы мы и исполнили ее,

но не с должным тщанием и ревностью, и это производит такие же следствия. *Аще не избудет правда ваша*, говорит Христос, *паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное* (Мф. V, 20). Потому если ты и милостыню подаешь, но не более той, какую они подавали, то не внидешь в царствие. Как же великую милостыню, спросит кто-либо, они подавали? Я и сам хочу говорить теперь об этом для того, чтобы не дающих милостыни побудить к подаянию ее, а дающих предохранить от высокомерия и заставить подавать еще более. Итак, что фарисеи давали? Они давали десятину от всего имущества, и еще другую десятину, и сверх того еще третью, так что отдавали почти третью часть своего имения, — ведь три десятины и составляют почти третью часть всего имения. Сверх того они приносили еще начатки первородных животных, и много других жертв, каковы, например, жертвы о грехе, о очищении, — жертвы, совершаемые при праздниках, во время юбилея, при оставлении долгов, при отпущении рабов и при займах без роста. Если же дающий третью часть имений своих, или лучше — половину (эти приношения, взятые вместе с десятинами, и составляют половину), если, говорю, дающий половину не делает ничего великого, то чего будет достоин тот, кто не подает и десятины? Справедливо поэтому сказал Господь, что немногие спасутся.

5. Итак, приложим попечение о добродетельной жизни. Если нерадение об одной какой-либо добродетели влечет за собой такую погибель, то как избежим мы наказания, когда будем подлежать осуждению за нерадение о всех? Каких не потерпим мучений? Какая же после этого, скажут, остается нам надежда спасения, когда все вышесказанное, каждое в отдельности, угрожает нам геенной? И я говорю то же. Впрочем, если мы будем внимательны, то можем спастись, уготовляя вра-

чевство милостыни и исцеляя (им) раны. Подлинно, не столько елей укрепляет тело, сколько человеколюбие укрепляет душу и соделывает ее ничем непобедимой и неуловимой для диавола. За что бы он ни взял ее, она тотчас ускользает от него, – милосердие, как елей, не попускает держаться руке его на хребте нашем. Итак, будем чаще намащать себя этим елеем: он – основание здоровья, источник света и причина веселья. Но иной, скажешь ты, столько-то и столько имеет талантов золота, и ничего не подает. А что тебе до этого? Тем более будешь иметь похвалы ты, когда при своей бедности будешь его щедрее. Так хвалил македонян Павел не за то, что они подали помощь, но за то, что подали ее, находясь в бедности. Итак, не на других взирай, но на общего всех Учителя, Который не имел, где главы подклонить. Но почему же, скажешь ты, такой-то и такой-то этого не делают? Не суди другого, а себя самого избавь от осуждения. Ты еще большему подвергнешься наказанию, когда и других будешь порицать, и сам не будешь делать, – когда, осуждая других, и сам будешь повинен тому же суду. Если и тем, которые сами исполняют свои обязанности, не дано права судить других, то тем более нарушающим их. Итак, не будем осуждать других, и не будем смотреть на ленивых, но посмотрим лучше на Господа Иисуса и возьмем пример с Него. Я ли тебя облагодетельствовал? Я ли искупил тебя, чтобы ты взирал на меня? Нет! Есть другой, все это тебе Даровавший. Для чего же ты, оставив Владыку, смотришь на подобного тебе раба? Или ты не слыхал, что Он говорил: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. XI, 29)? И еще: *иже аще хощет в вас быти* первый, *да будет всем слуга;* и еще: *якоже Сын человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити* (Мф. XX, 26, 28)? Кроме того, чтобы ты, соблазняясь примером ленивых рабов, по-

добных тебе, не проводил жизнь в праздности, Он, отклоняя тебя от этого, говорит: *образ Себе дах вам, да якоже Аз сотворих, и вы творите* (Ин. XIII, 15). Ты не имеешь никакого учителя добродетели между людьми, живущими с тобой, который бы мог тебя в этом деле руководствовать? Но тем более тебе будет похвалы, более славы, что ты и без учителей соделался достойным славы. А достигнуть этого мы можем весьма легко, если захотим. В том удостоверяют нас достигшие такого совершенства праотцы наши, как-то: Ной, Авраам, Мелхиседек, Иов и другие, подобные им; на них-то и должны мы всякий день взирать, а не на тех, кому вы не перестаете завидовать и о ком говорите в ваших собраниях. Я только и слышу повсюду такие разговоры, что такой-то получил во владение столько-то и столько десятин земли, такой-то богатеет, тот-то строит дома. Для чего ты занимаешься внешним, о, человек? Для чего смотришь на других? Если хочешь смотреть на других, то смотри на тех, которые живут добродетельно и честно, которые ревностно исполняют весь закон, а не на тех, которые претыкаются и живут бесчестно. Если ты будешь смотреть на последних, то получишь от этого много зла, — впадешь в леность, в гордость, и станешь осуждать других; а если будешь исчислять живущих добродетельно, то приобретешь смиренномудрие, тщание, сокрушение сердца, и другие бесчисленные блага. Внемли, как пострадал фарисей за то, что оставив добрых, смотрел на грешного; внемли и бойся. Смотри, как прославился Давид потому, что взирал на предков своих, добродетельно живших. *Пресельник*, говорит он, *аз есмь и пришлец, якоже еси отцы мои* (Пс. XXXVIII, 13). И он, и все подобные ему, оставя грешных, помышляли о мужах прославившихся добродетелью. Поступай и ты так. Тебя никто не поставил судьей чужих проступков, или исследователем чу-

жих грехов. Ты должен судить себя самого, а не других: *аще бо быхом*, говорит апостол, *себе рассуждали, не быхом осуждени были; судими же от Господа наказуемся* (1 Кор. XI, 31, 32). А ты извратил этот порядок. От себя ни в великих, ни в малых согрешениях не требуешь никакого отчета, а в других всякое прегрешение тщательно замечаешь. Итак, не будем же более делать так, но, оставив такой беспорядок, поставим судилище в нас самих для суждения о своих грехах, сами будем и обвинителями, и судьями, и наказателями своих проступков. Если же хочешь испытывать и дела других, то рассматривай добрые дела их, а не грехи, – чтобы, побуждаясь и воспоминанием о своих согрешениях, и ревностью к подвигам других, и представлением нелицеприятного суда, нам ежедневно наказываться совестью, как неким бичом, и таким образом преуспевая в смиренномудрии и рвении, достигнуть будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXV

И восходя Иисус во Иерусалим, поят обанадесяте ученика едины на путь, и рече им: се восходим во Иерусалим, и Сын человеческий предан будет архиереем и книжником, и осудят Его на смерть. И предадят Его языком на поругание и биение и пропятие: и в третий день воскреснет (Мф. XX, 17, 18)

1. Не тотчас по выходе из Галилеи Иисус пришел в Иерусалим. Во время пути Своего Он произвел много чудес, посрамил фарисеев и рассуждал с учениками – о нестяжательности: *аще хощеши совершен быти, продаждь*

имение твое (Мф. XIX, 21); о девстве: *могий вместити, да вместит* (ст. 12); о смиренномудрии: *аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в царство небесное* (Мф. XVIII, 3); о воздаянии в настоящей жизни: *всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, сторицею приимет* (Мф. XIX, 29) в настоящем веке, и о наградах в будущей: *и живот вечный наследит* (ст. 29); тогда уже приближается к этому городу, и перед вступлением в него опять беседует с ними о страдании Своем. Не желая, чтобы страдание это совершилось, ученики легко могли забывать о нем. Поэтому Христос непрестанно напоминает им, чтобы частым напоминанием приучить их ум помышлять об этом и смягчить их скорбь. Не без причины Он рассуждает с ними об этом и наедине. Не нужно было распространять об этом молвы в народе и говорить открыто, потому что отсюда не произошло бы никакой пользы. Если ученики, слыша о страданиях, возмутились, то гораздо более возмутился бы простой народ. Но что-же, — скажешь ты, — разве это не было открываемо народу? Было открываемо и народу, но не так ясно. *Разорите,* говорил Он народу, *церковь сию, и треми денми воздвигну ю* (Ин. II, 19); или еще: *род сей знамения ищет, и знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка* (Мф. XII, 39); и еще следующими словами: *еще мало время с вами есмь, и взыщете Мене, и не обрящете* (Ин. VII, 33, 34). А к ученикам говорил не так, но открыл им и эту истину, равно как и другие, гораздо яснее. Для чего же Господь и говорил, если народ не понимал силы слов Его? Для того, чтобы он узнал впоследствии, что Иисус Христос предвидел Свое страдание, и добровольно шел на него, а не так, как бы не знал этого, или против воли. Ученикам же предсказывал не только с этой целью, но, как я сказал выше, и для того, чтоб они, укрепленные ожиданием, тем удобнее перенесли Его страдание, и чтобы нечаянное приближение последнего не привело их в край-

нее смущение. Вот почему Он сначала говорил им только о смерти Своей; а когда они начали помышлять об этом и приготовлять себя к ней, тогда раскрывает им и все прочие обстоятельства, как-то: что Его предадут язычникам, наругаются над Ним и будут бить, — для того, чтобы они, видя исполнение печальных предсказаний, ожидали в силу этого и воскресения. Если Христос не скрыл обстоятельств печальных и по-видимому унизительных для Его чести, то естественно нужно было верить Ему и касательно благоприятных предсказаний. Но смотри и на то, как Он мудро избирает и самое время для такой беседы. Не с самого начала Он объявил им о страданиях, чтобы не смутить их, но и не в самое время события, чтобы и этим не привести в смятение. Но когда они уже довольно видели опытов Его всемогущества, когда Он дал им великие обетования о жизни вечной, — тогда, и притом не однажды или два раза, но часто среди чудодействий и наставлений говорит им и о страданиях. Один Евангелист говорит, что он приводил в свидетельство и пророков; а другой утверждает, что ученики не разумели сказанного: *и бе глагол сей сокровен от них* (Лк. XVIII, 34), и что они в ужасе следовали за Ним. Итак, скажут, от предсказаний не произошло никакой пользы: если ученики не разумели слышанного, то не могли и ожидать; а если не ожидали, то и не укреплялись надеждой. А я со своей стороны представлю и другое, гораздо труднейшее сомнение, именно — что если они не разумели, то почему же скорбели? Другой Евангелист говорит ведь, что они скорбели. Итак, если они не разумели, то как же скорбели? Как Петр говорил: *милосерд Ты, не имать быти Тебе сие* (Мф. XVI, 22)? Что на это должно сказать? То, что хотя они и не знали ясно тайны домостроительства, не имели ясного знания ни о Его воскресении, ни о тех действиях, которые Он намерен был совершить после

того, — это было скрыто от них, — но что Он умрет, это они знали, и потому скорбели. Что иные других воскрешают, это они видели; а чтобы кто-нибудь сам себя воскресил, и так бы воскрес, чтобы никогда после того не умирать, — такого чуда никогда не видали. Этого-то именно они и не понимали, хотя Он и часто говорил о том. Равно и о самой смерти, какая она будет и как случится, ясно не знали, а потому и боялись, когда шли за Ним. И не это только приводило их в страх, но, как мне кажется, Господь навел на них ужас и Своею беседой о страдании.

2. Впрочем, все это не имело над ними такого действия, чтобы сделать их мужественными, хотя они и часто слышали о воскресении Его. Кроме Его смерти, их устрашало особенно то, что над Ним будут ругаться, Его будут бить, и делать тому подобное. Представляя себе чудеса Его, исцеления бесноватых, воскрешение мертвых и все другие чудеса Его, а потом слыша такие предсказания, они изумлялись, и недоумевали: ужели сотворивший все это должен подвергнуться таким мучениям? Потому-то они и недоумевали, и то верили, то не верили словам Его, и не могли понять их. Эта темнота разумения их была так велика, что сыны Зеведеевы приступили к Нему в то же самое время, и разговаривали с Ним о председании. *Хощева,* — говорили они, — *да един одесную Тебе, и един ошуюю Тебе сядет* (Мк. X, 35, 36). Как же, скажешь ты, Евангелист говорит, что приступила мать? И то и другое справедливо. Они взяли с собой и мать, чтобы придать более силы своей просьбе и преклонить через нее Христа. А что сказанное мной справедливо, то есть, что эта просьба больше принадлежала им, и что они от стыда взяли с собой мать, — это видно из того, что Христос к ним простирает Свое слово. Но прежде узнаем, чего они просят, с каким намерением и по какому побуждению. Итак, откуда им

пришла такая мысль? Они видели себя в большей чести перед другими, и потому надеялись, что Господь исполнит и эту их просьбу. Но чего они просят — послушай другого Евангелиста, подробно повествующего об этом. Они находились близ Иерусалима, говорит он, и представляли, что царствие Божие уже открывается; потому и предложили свою просьбу. Они думали, что оно близко, что оно чувственно и что, если они получат то, чего просят, то не подвергнутся никаким неприятностям. Они искали царствия Божия не только для того, чтобы получить его, но и для того, чтоб избежать скорбей. Потому и Христос прежде всего отклоняет их от таких помышлений, повелевая ожидать смерти, опасностей и жесточайших бедствий. *Можета ли*, говорит Он, *пити чашу, юже Аз имам пити* (Мф. XX, 22)? Впрочем, никто не должен смущаться, видя апостолов так несовершенными: ведь крест еще не совершился, благодать Духа им еще не была дана. Если же хочешь познать добродетель их, то смотри на их последующую жизнь и увидишь, что они были выше всех страстей. Господь для того и открывает недостатки их, чтобы ты узнал впоследствии, насколько великими они сделались по получении благодати. Итак отсюда видно, что они не просили ничего духовного, даже не имели и понятия о высшем царстве. Теперь посмотрим, как они приходят и что говорят. *Хощева*, говорят они, *да, еже аще просива, сотвориши нама* (Мк. X, 35). И в ответ на это, Христос спрашивает их: *что хощета?* — не потому, чтобы не знал, но чтобы вынудить их самих к ответу, открыть рану, и затем дать соответствующее лекарство Они же, стыдясь и краснея, так как побуждены были страстью человеческой, отозвав Его от прочих учеников, начали предлагать свою просьбу. Евангелист говорит, что они зашли вперед, чтобы, то есть, не обнаружить себя перед прочими, и тут открыли свое желание. Желание же их,

как я думаю, состояло в том, чтобы занять первые престолы, так как Христос говорил им: *сядете вы на двоюнадесяте престолу* (Мф. XIX, 28). Они сознавали свое преимущество перед другими; опасались только Петра, и потому говорят Ему: *рцы, да един одесную тебе сядет и един ошуюю* (Мф. XX, 21); и словом – *рцы* (Мк. X, 37) понуждают Его. Что же Он отвечает? Показывая, что они просят не чего-либо духовного, и что если бы знали, о чем просят, то не дерзнули бы и просить этого, Он отвечает: *не веста, чесо просита* (Мк. X, 38), – то есть не знаете, как велик, как чуден, как недостижим для самих горних сил предмет ваших требований. Потом присовокупляет: *можета ли пити чашу, юже Аз пию, и крещением, имже Аз крещаюся, креститися* (ст. 38)? Смотри, как тотчас же удаляет Он их от той мысли, начиная рассуждать с ними о противном. Вы напоминаете Мне о чести и венцах, говорил Он, а Я говорю о подвигах и трудах, вам предлежащих. Еще не наступило время наград, и не теперь откроется та слава Моя; настоящее время есть время смерти, браней и опасностей. И смотри, как самым вопросом Он и увещевает их, и привлекает. Не сказал: можете ли идти на смерть? Можете ли пролить кровь свою? Но что говорит? *Можете ли пити чашу?* Потом, чтобы привлечь их, присоединяет: *юже Аз пию*, – чтобы через это общение с Собой возбудить в них более усердия. Он называет это еще *крещением*, показывая тем, что долженствующее теперь совершиться послужит для вселенной великим очищением. Потом ученики отвечают Ему: *можева* (ст. 39). В пылу усердия, они тотчас изъявили согласие, не зная того, что сказали, но надеясь услышать согласие на свою просьбу. Что же Господь говорит им? *Чашу мою испиета; и крещением, имже Аз крещаюся, креститася* (ст. 39). Он предсказал им великие блага, то есть: вы удостоитесь мученичества, постра-

даете так же, как и Я, скончаете жизнь насильственной смертью, и в этом будете Моими участниками. *А еже сести одесную и ошуюю, несть Мое дати, но имже уготовася от Отца Моего* (Мф. XX, 23).

3. Возвысив души просивших, устремив их к горнему и соделав неопределимыми для печали, Господь исправляет потом и их просьбу. Но что значат эти слова? Многие предлагают здесь два вопроса: во-первых, в самом ли деле некоторым уготовано сесть одесную Его? Во-вторых, неужели Господь всего не имеет власти дать это тем, которым уготовано? Итак, что же значит сказанное? Если мы разрешим первый вопрос, то и второй будет ясен для вопрошающих. Что же значит сказанное? То, что никто, ни с правой, ни с левой стороны Его, не будет сидеть. Престол этот недоступен ни для кого, не только для людей, как то: святых и апостолов, но и для ангелов, и для архангелов, и для всех высших сил. Павел поставляет это отличительным преимуществом Единородного, говоря: *кому же от ангел рече когда: седи одесную Мене? И ко ангелом убо глаголет: творяй ангелы Своя духи. К Сыну же: престол Твой, Боже* (Евр. I, 13, 7, 8). Как же Он говорит: *еже сести одесную и ошуюю, несть Мое дати* (Мф. XX, 23)? Не показывает ли это, что некоторые будут сидеть? Нет. Он только дает ответ сообразно разумению вопрошавших, снисходя к их слабости. Они не понимали, что это за высокий престол, что это за сидение одесную Отца; они не знали даже и того, что было гораздо ниже того, — что каждодневно было им внушаемо; они искали только первенства, чтобы стать выше прочих и никого не иметь выше себя при Нем. Об этом я и прежде упоминал уже, говоря, что поелику они слышали о двенадцати престолах, то не понимая, что значат эти слова, искали председания. Итак, смысл слов Христовых следующий: хотя вы умрете за Меня и закла-

ны будете за проповедь, и сделаетесь Моими участниками в страдании, однако этого вам недостаточно будет для получения председания и первого достоинства. И если бы пришел кто-нибудь, претерпевший мученическую смерть и украшенный всеми родами добродетели в высшей степени перед вами, то, несмотря на то, что Я люблю вас теперь и предпочитаю другим, Я не соглашусь отвергнуть последнего свидетельствуемого делами своими, и дать вам первенство. Правда, Господь не сказал им так прямо, чтобы не опечалить их; но прикровенно Он высказывает то же самое, говоря: *ча́шу Мою испиета, и крещением, имже Аз крещаюся, имате креститися: а еже сести одесную Мене и ошуюю, несть Мое дати сие, но имже уготовася* (Мф. XX, 23). Кому же уготовано? Тем, которые прославятся своими делами. Потому-то Он и не сказал: не в Моей власти дать, но во власти Отца, — чтобы не почел кто-нибудь Его слабым и не имеющим власти делать воздаяние. Но как сказал? *Несть Мое дати, но имже уготовася.* Чтобы представить сказанное мной в большей ясности, объясним это примером. Вообразим себе председателя ристалища; представим, что из многих отличных подвижников, вышедших на это ристалище, двое весьма близкие к нему, надеясь на его расположение к себе и любовь, подходят к нему и говорят: сделай, чтобы мы были увенчаны и объявлены победителями! — а он бы сказал им: не в моей власти сделать это; награда принадлежит тем, которым она приготовлена за труды и подвиги. Ужели мы назовем его за это бессильным? Никак. Напротив, мы похвалим его за справедливость и беспристрастие. Итак, подобно тому как сказали бы о начальнике ристалища, что он не дал венца не потому, что не мог, но потому, что не хотел нарушить закона ратоборства и низвратить порядка справедливости, так и я могу ска-

зать о Христе, что Он сказал это, желая всячески побудить Своих учеников к тому, чтобы они надежду спасения и прославления, после благодати Божией, полагали в собственных добрых делах. Потому-то Он и говорит: *им же уготовася* (ст. 40). Что́ если, — как бы говорит Он, — другие окажутся лучше вас? Если они более вас потрудятся? Ужели вы за то только, что были Моими учениками, должны получить первенство, хотя бы сами и не оказались достойными такого преимущества? А что Он имеет власть над всем, это видно из того, что в руках Его весь суд. И Петру Он говорит так: *Я дам ти ключи царства небесного* (Мф. XVI, 19). И Павел, то же самое подтверждая, сказал: *прочее соблюдается мне венец правды, его же воздаст ми Господь праведный Судия в день он, не токмо же мне, но и всем возлюбльшим явление Его* (2 Тим. IV, 8); явлением Христовым называется здесь бывшее пришествие Его. А что Павла никто не превзойдет, это известно всякому. Если же Господь и не ясно сказал об этом, то не удивляйся тому. Удаляя их искусным образом от того, чтобы они безрассудно и напрасно не наскучивали Ему исканием первенства, — так как они побуждены были к тому страстью человеческой, — и вместе не желая опечалить их, Он достигает такой неясностью и того, и другого. *Тогда негодоваша десять о обою* (ст. 24, Марк. X, 41). Когда же — *тогда?* Когда Господь укорил искавших первенства. Пока Христос произносил Свой суд над ними, прочие не негодовали, но и видя, что тех предпочитают, оставались в покое и молчали, из стыда и почтения к Учителю; если же внутренне и скорбели, то не смели, однако, этого обнаружить. Подобным образом и на Петра, когда он отдал две дидрахмы, хотя и смотрели по-человечески, не негодовали, а только спросили: *кто болий есть* (Мф. XVIII, 1)? Но здесь, так как

просили сами ученики, они негодуют на них. Впрочем, и здесь не тотчас обнаружили свое негодование, когда те начали просить; но тогда уже, когда Христос укорил их и сказал, что они не получат первенства, если не окажут себя достойными его.

4. Видишь ли, как все они были несовершенны, — как эти двое, желавшие возвыситься над десятью, так и те, завидовавшие двоим? Но, я сказал уже: посмотри на их последующую жизнь, и ты увидишь их свободными от всех этих страстей. Послушай, как тот же Иоанн, который подходит теперь к Иисусу для испрошения первенства, всегда уступает его потом Петру и в проповеди, и в творении чудес, как то видно из Деяний Апостольских, и не скрывает его знаменитых дел, но упоминает и о его исповедании, которое он произнес тогда, когда все молчали, и о входе во гроб, и ставит этого апостола выше себя самого. Тогда как оба они были при Распинаемом, Иоанн, презирая собственную славу, говорит: *ученик же той бе знаем архиереови* (Ин. XVIII, 15). Что же касается Иакова, то он, хотя не долго жил, но и в самом начале так воспламенился ревностью, что презрел все человеческое, достиг высоты неизреченной и тотчас удостоился заклания мученического. Так после сделались все они совершенными во всех добродетелях; но тогда негодовали. Как же поступает Христос? *Призвав их*, говорится, рече: *князи язык господствуют ими* (Мф. XX, 25). Так как они смутились, то Господь прежде словесного убеждения успокаивает их самим призыванием и повелением подойти к Нему ближе. Так как те два ученика, отделившись от десяти, стояли ближе к Иисусу, разговаривая с Ним наедине, то Он подзывает и прочих, чтобы и этим самым, равно и тем, что желает открыть всем сказанное наедине, умерить страсть и тех и других. Впрочем, теперь Гос-

подь вразумляет учеников не так, как прежде. Прежде Он выводил на середину детей и повелевал ученикам подражать их простоте и смирению, а теперь в обличение их выставляет более резкое противоположение, говоря: *князи язык господствуют ими, и велицыи обладают ими. Не тако же будет в вас; но иже аще хощет в вас вящший быти,* сей *да будет* всем *слуга; и иже аще хощет быти первый, буди самый последний* (ст. 25–27). Этими словами Он показывает, что желать первенства свойственно только язычникам. Действительно страсть эта слишком насильственна; она постоянно удручает и великих людей, – потому требовала и сильнейшего отражения. Потому-то и Он поражает их в самой глубине сердечной, стыдя надмевающийся дух их сравнением с язычниками. В одних уничтожает зависть, а в других гордость, как бы так говоря им: не негодуйте на них, как обиженные: те, которые так ищут первенства, более посрамляют самих себя: они находятся в числе последних. У нас не то, что у язычников. *Князи язык господствуют ими,* а у Меня последний есть первый. А что Я говорю это не просто, смотри доказательство тому в Моей жизни: я сделал более, нежели сколько сказал. Будучи Царем высших сил, я восхотел быть человеком и подвергнуться презрению и поруганию; но и этим не удовольствовался, а пришел и на самую смерть. Потому далее и говорит: *якоже Сын человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити, и дати душу Свою избавление за многих* (ст. 29). Как бы так сказал: Я не остановился на том только, чтобы послужить, но и душу Свою отдал в искупление; и за кого же? За врагов. Ты, если смиряешься, смиряешься для себя самого, а Я смиряюсь для тебя. Итак, не опасайся потерять честь свою через это. Сколько бы ты ни смирялся, никогда не можешь смириться столько, сколько сми-

рился Владыка твой. Однако это уничижение Его сделалось возвышением для всех, и открыло славу Его. Прежде, нежели Он сделался человеком, известен был одним ангелам; а когда стал человеком и был распят, тогда не уменьшил ту славу, которую имел, но и приобрел новую, будучи познан вселенной. Не бойся же потерять честь свою от того, что ты смиряешься; смирением более возвысится и распространится слава твоя. Оно есть дверь к царствию. Зачем же идти в противоположную дверь? Зачем вооружаться против самих себя? Если мы захотим казаться великими, не сделаемся великими, но будем бесчестнее всех. Видишь ли, как Господь всегда старается на них подействовать примерами противными, но дает и то, чего они желают? Мы уже и прежде много раз замечали это. Так поступил Он с любостяжателями и с искателями суетной славы. Для чего, говорил Он, ты творишь милостыню перед человеки? Для того, чтобы наслаждаться славой? Не поступай таким образом, и ты насладишься этой славой вполне. Для чего ты собираешь сокровища? Для того, чтобы обогатиться? Не собирай сокровищ, и ты непременно обогатишься. Так поступает Он и здесь. Для чего ты, говорит Он, желаешь первенства? Для того ли, чтобы быть выше других? Избери же последнюю степень, и тогда получишь первенство; если желаешь быть великим, не ищи величия, — и тогда будешь велик. Унижение-то и составляет величие.

5. Видишь ли, как Он исцеляет их от их болезни, показывая им, что они на своем пути только теряют, а на этом приобретают, и побуждая таким образом одного удаляться, а другим идти? И об язычниках напоминает им для того, чтоб показать через это низость и гнусность честолюбия. Гордый необходимо унизится, а сми-

ренный, напротив, возвысится; величие смиренного есть величие истинное и подлинное, а не то, которое состоит в одних словах и наименованиях. Внешнее величие есть плод вынуждения и страха, а это подобно величию Божию. Снискавший это последнее, хотя бы никто ему и не удивлялся, остается велик; напротив приобретший только первое, хотя бы все раболепствовали перед ним, всех ниже. Честь, воздаваемая последними, воздается по принуждению, и потому легко теряется; а честь, которую воздают первому, зависит от доброго произволения, а потому и сохраняется постоянно. Так и святых мы почитаем за то, что они, будучи выше всех, перед всеми смиряли себя; потому-то они и доселе остаются высоки, и величия их не потребила и самая смерть. Если вы хотите, то мы подтвердим сказанное и доказательствами разума. Высоким называют кого-нибудь или тогда, когда он имеет высокий телесный рост, или когда стоит на высоком месте, а низким — в противных случаях. Теперь рассмотрим, кто действительно высок: гордый ли, или смиренный, — чтобы тебе удостовериться в том, что нет ничего выше смиренномудрия, и нет ничего ниже гордости. Гордый обыкновенно почитает себя выше всех и не признает никого равным себе, и какой бы он ни пользовался честью, всегда желает и домогается большей; думает, что он еще ничего не получал; презирает людей и ищет от них почтения. Что может быть безрассуднее этого? Это что-то загадочное: человек ищет себе почтения от тех, которых почитает за ничто. Видишь ли, как желающий вознестись ниспадает и пресмыкается долу. А что он всех людей почитает за ничто в сравнении с собой, он сам это ясно обнаруживает: таково именно свойство надменности. Итак, для чего же ты прибегаешь к тому, который ничего не стоит?

Для чего ищешь от него чести? Для чего имеешь при себе такое множество людей? Вот низкий, который и стоит на низком месте! Обратим же теперь внимание и на истинно высокого. Он знает, что значит человек; знает и то, что человек велик, и то, что сам он всех ниже. Потому, если пользуется и уважением, то почитает это за великое; он верен самому себе, постоянно высок, и никогда не переменяет своего мнения. Кого он признает великими, от тех и честь принимает за великое, хотя бы она была и не велика, потому только, что он их самих признает великими. Напротив, гордый тех, которые почитают его, почитает за ничто, а честь, которую они ему воздают, дорого ценит. Еще: смиренный не уловляется никакой страстью; его не может возмутить ни гнев, ни любовь к славе, ни зависть, ни ревность. А что может быть выше души, чуждой этих страстей? Напротив, гордый одержим всеми этими страстями, и пресмыкается, как червь в грязи. И зависть, и ненависть, и гнев постоянно волнуют его душу. Итак, кто же истинно высок: тот ли, кто господствует над страстями, или тот, кто раболепствует им? Тот ли, кто трепещет и страшится их, или тот, кто недоступен для них и никак ими не уловляется? Какая птица летает выше, скажем мы: та ли, которая носится выше стрел ловца, или та, которая и без стрелы поддается ловцу, потому что летает по земле и не может подняться на высоту? Таков точно и гордый: его каждый силок удобно ловит, потому что он пресмыкается по земле.

6. Если же ты хочешь, то можешь видеть то же и из примера злого духа. Что ниже диавола гордого, и что выше человека смиряющего себя? Тот пресмыкается по земле, находясь под нашей пятой (*наступите*, говорится, *на змию и на скорпию* – Лк. X, 19; Пс. XC, 13), а этот

находится с ангелами на небесах. Если же ты хочешь знать то же из примера людей гордых, то представь себе того варвара, который имел великое войско и не знал даже того, что всем известно, как например: что камень есть камень и идолы — идолы, а потому был ниже этих самых вещей. Напротив благочестивые и верные возносятся выше солнца; а потому, что может быть выше их? Они перелетают самые своды небесные и, оставив за собой ангелов, предстоят самому престолу Царя. Наконец, чтобы тебе еще более увериться в низости гордых, я спрошу тебя: кто унижается, — тот ли, кому вспомоществует Бог, или тот, кому Он противится? Итак, слушай, что говорит Писание о том и другом: *Бог гордым противится, смиренным же дает благодать* (1 Пет. V, 5). Еще спрошу тебя о другом: кто выше, — священнодействующий ли и приносящий жертву перед Богом, или тот, кто не имеет дерзновения приступить к Нему? Но ты скажешь: какую жертву приносит смиренный? Послушай Давида, который говорит: *жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. L, 19). Видишь ли чистоту смиренного? Обрати же внимание и на нечистоту гордого. Об нем говорит Писание: *нечист перед Богом всяк высокосердый* (Прем. XVI, 5). Притом, в первом обитает сам Бог: *на кого воззрю*, говорит Он, *токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. LXVI, 2), а последний мучится вместе с диаволом, — надменный потерпит то же, что и диавол. Потому и Павел говорит: *да не разгордевся в суд впадет диволь* (1 Тим. III, 6). Таким образом, с ним случится противное тому, чего он желает. Он хочет гордиться для того, чтобы его почитали; а между тем, если кто более всех подвергается презрению, то это он. Если кто подвергается насмешкам, вражде и ненависти у всех, если нападают на кого враги, если кто подвергается гневу, является нечистым перед Бо-

гом, — так это больше всего гордецы. Что же может быть хуже этого? Это — верх зол. Напротив, что любезнее смиренных? Что блаженнее их, когда они любезны и приятны Богу, да и у людей они же более наслаждаются славой: все почитают их как отцов, любят как братьев, принимают их как своих? Итак, будем смиряться, чтобы нам вознестись. От великой гордости происходит унижение и безумие. Так унижен был фараон. *Не вем Господа,* сказал он (Исх. V, 2; XIV, 24), и за это сделался презреннее мышей, лягушек и мух, и вскоре после того потонул с оружием своим и конями. Не то было с Авраамом: *аз же есмъ земля и пепел,* говорил он (Быт. XVIII, 27), и потому одержал победу над бесчисленными неприятелями; быв у египтян, возвратился от них с победой, славнейшей прежней, и снискав столь великую добродетель, навсегда остался великим. Потому-то его везде воспевают, ублажают и прославляют. А фараон — земля, пепел, и даже хуже того. Подлинно Бог ничего так не отвращается, как гордости. Потому-то он еще изначала так все устроил, чтобы истребить в нас эту страсть. Для этого мы соделались смертными, живем в печали и сетовании; для этого жизнь наша проходит в труде и изнурении, обременена непрерывной работой. Первый человек впал в грех от гордости, возжелав быть равным Богу, и за то не удержал и того, что имел, но лишился и того. Таковы плоды гордости! Она не только не доставляет нам никакой пользы, но лишает и того, что имеем. Напротив, смиренномудрие не только не отнимает у нас того, что имеем, но еще доставляет и то, чего не имеем. Итак, возревнуем об этой добродетели, потщимся стяжать ее, чтобы нам насладиться и в этой жизни честью, и приобрести будущую славу, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, держава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXVI

И когда выходили они от Иерихона, по Нем иде народ мног. И се два слепца седяща при пути, слышавша, яко Иисус мимоходит, возописта глаголюща: помилуй ны, Господи, сыне Давидов (Мф. XX, 29, 30)

1. Смотри, откуда идет Спаситель в Иерусалим, и где прежде этого находился: это, по моему мнению, стоит особенного внимания. В самом деле, почему оттуда прежде не пошел Он прямо в Галилею, но через Самарию? Но оставим это любопытным; кто захочет тщательно испытать, тот увидит, что Евангелист Иоанн делает на это достаточный намек и приводит причину. Что же касается до нас, мы будем говорить, что следует, и послушаем вышеупомянутых слепцов, которые были лучше многих зрячих. Они, не имея вожатого и не могли видеть приближающегося Господа, имели, однако, сильное желание дойти до Него, и начали кричать; и тогда как посторонние запрещали им это, они еще более усиливали свой вопль. Вот что значит душа сильная! Сами препятствия доводят ее до цели. И Христос не запрещал заграждать им уста, чтобы через это еще более обнаружилось их усердие, и чтобы ты знал, что они достойны были получить исцеление. От того Он и не спросил у них: *веруете ли?* — как обыкновенно поступал с другими. Самый крик и усердное желание подойти к Нему уже очень ясно всем показывали их веру. Отсюда-то научись, возлюбленный, что сколько бы мы ни были ничтожны, отвержены, но, с истинным усердием приходя к Богу, сами собой можем испросить у Него все, что ни потребуется. Посмотри, как и эти слепцы, не имея даже ни одного из апостолов на своей стороне, и еще от многих слыша запрещение, победили все препятствия, при-

шли к самому Иисусу; и хотя Евангелист не свидетельствует, чтобы их жизнь сколько-нибудь ручалась за их дерзновение, но вместо всего для них достаточно было одного усердия. Поревнуем и мы этим слепцам. Пусть Бог медлит ниспослать нам дары Свои, пусть многие отклоняют нас с пути молитвенного, — будем продолжать свою молитву: этим самым мы особенно и умилостивим Бога. Посмотри и здесь, как ни нищета, ни слепота, ни мысль слепцов, что они не будут услышаны, ни запрещение народа, — ничто не остановило их. Такова-то душа пламенная и терпеливая! Что же Христос? *Возгласи я и рече: что хощета да сотворю вама? Глаголаста Ему: Господи, да отверзутся очи наши* (ст. 32)! Для чего Он сделал такой вопрос слепцам? Для того, чтобы кто не подумал, что Он дает совсем не то, чего они хотят. Он везде наперед обыкновенно обнаруживал перед всеми доброе расположение просящих исцеления, и потом уже подавал исцеления, — с одной стороны для того, чтобы в других возбудить подобную ревность, с другой — для того, чтобы показать достоинство получающих дарование: так поступил он с женой хананейской, так поступил с сотником, так поступил и с женой кровоточивой; вернее, впрочем, будет сказать, что эта чудная жена даже предупредила вопрос Господа, и однако, Он и тут не оставил ее без внимания, но, исцелив, открыл другим сердце ее. Таким образом, Он везде старался сперва обнаружить совершенства приходящих к Нему, и представить их гораздо даже большими, чем они были на самом деле. Так сделал и здесь со слепцами. Затем, когда они высказали свое желание, Он, умилосердившись над ними, прикоснулся к ним. Это милосердие было единственной причиной всех врачеваний; по нему-то Он и в мир пришел. Тем не менее, хотя Христос был и воплощенная милость и благодать, Он искал

достойных. А что слепые были достойны, это видно как из их усиленного вопля, так и из того, что они, получив исцеление, не отстали от Христа, как делали многие не признательные к благодеяниям Его. Нет, эти слепцы не таковы: они и прежде дара постоянны, и после благодарны, — пошли вслед за Ним. *И егда приближишася в Иерусалим, и приидоша** *в Вифсфагию к горе Елеонстей, посла два ученика, глаголя: идита в весь яже прямо вама, и обрящета осля привязано, и жребя с ним: отрешивша приведита Ми. И аще вам кто речет что, речета, яко Господь ею требует: и абие послет я. Сие же бысть, да сбудется реченное пророком* Захариею, *глаголющим: рцыте дщери Сионове: се Царь твой грядет тебе кроток, и всед на осля и жребя сына подъяремнича* (XXI, 1–5). Часто и прежде Христос ходил в Иерусалим; но никогда не ходил с такой славой. Почему же так? Потому что тогда было еще начало строительства Его и сам Он не был столько известен; притом и время страданий еще не было близко. Поэтому он и жил, не отличаясь ничем от прочих, и по большей части скрывал Себя; иначе Его явление не было бы столь удивительно, а только бы возбудило в иудеях больший гнев. Когда же Он показал уже много опытов Своей силы, и крест был уже при дверях, тогда прославляет Себя решительнее и с большей торжественностью делает все, что могло воспламенить их. Конечно, это возможно было сделать и с самого начала, но было бы не нужно и бесполезно. А ты размысли со мной, сколько здесь чудес, и сколько исполнилось пророчеств? Христос сказал: *обрящете осля*; и тут же предрек, что никто не будет препятствовать, но лишь услышат — замолчат. Это служило немалым обвинением против иудеев: если Христос и незнакомых Ему и не видавших Его заставля-

* У Златоуста оба глагола стоят в форме единственного числа: и когда приблизился... и пришел...

ет отдавать свою собственность без всякого противоречия, и притом (не сам даже лично а) через учеников, то насколько же виноваты оказываются иудеи, которые, будучи свидетелями стольких чудес, Им совершенных, не верили Ему.

2. И не считай этого события маловажным. В самом деле, что заставило этих бедных людей, может быть, земледельцев, без всякого противоречия отдать свою собственность? И что я говорю, — без противоречия? Даже и не спрашивая, или спросив, замолчать и уступить? Если они ничего не сказали, когда уводили их скот, или, если и сказали что-либо, но услышав, что Господь его требует, уступили без всякого противоречия, то и другое равно удивительно, тем более, что они не видели Его самого, а только учеников. Через это Господь дает разуметь, что Он всячески мог воспрепятствовать и жестоковыйным иудеям, когда они пришли схватить Его, и сделать их безгласными; но только не захотел этого. С другой стороны, Он научает учеников жертвовать всем, чего бы Он ни потребовал; если бы Он повелел отдать самую душу, и ею они должны пожертвовать без всякого противоречия. В самом деле, если незнакомые Ему повиновались Его требованию, то тем более они должны жертвовать Ему всем. Далее: Христос исполнил здесь еще двоякое пророчество — пророчество дел, и пророчество словес: пророчество дел, когда воссел на осла; пророчество словес — Захарии пророка, который сказал, что Царь будет сидеть на осляти. Воссев на осля, Он исполнил это последнее пророчество и, в то же время прообразуя Своими действиями будущее, дал другое пророчество. Каким же образом? Он предвозвестил призвание нечистых язычников, — что Он в них почиет, что они приидут к Нему и за Ним последуют. Таким образом, пророчество следовало за пророчеством. Впрочем, Христос, по моему

мнению, не по этой только причине благоволил воссесть на осла, но и для того, чтобы подать нам правило жизни. Он не только исполнял пророчества и насаждал учение истины, но через это самое исправлял и нашу жизнь, везде поставляя нам за правило удовлетворять только крайним нуждам. Такое исправление нашей жизни Он везде имел в виду; так, когда благоволил родиться на земле, то не искал богато убранного дома, ни матери богатой и знаменитой, но избрал бедную, которая обручена была древоделателю; рождается в вертепе и полагается в яслях; избирая также учеников, избрал не ораторов и мудрецов, не богатых и славных, но и между бедными самых бедных, и нимало не знаменитых; равным образом, когда предлагал трапезу, то иногда предлагал хлеб ячменный, иногда перед самой только уже трапезой повелевал ученикам купить на рынке; вместо ложа употреблял траву; одеяние носил бедное, не отличающееся даже от одеяния самых простых людей; а дома даже и не имел; если Ему нужно было переходить с одного места в другое, то ходил пеший, и притом так, что иногда даже утомлялся; когда садился, не искал стула, ни мягкого возглавия, но сидел на голой земле, иногда на горе, иногда при источнике, и даже один; разговаривал и с самарянкой; также полагал меру и для самой печали: когда надлежало плакать, плакал тихо, повсюду, как я сказал, поставляя правила и границы, до которых позволительно доходить, но далее которых не должно идти. Так и теперь, если бы случилось, что кто-нибудь, по немощи, имел нужду в животном, то Христос и в этом случае сделал ограничение, показывая, что не на конях, не на мулах надобно мчаться, но должно довольствоваться ослом, и никогда не простираться далее необходимого. Но посмотрим, как сбываются пророчества – и словами, и самым делом. Какое же это пророче-

ство? *Се Царь твой грядет тебе кроток, всед на осля и жребя юна.* Не на колеснице едет, как обыкновенно поступают другие цари, не требует дани, не наводит Собой страха, не имеет копьеносцев, но и здесь показывает величайшую кротость. Спроси у иудея: был ли какой-нибудь царь, который бы на осляти въезжал в Иерусалим? Он не может указать тебе никого, кроме только Христа. Но Он, как я выше сказал, делал это в предзнаменование будущего. Здесь через осленка означается Церковь и народ новый, который был некогда нечист, но после того, как воссел на нем Иисус, сделался чистым. Заметь же, какая точность во всем преобразовании. Ученики отвязывают подъяремников: и иудеи, и мы призваны в новоблагодатную Церковь через апостолов, введены в нее тоже через апостолов. Наша блаженная и славная участь и в иудеях возбудила ревность: осел идет позади осленка. И действительно, после того, как Христос воссядет на язычников, тогда и иудеи, по чувству соревнования, придут к Нему, что ясно показывает Павел, говоря: *яко ослепление от части Израилеви бысть, дондеже исполнение языков внидет: и тако весь Израиль спасется* (Рим. XI, 25, 26). Итак, из сказанного видно, что это было пророчество. В противном случае не нужно бы было говорить пророку так подробно о возрасте осла. И не это только видно из сказанного, но и то, что апостолы приведут их без труда. И действительно, как здесь никто не препятствовал апостолам, когда они повели животных, так никто не мог воспрепятствовать им и в призвании язычников, когда они их уловляли. Далее: Христос садится не на нагого осленка, но на покрытого одеждой апостолов: это потому, что апостолы, взяв осленка, и свое все уже отдают, как и Павел говорит: *аз же в сладость иждиву и иждивен буду по душах ваших* (2 Кор. XII, 15). Но обрати внимание и на послушание осленка, на то, как он, вов-

се не обученный и не знавший еще узды, не помчался быстро, но шел тихо и спокойно. И это служило предзнаменованием будущего, выражая покорность язычников и скорую их перемену к благоустроенной жизни. Все это совершилось словом: *отрешивше, приведита Ми*; и беспорядочное пришло в благоустройство, и нечистое сделалось чистым.

3. Но смотри на низость иудеев! Прежде, когда Христос так много делал чудес, они никогда столько Ему не удивлялись; теперь же, видя стекающийся народ, удивляются. *Потрясеся*, говорится, *весь град, глаголя; кто есть сей? Народи же глаголаху: сей есть Иисус пророк, иже от Назарета Галилейска* (ст. 10, 11). И здесь, когда, по-видимому, они говорили нечто высокое, их мысль была земная, самая низкая, пресмыкающаяся. Впрочем, Христос делал это не из тщеславия, но для того, чтобы, как я сказал, и пророчество исполнить, и преподать назидательное наставление, а вместе с тем и утешить учеников, сетующих о Его смерти, давая и то знать, что Он все это терпит добровольно. Ты же подивись тому, с какой точностью все предсказано пророками: иное Давидом, а иное Захарией. Будем и мы поступать так же, будем воспевать Его и подавать одежду тем, которые носят Его. В противном случае чего мы будем достойны? Если тогда, при входе Христа во Иерусалим, одни покрывали одеждой своей ослицу, на которой Он сидел, а другие постилали одежды ей под ноги, то неужели мы, которым повелено не только снимать одежды с себя, но и истощать все свое ради других, не окажем никакой щедрости, видя Его обнаженным? Там народ впереди и позади сопровождал Его: зачем же мы отсылаем Его, даже прогоняем с оскорблением, когда Он сам приходит к нам? Какого это достойно наказания, какого отмщения! Приходит к тебе нуждающийся Владыка, а ты не хочешь и выслу-

шать Его просьбы, но еще осуждаешь и поносишь Его, слыша такие слова Его! Но если ты и на один хлеб и на несколько денег так бережлив, неподатлив и скуп, то что бы было с тобой, если бы потребовали от тебя всего? Не видишь ли ты, как наделяют распутных женщин тщеславные люди в театре? А ты и половины этого, а часто и десятой доли, не подаешь. Когда диавол повелевает давать кому попало, и за это между тем готовить геенну, ты даешь; а когда Христос повелевает давать нищим, обещая за это царствие, ты не только не подаешь, но еще обижаешь. Ужели ты согласишься лучше слушать диавола, чтобы подвергнуться мучению, нежели повиноваться Христу, чтобы получить спасение? Что может быть хуже такого безумия? Один готовит геенну, другой — царствие: и вы, оставив этого, бежите к тому. Когда Христос приходит к вам, вы Его отсылаете, а диавола сами приглашаете издалека. Это похоже на то, как если бы царь, предлагая порфиру и диадему, не склонил бы нас на свою сторону; а разбойник, потрясая мечом и угрожая смертью, успел бы то сделать. Итак, размышляя об этом, возлюбленные, откроем глаза свои хотя теперь, и начнем бодрствовать. Признаюсь, мне уже стыдно говорить о милостыне, так часто повторяя о ней и не видя плодов проповеди. Правда, против прежнего вижу больше плодов, но не столько, однако, сколько бы желал. Вижу, что вы сеете, но не щедрой рукой; потому я опасаюсь, чтобы вы скудно и не пожали. А что мы сеем скудно, для того исследуем, если угодно, кого больше в городе: бедных или богатых, и много ли таких, которые ни бедны, ни богаты, но занимают середину между ними? Я полагаю, что десятая часть богатых и десятая бедных, вовсе ничего не имеющих; а прочие — посредственного состояния. Итак разделим число всех жителей города на число бедняков, и вы увидите, ка-

кой будет стыд. Весьма богатых мало, но достаточных много; бедных же гораздо меньше в сравнении с ними. Между тем при таком числе богатых, которые могли бы питать алчущих, многие засыпают голодными, — не потому, чтобы достаточные люди не могли легко удовлетворить нуждам их, но потому, что жестоки и бесчеловечны. В самом деле, если бы богатые и следующие после них разделили между собой нуждающихся в хлебе и одежде, то едва ли бы на пятьдесят или на сто человек достался один бедный. И однако бедняки, несмотря на столь великое количество людей, которые в состоянии помогать им, всякий день плачут. Чтобы видеть бесчеловечие богатых, стоит тебе только обратить внимание на то, как многим вдовицам и девам доставляет нужное содержание Церковь, которая получает доходу не более, чем сколько получает один самый богатый и один не так богатый. В самом деле, число содержимых Церковью простирается до трех тысяч. Кроме того, она содержит заключенных в темнице, находящихся в гостинице, как больных, так и здоровых, чужестранцев, калек, сидящих при храме ради пищи и одежды, и других, просто приходящих каждодневно, и между тем она не оскудевает. Итак, если бы только десять человек захотели столько же на них издержать, то ни одного не было бы нищего.

4. Вы скажете: что же останется в наследство нашим детям? Главный капитал останется, и дохода прибавится, потому что для них соберется сокровище на небеси. Но если вы не хотите таким образом употреблять свое имение для бедных, то хотя половину отделяйте им от него, или третью часть, или четвертую, или пятую, или даже десятую. При помощи благодати Божьей и в таком случае наш город в состоянии был бы пропитывать бедных из десяти городов. И это я мог бы доказать, если б было ваше на то желание; впро-

чем, нет нужды и доказывать, потому что до очевидности ясно, как легко это сделать. Смотрите, как много издерживает часто один дом на городские повинности, и между тем нимало даже и не примечает ущерба. Если бы каждый из богатых пожелал совершать подобное служение по отношению к бедным, то вскоре бы восхитил небо. Итак, какое мы можем иметь прощение, какой предлог к извинению, когда мы того, что необходимо должны оставить при переселении отсюда, не раздаем нуждающимся и с такой щедростью, с какой другие расточают для лицедеев, между тем как мы могли бы собрать от этого великие плоды? Если б мы и навсегда здесь оставались, то и тогда не надлежало бы нам жалеть об этой прекрасной трате; но если через несколько времени должны будем переселиться отсюда и притом без всего — нагими, то какое можем иметь оправдание в том, что не уделяем от своих доходов голодным и утесненным? Я не заставлю тебя уменьшить имение, не потому, чтоб я этого не желал, но потому, что мало вижу в тебе к этому расположения. Итак, не об этом уже говорю тебе; но уделяй хотя из прибытков и не скрывай из них ничего. Довольно с тебя, что у тебя есть как бы источник, из которого текут денежные доходы; сделай же участниками в них нищих, и будь добрым распорядителем в данном тебе от Бога. Скажешь: я плачу подати. Итак, ты потому пренебрегаешь бедняков, что никто от тебя не требует этого настоятельно? Почему требующему у тебя дани и, может быть, с насилием принуждающему ты не смеешь отказать, принесет ли земля тебе плоды, или нет, а нищему, который с кротостью у тебя просит, и то только во время плодородия, ты не отвечаешь и словом? Кто же тебя избавит некогда от нестерпимых мучений? Никто. Если ты потому только заботишься об уплате подати, что не платящего ее здесь строго нака-

зывают, то знай, что там готовятся наказания еще жесточе: не узы, не темница, но вечный огонь. Итак, прежде всего заплатим эти подати. Это и сделать весьма легко, и награда за это больше, и пользы больше; а если останемся к этому нечувствительны, то нас ожидает и наказание несравненно тягостнейшее, наказание вечное. Если ты скажешь, что тебе надобно давать на содержание воинов, сражающихся за тебя с неприятелями, то и здесь есть воинство – нищие, и здесь – сражение, которое они за тебя совершают. Приняв милостыню, они умилостивляют Бога своими молитвами, а умилостивляя Бога, они разрушают наветы не варваров, а демонов, – и не допускают лукавому духу усиливаться и делать на тебя непрестанные нападения, но ослабляют его силу.

5. Итак, видя этих воинов, прошениями и молитвами каждодневно за тебя сражающихся с диаволом, вытребуй с себя прекрасную эту дань – пропитание их. Царь небесный, по Своей кротости, не приставил к тебе истязателей, а хочет, чтобы ты сам добровольно подавал. Подаешь ли ты немного, – Он примет; если по бедности отложишь ненадолго, – Он неимущего не принуждает. Однако не будем пренебрегать долготерпением Его; будем сокровиществовать себе не гнев, а спасение, не смерть, а жизнь, не наказание и мучение, а честь и венцы. Здесь нет нужды платить за переправу вносимого нами; не нужно менять деньги. Твое дело – подать: сам Владыка перенесет это на небо; Он сам сделает для тебя выгоднейший оборот. Здесь не надобно искать человека, который бы перевез вносимые деньги: только подай, и тотчас твое подаяние восходит не на содержание других воинов, а для сбережения и приращения в твою же пользу. Здесь, на земле, если ты что-нибудь дашь, то взять назад уже не можешь; там, напротив, получишь свое с великой честью и приобре-

тешь большие и духовнейшие выгоды. Здесь даваемое есть нечто вытребованное, там — прибыль, заем и долг. Сам Бог дал тебе расписку, сказав: *милуяй нищаго, взаим дает Богови* (Притч. XIX, 17). Дал тебе также и залог и поруку, несмотря на то, что Он Бог. Какой же залог? Все блага настоящей жизни, и чувственные и духовные, как начатки благ будущих. Итак, почему находишься в нерешимости и медлишь, тогда как ты уже столько получил и столько еще ожидаешь? Полученные тобой блага суть следующие: Он образовал тебе тело, Он вложил в тебя душу, почтил тебя одного на земле умом, дал тебе право на обладание всем видимым, сообщил тебе познание о Себе, предал за тебя Сына, даровал тебе крещение, в котором одном источается столько благ, предложил тебе священную трапезу, обещал тебе царствие и блага неизреченные. Итак, и получив и еще ожидая столько благодеяний, (опять скажу то же), зачем ты столько дорожишь непрочным имением? И какое будешь иметь оправдание? Неужели надеешься извиниться тем, что у тебя есть дети? Но ты и их научи приобретать таковые выгоды. Если бы твои деньги, отдаваемые кому-либо взаймы, приносили прибыль, и должник был бы человек честный, то без сомнения во сто раз лучше сделаешь, если вместо золота вручишь сыну расписку, потому что таким образом деньги будут приращаться и он не принужден будет снова искать таких людей, которые бы могли у него взять их в долг. Так и теперь дай эту расписку детям и оставь им должником Бога. Ты и сам не продаешь деревни, а оставляешь детям, и это делаешь с тем намерением, чтобы сохранялись доходы, а через это увеличилось бы для них имение: отчего же опасаешься оставить им такое рукописание, которое выгоднее всяких деревень и всяких доходов, и которое столько приносит пользы? Какая глупость и какое не-

разумие! Тем более, когда ты совершенно знаешь, что хотя и оставляешь эту расписку детям, но и сам в свою очередь по ней получишь. Таковы духовные блага, — они весьма обильны. Не будем же так убоги, так безжалостны и жестоки к самим себе, но будем заниматься этой прекрасной куплей для того, чтобы и самим по отшествии своем получить, и детям своим оставить, и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXVII

И войдя Иисус в церковь, изгна вся продающия и купующия в церкви, и трапезы торжником испроверже, и седалища продающих голуби. И глагола им: писано есть: храм Мой храм молитвы наречется, вы же сотвористе и вертеп разбойником (Мф. XXI, 12, 13)

1. Об этом говорит и Иоанн, только говорит в начале Евангелия, а Матвей в конце. Поэтому, вероятно, что так случилось два раза, и притом в разное время. Это видно и из обстоятельств времени, и из ответа иудеев Иисусу. У Иоанна говорится, что это случилось в самый праздник Пасхи, а у Матфея — задолго до Пасхи. Там говорят иудеи: *кое знамение являеши нам* (Ин. II, 18)? а здесь молчат, хотя Христос и укорил их, — молчат потому, что все уже дивились Ему. Тем большего достойны обвинения иудеи, что Христос не один раз делал это, а они все еще не переставали торговать в храме, и называли Христа противником Божиим, тогда как и отсюда должны были видеть честь, воздаваемую Им Отцу, и собственное Его могущество. Они видели, как

Он и чудеса творил, и как слова Его согласны с делами Его. Но они не убеждались и этим, а негодовали, несмотря и на то, что слышали пророка, говорящего об этом, и отроков, не по летам своим прославлявших Иисуса. Потому Он, обличая их, приводит слова пророка Исаии: *дом Мой дом молитвы наречется.* И не этим только показывает Христос Свою власть, но и тем, что исцеляет различные болезни. *Приступиша*, говорится, *к Нему хромии и слепии, и исцели их* (Мф. XXI, 14). И здесь Он являет Свою силу и могущество. Но иудеи не трогались и этим, но видя и последние чудеса Его, и слыша отроков, прославляющих Его, сильно негодовали и говорили Ему: *слышиши ли, что сии глаголют?* (ст. 16). Христу лучше бы надлежало сказать им: *слышите ли, что сии глаголют?* Ведь отроки воспевали Его, как Бога. Что же Христос? Так как иудеи противоречили столь очевидным знамениям, то Христос, чтобы сильнее обличить их и вместе исправить, говорит: *несте ли чли: из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу* (ст. 16)? И хорошо Он сказал — *из уст,* так как слова их происходили не от разума их, но Его же сила двигала несовершенным еще языком их. Это изображало также и язычников, которые прежде немотствовали, но потом вдруг начинали вещать великие истины убедительно и с верой, — и вместе немало утешало и апостолов. Именно, чтобы апостолы не сомневались, как они, будучи людьми простыми и необразованными, могут проповедовать народам, отроки наперед истребили в них всякое беспокойство и внушили им твердую надежду, что Тот, кто научил отроков прославить Господа, сделает и их красноречивыми. Это чудо показывало также, что Он есть Господь природы. Дети, еще не достигшие зрелого возраста, вещали великое и достойное неба; а мужи говорили слова, исполненные всякого безумия. Такова-то злоба! Итак, поелику много было причин, от которых

раздражались иудеи, например, толпы народа, изгнание из храма торгующих, чудеса, пение отроков, то Христос опять оставляет их, чтобы утишить их гнев, и не хочет предлагать им Своего учения, чтобы они, снедаемые завистью, не пришли еще в большее негодование от Его слов.

Утру же, возвращся во град, взалка (ст. 19). Почему же Он алчет утром? Уступая требованиям плоти, Он этим показывал немощь ее. *И узрев смоковницу на пути, прииде к ней, и ничтоже обрете, токмо листвие едино.* Другой Евангелист говорит: *не убо бе, время* (Мк. XI, 13). Если же не пришло еще время собирания смокв, то как же этот другой Евангелист говорит: *прииде, аще убо обрящет плод на ней?* Очевидно, это сказано Евангелистом потому, что так думали ученики, которые еще не были совершенными. Евангелисты часто излагают мысли учеников. И не только это думали ученики, но и то, что смоковница проклята потому, что на ней нет плодов. Итак, для чего же смоковница проклята? Ради, учеников, – именно, чтобы их ободрить. Так как Христос всегда благодетельствовал и никого не наказывал, между тем надлежало Ему показать и опыт Своего правосудия и отмщения, чтобы и ученики, и иудеи узнали, что Он хотя и мог иссушить, подобно смоковнице, своих распинателей, однако же добровольно предает Себя на распятие, и не иссушает их, то Он и не захотел показать этого над людьми, но явил опыт Своего правосудия над растением. Итак, когда подобное случается или с какими-либо местами, или с растениями, или с бессловесными животными, то не любопытствуй. Не говори: если еще не наступило время собирания плодов со смоковницы, то правосудно ли она иссушена? Такие слова крайне безрассудны. Лучше взирай на чудо, и дивись и прославляй чудодействующего. Так многие и судят о потоплении свиней, – отыскивая здесь причину правосудия. Но

и в этом случае не должно их слушать. Как растения бездушны, так и животные без разума. Итак почему дан такой вид делу и почему эта именно причина проклятия? Это, как я уже и прежде сказал, описано Евангелистом так, как думали ученики. Если же не настало еще время собирания плодов, то напрасно некоторые говорят, будто под смоковницей изображается закон. Плодом закона была вера; и этот плод закон уже принес, и время собирать этот плод тогда уже наступило. *Нивы,* сказано, *плавы суть к жатве уже;* и: *Аз послах вы жати, идеже вы не трудистеся* (ст. 2).

2. Итак, здесь не указывается на закон, но, как я уже сказал, Христос, проклиная смоковницу, представляет этим доказательство Своей силы и власти к отмщению; и это видно именно из слов: *не у бо бе время.* Слова эти показывают, что Христос подошел к смоковнице с особым намерением, не для того, чтобы утолить голод, но ради учеников, которые весьма удивились тому, что смоковница засохла, хотя много было чудес и важнее этого. Но для учеников, как я сказал, такое чудо было новым и неожиданным, потому что Христос в первый еще раз показал Свое правосудие и отмщение. Поэтому Господь сотворил чудо не над другим каким-либо деревом, но над смоковницей, — деревом, которое сочнее всех, так что чудо показалось от этого еще более необыкновенным. Но, чтобы ты знал, что это сделано ради учеников, именно для ободрения их, — выслушай следующие слова. Что Христос говорит? Вы и большие чудеса сделаете, если будете иметь веру, соединенную с молитвой и упованием. Видишь ли, что все для учеников было сделано, чтобы они не страшились и не трепетали вражеских козней? Потому и в другой раз повторяет то же, чтобы утвердить их в вере и молитве. Не только это сделаете, говорит Он, но силой веры и молитвы и горы будете переставлять, и творить другие,

еще большие чудеса. Между тем гордые и надменные иудеи, желая прервать беседу с учениками, подошли к Нему с вопросом: *коею властью сия твориши?* (ст. 23). Так как иудеи не могли унизить Его чудес, то выставляют Ему поступок Его в храме с торжниками. Подобный вопрос предложили они и у Евангелиста Иоанна, хотя не теми же словами, но в том же смысле. Они там говорят: *кое знамение являвши нам яко сия твориши* (Ин. II, 18)? Там Христос отвечает им: *разорите церковь сию, и треми денми воздвигну ю* (ст. 19), а здесь Он приводит их в крайнее затруднение. Отсюда очевидно, что случай, описываемый Иоанном, был в начале служения Иисуса, когда Он только что начал творить чудеса, а описываемый Матфеем был при конце его служения. Смысл же вопроса иудеев был такой: получил ли Ты кафедру учительскую, или рукоположен во священника, что выказываешь такую власть? Хотя Христос ничего не сделал, что бы показывало гордость, а только проявил заботу о благочинии церковном, однако иудеи, не имея совершенно ничего сказать против Иисуса, ставят Ему в вину и это. Впрочем, по причине чудес они не смели ничего сказать Ему в то время, когда Он изгнал торжников из храма; но укоряют Его уже после, когда увидели Его. Что же Христос? Он не прямо отвечает на их вопрос, показывая тем, что они могли знать о Его власти, если бы захотели, — но Сам спрашивает их, говоря: *крещение Иоанново откуду есть? С небесе ли, или от человек?* (ст. 25). Но как это относится к делу? спросишь ты. И очень. Если бы они сказали: *с небесе*, Он отвечал бы им: *по что убо не веровасте ему?* потому что, если бы верили, то и не спросили бы об этом, так как о Нем говорил Иоанн: *несмь достоин отрешити ремень сапогу Его* (Лк. III, 16); и еще: *се Агнец Божий, вземляй грех мира* (Ин. I, 29); и также: *сей есть Сын Божий* (там же, ст. 34); и еще: *грядый свыше, над всеми есть* (Ин. III, 31); и опять; *лопата в*

руку Его, и отребит гумно Свое (Мф. III, 12). Поэтому, если бы иудеи поверили Иоанну, то не было бы никакого затруднения для них знать, какой властью Христос делает это. Далее, так как иудеи с лукавством отвечали Ему: *не вемы*, то Христос не сказал им: и Я не знаю; но что же? *Ни Аз вам глаголю* (ст. 27). Если бы они в самом деле не знали, то надлежало бы научить их; но так как они поступали лукаво, то Христос справедливо ничего не отвечает им. Почему же иудеи не сказали, что крещение Иоанново было *от человек?* Боялись народа, сказано. Видишь ли развращенное сердце? Богом всюду пренебрегают, а для людей все делают. И Иоанна боялись ради людей, уважая святого мужа не ради него самого, но ради народа; ради народа они не хотели веровать и в Иисуса Христа, – и вот где источник всех зол для них! Далее, Иисус Христос говорит им: *что ся вам мнит? Человек имяше два сына, и первому рече: иди, днесь, делай в винограде моем. Он же отвещав рече: не хощу, последи же раскаявся, иде. И приступи к другому рече такоже. Он же отвещав рече: аз, Господи, и не иде. Кий от обою сотвори волю отчу? Глаголаша: первый* (ст. 28–31). Христос опять притчами обличает иудеев, намекая как на неповиновение их, так и на покорность отверженных прежде язычников. Здесь под двумя сыновьями разумеется то, что случилось с язычниками и иудеями. Первые, не давая обещания в послушании и не слышав закона, самым делом оказывали повиновение; а последние, хотя говорили: *вся, елика рече Бог, сотворим и послушаем* (Исх. XIX, 8), на деле не оказывали покорности закону. Поэтому, чтобы иудеи не подумали, что закон приносит им пользу, Христос показывает что это-то самое и осуждает их. Согласно с этим говорит и Павел: *не слышателие закона праведни пред Богом, но творцы закона, сии оправдятся* (Рим. II, 13). Поэтому, для того, чтобы иудеи осудили сами себя,

Спаситель заставляет их самих произнести приговор. Так же точно Он делает и в следующей притче о винограде.

3. Здесь Христос заставляет иудеев также осудить самих себя в другом лице. Так как они не хотели прямо сознаться в своей вине, то Христос притчей доводит их до предположенной цели. Когда же они, не понимая цели притчи, произнесли приговор, тогда Он уже открывает им самый смысл притчи, и говорит: *яко мытари и любодейцы варяют вы в царствии Божием. Прииде бо к вам Иоанн путем праведным, и не веровасте ему, мытари же вероваша ему; вы же видевше, не раскаястеся последи веровати ему* (ст. 31, 32). Если бы Он просто сказал: блудницы прежде вас войдут в царство Божие, то Его слова показались бы им тяжкими; но теперь, когда сами они объявили свое мнение, то слова Его для них кажутся не так тяжкими. Для этого же Он приводит и причину. Какую же? *Прииде Иоанн,* говорит Он, *к вам,* а не к ним, и притом *путем праведным.* Вы не можете обвинять его, как человека нерадивого и бесполезного. Он вел и жизнь безукоризненную, и имел большую попечительность; и однако вы не послушали его. После этого следует другое осуждение, то есть, что мытари уверовали; затем еще обвинение, именно: вы даже и после них не поверили ему, а это вам надлежало сделать прежде мытарей; то же, что вы не сделали этого даже и после них, не заслуживает никакого прощения, и потому мытарям большая похвала, а вам — осуждение. Иоанн пришел к вам — и вы не приняли его; он не приходил к мытарям — и они приняли его, а вы не вразумились их примером. Заметь, как много доказательств является к похвале мытарей и осуждению иудеев. К вам пришел Иоанн, говорит Он, а не к ним; вы не поверили — это их не соблазнило; они поверили — это вам не принесло

пользы. Слово же: *варяют* не потому сказано, что иудеи последуют мытарям, но что и они, если захотят, могут войти в царствие Божие. Подлинно, ничто так не возбуждает грубых людей, как ревность. Поэтому Христос всегда говорит: последние будут первыми, и первые последними. Для того и представляет Он в пример блудниц и мытарей, чтобы иудеи возревновали. Грех блудниц и грех мытарей — два величайшие греха, происходящие от грубой любви, в первом случае к телу, в последнем — к деньгам. Притом Христос научает, что верить Иоанну значит истинно повиноваться закону Божию. Итак, блудницы входят в царствие Божие не по одной благодати, но и по правде, потому что входят они не как уже блудницы, но как послушные и верующие, чистые и переменившиеся. Видишь ли, как Христос сперва притчей, а потом указанием на блудниц делает слово Свое не столь тяжким для иудеев, а между тем весьма сильным? Он не вдруг сказал им: почему вы не поверили Иоанну? но — что было гораздо поразительнее — сперва указывает на мытарей и блудниц, а потом уже говорит это, самими делами доказывая, что иудеи были недостойны прощения, и показывая, что они делают все из боязни к людям и ради суетной славы. Действительно, они и во Христа не веровали из-за страха, чтобы не быть отлученными от синагоги; равно и Иоанна не осмеливались охуждать, не по благочестию, но также по страху. Обличив иудеев во всем этом, Христос наконец наносит им самый тяжкий удар, говоря: *вы же видевше не раскаястеся последи веровати ему*. Худо не делать доброго в самом начале; но еще большего осуждения достоин тот, кто и после не исправляется. Это особенно делает многих нечестивыми. Я даже и теперь вижу, как то же самое случается с некоторыми по причине крайнего их жестокосердия. Но пусть

никто не будет таким бесчувственным, и если бы даже кто впал в величайшее нечестие, пусть и тогда не отчаивается в своем исправлении; легко выйти из самой глубокой бездны нечестия.

Или вы не слыхали, как одна блудница, превосходившая всех своим распутством, после превзошла всех благочестием? Не о евангельской блуднице я говорю, но о той, которая на нашем веку была в финикийском городе, самом беззаконном. Эта блудница была некогда и у нас, считалась первой актрисой в театре, и имя ее повсюду было известно, и не в нашем только городе, но даже у киликийцев и каппадокиян. Она многих разорила; многих пустила сиротами; многие даже подозревали ее в чародействе, будто она завлекала в свои сети не только красотой телесной, но и колдовством. Эта блудница прельстила даже брата царицы: так велика была ее сила! Но вдруг, — не знаю каким образом, только знаю верно, — она добровольно переменилась, привлекла на себя благодать Божию, презрела все прежнее и, бросив диавольское очарование, прибегла к небу. И хотя не было никого бесстыднее ее, когда она была на сцене, однако после она многих превзошла своим великим целомудрием, — и одетая во вретище, она подвизалась так всю свою жизнь. И когда начальник города, по наущению некоторых людей, хотел возвратить ее на сцену, то посланные им воины с оружием не могли привести ее назад и взять от дев, которые приняли ее к себе. Удостоенная неизреченных таин, явив ревность, достойную благодати, она кончила жизнь, омытая от всех грехов, и после крещения являла уже великое благочестие. Она даже не хотела взглянуть на прежних своих приятелей, приходивших к ней, и, заключившись в уединении, многие годы провела как бы в темнице. Так первые будут по-

следними, и последние первыми! Так нам нужно быть всегда ревностными, — и тогда ничто не воспрепятствует сделаться нам великими и дивными.

4. Итак, никакой грешник не должен отчаиваться, равно как и добродетельный человек не должен предаваться беспечности. И пусть последний не надеется на себя, так как может случиться, и очень часто случается, что блудница предварит его. Равно и грешник пусть не отчаивается, и ему еще возможно превзойти даже первых. Послушай, что говорит Бог Иерусалиму: *рекох повнегда прелюбодействовати ему во всех сих: ко Мне обратися: и не обратися* (Иер. III, 7). Когда мы с пламенной любовью обращаемся к Богу, то Он не поминает прежних наших грехов. Бог — не как человек: Он не укоряет уже в том, что прошло, и, когда мы раскаиваемся, не говорит нам: для чего вы столько времени удалялись от Меня? но уже любит нас, когда мы приходим к Нему, если только приходим к Нему как должно. Итак, соединимся с Господом пламенной любовью; *пригвоздим страху Его* сердца наши. Примеры подобного рода можно видеть не только в Новом, но и в Ветхом Завете. Кто был хуже Манассии? Но он смог умилостивить Бога. Кто был счастливее Соломона? Но он, предавшись беспечности, пал. Я могу даже показать и то и другое в одном лице, именно в лице Соломона: он был и добродетелен, и грешен. Кто был блаженнее Иуды? Но он сделался предателем. Кто был хуже Матфея? Но он сделался евангелистом. Кто был более достоин сожаления, как не Павел? Но он сделался апостолом. Кто был ревностнее Симона? Но и он сделался несчастнее всех. Сколько можно видеть и других примеров подобных перемен, бывших и в древние времена, и ныне случающихся каждый день! Поэтому-то я говорю, что ни тот, кто играет на сцене, не дол-

жен отчаиваться, ни тот, кто остается верным сыном Церкви, не должен быть самонадеянным. Господь говорит последнему: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. X, 12); а первому: *еда падаяй не возстает* (Иер. VIII, 4)? И еще: *укрепите руце ослабленыя и колена разслабленая* (Ис. XXXV, 3). *Бодрствуйте*, говорит Он опять благочестивым; а нечестивым: *востани спяй, и воскресни от мертвых* (Еф. V, 14). Одни должны хранить то, что имеют; другие должны приобретать то, чего не имеют. Одни должны сберечь свое здоровье, другие — излечиться от болезни, так как много страждут. Но многие и больные возвращают себе здоровье, и здоровые, при беспечности, впадают в болезнь. Поэтому Господь говорит одним: *се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет* (Ин. V, 14); а другим: *хощеши ли цел быти? Востав, возми одр твой и иди в дом твой* (там же, ст. 6, 8; Мф. IX, 6). И подлинно, грех есть тяжкий, очень тяжкий недуг расслабления, или, лучше — не такой только этот недуг, но нечто еще и более тяжелое. Такой человек не только не делает ничего доброго, но делает еще злое. Впрочем, хотя бы находился ты и в этом состоянии, если захочешь несколько восстать, весь недуг твой пройдет. Хотя бы тридцать восемь лет ты страдал, если только пожелаешь быть здоровым, ничто не воспрепятствует. И ныне предстоит Христос и говорит: *возми одр твой*! Только пожелай восстать, не отчаивайся. Ты не имеешь человека? Но имеешь Бога. Ты не имеешь, кто бы опустил тебя в купальню? За то имеешь Того, Кто и не допустит тебя иметь нужду в купальне. Ты не имеешь, кто бы помог тебе? Но за то имеешь Того, Кто повелевает тебе взять одр. А потому ты и не можешь теперь сказать: *егда прихожду аз, ин прежде мене слазит* (Ин. V, 7). Если захочешь только сойти на источник, никто не

воспрепятствует. Благодать не истощается, и не оскудевает. Этот источник струится беспрестанно, и от полноты его мы можем исцелить и души, и тела наши. Итак, приступим же теперь. И Раав была блудницей, однако она спаслась; и разбойник был человекоубийцей, но и он поселился в обителях райских. Иуда, будучи с учителем, погиб, а разбойник, будучи и на кресте, сделался учеником. Так непостижимы пути Божии! Волхвы угодили Богу, мытарь сделался евангелистом, гонитель Бога — апостолом.

5. Представляй это и никогда не отчаивайся, но всегда надейся и ободряй самого себя. Спеши только скорее вступить на путь, ведущий на небеса, чтобы не заключены были для тебя двери и не загражден вход. Коротко настоящее время, и труд невелик, но если бы даже он был и велик, то и в таком случае не нужно от него отрекаться. Хотя бы ты не трудился на этом лучшем поприще, поприще покаяния и добродетели, все-таки ты должен трудиться и бедствовать в мире иным образом. Если же и здесь и там нужно трудиться, то почему же не избрать для себя того труда, который приносит и плоды обильные, и награду великую? Впрочем, никак нельзя сравнивать труд для добродетели и труд для мира. В трудах житейских беспрерывные опасности, беспрестанные потери, обманчивая надежда, великое раболепство, изнеможение души и тела, трата денег, — а между тем плоды наших трудов, даже и в том случае, если они действительно бывают, далеко не соответствуют нашим ожиданиям. Не всегда труды наши в делах житейских приносят плоды. Но положим, что труды наши и не останутся без успеха, но принесут великие плоды; все же плоды эти будут на короткое время. Труды твои вознаграждены будут под старость твою, когда ты совершенно не в силах будешь на-

слаждаться плодами их. Ты трудишься в цветущих летах; а плоды собираешь и наслаждаешься ими в старости, когда сделаешься дряхлым, когда время притупит чувства твои, а если и не притупит, то мысль о смерти воспрепятствует наслаждению. Напротив, труды добродетели не таковы. Здесь труды подъемлются в слабом и смертном теле, а награда воздается в теле нетленном, бессмертном, бесконечно пребывающем. Труд предшествует и непродолжителен; а награда после следует и беспредельна, чтобы ты спокойно мог наслаждаться плодами трудов твоих, не опасаясь ничего неприятного. Там не должно страшиться никакой перемены, никакого несчастья, как это бывает здесь. Что это за блага, которые непостоянны, но скоропреходящи, ничтожны, которые исчезают при первом своем появлении, а между тем приобретаются с большим трудом? И как они могут сравниться с теми благами, которые неизменяемы, не стареют, не требуют никакого труда и украшают тебя венцами еще во время подвигов твоих? Тот, кто презирает земные блага, уже в том самом находит для себя награду, что он свободен от беспокойства, ненависти, клеветы, коварства, зависти. Тот, кто ведет жизнь непорочную и честную, еще прежде отшествия из настоящей жизни увенчивается и утешается, освобождаясь от всякого бесчестья, посмеяния, опасностей, обвинения и от всех других зол. Точно так же и все другие виды добродетели здесь еще доставляют нам награду. Итак, чтобы достигнуть настоящих и будущих благ, будем избегать порока и стремиться к добродетели. Таким образом, мы и здесь будем утешаться, и будущих удостоимся благ, которых все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXVIII

Ину притчу слышите: человек некий бе домовит, иже насади виноград, и оплотом огради его, и ископа точило, и созда столп, и вдаде и делателем, и отыде. Егда же приближися время плодов, посла рабы своя прияти плоды; и емше делателе рабов, оваго убо биша, оваго же убиша, оваго же камением побиша. Паки посла ины рабы множайша первых, и сотвориша им такожде. Последи же посла к ним сына своего, глаголя: может быть, усрамятся сына моего. Делателе же, видевше сына, реша в себе: сей есть наследник, приидите, убием его, и удержим достояние его (Лк. XX, 13, 15). И изведше вон из винограда, убиша. Егда убо приидет господин винограда, что сотворит делателем тем? Глаголаша Ему: злых зле погубит их, и виноград предаст иным делателем, иже воздадят ему плоды во времена своя. Глагола им Иисус: несте ли чли николиже в писаниих: камень, егоже не в ряду сотвориша зиждущии, сей бысть во главу угла (Мф. XXI, 33—42)?

1. Настоящей притчей Христос научает многому: что Бог с давних времен промышлял об иудеях; что они с самого начала склонны были к убийству; что приняты были всевозможные меры для их исправления; что даже по избиении ими пророков, Бог не отвратился от них, но еще послал к ним Сына; что и один и тот же есть Бог Нового и Ветхого Завета; что через смерть Христову совершено великое дело; что иудеи за крест Христов и за злодеяние свое понесут крайнее наказание; что будут призваны язычники, иудеи же отвержены. Притчу эту Христос предлагает после предыдущей для того, чтоб тем показать всю тяжесть и совершенную непростительность греха их. Как же и чем именно? Тем, что иудеи, при всем об них попечении, дали блудницам и мытарям опередить себя, и притом так много. Рассуди

же, как велико было Божие попечение о них, и как непомерна их беспечность. Он сам сделал все, что надлежало делать земледельцам: обнес оградой, насадил виноградник, и все прочее, а им оставил немногое: заботиться о том, что уже есть, и сберегать порученное. Ничто не было забыто, все приготовлено, но и при всем том они ничем не воспользовались, хотя многое и в большей мере получили от Бога. Так, когда иудеи вышли из Египта, Бог дал им закон, дал им город, устроил жертвенник и храм воздвигнул. И отыде, — то есть, долго терпел, не всегда наказывал тотчас по преступлении. Под отшествием разумеется великое Божие долготерпение. *И посла рабы своя*, — то есть, пророков, — *прияти плоды*, — то есть, повиновение, доказываемое делами. Но они и в этом случае показали свою злобу: не только после таких попечений о них не дали плода, что обнаруживало их недеятельность, но даже вознегодовали на пришедших. Если нечего было отдать, хотя были к тому обязаны, то им надлежало не досадовать и не негодовать, а умолять. Они же не только вознегодовали, но еще обагрили руки свои кровью и, сами заслуживая казни, предали казни посланных. Поэтому Бог послал в другой и в третий раз, чтобы обнаружилась и их злоба, и человеколюбие Пославшего. Но почему Бог не тотчас послал Сына? Для того, чтобы они почувствовали, как несправедливо поступили с посланными рабами, и отложив гнев, устыдились Его пришествия. Есть и другие причины; но пока займемся дальнейшим. Что значат слова: *еда како усрамятся?* Ими показывается не неведение в Боге, а только намерение обнаружить великость греха и его совершенную непростительность. Бог знал, что убьют и Сына; и однако послал. Словами же: *усрамятся Сына Моего* указывает, что должны они были сделать, — потому что им должно было устыдиться. Так, если и в

другом месте говорит: *аще убо услышат* (Иез. II, 5), то не по неведению; но чтобы не сказал кто-нибудь из людей безрассудных, что самое предсказание Божие невольно влечет к неповиновению, для того и употребляет такой образ выражения: *аще убо, еда како.* Если они уже были непризнательны к рабам, то по крайней мере должны были почтить достоинство Сына. Но как же поступили они? В то время, как им должно было прийти и просить помилования в своих преступлениях, – они ведут себя по-прежнему, даже предпринимают новые злодеяния, ужаснее прежних. На это и сам Христос указывает, говоря: *исполните меру отец ваших* (Мф. XXIII, 32). В том же обвиняли их прежде пророки, говоря: *руки ваши исполнены крове* (Ис. I, 15), и: *кровь с кровьми мешают* (Ос. IV, 2), также: *созидающии Сиона кровми* (Мих. III, 10). Но они не сделались благоразумнее, хотя и дана им была эта великая заповедь: *не убиеши,* а через нее велено было воздерживаться от многого другого, и много употреблено было других различных побуждений к исполнению ими этой заповеди. Но, несмотря и на все это, они не оставили своего злого навыка. Но что говорят они, увидев Сына? *Приидите, убием Его.* Для чего и за что? Можно ли им было обвинять Его в чем-нибудь, великом или малом? Разве в том, что Он почтил вас, и будучи Богом, соделался для вас человеком и совершил бесчисленные чудеса? Или в том, что прощал грехи? Или в том, что призывал в царствие? Смотри, как они при своем нечестии крайне безумны, и как безрассудно их побуждение к убийству: *убием Его* (Лк. XX, 14), говорят они, и *наше будет достояние!* И где намерены убить? Вне винограда.

2. Видишь, как Христос предсказывает о самом месте, где будет убит? *И изведше убиша* (Лк. XX, 15). По свидетельству Евангелиста Луки, Христос сам объявил, что надлежало им за это претерпеть, а они сказали: *да не*

будет, но Он привел свидетельство. *Воззрев*, говорится, *на них, рече: что убо писанное сие: камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла?* И: *всяк падый на нем сокрушится* (там же, ст. 16—18). Матфей же говорит, что иудеи сами произнесли приговор. Но в этом нет противоречия; и то и другое было. Они произнесли на себя этот приговор, а потом, уразумев смысл притчи, сказали: *да не будет!* и Он возразил им словами пророка, уверяя, что это непременно сбудется. Впрочем, и в этом случае не указал им прямо на язычников, чтобы не раздражить их против Себя, но намекнул только, сказав: *и виноград предаст иным* (Лк. XX, 16). Без сомнения, Он и притчу сказал для того, чтобы иудеи сами произнесли приговор, что случилось и с Давидом, когда он произнес осуждение себе, уразумев притчу Нафана. Суди же по этому, как справедлив приговор, когда подвергаемые наказанию сами себя обвиняют. Потом, для того, чтобы они видели, что не только самая справедливость требует этого, но что давно уже предрекла это благодать Святого Духа и Бог так определил, Христос приводит пророчество и обличает их, говоря: *несте ли чли николиже,* яко *камень егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла? От Господа бысть сей, и есть дивен во очию нашею.* Он всячески уверяет иудеев, что они, как неверующие, будут изгнаны, а язычники приняты. Это дал Он разуметь и обращением с хананеянкой, и избранием осла при входе во Иерусалим, и примером сотника, и многими притчами; на это же указывает и теперь. Поэтому Он и присовокупил: *от Господа бысть сей, и есть дивен во очию нашею*, давая тем знать, что верующие язычники и те, которые из самых иудеев уверуют, составят одно, несмотря на все их прежнее между собой различие. Затем, чтобы они знали, что все это нисколько не противно Божию совершенству, а напротив весьма сообразно с ним, и даже чудно и по-

разительно для всякого (а и действительно это было несказанное чудо), – Христос присовокупил: *от Господа бысть сей.* Камнем называет Себя, а зиждущими – учителей иудейских; то же сказано и Иезекиилем: *зиждущие стену, и помазующие неискусно* (Иез. XIII, 10). Как же *небрегоша?* Когда говорили: *сей несть от Бога* (Ин. IX, 16); *сей льстит народы* (там же, VII, 12); также: *самарянин еси Ты, и беса имаши* (Ин. VIII, 48). Наконец, чтобы они знали, что им угрожает не одно отвержение, указывает на самые казни: всяк *падый на камени сем, сокрушится; а на немже падет, сотрыет и* (ст. 44). Здесь Христос представляет двоякую гибель: одну от преткновения и соблазна, – это означают слова: *падый на камени сем*; а другую, когда подвергнутся пленению, бедствиям и совершенной погибели, – что ясно выразил словами: *сотрыет и.* Этим же Он указал и на Свое воскресение. Пророк Исаия говорит что Он обвиняет виноградник (то есть народ); здесь же порицает и начальников народа. У Исаии говорит Он: *что подобаше Мне сотворити винограду Моему, и не сотворих?* (V, 4). А у другого пророка: *кое обретоша отцы ваши во Мне прегрешение?* (Иер. II, 5), также: *людие Мои, что сотворих вам, или чим оскорбих вас?* (Мих. VI, 3). Так Он изображал неблагодарность иудейского народа, что они за все Его благодеяния воздали Ему противным! Здесь то же самое говорит с большей силой. Не Сам Он является говорящим: *что подобаше мне сотворити, и не сотворих?* Но представляет, что они сами произносят приговор, что все для них было сделано, и тем сами себя осуждают. Слова их: *злых зле погубить и виноград предаст иным делателям* то и означают, что они сами на себя произносят самый строгий приговор. И Стефан укоряет их в этом, особенно нападая на них за то, что они, пользуясь постоянно великим Божиим промышлением о них, воздавали Благодетелю совсем противным; и это самое было ясным доказательством

того, что не наказывающий, но сами наказываемые были виновниками ниспосылаемой на них казни. То же доказывается и здесь, как притчей, так и пророчеством. Христос не удовольствовался одной притчей, но привел еще два пророчества: одно Давидово, другое – собственное Свое. Итак, что же должны были сделать иудеи, выслушав это? Не поклониться ли Господу? Не удивляться ли Божией о них попечительности, явленной как в древние времена, так и после этого? Если никакое благодеяние не могло их сделать лучшими, то по крайней мере не надлежало ли им вразумиться хотя страхом наказания? Но они не вразумились. Что же сделали они после этого? *Слышавше*, говорит Евангелист, *разумеша, яко о них глаголет. И ищуще Его яти, убояшася народа; понеже яко пророка Его имеяху* (ст. 45–46). Иудеи наконец поняли, что Христос разумел их. Когда однажды они хотели схватить Его, Он прошел посреди их, и сделался невидим; в другой раз явился и остановил решительное их намерение убить Его, которым они мучились. И они, удивляясь этому, говорили: *не сей ли есть Иисус? Се не обинуяся глаголет, и ничесоже Ему не глаголют* (Ин. VII, 25, 26). Но теперь, так как их удерживал страх перед народом, Христос довольствуется этим, и не производит чуда, как прежде, не проходит посреди их, не делается невидимым. Он не хотел везде действовать сверхчеловеческой силой, чтобы верили истине Его вочеловечения. Но ни народ, ни слова Христа не вразумили иудеев; они не устыдились ни свидетельства пророков, ни собственного своего приговора, ни мнения народного. Так совершенно ослепило их любоначалие, тщеславие и привязанность к временному!

3. И действительно, ничто так не доводит нас до опасного падения и не влечет по стремнинам, ничто так не лишает нас будущих благ, как пристрастие к вещам ско-

ропреходящим; напротив, ничто так не приводит нас к обладанию настоящими и будущими благами, как предпочтение всему будущих. *Ищите*, говорит Христос, *царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). Но если бы даже не прилагались временные блага, и тогда не надлежало бы так много заботиться о их приобретении. Теперь же, получить будущие блага значит получить и настоящие. Но некоторые не убеждаются и этим и, уподобляясь бесчувственным камням, гоняются за тенью удовольствий. В самом деле, что сладостного в благах настоящей жизни? Что приятного? Я намерен свободнее поговорить с вами ныне. Но будьте внимательны и знайте, что жизнь, представляющаяся вам трудной и несносной (я говорю о жизни монахов и распявшихся миру), гораздо сладостнее и вожделеннее той, которая кажется вам приятной и удобной. И свидетели этому вы сами, которые часто, во время постигнувших вас несчастий и скорбей, просите себе смерти и называете блаженными живущих в горах и вертепах и ведущих жизнь безбрачную и беззаботную, вы, которые занимаетесь искусствами, служите в войсках, или живете без дела и праздно и проводите дни в театре и местах пляски. И там, где по-видимому тысячами текут удовольствия и реками — увеселения, рождается бесчисленное множество горьких скорбей. Если кто воспылает любовью к одной из плясавших там девиц, тот вытерпит страдания, каким не подвергнешься ни в многочисленных сражениях, ни в многократных странствованиях, и состояние такого человека будет более тягостно, чем всякого осажденного города. Но не станем описывать подробно этих мучений, и — предоставив это на суд совести плененных любовью — рассмотрим жизнь обыкновенную; и мы найдем между монашеской и мирской жизнью такое же различие, как между пристанью и морем, непрестанно рассекаемым ветрами.

Смотри, сами убежища монахов уже дают начало их благоденствию. Избегая рынков и городов и народного шума, они предпочли жизнь в горах, которая не имеет ничего общего с настоящей жизнью, не подвержена никаким человеческим превратностям, ни печали житейской, ни горести, ни большим заботам, ни опасностям, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здесь они размышляют уже только о царствии небесном, беседуя в безмолвии и глубокой тишине с лесами, горами, источниками, а наиболее всего — с Богом. Жилища их чужды всякого шума, а душа, свободная от всех страстей и болезней, тонка, легка и гораздо чище самого тонкого воздуха. Занятия у них те же, какие были вначале и до падения Адама, когда он, облеченный славой, дерзновенно беседовал с Богом и обитал в преисполненном блаженства рае. И в самом деле: жизнь монахов чем хуже жизни Адама, когда он до преслушания введен был в рай возделывать его? Адам не имел никаких житейских забот: нет их и у монахов. Адам чистой совестью беседовал с Богом: так и монахи; более того, они имеют гораздо больше дерзновения, нежели Адам, так как больше имеют в себе благодати, по дару Духа Святого. Надлежало бы вам собственными глазами видеть это; но так как вы не хотите, и проводите жизнь в шуме и на торжищах, то по крайней мере на словах опишу вам хотя одну часть их образа жизни, — всей же их жизни описать невозможно. Эти светильники мира, едва начинает восходить солнце, или еще до рассвета, встают с ложа здоровые, бодрые и свежие (потому что их не возмущает никакая печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни труд, ни множество дел, ни что-нибудь другое тому подобное, но они живут, как ангелы на небе). Итак, поспешно встав с ложа, бодрые и веселые, они все вместе со светлым лицом и совестью со-

ставляют один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря Его за все благодеяния, как частные, так и общие. Поэтому, если угодно, оставив Адама, спрошу вас: чем отличается от ангелов этот лик поющих и восклицающих на земле: *слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение* (Лк. II, 14)? И одежда у них соответственна их мужеству. Они облечены не в длинные одежды, как люди изнеженные и расслабленные, но одежды их приготовлены, как у тех блаженных ангелов: Илии, Елисея, Иоанна и прочих апостолов, у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно одной кожи, и то совсем обветшавшей. Потом, пропев свои песни, с коленопреклонением, призывают прославленного ими Бога на помощь в таких делах, которые другим не скоро бы пришли на ум. Они не просят ни о чем настоящем, у них не бывает об этом слова; но просят о том, чтобы им с дерзновением стать перед страшным престолом, когда Единородный Сын Божий придет судить живых и мертвых, — чтобы никому из них не услышать того страшного голоса: *не вем вас* (Мф. XXV, 12)! и чтобы в чистоте совести и обилии добрых дел совершить настоящую трудную жизнь и благополучно переплыть это бурное море. Молитвы же их начинает отец и настоятель. Потом, как встав окончат эти священные и непрестанные молитвы, с восходом солнечным каждый идет к своему делу, и трудами многое приобретают для бедных.

4. Где теперь те, которые предаются дьявольским пляскам, непотребным песням и сидят в театре? Стыжусь вспоминать о них; но, по вашей немощи, необходимо сделать и это. И Павел говорит: *якоже представисте уды ваша рабы нечистоте, тако ныне представисте уды ваша рабы правде во святыню* (Рим. VI, 19). Итак, посмотрим и мы на это сонмище блудных жен и непотребных

юношей, собравшихся в театре, и их забавы, которыми весьма многие из беспечных юношей завлекаются в их сети, сравним с жизнью блаженных. Здесь мы найдем различия столько же, сколько между ангелами, если бы ты услышал их поющими на небе стройную песнь, и между собаками и свиньями, которые визжат, роясь в навозе. Устами одних говорит Христос, а языком других — диавол. Там самые трубы издают звук, соответственный их нескладному голосу и уродливому виду, когда они надувают щеки и натягивают жилы. А здесь издает звук благодать Духа Святого, которая вместо труб, гуслей и флейт употребляет уста святых. Впрочем, что бы я ни говорил, невозможно вполне представить того удовольствия людям, привязанным к персти и плинфоделанию. Поэтому желал бы я взять кого-нибудь из пристрастившихся к театру, отвести в монастырь и показать ему собрание святых мужей; тогда мне уже не нужны были бы слова. Однако — несмотря на то, что беседую с людьми бренными, попытаюсь и словом хотя бы несколько извлечь их из грязи и тины. Там слушатель тотчас воспламеняется огнем нечистой любви: если мало взора блудницы зажечь сердце, то голос ее влечет в гибель; а здесь, если бы даже душа и имела что-нибудь нечистое, она тотчас оставляет это. И не только голос и взор, но и сами одежды блудниц еще более приводят в смущение зрителей. Бедняк, человек низкий и презренный, посмотрев на это зрелище, будет досадовать и скажет сам себе: эта блудница и этот блудник — дети поваров и сапожников, а часто и рабов — живут в такой роскоши; а я, свободный, происходя от свободных, живя честными трудами, и во сне не могу представить себе этого, — и оставляет таким образом зрелище снедаемый печалью. У монахов же не случится ничего такого, но все бывает совершенно напротив. В самом деле, когда увидит, что

дети богатых и знатных родителей облачены в такие одежды, каких не носят самые последние из нищих, и что даже еще радуются этому, то представьте, с каким утешением для своей бедности пойдет он из монастыря! А если посетит монахов и богатый, то возвратится от них лучшим и со здравыми понятиями о вещах. Опять, в театре, когда посмотрят на блудницу в золотом уборе, бедный станет плакать и рыдать, видя что жена его не имеет ни одного такого украшения, а богатые после такого зрелища будут презирать и отвращаться своих супруг. Как скоро блудница представит зрителям и одежду, и взор, и голос, и поступь, и все, что может возбудить любострастие, — они выходят из театра воспламененные страстью, и возвращаются к себе домой уже пленниками. Отсюда происходят обиды, бесчестья, отсюда вражда, брани и каждодневные случаи смертные; и жизнь становится несносной такому пленнику, и жена ему уже не мила, и дети не по-прежнему любезны, и весь дом приходит в беспорядок, и самый свет солнечный, наконец, кажется для него несносным. Напротив, из монашеских собраний не происходит ни одной такой неприятности. Жена встречает мужа ласковым, кротким, непристрастившимся ни к какому гнусному удовольствию, и в обращении его находит больше непринужденности, нежели прежде. Столько-то зла производит театр, и столько добра монастырь: один овец делает волками, а другой и волков обращает в агнцев. Правда, мы пока ничего еще не сказали об удовольствиях монашеской жизни. Но что может быть приятнее того, когда душа наша ничем не возмущается, не мучится, не унывает, не стенает? Однако же продолжим наше сравнение и рассмотрим, какое удовольствие доставляет нам то и другое пение, то и другое зрелище, — и мы увидим, что в первом случае оно продолжается только до вечера, пока зритель сидит в театре, а после язвит

его больнее всякого жала; полученное же в монастыре удовольствие непрестанно сохраняет свою силу в душах зрителей, — навсегда остается в их мыслях и образ виденных ими мужей, и приятность места, и простота жизни, и чистота общества, и сладость прекрасного духовного пения. Вот почему те, которые всегда наслаждаются этим тихим пристанищем, бегают уже людского шума, как бы какой-нибудь бури. И не только во время своих песнопений и молитв, но и когда сидят за книгами, монахи доставляют зрителям приятное зрелище. После того, как кончится пение, один берет Исаию, и с ним беседует; другой беседует с апостолами; третий читает книги других писателей и любомудрствует о Боге, о мире, о предметах видимых и невидимых, чувственных и духовных, о ничтожности жизни настоящей и о величии жизни будущей.

5. Пища у них самая лучшая: они питаются не вареными мясами бессловесных животных, но словом Божиим, *сладчайшим паче меда и сота* (Пс. XVIII, 11). Это чудный мед и гораздо лучше того, которым некогда в пустыне питался Иоанн. Не дикие пчелы, садясь на цветы, собирают этот мед, и не росу переварив в себе кладут в улья; но приготовляет его благодать Духа Святого и, вместо сотов, ульев и дупла, полагает в души святых, так что желающий всегда безопасно может вкушать его. Подражая этим пчелам, и они облетают соты священных книг, черпая в них великое удовольствие. Но если хочешь знать трапезу их, то подойди поближе, и ты увидишь, что отрыгаемое ими все сладко, приятно, исполнено духовным благоуханием. Уста их не могут произнести ни одного дурного слова и ни одного шуточного или грубого, но каждое достойно неба. Тот не погрешит, кто сравнит уста людей, бегающих по рынкам и жадно гоняющихся за житейским, со стоками нечистот, а уста монахов с источниками, текущими

медом и бьющими чистыми ключами. Но если кому обидно, что я сравниваю уста людей со стоками нечистот, тот пусть знает, что я выразился еще весьма снисходительно. А Священное Писание не наблюдает и этой меры, но употребляет другое, гораздо сильнейшее сравнение, говоря: *яд аспидов под устнами их, гроб отверст гортань их* (Пс. V, 10). Не таковы уста монахов: они исполнены благоухания. Таково настоящее их состояние! А будущее их — какое слово может выразить? Какой ум — постигнуть? Их жребий ангельский: неизреченное блаженство, несказанные блага! Может быть, теперь многие из вас воспламенились и чувствуют в себе желание вести такую прекрасную жизнь; но что пользы, ежели пока вы здесь, этот огонь горит в вас, а как скоро выйдете, пламя погасло, и это желание пропало? Как же сделать, чтобы этого не случилось? Пока горячо в тебе это желание, пойди к этим ангелам и воспламенись еще более. Не столько могут воспламенить мои слова, сколько взгляд на самое дело. Не говори: вот, я переговорю с женой, кончу прежде дела свои; такая отсрочка есть начало беспечности. Послушай: некто хотел устроить домашние дела, и пророк не позволил ему (3 Цар. XIX, 20). Что говорю: устроить? Ученик хотел погребсти отца, и Христос не согласился даже на то (Лк. IX, 60). Какое же дело кажется тебе столько необходимо, как погребение отца? Но Христос и того не позволил. Почему же? Потому что диавол всеми мерами старается вкрасться, и если заметит в человеке, что он мало занят или откладывает дело, производит в нем большую леность. Поэтому-то некто и советует: *не отлагай день от дне* (Сир. V, 8). Таким образом ты можешь в большем успеть, да и домашние дела твои будут в хорошем состоянии. *Ищите,* сказано, *прежде царствия Божия, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). Если и мы обеспечиваем состояние тех, которые, пренебре-

гая собственными своими выгодами, заботятся о наших выгодах, то тем более Бог, Который и без того печется и промышляет о нас. Итак, не заботься о своих делах, но предоставь это Богу. Если ты заботишься, то заботишься как человек; если же Бог промышляет, то Он промышляет как Бог. Итак, не заботься о своих делах, оставляя важнейшее; иначе Бог менее будет промышлять о них. Но чтобы Бог более промышлял о твоих делах, предоставь все Ему одному. Когда ты, оставляя дела духовные, сам занимаешься делами житейскими, тогда уже Бог немного печется о них. Итак, чтобы все у тебя шло хорошо, и тебе освободиться от всех забот, прилепись к духовному и презирай житейское: тогда ты с небом получишь и землю, и сподобишься будущих благ по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXIX

И отвещав Иисус паки рече в притчах: уподобися царствие небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему: и посла рабы своя призвати званныя на браки, и не хотяху приити. Паки посла ины рабы, глаголя: рцыте званным: обед мой уготовах, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: приидите на браки. Они же небрегше отыдоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя: прочии же емше рабов его, досадиша им, и убиша их, и прочее (Мф. XXII, 1—6)

1. Видишь ли, какое различие между сыном и рабами представляется как в предыдущей притче, так и в этой? Видишь ли великое сходство и вместе великое различие той и другой притчи? И эта притча показывает долготерпение Божие и великое Его попечение, а

также и нечестие и неблагодарность иудеев. Впрочем, эта притча заключает в себе больше первой: она предвозвещает отпадение иудеев и призвание язычников и, кроме того, показывает правильный образ жизни и то, какая казнь ожидает беспечных. Справедливо эта притча предлагается после предыдущей притчи. Сказав в предыдущей беседе: *дастся языку, творящему плоды его* (Мф. XXI, 43), Христос показывает здесь, какому дастся языку; и не только это, но еще и то, что Он имел особенное попечение об иудеях. Там Он изображается призывающим прежде распятия Своего, а здесь – настоятельно привлекающим их к Себе и после распятия; и в то время как надлежало их наказать тягчайшим образом, Он влечет их на брачный пир и удостаивает высочайшей чести. И заметь, как там прежде призывает не язычников, а иудеев, так и здесь. Но как там, когда иудеи не хотели принять Его, и даже пришедшего к ним убили, Он отдал другим виноградник, так и здесь, когда они не хотели прийти на брачный пир, Он позвал других. Может ли что быть хуже такой непризнательности – быть званными на брачный пир, и не прийти? Кто не захочет пойти на брак, на брак царя, царя уготовляющего брак для сына? Ты спросишь: почему царствие небесное называется браком? Чтобы ты познал попечение Божие, любовь Его к нам, великолепие во всем, – познал то, что там ничего нет печального и прискорбного, но все исполнено духовной радости. Поэтому и Иоанн называет Его *женихом* (Ин. III, 29); поэтому и Павел говорит: *обручих бо вас единому мужу* (2 Кор. XI, 2); и еще: *тайна сия велика есть, аз же глаголю во Христа и во церковь* (Еф. V, 32). Почему же невеста обручается не Отцу, но Сыну? Потому что если она обручается Сыну, то обручается и Отцу. В Писании то или другое полагается безразлично, по тождеству существа. Здесь Христос предвозвещает и о воскресении. Так как прежде

Он говорил о смерти, то теперь показывает, что и после смерти будет брак, будет жених. Но и это не сделало иудеев лучшими, не смягчило их жестокого сердца. Что может быть хуже этого? Это третья их вина. Первая вина та, что они побили пророков; вторая, что они убили Сына; наконец третья, что по совершении этого убийства, призываемые самим убиенным ими на брачный пир, не идут на него, но представляют причины – супруг волов, поля, жен. Хотя эти причины кажутся благовидными, но из этого мы научаемся, что хотя бы удерживала нас и необходимость, духовное должно предпочитать всему. И не теперь только зовет Он, но уже давно. Он говорит: *скажите званным;* и еще: *назовите званных* – что еще более делает иудеев виновными. Когда же они были званы? Они были званы всеми пророками; потом Иоанном, который всех посылал ко Христу, говоря: *Оному подобает расти, мне же малитися* (Ин. III, 30); потом самим Сыном, который говорит: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. XI, 28); и еще: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне, и пиет* (Ин. VII, 37). Он их звал не одними только словами, но и делами; звал, по вознесении Своем, через Петра и прочих апостолов. Именно сказано: *споспешествовавый Петру в послание обрезания, споспешествова и мне во языки* (Гал. II, 8). Так как иудеи, увидя Сына, вознегодовали и убили Его, то Он зовет их опять через рабов. И к чему Он их призывает? К трудам, подвигам, бедствиям? Нет, Он их призывает к веселью. Говорит Он: *юнцы мои, и упитанная исколена.* Какой пышный пир, какое великолепие! Но и это их не обратило; напротив, чем Он больше долготерпел им, тем более они ожесточались. Они не пришли на брачный пир по лености, а не потому, что заняты были делами. Но как же одни из них представляют в извинение свое брак, а другие – волов? Разве это занятие? Ни в каком случае.

Для духовных дел должно оставлять все другие занятия, даже необходимые. Мне же кажется, что они представляли такие причины только для того, чтобы прикрыть свою беспечность. И не только то одно худо, что они не пришли, но всего безрассуднее и ужаснее то, что они и пришедших приняли весьма дурно, надругались над ними и убили; это гораздо хуже прежнего. Прежде приходили к ним требовать плодов, и приходившие были убиты; теперь приходят от Убиенного ими звать на брачный пир, и также они убивают их. Что может сравниться с такою жестокостью? За это и Павел, укоряя их, сказал: *убивших и Господа и Его пророки и нас изгнавших* (1 Фес. II, 15). Потом, чтобы они не сказали: «Он противник Божий, поэтому мы не пришли», — послушай, что говорят призывающие: Отец делает брачный пир и призывает. Что же после? Так как они не захотели прийти, но убили пришедших к ним, то Он сжег города их и, послав войско, истребил их. Этим Он предсказывает события, случившиеся при Веспасиане и Тите, и так как иудеи оскорбили и Отца, не поверив Ему, то Он сам принимает на Себя отмщение их. Потому не тотчас по смерти Христа случилось истребление города, но спустя сорок лет, — после того, как они убили Стефана, умертвили Иакова и надругались над апостолами, — чтобы видно было Его долготерпение. Видишь ли, как точно и скоро, исполнились сами события? Это случилось еще при жизни Иоанна и многих других, бывших с Христом, и свидетелями этих событий были те, которые слышали это предсказание. Заметь особенное попечение Божие. Он насадил виноградник, — все сделал и выполнил: по убиении одних рабов, послал других; по убиении этих, послал Сына, и по убиении Сына, призывает их на брак; они же не захотели прийти. После посылает других рабов, — они и этих убили. Тогда, наконец, Он истребляет их, как

зараженных неисцелимой болезнью. А что они заражены были неисцелимой болезнью, это доказывают не только прежние поступки их, но и то, что они совершали подобные дела и после того, как уверовали блудницы и мытари. Таким образом, они осуждаются не только за свои злодеяния, но и за то, что другие делали доброе. Если же кто скажет, что язычники призывались не тогда, когда апостолы подвергались бичеваниям и терпели бесчисленные бедствия, но тотчас после воскресения (тогда именно им сказал Иисус Христос: *шедше научите вся языки* – Мф. XXVIII, 19), то мы на это ответим, что ученики говорили иудеям первым, и прежде, и после креста. И прежде креста Иисус говорил ученикам: *идите ко овцам погибшим дому Израилева,* и после креста Он не запретил, но повелел ученикам проповедовать иудеям. Хотя Он и сказал: *научите вся языки,* но перед вознесением Своим на небо ясно показал ученикам, что они должны проповедовать иудеям прежде. Он сказал: *примите силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидетели во Иерусалиме же и во всей Иудеи и даже до последних земли* (Деян. I, 8). И Павел также говорит: *ибо споспешествовавый Петру в послание обрезания, споспешествова и мне во языки* (Гал. II, 8). Поэтому и апостолы прежде проповедовали иудеям, и пробыв долгое время в Иерусалиме, когда уже были изгнаны иудеями, рассеялись между язычниками.

2. Заметь и здесь великую любовь Господа. *Елицех аще обрящете, призовите на браки,* говорит Он. Прежде, как сказал я, апостолы благовествовали и иудеям, и язычникам, находясь, впрочем, более в Иудее; но так как иудеи не переставали коварствовать против апостолов, то послушай, как Павел, изъясняя эту притчу, говорит: *вам бе лепо первее глаголати слово Божие: а понеже недостойны сотвористе сами себе, се обращаемся во языки* (Деян. XIII, 46). Поэтому и сам Господь говорит: *брак убо готов*

есть, званнии же не быша достойни (ст. 8). Он без сомнения и прежде знал об этом, но чтобы не оставить иудеям никакого предлога к бесстыдному извинению, несмотря и на это пришел к ним первым, и послал Своих апостолов, чтобы им заградить уста, а нас научить исполнять все, что относится к нам, хотя бы никто не получил от этого никакой пользы. Итак, говорит Он, так как они *не были достойны, идите на распутия, и елицех аще обрящете, призовите* (ст. 9), даже низких и презренных. Так как Он часто говорил, что блудницы и мытари наследуют небо, и первые будут последними, а последние первыми (Мф. XXI, 31; XIX, 30), то теперь показывает, что все это делается справедливо. Видеть, что язычники на их место вводятся в царство — особенно сильно оскорбляло иудеев и смущало их гораздо более, нежели разорение их города. Потом, чтобы первые не полагались на одну веру, Он рассуждает с ними о суде и наказании за худые дела; старается неверующих привести к вере, а верующих наставляет в правилах жизни. Под *одеждою* разумеются дела жизни. Но ведь призвание — дело благодати: почему же Он об нем так обстоятельно рассуждает? Потому, что хотя призвание и очищение есть дело благодати, но то, чтобы призванный и облеченный в чистую одежду постоянно ее сохранял такой, зависит от старания призванных. Призвание бывает не по достоинству, но по благодати. Поэтому должно соответствовать благодати послушанием, и получив честь, не показывать такого нечестия. Но ты скажешь: я не получил столько благ, сколько иудеи. Нет, ты получил гораздо большие блага. То, что в продолжение всего времени было приготовляемо для них, всецело получил ты, не будучи того достойным. Поэтому и Павел говорит, что язычники за милость прославят Бога (Рим. XV, 9). Ты получил то, что должны были они получить. Поэтому великое наказание ожидает

нерадивых. Ты, уклоняясь к развратной жизни, так же оскорбляешь Бога, как и они оскорбили Его тем, что не пришли к Нему. *Войти в нечистой одежде* – означает, имея нечистую жизнь, лишиться благодати. Потому и сказано: *он же умолча.* Не видишь ли, как, при всей ясности дела, Господь не прежде наказывает, как тогда уже, когда согрешивший сам осудил себя? Не имея чем защитить себя, он осудил самого себя, и таким образом подвергает себя чрезвычайному наказанию. Слыша *о мраке,* не подумай, что он тем только и наказывается, что отсылается в темное место; нет, здесь еще *будет плач и скрежет зубов.* А эти слова указывают на нестерпимые муки. Обратите внимание на это все вы, которые, приняв участие в таинствах и будучи призваны на брак, облекаете душу нечистыми делами! Послушайте, откуда вы призваны: с распутия! Что вы были? Хромые и слепые по душе, – что гораздо хуже слепоты телесной. Почтите человеколюбие Призвавшего; и пусть никто да не остается в нечистой одежде, но каждый из нас пусть позаботится об одеянии души своей. Послушайте, жены, послушайте, мужья! Нам нужна не эта златотканая одежда, украшающая наше тело, но одежда, которая бы украшала душу. Но нам трудно облечься в эту одежду, пока мы будем носить первую. Нельзя украшать вместе и душу, и тело. Нельзя вместе работать мамоне и служить, как должно, Христу. Итак, оставим эту худую привычку, которая господствует над нами. Ты, конечно, не снес бы великодушно, если бы кто украсил дом золотыми занавесами, а тебя заставил сидеть в рубище, почти нагим. Но вот ты теперь сам это делаешь с собой, украшая жилище души твоей, то есть тело, бесчисленными дорогими одеждами, а душу оставляя в рубище. Ужели ты не знаешь, что царю надобно более украшаться, нежели городу? Поэтому-то для города приготовляют одежду из льна, а для царя –

порфиру и диадему. Так и ты должен прикрывать тело наиболее дешевой одеждой, а ум одевать в порфиру, украшать венцом, и сажать на высоком и блистательном троне. А теперь делаешь совсем напротив: разнообразно украшаешь свой город, а царя — ум оставляешь влачиться в узах за необузданными страстями. Неужели ты не понимаешь, что ты зван на брак, и на брак Божий? Неужели не представляешь, что званную в этот торжественный чертог душу твою надобно будет ввести облеченной и украшенной золотыми одеждами?

3. Хочешь ли, я покажу тебе одетых таким образом, одетых в брачную одежду? Припомни тех святых, о которых я недавно говорил вам, — святых, облеченных во власяницы, живущих в пустынях. Они-то особенно носят эти брачные одежды. А отсюда очевидно, что какие бы ты ни давал им порфирные одежды, они не согласятся взять их; но как царь, если бы кто велел ему надеть худую одежду бедняка, отвергнул бы ее с презрением, так отвергнут и они его багряницу. И это они делают не по чему-либо другому, а потому, что знают красоту своей одежды. Потому же презирают они и пышное одеяние, как паутину. Вретище научило их этому. Действительно, они гораздо выше и славнее самого царя. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю, — ты упал бы на землю, будучи не в состоянии вынести сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести. Мы можем указать на великих и чудных мужей древности; но так как на людей простых видимые примеры действуют сильнее, то я посылаю вас поэтому в самые обители этих святых. У них нет никакой печали; но как бы на небесах устроив себе хижины, они так же далеко обитают от бедствий настоящей жизни и, ополчившись против диавола, борются с ним так легко, как будто иг-

рают. Устроив таким образом жилища себе, они избегают городов, общественных собраний и домов, потому что воюющему не годится сидеть в доме, но, как намеревающемуся тотчас переселиться, должно жить в таком жилище, которое легко оставить. Таковы все те, которые живут не так, как мы. Мы живем не как в воинских лагерях, а как в мирном городе. Кто, в самом деле, живя в стане воинском, полагает основание и строит дом, который спустя немного времени намеревается оставить? Никто. А если бы кто и решился на это, того убьют, как изменника. Кто, в лагере, закупает десятины земли и замышляет о торговле? Никто, конечно. И совершенно справедливо, – говорят же: ты пришел воевать, а не торговать. Итак, что ты так заботишься о месте, которое скоро должен оставить? Делай это, когда возвратишься в отечество. Это же самое и тебе скажу теперь я: поступай так тогда, когда возвратишься в вышний град. Еще более: там тебе вовсе не нужно будет трудиться, потому что Царь все для тебя устроит. Здесь же довольно выкопать яму и воткнуть кол, а строить ничего не нужно.

Послушай, какая жизнь у кочующих скифов, какой образ жизни ведут номады? Так надобно жить и христианам: обходить вселенную, воюя с диаволом и освобождая плененных им, и забывать все житейское. Человек! Для чего ты готовишь дом? Для того ли, чтобы больше связать себя? Для чего закапываешь сокровище и вызываешь против себя врага? Для чего строишь стены и готовишь себе тюрьму? Если это кажется тебе трудным, пойдем в обители святых, и узнаем легкость труда на деле. Устроив хижины, они, если нужно будет оставить их, так же оставляют, как воины во время мира оставляют лагерь. Поистине они живут как в лагере, или еще гораздо приятнее. Приятнее видеть пустыню, усеянную хижинами монашескими, нежели видеть стан воинов,

которые раскидывают в поле шатры, втыкают копья и на концы их вешают красные плащи, видеть множество людей с медными шлемами на головах, выпуклость ярко блещущих щитов, людей, с головы до ног покрытых железными латами, наскоро устроенные царские палатки, обширное ровное поле, и пирующих и играющих на трубах воинов. Это зрелище несколько увеселяет, как то, о котором я теперь говорю. Если мы пойдем в пустыню посмотреть палатки воинов Христовых, то не увидим ни растянутых покровов, ни острых копьев, ни золотых тканей, покрывающих палатку царскую; но как если бы кто, распростерши на земле, более обширной и неизмеримой, чем наша, многие небеса, представил бы зрелище новое и изумляющее, так и там можно видеть то же самое. Их обитель ничем не хуже небес, потому что к ним сходят ангелы, и даже сам Господь ангелов. Если Господь и ангелы приходили к Аврааму, человеку женатому и озабоченному воспитанием детей, приходили потому, что знали его странноприимство, то — когда обретают большую добродетель и находят человека отрешившегося от тела и во плоти плоть презирающего, — гораздо более пребывают здесь и веселятся радостью, им свойственной. Трапеза святых свободна от всякого излишества и исполнена благочестия. Нет у них потоков крови, они не рассекают мяс; нет головных болей; нет приправ в кушаньях; нет ни тяжелого запаха и неприятного курева, ни беспрестанного беганья и шума, ни суматохи и криков несносных, а только хлеб и вода, вода из чистого источника, хлеб от трудов праведных. Если же они захотят получше приготовить пищу, то ягоды составляют их лакомство; и здесь более удовольствия, чем на царских обедах. Нет здесь никакого страха и трепета; не обвиняет начальник, не раздражает жена, не печалит сын, не утомляет чрезмерный смех, не напыщает толпа льстецов; но трапеза

их — трапеза ангелов, свободная от всякого подобного смятения. Постелью служит им просто трава, как сделал Христос, напитав народ в пустыне; а многие спят и не имея крова, но вместо кровли им служит небо и луна вместо светильника, который не имеет нужды ни в масле, ни в том, кто бы поправлял его; и для них-то одних недаром светит луна.

4. Смотря на такую трапезу с неба, и ангелы веселятся и радуются. В самом деле, если они радуются и об одном грешнике кающемся (Лк. XV, 7), то чего не сделают для стольких праведников, подражающих им самим? Там нет господина и раба: все рабы, и все свободные. Не думай, что я говорю иносказательно. Они и рабы друг другу, и владыки друг над другом. С наступлением вечера им не о чем сокрушаться, как это бывает со многими из людей, когда они размышляют о дневных неприятностях. После ужина им не нужно бояться разбойников, запирать двери, налагать засовы, или опасаться чего-либо другого, чего обыкновенно боятся многие, гася осторожно светильники, чтобы искра не зажгла дом. И разговор их исполнен такого же спокойствия. Они не говорят о том, о чем, совершенно и не касающемся нас, разговариваем мы, например: тот-то сделан начальником, тот лишен начальства, тот умер, а другой получил наследство, и тому подобное; но всегда разговаривают и любомудрствуют о будущем, и как бы обитающие в другом мире, как бы переселившиеся на самое небо и живущие там, всегда рассуждают о небесном: о лоне Авраамовом, о венцах святых, о ликовании со Христом; а об настоящем нет у них ни помину, ни слова. И как мы не считаем достойным нашего разговора то, что делают муравьи в своих муравейниках, так и они не говорят о том, что делаем мы, а говорят о небесном царстве, о настоящей брани, о кознях диавола, о великих подвигах, совершенных святыми. Итак, если

мы сравним себя с ними, чем лучше будем муравьев? Как муравьи заботятся о вещественном, так и мы. И пусть бы заботились мы только об этом, а то еще гораздо о худшем, – потому что заботимся не о необходимом только, как муравьи, но и об излишнем. Муравьи трудятся, и труд их неукоризнен, а мы всегда трудимся из любостяжания, и подражаем труду не муравьев, а волков и леопардов, даже являемся еще и их хуже. Им так судила природа добывать пищу; нас же Бог почтил и разумом, и справедливостью, а мы стали хуже зверей. Мы сделались хуже бессловесных животных, а праведные равны ангелам, будучи странниками и пришельцами на этой земле. У них все отлично от нашего: и одежда, и пища, и жилище, и обувь, и речь. И если бы кто послушал разговор праведных и наш, тот хорошо узнал бы, что они граждане небесные, а мы недостойны даже и земли. Поэтому, когда кто облеченный достоинством приходит к ним, то здесь совершенно пропадает вся надменность. Этот самый земледелец, неопытный ни в чем житейском, сидит на траве, на грязной подстилке, рядом с полководцем, который много мечтает о власти своей, – потому что здесь некому величать его и поселять в нем гордость. Здесь бывает то же самое, как если бы кто пришел к золотых дел мастеру, или в розовый цветник: как здесь пришедший получает некоторый блеск и от золота, и от роз, так и приходящие к праведным, получая некоторую пользу от блеска их, освобождаются несколько от прежней своей гордости. Или, как тот, кто взойдет на высокое место, хотя бы был и очень мал, кажется большим, так и те, восходя в беседе к высоким помыслам праведников, и сами кажутся такими же, пока остаются с ними, а когда уходят, то, спустившись с этой высоты, опять становятся низкими. Ничто у святых царь, ничто начальник; но как мы смеемся над детьми, в игре представляющими царя или

начальника, так и они презирают гордость тех, которые внушают страх собой. Отсюда очевидно, что если бы кто стал давать им царство для охранения, они не согласились бы принять; взяли бы, может быть, если бы не заботились о большем царстве и не почитали первого делом временным. Итак, почему мы не спешим к столь великому блаженству, не идем к этим ангелам? Почему не надеваем чистых одежд и не торжествуем этих браков, но остаемся бедными, нисколько не лучшими нищих, сидящих на распутиях и даже еще хуже и беднее их? Действительно, неправедно обогащающиеся гораздо хуже нищих, и лучше просить, нежели похищать, так как первое простительно, а последнее влечет за собою наказание. Тот, кто просит, нисколько не оскорбляет Бога; а кто похищает, оскорбляет и Бога, и людей, и часто только тратит труды при хищении, а всеми плодами пользуются другие. Итак, зная это, оставим всякое любостяжание и будем приобретать сокровище нетленное, восхищая со всяким тщанием царство небесное, — потому что невозможно, невозможно ленивому войти в это царство. О, если бы мы все, сделавшись прилежными и бдительными, получили его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXX

Тогда шедше фарисее, совет восприяша, яко да обольстят Его словом (Мф. XXII, 15)

1. *Тогда*: когда же это? Когда бы всего более надлежало сокрушиться сердцем, прийти в изумление от человеколюбия Божия, устрашиться будущего (суда) и, смотря на то, что уже совершилось, поверить тому, что

должно совершиться. Слова Спасителя ясно подтверждались самыми событиями: В самом деле, мытари и блудницы обращались к вере, пророки и праведники были преданы смерти: зная это, фарисеи должны были не сомневаться в том, что слышали о своей погибели, а должны были уверовать и вразумиться. Но и это не прекращает злобы их; она не престает мучить их и усиливаться еще более. А так они не могли схватить Иисуса (потому что боялись народа), то избрали другой путь и, чтобы подвергнуть Его опасности, вознамерились обвинить Его в нарушении постановлений общественных. *Посылают,* сказано, *к Нему ученики своя со Иродианы, глаголюще: Учителю, вемы, яко истинен еси, и пути Божию воистинну учиши и нерадиши ни о комже: не зриши бо на лице человеком. Рцы убо нам, что Ти ся мнит: достойно ли есть дати кинсон кесареви, или ни* (ст. 16–17)? Они платили уже дань с того времени, как управление общественными делами их перешло во власть римлян. Итак, зная, что незадолго перед тем Февда и Иуда, вознамерившись произвести возмущение, были за это убиты, они хотели и Иисуса вопросом своим подвергнуть подобному подозрению. С этою целью они и послали не только своих учеников, но и воинов Иродовых, думая через это с той и другой стороны ископать для Него ров и расставить сети, чтобы в том и другом случае уловить Его. Стал ли бы Спаситель говорить согласно с мнением иродиан, — в таком случае фарисеи могли бы укорять Его; стал ли бы Он говорить согласно с ними, — приверженцы Ирода обвинили бы Его. Правда, Он заплатил уже дидрахму; но они не знали этого, и потому, в том или другом случае надеялись уловить Его. Впрочем, им более хотелось того, чтобы Он дал ответ, противный мнению иродиан. С этим намерением они послали и учеников своих, чтобы их присутствием побудить Его к такому ответу и на этом основании предать Его игемону, как

похитителя законной власти. На это указывает и Евангелист Лука, говоря, что они и перед народом вопрошали Его для того, чтобы больше иметь свидетелей. Но вышло совсем противное их намерению, и они только перед большим числом зрителей обнаружили свое безумие. И смотри, с какой лестью они приступают к Нему, и как хитро прикрывают свое намерение. *Вемы*, говорят, *яко истинен еси*. Как же вы прежде говорили, что *Он льстец есть*, и *льстит народы*, и *беса имать* (Ин. VII, 12; X, 20), и *несть от Бога?* Как незадолго перед этим совещались убить Его? Но чего не делают люди, когда хотят причинить зло другим! Так как незадолго перед тем они с наглостью спрашивали Его: *коею властию сия твориши?* (Мф. XXI, 23) и не могли получить ответа, то теперь надеются лестью надмить Его и склонить к тому, чтобы Он сказал что-нибудь противное установленным законам и верховной власти. Поэтому они и заявляют Ему о Его справедливости, и таким образом признают Его тем, что Он есть на самом деле, только не от чистого сердца и неохотно, — и присовокупляют: *нерадиши ни о комже*. Смотри, как ясно обнаруживается в этих словах намерение их заставить Его сказать что-нибудь такое, что могло бы оскорбить Ирода и навлечь на Спасителя подозрение в похищении власти, как на человека восстающего против закона, чтобы потом могли они подвергнуть Его наказанию, как возмутителя и похитителя верховной власти. Говоря к Нему: *нерадиши ни о комже*, и: *не зриши на лице человеком*, они намекали тем на Ирода и кесаря. *Рцы убо нам, что Ты ся мнит?* Теперь вы уважаете и называете учителем того, которого столько раз презирали и оскорбляли, когда Он беседовал с вами о вашем спасении! Впрочем, они и теперь думают о Нем так же, как и прежде. И посмотри, как они коварно действуют; не говорят: скажи нам, что хорошо, что полезно, что согласно с

законом, — но: *что Ти ся мнит?* Они только за тем и смотрят, как бы предать Его и уличить в противлении верховной власти. Это показывает и Евангелист Марк, который яснее открывая их дерзость и убийственное намерение, говорит, что они так спрашивали Спасителя: давать ли нам подать кесарю, или не давать (Мк. XII, 14)? Так они дышали яростью и мучились желанием погубить Его, хотя притворно показывали вид, будто хотят угодить Ему. Что же Он? *Что мя искушаете, лицемери?* (ст. 18). Не видите ли, что теперь Он уже с большей строгостью начинает говорить к ним? Так как злоба их уже созрела и открыто обнаруживалась, то Спаситель глубже рассекает их рану, открывает их тайные мысли, обнаруживает перед всеми, с каким намерением они пришли к Нему, — и таким образом, в самом начале приводит их в замешательство и заставляет молчать. А сделал Он это, желая усмирить их злобу, чтобы они и впредь подобными начинаниями не причиняли себе вреда. Хотя они на словах и оказывали Ему великое уважение, называли Его учителем, свидетельствовали, что Он справедлив и не смотрит на лица, — но он, как Бог, не мог быть этим обманут. Итак, и из слов Его они должны были заключить, что Он не по догадке обличает их, но знает и сокровенные их мысли.

2. Но Спаситель не остановился на одном обличении. Хотя и довольно было того, чтобы, обличив их намерение и открыв лукавство, привести их в стыд, но Он не довольствуется этим, а еще и иным образом заграждает уста их. *Покажите Ми*, говорит Он, *златицу кинсонную* (ст. 19). Когда же они показали Ему, то Он и теперь, как и в других случаях, и их собственными устами произносит приговор, и заставляет их самих сознаться, что должно платить дань кесарю, — в чем и состояла главная и торжественная Его победа над ними.

Итак, Он спрашивает их не потому, чтобы не знал, какой должно дать ответ, но потому, что желает их же собственными словами обличить их. Когда они на вопрос Его: *чей это образ?* отвечали: *кесарев*, то Он сказал им: *воздадите кесарева кесареви* (ст. 20–21). Платить дань не значит давать, но отдавать должное; и в подтверждение этого Он указывает на изображение и надпись. А чтобы они не сказали: Ты подчиняешь нас людям? прибавляет: *и Божия Богови.* И людям надобно воздавать должное, и Богу – то, чем мы в отношении к Нему обязаны. Поэтому и Павел говорит: *воздадите всем должная: емуже урок, урок: емуже дань, дань: емуже страх, страх* (Рим. XIII, 7). Впрочем, когда ты слышишь: *отдавай кесарево кесарю,* разумей под этим только то, что нисколько не вредит благочестию; все противное благочестию не есть уже дань кесарю, но дань и оброк диаволу. Услышав такой ответ, фарисеи замолчали и дивились Его мудрости. После этого надлежало бы им уверовать и признать себя пораженными. В самом деле, Он представил им очевидное доказательство Своей божественности, открыв их тайные мысли, и кротким образом заставил их молчать. Что же? Поверили ли они? Нет; но *оставльше Его, отыдоша* (ст. 22). После них к Спасителю приступили саддукеи. Какое безумие! Едва успел Он заградить уста фарисеям, как уже к Нему приступают эти, тогда как им следовало бы воздержаться от этого. Но дерзость так бесстыдна и безрассудна, что покушается даже и на невозможное. Потому и Евангелист, удивляясь их безумию, указывает на него, говоря: *в той день приступиша* (ст. 23). *В той день*: когда же это? В тот самый день, в который Спаситель изобличил лукавство фарисеев и посрамил их. Кто ж такие саддукеи? Это люди, составлявшие особенную секту между иудеями, отличную от фарисейской и гораздо худшую той, – утверждавшие, что нет ни воскресения, ни ангела, ни

духа. Они были грубее фарисеев, и совершенно преданы вещам телесным. У иудеев много было различных сект. Поэтому и Павел говорит: *я фарисей, последователь строжайшаго* у нас *учения* (Деян. XXVI, 5). Впрочем, саддукеи, приступив к Спасителю, не прямо начинают говорить о воскресении, но вымышляют какую-то басню и рассказывают о происшествии, по моему мнению, небывалом, думая привести Его в затруднение опровергнуть и то и другое: и то, что будет воскресение, и то, что оно будет такое, какое разумел Спаситель. И они, подобно фарисеям, приступают как будто с кротостью, говоря: *Учителю, Моисей рече: аще кто умрет не имый чад, да поймет брат жену и воскресит семя брата. Беша же в нас седмь братия; и первый оженся умре, и не имый семене, остави жену брату. Такожде и вторый, и третий, даже до седмаго. Последи же умре и жена. В воскресение убо котораго от седмих будет жена* (ст. 24–28)? Смотри, с какой мудростью, приличной истинному учителю, Спаситель отвечает им. Хотя они приступили к Нему и с коварным намерением, но вопрос их происходил более от неведения. Поэтому Спаситель и не называет их лицемерами. А чтобы Он не спросил: почему семеро имели одну жену? саддукеи ссылаются на Моисея, хотя весь их рассказ, как я уже сказал, по мнению моему, был вымышлен. Действительно, третий не взял бы ее за себя, видя, что уже два ее мужа умерли; а если бы взял ее за себя третий, то не взял бы четвертый и пятый; если же бы и эти согласились, то верно уже не решились бы на это шестой и седьмой, но отвратились бы от нее, опасаясь той же участи, так как к таковым опасениям склонны были иудеи. Если и ныне многие имеют подобные опасения, то тем более тогда имели их иудеи, которые и без того избегали подобных супружеств, несмотря на то, что были обязываемы к тому законом. Вот почему и Руфь, моавитянка, вышла за дальнего родственника,

тогда как был ближайший, а Фамарь по той же причине принуждена была обмануть свекра своего, чтобы не остаться бездетной. Для чего же саддукеи выдумали, что не двух или трех, но семь мужей имела одна жена? Через это они надеялись еще более осмеять учение о воскресении. Потому-то и говорят: *вси имеша ю*, думая, что уже после этого Ему нечего сказать. Что же Христос? Он отвечает на то и другое, имея в виду не слова их, но намерение, и так же, как и прежде, открывает сокровенные их помышления, частью обнаруживая перед всеми, а частью предоставляя обличение их совести вопрошающих. Теперь смотри, как Он показывает и то и другое, то есть, что будет и воскресение, и что оно будет не такое, каким они представляют его себе. Что же Он говорит им? *Прельщаетеся, не ведуще Писания, ни силы Божия* (ст. 29). Так как они ссылаются на Моисея и на закон, как знающие его, то Спаситель показывает, что самый этот вопрос и обличает их в неведении Писания. Потому-то они и искушали Его, что не разумели Писания надлежащим образом, и не знали силы Божией. Удивительно ли, говорит Он, что вы искушаете Меня, Которого еще не знаете, когда не ведаете даже силы Божией, столько доказательств которой вам представлено, и между тем вы не познали ее ни из Писания, ни из общих начал разума? Ведь и из общих начал разума можно знать, что Богу все возможно.

3. И во-первых, Спаситель отвечает на вопрос. Так как причиной того, что они не верили в воскресение, было мнение их, что порядок вещей всегда останется неизменен, то Он прежде всего устраняет причину болезни, а потом врачует и самую болезнь (так как последняя происходила от первой), и показывает свойства воскресения: *в воскресение бо*, говорит, *ни женятся, ни посягают, но яко ангели Божии на небеси суть* (ст. 30), —

или, как говорит Евангелист Лука, *яко сынове Божии* (Лк. XX, 36). Итак, если в воскресение не женятся, то неуместен и вопрос саддукеев. Впрочем, не потому сыны воскресения называются ангелами, что не женятся, а потому не женятся, что будут подобны ангелам. Этими словами Спаситель уничтожил многие и другие попечения (о мирских удовольствиях), которые все Павел заключил в одном слове, сказав: *преходит бо образ мира сего* (1 Кор. VII, 31). Объяснив, каково будет воскресение, Спаситель далее показывает, что оно действительно будет. Конечно, и эта истина вытекала из вышесказанного; но Он, не довольствуясь прежними словами, присоединяет к ним новое доказательство. Он имел в виду не только один вопрос, но и самые мысли вопрошающих. Так, когда спрашивают Его не со злым намерением, но по неведению, то Он в ответе своем сообщает более, нежели сколько требовалось на вопрос; а когда вопросы внушает одна злоба, то не отвечает и на то, о чем спрашивают. Итак, Он вновь заграждает уста саддукеев словами Моисея, так как и они сами ссылались на Моисея: *о воскресении же мертвых*, говорит Он, *несте ли чли, яко Аз есмь Бог Авраамов, и Бог Исааков, и Бог Иаковль? Несть Бог мертвых, но живых* (ст. 31–32). Бог не есть Бог не существующих и совершенно уничтожившихся, которые никогда уже не воскреснут; не сказал о Себе: Я был; но сказал: Я Бог сущих и живых. Как Адам, хотя и жив был в тот день, когда вкусил от древа, но тотчас после изречения суда Божия подвергся смерти, так и праотцы, хотя и умерли, но остались живыми по обетованию воскресения. Как же в другом месте сказано: *да и мертвыми, и живыми обладает* (Рим. XIV, 9)? Изречение это не противоречит предыдущему, потому что здесь говорится о мертвых, которые некогда оживут. Впрочем, есть и различие между словами: *Аз есмь Бог Авраамов*, и изречением: *да и мертвыми и живыми*

обладает. Надобно знать, что есть иная смерть, о которой сказано: *оставите мертвыя погребсти своя мертвецы* (Лк. IX, 60). *И слышавше народи, дивляхуся о учении Его* (ст. 33). Но эту пользу получили не саддукеи, которые будучи побеждены удалились, а народ, слушавший Его в простоте сердца. Итак, если таково будет воскресение, то употребим все усилия, чтобы удостоиться первенства в будущей жизни. Если же угодно, то мы покажем вам таких подвижников, которые еще здесь, прежде воскресения, проводят равноангельское житие и преуспевают в нем, а для этого опять удалимся с вами в пустыни. Я опять буду беседовать с вами о подвизающихся там, так как вижу, что вы с великим удовольствием слушаете о них. Итак, посмотрим теперь на эти духовные воинства, посмотрим на удовольствия, не возмущаемые никаким страхом. Эти подвижники, как воины живут в шатрах, но не с копьями, не со щитами и бронями (на этом я остановился в прежнем слове). Ты увидишь, что у них нет ничего подобного, и однако ж они совершают такие подвиги, каких те не могут совершить и с оружием. Итак, если ты способен видеть эти подвиги, то дай мне руку, и мы оба пойдем и посмотрим на эту войну и на стройные ряды тех воинов. И они каждый день сражаются, умерщвляют врагов, и побеждают все те похоти, которые обыкновенно обуревают нас. Ты увидишь врагов их поверженными на землю и не имеющими никакого движения, — увидишь на самом деле исполнение апостольского слова: *иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. V, 24). Видишь ли множество лежащих мертвецов, убитых мечом духовным? Поэтому-то нет там ни пьянства, ни пресыщения. Это показывает и самая их трапеза, и знамение победы, воздвигнутое на ней. Пьянство и пресыщение побеждено у них питьем воды, и лежит повержено и мертво. А это многообразный и

многоглавый зверь. Как у баснословной Сциллы и Гидры, так и у пьянства много голов: здесь вырастает у него блуд, там гнев; здесь тупость ума и сердца, а там постыдная любовь. У воинов же духовных все эти враги умерщвлены. Обыкновенные воины, хотя бы одержали тысячу побед, бывают побеждаемы этими врагами, и ни щиты, ни копья, ни другие оружия не могут устоять против нападения этих полчищ. Напротив, ты увидишь, что эти гиганты, эти храбрые ратоборцы показавшие бесчисленные опыты своего мужества, без всяких уз связаны сном и пьянством, без всяких смертоносных ударов и ран лежат как израненные, или даже найдешь их еще в худшем состоянии. Ведь раненые, по крайней мере, еще имеют движение; а у них нет и этого, но они вдруг после поражения делаются неподвижными. Теперь видишь, что духовные воины гораздо сильнее обыкновенных, и более заслуживают удивления, так как одним хотением умерщвляют врагов, которыми те побеждаются. Они так обессиливают страсть к пьянству — эту мать всех зол, — что она уже не причиняет им более никаких беспокойств; а как скоро военачальник низложен и голова отсечена, то и все тело лежит без действия. Притом, в воинстве духовном каждый воин одерживает такую победу. И здесь бывает не так, как на бранях с врагами внешними, что как скоро кто от одного получил рану и пал, другому уже не может причинить вреда; но все должны поражать этого зверя, и кто сам не нанес ему смертоносного удара и не низложил его, того он не перестает беспокоить всячески.

4. Видишь ли славную победу этих воинов? Каждый из них воздвигает такие трофеи, каких не могут воздвигнуть воинства, собранные от всех концов вселенной. Они отринули от себя все беспорядочное и безрассудное: безумные слова, неистовые помышления, нестерпимую гордость и все, чем вооружается против

человека пьянство. Они подражают своему Владыке, о Котором Писание с удивлением говорит: *от потока на пути пиет, сего ради вознесет главу* (Пс. CIX, 7). Хотите ли еще видеть множество мертвых другого рода? Посмотрим на вожделения, происходящие от сластолюбия, которым служат искусные повара, приготовляющие различные лакомые кушанья. Я стыжусь подробно и перечислять их; упомяну только о птицах, доставляемых с берегов Фазиса, о соусах богато приправленных, о жидких и сухих кушаньях, и о правилах, установленных для пиршеств. Как правители городов и военачальники, устанавливающие воинов в строй, так и законодатели пиршеств полагают правила, и назначают, что должно подавать прежде, и что после. Иные сначала предлагают птиц, изжаренных на угольях и начиненных рыбой; а другие начинают с других кушаний эти противные закону пиршества, и много спорят о качестве, о порядке и о количестве их, и хвалятся тем, чего бы надлежало стыдиться: одни — что провели в пиршестве половину дня, другие — целый день, а иные — еще и ночь. Посмотри, бедный человек, как мало нужно пищи для желудка, — и постыдись неумеренности твоих забот о его насыщении! Ничего подобного нет у тех ангелов, — у них мертвы как эти, так и все другие вожделения. Они употребляют пищу не для пресыщения и наслаждения, но для удовлетворения естественной потребности. Нет между ними ни птицеловов, ни рыболовов. Они довольствуются хлебом и водой. Смятение, шум и беспокойства, все это совершенно изгнано оттуда, и как в жилищах их, так и в теле великая тишина; напротив у сластолюбцев во всем беспорядок. Представь себе внутренность желудка их, и ты увидишь множество сора, поток нечистот, гроб поваленный; а что бывает после, о том стыжусь и говорить — отвратительная отрыжка, блевание, извер-

жения низом и верхом!.. Но не одни эти вожделения ты усмотришь там умерщвленными, а и другие, еще сильнейшие, происходящие от них, то есть сладострастные. Ты увидишь, что все они повержены вместе с конями и со всем обозом. А обоз, оружие и кони срамных дел – это срамные слова. Но вот и конь, и этот всадник, и оружие лежат во прахе. Напротив, у рабов сладострастия ты усмотришь совсем иное, а души их – мертвыми и поверженными. И не только над чревоугодием одержали блистательную победу те святые мужи, но и над другими страстями: любостяжанием, славолюбием, завистью и вообще над всеми болезнями (душевными). Теперь не видишь ли, что эти воины сильнее воинов царя земного, и что трапеза их – лучше трапезы тех? Кто станет противоречить этому? Никто, даже и из самих чревоугодников, как бы кто из них ни был безумен. Подлинно, трапеза мужей святых возводит на небо, а трапеза сластолюбцев влечет в геенну. Эту приготовляет диавол, а ту – Христос. Для этой дает правила сластолюбие и необузданная роскошь, а для той – любомудрие и целомудрие. Здесь пребывает Христос, а там – диавол. Где пьянство, там и диавол; где срамословие и пресыщение, там ликуют демоны. Такую трапезу имел богач, упоминаемый в Евангелии; но за то (по смерти) ему не было дано и одной капли воды.

Напротив, пустынножители заботятся не о такой трапезе, но о житии ангельском. Они не женятся, не посягают, не спят много, не предаются изнеженности; но кроме самых немногих нужд, неизбежных для существа телесного, живут как бестелесные. Кто же так легко может одолевать врагов, как не тот, кто, принимая пищу, в то же время одерживает победу? Поэтому и пророк говорит: *уготовал еси предо мною трапезу сопротив стужающим мне* (Пс. XXII, 5). Мы не погрешим, если

применим эти слова и к этой трапезе. Действительно, ничто так не стесняет духа, как безумное вожделение, сластолюбие, пьянство и всякое зло, происходящее отсюда. Это хорошо знают испытавшие. Если же рассмотришь и то, какими средствами приготовляется эта трапеза и трапеза сластолюбцев, то ясно увидишь различие той и другой. Какими же средствами приготовляется трапеза сластолюбцев? Пролитием множества слез, расхищением имущества вдов, разграблением сирот. Напротив, трапеза пустынножителей – праведными трудами. Последняя подобна красивой и благообразной жене, которая не нуждается ни в каких внешних украшениях, но имеет природную красоту; напротив та – подобна гнусной и отвратительной блуднице, которая хотя употребляет различные притирания, но не может закрыть своего безобразия, и чем ближе к кому подходит, тем более обнаруживает его. Такова и трапеза сластолюбцев: чем ближе подойдешь к ней, тем более увидишь ее гнусность. Для этого посмотри на пиршествующих не тогда, когда они сходятся, но когда встают из-за стола, и тут-то ты увидишь всю их отвратительность. Та, будучи свободна, не позволяет собеседникам говорить ничего срамного; а эта, как бесчестная блудница, не дает сказать ничего целомудренного. Та ищет пользы своих соучастников, а эта – погибели. Та не позволяет оскорбить Бога, а эта заставляет оскорблять Его. Итак, пойдем к тем (любителям воздержания). Там узнаем, как многими узами мы связаны; там научимся устроять трапезу, исполненную бесчисленных благ, сладостнейшую, не требующую издержек, чуждую всяких забот, зависти и злословия, свободную от всякой болезни, исполненную благих надежд, доставляющую множество побед. Нет там никаких возмущений душевных, нет ни болезней, ни гнева; все тихо, все мирно. Не указывай мне на молчание слуг в

домах богачей, но представь себе шум пирующих, — не тот, который происходит от их разговоров (хотя и этот уже достоин посмеяния), но шум внутренний, происходящий в душе и отдающий их в плен многим врагам; представь мятеж, волнение, мрак и бурю их мыслей, от которой все приходит в смешение и беспорядок, подобно тому, что бывает в ночном сражении. Напротив, в обителях монашеских нет ничего подобного; там великая тишина, великое безмолвие. За той трапезой следует сон, подобный смерти, а за этой — трезвость и бодрствование; та подвергает мучению, а эта приводит к царству небесному и бессмертным наградам. Итак, будем стремиться к этой трапезе, чтобы нам насладиться и ее плодами, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXI

Фарисее же слышавше, яко посрами саддукеи, собрашася вкупе. И вопроси един от них законоучитель, искушая Его, и глаголя: Учителю, кая заповедь больши есть в законе? (Мф. XXII, 34, 35)

1. Опять Евангелист представляет новую причину, по которой фарисеям надлежало бы умолкнуть, и таким образом еще более обнаруживает дерзость их. Как же это? Спаситель уже заградил уста саддукеев, и фарисеям после этого надлежало бы замолчать; но вот они опять приступают к нему, опять с прежним злобным намерением заводят с Ним спор, и подсылают к нему законника, не с тем, чтобы научиться, но чтобы искусить Его, и спрашивают: какая первая заповедь? Они знали, что первая заповедь: *возлюбиши Господа Бога твоего;* но ожидали, что Спаситель поправит ее, назвав Себя

самого Богом, и через то подаст им случай обвинить Его, а потому и предложили такой вопрос. Что же отвечает Христос? Желая показать, что они предлагают этот вопрос потому, что вовсе не имеют любви, но истаивают от злобы и снедаются завистью, Он говорит: *возлюбиши Господа Бога твоего, сия есть первая и большая заповедь. Вторая же подобна ей: возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе* (ст. 37–39). Почему же подобна ей? Потому что вторая пролагает путь к первой, и взаимно поддерживается ею. *Всяк бо*, сказано, *делаяй злая ненавидит света и не приходит ко свету* (Ин. III, 20); и в другом месте: *рече безумен в сердце своем: несть Бог* (Пс. XIII, 1). А что отсюда происходит? *Растлеша и омерзишася в начинаниих* (там же). И еще: *корень всем злым есть сребролюбие, егоже нецыи желающе заблудиша от веры* (1 Тим. VI, 10); и: *любяй Мя заповеди Моя соблюдет* (Ин. XIV, 15). А из всех заповедей Его главная заповедь: *возлюбиши Господа Бога твоего, и ближняго твоего яко сам себе.* Итак, если любить Бога – значит любить ближнего, так как Спаситель сказал Петру: если ты любишь Меня, паси овец Моих (Ин. XXI, 16), а любовь к ближнему имеет плодом своим хранение заповедей, то истинно сказано: *в сию обою заповедию весь закон и пророцы висят.* Потому как прежде поступил Спаситель, так поступает и теперь. Там, на вопрос саддукеев о том, каково будет воскресение, Он сказал больше, нежели сколько содержалось в вопросе, для того, чтобы научить их; так и здесь, будучи спрошен о первой заповеди, приводит и вторую, почти столько же важную, как и первая (она хотя и называется второй, но подобна первой). Этим Он давал им заметить, из какого источника происходил их вопрос, то есть, от злобы: *ибо любы не завидит* (1 Кор. XIII, 4). Таким образом, Спаситель доказал, что Он повинуется и закону, и пророкам. Но почему Евангелист Матфей говорит о законнике, что Он искушая предложил вопрос, тогда

как Марк говорит обратное: *видев*, говорит он, *Иисус яко смысленно отвеща, рече ему: не далече еси от царствия Божия* (Мк. XII, 34)? Тут нет никакого противоречия; напротив, евангелисты совершенно согласны между собой. Сначала законник спросил Его искушая, но потом воспользовался ответом Спасителя, – и получил от Него похвалу. Спаситель не с самого .начала похвалил его; но когда законник отвечал, что любить ближнего – больше всех всесожжений, тогда уже Господь сказал ему: *не далече еси от царствия Божия*, – потому что он, презрев низшие обязанности, постиг, в чем состоит начало добродетели. Все ведь прочие обязанности, как-то: хранение субботы и другие, имеют целью любовь. Впрочем Спаситель не присваивает ему совершенной похвалы, а показывает, что ему еще многого недостает. Слова: *не далече еси от царствия* означают то, что он еще не достиг его, и сказаны с тем намерением, чтобы он искал, чего ему недостает. А что Спаситель похвалил его, когда он сказал: *един есть Бог, и несть ин разве Его* (Мк. XII, 33), не удивляйся тому, но познай отсюда, как Он применяется к понятиям приходящих к Нему. Пусть они говорят о Христе весьма много такого, что недостойно славы Его, только бы не дерзали совсем отвергать бытия Божия. Итак, за что же он хвалит законника, когда он сказал, что, кроме Отца, нет иного Бога? Это не значит того, чтобы Иисус Христос не признавал Себя Богом, – да не будет! – но так как не пришло еще время открыть Ему Свое божество, то Он и оставляет законника при прежнем учении и хвалит его за то, что он хорошо знает древний закон, чтобы таким образом сделать его способным к принятию учения и новозаветного, когда оно открыто будет в приличное время. Кроме того, слова: *един есть Бог и несть ин разве Его*, как в Ветхом Завете, так и в Новом, приводятся не в опровержение божества Сына Божия, а для того, чтобы отличить

идолов от истинного Бога. С этой мыслью и Спаситель хвалит законника, произнесшего данные слова. Потом, дав ответ на его вопрос, Иисус и сам спросил (фарисеев): *что ся вам мнит о Христе? Чий есть Сын? Глаголаша Ему: Давидов* (ст. 42). Итак, смотри, сколько Он сотворил чудес и знамений, сколько предложил других вопросов, сколько представил доказательств Своего единомыслия с Отцом и в словах и в делах, какую приписал похвалу законнику, сказавшему: *един есть Бог,* прежде нежели предложил этот вопрос, чтобы фарисеи не могли сказать, что хотя Он и творит чудеса, но оказывается противником закона и врагом Божиим. Вот почему этот вопрос Он и предлагает после столь многих доказательств, неприметным для них образом приводя их к признанию и Его Богом. И прежде Он предлагал подобный вопрос ученикам Своим, но сперва спросил их: *за кого почитают Меня другие,* а потом уже — *за кого они сами?* Но фарисеев спрашивает иным образом. В противном случае они, привыкнув все говорить без всякого страха, тотчас назвали бы Его обманщиком и злым человеком. Поэтому Он и требует их собственного суда.

2. Так как Спаситель хотел идти на страдание, то и приводит теперь такое пророчество, в котором Он ясно назван Господом; и делает это не просто и не без причины, но имея для того достаточное основание. Так как они на первый вопрос Его не дали правильного ответа (назвав Его простым человеком), то, в опровержение их ложного мнения о Нем, Он приводит слова Давида, возвещающего Его божество. Они почитали Его простым человеком, почему и сказали: *Давидов,* Спаситель же, исправляя это их мнение, приводит пророка, утверждающего, что Он Господь и истинный Сын Божий, и что Ему принадлежит одинаковая честь с Отцом. Впрочем Он и на этом не останавливается, но чтобы возбу-

дить в них чувство страха, приводит и следующие слова пророка: *дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих,* — для того, чтобы по крайней мере этим средством обратить их к Себе. А для того, чтобы они не сказали, что в этих словах Давида есть преувеличение, похожее на ложь, и что это просто лишь сказано по суждению человеческому, смотри, что говорит Он: *како убо Давид духом Господа Его нарицает?* Смотри, с какою скромностью Он указывает на мнение и суд о Нем пророка. Сперва Он сказал: *что ся ва́м мнит? Чий есть Сын?* чтобы этим вопросом побудить их к ответу. Потом, когда они сказали: *Давидов,* не сказал: Давид говорит однако же следующее, но опять в виде вопроса: *како убо Давид Господа Его нарицает?* — чтобы им не показалось противным Его учение о божестве. По этой же причине Он не сказал: как вы думаете о Мне, но: *о Христе.* Поэтому-то и апостолы со всей скромностью говорили о патриархе Давиде; *достоит рещи с дерзновением о патриарсе Давиде, яко и умре и погребен бысть* (Деян. II, 29). Подобным образом и сам Спаситель предлагает учение о Себе в виде вопроса и рассуждения, говоря: *како убо Давид духом Господа Его нарицает, глаголя: рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих?* И потом: *аще убо Давид нарицает Его Господа, како сын ему есть?* (ст. 43—45). Этим Он не отвергает того, что Он есть сын Давидов, — нет; Он и Петра не укорил бы за это, — но только исправляя мнение фарисеев. Поэтому слова Его: *како сын ему есть?* имеют такое значение: Он — сын Давидов, но не в том смысле, как вы разумеете. Они говорили, что Христос есть только сын Давидов, а не Господь. Итак, Он сперва приводит свидетельство пророка, а потом уже исправляет их мнение со всей кротостью, говоря: *аще убо Давид Господа Его нарицает, како сын ему есть?* Но выслушав эти слова, фарисеи ничего не отвечали; они совсем не хотели знать истины.

Поэтому Он сам наводит их на ту мысль, что Он есть Господь Давиду. Но и это Он говорит не прямо от Своего лица, а приводя слова пророка, потому что они вовсе не верили Ему, и думали о Нем худо. Смотря на это их расположение, ни в каком случае, конечно, не должно соблазняться тем, что Спаситель иногда говорит о Себе уничиженно и смиренно, так как главной причиной этого, кроме многих других, было то, что Он в беседах с ними приноровлялся к их понятиям. Вследствие этого и теперь Он предлагает им Свое учение посредством вопросов и ответов; но и таким образом Он все же прикровенно указывает им на Свое достоинство, потому что не одинаково важно было называться Господом иудеев, и Господом Давида. Далее посмотри, как благовременно предлагает Он это учение. Сказав наперед, что Господь один, говорит потом и о самом Себе, что Он Господь, и доказывает это не только делами Своими, но и свидетельством пророка; и вместе с этим возвещает, что сам Отец отомстит им за Него, говоря: *дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих,* и таким образом доказывая Свое согласие и равное достоинство с Отцом. Этими словами Спаситель заключает беседу Свою с фарисеями, представив им учение высокое, величественное и могущее заградить уста их. И они действительно с того времени замолчали, не по собственному желанию, но потому что не могли ничего возразить; и таким образом получили столь решительный удар, что уже не отваживались более так нападать на Него, — сказано: *ниже смеяше кто от того дне воспросити Его ктому* (ст. 46). И это принесло народу немалую пользу. Потому-то Спаситель, прогнав этих волков и разрушив их злые умыслы, и обращает, наконец, Свое слово к народу.

Фарисеи, будучи заражены тщеславием и преданы этой ужасной страсти, не получили от Его беседы ника-

кой пользы. И в самом деле, страсть эта ужасная и многоглавая Увлеченные ею, одни стремятся к богатству, другие к власти, иные могуществу. Распростирая власть свою далее, она обращает себе в пищу и милостыню, и пост, и молитвы, и дар учения, да много еще и других глав у этого зверя. Впрочем, нисколько не удивительно, когда люди гордятся богатством и властью; но то странно и достойно оплакивания, когда они самый пост и молитву обращают в предмет своего тщеславия. Но чтобы, в свою очередь, не останавливаться здесь только на одних упреках, мы укажем и способ, как избегать этой страсти. С кого же прежде всего начать нам? С тех ли, кто тщеславится богатством, или одеждой, или властью, или даром учения, или крепостью телесной, или искусством, или красотой, или нарядами, или жестокостью, или человеколюбием и милостыней, или пороками, или смертью, или распоряжениями, долженствующими совершиться после их смерти? Страсть эта, как я сказал, многоразличным образом опутывает нас, и простирается даже за пределы нашей жизни. Потому и говорят: такой-то умер и, чтобы удивлялись ему, завещал сделать то и то. Поэтому же один хочет быть бедным, а другой богатым. Это-то особенно и ужасно, что страсть тщеславия находит себе пищу в предметах противоположных.

3. Итак, против кого же нам вооружиться и ополчиться? А одного и того же слова обличения против всех этих видов тщеславия недостаточно. Хотите ли, чтоб я вооружился против тех, которые тщеславятся раздаванием милостыни? Я охотно желал бы этого. Я весьма люблю милостыню, и скорблю, видя, как тщеславие портит ее и развращает, подобно какой-нибудь кормилице, которая, служа царской дочери, завлекает ее в постыдные связи, и которая хотя и ходит за ней, но в то же время, к ее стыду и вреду, приучает ее к непот-

ребным делам, убеждая презирать наставления отца, и наряжаться, чтобы понравиться развратным и много раз осрамившим себя мужчинам, и для этого заставляет ее носить такие срамные и позорные наряды, которые могут нравиться сторонним людям, а не отцу. Итак, обратимся к тщеславным людям подобного рода и представим себе, что кто-нибудь подает милостыню щедрой рукой только напоказ перед людьми. Таким образом подающий милостыню выводит ее из чертога отеческого. В самом деле, Отец небесный повелевает, чтобы даже левая рука не знала об ней; а подобного рода милостыня выставляет себя напоказ и рабам, и всем встречным, хотя бы они совсем и не знали ее. Не видишь ли ты здесь и блудницу, и соблазнительницу, которая возбуждает к себе любовь в людях непотребных и с этою целью украшается так, как нравится им? Далее, хочешь ли видеть, как тщеславие делает преданную ему душу не только блудницей, но и доводит до безумия? Посмотри ближе на ее чувствования. Вот она, оставив небо, бегает по распутиям и переулкам, гоняясь за рабами беглыми и невольниками, гнусными и безобразными, которые ненавидят ее и не хотят даже взглянуть на нее, а она горит к ним любовью. Что же может быть безумнее этого? В самом деле, люди никого столько не ненавидят, как домогающихся от них себе чести. Они сплетают на них множество клевет, и здесь бывает то же, как если бы кто царскую дочь, девицу, низведя с царского престола, заставил отдаться на поругание гладиаторам, презирающим ее. Так поступают и люди: чем более ты гоняешься за ними, тем более они от тебя отвращаются. Напротив Бог, когда ты будешь искать чести у него, по мере твоего усердия будет и привлекать тебя, и утешать тебя похвалами, и воздаст тебе великую награду. Но если ты хочешь и с другой стороны видеть, насколько бес-

полезна милостыня, когда подаешь ее напоказ и из тщеславия, то размысли, какая постигнет тебя печаль, и какая нескончаемая скорбь будет одолевать тебя, когда возгремит перед тобой глас Христов: ты погубил всю мзду свою! Тщеславие и везде пагубно, но особенно в делах человеколюбия, так как здесь оно является крайней жестокостью, извлекая себе хвалу из чужих бедствий и почти ругаясь над живущими в нищете. Если указывать на свои благодеяния значит укорять облагодетельствованного, то не гораздо ли хуже выставлять их напоказ перед многими? Как же нам избежать этого зла? Мы избежим его, когда научимся быть истинно милосердыми, и рассмотрим, у кого мы ищем славы. Скажи мне, кто первый учитель милостыни? Конечно, Тот, Кто примером Своим научил нас ей, то есть Бог, Который всех лучше знает и бесконечно оказывает ее. Что же? Если бы ты учился искусству борьбы, на кого бы стал ты смотреть, или кому стал бы показывать свои успехи в нем, — тому ли, кто продает овощи и рыбу, или учителю этого искусства, хотя бы тех было и много, а этот один? И если бы все прочие стали смеяться над тобой, а он хвалил бы тебя, то не стал ли бы и ты сам вместе с ним смеяться над ними? Или: если бы ты учился искусству бойцов, то не стал ли бы точно так же смотреть на того, кто умеет обучать этому искусству? Равным образом, если бы ты занимался красноречием, то не стал ли бы дорожить похвалами учителя красноречия, и пренебрегать суждением других? Итак не безрассудно ли в других искусствах обращать внимание только на одобрение учителя, а в делах милосердия поступать наоборот, — и тем более, что вред в том и другом случае неодинаков? В самом деле, если ты борешься только для того, чтобы нравиться народу, а не учителю, то и вся беда имеет значение только по отношению к этой борьбе, здесь же дело каса-

ется жизни вечной. Если ты через милостыню уподобляешься Богу, то будь же подобен Ему и в том, чтобы не делать ее напоказ. Когда Он исцелял кого, то говорил, чтобы никому о том не сказывали. Но ты хочешь слыть между людьми милостивым? Что за прибыль? Прибыли никакой нет, а вред бесконечный, так как те самые, кого ты призываешь в свидетели, отнимают у тебя, как разбойники, сокровища небесные, или, лучше сказать, не они, а мы сами разграбляем свое стяжание и расточаем свое богатство, хранящееся в горних обителях. Вот новое бедствие, новое, необыкновенное зло! Чего не истребляет моль, чего не похищает тать, то разграбляет тщеславие. Вот моль, истребляющая вечные сокровища! Вот тать, разграбляющий небесные блага! Вот похититель некрадомого богатства! Вот что разрушает и развращает все доброе! Итак, когда диавол видит, что страна эта недоступна ни для разбойников, ни для других злоумышленников, но что ее сокровищ не истребляет моль, — расхищает их тщеславием.

4. Но ты желаешь славы? Неужели для тебя не довольно славы от человеколюбца Бога, Который сам принимает от тебя милостыню, что ты ищешь еще славы и от людей? Берегись, чтобы не испытать противного: чтобы люди не стали смотреть с презрением на тебя, как на человека, не милость являющего, но хвастливого и честолюбивого и только выставляющего на позор чужие бедствия. Милостыня есть тайна. Итак, запри двери, чтобы кто не увидел того, чего показывать не должно. Главные тайны наши — это милосердие и человеколюбие Божие. Он по многой милости Своей помиловал нас, непокорных. И в первой молитве, которую приносим за бесноватых, мы испрашиваем милости; потом во второй — за кающихся — просим для них великой милости; наконец и в третьей — за самих себя,

в ней же из среды народа указываем на невинных детей, — умоляем Бога о милости. Так как мы сами сознаем свои прегрешения, то за тех, которые много погрешили и достойны осуждения, молимся сами, а за себя самих представляем молящимися детей, подражающих простоте которых ожидает царство небесное. Этот образ молитвы показывает то, что люди смиренные и бесхитростные, подобно детям, могут преимущественно молиться за виновных. А какой великой милости, какого человеколюбия исполнено это таинство, это знают посвященные. Так и ты, когда по возможности своей оказываешь человеку милость, запри дверь: пусть это видит один тот, кто получает милость; а если можно, то пусть даже и он не видит. Если же ты отворишь дверь, то обнаружишь свою тайну. Подумай, что и тот, у кого ты ищешь славы, осудит тебя. Если это будет друг твой, то он сам про себя подумает о тебе худо; а если враг, то он осмеет тебя и перед другими, и ты испытаешь противное тому, чего желал. Тебе хочется, чтобы он сказал о тебе, что ты человек милостивый; но он не скажет этого, а назовет тебя тщеславным и человекоугодником, и еще как-нибудь гораздо хуже. Если же ты скроешь от него свое доброе дело, то он будет говорить о тебе совершенно противное этому, — будет называть тебя человеколюбивым и милостивым. Бог не допускает оставаться в неизвестности доброму делу, и если ты сам скроешь его, Он обнаружит; и тогда будет больше удивления и больше пользы. Таким образом, выказывая себя, мы сами полагаем себе препятствие к приобретению славы; к чему мы сильно стремимся и чего нетерпеливо желаем, к тому не допускает нас самая наша нетерпеливость, так что мы не только не получаем славы людей милостивых, но еще возбуждаем противное о себе мнение, а сверх того терпим великий вред. Ради всего этого и будем убегать тщеславия, и возлюбим одну

славу Божию. Таким образом, мы и здесь достигнем славы, и сподобимся вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXII

Тогда Иисус глагола к народом и учеником Своим, глаголя: на Моисеове седалищи седоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекут вам творити, творите, по делом же их не творите (Мф. XXIII, 1–3)

1. *Тогда:* когда же это? Когда Спаситель окончил беседу Свою с фарисеями, когда заградил им уста, когда довел их до того, что они не осмеливались более искушать Его, когда показал, что они страждут неисцельным недугом. И так как выше упомянул о Господе, глаголавшем к Господу, то теперь опять обращается к закону. Может быть, ты скажешь: закон не говорит ничего подобного, а говорит только: *Господь Бог твой. Господь един есть* (Втор. VI, 4). Но в Писании называется законом весь Ветхий Завет. А что теперь говорит Спаситель, говорит для того, чтобы всячески показать Свое совершенное согласие с Отцом. Если бы Он был противен Отцу, то противное говорил бы и о законе. Ныне же Он предписывает оказывать такое уважение к закону, что̀ велит наблюдать его, несмотря даже и на развращение учителей закона. При этом Он беседует и о жизни, и о должном образе поведения, так как главнейшей причиной неверия фарисеев была развращенная жизнь и любовь к славе. Итак, чтобы исправить слушателей, Спаситель особенно повелевает им соблюдать то, что наиболее споспешествует спасению, именно: не презирать учителей и не восставать против священников; и не только повелевает другим, но и Сам исполняет

это. Он и у развращенных учителей не отнимает должного уважения, подвергая их через это тем большему осуждению, а у слушающих Его учение отнимая всякий предлог к непослушанию; чтобы кто не сказал: я потому стал ленив, что учитель мой худ, Он и отнимает самый повод. Итак, несмотря на развращение книжников, Спаситель так твердо ограждает права их власти, что и после столь сильного обличения сказал народу: *вся, елика аще рекут вам творити, творите*, — потому что они предлагают не свои заповеди, но Божии, которые Бог открыл в законе через Моисея. И заметь, какое Он оказывает уважение к Моисею, снова доказывая согласие Своего учения с Ветхим Заветом, когда и самих книжников считает заслуживающими уважения из почтения к Моисею: *на Моисеове седалищи седоша*, говорит Он. Так как Он не мог представить их достойными доверия по их жизни, то предлагает к тому законные побуждения, упоминая о кафедре и учении Моисея. Когда же слышишь слово: *вся*, не разумей здесь всего закона, как, например, постановлений о пище, о жертвах и тому подобном. Как Он мог говорить теперь о том, что отменил еще прежде? Под словом: *вся* разумеет Он предписания, служащие к исправлению нравов, улучшению образа жизни, согласные с правилами Нового Завета и освобождающие от ига закона. Почему же Он повелевает делать это не на основании закона благодати, а закона Моисеева? Потому что еще не время было ясно говорить об этом прежде креста. Кроме того, мне кажется, что Он, говоря это, имел в виду и нечто еще другое. Так как Он хотел обличить фарисеев, то, чтобы не подумали люди неразумные, что Он сам ищет власти, принадлежащей им, или что делает это по ненависти, прежде всего Он уничтожает такое подозрение и, сделав это, уже приступает к обличению. Для чего же Он обличает их и так много говорит против них? Для

того, чтобы предохранить народ, чтобы и он не впал в такие же пороки. В самом деле, не одно и то же — просто запрещать зло и указывать на людей, делающих зло, подобно тому как не одно и то же — хвалить добрые дела и представлять примеры людей добродетельных. Вот почему Спаситель, еще прежде обличения фарисеев, говорит: *по делом же их не творите.* Чтобы народ не подумал, что, слушая их, он должен и подражать им, Спаситель прибавляет эти слова, мнимую их честь обращает им в осуждение. И действительно, что может быть несчастнее того учителя, ученики которого тем только и спасаются, что не смотрят на его жизнь? Таким образом мнимая честь этих учителей обращается в величайшее для них осуждение, когда жизнь их такова, что ученики их, подражая ей, совершенно развращаются. Потому Господь и обращается теперь к обличению их. Впрочем, Он делает это не по одной только этой причине, но и для того, чтобы показать, что и прежнее их неверие, и пригвождение Его ко кресту, на которое они осмелились после, не может быть обращено в вину Распятому, в Которого они не уверовали, но их самих обличает в нечестии и неблагодарности. Смотри же, с чего начинает и чем усиливает Он Свои обличения. *Глаголют бо, и не творят*, говорит Он. И всякий преступник закона достоин обвинения, а тем более тот, кто имеет власть учить. Таковой заслуживает вдвое и втрое больше осуждения: во-первых, потому, что преступает закон; во-вторых, потому, что, имея обязанность исправлять других, но сам хромая, достоин большего наказания, по высоте своего положения; а в-третьих, потому, что он сильнее увлекает других к пороку, так как нарушает закон, сам будучи учителем закона. Сверх всего этого, Спаситель обвиняет их еще и в том, что они жестоко поступают с людьми, вверенными их попечению. *Связуют бо бреме-*

на тяжка и бедне носима, и возлагают на рамена человеческа, перстом же своим не хотят двигнути их (ст. 4). Этими словами Он обнаруживает двоякое зло в их действиях: именно то, что они от подчиненных без всякого снисхождения требуют полной и совершенной исправности в жизни, а сами себе предоставляют полную свободу действия, между тем как доброму начальнику надлежало бы поступать иначе, то есть, к самому себе быть судьею строгим и взыскательным, а к подчиненным — кротким и снисходительным. Фарисеи же поступали наоборот.

2. Таковы и все любомудрствующие на словах. Они без милости строги и взыскательны, потому что не испытали, как трудно учить делами. Немаловажно и это зло, и придает много силы прежним обличениям. Но посмотри, как Спаситель еще более усиливает это обвинение против книжников. Он не сказал: не могут, но — *не хотят*; и не сказал: нести, но — *перстом двигнуть*, то есть не хотят даже и приблизиться, даже и прикоснуться. Но о чем же они заботятся и к чему устремлены их усилия? К тому, что возбранено законом. *Вся бо дела творят*, говорит Спаситель, *да видими будут человеки* (ст. 5). Этими словами Он обличает их в тщеславии, которое и погубило их. Вышеупомянутые поступки показывали их жестокость и нерадение; а те, о которых говорится теперь, обнаруживают в них неумеренное желание славы. Оно-то и удалило их от Бога, оно заставило их подвизаться на ином позорище и довело до погибели. Действительно, каких кто имеет зрителей, такие являет и подвиги, стараясь им понравиться. Так, кто подвизается перед людьми, исполненными мужества, тот и сам старается отличиться мужеством; а кто борется перед людьми слабыми и малодушными, и сам становится небрежен. Так, если кто имеет перед собою зрителей, любящих смеяться, то и сам старается быть

смешным, чтобы доставить им удовольствие. Другой же, имея перед собою зрителей серьезных и расположенных к любомудрию, и сам старается быть таким же, так как это согласно с расположением тех, от которых он ожидает себе похвалы. Но смотри, как и здесь Спаситель увеличивает вину фарисеев. Он не говорит, что в одних случаях они поступают так, а в других — иначе; но что во всех своих делах одинаково. Таким образом обличив их тщеславие, показывает далее, что они тщеславятся не важными какими-либо и нужными делами (никаких истинно добрых дел они не имели), но пустыми и ничтожными, которые обнаруживали только их развращение. *Расширяют бо*, говорит Он, *хранилища своя, и величают воскрилия риз своих.*

Какие же это хранилища и воскрылия? Так как они часто забывали благодеяния Божии, то Бог повелел им написать на особенных листочках чудеса Его, и привязывать эти листочки к рукам своим (потому и сказано: *да будут непоколеблема пред очима твоима* — Втор. VI, 8), что и называлось хранилищами, подобно тому, как ныне многие женщины носят Евангелия на шее. А чтобы и другим образом заставить их помнить о Его благодеяниях, Бог повелел им, как малым детям, делать то же, что многие делают во избежание забывчивости, обвязывая палец льном или нитью, то есть: пришивать по краям верхней одежды снурки гиацинтового цвета до самых ног, чтобы, взирая на них, они вспоминали о заповедях, — и это называлось воскрылиями. А они особенно заботились о том, чтобы делать широкие повязки для этих листочков и увеличивать воскрылия одежд, что показывало их крайнее тщеславие. Для чего ты гордишься и расширяешь их? Ужели в этом состоит твоя добродетель? Принесут ли они тебе какое-нибудь добро, если ты не воспользуешься тем, о чем они тебе напоминают? Бог не того требует, чтобы ты увеличи-

вал и расширял их, но чтобы помнил Его благодеяния. Если не должно хвалиться и милостынею, и постом, которые требуют от нас труда и суть наши дела добрые, то как же ты, иудей, превозносишься тем, что особенно обличает твое нерадение? Впрочем, иудеи не только в этих мелочах обнаруживали свое тщеславие, но и во многих других. *Любят бо*, говорит Он, *преждевозлегания на вечерях, и преждеседания на сонмищах, и целования на торжищах, и зватися от человек: учителю* (ст. 6–7). Может быть, все это сочтет кто-либо и за мелочи; но мелочи эти бывают причиною великих зол. Они разрушали и государство, и церкви. Я не могу удержаться от слез, когда и ныне слышу о *первоседаниях и целованиях*, и представлю, как много зол произошло отсюда для церквей Божиих. Но об этом не нужно теперь говорить вам подробно, и особенно старшие из вас не имеют нужды слышать от меня об этом. Лучше обратим внимание на то: где учителями закона овладевало тщеславие? Там, где им заповедано было предохранять себя от тщеславия – в синагогах, куда они ходили учить других. На пиршествах это могло бы показаться еще не так предосудительным, хотя и там учителю надлежало быть образцом, – он должен показывать пример не только в церкви, но и везде. Как человек, где бы он ни был, везде очевидным образом отличается от бессловесных, так и учитель, говорит ли, молчит ли, обедает ли, или что другое делает, должен являться образцом – и в походке, и во взоре, и в одежде, и вообще во всем. Напротив, фарисеи во всем являлись достойными осмеивания и стыда, стараясь гоняться за тем, чего следовало избегать. *Любят же*, говорит Он. Если и любить предосудительно, то каково делать? И насколько большее еще зло – гоняться за этим и домогаться получить это?

3. До сих пор, обличая пороки фарисеев, Спаситель обращался только к ним одним, так как пороки эти

были невелики и неважны, и не было нужды предостерегать от них учеников; но когда дело дошло до причины всех зол — любоначалия и восхищения учительских кафедр, то Спаситель, выставляя на вид этот порок, обличает его со всею строгостью, восстает против него со всею ревностью и силой, обращаясь и к ученикам Своим. Что именно говорит Он? *Вы же не нарицайтеся учители* (ст. 8). А вслед затем указывает и причину этого: *един бо есть ваш Учитель, вси же вы братия есте;* и один другого ничем не превосходит, потому что ничего не имеет своего. Поэтому-то и Павел говорит: *кто бо есть Павел? Кто же ли Аполлос?* Кто Кифа? Но точию служителие (1 Кор. III, 5). А не сказал: учители. И еще: *не зовите себе отца* (ст. 9). Это не то значит, чтобы они никого не называли отцом, но чтобы знали, кого собственно должно называть отцом. Как учитель не есть учитель в собственном смысле, так и отец. Один Бог есть виновник всех — и учителей, и отцов. И еще присовокупляет: *ниже нарицайтеся наставницы, един бо есть наставник ваш Христос* (ст. 10). Он не сказал: Я наставник. Подобно тому, как прежде Он сказал: *что вам мнится о Христе?* — а не сказал: обо Мне, — так и здесь. Но желал бы я здесь спросить: что на это скажут те, которые слова: *един* и *един* часто относят только к одному Отцу, отвергая Единородного? Скажут ли они, что Отец есть наставник? Это подтвердят все, и никто не будет противоречить. И однако же один, говорит Спаситель, *есть наставник ваш Христос.* Как говоря: един есть наставник Христос, Спаситель не отвергает того, что и Отец есть наставник, так и называя Отца единым учителем, не отвергает того, чтобы вместе и Сын был учителем. Слова *един* и *един* сказаны для отличения от людей и от прочих тварей. Итак, предохранив учеников от этого жестокого недуга и обличив его, Спаситель показывает и спосо-

бы избегать его — посредством смиренномудрия. Поэтому и присовокупляет: *болий же в вас да будет вам слуга. Иже бо вознесется, смирится, и смиряяйся вознесется* (ст. 11—12). Подлинно ничто не может сравниться со смирением, почему и Спаситель напоминает им часто об этой добродетели: и когда малых детей поставил перед ними, и в настоящей беседе; и когда, беседуя на горе о блаженствах, с этой добродетели начал Свое слово, и теперь, когда с корнем исторгает гордость, говоря: *смиряяйся вознесется*. Видишь ли, как Он здесь ведет слушателя к делам, совершенно противоположным гордости? Он не только запрещает искать первенства, но и предписывает избирать последнее место. Через это, говорит Он, ты получишь желаемое. Итак, желающему первенства надлежит избрать себе место ниже всех: *смиряяйся бо вознесется*. Но где мы найдем такое смиренномудрие? Хотите ли опять пойти во град добродетели, в селения святых, то есть в горы и ущелья? Там-то мы и увидим эту высоту смиренномудрия. Там люди, блиставшие прежде мирскими почестями или славившиеся богатством, теперь стесняют себя во всем: не имеют ни хороших одежд, ни удобных жилищ, ни прислуги, и, как бы письменами, явственно изображают во всем смирение. Все, что способствует к возбуждению гордости, как то: пышные одежды, великолепные дома, множество слуг, что иных и поневоле располагает к гордости, — все это удалено оттуда. Сами они разводят огонь, сами колют дрова, сами варят пищу, сами служат приходящим. Там не услышишь, чтобы кто оскорблял другого, не увидишь оскорбляемых; нет там ни принимающих приказания, ни приказывающих, там все слуги, и каждый омывает ноги странников и один перед другим старается оказать им эту услугу. И делают они это, не разбирая, кто

к ним пришел, раб или свободный, но служат так всем одинаково. Нет там ни больших, ни малых. Что же? Значит, там нет никакой подчиненности? Напротив, там господствует отличный порядок. Хотя и есть там низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их, и через то делается бо́льшим. У всех один стол, у пользующихся услугами, и у служащих им; у всех одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Больший там тот, кто предупреждает другого в отправлении самых низких работ. Там нет различия между моим и твоим, и оттуда изгнаны самые слова эти, служащие причиной бесчисленного множества распрей.

4. И чему дивишься, что у пустынников один образ жизни, одинаковая пища и одежда, когда и душа у всех их одна, не по природе только (по природе она у всех людей одинакова), но и по любви? А в таком случае как может он когда-либо возгордиться сам перед собою? Там нет ни бедности, ни богатства, нет ни славы, ни бесчестия. Как же могут вкрасться туда гордость и высокомерие? Есть там низшие и высшие по добродетели; но, как я уже сказал, там никто не смотрит на свое превосходство. Низших там не оскорбляют презрением; там никто не уничижает других. А если бы их кто и унижал, они тем более научаются через это переносить презрение, поругание, уничижение и в словах, и в делах. Они обращаются с нищими и увечными, и столы их бывают переполнены такими гостями; а потому-то они и достойны неба. Один врачует раны недужного, другой водит слепого, иной носит безногого. Нет там толпы льстецов и тунеядцев, — более того, там даже и не знают, что такое лесть. Итак, от чего бы могла у них родиться гордость? У них во всем великое равенство, а потому они весьма удобно преуспевают и

в добродетели. Действительно, такое равенство гораздо более способствует к научению низших, нежели когда бы их невольно заставляли уступать первенство высшим. Подобно тому, как человека дерзкого вразумляет тот, кто, получив от него обиду, уступает ему, так и честолюбивого научает смирению тот, кто не гонится за славою, но презирает ее. Подобного же рода примеров там множество и сколько между нами бывает распрей из-за того, чтобы достигнуть первенства, столько они употребляют усилий, чтобы не иметь его, но быть в унижении, и всячески стараются превзойти друг друга в том, чтобы не самим пользоваться честью, а воздавать ее другим.

Впрочем, и самые их упражнения приводят их к смирению, и не дают им надмеваться. В самом деле, скажи мне, кто, занимаясь копанием земли, поливанием и насаждением растений, плетением корзин и вязанием власяниц, или другою какою-либо подобною работою, будет высоко думать о себе? Кто, живя в бедности и борясь с голодом, подвергнется этому недугу? Никто. Поэтому-то для них легко быть смиренными. Как здесь трудно соблюсти скромность по причине множества рукоплещущих и удивляющихся, так там это весьма удобно. Отшельника занимает собою только пустыня: он видит летающих птиц, колеблемые ветром деревья, веяние зефира, потоки, быстро текущие по долинам. Итак, чем может возгордиться человек, живущий среди такой пустыни? Впрочем, жизнь общественная не послужит для нас извинением, если мы, обращаясь с людьми, будем предаваться гордости. И Авраам, живя среди хананеев, говорил: *аз же есмъ земля и пепел* (Быт. XVIII, 27); и Давид, находясь среди войска, сказал о себе: *аз же есмъ червъ, а не человек* (Пс. XXI, 7); и апостол, вращаясь в мире, свидетельствовал о себе: *несмъ*

достоин, нарещися апостол (1 Кор. XV, 9). Какое же мы будем иметь извинение, какое оправдание, когда, имея перед глазами столь высокие образцы, не смиряемся? Как они достойны бесчисленных венцов, потому что первые вступили на путь добродетели, так мы заслуживаем бесчисленных наказаний за то, что ни примерами этих мужей, отшедших из жизни настоящей и прославляемых в Писании, ни примерами последующих им и возбуждающих удивление делами своими, не привлекаемся к равному соревнованию им в этой добродетели. В самом деле, что скажешь в свое оправдание ты, который не исправляешься? Что не знаешь грамоты, не читал Писания, чтобы научиться добродетелям древних? Но это служит к большему твоему осуждению, что ты не ходишь в Церковь, которая всегда открыта, и не пользуешься этими чистыми источниками. Впрочем, хотя бы ты и не знал об отшедших святых мужах, потому что не читал Писания, тебе надлежало бы посмотреть на подвижников, живущих ныне. Но тебя некому проводить к ним? Приди ко мне, и я тебе покажу обители этих святых. Приди, и научись от них чему-нибудь полезному. Это светильники, сияющие по всей земле; стены, ограждающие города. Они для того удалились в пустыни, чтобы научить и тебя презирать суету мирскую. Они, как мужи крепкие, могут наслаждаться тишиною и посреди бури; а тебе, обуреваемому со всех сторон, нужно успокоиться и хотя немного отдохнуть от непрестанного прилива волн. Итак, ходи к ним чаще, чтобы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог и настоящую жизнь провести возможно лучше, и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу слава, держава, честь, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXIII

Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко снедаете домы вдовиц, и лицемерно надолзе молитвы творяще: сего ради лишшее приимете осуждение (Мф. XXIII, 14)

1. Этими словами Спаситель начинает обличать книжников и фарисеев в том, что они пресыщались и, что еще ужаснее, наполняли чрево свое не от имущества богатых, но от стяжания вдов, и таким образом еще более увеличивали их бедность вместо того, чтоб облегчить ее. Они не просто ели, но поедали. И это корчемство еще прикрывали самым низким лукавством: *лицемерно надолзе молитвы творяще.* Всякий, делающий зло, заслуживает наказания; кто же, приняв на себя образ благочестия, употребляет его для прикрытия своих злых дел, тот подлежит гораздо жесточайшему наказанию. Почему же Спаситель совсем не лишал сана книжников и фарисеев? Потому, что не пришло еще время. Вот почему Он и оставил их до времени. А обличая их, Он предохраняет народ от обольщения, чтобы он, смотря на высокий сан книжников, не увлекся к подражанию им. Так как прежде Он сказал: *вся, елика аще рекут вам творити, творите,* то теперь, чтобы неразумные, основываясь на этих словах, не подумали, что им позволяется все, показывает, в чем книжники извращают закон. *Горе вам, книжницы и фарисее, яко затворяете царствие пред человеки: вы бо не входите, ни входящих оставляете внити* (ст. 13). Если виновен тот, кто не приносит пользы, то как может ожидать прощения тот, кто причиняет ближним вред, и заграждает им вход? Что же значит слово: *входящих?* Оно означает способных. Когда надлежало что-нибудь предписывать другим, тогда книжники возлагали бремена неудобоносимые; а когда самим им должно было исполнять что-нибудь из

предписываемого законом, тогда они поступали совершенно иначе: не только ничего ни делали сами, но, что гораздо пагубнее, развращали еще и других. Это люди, которых должно назвать язвою, люди поставляющие делом своим погибель других, совершенно противоположные истинным учителям. Если дело учителя — спасать погибающего, то губить желающего спастись — дело губителя. Затем следует другое обличение: *яко преходите море и сушу сотворити единаго пришельца, и егда будет, творите его сына геенны, сугубейша вас* (ст. 15), — то есть: хотя вам стоит чрезвычайно великих трудов и усилий обратить кого-либо, но и после всего этого вы не умеете сберечь его. Мы всего более стараемся сберегать то, что приобретено с великим трудом; а вас и это не делает более заботливыми. Здесь Христос предъявляет к книжникам и фарисеям два обвинения: во-первых, в том, что они ничего не могут сделать для спасения многих, и что им великого стоит труда привлечь к себе хотя одного человека; во-вторых, в том, что они совершенно нерадят о сохранении того, кого приобрели; и не только нерядят, но еще становятся его предателями, когда порочною своею жизнью развращают его и делают еще хуже. Действительно, когда ученик видит порочных учителей, то делается хуже, их, потому что он не останавливается на степени развращения своего учителя. Когда учитель добродушен, ученик подражает ему; а когда он худ, то еще и превосходит его в том, потому что нет ничего легче, как делаться худшим. Он называет его *сыном* геенны, то есть точно таким, какова сама геенна. А слова: *сугубейша вас* — сказал для того, чтобы и порочных учеников устрашить, и книжников поразить сильнее за то, что они были учителями беззакония. И не только за это, но еще и за то, что они старались вложить в учеников своих больше зла, вовлекая их в большую порочность,

нежели какой подвержены были сами, что служит признаком в высшей степени развращенной души. Далее Христос укоряет книжников и фарисеев и за безумие их, — за то, что они внушали неуважение к важнейшим заповедям. Правда, прежде Он говорил, по-видимому, противное, то есть, что они *связуют бремена тяжко и бедне носима* (ст. 4); но они и это в свою очередь делали, и, с другой стороны, употребляли все средства к развращению своих последователей, требуя от них исправности в маловажных делах и, вместе, оказывая пренебрежение к важнейшим обязанностям. *Одесятствуете бо*, говорит Спаситель, *мятву, и копр, и кимин, и остависте вящшая закона, суд и милость и веру. Сия подобаше творити, и онех не оставляти* (ст. 23). Здесь совершенно справедливо можно было сказать: где десятина, там и милостыня; какой же вред в том, чтобы подавать милостыню? Но Спаситель не порицает книжников и фарисеев за то, что они в этом соблюдали закон: нет, Он не говорит так. Вот причина, почему именно здесь Он говорит: *сия подобаше творити*. Но Он не делает этого прибавления там, где начинает говорить о вещах чистых и нечистых, а вместо того, различает внутреннюю чистоту от внешней, и показывает, что за внутренней чистотой необходимо следует и внешняя, но не наоборот. Рассуждая о человеколюбии, Он не делает такого различения, как по вышепоказанной причине, так и потому, что еще не пришло время прямо и явно отменить предписания закона. Но начавши говорить о соблюдении телесных очищений, Он яснее опровергает эти обряды. И потому о милостыне говорит: *сия подобаше творити, и онех не оставляти;* а об очищениях не так. Как же? *Очищаете*, говорит, *внешнее сткляницы и блюда, внутрьуду же суть полни хищения и неправды. Очисти прежде внутреннее сткляницы, да будет и внешнее чисто.* Здесь Христос, говоря о стекля-

нице и блюде, объясняет мысль Свою указанием на вещь, всем известную и очевидную.

2. Далее, чтобы показать, что нет никакого вреда от несоблюдения очищений телесных, а напротив, величайшее наказание бывает следствием небрежения об очищении души, то есть о добродетели, Спаситель назвал телесные очищения комаром, так как они были маловажны и ничтожны, а действия, очищающие душу – верблюдом, так как последние были невыносимы. Потому и говорит: *оцеждающии комара, вельблюда же пожирающе* (ст. 24). Наружные очищения были предписаны законом только ради внутренних, ради милости и суда; а потому даже и в Ветхом Завете не приносили никакой пользы, как скоро оставались одни. Так как маловажное учреждено было ради важнейшего, а между тем последнее было оставлено, и предметом служило только первое, то от этого и не выходило, еще и в то время, никакого добра: внутреннее очищение не следовало за внешним, тогда как, напротив, внешнее необходимо уже следует за внутренним. Итак, из слов Спасителя видно, что и прежде пришествия благодати, очищения телесные не были в числе дел важных и достойных особенного попечения, а требовалось нечто другое. Если же таковы были эти обязанности еще прежде благодати, то тем более оказались они бесполезными после возвещения высоких заповедей новозаветных и уже вовсе не надлежало оставлять их в силе. Итак, жизнь порочная во всяком случае есть тяжкое зло; но особенно она вредна тогда, когда порочный совсем не думает о том, что он имеет нужду в исправлении; а еще пагубнее бывает она тогда, когда такой человек почитает себя способным к тому, чтобы и других исправлять: указывая на это Христос и называет книжников слепыми вождями слепых. В самом деле, если уже величайшее несчастье и бедствие, когда сле-

пец не находит нужным иметь путеводителя, то в какую пропасть низвергнет то, когда он захочет еще руководить других? Все эти обличения Спаситель направляет к тому, чтобы указать на чрезмерное, до неистовства доходившее славолюбие книжников и фарисеев, на этот жестокий недуг, от которого они сходили с ума. Действительно, для них причиною всех зол было то, что они все делали напоказ. Это и от веры отвело их, и расположило к нерадению об истиной добродетели, и побудило заботиться об одних только телесных очищениях, не стараясь об очищении души. Поэтому-то Христос, желая привести их к истинной добродетели и к очищению души, и напоминает о милости, и о суде, и о вере. Вот силы, которыми держится жизнь наша! Вот добродетели, очищающие душу: правда, человеколюбие, истина! Человеколюбие побуждает нас прощать другим, и не дает нам быть чрезмерно жестокими к согрешающим и непреклонными к прощению (а таким образом мы приобретаем двоякую пользу: и делаемся человеколюбивы, и сами за то снискиваем великое человеколюбие Бога всяческих), и располагает нас соболезновать страждущим и оказывать им помощь. А истина не допускает нас обманывать и лукавить. Но как в том случае, когда Христос говорит: *сия подобаше творити, и онех не оставляти*, Он говорит это не с тем намерением, чтобы ввести наблюдение ветхозаветных правил, — это мы показали выше, — так и тогда, когда говорит о блюде и чаше: *очисти внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее чисто*, не предписывает прежней мелочной разборчивости, напротив, всеми словами хочет показать, что она совершенно излишня. Он не сказал: очистите и внешнее, но — *внутреннее:* за этим, без сомнения, последует и то. А впрочем, Христос говорит не о чаше и блюде, но рассуждает о душе и теле, под словом: *внешнее* разумея тело,

а под словом: *внутреннее* — душу. Если же в блюде важно внутреннее, то тем более в тебе. Но вы, говорит Он, поступаете напротив: соблюдая маловажное и внешнее, нерадите о важном и внутреннем; отсюда происходит тот величайший вред, что вы, считая себя исполнившими все, прочее пренебрегаете; а пренебрегая, и не заботитесь, или не принимаетесь за его исполнение. Далее Христос опять поносит книжников и фарисеев за тщеславие, называя их гробами окрашенными, и везде прибавляя слово: *лицемеры,* так как в этом заключается причина всех беззаконий, а, вместе, и погибели их. И не просто назвал их гробами окрашенными, но и сказал еще, что они полны нечистоты и лицемерия. Этими словами Он показал причину, почему книжники и фарисеи не верили; именно ту, что они исполнены были лицемерия и беззакония. И не только Христос, но и пророки постоянно обвиняют их в хищничестве, в том, что начальники их не судят по правде. И везде найдешь, что жертвы отвергаются, а требуются милость и правда. Итак, нет ничего необычайного и нового ни в данных Христом заповедях, ни в обличении, ни даже в уподоблении гробам. Это подобие употребляет и пророк, и он также называет не просто гробом, но *гробом отверстым гортань их* (Пс. V, 10). И ныне много подобных людей, которые снаружи украшены, а внутри исполнены всякого беззакония. И ныне о внешней чистоте прилагают много труда, много заботы, а о душевной нисколько. Но если бы кто раскрыл совесть каждого, то нашел бы множество червей, множество гноя и нестерпимое зловоние, — я разумею гнусные и злые пожелания, которые отвратительнее червей.

3. Но что эти люди таковы, это, конечно, ужасно, однако еще не так. А когда мы, удостоенные быть храмом Бога, вдруг делаемся гробами, вмещающими в себе

такое зловоние, это уже крайнее бедствие. Быть гробом тому, в ком жил Христос и действовал Дух Святый, в ком совершилось столько таин, — какое в самом деле бедствие! Какого плача и рыдания достойно то, когда члены Христовы делаются гробом, исполненным нечистоты! Размысли, как родился ты, чего удостоился, какую получил одежду, как соделался храмом нетленным, прекрасным, украшенным не златом или перлами, но Духом, что несравненно драгоценнее. Подумай, что в городе не держат ни одного гроба с покойником; поэтому и тебе нельзя явиться во град горний. Если это воспрещено здесь, то тем более там. Или, лучше, и здесь над тобою стали бы все смеяться, если бы ты стал носить мертвого человека, и не только стали бы смеяться, но и убегать тебя. Скажи мне: если бы кто везде носил с собою мертвое тело, разве все не отступили бы и не убежали от него? Так рассуждай и в настоящем случае. Ты представляешь гораздо ужаснейшее зрелище: ты носишь всюду душу, умершую от грехов, душу, преданную гниению. Кто пожалеет о таком человеке? Если ты не жалеешь о своей душе, то будет ли жалеть кто-либо другой о таком жестоком и пагубном враге самому себе? Если бы кто в твоей спальной или столовой комнате зарыл мертвое тело, то чего бы ты не сделал? А ты зарываешь мертвую душу не в столовой и не в спальне, но между членами Христовыми, — и ты не боишься, чтоб не поразили с неба твою голову тысячи громов и молний? Как же ты осмеливаешься ходить в церковь Божию и в святые храмы, будучи исполнен внутри такого отвратительного зловония? Если бы кто внес мертвеца в царские чертоги и положил его там, тот понес бы жесточайшее наказание. А ты входишь в священную ограду, и наполняешь дом Божий таким зловонием: подумай, какому подвергнешься наказанию! Подражай той блуднице, которая миром помазала ноги Христо-

вы, и весь дом наполнила благовонием; ты делаешь совсем напротив относительно дома Божия. Что нужды, если ты и не чувствуешь зловония? Это только крайняя степень болезни. Это значит, что болезнь твоя неисцелима; что она гораздо более жестока, чем болезнь тех, у кого тело гниет и издает дурной запах. Эта последняя болезнь и дает чувствовать себя страждущим, и не заслуживает никакого обвинения, но даже достойна сожаления; первая же достойна отвращения и мучения. Так как болезнь эта, и по этой причине, является более тяжкой и не позволяет больному чувствовать себя, как бы надлежало, то послушай внимательно, — я покажу тебе ясно ее пагубу. Прежде выслушай, что ты произносишь, когда поешь: *да исправится молитва моя яко кадило* (как фимиам) *пред Тобою* (Пс. CXL, 2). Но если не фимиам, а смрадный дым восходит от тебя и от твоих дел, то какому не достоин ты подвергнуться наказанию? Что же это за смрадный дым? Это знают многие, именно те, которые заглядываются на красивых женщин и высматривают привлекательных девиц. Не удивительно ли еще, как не разразятся удары грома, и не разрушится все до основания? Действительно, стоит громов и геенны то, что здесь бывает. Но Бог, по Своему долготерпению и великой милости, удерживает до времени гнев Свой, призывая тебя к покаянию и исправлению. Что ты делаешь, человек? Высматриваешь красивых женщин и не трепещешь, нанося такое оскорбление храму Божию! Ужели ты считаешь церковь непотребным домом и ставишь хуже площади? На площади ты боишься и стыдишься быть примеченным, что высматриваешь женщин; а во храме Божием, когда сам Бог беседует с тобою и угрожает за такие поступки наказанием, ты блудодействуешь и прелюбодействуешь в то самое время, когда слышишь, что не должно этого делать. И ты не трепещешь, не

ужасаешься? Этому научают вас соблазнительные зрелища, — эта неистребимая язва, вредоносный яд, сети, из которых трудно избавиться попавшимся в них, удовольствие и вместе погибель для сладострастных. Вот почему и пророк в своем обличении говорит: *не суть очи твои, ниже сердце твое благо* (Иер. XXII, 17). Лучше таким людям быть слепыми, лучше быть больными, чем так злоупотреблять зрением. Надлежало бы иметь внутри храма стену, которая отделяла бы вас от женщин. Но как вы не хотите этого, то отцы признали необходимым отделить вас, по крайней мере, этими деревянными досками; в древнее же время, я слыхал от старцев, не было и таких стен, *о Христе, бо Иисусе несть мужеский пол, ни женский* (Гал. III, 28), да и во времена апостолов вместе находились мужчины и женщины. Тогда и мужчины были мужчинами, и женщины женщинами, а ныне все напротив: женщины усвоили себе нравы блудниц, а мужчины ничем не лучше коней неистовых. Не слыхали ли вы, что мужи и жены пребывали вместе в горнице, и такое собрание достойно было небес? И вполне справедливо, потому что и женщины в то время вели жизнь благочестивую, подвижническую, и мужчины хранили чистоту и целомудрие. Послушайте, что говорит женщина, торговавшая багряницею: *аще судисте мя верну Господеви быти, вшедше в дом мой, пребудите у мене* (Деян. XVI, 15). Послушайте о женщинах, которые, руководясь мыслями мужескими, везде ходили с апостолами: о Прискилле, Персиде и о других, от которых нынешние женщины так же далеко отстоят, как мужчины от тех мужчин.

4. Тогда женщины хотя и ходили по чужим странам, но не навлекали на себя худой славы; а ныне и воспитывающиеся во внутренних комнатах едва избегают такого подозрения. И это происходит от излишних нарядов и изнеженности. У тех женщин было занятием распро-

странение проповеди, а нынешние женщины заботятся о том, чтоб показаться благообразными, красивыми и приятными по наружности. Вот их слава, вот их спасение! А о каких-нибудь возвышенных и важных предприятиях они и во сне не помышляют. Какая жена употребила старание на то, чтоб сделать мужа лучшим? Какой муж имел попечение об исправлении жены? Нет ни одного. Напротив, у жены только и заботы, что о золотых украшениях, одежде и других нарядах, и также об умножении имущества; а муж занят, кроме этих, еще многими и другими попечениями, и все житейскими. Кто, намереваясь вступить в брак, старался узнать нрав и поведение девицы? Никто. Напротив, всякий тотчас расспрашивает о деньгах, об имении, о том, сколько всякого рода домашних вещей, — все равно, как бы хотел купить что-нибудь, или заключить какой-нибудь обыкновенный торговый договор. По этой причине и брак называют этим именем. Слыхал я, как многие говорят: такой-то сделал договор с такою-то, то есть женился. Так ругаются над дарами Божиими: женятся и выходят замуж, как будто продают и покупают что-нибудь. А письменные условия по бракам заключаются с гораздо большей осторожностью, чем по делам купли и продажи. Посмотрите, как древние вступали в брак, и подражайте им. Как же они вступали? Они искали в невесте доброго поведения и нравов, и совершенства душевного; а потому не имели нужды в письменных договорах, в обеспечении посредством бумаги и чернил. Вместо всего, им достаточно было душевных свойств невесты. Итак, умоляю и вас искать не денег и богатства, но доброго поведения и кротости. Ищи девицу богобоязненную и благоразумную, и это будет для тебя лучше бесчисленных сокровищ. Если ты будешь искать угодного Богу, то и это получишь; но если, оставив первое, погонишься за

последним, не получишь и того. Но такой-то, скажешь ты, от жены разбогател. Не стыдно ли тебе приводить такие примеры? Слыхал я от многих вот какие слова: лучше желал бы я терпеть крайнюю бедность, нежели получить богатство от жены. И действительно, что может быть неприятнее такого богатства? Что может быть тягостнее такого изобилия? Что постыднее — сделаться таким образом знаменитым и подать повод всем говорить о себе: такой-то от жены разбогател? Я не говорю уже о домашних неприятностях, которые необходимо должны произойти отсюда; не говорю о надменности жены, раболепстве мужа, о ссорах, о поношениях со стороны слуг, когда они будут говорить: нищий, лоскутник, низкий и из низкого состояния; с чем пришел? не все ли принадлежит госпоже? Но ты не беспокоишься о том, что так говорят о тебе, — так как ты уже не свободен. Привыкшие есть чужой хлеб слышат о себе отзывы и хуже и не печалятся; равным образом и эти, — да еще и в похвалу себе вменяют подобный позор; и когда мы говорим это им, они отвечают: было бы приятно да сладко, а то пусть хоть умру. О, диавол! Какие поговорки ввел он в мире, — они способны совершенно развратить жизнь таких людей! Рассмотри эти самые пагубные, диавольские слова, какой преисполнены они погибели. Ведь они не говорят ничего другого, кроме следующего: не думай о честности, о справедливости; отбрось все это, ищи только одного — удовольствия, чего бы это тебе ни стоило, добывай его; хотя бы все встречающиеся с тобою плевали на тебя, хотя бы грязью бросали тебе в лицо, хотя бы гнали тебя как пса, — переноси все. Если бы свиньи и нечистые псы могли говорить, сказали бы они что-нибудь хуже этого? Конечно, и они не сказали бы того, что людям внушает диавол говорить, как бы в бешенстве. Теперь вы узнали бессмыс-

лие этих слов. Потому умоляю вас удаляться таких поговорок, и выбирать из Писаний противные этим изречения. Какие же это изречения? *Не ходи*, сказано, *в след похотей души твоей, и от похотений своих возбраняйся* (Сир. XVIII, 30). А относительно блудницы есть также противное изречение в притчах: *не внимай злей жене; мед бо каплет от устен жены блудницы, яже на время наслаждает твой гортань; последи же горчае желчи обрящеши, и изощрену паче меча обоюду остра* (Притч. V, 3, 4). Этим изречениям будем внимать, а не тем. От тех-то изречений и рождаются помыслы низкие, свойственные рабам; от них люди делаются бессмысленными животными, потому что везде ищут только удовольствия, следуя той поговорке, которая и без наших слов, сама по себе, достойна посмеяния. После смерти какая у тебя останется прибыль от наслаждений? Итак, перестаньте подвергать себя посмеянию и разжигать неугасимый огонь геенны, и смыв с глаз гной, хотя и поздно, посмотрим надлежащим образом на будущее, чтобы и настоящую жизнь провесть благочинно, во всякой чистоте и благочестии, и сподобиться будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXIV

Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко зиждете гробы пророческия, и красите раки праведных, и глаголете: аще быхом были во дни отец наших, не быхом убо общницы им были в крови пророк (Мф. XXIII, 29, 30)

1. Христос говорит: горе книжникам и фарисеям — не потому, что они строят гробницы и осуждают отцов своих, но потому, что, как в первом случае, так и в

притворном осуждении отцов своих, они поступают хуже их. А что осуждение их было притворное, об этом говорится у Луки, где они называются сообщниками отцов, потому что они строят гробницы. *Горе вам, яко зиждете гробы пророк, отцы же ваши избиша их. Убо свидетельствуете и соблаговолите делом отец ваших: яко тии убо избиша их, вы же зиждете их гробы* (Лк. XI, 47, 48). Здесь Христос осуждает их намерение, с каким они строили; именно они строили гробницы не в честь убитых, но как бы хвалясь убийством, и из опасения, чтобы свидетельство и память о такой их дерзости, с течением времени, не погибли вместе с разрушившимися памятниками; строили гробницы, воздвигая великолепные здания, как бы трофеи, и тем показывали, что они поставляли для себя славу в преступлении отцов своих. Действительно, — как бы говорит Христос, — настоящие дерзкие ваши поступки показывают, что и это вы делаете с таким же намерением. Хотя вы, говорит Он, под предлогом обвинения отцов ваших, и говорите противное, — то есть, что мы не были бы сообщниками их, если бы жили в те дни, — но явно, с какою мыслью вы говорите это. Потому-то Христос, обнаруживая это намерение, так объясняет его. Сказав: *глаголете: аще быхом были во дни отец наших, не быхом убо общницы им были в крови пророк*, — присовокупил: *тем же сами свидетельствуете себе, яко сынове есте избивших пророки* (ст. 30, 31). Но какое преступление — быть сыном убийцы, если этот сын не участвует в намерении отца? Никакого. Отсюда очевидно, что Христос говорит им это для того, чтобы дать знать об участии их в злодеянии отцов их. Это доказывают и следующие слова, которые Он присовокупил: *змия, порождения ехиднова* (ст. 33). Как ехидны, по смертоносному яду, уподобляются родившим их, так и вы уподобляетесь отцам вашим по убийству. Далее, обнаружив их намерение, неизвестное для

многих, Он подтверждает слова Свои будущими дерзкими их поступками, о которых все будут знать. Сказав: *темже сами, свидетельствуете себе, яко сынове есте избивших пророки,* и тем самым дав знать, что Он говорит об участии их в злодеянии и что они притворно говорили: *не быхом убо общницы им,* — присовокупил: *и вы исполните меру отец ваших* (ст. 32), не давая этим повеления, но только предвещая будущее, именно убиение Его самого. Таким образом обличив их и показав лживость слов, которые они говорили в защиту себя, — именно, что мы не были бы их сообщниками (в самом деле, те, которые не удержались от убиения Господа, как бы пощадили рабов?) — усиливает после этого речь Свою, называя их змиями и порождениями ехиднинами, и продолжает: *како убежите от суда геенны,* отваживаясь на такие дерзкие поступки, и отрекаясь от них, и скрывая свое намерение? Далее, обличая их еще с большею силою иначе, Он говорит: *Аз послю к вам пророки и премудры и книжники: и от них убиете и распнете, и биете на сонмищах ваших* (ст. 34). А для того, чтобы они не сказали, что хотя мы и распяли Господа, однако удержались бы от убийства рабов, если бы жили в то время, — говорит: вот, Я посылаю к вам рабов, и самих пророков, но вы и их не пощадите. Это говорит Христос для того, чтобы показать, что нет ничего странного, если Его убьют сыны, в убийстве, обманах, коварстве и дерзких поступках превышающие отцов своих. Кроме того, Он показывает, что они и чрезмерно тщеславны; когда они говорят, что если бы мы жили во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их, говорят это по тщеславию, и мудрствуют только на словах, а на деле поступают совершенно наоборот. *Змия, порождения ехиднова,* — то есть: злые дети злых отцов, и еще злее их. Христос показывает, что они отваживаются на гораздо большие злодеяния, и в жестокости превосходят даже

отцов своих, хотя и хвалятся, что они не поступили бы так в подобном случае. И действительно, они оканчивают и довершают злодеяния. Те умертвили пришедших в виноградник, а эти убили и самого Сына, и тех, которые звали на брак. Это еще говорит Христос и для того, чтобы отдалить их от родства с Авраамом и показать, что от этого нет никакой пользы для них, если они не будут подражать делам его. Потому и присовокупляет: *како убежите от суда геенны*, подражая отцам своим в таких дерзких поступках? Здесь Он привел им на память и обличительную проповедь Иоанна, потому что и он так называл их, и напоминал им о будущем суде. Далее, так как ни суд, ни геенна нисколько не страшили их, частью потому, что они не верили, а частью потому, что это представлялось в отдаленном будущем, то Он обличает их настоящими случаями, и говорит: *сего ради се Аз послю к вам пророки и книжники: и от них убиете и распнете, и убиете на сонмищах ваших: яко да приидет на вы всяка кровь праведна, проливаемая на земли, от крове Авеля праведнаго до крове Захарии сына Варахиина, егоже убисте между церковию и олтарем. Аминь глаголю вам, яко приидут вся сия народ сей* (ст. 34–36).

2. Смотри, сколько Христос предостерегал их! Он говорил: вы осуждаете отцов ваших, говоря, что не были бы сообщниками их; и этим немало пристыжал их. Далее говорил: вы, осуждая их, поступаете еще хуже их и это также достаточно было, чтобы посрамить их. Наконец говорит: это не останется без наказания, — и тем самым наводит на них величайший страх, напоминая им о геенне. Но так как до геенны было далеко, то Христос представляет им настоящие бедствия, и говорит: *яко приидут на род сей вся сия* (ст. 36). С наказанием соединил Христос и величайшие бедствия, сказав, что они понесут наказание тяжелее всех; но ни от чего не сделались они лучшими. Но если кто спросит: за что же

они терпят наказание тяжелее всех, я сказал бы: за то, что более жестоко и хуже всех поступают, и ничем из прежде бывшего не вразумились. Ужели ты не слыхал слов Ламеха: *от Ламеха отмстися седмьдесят седмицею* (Быт. IV, 24), то есть: я достоин больших наказаний, чем Каин. За что же? Ведь он не убил брата? За то, что не вразумился тем примером. То же самое говорит Бог в другом месте: *отдаяй грехи отец на чада до третияго и четвертаго рода ненавидящим Мене* (Исх. XX, 57), — не потому, чтобы кто-нибудь из них нес наказание за чужие проступки, но потому, что после многих грешников, и притом наказанных, они не сделались лучшими, но подобно им предавались греху, а потому и достойны того, чтобы им терпеть одинаковые наказания. Но смотри, как кстати Христос напомнил им об Авеле, показывая, что и это убийство было сделано по зависти. Итак, что вы теперь можете сказать? Или вы не знаете, чтó потерпел Каин? Разве Бог оставил без внимания случившееся? Не подверг ли Он его жесточайшему наказанию? Ужели вы не слыхали, что потерпели отцы ваши, избившие пророков? Не преданы ли они были бесчисленным мучениям и наказаниям? Как же вы не сделались лучшими? Но для чего мне говорить о наказаниях отцов ваших, и о том, что они потерпели? Ты, который произносишь осуждение на отцов твоих, почему хуже их поступаешь? Вы сами произнесли приговор, что *злых зле погубит* (Мф. XVI, 41). Какое же извинение будете иметь, отваживаясь на такие дерзновенные проступки после такого приговора? Но кто этот Захария? Одни считают его за отца Иоаннова, другие за пророка, а иные за другого какого-то священника, имеющего два имени, которого Писание называет и Иоддаем. Обрати внимание и на то, что это было сугубое злодеяние. Они не только убивали святых, но еще и в священных местах. И произнося эти слова, Христос не только устра-

шал их, но и утешал учеников, показывая, что и праведники еще прежде их то же терпели. Устрашал же их предсказанием, что как те были наказаны, так и они понесут жестокое наказание. Потому и учеников Своих называет пророками, мудрыми и книжниками, снова отнимая этим у иудеев всякий предлог к оправданию. Теперь, говорит Он, вы не можете сказать, что Я посылал из язычников, и оттого вы впали в соблазн; вас довело до этого то, что вы убийцы и жаждете крови. Поэтому Он и сказал прежде, что Я пошлю пророков и книжников. И все пророки обличали их в том же, говоря, что они кровь с кровью мешают, и что они — мужи кровей (Ос. IV, 2). Вот почему Бог и требовал принесения крови в жертву Себе, показывая, что если в бессловесном так дорога кровь, то тем более в человеке. Поэтому Он и говорит Ною: *Я отмщу за всякую кровь пролитую* (Быт. IX, 6). Можно найти бесчисленное множество и других доказательств на то, что Бог запрещает убивать. Потому Бог не повелел есть и чего-нибудь удушенного. О, как велико милосердие Бога, Который хотя и знал, что иудеи никакой не получат пользы, однако исполнял Свое дело! Посылаю, — говорит Он, — хотя и знаю, что они будут убиты. Таким образом иудеи и здесь были обличены в том, что напрасно говорили: мы не были бы сообщниками отцов наших. И эти умерщвляли пророков в синагогах, и не почитали ни самого места, ни достоинства лиц. Они умерщвляли не простых людей, но пророков и мудрых, чтобы не быть обличаемыми от них. Под именем же пророков Христос разумеет апостолов и их преемников, потому что многие пророчествовали. Потом, желая увеличить страх, говорит: *аминь, аминь глаголю вам, вся сия приидут на род сей,* то есть, все это Я обращу на ваши головы и отомщу жестоким образом, потому что тот, кто видел многих согрешающих, и не вразумился, но сам поступал так же, и не

только так же, но и гораздо хуже, должен подвергнуться гораздо более тяжкому наказанию, чем те. Подобно тому как если бы он захотел, то получил бы для себя громадную пользу, и сделался бы лучшим, благодаря множеству примеров в других, — точно так же, не исправившись, становится достоин большего наказания за то, что имел много случаев к вразумлению себя от людей прежде согрешивших и уже наказанных, но без всякой для себя пользы.

3. Вслед за этим Христос обращает речь к городу, желая таким образом вразумить слушателей, и говорит: *Иерусалиме, Иерусалиме* (ст. 37)! Что значит это сугубое воззвание? Это голос милосердия, сострадания и великой любви. Как будто перед любимой женщиной, которую постоянно любили, но которая презрела любившего ее, и через то заслужила наказание, Он оправдывается, когда намерен уже был поразить казнью. То же делает Он и через пророков, когда говорит: *и рекох: обратися ко Мне, и не обратися* (Иер. III, 7). Сделав такое воззвание к Иерусалиму, Христос исчисляет совершенные им убийства: *избивый пророки, и камением побиваяй посланныя к тебе, колькраты восхотех собрати чада твоя, и не восхотесте* (ст. 37)? Защищая от преступлений против Него, Он говорит, что и всем этим ты не отвратил Меня от себя, и не отклонил великого благоволения Моего к тебе; напротив, Я хотел, и не однажды или два раза, но многократно, привлечь тебя. *Колькраты*, говорит Он, *восхотех собрати чада твоя, якоже собирает кокош птенцы своя под криле, и не восхотесте?* Этими словами Он хочет показать, что они всегда отдалялись от Него, по причине грехов; сравнением же изъявляет Свою любовь, потому что эта птица горячо любит своих птенцов. Такое сравнение пророков с крыльями везде, и в песне Моисея, и в псалмах означает особенное смотрение и попечение. *Но не восхотесте*, продолжает

Он. *Се оставляется дом ваш пуст* (ст. 38), то есть, чужд Моего покровительства. Итак, сам Он прежде покровительствовал им, поддерживал, хранил их, сам Он и наказывает их всегда. И теперь угрожает Он наказанием, которого они всегда чрезвычайно страшились, так как оно указывало на полное нарушение их гражданского быта. *Глаголю бо вам, яко не имате Мене видети отселе, дондеже речете: благословен грядый во имя Господне* (ст. 39). И это — голос любви пламенной, сильно влекущей их не прошедшими только, но и будущими событиями, так как здесь Он говорит о будущем дне Своего второго пришествия. Но что? Неужели они с этого времени не видали Его? Говоря: *отселе,* Он указывает не на этот самый час, но на все время, которое протекло до Его страдания. А так как они всегда обвиняли Его в том, что Он богопротивник и враг Богу, то Он и убеждает их любить Себя тем, что показывает Свое единомыслие с Отцом и Свое присутствие в пророках, а потому и употребляет те же самые слова, какие и пророк. Этими же самыми словами Он предвещал и воскресение, и второе пришествие Свое, давая разуметь даже и самим неверующим, что тогда они несомненно поклонятся Ему. Но как Он указал на это? Предсказывая многое будущее, именно: что пошлет пророков; что их будут убивать, и даже в самых синагогах; что сами они потерпят крайние бедствия; что дом останется пустым; что они подвергнутся ужасным несчастьям, каких прежде никогда и не было. Все это для самых бессмысленных и упорных могло быть ясным указанием на Его второе пришествие. Спросим их: не посылал ли Он к ним пророков и мудрых? Не убивали ли они их в синагогах? Не оставлен ли дом их пустым? Не постигли ли род этот все наказания? Все это очевидно, и никто не будет спорить. И подобно тому, как сбылось все это, так сбудется и последнее Его предсказание, и тогда, без сомнения,

они покорятся Ему; но это нисколько не послужит им в оправдание, так же как и всем, которые будут раскаиваться тогда в виду разрушения их государства. Поэтому, пока есть время, будем делать добро. Как для иудеев не будет тогда никакой пользы от прозрения, так и нам не принесет тогда пользы наше раскаяние в нечестии. Так и кормчему ничего не остается более делать, когда от его нерадения корабль погрузится в море, и врачу после смерти больного, но каждому из них надобно прежде все обдумать и сделать, чтобы не подвергнуться никакой опасности или стыду; после же – все бесполезно. Итак и мы, когда больны, призовем врачей, издержим деньги и приложим все старание, чтобы, освободившись от болезни, быть потом здоровыми. И какое мы обнаруживаем попечение о рабах наших, когда они бывают больны телесно, такое же обнаружим и о себе самих, во время болезни души нашей. Мы к самим себе ближе рабов, и души наши лучше тела их; но несмотря на это, мы едва ли прилагаем и такую же заботу о душе. Если же мы ныне не будем этого делать, то после смерти не будем в состоянии ничем оправдать себя самих.

4. И кто же будет так жалок, скажешь ты, чтобы не приложил такого же попечения о душе? Это-то и удивительно, что мы так невнимательны к самим себе, что пренебрегаем собою более, нежели рабами. Когда рабы больны горячкою, мы призываем врачей, отделяем особую комнату и заставляем повиноваться предписаниям врачебной науки; и если они нерадят о себе, мы принимаем меры более строгие, и приставляем стражей, которые не позволяли бы им делать то, чего бы хотелось, и если ухаживающие за ними скажут, что нужно приготовить дорогое лекарство, мы соглашаемся; если приказывают что-нибудь, мы слушаемся, и платим деньги им за их предписания. Когда же мы сами бываем боль-

ны, — а мы больны всегда, — то не призываем ни врача, ни денег не издерживаем, но так нерадим о душе, как бы о враге каком и неприятеле. Это я говорю не в укоризну заботливости о рабах, но желая показать, что по крайней мере такое же старание мы должны прилагать и о нашей душе. Но как же это делать, скажет кто-нибудь. Покажи свою больную Павлу, призови Матфея, пошли за Иоанном. Узнай от них, что должно делать с таким больным: без всякого сомнения, они скажут и не утаят ничего; ведь они не умерли, но живы и могут говорить. Но душа твоя не чувствует того, что она одержима горячкой? Ты принуди ее и пробуди в ней рассудок. Призови к ней пророков. Этим врачам не нужно платить денег, они не требуют награды ни за свои труды, ни за лекарства, ими приготовляемые; кроме дел милосердия, не принуждают тебя ни к каким издержкам; во многом даже сами помогают тебе; так, когда заставляют соблюдать воздержание — избавляют тебя от излишних и неуместных издержек; когда научают трезвости — обогащают тебя. Видишь ли искусство врачей, вместе со здоровьем доставляющих и деньги? Прибегни же к ним, и узнай от них свойство своей болезни. Так, ты любишь деньги, жаждешь богатства, как больные горячкою — воды холодной? Послушай, что они советуют. Как врач говорит тебе: если удовлетворишь свое желание, погубишь себя, и то, и то случится с тобою, так и Павел: *хотящии богатитися, впадают в напасть и сети диавола и в похоти многи несмысленны и вреждающия, яже погружают человеки во всегубительство и погибель* (1 Тим. VI, 9). Но ты нетерпелив? Слушай же, что говорит он: *еще мало елико елико, грядый приидет и не укоснит* (Евр. X, 37); *Господь близ, ни о чемже пецытеся* (Флп. IV, 5, 6); и опять: *преходит образ мира сего* (1 Кор. VII, 31). Этим он не приказывает только, но и утешает, подобно врачу. И как эти последние вместо холодной воды придумывают дать что-нибудь другое,

так и Павел дает другое направление желанию. Ты, говорит он, хочешь обогащаться? Обогащайся добрыми делами. Стремишься собирать сокровища? Не запрещаю; только собирай их на небесах. И подобно тому, как врач говорит, что холодная вода вредна для зубов, нервов, костей, так и Павел более кратко, — он любит краткость, — но за то гораздо яснее и сильнее сказал: *корень всем злым сребролюбие есть* (1 Тим. VI, 10). Чем же должно пользоваться? Он говорит и об этом: довольством вместо любостяжания. *Есть же снискание велие*, говорит он, *благочестие с довольством* (1 Тим. VI, 6). Если же ты нетерпелив и жаждешь большего, и не решаешься оставить все излишества, то и такому больному сказывает он, как нужно ими пользоваться: чтобы *радующиися* о стяжании были *якоже не радующеся, и имущии яко не содержаще, и требующии мира сего яко не требующе* (1 Кор. VII, 30, 31). Видишь ли, что он предписывает? Хочешь ли, представлю тебе еще и другого врача? Я готов. Эти врачи не похожи на врачей телесных, которые взаимными своими спорами часто губят больного. Они не таковы. Они заботятся о здоровье больных, а не о собственной славе. Итак, не бойся, что их много; один во всех вещает Учитель Христос.

5. Смотри, вот приходит еще другой, и резко говорит о твоей болезни, или, лучше, его устами говорит сам Учитель: *не можете Богу работати и мамоне* (Мф. VI, 24). Скажут: пусть так; но как же это может быть? Как нам отказаться от своего желания? И этому здесь можно научиться. Каким же образом? Слушай, что говорит Он: *не скрывайте себе сокровищ на земли, идеже червь и тля тлит, идеже татие подкапывают и крадут* (Мф. VI, 19). Видишь ли, как Он указанием на место и истребителей отклоняет от этой земной страсти и устремляет тебя к небу, где ничто не истребляется? Если, — как бы так говорит Он, — будете собирать богатство там, где ни моль, ни

ржа не истребляют, где воры не подкапывают и не крадут, то и болезнь эту отразите, и душе доставите величайшее богатство. Сказав это, Он представляет и пример для вразумления тебя. И как врач, устрашая больного, говорит: «Такой-то, напившись холодной воды, погубил себя», так и Он приводит богатого, который, будучи болен и желая жизни и здоровья, не мог получить этого по страсти к любостяжанию, но отошел ни с чем. Затем другой Евангелист указывает еще на другого богача, горящего в пламени и не имеющего даже и капли воды (Лк. XVI, 24). Потом, показав, что эти заповеди легки, Христос сказал: *воззрите на птицы небесныя* (Мф. VI, 26). Но будучи снисходителен, Он не дозволяет и богатым отчаиваться. *Невозможная у человек*, говорит Он, *возможна суть у Бога* (Лк. XVIII, 27). Хотя и богат ты, но все еще может исцелить тебя этот Врач. Впрочем? Он не запрещает обогащаться, но не велит быть рабом денег и предаваться любостяжанию. Как же можно спастись богатому? Все стяжание свое делая общим для нуждающихся, как поступал Иов, изгоняя из души пристрастие к большему, и ни в каком случае не преступая пределов необходимого. После того представляет тебе и мытаря, который несмотря на то, что был одержим сильною горячкою любостяжания, скоро избавился от этого недуга (Лк. VI, 27). Кто корыстолюбивее мытаря? Но и он сделался человеком нелюбостяжательным, повинуясь предписаниям Врача. Таковы были у Него ученики, которые, будучи одержимы такими же, как и мы, болезнями, скоро выздоравливали. И каждого из них Он нам представляет в пример, чтобы мы не приходили в отчаяние. Посмотри на этого мытаря. Обрати еще внимание на другого, начальника мытарей: он обещался раздать вчетверо более против всего насильственно им приобретенного имения, и половину из своего собственного, чтобы принять

Иисуса (Лк. XIX, 8). Но ты слишком распален страстью к деньгам? Считай принадлежащее всем как бы за свое. Больше нежели ты ищешь, говорит Он, даю тебе, отворяя для тебя дома богатых по вселенной: *иже оставит отца, или матерь, или села, или дом, сторицею приимет* (Мф. XIX, 26). Таким образом не только получишь весьма много, но и совершенно утолишь эту сильную жажду, и будешь переносить все легко, не только не заботясь об излишнем, но часто отказывая себе в необходимом. Так Павел алкал, и был доволен этим более, нежели когда ел (Флп. IV, 11). И подвижник, получив венец за свои подвиги, не решится предаться бездействию и праздности, равно как и купец, получивший прибыль от торговли на море, не захочет уже оставаться в бездействии. Так и мы, если вкусим должным образом от духовных плодов, будем почитать уже за ничто все настоящее, увлекаясь как бы некоторым сладким упоением – желанием будущего. Итак, вкусим, чтобы освободиться от суеты настоящих благ, и достигнуть будущих, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXV

И изшед Иисус от церкве, идяше. И приступиша к Нему ученицы Его, показати Ему здания церковная. Он же отвещав рече им: не видите ли сия вся? Аминь глаголю вам, не имать остати зде камень на камени, иже не разорится (Мф. XXIV, 1, 2)

1. Так как Христос сказал: *се оставляется дом ваш пуст* (Мф. XXIII, 38), и еще прежде этого предвозвестил бесчисленные бедствия, то ученики, услышав это, с удивлением приступили к Нему, указывая на красоту

храма и недоумевая, неужели будет уничтожена такая красота, драгоценное вещество и невыразимое разнообразие искусства? Христос не просто уже говорит им о запустении, но предсказывает совершенное уничтожение. *Не видите ли сия вся*, говорит Он, и не удивляетесь и не ужасаетесь ли? *Не иматъ остати каменъ на камени?* Как же, однако, остался, скажешь? И что бы это значило? И это изречение в этом случае не осталось без исполнения. Спаситель говорил это, указывая или на всеобщее запустение, или на запустение того только места, где Он был, так как части храма до основания разрушены. Притом можно сказать и то, что случившиеся происшествия даже самых упорнейших должны уверить в совершенном уничтожении и остатков. *Седящу же Ему на горе Елеонстей, приступиша к Нему ученицы наедине, глаголюще: рцы нам, когда сия будут? И что есть знамение Твоего пришествия, и кончина века?* (ст. 3). Они потому приступили наедине, что имели намерение спросить о столь важных предметах. Они нетерпеливо желали узнать о дне Его пришествия, так как сильно желали видеть ту славу, которая будет причиною бесчисленных благ. И двое из них спрашивают Его об этих двух предметах: *когда сия будут*, то есть разрушение храма, *и что есть знамение Твоего пришествия?* Лука свидетельствует, что вопрос был один, и именно о разрушении Иерусалима, так как ученики думали, что тогда будет и пришествие Его. А Марк говорит, что не все они спрашивали о разорении Иерусалима, но только Петр и Иоанн, как имевшие более дерзновения. Что же сказал Господь? *Блюдите, да никтоже вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: аз есмь Христос, и многи прельстят. Услышати же имате брани и слышания бранем. Зрите, не ужасайтеся: подобает бо всем сим быти; но не тогда есть кончина* (ст. 4–6). Так как ученики слышали о наказании, посы-

лаемом на Иерусалим, как о чуждом для них, и, думая, что сами они будут спокойны, мечтали об одних только благах и надеялись получить их очень скоро, то Спаситель опять предвозвещает им несчастья, побуждая тем к заботливости и сугубой бдительности, — чтобы они не увлеклись обманом обольстителей, и не были побеждены силой бедствий, имеющих постигнуть их. Война, говорит Он, будет двоякого рода: со стороны обольстителей и со стороны врагов; но первая будет гораздо более жестока, потому что откроется при обстоятельствах смутных и ужасных, когда люди будут находиться в страхе и смущении. И в самом деле, великое тогда было смятение, когда римляне начинали процветать, города были пленяемы, войска и оружие находились в движении, и когда многие всему легко верили. О войнах же говорит Он тех, которые имели быть в Иерусалиме, а не вне его, во всех местах вселенной. Какая нужда была ученикам до этих последних? Притом, Он ничего бы не сказал нового, если бы говорил о бедствиях всей вселенной, которые всегда случаются, потому что и прежде того бывали войны, возмущения и сражения. Но Он говорит здесь о войнах иудейских, которые вскоре имели последовать, так как иудеев беспокоили уже успехи римлян. А так как и этого уже довольно было для того, чтобы встревожить их, то Христос и предсказывает все это. Потом в удостоверение того, что и сам Он восстанет против иудеев, и будет воевать против них, Он говорит не об одних только битвах, но и о поражениях, гладах, язвах и землетрясениях, которые Бог пошлет на них, показывая, что Он сам попустит быть войнам, и что все это случится не просто, как прежде обыкновенно бывало у людей, но по гневу Божию. Поэтому Он и говорит, что произойдет это не случайно или внезапно, но со знамениями. А чтобы иудеи не говорили, что виновники этих зол уверовавшие тог-

да, — Он открыл им и причину поведения их. *Аминь глаголю вам*, сказал Он выше, *яко приидут вся сия на род сей* (Мф. XXIII, 36), вспомнив о гнусном их убийстве. Потом, для того, чтобы они, слыша о таком множестве бедствий, не подумали, что предсказание не совсем исполнится, присовокупил: *зрите, не ужасайтеся, подобает бо всем сим быти*, то есть, всему, что я предсказал, и наступление искушений нимало не воспрепятствует исполнению слов Моих. Хотя будут возмущения и смятения, но они нимало не поколеблют Моих предсказаний. Далее, так как Христос сказал иудеям: *не имеше Мене видети отселе, дондеже речете: благословен грядый во имя Господне* (Мф. XXIII, 39), а ученики думали, что вместе с разрушением Иерусалима будет и скончание мира, то чтобы исправить и это их мнение, сказал: *но не тогда есть кончина*. А что они думали точно так, как я сказал, убедись из их вопроса. В самом деле, о чем они спрашивали? *Когда сия будут?* То есть, когда будет разрушен Иерусалим? *И что есть знамение Твоего пришествия и кончина века?* Но Христос ничего не отвечал тотчас на этот вопрос, а прежде говорит о необходимейшем, и о том, что надлежало узнать прежде. Он не сказал тотчас ни о Иерусалиме, ни о втором пришествии Своем; но о тех несчастьях, которые были при дверях. Поэтому и побуждает учеников к осторожности, говоря: *блюдите, да никтоже вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: аз есмь Христос*. Таким образом, прежде возбудив их внимание к слушанию этого (*блюдите*, говорит Он, *да никтоже вас прельстит*), соделав их заботливыми и бдительными и упомянув о лжехристах, затем говорит и о бедствиях Иерусалима, удостоверяя на основании того, что уже случилось, и в непреложности будущего людей безумных и упорных.

2. Войнами и слухами о войнах, как я и прежде сказал, Он называет смятения, имеющие быть у них. Да-

лее, так как — о чем я и прежде сказал, — ученики думали, что за этой войной последует конец, то смотри, как Спаситель успокаивает их, говоря: *но не тогда есть кончина. Возстанет бо*, говорит, *язык на язык и царство на царство* (ст. 7). Он разумеет начало бедствий иудеев. *Вся же сия начало болезнем* (ст. 8), то есть, тем, которые с ними случатся. *Тогда предадят вы скорби и убиют вы* (ст. 9). Благовременно упомянул Христос ученикам об их собственных бедствиях, которые облегчаются общими несчастьями, и не этим только, но и тем, что присовокупил: *имене Моего ради. Будете*, говорит Он, *ненавидими всеми имене Моего ради. И тогда соблазнятся мнози, и друг друга предадят. И мнози лжехристи* и *лжепроροцы востанут и прелстят многия. И за умножение беззакония изсякнет любы многих. Претерпевый же до конца, той спасется* (ст. 10—13). Бедствие это становится тем больше, когда присоединяется к нему и междоусобная война: а тогда много было лжебратий. Видишь ли троякую войну, — именно с обольстителями, врагами и лжебратиями? Смотри, как и Павел, то же самое оплакивая, говорит: *внеуду брани, внутрьуду боязни;* и: *беды во лжебратии* (2 Кор. VII, 5); и опять: *таковии бо лживи апостоли, делатели льстивии преобразующеся во апостолы Христовы* (2 Кор. XI, 13). Потом, что всего хуже, ученики и от любви не будут получать утешения. Далее, показывая, что это нисколько не повредит мужественному и терпеливому, Христос говорит: не бойтесь и не смущайтесь. Если вы покажете надлежащее терпение, то несчастья не победят вас. Ясным доказательством этому служит проповедание Евангелия по всей вселенной, несмотря ни на какие препятствия: таким образом вы будете выше несчастий. А чтобы ученики не сказали: как же мы будем жить? присовокупил еще более: будете и жить, и учить всюду. Поэтому-то и сказал: *и проповестся сие евангелие по всей вселенной, во свидетельство всем язы-*

ком, и тогда приидет кончина (ст. 14) – не мира, а Иерусалима. А что Христос говорил об этом конце, и что Евангелие было проповедано прежде взятия Иерусалима, послушай, что говорит Павел: *во всю землю изыде вещание их* (Рим. X, 18); и опять: *благовествования, проповеданнаго всей твари поднебесней* (Кол. 1, 23). И ты видишь, как скоро он перешел из Иерусалима в Испанию. Если же один овладел столь великой частью (вселенной), то размысли, сколько сделали и другие. И в другом послании Павел говорит о Евангелии, что оно *есть плодоносно и растимо* (Кол. I, 6) во всей твари поднебесной. Но что значит: *во свидетельство всем языком*? Так как Евангелие всюду было проповедано, но не всюду уверовали в него, Христос говорит: *во свидетельство* будет неуверовавшим, то есть, в обличение, в осуждение; во свидетельство: уверовавшие будут свидетельствовать против неуверовавших, и осудят их. Вот почему уже после проповедания Евангелия по всей вселенной разрушается Иерусалим, чтобы неблагодарные не могли иметь и тени извинения. В самом деле, какое могут иметь извинение люди, видевшие могущество Его, всюду воссиявшее и во мгновение протекшее вселенную, если они остались в той же самой неблагодарности? А что Евангелие всюду было тогда проповедано, послушай, что говорит Павел: *благовествования, проповеданнаго всей твари поднебесной* (Кол. I, 23). Это и служит величайшим знамением силы Христовой, что слово Его достигло пределов вселенной в течение двадцати или тридцати лет. Итак, после этого, говорит Христос, придет конец Иерусалима. А что Он указывает именно на это, видно из следующего. В удостоверение разрушения Иерусалима Он привел и пророчество, говоря: *егда убо узрите мерзость запустения, реченную Даниилом пророком, стоящу на месте святе: иже чтет, да разумеет* (ст. 15). Он указал им на Даниила. А мерзостью называет статую завоевавшего

тогда город, которую он, по опустошении города и храма, поставил внутри храма, почему и называет мерзостью запустения. Потом, для того, чтобы они знали, что это случится еще при жизни некоторых из них, сказал: *егда узрите мерзость запустения.*

3. Здесь каждый особенно должен подивиться силе Христовой и мужеству апостолов, потому что они проповедовали в такие времена, в которые особенно иудеи были угнетаемы войною, когда на иудеев обращали особенное внимание, как на возмутителей, когда кесарь дал повеление всех их изгонять. Это подобно тому, как если бы кто в то время, когда море со всех сторон взволновалось, когда мраком покрывается весь воздух, кораблекрушения следуют за кораблекрушениями, все плывущие на корабле возмущаются, чудовища выплывают на поверхность моря и, вместе с волнами, пожирают плавающих, когда блистают молнии, нападают разбойники, и находящиеся на корабле друг против друга злоумышляют, – повелел людям неискусным в плавании, и даже не видавшим моря, сесть на корме, управлять кораблем, производить морское сражение и с одним малым судном, при таком, как я сказал, всеобщем беспорядке, брать в плен и истреблять бесчисленный флот, идущий против них с великою силою. И действительно, апостолы и у язычников находились в ненависти, как иудеи, и от иудеев побиваемы были камнями, как противящиеся их законам, и нигде не имели пристанища. Таким образом всюду для них были стремнины, скалы и подводные камни: и в городах, и в селах, и в домах, и каждый восставал против них: и вождь, и начальник, и простолюдин, и все языки, и все народы, и было такое смятение, которого невозможно выразить словами. Народ иудейский был весьма ненавистен римскому правительству, потому что причинял ему бесчисленные беспокойства. Но это нисколько не повредило

проповеди: город был взят, сожжен и жителей постигли тысячи зол: а апостолы, происшедшие из этого города, вводили новые законы и обладали римлянами. О, новые и чудные дела! Римляне взяли тогда в плен бесчисленные тысячи иудеев, но не победили двенадцати мужей, которые просто сражались с ними без всякого оружия. Какое слово будет в состоянии изобразить такое чудо? Два условия нужно иметь учащим: пользоваться доверенностью и быть любимыми со стороны учеников, а кроме того, и самое учение должно быть удобоприемлемо, и время свободно от смятения и возмущения. В то же время все было напротив. Апостолы, по-видимому, не заслуживали доверия, а между тем обольщенных отвлекали от таких людей, которые почитались достойными доверия; они не были любимы, даже были ненавидимы, и между тем отклоняли от любимых вещей, от обычаев, от отечества, от законов. Их требования были неудобоисполнимы; а то, от чего они отвращали, было весьма приятно. Как сами они, так и последователи их подвергались многим опасностям, многим смертям; а сверх всего этого, и самое время было весьма трудное, исполнено было войн, стятений, возмущения; так что если бы и ничего из сказанного не было, то оно могло бы все привести в смятение. Прилично здесь сказать: *кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы Его* (Пс. CV, 2)? Если единоплеменники, при всех знамениях, не послушали Моисея потому только, что были угнетаемы деланием глины и кирпичей, то тех, которые ежедневно были поражаемы и убиваемы, и которые претерпевали несносные бедствия, кто убедил оставить жизнь спокойную и предпочесть ей жизнь, исполненную опасностей, крови и смертей, тогда как проповедующие это были иноплеменники, и во всем были им весьма враждебны? Не говоря уже о племенах, городах, но если даже кто-ни-

будь и в небольшой дом введет такого человека, которого ненавидят все живущие в нем, и если через него будет стараться отклонять от любимых предметов, от отца, матери, жены и детей, то не растерзают ли его еще прежде, чем он откроет уста? А если в доме будет еще ссора и брань между женою и мужем, то не побьют ли его камнями прежде, нежели он ступит на порог? Если же он будет еще и достоин презрения и станет предписывать что-либо трудное, требовать умеренной жизни от людей, преданных удовольствиям, и притом будет действовать против людей, которые гораздо многочисленнее и сильнее его, то не очевидна ли его совершенная погибель? Но при всем том, чего не могло быть в одном доме, то Христос совершил во всей вселенной, проведши врачей ее через стремнины, печи, утесы, скалы, через землю и море, обуреваемое войною. Если ты хочешь яснее узнать все это, то есть, глады, язвы, землетрясения и другие плачевные события, то прочти об этом историю Иосифа, и ты все узнаешь подробно. Поэтому сам Христос сказал: *не ужасайтеся, подобает бо всем сим быти;* и: *претерпевый до конца, той спасется;* и: *проповестся сие евангелие во всем мире.* Так как ученики, устрашившись Его слов, пришли в изнеможение и уныние, то Он и укрепляет их, говоря, что хотя и бесчисленные будут препятствия, однако Евангелие должно быть проповедано по всей вселенной, и *тогда приидет кончина.*

4. Видишь ли, в каком состоянии находились тогда дела, и как многоразлична была война? И это вначале, когда во всяком деле особенно требуется великое спокойствие. В каком же состоянии они находились? Ничто не препятствует опять повторить то же самое. Первая брань была со стороны обольстителей: *приидут,* сказано, *лжехристи и лжепророцы;* вторая — со стороны римлян: *услышати бо имать брани;* третья производила

глады; четвертая — *пагубы и трусы;* пятая — *предадят вы на смерть;* шестая — *будете ненавидими всеми;* седьмая — друг друга *предадят и возненавидят:* здесь означается междоусобная брань. Потом лжехристы и лжебратия; наконец *изсякнет любы,* что и будет причиною всех зол. Видишь ли бесчисленные роды браней, новые и необычайные? Но даже и при этих и других гораздо больших бранях (к междоусобной брани присоединялась еще брань между родными) проповедь евангельская возобладала над всею вселенною: *проповестся бо,* говорит Он, *евангелие во* всем мире. Итак, где те, которые владычество природы и круговращение времен противопоставляют учению Церкви? Помнит ли кто-нибудь из них, чтобы явился когда-нибудь другой Христос, чтобы случилось подобное происшествие? И хотя они и рассказывают о других баснях, что, например, будто бы прошло уже сто тысяч лет, но здесь ничего подобного выдумать не могут. Итак, о каком вы скажете круговращении? Ни Содома, ни Гоморры, ни потопа в другой раз не было. До каких пор вам издеваться и говорить о превращении и возникновении? Как же, скажешь ты, сбывается многое из того, что предсказывают? Так как ты сам себя лишил помощи Божией, пренебрег ее и поставил себя вне промысла, то диавол, по своей воле, управляет и располагает твоими делами. Но он не делает этого со святыми, ни даже с нами грешными, которые весьма презираем эти предсказания. Хотя жизнь наша и худа, но так как мы по благодати Божией весьма твердо держимся догматов истины, то и возвышаемся над кознями диавольскими. Что же, в самом деле, значит гадание по светилам? Не что иное как ложь и запутанность, по которым все происходит на удачу, и не только на удачу, но и безрассудно. Но ты скажешь: если светила не имеют влияния на судьбу человека, то почему тот богат, а другой беден?

Не знаю; до времени я так буду рассуждать с тобою, чтобы научить тебя, чтобы ты не слишком все испытывал, и потому не думал, что все происходит на удачу и случайно. Потому, что ты не понимаешь этого, ты не должен измышлять того, чего нет. Доброе неведение лучше худого знания. Кто не знает причины, тот скоро может дойти до истинной причины; а кто, не познав истинной причины, вымышляет ложную, тот не легко может принять истинную; но много требуется от него труда и пота для того, чтобы уничтожить прежнее. На чистом пергаменте всякий удобно может писать, что ему угодно, а на исписанном не так: прежде надобно стереть то, что худо написано. И между врачами тот, который ничего не делает, гораздо лучше того, который делает вред; и тот, кто непрочно строит, хуже того, который совершенно ничего не строит, равно как и земля, на которой нет ничего, гораздо лучше той, которая имеет терние. Итак, не будем спешить узнать все, но будем терпеть, если чего и не знаем, чтобы, когда найдем учителя, не причинить ему сугубого труда. Напротив, многие часто оставались даже в неисцельной болезни, после того как по простоте своей приняли худое учение. Действительно, неодинаково трудно исторгать то, что прежде пустило худые корни, и — сеять и насаждать на чистом поле. Там надобно исторгнуть прежнее, и потом уже посеять другое, а здесь — открытые только уши. Отчего же, однако, иной богат? Теперь уже я скажу. Одни приобрели богатство по Божию благодеянию; другие же — по попущению Божию. Вот краткая и простая причина. Почему же, скажешь ты, Он делает богатым блудника, прелюбодея, сладострастника, и того, который злоупотребляет своим имением? Он не делает богатым, но только попускает быть богатым; а между деланием и попущением великое, даже бесконечное, раз-

личие. Почему же, однако, Он попускает? Потому, что не пришло еще время суда, чтобы каждый получил достойное. Что хуже того богача, который не давал даже и крох Лазарю? Но он сделался всех несчастнее, не мог иметь и капли воды, особенно за то, что при своем богатстве был бесчеловечен. Если два нечестивца имели здесь неодинаковую участь, но один из них был богат, а другой беден, то они и там не равно будут наказаны, но который более богат, будет наказан более жестоко.

5. Итак, видишь ли, что и этот богач претерпевает жесточайшие мучения, потому что благоденствовал в этой жизни? Поэтому и ты, если увидишь, что неправедно приобретающий богатство благоденствует, вздохни и пролей слезы: богатство это увеличит его наказание. Как те, которые много грешат и не хотят покаяться, собирают себе сокровище гнева (Рим. II, 5), так и те, которые здесь не наказываются, а наслаждаются счастьем, подвергнутся большему наказанию. И это, если угодно, я докажу тебе примером не только из будущей, но и из настоящей жизни. Так блаженный Давид, когда соделал известный грех с Вирсавией и был обличаем пророком, за то особенно весьма жестоко был обвиняем, что совершил такое преступление, несмотря на то, что пользовался полной безопасностью. Послушай, как Бог за это особенно укоряет его: «Не Я ли помазал тебя в царя, и освободил из руки Сауловой, и дал тебе все имение господина твоего, и весь дом Израилев и Иудин? И если мало было тебе этого, Я еще к этому приложил бы тебе. И для чего ты сотворил лукавое предо Мною?» (2 Цар. XII, 7–9). Не все грехи одинаково наказываются, но есть многие и различные наказания, смотря по времени, по лицам, по достоинствам, по степени разумения и по многим другим обстоятельствам. Чтобы яснее были слова мои, укажем

здесь на один грех — блуд; и смотри, сколь многоразличные наказания представлю я, не от себя самого, но из Божественных Писаний. Кто любодействовал прежде закона, — иначе наказывается. Это показывает Павел: *елицы бо беззаконно согрешиша, беззаконно и погибнут* (Рим. II, 12). Кто любодействовал после закона, тот потерпит более жестокое наказание: *елицы бо в законе согрешиша*, говорит Он, *законом суд приимут*. Кто сделал блуд, будучи священником, тот соответственно своему сану получает величайшее и усиленное наказание. Вот почему другие девы за любодеяние были убиваемы, а дочери священников сожигались, чем законодатель весьма ясно показывает, какая казнь угрожает самому священнику за подобный грех. В самом деле, если дочь подвергается большему наказанию потому, что она дочь священника, то гораздо более сам священник. Если какая-либо женщина сделала блуд по принуждению, то она свободна от наказания. Если сделала блуд женщина богатая и женщина бедная, то и здесь опять различие. Это открывается из того, что мы выше сказали о Давиде. Любодействовал ли кто по пришествии Христовом и умрет, не приняв крещения, — подвергнется более жестокому наказанию, чем все прежде упомянутые. Сделал ли кто блуд после омытия божественным крещением, — здесь уже не остается никакого утешения во грехе. И показывая именно это, Павел сказал: *отвергя кто закона Моисеова, без милосердия при двоих или триех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый, и кровь заветную скверну возмнив, и Духа благодати укоривый?* (Евр. X, 28, 29). Если сделал блуд какой-либо священник ныне, это особенно уже верх всех зол. Видишь ли, сколько различий у одного и того же греха? Иное — грех, совершенный прежде закона, иное — после закона, иное — сделанный священником, иное — богатою и бедной женщиной, иное — грех,

учиненный оглашенною и верною, иное — женщиною из рода священнического. Также великое различие происходит и от разумения: *ведевый волю господина своего и не сотворив, биен будет много* (Мф. XII, 47). И грех, соделанный после таких и столь многих примеров, получает большее наказание. Поэтому Христос сказал: *вы же и видевше не раскаястеся после* (Мф. XXI, 32), хотя и много были врачуемы. В том же укоряет Он и Иерусалим, говоря: *колькраты восхотех собрати чада* ваши, *и не восхотесте* (Лк. XIII, 34)? Относительно тех, которые грешат, живя в роскоши, ты имеешь пример в истории о богаче и Лазаре. Увеличивается еще тяжесть греха и от места, на что сам Христос указывает, говоря: *между церковью и олтарем* (Мф. XXIII, 35), и от качества самых преступлений: *недивно*, сказано, *аще кто ят будет крадый* (Притч. VI, 30); и опять: *заклала еси сыны твоя и дщери твоя, сие паче всякаго блуда твоего и гнусностей твоих* (Иез. XVI, 20, 22). Также и от лиц: *аще согрешая согрешит кто-либо пред человеком, помолятся о нем, аще же согрешит пред Богом, кто помолится о нем* (1 Цар. II, 25)? Подобным образом, если кто превосходит своей беспечностью самых худших людей, что Бог порицает и у Иезекииля таким образом: *ниже по судом языческим ты сотворил* (Иез. V, 7); и когда кто-либо не исправляется даже примерами других: видела, сказано, сестру свою и оправдала ее (Иез. XVI, 57); когда кто пользуется особенным промышлением: *аще бо в Тире*, говорит Он, *и Сидоне быша силы были бывшия в вас, древле убо покаялися быша. Тиру и Сидону отраднее будет, неже граду сему* (Мф. XI, 21, 22). Видишь ли совершенную точность и то, что не все за одни и те же грехи получают равное наказание? И мы, если не воспользуемся долготерпением Божиим, подвергнемся большему наказанию. Это показывает и Павел, говоря: *по жестокости твоей и непокаянному сердцу собираеши себе гнев* (Рим. II, 5). Итак, зная

это, не будем соблазняться и смущаться никакими случаями жизни, не будем обуреваться помыслами; но, предаваясь непостижимому божественному промыслу, будем стараться о добродетели и избегать греха, чтобы получить будущие блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXVI

Тогда сущии во Иудеи да бежат на горы. И иже на крове, да не сходит взяти, яже в дому его. И иже на селе, да не возвратится вспять взяти риз своих, и проч. (Мф. XXIV, 16—18)

1. Сказавши о бедствиях, имеющих постигнуть город, об искушениях апостолов и о том, что они будут непобедимы, и пройдут всю вселенную, Спаситель опять говорит о бедствиях иудеев, показывая, что когда апостолы, научивши всю вселенную, прославятся, тогда иудеи подвергнутся бедствиям. Но смотри, как Он говорит о войне, представляя жестокость ее в словах, по-видимому, маловажных. *Тогда*, говорит Он, *сущии во Иудеи да бежат на горы. Тогда:* когда же? *Когда случится все это, когда мерзость запустения станет на месте святе.* Из этого я заключаю, что Он говорит о войсках. Тогда бегите, говорит: вам не будет уже никакой надежды на спасение. А так как часто случалось, что иудеи, во время жестоких войн, опять укреплялись, как, например, при Сеннахириме и Антиохе (когда, хотя войска напали на город и храм был взят, но Маккавеи, устремившись против врагов, дали обратное направление делам), то, чтобы и теперь не ожидали какой-либо подобной перемены, Он отнимает у них всякую надежду.

Хорошо, говорит, если кто спасется хотя с нагим телом. Поэтому и находящимся на кровле не позволяет войти в дом, чтобы взять одежды, — показывая неизбежность зол и чрезмерно великое несчастье, и то, что впадший в него необходимо должен погибнуть. По этой же причине прибавляет, что и находящийся на поле да не возвратится взяти риз своих. Если и находящиеся в доме бегут из него, то тем более не должно возвращаться тем, которые вне его. *Горе же непраздным и доящим* (ст. 19), — первым потому, что они, будучи отягощаемы беременностью, по причине слабости, не смогут удобно бежать; а последним потому, что они, будучи связаны узами сострадания, к детям, не смогут спасти с собою питающихся грудью. Деньги легко и пренебречь, и сохранить, равно как и одежду; но того, с чем связывает человека природа, как может кто-либо избежать? Как может быть легкою беременная женщина? Как может кормящая грудью презреть дитя свое? Далее, опять показывая величину бедствия, говорит: *молитеся же, да не будет бегство ваше в зиме, ни в субботу. Будет бо тогда скорбь велия, яковаже не была от начала мира доселе, ниже имать быти* (ст. 20—21). Видишь ли, что Он говорит иудеям, и рассуждает о бедствиях, имеющих постигнуть их? Апостолы не соблюдали субботы, и не были в Иерусалиме в то время, когда Веспасиан сделал это, так как большинство из них еще прежде этого скончались, если же кто оставался в живых, тот жил тогда в других частях вселенной. Но почему ни *в зиме, ни в субботу?* Зимою, — по причине трудности времени; в субботу, — по требованию закона. Бегство было необходимо, и бегство скорейшее; а иудеи в то время не смели бежать в субботу из уважения к закону, зимою же бежать было неудобно: поэтому Христос и говорит: *молитеся. Будет бо тогда скорбь, яковаже не была, ниже имать быти.* Да не подумает кто-либо, что это сказано

преувеличенно; пусть прочитает сочинения Иосифа, и узнает истину этих слов. Никто не может сказать того, что Иосиф, как верующий, увеличил изображение этих бедствий для того, чтобы подтвердить сказанное; он был иудей, и иудей весьма строгий, ревнитель и из числа тех, которые жили по пришествии Христовом. Что же он говорит? То, что эти бедствия превзошли всякое описание бедствий, и подобной войны никогда не случалось с каким-нибудь народом. Такой, по словам его, был голод, что сами матери с жадностью ели детей, и возникала из-за этого между ними ожесточенная борьба, а у многих даже мертвых растерзываемы были чрева. Я охотно спросил бы теперь иудеев: за что излился на них столь великий и нестерпимый гнев Божий, который превышает все бедствия, доселе бывшие не только в Иудее, но и во всей вселенной? Не очевидно ли – за то, что дерзнули распять Христа, и вследствие Его предсказания? Все могут подтвердить это, а вместе со всеми и прежде всех – истина событий. Заметь же чрезвычайность бедствий, когда они, по сравнению с бедствиями, не только бывшими доселе, но и имеющими быть во все последующее время, являются лютейшими из всех. Действительно никто не может указать подобных бедствий ни во всей вселенной, ни во все время, как прошедшее, так и будущее. И это справедливо. Никто из людей, бывших прежде или после этого, не дерзал на злодеяние столь беззаконное и ужасное. Поэтому Христос и говорит: *будет скорбь, яковаже не была, ниже имать быти. И аще не быша прекратилися дние они, не бы убо спаслася всяка плоть: избранных же ради прекратятся дние оны* (ст. 22). Этим Он показывает, что иудеи заслужили еще большее наказание, чем это, а под днями разумеет дни войны и осады. Итак, смысл слов Его следующий: если бы долее продолжалась война римлян против города, то по-

гибли бы все иудеи (под всякою плотью Он разумеет здесь иудеев), находящиеся как вне, так и внутри города. Не только воевали против тех, которые были в Иудее, но и изгоняли и преследовали рассеянных всюду по причине ненависти к ним.

2. О каких же избранных говорит здесь Христос? О верующих, находившихся среди иудеев. Чтобы иудеи не сказали, что бедствия эти случились по причине проповеди евангельской и поклонения Христу, Он показывает, что верующие не только не будут причиною этих зол для них, но напротив, если бы их не было, то все они совершенно бы погибли. Если бы Бог попустил продолжиться войне, то не сохранился бы остаток иудеев; но чтобы вместе с неверующими иудеями не погибли верующие из них, Он скоро прекратил брань и положил конец войне. Поэтому-то Христос говорит: *избранных же ради прекратятся дние оны*. Это сказал Он и для того, чтобы утешить верующих, находившихся среди иудеев, и успокоить их, чтоб они не боялись, как имеющие погибнуть вместе с ними. Если же здесь столь велико промышление Божие о верующих, что ради них и другие спасаются, и остатки неверующих иудеев сохраняются ради христиан, то какая честь ожидает их во время раздаяния венцов? Этими словами Христос и утешал верующих, чтобы они не скорбели в собственных опасностях, так как и неверующие претерпевают такие же бедствия, и притом без всякой пользы, даже с потерей своей жизни. И не только утешал их, но еще тайным и неприметным образом отвлекал от иудейских обычаев. В самом деле, если перемены на лучшее уже не будет и храм не будет существовать, то очевидно, что и закон упразднится. Впрочем, ясно Он не сказал этого, но намекнул на это, говоря о совершенной погибели иудеев. Ясно же не сказал для того, чтобы не поразить учеников прежде времени. Поэтому не сказал

Он об этом и с самого начала; но, наперед оплакавши город, заставил их показать Себе камни и предложить вопрос, чтобы в виде ответа на вопрос предвозвестить им все будущее. Заметь премудрое распоряжение Духа в том, что Иоанн ничего не писал об этом, чтобы не показалось, что он пишет на основании самого повествования о происшествиях (а он долгое время жил еще после разрушения Иерусалима); но пишут об этом те, которые умерли прежде этого разрушения, и не видали ни одного из этих событий, так что отовсюду сияет сила пророчества.

Тогда аще кто речет вам: се зде Христос, или онде, не имите веры. Востанут бо лжехристи и лжепророцы, и дадят знамения и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя. Се прежде рех вам. Аще убо рекут вам: се в пустыни есть, не изыдите: се в сокровищах, не имите веры. Якоже бо молния исходит от восток, и является до запад: тако будет и пришествие Сына человеческого. Идеже бо аще будет труп, тамо соберутся и орли (ст. 23–28). Кончив предсказание о Иерусалиме, Христос переходит уже к Своему пришествию и говорит ученикам о знамениях, полезных не только для них, но и для нас, и для всех, которые будут после нас. *Тогда:* когда же? Здесь слово: *тогда,* как я часто говорил, не означает последовательного порядка времени в вышеупомянутых событиях. Когда Христос хотел показать порядок времени, то сказал: *абие по скорби дний тех* (Мф. XXIV, 29). Здесь же не так, но употребляет слово: *тогда,* указывая этим не на то, что будет тотчас после этого, а на то, что будет в то время, когда должны совершиться события, о которых Он хотел сказать. Так, когда и Евангелист говорит: *во дни оны прииде Иоанн Креститель* (Мф. III, 1), то говорит не о том времени, которое тотчас последовало, но о том, которое было спустя много лет, и в которое происходило то, о чем он намерен был сказать. Сказавши о рождестве

Иисуса, пришествии волхвов и смерти Ирода, он тотчас говорит: *во дни они прииде Иоанн Креститель*, хотя тридцать лет протекло между этими событиями. В Писании обыкновенно употребляется этот образ повествования. Так и здесь, опустив весь промежуток времени от разрушения Иерусалима до начала кончины мира, Христос говорит о времени, имеющем быть незадолго перед кончиною мира. *Тогда*, говорит, *аще кто речет вам: се зде Христос, или онде, не имите веры*. Говоря о признаках второго Своего пришествия и чудесах обольстителей, Он в то же время предостерегает учеников касательно места. Не так Он явится тогда, как в первое Свое пришествие явился в Вифлееме, в малом углу вселенной, и когда сначала никто не знал о том; но открыто и со всею славою, так что не нужно будет кому-нибудь возвещать об этом. Это служит немалым признаком того, что Он придет не тайно. Заметь же, что Он здесь ничего не говорит о войне, – Он отличает предсказание о пришествии Своем от предыдущего, но говорит о тех, которые будут стараться прельщать. Одни из них, бывшие при апостолах, многих прельстили: *приидут* бо, говорит, *и многих прельстят*; а другие, которые явятся перед вторым пришествием Его, еще хуже будут первых: *дадят бо*, говорит, *знамения и чудеса, якоже прельстити, аще возможно, и избранныя*. Здесь Он разумеет и антихриста, и тех, которые будут служить ему. О нем и Павел говорит таким же образом. Назвав его *человеком беззакония и сыном погибели*, присовокупил: *егоже есть пришествие по действу сатанину во всякой силе и знамениях и чудесех ложных, и во всякой льсти неправды в погибающих* (2 Сол. II, 3, 9, 10). Смотри же, как Христос предостерегает. *Не изыдите*, говорит, в пустыню, не входите во внутренние комнаты. Не сказал: отойдите и не веруйте; но: *не изыдите и не входите*. Великий будет тогда обман, по причине обольстительных знамений.

3. Сказавши, каким образом придет антихрист, то есть, в известном месте, Христос говорит, каким образом и Сам придет. Каким же образом Он придет? *Якоже молния исходит от восток, и является до западу, тако будет и пришествие Сына человеческаго. Идеже бо аще будет труп, тамо и орли* (ст. 27 и 28). А как блистает молния? Она не требует вестника, не требует проповедника, но в одно мгновение является во всей вселенной, и тем, которые сидят в домах, и тем, которые находятся во внутренних комнатах дома. Таково же будет и пришествие Христово, которое вдруг явится везде по причине сияния славы. Далее Христос говорит о другом знамении: *идеже труп, тамо и орли*, показывая этим на множество ангелов, мучеников и всех святых. Потом говорит о страшных чудесах. Какие же это чудеса? *Абие по скорби дний тех*, говорит, *солнце померкнет* (ст. 29). О какой скорби дней говорит Он? О скорби дней антихриста и лжепророков. Подлинно, великая тогда будет скорбь когда столь много будет обольстителей. Впрочем, она недолго продолжится. Если и иудейская война ради избранных была сокращена, то тем более сократится это искушение ради них же. Поэтому-то Христос не сказал: после скорби, но — *абие по скорби дней тех солнце, померкнет*, — потому что все это случится почти одновременно. Лжепророки и лжехристы, явившись, произведут возмущение, и тотчас придет сам Христос. Немалое смятение будет тогда обладать вселенною. Как же придет Он? Так, что преобразится уже эта тварь. *Солнце померкнет*, будучи не уничтожаемо, но побеждаемо светом пришествия Его; *и звезды спадут*, потому что какая в них будет уже нужда, когда не будет ночи? *И силы небесныя подвигнутся:* и очень справедливо, — видя столь великую перемену. Если они столь ужаснулись и удивились, когда сотворены были звезды (*егда сотворены быша звезды*, гово-

рит Господь, *восхвалиша Мя гласом велиим еси, Ангели,* — Иов. XXXVIII, 7), то как им не ужаснуться и не поколебаться гораздо более, когда увидят, что все преобразуется, сослужители их подвергаются наказанию, вся вселенная предстоит страшному судилищу, и все, от Адама до пришествия Христова существовавшие, должны дать отчет во всех своих действиях?

Тогда явится знамение Сына человеческаго на небеси (ст. 30) — то есть, крест, который светлее солнца, — так как солнце помрачается и скрывается, а крест является: он не явился бы, если бы не был гораздо светлее солнечных лучей. Но для чего является это знамение? Для того, чтобы совершенно посрамить бесстыдство иудеев. Христос придет на этот суд, имея величайшее оправдание — крест, показывая не только раны, но и постыдную смерть. *Тогда восплачутся колена:* не будет нужды в обличении после того, как они увидят крест; и они восплачут, так как не получили никакой пользы от смерти Его, и распяли Того, Которому должны были поклоняться. Видишь ли, сколь страшным представил Христос Свое пришествие? Как ободрил сердца учеников? Для того Он сперва и представляет печальные знамения, а потом радостные, чтобы, таким образом, утешить и успокоить их. Снова напоминая им о страдании и воскресении, Он представляет крест в блистательнейшем образе, чтобы они не стыдились и не скорбели, так как Он придет, полагая его вместо знамения. В другом же месте Писания говорится: *воззрят нанъ, Егоже прободоша* (Зах. XII, 10). Поэтому-то восплачутся племена, увидевши Того самого, Которого они пронзили. Напомнив о кресте, Христос присовокупил: *узрят Сына человеческаго, грядуща* не на кресте, но *на облацех небесных, с силою и славою многою* (ст. 30). Услышав о кресте, ты опять не представляй чего-либо печального: Христос придет с силою и сла-

вою многою. Крест же приносит для того, чтобы грех иудеев сам собою осудился, подобно тому, как если бы кто-нибудь, будучи поражен камнем, стал показывать самый камень, или окровавленные одежды. Придет на облаке, подобно тому, как и вознесся: и видя это, *восплачутся* племена. Впрочем, бедствия их не ограничатся одним плачем, но плач этот будет для того, чтобы они сами над собою произнесли приговор и осудили самих себя. В то же время еще *послет ангелы своя с трубным гласом велиим: и соберут избранный от четырех ветр, от конец небес до конец их* (ст. 31). Когда ты услышишь это, представь себе мучение тех, которые останутся. Они понесут не только то наказание, но и это. И, как выше говорил Христос, что воскликнут: *благословен грядый во имя Господне* (Мф. XXIII, 39) так и здесь говорит, что *восплачутся.* Раньше Христос сказал им о жестоких бранях; но чтобы они знали, что за бедствиями настоящей жизни ожидают их мучения и в будущей, то представляет их и плачущими, и отлучаемыми от избранных, и предаваемыми геенне; и этим опять ободряет учеников Своих, и показывает, от каких зол они освободятся, и какими будут наслаждаться благами.

4. Но для чего Христос через ангелов будет призывать избранных, если Он придет так явно? Для того, чтобы и этим почтить их. Павел говорит, что они будут восхищены на облаках. Рассуждая о воскресении, он сказал и это. *Сам бо Господь,* говорит он, *в повелении, во гласе, архангелов, снидет с небесе* (1 Сол. IV, 16). Итак, ангелы соберут воскресших, а облака восхитят собранных, и все это произойдет в кратчайшее время, во мгновение. Господь будет призывать их не пребывая на высоте, но сам придет с трубным гласом. Для чего же будут трубы и глас? Для возбуждения, для радости, для представления ужасных событий, для мучения тех, которые

оставляются. Горе нам от этого страшного дня! Надлежало бы нам радоваться, когда мы слышим это, но мы скорбим, сетуем и печалимся. Или я один испытываю такое чувство, а вы радуетесь, слыша это? На меня находит некоторый ужас, когда говорят об этом, и я горько плачу и воздыхаю из глубины сердца. Впрочем, не это смущает меня, но то, что вслед за тем сказано о девах, о скрывшем в земле полученный талант, о лукавом рабе. Поэтому-то я плачу, представляя, какой мы лишимся славы, какой надежды благ, и притом совершенно и навсегда, если хотя мало не позаботимся. Если бы и велик был труд и тяжек закон, то и в таком случае надлежало бы все исполнять. Хотя многие из нерадивых и думали иметь некоторое извинение, — извинение, правда, бесполезное, впрочем думали иметь, — указывая на чрезмерную тяжесть заповедей, на великий труд, на бесконечное время и невыносимое бремя, но теперь ничего подобного мы не можем представить в оправдание; и это особенно будет терзать нас в то время не менее геенны, когда мы за краткое мгновение за пренебрежение ничтожного усилия, потеряем небо и неизреченные блага. Поистине и время кратко, и труд мал; а между тем мы расслаблены и унылы. На земле подвизаешься, а на небесах венец; от людей принимаешь мучения, а от Бога получаешь честь; два дня бежишь, а на бесконечные века награда; в тленном теле борьба, а в нетленном честь. А сверх этого, должно еще представлять и то, что хотя бы мы и не решились потерпеть для Христа некоторые скорби, все же совершенно необходимо будет потерпеть их, только иным образом. Если ты и не умрешь за Христа, то не будешь же бессмертен; если и не отвергнешь для Христа богатство, то не возьмешь его с собою по смерти. Он требует от тебя того, что и без требования ты отдашь, потому что ты смертен. Он желает, чтобы ты добровольно сде-

лал то, что должен будешь сделать и по необходимости; требует только одного того, чтобы для Него делано было то, что случается и приходит и по естественной необходимости. Видишь ли, как легок подвиг? То, что совершенно необходимо тебе претерпеть, говорит Он, претерпи для Меня; присовокупи только это, и Я доволен твоим послушанием! Золото, которое ты намерен давать взаймы другому, отдай Мне; с большею и выгодой, и безопасностью; телом, которым ты хочешь воевать за другого, воюй за Меня: твои труды Я вознагражу с великим избытком. В других случаях ты предпочитаешь того, кто платит более, – и в давании взаймы, и в торговле, и в военной службе; а Христа, Который один воздает более всех и бесконечно более, не принимаешь. Что это за брань, столь великая? Что за вражда, столь сильная? Откуда же, наконец, получишь ты прощение и защиту, когда не хочешь предпочесть Бога людям за то, за что одних людей предпочитаешь другим? Для чего предаешь сокровище земле? Отдай в Мои руки, говорит Он. Ужели не думаешь, что Господь земли вернее земли? Земля возвращает только вверенное ей, а часто не возвращает и того; Господь же дает тебе и награду за сохранение, потому что весьма любит нас. Поэтому, если ты хочешь отдать взаймы, Он готов принять; если хочешь сеять, Он принимает это на Себя; если хочешь строить, Он влечет тебя к Себе, говоря: строй на Моем основании. Для чего ты прибегаешь к бедным, просящим милостыни, людям? Прибегай к Богу, Который и за малое воздает тебе великое. Но мы об этом и слышать не хотим, а спешим туда, где брани, войны, борьба всякого рода, распри, клеветы.

5. Итак, не по праву ли Господь отвращается и наказывает нас, когда Он во всем предоставляет нам Себя, а мы противимся Ему? Для всякого это совершенно очевидно.

Хочешь ли ты, говорит Он, украшаться, — украшайся Моею красотою, или вооружиться, — Моим оружием, или облечься, — в Мою одежду, или питаться, — вот тебе Моя трапеза, или идти, — иди Моим путем, или наследовать, — получи Мое наследие, или войти в отечество, — войди в город, которого Я Художник и Строитель, или построить дом, — построй его в селениях Моих. Я не требую от тебя награды за то, что даю, но еще и должен наградить тебя за то самое, что ты пожелаешь воспользоваться всеми Моими благами. Что может сравняться с этой щедростью? Я отец, Я брат, Я жених, Я дом, Я питание, Я одежда, Я корень, Я основание, Я все, чего бы ты ни захотел: ни в чем ты не будешь иметь нужды. Я и служить буду, — потому что Я пришел для того, чтобы служить, а не для того, чтобы Мне служили (Мф. XX, 28). Я и друг, и член, и глава, и брат, сестра, и мать, — Я все; только ты будь Мне другом. Для тебя Я беден, для тебя Я нищий, для тебя Я на кресте, для тебя во гробе, за тебя ходатайствую перед Отцом, на небесах, для тебя Я явился на земле посланником от Отца. Ты Мне все: и брат, и сонаследник, и друг, и член. Чего еще желаешь? Для чего отвращаешься от Того, Который любит тебя? Для чего работаешь миру? Для чего вливаешь в сосуд разбитый? А этому и подобны труды для настоящей жизни. Для чего сечешь огонь? Для чего бьешь воздух? Для чего бежишь напрасно? Не каждое ли искусство имеет цель? Это всякому известно. Покажи мне и ты цель житейского попечения. Но ты не можешь показать: *суета суетствий, всяческая суета* (Еккл. I, 2). Пойдем к гробам: покажи мне отца, покажи мне жену. Где тот, который облекался в золотые одежды, кто сидел на колеснице, кто имел войска, царский пояс, провозвестников; который одних предавал смерти, а других ввергал в темницу; который по своей воле и умерщвлял, и освобождал? Я ничего не

вижу, кроме костей, червей и паутины. Все это земля, все это вымысел; все это сон и тень, пустой рассказ и образ, или лучше сказать, менее нежели образ: образ мы видим по крайней мере на картине, здесь же не видим и картины. О, если бы этим оканчивались бедствия! Но теперь честь, удовольствие, знаменитость, — одна тень, одни слова; а то, что от них происходит, — уже не тень и слова, но пребывает и перейдет с нами туда, и всем будет известно; хищения, любостяжание, блудодеяния, прелюбодеяния и бесчисленные подобного рода преступления, состоят ли они в словах, или делах, написаны не на картине и не на прахе, но на небесах. Итак, какими очами будем мы взирать на Христа? Если человек не может смотреть на отца, когда сознает себя виновным перед ним, то как мы будем взирать тогда на Того, Кто бесконечно более кроток, чем отец? Как снесем Его присутствие? Предстанем перед судилище Христово, и всем будет строгое испытание. Если же кто не верит будущему суду, тот пусть посмотрит на то, что здесь происходит, — на тех, которые находятся в темницах, в рудниках, в нечистых местах, на беснующихся, на сумасшедших, на пораженных неизлечимыми болезнями, на борющихся со всегдашней нищетою, на терпящих голод, на удрученных сильными скорбями, на пленных. Они не терпели бы этого теперь, если бы и всех других, подобно им согрешивших, не ожидало наказание и мучение. Если же другие нисколько здесь не пострадали, то это самое должно служить тебе признаком, что непременно ожидает их нечто по отшествии из настоящей жизни. Один и тот же Бог всех не стал бы одних наказывать, а других, совершивших такие же, или еще большие преступления, оставлять без наказания, если бы Он не намерен был подвергнуть их некоторому наказанию в будущей жизни. Итак, в виду этих размышлений и доказательств

и сами смирим себя, и отвергающие суд пусть уверуют и исправятся, чтобы мы, проведши здешнюю жизнь достойно царствия небесного, получили вечные блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXVII

От смоковницы же научитеся притчи; егда уже ваия ее будут млада, и листвие прозябнет, ведите, яко близ есть жатва. Тако и вы, егда видите сия вся, ведите, яко близ есть, при дверех (Мф. XXIV, 32–33)

1. Так как Христос сказал: *абие по скорби дний тех*, ученики же его спросили, когда это будет, и желали точно знать самый день, то Он представил им в пример смоковницу, показывая, что немного осталось времени, и что скоро будет Его пришествие. И это подтвердил Он не одной только притчей, но и следующими затем словами: *ведите, яко близ есть, при дверех*. Вместе с этим Христос пророчествует и о духовном лете, и о той тишине, которая в тот день настанет для праведных после обуревающей их теперь зимы; грешникам же, напротив, предсказывает зиму по прошествии лета, что подтвердил впоследствии, сказав, что день тот застанет их посреди роскоши и удовольствий. Впрочем, Он привел в пример смоковницу не только для обозначения времени, — мог бы означить его и другим образом, — но и для подтверждения того, что Его предсказание непременно исполнится. Подобно тому, как необходимо быть первому, так точно и последнему. Да и вообще, Христос, равно как и подражающий ему блаженный апостол Павел, когда говорит о том, что непременно должно случиться, всегда приводит в пример необходимые

естественные явления. Вот почему, и беседуя о воскресении мертвых, Он говорит: *аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает; аще же умрет, мног плод сотворит* (Ин. XII, 24). И блаженный апостол Павел, подражая Христу, употребляет тот же пример, рассуждая с коринфянами о воскресении: *безумне*, говорит он, *ты еже сееши, не оживет, аще не умрет* (1 Кор. XV, 36). Затем, чтобы ученики вскоре опять не приступили с вопросом: когда это случится? Спаситель напоминает им о приближении этого времени, говоря: *аминь глаголю вам, не мимоидет род сей, дондеже вся сия будут* (ст. 34). Что же Он разумеет под словом: *вся сия?* То, что́ случилось с Иерусалимом: войны, голод, мор, землетрясения, лжехристов, лжепророков, повсеместное распространение Евангелия, мятежи, раздоры и все, что, как мы сказали, должно случиться до Его пришествия. Как же Он сказал: *род сей?* Здесь Он говорит не о поколении, тогда жившем, но о верных. Род обозначается не только по времени, но и образу религии и жизни, как, например, когда говорится: *сей род ищущих Господа* (Пс. XXIII, 6). Что Христос сказал прежде: *подобает бо всем сим быти,* и еще: *проповестся евангелие сие,* то же выражает и здесь, говоря, что все это непременно сбудется, а род верных пребудет и не прервется ни от одного из вышеозначенных бедствий. Разрушится и Иерусалим, и погибнет большая часть иудеев; но рода этого ничто не преодолеет, ни голод, ни мор, ни землетрясения, ни ужасы браней, ни лжехристы, ни лжепророки, ни обольстители, ни предатели, ни соблазнители, ни лжебратия, ни другие подобные искушения. Затем для большего их удостоверения Он говорит: *небо и земля мимоидут, словеса же Моя не мимоидут* (ст. 35), — то есть, скорее разрушатся небо и земля, столь твердые и неподвижные, нежели прейдет какое-либо из слов Моих. Кто сомневается в этом, пусть ис-

следует все сказанное, и тогда, найдя все истинным (а найдет непременно), — на основании того, что было, поверит и тому, что имеет быть; пусть во все вникнет со тщанием — и увидит, что последующие события совершенно оправдали истину пророчества. О стихиях же Христос упомянул для того, чтобы показать как то, что Церковь превосходнее неба и земли, так и то, что Он есть творец всего существующего. А так как Он сказал о кончине мира, чему многие не верят, то и упомянул о небе и земле, показывая тем неизреченное Свое могущество, и со всею силою объявляя Себя владыкою вселенной, и таким образом тем, которые сомневаются в словах Его, представляет их совершенно достоверными. *О дни же том и часе никтоже весть, ни ангели небесныи, ни Сын, токмо Отец* (ст. 36). Словами: *ни ангели* Христос удерживает учеников Своих, чтобы они не старались узнать того, чего не знают и сами ангелы; словами же: *ни Сын* — возбраняет им не только знать, но и спрашивать об этом. А что слова эти сказаны Им с этим именно намерением, узнай из того, как Он по воскресении с большей силой воспретил им любопытство, когда заметил, что они излишне предаются ему. Теперь указал на многие и бесчисленные признаки, а тогда сказал просто: *несть ваше разумети времена и лета* (Деян. I, 7). Потом, чтобы ученики не сказали: «Мы недоумеваем, нас презирают, но мы не достойны этого», — Он говорит: *яже Отец положи во Своей власти*. Он очень заботился о том, чтобы учеников уважали, и чтобы не было скрыто от них ничего; но в этом случае предоставляет самому Отцу знать времена и сроки, дабы внушить страх к делу и воспретить им даже спрашивать о нем. Если бы это было не так, если бы в самом деле Сын Божий не знал этого, то когда же бы Он узнал? Вместе с нами? Но кто станет утверждать это? Он знал Отца совершенно, — так же, как и Отец

Сына, — а не знал об этом дне? Кроме того, *Дух испытует и глубины Божия* (1 Кор. II, 10), — а Сын будто бы не знал и времени суда? Он знал, каким образом должно судить, знал тайны каждого, — и мог не знать того, что гораздо менее важно? Если *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть* (Ин. I, 3), то как может быть, чтобы Он не знал этого дня? Тот, кто сотворил веки, сотворил без сомнения и времена; если же сотворил и времена, то сотворил и день: как же Ему не знать того дня, который Он сотворил?

2. Вы говорите, что знаете даже сущность Божию: Сын ли Божий не знает последнего дня, Сын, который беспрестанно пребывает в недрах Отца, — несмотря на то, что познание сущности гораздо важнее, нежели познание дней, бесконечно важнее? Каким же образом вы, присвояя себе большее, не уступаете меньшего Сыну, *в немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. II, 3)? Но как ни вы не знаете того, в чем заключается сущность Божия, хотя весьма часто безумно утверждаете это, так и Сын не остается в неведении относительно этого дня, а напротив, совершенно знает его. Вот почему Он, сказав обо всем, означив времена, лета и приведши учеников Своих к самым дверям (именно сказал: *близко, при дверях*), умолчал о дне. Если о дне и часе ты спрашиваешь, не услышишь от меня ничего, говорит Он; если же вообще о времени и предварительных признаках, то, не скрывая ничего, скажу тебе все подробно. Что мне известен этот день, — на это Я представил много доказательств: сказал о расстоянии времени, о всех будущих событиях, и даже о том, сколько от настоящего времени осталось до того дня (это объясняет тебе притча о смоковнице), и таким образом довел тебя до самого преддверия. Если ж Я не отворил тебе дверей, то и это для твоей же пользы. Для большего же удостоверения в том, что Христос

умолчал о дне кончины не по незнанию, обрати еще внимание на то, что Он к вышеуказанному знамению Своего пришествия присоединяет еще и другое: *якоже бо беху во дни Ноя, ядуще и пиюще, женящеся и посягающе, до негоже дне прииде вода, и взят вся: тако будет и пришествие Сына человеческаго* (ст. 38 и 39). Христос сказал это в доказательство того, что Он придет вдруг и неожиданно, когда большинство будет наслаждаться удовольствиями. То же самое говорит Павел в следующих словах: *егда рекут мир и утверждение, тогда внезапу нападет на них всегубительство* (1 Сол. V, 3), и в объяснение этой нечаянности сказал: *якоже болезнь во чреве имущей.* Как же Христос говорит: *по скорби дний тех?* Если тогда будут удовольствия, *мир и утверждение,* как сказал Павел, то как же Христос говорит: *по скорби дний тех?* При радостях какая может быть скорбь? Здесь разумеются удовольствия и мир, которые могут быть только у людей бесчувственных. Поэтому-то апостол и не сказал: когда будет мир, но: *егда рекут мир и утверждение,* изображая тем их бесчувственность, подобную той, какая была у людей и во дни Ноя, когда они, несмотря на величайшие бедствия, проводили жизнь, полную удовольствий, праведные же, напротив, проводили жизнь в скорби и печали. Отсюда видно, что с пришествием антихриста, между нечестивыми и отчаивавшимися в спасении своем, умножатся постыдные наслаждения, — тогда будет чревоугодие, объедение и пьянство. Таким образом Христос приводит пример совершенно подходящий к обстоятельствам дела. Как в то время, говорит Он, когда приготовлялся ковчег, люди не верили, и даже тогда, когда был готов и предвещал им близкое несчастье, они спокойно смотрели на него и предавались удовольствиям, как будто не предстояло им никакого бедствия, так и теперь: явится антихрист, за которым будет кончина, после кончины

последуют наказания и неизреченные мучения; а люди, опьянев от разврата, не почувствуют никакого страха и перед этими будущими бедствиями. Поэтому-то *якоже болезнь во чреве имущую*, по слову апостола, так и их постигнут эти ужасные и неотвратимые бедствия. Почему же не упомянул Христос о бедствии, постигшем содомлян? Он хотел представить в пример происшествие всемирное, которому также не верили, когда оно было предсказано. А так как многие не верили будущему, то Он удостоверяет их в этом прошедшими событиями, и этим потрясает сердца их. Вместе с тем Он указывает и на то, что и в прежних случаях действовал Он же. Далее Спаситель представляет новое знамение Своего пришествия, так что из соображения всех этих знамений становится очевидно, что Он знал этот день. Какое же знамение? *Тогда два будут на селе: един поемлется, а другий оставляется. Две, мелюще в жерновах: едина поемлется и едина оставляется. Бдите убо, яко не весте, в кий час Господь ваш приидет* (ст. 40, 41, 42). Все это служит доказательством тому, что Он знал этот день, но только ученикам запрещал спрашивать о нем. Поэтому же Он напоминал им и о днях Ноевых, поэтому же сказал, что тогда *будут два на селе*, показывая тем, что Он придет совершенно неожиданно, когда они совсем не будут и думать об этом. *И две мелюще* — это также служит признаком, что они нисколько не будут ожидать его. Притом поемлются и оставляются и слуги, и рабы, и те, которые будут упражняться в труде, и те, которые будут находиться в праздности, словом из всех состояний, подобно тому как и в Ветхом Завете говорится: *от седящаго на престоле до рабыни, яже у жернов* (Исх. XI, 5). Хотя Христос и сказал, что трудно спастись богатым, но здесь уверяет, что они не все погибнут, равно и бедные не все спасутся; но как из тех, так и из этих некоторые спасутся, а некоторые

погибнут. Я даже думаю, здесь указывается и то, что пришествие Его будет в ночи. То же подтверждает и Евангелист (Лк. XVII, 34). Вот видишь, как точно Христос знает все обстоятельства? Потом, чтобы не обратились к Нему с вопросом ученики, опять присоединяет: *бдите убо, яко не весте, в кий час Господь ваш приидет.* Не сказал: не знаю, но — *не весте.* Объявивши им почти самый час, опять предупреждает их вопросы об этом, желая, чтобы они были постоянно бдительны. Поэтому Он и говорит им: *бдите,* показывая тем причину, по которой не объявляет им о последнем дне. *Сие же ведите, яко аще бы ведал дому владыка, в кую стражу тать приидет, бдел убо бы, и не бы дал подкопати храма своего. Сего ради и вы будите готови: яко в оньже час не мните, Сын человеческий приидет* (ст. 43, 44). Не говорит им о том часе, когда Он придет, для того, чтобы они бодрствовали и всегда были готовы. Желая же, чтобы они всегда были озабочены сретением Его и всегда добродетельны, сказал им, что придет тогда, когда не ожидают Его. Смысл слов Его таков: если бы люди знали, когда они умрут, то без сомнения позаботились бы об этом часе.

3. Итак, для того, чтобы не заботились об одном только дне смерти, Христос не означает ни дня общей кончины, ни дня смерти каждого, желая, чтобы люди всегда ожидали этого дня, — чтобы он был предметом непрестанной заботы. Поэтому и конец жизни каждого оставил в неизвестности. Потом открыто называет Себя Господом, тогда как ранее никогда так ясно не говорил этого. Здесь, я думаю, содержится еще укоризна беспечных за то, что они о душе своей не проявляют и той заботы, какую обнаруживают о своих деньгах люди, ожидающие вора. Эти последние, когда ожидают вора, бодрствуют и ничего не позволяют унесть из своих кладовых; а вы, говорит Он, хотя и знаете, что Господь

придет, и придет непременно, однако ж нисколько не бодрствуете, не готовитесь, чтобы смерть не постигла вас неожиданно; от того-то день этот и приходит на погибель беспечных. Как богатый, если бы знал время, в которое окраден будет, избежал бы того, так и вы предохранили бы себя, если бы были готовы. Далее, так как Он упомянул о суде, то и обращает наконец речь Свою к учителям, и говорит о наказаниях и наградах. И, сперва сказав об участи людей добродетельных, останавливается на участи грешников, чтобы заключением речи возбудить страх в слушателях.

Для этого Он сперва говорит: *кто убо верный раб и мудрый, егоже поставит господин его над домом своим, еже даяти им пищу во время их? Блажен раб той, егоже, пришед господин, обрящет тако творяща. Аминь глаголю вам, яко над всем имением поставит его* (ст. 45–47). Скажи мне: означают ли и эти слова Его неведение? Если ты, основываясь на Его словах: *ни Сын весть* (Мк. XIII, 32), говоришь, что Он не знает дня кончины мира, то что скажешь о словах: *кто убо есть*! Ужели скажешь, что Он и этого не знает? Ни в каком случае. Да и ни один безумный не скажет этого: в первом случае можно хотя представить некоторую причину, здесь же и этого нет. Что значит вопрос Его: *Петре, любиши ли мя* (Ин. XXI, 15)? Неужели он не знал и этого? Или когда говорит: *где, положисте его* (Ин. XI, 34)? Подобный вопрос можно слышать и от Бога Отца; так и Он говорит: *Адаме, где еси?* (Быт. III, 9) и: *вопль Содомский и Гоморрский умножися ко Мне. Сошед убо узрю, аще по воплю их, грядущему ко Мне, совершаются; аще же ни, да разумею* (Быт. XVIII, 20, 21). И в другом месте: *аще убо услышат, аще убо познают* (Иез. II, 5)? И в Евангелии: *егда како Сына Моего усрамятся* (Лк. XX, 13). Все эти выражения показывают неведение. Но не по неведению Бог говорил это, а с тем намерением, чтобы удобнее достигнуть Своей цели. Так с

Адамом Он говорил подобным образом с тем намерением, чтобы побудить его искать прощения во грехе; с содомлянами – для того, чтобы научить нас никогда не произносить приговора, не зная самого дела; у пророка сказано в предотвращение той безумной мысли, будто бы предсказание уже невольно влечет к неповиновению; в притче евангельской для того, чтобы показать, что они должны были то исполнить – почтить Сына; здесь же – для того, чтобы чрезмерно не любопытствовали; а вместе и для указания особенной важности этого вопроса. Притом смотри, какое неведение выражается в этих словах, если Он не знает даже и того, кого поставляет! Он называет раба блаженным, – *блажен бо,* говорит, *раб той,* – но не говорит, кто это такой; а только: *кто бо есть, егоже поставит Господь его?* и: *блажен, егоже обрящет творяща тако.* Следует заметить, что это сказано не об одном имении, но и о слове, и силе, и дарованиях, и о всех обязанностях, на каждого возложенных. Эта притча может относиться и к гражданским начальникам: каждый должен употреблять дары свои на общую пользу. Одарен ли ты премудростью, или вручена тебе власть, богат ли ты, или имеешь что-либо другое, – ты не должен употреблять даров своих во вред собратий своих, или для собственной погибели. От упомянутого в притче раба Спаситель требует двух качеств: благоразумия и верности, потому что грех бывает от неразумия. *Верным* же называет Он его за то, что из достояния господина своего ничего не утаил себе и ничего не расточил напрасно и без цели; а *мудрым* потому, что умел употребить вверенное ему достояние надлежащим образом. И нам нужны также оба указанные качества, как для того, чтобы не присваивать себе того, что принадлежит Господу, так и для того, чтобы сделать надлежащее употребление из дарованного. Если одного качества нет в нас, то и другое несовер-

шенно. Если раб и верен, и не крадет, но губит имение, расточая его на предметы бесполезные, то и это большая вина. Если же он умеет хорошо управлять имением, но вместе с тем крадет, то и это опять немаловажное преступление. Пусть заметят это и те из нас, которые имеют деньги, потому что слова Христовы относятся не только к учителям, но и к богатым. И тем, и другим вверено богатство, — учащим более необходимое, а вам, богатым, менее необходимое. Если учители щедро расточают блага более важные, а вы не хотите оказать щедрости даже и в маловажном, и не только щедрости, но и благодарности (потому что даете чужое), то какое будете иметь оправдание? Впрочем, прежде чем говорить о наказаниях, ожидающих неправедных, послушаем, как будет награжден тот, кто поступает надлежащим образом. *Аминь глаголю вам, яко над всем своим имением поставит его.* Что может сравниться с подобною честью? Какое слово достаточно выразить то достоинство, то блаженство, когда Царь небесный, Которому принадлежит все, поставит человека над всем своим имением? Потому и называет его *мудрым,* что умеет не расточать великого ради малого, но, благоразумно поступая здесь, получает небо.

4. Далее Христос, как Он всегда поступает, исправляет слушателя не только представлением награды, предназначенной добрым, но и наказания, угрожающего злым. Поэтому и присовокупил: *аще ли же речет злый раб в сердцы своем: коснит господин мой приити, и начнет бити клевреты своя, ясти же и пити с пияницами: приидет господин раба того в день, в оньже не чает, и в час в оньже не весть: и растешет его полма, и часть его с неверными положит. Ту будет плач и скрежет зубом* (Мф. XXIV, 48–51). Если кто-нибудь скажет: видишь ли, какая мысль пришла рабу по причине неизвестности дня, — он именно сказал: *коснит господин мой,* — то

в ответ на это мы скажем, что мысль эта пришла ему не потому, что день не был известен, но потому, что он был худой раб. Почему в самом деле такая же мысль не пришла на ум рабу мудрому и верному? Несчастный! Хотя и медлит господин, но почему ты все же ожидаешь Его пришествия? Зачем же, поэтому, не заботишься? Итак, отсюда мы узнаем, что Господь и не медлит. Такая мысль принадлежит не Господу, но рабу лукавому, а потому он и осуждается. Что Господь не медлит, послушай Павла, который говорит: *Господь близ. Ни о чем же пецытеся* (Флп. IV, 5, 6); и: *грядый приидет и не укоснит* (Евр. X, 37). Но внимай дальнейшим словам и примечай, как часто Христос напоминает о неизвестности дня, показывая тем, насколько эта неизвестность полезна для рабов и способствует их пробуждению от сна. Что ж, если некоторые не извлекли из этого никакой пользы для себя? И другие спасительнейшие средства иным не принесли пользы. Господь не оставляет однако, Своего дела. Что же далее говорит Он? *Приидет в день, в оньже не чает, и в час, в оньже не весть*, — и постигнет его участь самая жалкая. Видишь, как часто Он повторяет это, показывая, как спасительна неизвестность дня, — и заставляя тем нас быть в непрестанной заботливости? Предмет Его попечения составляет то, чтобы мы непрестанно бодрствовали; и так как мы ослабеваем всегда во время счастливой и покойной жизни, а от несчастий наиболее укрепляемся, то Он непрестанно и внушает нам, что когда мы бываем покойны и беззаботны, тогда и являются бедствия. И как выше показал это через Ноя, так и здесь говорит: когда раб тот упивается, когда буйствует, тогда и наказание ему готовится ужасное. Но будем внимательны не только к наказанию, ему определенному, но рассмотрим еще и то, не так же ли и мы поступаем, хотя и не замечаем того?

И действительно, такому неверному рабу подобны имеющие деньги и не помогающие бедным. Ведь и ты только распорядитель своего имущества, точно так же, как и служитель церкви, распоряжающийся ее стяжанием. Как последний не имеет власти расточать сокровищ, даруемых вами в пользу бедных, по своей воле и без разбора, потому что они даны на пропитание бедных, так и ты не можешь расточать своих сокровищ по своей воле. Хотя ты получил родительское наследство, и таким образом все имущество составляет твою собственность, – однако все оно принадлежит Богу. Если и ты требуешь, чтоб имуществом, данным тобою, распоряжались соответственно твоему назначению, то ужели думаешь, что Бог Своей собственности не востребует от нас с большею строгостью, но оставит без внимания, когда она расточается без всякой пользы? Нет, не может этого быть, не может. Он для того и вверил тебе богатство, чтобы ты давал другим пищу в надлежащее *время*. Чтó значит давать в надлежащее *время?* Давать бедным, алчущим. Как ты поручаешь распоряжаться имением подобному себе рабу, так и Богу угодно, чтобы ты употреблял это имение должным образом. Поэтому хотя Он и может лишить тебя, но оставляет у тебя для того, чтобы ты имел случай обнаружить свою добродетель. Он поставил всех во взаимной нужде для того, чтобы любовь одного к другому тем сделать более пламенной. Но ты, получивши от Бога, не только не даешь, но еще бьешь тех, кому следует давать. А если уже и не давать – преступление, то, какое будет помилование тому, кто бьет?

5. Мне кажется, Христос говорит это на счет обидчиков и лихоимцев, объявляя им жестокое осуждение за то, что они *бьют* тех, которых должны питать. Думаю также, что Он здесь намекает и на сластолюбцев:

и сластолюбию также предстоит тяжкое наказание. *Яст и пиет*, говорит, *с пияницами*, – выражая тем пресыщение чрева. В самом деле, ты не для того получил имущество, чтобы роскошествовать, но чтобы творить милостыню. Это имение твое ли собственное? Оно принадлежит бедным, а тебе только вверено, хотя бы это было наследство отцовское, хотя бы было приобретено честными трудами. Неужели Бог не мог его отнять у тебя? Но Он не делает этого, доставляя тебе возможность быть щедрым по отношению к бедным. И заметь, как Христос во всех притчах обличает тех, которые не употребили богатств своих на пропитание бедных. Так и девы не за то осуждаются, что они похищали чужое, но за то, что не уделяли от своего; и зарывший талант свой не был также лихоимцем, но только не удвоил его; и те, которые презрели алчущих, не за то наказываются, что они завладели чужим, но за то, что не расточили своего, подобно как и упомянутый раб. Пусть же заметят это те из нас, которые угождают чреву и расточают на пиршества богатство, нисколько не принадлежащее им, но бедным. Не думай, чтобы то, что по человеколюбию Божию велено тебе раздавать как бы свою собственность, было и действительно твое. Тебе Бог дал заимообразно для того, чтобы ты мог употреблять с пользою. Итак не почитай своим, когда даешь Ему то, что Ему же принадлежит. Ты когда кому-нибудь даешь заимообразно денег с тем, чтобы он воспользовался ими для приобретения какой-либо выгоды, никогда не скажешь, чтобы эти деньги были его. Так и Бог дал тебе богатство с тем, чтобы ты им купил небо. Не делай поэтому Его бесконечного человеколюбия основанием к проявлению твоей неблагодарности. Размысли о том, как желательно иметь средство, которое бы после крещения разрешило грехи наши.

Если бы Господь не сказал: сотвори милостыню, то сколько бы людей сказало: о, если бы пожертвованием имения можно было избавиться от угрожающих нам бедствий! Когда же это сделалось возможным, то, наоборот, остаются в нерадении. Но ты говоришь: я даю. И что же даешь? Ты не дал и столько, сколько та жена, которая подала только две лепты; не дал и половины того, даже и малейшей части в сравнении с нею; ты больше расточаешь на бесполезные вещи, на пиршества, на пьянство, на крайнее распутство; то приглашаешь к себе других, то тебя приглашают, то сам проживаешь, то других заставляешь проживать; и таким образом готовишь себе сугубое наказание: во-первых, за то, что сам делаешь, во-вторых, за то, что других заставляешь делать. Вспомни же об этом рабе, осужденном за то же самое: он ел и пил, сказано, с пьяницами. Не одних пьяниц постигнет наказание, но вместе с ними и соучастников их, — и весьма справедливо, потому что они самих себя губят, и о спасении ближних нерадят. Бога же ничто столько не раздражает, как небрежение о спасении ближних. Поэтому-то, чтобы выразить гнев Свой, Он приказал рассечь раба пополам. Вот почему и признаком учеников Своих Он поставил любовь, потому что тот, кто любит, необходимо печется о благосостоянии любимого лица. Итак, будем держаться этого пути; он — тот самый путь, который ведет нас на небо, соделывает подражателями Христу и, по возможности, подобными Богу. Заметь же, как преимущественно перед другими нужны те добродетели, которые избрали себе жилище на этом пути. И если угодно, рассмотрим их, и будем судить об них по суду Божию. Пусть будут два пути жизни добродетельной, и из них один пусть делает добрым только того, кто шествует по нем, а другой — вместе и ближнего. Посмотрим, какой из них совершеннее и лучше

нас возводит на высшую степень добродетели. Апостол Павел весьма часто осуждает того, кто печется только о собственном своем благе, – когда же я говорю: Павел, то разумею здесь самого Христа, — а того, кто старается о благе ближнего, превозносит похвалами и почестями. Откуда это видно? Послушай, что он говорит одному, и что другому: *никтоже своего си да ищет, но еже ближняго кийждо* (1 Кор. X, 24). Видишь ли, как он одно отвергает, а другое предписывает? И опять: *кийждо вас ближнему да угождает во благое к созиданию* (Рим. XV, 2). Далее следует неизреченная похвала, соединенная с увещанием: и *Христос ни Себе угоди* (Рим. XV, 3). Довольно уже было бы и этих рассуждений к тому, чтобы показать, на которой стороне победа. Впрочем, чтобы это было с большею пользою, посмотрим, какие добрые дела относятся исключительно к нам, и какие вместе распространяются и на ближних. Пост, распростертие на земле, хранение девства и целомудрие полезны для тех самих, которые подвизаются в этих добродетелях; а что от нас распространяется и на ближних, это – милостыня, наставление и любовь. Послушай же и в этом случае Павла, который говорит: *аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое во еже сожещи е, любве же не имам, никая польза ми есть* (1 Кор. XIII, 3).

6. Видишь ли, как любовь сама по себе прославляется и увенчивается? Если угодно, предложим и третье сравнение. Положим, что иной постится, соблюдает чистоту, предается мученичеству и сожигается; а другой пусть, для назидания ближнего, отлагает мученичество, и не только отлагает, но и умирает без мученичества. Кто из них, по переходе из настоящей жизни, удостоится большей славы? Нам нет нужды здесь говорить много и распространять речь свою: вопрос решает блаженный Павел, говоря: *разрешитися, и со Христом быти,*

много паче лучше; а еже пребывати во плоти, нужнейше есть вас ради (Флп. I, 23), и таким образом назидание ближнего предпочитает отшествию ко Христу. Исполнять волю Христа, это-то и значит в особенности быть со Христом; воля же Его заключается не в ином чем, как в попечении о пользе ближнего. Хочешь ли, я представлю тебе и четвертое доказательство? Петр! *Любиши ли Мя*, говорит Христос: *паси овцы Моя* (Ин. XXI, 15); и спросив его в третий раз, сказал, что это пасение и есть знак любви. И это сказано не к одним только священникам, но и к каждому из нас, кому вверено хотя малое стадо. Не презирай его только за то, что оно мало, так как Отец Мой, говорит Он, благоволил о нем (Лк. XII, 32). Каждый из нас имеет овцу, которую и должен водить на добрую пажить. Муж, вставая с постели, о том только и должен стараться, чтобы и делами, и словами насаждать в своем доме и семействе большее благочестие; равным образом и жена пусть наблюдает за домом, но кроме этого занятия, она должна иметь другую, более настоятельную заботу о том, чтобы все семейство трудилось для царства небесного. В самом деле, если и в делах житейских, прежде занятия делами домашними, мы стараемся исполнить общественные обязанности, чтобы за небрежное отношение к ним не подвергнуться заключению в узы, судебным истязаниям и всякого рода бесчестиям, то тем более в делах духовных должны стараться прежде всего исполнить дела Царя всяческих, Бога, чтобы не быть отосланными туда, где скрежет зубов. Будем же искать тех добродетелей, которые и для нас самих спасительны, и для ближнего наиболее полезны. Таковы – милостыня и молитва; впрочем, молитва сама заимствует свою силу и воскрыляется от милостыни. *Молитва твоя,* сказано, *и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога* (Деян. X, 4). И не только молит-

ва, но и пост также от милостыни заимствует свою твердость. Если ты постишься без милостыни, то пост твой не есть пост, и такой человек хуже обжоры и пьяницы, и притом настолько, насколько жестокость хуже роскошества. Но что я говорю — пост? Хотя бы ты был непорочен, хотя бы соблюдал девственность, но если не творишь милостыни, будешь вне брачного чертога. Что может равняться девственности, которая, по своему превосходству, и в Новом Завете не была поставлена необходимым законом? Но и она отвергается, если не соединена с милостыней. Если девы отвергаются за то, что не творили милостыни с надлежащей щедростью, то кто может без нее получить прощение? Без сомнения, никто, и тот, кто не творит милостыни непременно должен погибнуть. Если и в делах житейских никто для себя одного не живет, но всякий, и художник, и воин, и земледелец, и купец, посвящают себя занятиям для пользы и выгоды общественной, то тем более должно быть это исполняемо в делах духовных. В этом преимущественно и состоит жизнь; напротив, кто живет только для самого себя, а о всех прочих нерадит, тот лишний, тот не человек, а изверг рода человеческого. Что же будет, — скажешь, — если я свое оставлю, а о чужом буду заботиться? Нет; не может быть, чтобы тот, кто заботится о делах других, в то же время не заботился о своих. Действительно, кто заботится о благосостоянии других, тот никогда не оскорбит, о всех станет болезновать, всем по силе своей будет помогать; ни у кого ничего не станет отнимать, не будет лихоимствовать, никого не будет обманывать, ни лжесвидетельствовать; воздержится от всякого порока, будет хранить всякую добродетель, молиться за врагов, благодетельствовать злоумышляющим против него, ни с кем не будет ссориться, никого не будет злословить, хотя бы сам слышал бесчислен-

ные хулы, но скажет вместе с апостолом: *кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? Если же будешь искать только своего, то о чужом совершенно не будешь стараться. Убедившись таким образом в том, что невозможно спастись тому, кто не заботится о пользе общей, и взирая на раба, рассеченного пополам, и на того, который зарыл талант свой, изберем лучше этот путь (служения ближним), чтобы получить и жизнь вечную, которой все мы да сподобимся по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXVIII

Тогда уподобися царствие небесное десятим девам, яже взявши светильники своя, изыдоша в сретение жениху. Пять же бе мудры, и пять юродивы, яже не взяша с собою елеа. Мудрыя же прияша елей в сосудах со светильники своими. Коснящу же жениху... (Мф. XXV, 1—5 и следующие)

1. Эти притчи сходны с прежней притчею о рабе неверном, расточившем имение господина своего. Их четыре, и все они различным образом убеждают нас в одном: именно, чтобы мы старались подавать милостыню и помогать ближнему во всем, в чем только можем, так как иначе нельзя спастись. Но в тех притчах говорится вообще о всяком благодеянии, которое мы должны оказывать ближнему. А в притче о девах говорится в частности о денежном подаянии, и говорится сильнее, нежели в притче предшествующей. Тою притчей осуждается на мучение раб, который бьет товарищей своих, пьет с пьяницами, расточает и губит имение господина своего; а этой и тот, кто не старается о

пользе ближнего и не делает щедрого подаяния бедным от имущества своего. Девы имели масло, но немного, а потому и подвергаются наказанию. Но почему Христос в этой притче представляет не просто какое-либо лицо, а дев? Он превознес девство, когда сказал: *суть скопцы, иже скопиша себе ради царствия небеснаго;* и: *могий вместити, да вместит* (Мф. XIX, 12). Кроме того, Ему известно было и высокое мнение многих о девстве. Оно и по природе своей – великое дело, что видно из того, что как в Ветхом Завете оно не было хранимо даже святыми и великими мужами, так и в Новом не поставлено в необходимый закон. Христос не дал о нем заповеди, а предоставил его произволению слушающих. Поэтому и Павел говорит: *о девах же повеления Господня не имам* (1 Кор. VII, 25). Я хвалю того, кто хранит девство, но не принуждаю того, кто не хочет быть девственником, и совета не делаю законом. И вот, так как девство – дело великое, и многие имели о нем высокое понятие, то, чтобы кто-либо, храня его, не предался беспечности, как бы уже исполнивший все, и не стал нерадеть о прочем, Христос приводит эту притчу, которая может убедить в том, что девство, хотя бы оно было соединено со всеми другими добродетелями, будучи чуждо дел милосердия, осуждается вместе с людьми прелюбодейными, и бесчеловечный и немилосердный поставляется наравне с ними. И весьма справедливо: теми обладает плотская страсть, неразумными же девами – сребролюбие. Плотская же страсть и сребролюбие не равны между собою в силе; первая сильнее и мучительнее. Потому, чем слабее противник, тем менее заслуживают прощения побежденные девы. Потому-то Христос и называет их юродивыми, что они, совершив больший подвиг, за несовершение меньшего лишились всего. Светильниками называет Он здесь самый дар девства, чистоту святости, а елеем – человеколюбие, милосер-

дие и помощь бедным. *Коснящу же жениху, воздремашася вся, и спаху* (ст. 5). Он показывает, что будет немалый промежуток времени, отстраняя тем от учеников мысль о скором пришествии Его царствия. Они надеялись на такое пришествие; поэтому Он беспрестанно подавляет в них эту надежду. Притом Он дает понять и то, что смерть есть сон. *И спаху*, сказано. *Полунощи же вопль бысть* (ст. 6). Это говорит Он, или сообразуясь с притчей, или показывая, что воскресение случится ночью. О вопле упоминает и Павел, говоря: *в повелении, во гласе архангелове и в* последней *трубе, снидет с небесе* (1 Фес. IV, 16). Что же означают трубы? И что значит вопль? *Жених грядет. Когда мудрыя девы оправили свои светильники, юродивыя мудрым реша: дадите нам от елея вашего* (ст. 7, 8). Спаситель опять называет их юродивыми, чтобы показать, что нет ничего глупее тех, которые собирают здесь деньги, и отходят без всего туда, где особенно нужно человеколюбие и много елея. Юродивы они не только по этой причине, но и потому, что надеялись достать елея у мудрых дев, и искали его не вовремя, хотя эти девы и были в высшей степени человеколюбивы, чем они особенно и прославились. Да и просят юродивые у них не всего, — *дадите нам*, говорят оне, *от елея вашего,* — и указывают на крайнюю необходимость, говоря: *светильницы наши угасают.* Но несмотря и на все это, получили отказ, и ни человеколюбие тех, у которых они просили, ни удобоисполнимость просьбы, ни необходимость и нужда просимого не помогли им получить просимое. Чему это научает нас? Тому, что если изменят нам собственные наши дела, то никто не будет в состоянии помочь нам, и не потому, что не хочет, но потому, что не может. И девы ссылаются на невозможность. Это объяснил и блаженный Авраам, когда сказал: *между нами и вами пропасть велика, утвердися, яко да хотящии*

прейти отсюду к вам не возмогут (Лк. XVI, 26). *Идите же паче к продающим, и купите* (ст. 9). Кто эти продающие? Бедные. Где же они? Они здесь, и теперь только надлежит находить их, а не в то время.

2. Видишь ли, какую пользу приносят нам бедные? Ежели ты устранишь их, то лишишься великой надежды на спасение. Итак, здесь надлежит запастись елеем, чтобы там, когда потребует время, воспользоваться им: настоящее, а не будущее время, есть время заготовления. Поэтому не трать напрасно своего имущества на роскошь и для пустой славы, потому что там много для тебя нужно будет елея. Услышав ответ мудрых дев, юродивые пошли купить елея, но ничего не приобрели. Это Христос говорит или для хода и связи притчи, или показывая тем, что хотя бы мы сделались и человеколюбивейшими по смерти, мы не извлечем из того никакой пользы и не избежим наказания. Так и девам не принесло пользы их усердие, потому что они не здесь, но там уже ходили к продающим, равно как и богачу не принесло пользы, когда он сделался так человеколюбив, что стал заботиться даже о сродниках своих. Тот, кто проходил мимо лежащего при вратах, спешит исхитить от опасности и из геенны тех, которых он уже не видит, и просит послать к ним кого-либо известить их о том. И все же он не получил никакой пользы, подобно тому как и девы. После того, как они, получив такой ответ, ушли, — *приидe жених, и готовыя внидоша с ним на браки* (ст. 10); а для юродивых двери были затворены. После многих усилий, после великих трудов, после этой жестокой брани и побед над сильными влечениями природы, они, пристыженные, потупив взоры, отошли с угасшими светильниками. Нет ничего мрачнее девства, которое лишено милосердия, почему немилосердых многие обыкновенно и называют помраченными. Итак, где же польза девства, когда

те девы не видали и жениха и, после того, как стучались в двери, ничего не добились, но услышали этот страшный голос: *отойдите, не вем вас?* Когда сам Христос сказал это, то не остается ожидать ничего другого, кроме геенны и несносного мучения; даже более того — эти слова страшнее и самой геенны. Они сказаны также и делающим беззаконие. *Бдите убо, яко не весте дне и часа* (ст. 13). Видишь, как часто Христос прибавляет эти слова, показывая, что неведение смертного часа полезно для нас? Где же теперь те, которые ведут жизнь беспечную и на обвинения наши говорят, что при кончине все оставят бедным? Пусть услышат они эти слова и исправятся. И в самом деле, многие, будучи похищены внезапной смертью, не могли сделать этого в то время, и не успели объявить о своей воле родственникам. Итак, эта притча говорит о денежной милостыне; а следующая за нею говорит против тех, которые не хотят помогать ближним ни деньгами, ни словом, ни покровительством, ни другим чем, но все скрывают. Но почему в этой притче представлено лицо царя, а в той — жениха? Чтобы научить нас тому, как близок Христос к тем девам, которые раздают бедным свое имение; в этом именно и состоит девство. Потому и Павел так определяет эту добродетель: *непосягшая*, говорит Он, *печется о Господних, к благообразию и благоприступанию Господеви безмолвну* (1 Кор. VII, 34, 35). Это я советую, говорит он. Если же у Евангелиста Луки в притче о талантах говорится другое, то я скажу на это, что об одном говорит одна притча, о другом другая. В притче у Луки от одинаковой суммы проистекли различные выгоды, потому что от одной мины иной приобрел пять, иной — десять, каждый потому различную получил и награду; здесь же напротив, и потому награда одинакова. Кто получил два таланта, тот и приобрел два; равно и тот, кто получил пять, пять и приоб-

рел; а там, так как от одинаковой суммы один приобрел более, другой менее, то по всей справедливости они не удостаиваются и одинаковой награды. Но заметь, что везде не вскоре требуется отчет. Так, отдав виноградник земледельцам, хозяин удалился, равно и здесь, раздав деньги, ушел; и все это для того, чтобы показать нам Свое долготерпение. Мне же кажется еще, что Христос этим делает намек на воскресение. Но здесь не земледельцев только и виноградник имеет Он в виду, а всех вообще делателей, потому что Он рассуждает не с начальниками только и иудеями, но со всеми вообще. Возвращающие деньги чистосердечно признаются, что они приобрели и что взяли у господина. Один говорит: *господи, пять талант ми еси предал* (ст. 20); а другой — *два*; и показывают этим, *что* он доставил им случай получить выгоду, и благодарят его, все ему приписывая. Что же говорит на это господин? *Добре, благий рабе* (так как заботиться о пользе ближнего свойственно доброму), *и верный: о мале был еси верен, над многими тя поставлю; вниди в радость господа твоего* (ст. 21). Этими словами Он показывает полное блаженство. Но один из них не так говорит; а как же? *Видех тя, яко жесток еси человек: жнеши, идеже не сеял еси, и собираеши, идеже не расточил еси; и убояся, шед скрых талант твой в земли, и се имаши твое* (ст. 24–25). Что же сказал ему господин его? *Подобаше тебе вдати сребро мое торжником* (ст. 27), то есть, нужно тебе было с ними посоветоваться и уговориться. «Но они не слушают меня?» Это не твое дело. Какие слова могут быть снисходительнее?

3. Люди не так поступают, но самого заимодавца заставляют требовать. Царь же иначе; он говорит: *надлежало тебе отдать*, а истребование предоставить мне. *Аз взял бых с лихвою*, — разумея лихву проповеди — явление дел. Тебе надлежало сделать более легкое, а мне

оставить более трудное. Но так как раб этого не исполнил, то господин и говорит: *возмите от него талант, и дадите имущему десять талант. Имущему бо дано будет, и преизбудет, от неимущаго же, и еже* имеет, *взято будет от него* (ст. 28–29). Что же это показывает? Кто получил дар слова и учения для пользы других и не пользуется им, тот погубит самый дар. Напротив, кто радит о нем, получит еще больший, между тем как тот теряет и то, что получил. Впрочем, празднолюбца, кроме этой потери, ожидает еще невыносимое мучение, и вместе с мучением приговор страшного осуждения. *Неключимаго раба вверзите*, говорит он, *во тму кромешнюю: ту будет плач и скрежет зубом* (ст. 30). Видишь ли, что не только хищник, любостяжатель и делающий зло подвергается ужаснейшему мучению, но и тот, кто не делает добра? Итак, будем внимать словам этим. Пока есть время, будем стараться о нашем спасении; запасем елей для светильников; будем приобретать на талант. Если здесь будем ленивы и станем жить беспечно, то там никто не окажет нам сострадания, хотя бы мы пролили реки слез. Одетый в нечистое платье обвинил самого себя, – и однако ж не получил никакой пользы. Имевший один талант возвратил вверенное ему серебро, – и однако был осужден. Умоляли также и девы, приступали и стучались, – и все тщетно и напрасно. Итак, зная это, употребим и деньги, и старание, и покровительство, и все на пользу ближнего. Под талантами здесь разумеется то, что находится во власти каждого, – или покровительство, или имение, или научение, или что-нибудь подобное. Поэтому никто не должен говорить: я имею один талант, и ничего не могу сделать. Можешь и с одним заслужить одобрение. Ты не беднее той вдовицы, не ниже по званию Петра и Иоанна, которые были из простого народа и

необразованные, и однако за то, что были усердны и делали все для общего блага, получили небесное наследие. Подлинно, ничто так не любезно Богу, как полезная для всех жизнь. Потому-то Бог дал нам и дар слова, и руки, и ноги, и крепость телесную, и ум, и разумение, чтобы все это употребляли мы для собственного нашего спасения и для пользы ближнего. Слово нужно нам не для одних только песнопений и благодарения, но полезно и для научения и утешения. Если таким образом пользуемся им, то соревнуем Господу; если же напротив, то диаволу. Так и Петр, когда исповедал Христа, назван был *блаженным*, как сказавший по внушению Отца; когда же он устрашился креста и отрекся, то был жестоко укорен, как поступивший по наставлению диавольскому. Итак, если за слова, сказанные по неведению, такое осуждение, то какое заслужим прощение мы, когда во многом погрешаем произвольно? Будем же говорить так, чтобы само собою видно было, что мы говорим слова Христовы. Я не тогда только произношу слова Христовы, когда говорю: *востани и ходи* (Мф. IX, 5), и когда скажу: *Тавифо, востани* (Деян. IX, 40); но и преимущественно тогда, когда, будучи злословим, благословляю, и когда, будучи оскорблен, молюсь за оскорбившего. Прежде я сказал, что язык наш есть рука, касающаяся ног Божиих; теперь же еще более скажу: язык наш подражает языку Христову, если прилагает надлежащее старание о том, чтобы произносить угодное Ему. Какие же слова по Его воле мы должны произносить? Слова, преисполненные милосердия и кротости, подобные тем, какие Он произносил к своим оскорбителям: *Аз беса не имам* (Ин. VIII, 49); и еще: *аще зле глаголах, свидетельствуй о зле* (Ин. XVIII, 23). Если и ты так говоришь, если говоришь для исправления ближнего, то имеешь язык, подобный языку Его.

Это подтверждает и сам Бог: *аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иер. XV, 19). Итак, когда язык твой будет подобен языку Христову, и уста твои будут как уста Отца, и когда ты соделаешься храмом Духа Святого, то какая честь может сравняться с этой? Не так бы блистали уста твои, если бы они были из золота и драгоценных камней, как они блистают, будучи украшены скромностью. В самом деле, что может быть приятнее уст, не знающих обиды, а ревнующих о благословении? Если же ты не можешь благословлять проклинающего, по крайней мере молчи, и поступай так до тех пор, пока, при должном старании и постепенных успехах, не достигнешь этого и не приобретешь уста, о которых мы сказали.

4. Не почитай этих слов дерзкими. Господь человеколюбив, и дар этот есть дар благости Его. А вот что дерзко: иметь уста, подобные дьявольским, и обладать языком, подобным языку злого духа, особенно тому, кто участвует в столь высоких таинствах и приобщается самой плоти Господней. Итак, размышляя об этом, подражай Господу по мере сил своих. Когда сделаешься таковым, то и сам диавол не будет уже в состоянии противостать тебе, потому что он знает царственное знамя, знает оружие Христово, которым был поражен. Какое же это оружие? Смирение и кротость. И Христос, когда победил и сокрушил приступавшего к Нему на горе диавола, то не давал о Себе знать, что Он Христос; но опутал его словами, как сетями, победил смирением, прогнал от Себя кротостью. Так и ты поступай, когда увидишь человека, приступающего к тебе со злобою диавола, так побеждай! Христос дал тебе власть уподобляться Ему по мере сил твоих. Не страшись, слыша это. Страшно не быть подобным Ему. Итак, говори так, как и Он, – и тогда сделаешься подобным Ему,

насколько это возможно человеку. Вот почему тот, кто говорит таким образом, выше того, кто пророчествует; то исключительно дар, а здесь и труд твой, и подвиг. Научи свою душу образовать тебе уста, подобные устам Христовым. Она может сделать это, если только захочет; ей известно это искусство, если только она не беспечна. Но как, спросишь, образовать такие уста? Из каких красок, из какой материи? Никаких красок, ни материи для этого не нужно, а нужны только добродетель, скромность и смирение. Посмотрим теперь, как образуются уста диавольские, — чтобы никогда не иметь их. Как же они образуются? Проклятием, ругательствами, клеветою, клятвопреступлением. Когда человек говорит как диавол, то приобретает и язык его. Итак, какое будем иметь извинение, или вернее сказать, какому не подвергнемся наказанию за то, что позволяем себе произносить диавольские слова тем самым языком, которым удостаиваемся вкушать плоть Господню? Не будем же позволять себе этого, но приложим все старание к тому, чтобы научить язык наш подражать своему Господу. И если мы научим его этому, то с большим дерзновением предстанем на суд Христов. Если же кто не умеет говорить таким образом, того Судия не будет и слушать. Как римский судья не поймет ответчика, который не умеет говорить по-римски, так и Христос не поймет тебя и не будет внимать тебе, если ты не будешь говорить, как Он. Будем же учиться говорить так, как привык слушать наш Царь; постараемся подражать Его языку. Постигнет ли тебя печаль, смотри, чтобы чрезмерное уныние не изменило твоих уст; но говори, как Христос. Ведь и он был в печали о Лазаре и об Иуде. Нападет ли на тебя страх, — старайся опять так говорить, как Он. Ведь и Он был в страхе за тебя, когда устроял твое спасе-

ние. Говори и ты: *обаче не якоже аз хощу, но якоже Ты* (Мф. XXVI, 39). Плачешь ли ты, – плачь умеренно, как и Он. Терпишь ли клевету и скорбь, – принимай все это подобно Христу. Ведь и Он был оклеветан, и Он скорбел, и говорил: *прискорбна душа Моя даже, до смерти* (Мф. XXVI, 38). И во всем вообще Христос показал тебе пример, чтобы ты соблюдал ту же умеренность, и не нарушал данных тебе правил. Таким образом можешь иметь уста, подобные устам Христовым. Таким образом, находясь еще на земле, ты будешь иметь язык, подобный языку Седящего на небесах, – когда будешь наблюдать умеренность в унынии, в гневе, в печали, в скорби. Сколько из вас желали бы видеть Христа! И вот, если будем стараться, не только можем увидеть Его, но и быть подобными Ему. Не будем же медлить. Не столько приятны для Господа уста пророков, сколько уста людей кротких и смиренных. *Мнози рекут мне,* – говорит Господь, – *не в Твое ли имя пророчествовахом? И скажу им: не вем вас* (Мф. VII, 22–23). А уста Моисея, который был весьма смирен и кроток (*Моисей*, сказано, человек *кроток зело паче всех человек, сущих на земли* – Числ. XII, 3); так были приятны и любезны Господу, что Он говорил с Моисеем, так сказать, лицом к лицу, устами к устам, как друг со своим другом. Теперь ныне имеешь власть над демонами; когда будешь иметь уста, подобные устам Христовым, то будешь иметь власть над огнем гееннским. Будешь иметь власть над бездной огненной и скажешь ей: *молчи, престани* (Мк. IV, 39), и с дерзновением взойдешь на небеса и получишь царствие, которого да сподобимся все благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXIX

Егда же приидет Сын человеческий в славе Отца Своего, и вси святии ангели с Ним, тогда сядет, сказано, на престоле славы Своея (Мф. XXV, 31), и отделит овец от козлов. Одних восхвалит за то, что они Его алчущаго накормили, жаждущаго напоили, когда был Он странником, ввели в дом, когда был наг, одели, когда был болен, призрели, когда был в темнице, посетили, — и даст им царство; а других, обвинив в противоположных поступках, пошлет в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. XXV, 32—36, 41)

1. Сладчайшие слова эти, которые никогда не оставляем в уме, должны мы выслушать теперь со всем тщанием и умилением, так как этими словами заключается и самая беседа Христа. Он придает великое значение человеколюбию и милостыне. Поэтому и в предшествующих словах говорил о том различным образом, и здесь говорит, но уже гораздо явственнее и сильнее, представляя не два или три, ни даже пять лиц, но целую вселенную. Правда, и прежде, говоря о двух лицах, Он разумел не два лица, а две стороны: одну — послушных, а другую — непослушных. Но здесь Он предлагает нам о том слово и более страшное, и более торжественное. Вот почему и не говорит уже: *уподобися царствие небесное* (Мф. XXV, 1); но прямо указывает на самого Себя, говоря: *егда же приидет Сын человеческий во славе Своей.* Ныне Он явился в бесславии, поношении и поругании; а тогда сядет на престоле славы Своей. И часто упоминает о славе. Так как приближалось время крестной Его смерти, которая считалась позорной казнью, то Он возво-

* Здесь святой Златоуст излагает сокращенно содержание 32—41 ст. XXV главы Евангелия от Матфея.

дит ум слушателя к высшему, представляя взору его судилище и всю вселенную. И не от этого только слово Его становится страшным; но и от того, что небеса представляются опустевшими. Ведь, говорит Он, ангелы будут при Нем, и будут свидетельствовать, сколько они служили, будучи посылаемы от Господа для спасения людей. И во всех отношениях день тот будет ужасен. *Соберутся*, говорит Он далее, *вси языцы,* то есть, весь род человеческий. *И разлучит их друг от друга, якоже пастырь овец* (ст. 32). Ныне не разделены, но смешаны все; а тогда будет разделение, и самое точное. Сперва Он разделяет их местами, и обнаруживает каждого; а потом и самыми наименованиями показывает внутреннее расположение каждого, называя одних козлищами, а других овцами, и показывая, что первые не приносят никакого плода, — так как от козлов не может быть ни малого плода, — а последние — обильный плод, — так как овцы приносят большую пользу тем, что дают волну, молоко, ягнят, чего вовсе не доставляет козел. Впрочем, бессловесные животные не приносят плода, или приносят его, по своей природе, а люди — по произволу. Потому те из них, которые не приносят плодов, подвергаются мукам, а приносящие плод получают венцы.

Господь не прежде подвергает грешников мукам, чем рассудится с ними, почему, разместив их, и произносит обвинения. Они отвечают ему с кротостью, но уже без всякой для себя пользы; и это вполне справедливо, так как они пренебрегли то, чего всего более Он желал. Ведь и пророки везде говорили: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6), и Законодатель возбуждал к тому всеми мерами, и словом, и делом, да и самая природа учила тому. Заметь при этом, что у осуждаемых не было не одной или двух только добродетелей, но всех. Они не только не напитали алчущего, не одели наго-

го, но даже, что гораздо легче было исполнить, и больного не посетили. Смотри также, как легки Его заповеди. Он не сказал: Я был в темнице, и вы освободили Меня; Я был болен, и вы воздвигли Меня с одра болезни; но сказал: *посетисте Мене, приидосте ко Мне.* Но и тогда, как Он алкал, не трудно было исполнить Его требование. Он просил не пышной трапезы, но только самого нужного, пищи необходимой, и притом просил с мольбою. Таким образом все делало их достойными наказания: и удобоисполнимость просьбы, так как Он просил хлеба; и жалобный вид просящего, так как Он был нищ; и естественное сострадание, так как Он был человек; и привлекательность обещания, так как обещано царство; и страх наказания, так как угрожала геенна; и достоинство получающего, так как сам Бог принимал в лице нищих; и величие чести, так как удостоил снизойти; и законность подаяния, так как Он принимал Свое. Но при всем том сребролюбие совершенно ослепило плененных им, даже и при столь великих угрозах. И как выше сказал Он, что не принимающие бедных будут наказаны более, нежели содомляне, так и здесь говорит: *понеже не сотвористе единому сих меньших* братий Моих, *ни Мне сотвористе* (Мф. XXV, 45). Что ты говоришь? Они твои братья? И почему их называешь меньшими братьями? Потому они братья, что уничижены, что нищи, что отвержены. Таковых Он в особенности призывает в Свое братство, то есть, незнаемых, презираемых, разумея не одних только монахов и живущих в горах, но и всякого верующего. Он хочет, чтоб и мирской человек, когда жаждет, алчет, наг или странствует, получал от нас всякое пособие. Крещение и общение в божественных тайнах соделывает нас братьями.

2. Затем, чтобы ты и с другой стороны видел справедливость приговора, Он еще прежде восхваляет тех,

которые надлежащим образом исполнили свое дело, и говорит: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие прежде сложения мира; взалкахся бо и дасте Ми ясти*, и проч. (ст. 34—35); чтобы осуждаемые не сказали, что они ничего не имели, Он осуждает их, указывая на товарищей, подобно тому как осуждает и дев, указывая на дев, раба упивающегося и объедающегося — указывая на раба верного, раба, скрывшего свой талант — указывая на раба, представившего два таланта; и вообще, осуждает каждого грешника, указывая на исполнивших свои обязанности. И это сравнение берется иногда от равного, как, например, здесь и в притче о девах; иногда от большего, как, например, когда говорится: *мужие Ниневитстии востанут и осудят* род сей, потому что поверили проповеди Иониной, *и се боле Ионы. И царица южская осудит* род сей, *яко прииде слышати премудрость Соломонову, и се боле Соломона* (Мф. XII, 41, 42). И опять от равного: *тии будут вам судии* (Там же, ст. 27); и опять от большего: *не весте ли яко ангелов судити имамы, а не точию житейских* (1 Кор. VI, 3)? Что касается до настоящего места, то Христос берет здесь сравнение от равного; богатых сравнивает с богатыми и нищих с нищими. Но справедливость Своего приговора над осуждаемыми Он объясняет не только тем, что подобные им рабы, при тех же обстоятельствах, исполнили свои обязанности; но и тем, что осуждаемые оказались непослушными даже и в том, в чем бедность нисколько не служила препятствием, как, например, когда нужно им было напоить жаждущего, прийти к находящемуся в темнице, посетить больного. Восхвалив тех, которые исполнили свои обязанности, Спаситель открывает, какую любовь Он имел к ним от века: *приидите*, говорит Он, *благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вами царствие прежде сложения мира.* С какими благами

может сравняться это наименование — благословенные, и притом благословенные от Отца? И за что удостоились они такой чести? Какая тому причина? *Взалкахся бо, и даете Ми ясти, возжадахся, и напоисте Мя*, и проч. Сколько чести, сколько блаженства в этих словах! Он не сказал: приимите, но — *наследуйте*, как свое собственное, как отеческое, как ваше, как от века вам принадлежащее. Прежде чем вы стали существовать, говорит Он, это уже было для вас уготовано и устроено, так как Я знал, что вы будете таковыми. И за что они получают такую награду? За кров, за одежду, за хлеб, за холодную воду, за посещение, за приход в темницу. Всюду требует Он необходимого; а иногда, впрочем, и не необходимого, потому что, как я сказал, больной и находящийся в темнице требуют без сомнения не только посещения, но один — освобождения еще от уз, а другой — от болезни. Однако Господь, будучи снисходителен, требует от нас того, что нам по силам, и даже гораздо менее этого, предоставляя самим нам ревновать о большем. А осуждаемым говорит: *идите от Мене проклятии*, — не от Отца, так как не Он проклял их, но собственные их дела, — *во огнь вечный, уготованный* не вам, а *диаволу и ангелом его*. Когда говорил Он о царствии, то, сказав: *приидите благословеннии, наследуйте царствие*, присовокупил: *уготованное вам прежде сложения мира*; а говоря об огне, сказал не так, а присовокупил: *уготованное диаволу*. Я царство готовил вам, говорит Он, огонь же не вам, но *диаволу и ангелом его;* но так как вы сами ввергли себя в огонь, то и вините сами себя. И не только в этих, но и в следующих словах Он, как бы в оправдание перед ними Себя, представляет и причины их осуждения: *взалкахся бо, и не дасте Ми ясти* (ст. 42). Если бы даже пришел враг, то не сильны ли бы были страдания его тронуть и преклонить самого немилосердого? Голод, холод, узы, нагота, болезнь, бесприютное блуждание всюду — и этого

довольно к прекращению вражды. Но вы не поступили так и с другом — с другом-благодетелем и Владыкою. Мы часто трогаемся, видя и пса алчущим, преклоняемся, видя и зверей в нужде; а ты, видя своего Владыку, не преклоняешься? Чем можно извинить это. Да если бы это только и было, не достаточно ли бы было и этого к вознаграждению? Я не говорю о том, что (оказав благодеяние) ты услышишь перед лицом вселенной столь радостный глас от Седящего на престоле Отца и получишь царство; но и то, что ты оказал благодеяние, не довольно ли вознаграждает тебя? А теперь перед лицом вселенной, при явлении этой неизреченной славы, сам Господь провозглашает и увенчивает тебя, признает тебя питателем и страннопримцем, и не стыдится говорить это, чтобы венец твой сделать более блистательным. Поэтому-то те праведно наказываются, а эти увенчиваются по благодати, хотя бы они оказали и бесчисленные благодеяния, все же дарование им за столь маловажное и ничтожное — неба, царства, и столь великой чести — есть дар щедрот благодати. *И бысть, егда сконча Иисус словеса сия, рече учеником Своим: весте, яко по двою дню Пасха будет, и Сын человеческий предан будет на пропятие* (Мф. XXVI, 1, 2). Опять благовременно Христос упоминает о страдании, после того как сказал о царстве, о будущем воздаянии и о вечном мучении; Он как бы так сказал: для чего бояться вам зол кратковременных, когда ожидают вас такие блага?

3. Здесь обрати внимание на то, каким новым способом Христос скрывает в первых из упомянутых слов то, что могло особенно опечалить учеников Его. Он не сказал: вы знаете, что через два дня Я предан буду; но что? *весте, яко по двою дню Пасха будет*, и после этого уже прибавил, что Он *предан будет на пропятие*, — показывая, что имеющее совершиться есть таинство, праздник и торжество о спасении вселенной, и что Он идет

на страдание, все предвидя. Поэтому, так как уже достаточно было одного этого для утешения их, Он ничего не говорит теперь о Своем воскресении, потому что излишне было снова говорить о нем, после того как уже было сказано о том так много. Кроме того, упоминая о древних благодеяниях, доставленных Пасхою иудеям в Египте, Он, как я сказал, показывает тем, что и это самое страдание избавляет от бесчисленных зол. *Тогда собрашася архиерее и книжницы и старцы людстии во двор архиереев, глаголемаго Каиафы, и, совещаша, да Иисуса лестию имут и убиют. Глаголаху же: но не в праздник, да не молва будет в людех* (ст. 3—5). Видишь ли необыкновенное расстройство в делах иудейских? Предпринимая дела беззаконные, они идут к первосвященнику, надеясь получить дозволение там, где надлежало бы ожидать препятствий. И сколько же было первосвященников? По закону, должен быть один; но тогда было их много. Отсюда очевидно, что дела иудеев в это время начинали приходить в упадок. Моисей, как я сказал, повелел быть одному первосвященнику, и когда этот умрет, тогда быть другому, и временем жизни первого определял время изгнания ненамеренных убийц. Почему же тогда много было первосвященников? Потому что в последнее время они были избираемы каждогодно. Это показывает Евангелист, когда, говоря о Захарии, сказал, что он был *от дневныя чреды Авиани* (Лк. I, 5). Итак, здесь говорится о тех первосвященниках, которые были прежде первосвященниками. О чем же они совещались? О том ли, чтобы Иисуса тайно взять, или о том, чтобы убить Его? О том и другом вместе. Они боялись народа, почему и ждали, пока пройдет праздник: *глаголаху бо, да не в праздник*. Диавол не хотел, чтобы Христос пострадал в Пасху, для того, чтобы страдание Его не сделалось известным; а они — чтобы не сделалось возмущения. Заметь: они

боятся не гнева Божия и не того, что время праздника может увеличить их злодеяние, но везде — опасностей со стороны людей. Впрочем, кипя гневом, они снова переменили свое намерение. Сказав: *да не в праздник*, потом, найдя предателя, они не ждали времени, но совершили убийство в праздник. Почему же они взяли Его в это время? Потому что и гневом кипели, как я сказал, и надеялись Его найти в то время, и во всем действовали, как ослепленные. Правда, сам Он воспользовался злобою их для совершения Своего служения; но они поэтому не безвинны, а достойны бесчисленных мучений за то, что действовали по собственному намерению. Притом в то самое время, когда надлежало бы дать свободу всем, даже и виновным, они убили Праведника, Который оказал им бесчисленные благодеяния, и Который для них оставил до времени и язычников. Но какое человеколюбие! Таким преступным (упорным) и исполненным всяких неправд людям Он опять предлагает спасение, посылает апостолов на смерть за спасение их, и через апостолов молит их. *По Христе бо молим* (2 Кор. V, 20). Имея такие примеры, я не говорю: умрем за врагов, — хотя требовалось бы и это; но так как мы крайне немощны, то я говорю пока: не будем по крайней мере завидовать друзьям, не будем ненавидеть благодетелей; не говорю пока: станем благотворить злодеям, — хотя сильно желал бы и этого; но так как сердце ваше грубо, по крайней мере не будем мстить. Ужели мы здесь, как на зрелище, ужели наша жизнь — игра? Почему же вы действуете иногда совершенно противно заповедям? Не без цели изображены как все другие, так и те, достаточные для вразумления иудеев, действия, какие совершил Христос в самих страданиях; но для того, чтобы ты подражал благости и последовал Его человеколюбию. Он и пришедших против Него поверг ниц, и ухо

раба исцелил, и кротко говорил с ними, и будучи на кресте совершил великие чудеса: помрачил лучи солнца, разверз камни, воздвиг умерших; устрашил жену судии сновидениями, на самом суде явил совершенную кротость, которая не менее чудес могла привлечь их; многое предсказал на судилище, и на самом кресте воскликнул: Отче! отпусти им грех (Лк. XXIII, 34)! Да и после погребения сколько сделал для их спасения? А по воскресении, не тотчас ли Он призвал иудеев? Не даровал ли им отпущения грехов? Не оказал ли им бесчисленных благодеяний? Что неожиданнее этого? Те, которые распинали Его, которые дышали убийством, после того, как распяли Его, соделались сынами Божиими. Что может сравниться с такой заботливостью? Слыша это, устыдимся, что мы так далеки от Того, Кому заповедано нам подражать. Познаем хоть то, как велико это расстояние, чтобы по крайней мере могли мы обвинять самих себя за то, что находимся во вражде с теми, за которых Христос положил душу Свою, и не желаем примириться с теми, для примирения с кем сам Он не отказался вкусить смерть. Или и здесь издержки, и трата денег, чем вы отговариваетесь от подаяния милостыни?

4. Подумай, как много ты виновен и не только не отказывай в прощении обидевшим тебя, но сам спеши к огорчившим тебя, чтобы и у тебя было основание получить прощение, чтобы найти извинение собственных твоих неправд. Язычники, не ожидая никаких великих благ, часто поступали в таких случаях благоразумно; а ты, имея в виду такие надежды, отказываешь в прощении и медлишь, и не решаешься заблаговременно из повиновения закону Божию совершить того, что со временем само собою сделается, но лучше хочешь, чтобы страсть погасла в тебе без всякой для тебя награды, чем с наградою? Если страсть твоя от времени

и погаснет, то тебе никакой не будет из того пользы; напротив, тебя ожидает великое наказание, потому что ты не сделал по внушению закона Божия того, что сделало время. Если ты скажешь, что воспоминание об оскорблении воспламеняет тебя гневом, то вспомни, не сделал ли тебе какого-нибудь добра оскорбивший тебя: а вместе подумай, сколько зла замышлял ты сам против других? Он тебя злословил и бесчестил? Представь, что и ты иных злословил. Как же получишь ты прощение, когда сам другим в нем отказываешь? Но ты никого не злословил? За то ты слушал, как другого злословили и соглашался. А и это не безгрешно. Хочешь ли знать, как хорошо прощать обиды, и как много это приятно Богу? Он наказывает тех, которые радуются, когда видят справедливо наказываемых Им, — потому что хотя они и праведно наказываются, но тебе не должно радоваться. И пророк, обличив многие неправды, присовокупил: *не страдаху ничесоже в сокрушении Иосифове* (Ам. VI, 6); и еще: *не изыде сущая в Сенааре плакатися дому сущаго близ ея* (Мих. I, 11). Хотя Иосиф, то есть колена, от него происшедшие, и другие — соседние с ними, были наказаны по определению Божию, но Он хочет, чтобы мы сострадали и им. Если мы, будучи злы, когда наказываем раба и видим, что кто-либо из товарищей его смеется, еще более раздражаемся и обращаем гнев свой против последнего, то тем более Бог накажет тех, которые радуются, видя наказываемых Им. А если должно жалеть, а не нападать на тех, которые наказываются от Бога, то тем более должно жалеть тех, которые согрешают против нас. Это — знак любви, а любовь Бог всему предпочитает. Как в царской багрянице почитаются драгоценными те цвета и краски, которые украшают хламиду, так точно и здесь драгоценны те добродетели, в которых содержится любовь. А ничем так не сохраняется

любовь, как прощением обид виновным перед нами. Разве Бог не имеет попечения и об обиженных? Не посылает ли Он обидевшего к обиженному? Не отсылает ли его к нему от самого алтаря и не призывает ли его к трапезе после примирения (Мф. V, 23)? Впрочем, поэтому тебе еще не надобно дожидаться, пока он к тебе придет; иначе ты все потерял. Для того особенно Бог и назначает тебе великую награду, чтобы ты предварил его; так что если ты примиришься по его прошению, то любовь будет плодом уже не повеления Божия, но усердия обидевшего, — почему ты и остаешься неувенчанным, тогда как тот получает награду. Что ты говоришь? Ты имеешь врага, и не стыдишься? Не довольно ли нам и диавола, чтобы еще приобретать себе врагов из среды подобных нам? О, если бы и он перестал враждовать против нас! О, если бы и он не был диаволом! Ты не знаешь, как велико удовольствие после примирения? Что нужды, если не обнаруживается оно ясно, во время самой вражды? Только по прекращении вражды можно хорошо узнать, что гораздо приятнее любить оскорбившего, чем ненавидеть.

5. Для чего же нам подражать людям неистовым, пожирающим друг друга и враждующим против собственной плоти? Послушай, как сильно сказано о том и в Ветхом Завете: *путие злопомнящих в смерть* (Притч. XII, 28). *Человек на человека сохраняет гнев, а от* Бога *ищет исцеления* (Сир. XXVIII, 3). Но Бог позволил мстить: *око за око, и зуб за зуб* (Исх. XXI, 24): почему же в таком случае Он ставит это в вину? Потому, что Он позволил это не для того, чтобы мы в самом деле так поступали по отношению друг к другу, а, чтобы из страха наказания и не осмеливались на обиды. Притом же такое мщение свойственно гневу кратковременному, а злопамятность свойственна душе, объятой злостью.

Тебе причинили зло? Но оно отнюдь не так велико, как то, которое ты сам себе причиняешь злопамятством. Кроме того, человеку доброму и невозможно нанести никакого вреда. Представим себе, что кто-нибудь, имея детей и жену, ведет жизнь совершенную; пусть будет у него много и случаев получить вред; пусть обладает он громадными богатствами, властью, множеством друзей, наслаждается почестями, и однако ведет жизнь совершенную (это должно прибавить), — и представим, что его постигают бедствия. Пусть, например, какой-нибудь злой человек причинил ущерб его имуществу: но что это значит для того, кто ни во что вменяет имение? Пусть убил детей его: но что значит это для того, кто уверен в воскресении мертвых? Пусть умертвил жену его: но что значит это для того, кто научился не плакать об умерших? Пусть обесчестил его: но что значит это для того, кто все настоящее представляет цветом травным? Пусть изранил он, если хочешь, даже тело его, и ввергнул его в темницу: но что и это значит для того, кто знает, что *аще и внешний наш человек тлеет, но внутренний обновляется* (2 Кор. IV, 16), и что *скорбь содельıвает* искусство (Рим. V, 3)? Я уверен, что такой человек не потерпит никакого вреда, а напротив, как перед этим объяснено, получит пользу: он обновится и сделается искусным. Итак, не будем мучить себя обидами других, причиняя тем сами себе вред, и расслабляя свои душевные силы. Мучение происходит не столько от злобы ближних наших, сколько от нашего малодушия. Поэтому-то, если кто обидит нас, мы плачем и предаемся унынию; если похитит у нас что-нибудь, мы испытываем то же самое, подобно малым детям, которых сверстники их, более резвые, раздражают, смущая не чем-нибудь важным, а пустяками, и если увидят, что те на них гневаются, то не перестают им досаждать, а если увидят, что смеются, то

от них отступают. Но мы бессмысленнее и детей, — плачем о том, чему бы должны смеяться. Поэтому умоляю вас, оставим такие детские чувства; будем стремиться к небесному. Христос хочет, чтобы мы были мужами, и мужами совершенными. То же заповедал и Павел, говоря: *братие, не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте* (1 Кор. XIV, 20). Итак, будем младенцами на злое, и избегая греха, будем держаться добродетели, чтобы сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXX

Иисусу же бывшу в Вифании, в дому Симона прокаженного, приступи к Нему жена, сткляницу мира имущи многоценнаго, и возливаше на главу Его возлежаща (Мф. XXVI, 6—7)

1. Жена эта, по-видимому, есть одна и та же у всех евангелистов; в действительности же не так, но у трех евангелистов, мне кажется, говорится об одной и той же; у Иоанна же — о другой, некоторой чудной жене, сестре Лазаря. Не без цели Евангелист упомянул и о проказе Симона, но для того, чтобы показать, почему жена с дерзновением приступила к Иисусу. Так как проказа считалась болезнью крайне нечистою и гнусною, а между тем она видела, что Иисус исцелил человека (иначе Он не захотел бы остаться у прокаженного), и возлежал у него, то она возымела надежду, что Иисус легко очистит и душевную ее нечистоту. Не без причины также Евангелист упомянул и о городе Вифании, но для того, дабы ты знал, что Христос добровольно идет на страдание. Прежде Он удалялся от иудеев; теперь же, когда особенно воспламенилась их нена-

висть, Он проходит близ их, на расстоянии стадий пятнадцати. Таким образом, и прежнее удаление Его было делом домостроительства. Итак, жена, увидев Его и получив вследствие этого дерзновение, приступила к Нему. И если жена кровоточивая и не сознававшая ничего подобного, так как нечистота ее была от природы, со страхом и трепетом приступила, то тем больший страх и стыд надлежало иметь этой жене, по причине нечистоты ее совести. Поэтому и приступает она после жены самарянской, хананейской, кровоточивой и других весьма многих жен, так как сознавала в себе великую нечистоту; и приступает не всенародно, но в доме. И в то время, как все прочие жены приходили только за получением исцеления телесного, она пришла исключительно за тем, чтобы воздать честь Иисусу, и получить душевное исцеление. Она не имела никакого повреждения в теле, и потому особенно всякий должен ей удивляться. И не как к простому человеку подходит она к Иисусу, — иначе не отерла бы своими власами ног Его, — но как к такому лицу, которое выше человека. Поэтому и принесла к ногам Христовым главу свою, — часть тела, которая драгоценнее всего тела. *Видевше же ученицы Его, негодоваша, глаголюще: чесо ради гибель сия? Можаше бо сие миро продано быти на мнозе, и датися нищим. Разумев же Иисус, рече: что труждаете жену? Дело бо добро содела о Мне. Всегда бо нищия имате с собою. Мене же не всегда имате. Возлиявши бо сия миро сие на тело Мое, на погребение Мя сотвори. Аминь глаголю вам, идеже аще проповедано будет евангелие его во всем мире, речется, и еже сотвори сия, в память ея* (ст. 8—13). Откуда родилась в учениках эта мысль? Они слышали, как Учитель говорил: *милости хощу, а не жертвы* (Ос. VI, 6), и порицал иудеев за то, что они оставляли важнейшее — *суд и милость и веру*, как на горе рассуждал

с ними о милостыне, и из всего этого выводили заключение и рассуждали друг с другом: если он не допускает всесожжений и древнего богослужения, то тем менее допустит помазание елеем. Но так думали ученики, Иисус же, видя мысли жены, попускает ей приблизиться. И, так как благоговение ее было велико и усердие невыразимо, то Он, по величайшему снисхождению Своему, позволил ей излить миро и на главу Свою. Если Он не отказался соделаться человеком, быть носимым во чреве, питаться млеком, то чему удивляться, если и этого не отвергает? Как Отец Его принимал курение и дым, так и Он принял блудницу, одобряя, как я прежде сказал, ее расположение. Елеем Иаков помазал столп в жертву Богу (Быт. XXVIII, 18); елей приносим был в жертвах (Лев. II, 4); елеем помазуемы были и священники (VIII, 10). Но ученики, не зная мыслей жены, неуместно укоряли ее, и в самом обвинении указали на щедрость жены. Сказав, что его можно было бы продать за триста динариев (Мк. XIV, 5; Ин. XII, 5), они показали, сколько она истратила на миро, и какую обнаружила щедрость. Поэтому Христос и упрекает их, говоря: *что труждаете жену?* И указывает далее причину, желая снова напомнить им о Своем страдании: *на погребение*, говорит, *Мя сотвори*. Приводит также и другую причину: *нищия бо всегда имате с собою. Мене же не всегда имате;* и: *идеже аще проповестся евангелие, речется, и еже сотвори сия* (ст. 11, 13). Видишь ли, как Христос предвозвещает ученикам исшествие их к народам, и таким образом утешает их при мысли о смерти, указывая на то, что после крестной смерти откроется такая сила, что проповедь распространится повсюду. Итак, какой несчастный будет противоречить столь очевидной истине? Вот исполнилось то, что Христос предсказал, и куда ни пойдешь во вселенной, везде увидишь, что возвещают и об этой

жене, хотя она не знаменита, не имела многих свидетелей, была не на зрелище, но в доме, и притом в доме некоего прокаженного, в присутствии одних только учеников Христовых.

2. Кто ж это возвестил и проповедал? Сила Того, Кто предсказал это. Умолчано о подвигах бесчисленных царей и полководцев, которых памятники еще сохраняются; неизвестны ни по слуху, ни по имени те, которые построили города, соорудили стены, одержат победы на войнах, воздвигли трофеи, покорили многие народы, хотя они и поставили статуи и издали законы; но то, что жена-блудница излила елей в доме некоторого прокаженного в присутствии десяти мужей, все воспевают во вселенной. Прошло столько времени, а память об этом происшествии не истребилась; и персы, и индийцы, и скифы, и фракияне, и сарматы, и племя мавров, и жители Британских островов повествуют о том, что сделала жена-блудница в Иудее — тайно, в доме. Велико человеколюбие Господа! Он принимает блудницу, блудницу, лобзающую ноги, возливающую елей и отирающую власами, принимает и упрекает тех, которые обвиняют ее. В самом деле, не надлежало приводить в смущение жену за такое ее усердие. Обрати внимание и на то, как высоки были ученики и усердны к подаянию милостыни. Но для чего Христос не просто сказал: доброе дело сделала; а сказал прежде: *что труждаете жену?* Для того, дабы они знали, что не надобно требовать с самого начала высоких дел от немощных людей. Поэтому-то Он и рассматривает дело не просто, каково оно само в себе, но по отношению к лицу жены. Если бы Он давал закон, то не упомянул бы о жене; но чтобы ты знал, что для нее это сказано, с той целью, чтобы ученики не истребили возникающей ее веры, а еще более

возбудили, для этого Он говорит вышеупомянутые слова, научая нас тому, чтобы мы принимали, одобряли и возводили к большему совершенству доброе дело, кем бы оно ни было сделано, и каково бы оно ни было, и не требовали полного совершенства в самом его начале. Что Христос и сам особенно желал этого, видно из того, что Он, не имевший где главу приклонить, повелел носить денежный ящик. Но теперь время не требовало исправления поступка, а только принятия его. Как прежде этого поступка жены Он не произнес бы такого мнения, если бы кто спросил Его, так и после того, как жена совершила его, Он имеет в виду только то, чтобы она не приведена была в смущение порицанием учеников, но удалилась от Него, сделавшись усерднее и лучше через служение Ему. После возлияния елея порицание их было уже неуместно. Так и ты, если увидишь, что кто-нибудь сделал и приносит священные сосуды, или заботится о другом каком-нибудь украшении церковном, касающемся стен и пола, — не позволяй продавать или истреблять то, что сделано, чтобы не ослабить его усердия. Если же кто прежде, чем сделать, скажет тебе о своем намерении, то вели раздать нищим, так как и сам Иисус сделал это для того, чтобы не ослабить усердия жены, и все, что ни говорит, говорит в утешение ее. Далее — когда сказал: *на погребение Мя сотвори*, то чтобы не показалось, что Он приводит в смущение жену, упомянув о таком предмете, то есть, гробе и смерти, смотри как опять укрепляет ее, говоря: *во всем мире речется, еже сотвори сия*. Это служило и для учеников увещанием, и для жены утешением и похвалою. Все, говорит Он, прославят ее впоследствии, и теперь она предвозвестила страдание, принесши необходимое для погребения. Поэтому никто пусть не порицает ее. Я настолько далек от того,

чтобы осуждать ее, как бы за худой поступок, или укорять, как бы за неправое дело, что даже не попущу остаться в неизвестности случившемуся, и сделаю то, что мир узнает о поступке, совершенном в доме и втайне, так как этот поступок происходил от благоговейной мысли, теплой веры и сокрушенного сердца. Но для чего Христос обещал жене не духовное что-нибудь, а всегдашнюю о ней память? Для того, чтобы через это вселить в ней надежду на получение духовных благ. Если она сделала доброе дело, то, очевидно, и получит достойную награду. *Тогда шед един от обоюнадесяте. Иуда глаголемый Искариотский, ко архиереом, рече: что ми хощете дати, и аз предам вам Его* (ст. 14—15). *Тогда.* Когда же? Когда Христос говорил это, когда сказал: *на погребение.* Иуда не тронулся этим и не убоялся, когда услышал, что Евангелие будет проповедано повсюду (а сказанное заключало в себе невыразимую силу); тогда как жены, и жены-блудницы, оказывали такую честь Иисусу, он совершал диавольское дело. Почему же евангелисты говорят о его именовании? Потому что был другой Иуда. Без опасения они говорят и то, что Иуда был из числа двенадцати. Таким образом, они не скрывают ничего, что кажется постыдным. Можно было бы сказать просто: был некто из учеников Христовых, — потому что были и другие. Теперь же они прибавляют: от обоюнадесяте, и как бы говорят: из первого лика, из числа лучших, избранных учеников, которые были с Петром и Иоанном. Они старались об одной только истине, о том, чтобы не утаить событий. Поэтому умалчивают о многих знамениях, но не скрывают ничего такого, что кажется постыдным, и смело возвещают о том, хотя бы это было слово или дело, или что другое.

3. И не только первые три евангелиста повествуют об этом, но и сам Иоанн, возвещающий высочайшие

тайны. Он более всех говорит о поношениях и поруганиях, претерпенных Иисусом. И смотри, как велика злоба Иуды, когда Он произвольно приступает к предательству, когда делает это из-за денег, и притом денег столь незначительных. Лука говорит, что он имел совещание с военачальниками (Лк. XXII, 4). По причине возмущений иудеев, римляне поставляли над ними своих начальников, которые наблюдали за порядком, — потому что власть уже была отнята у иудеев, по пророчеству. Пришедши к этим военачальникам, Иуда сказал: *что ми хощете дати, и аз вам предам Его? Они же поставиша ему тридесять сребреник. И оттоле искаше подобна времене, да Его предаст* (ст. 15–16), так как Он боялся народа и хотел взять Иисуса наедине. О, безумие! Как ослепило его совершенно сребролюбие! Несмотря на то, что часто видел, как Иисус проходил среди толпы и не был удерживаем, как являл многие доказательства Своего божества и силы, Иуда думал удержать Его, и несмотря на то, что Иисус столько раз повторял ему и страшные и кроткие слова, чтобы разрушить злой его умысел. Даже и на вечери не переставал заботиться о нем, но до последнего дня беседовал с ним об этом. Но Иуда не получил никакой пользы: несмотря, однако, на все это Господь не переставал совершать Свое дело. Зная это, и мы неопустительно должны делать все для заблуждающих и беспечных: увещевать их, учить, утешать, умолять, подавать им советы, хотя бы от этого не получили мы никакой пользы. И Христос предвидел, что предатель не исправится, — однако не переставал со Своей стороны заботиться о нем, увещевать его, угрожать ему, соболезновать о нем, не открыто и явно, но сокровенно. В самое же время предания даже попустил облобзать Себя, — но все это для Иуды было бесполезно. Вот какое

великое зло сребролюбие! Оно именно сделало Иуду и святотатцем, и предателем. Услышьте, все сребролюбцы, страждущие болезнью Иуды, – услышьте и берегитесь этой страсти. Если тот, кто находился со Христом, творил чудеса, пользовался таким учением, низвергся в такую бездну от того, что не был свободен от этой болезни, то тем более вы, не слышавшие даже Писания и всегда прилепляющиеся к настоящему, удобно можете быть уловлены этою страстью, если не будете прилагать непрестанного попечения. Иуда ежедневно находился с Тем, Кто не имел, где главы приклонить, ежедневно был научаем делами и словами тому, что не должно иметь ни золота, ни серебра, ни двух одежд, – и при всем том не вразумился. Как же ты надеешься избежать этой болезни, когда не употребляешь сильного врачевания и не прилагаешь сильного старания? Ужасен, поистине ужасен этот зверь. Впрочем, если захочешь, легко победишь его. Это не есть похоть врожденная, как то доказывают освободившиеся от нее. Естественные влечения всем общи; а эта похоть происходит от одного нерадения; от него раждается, от него возрастает, и когда уловит пристрастных к ней, заставляет их жить противоестественно. В самом деле, когда они не признают единоплеменников, друзей, братьев, сродников, словом – всех, а с ними вместе не знают и самих себя, то не значит ли это жить противоестественно? Отсюда ясно, что противоестественна и злоба, и болезнь сребролюбия, подвергшись которой, Иуда сделался предателем. Как же он сделался предателем, спросишь ты, когда призван Христом? Бог, призывая к Себе людей, не налагает необходимости, и не делает насилия воле тех, которые не желают избрать добродетели; но увещевает, подает советы, – все делает и всячески старается, чтобы побудить их

сделаться добрыми; если же некоторые противятся этому, Он не принуждает. Если ты хочешь узнать, отчего Иуда сделался таким, то найдешь, что он погиб от сребролюбия. Отчего же, спросишь, он уловлен этой страстью? Оттого, что был беспечен. От беспечности происходят такие перемены, тогда как от ревности происходят перемены противоположные. Сколько, в самом деле, таких, которые были жестокими, а теперь кротче овец? Сколько таких, которые сперва были сладострастными, а после сделались целомудренными? Сколько таких, которые прежде были сребролюбцами, а теперь отвергли и свое собственное имущество? Совершенно противное случалось от беспечности. Так Гиезий жил со святым мужем, и сделался нечестивым от болезни сребролюбия (4 Цар. V). Поистине сребролюбие ужаснейшая из всех страстей. Отсюда расхитители гробниц, отсюда убийцы, отсюда войны и битвы, отсюда всякое зло, какое бы ты ни назвал. И подобный человек везде бывает бесполезен, случится ли ему начальствовать над войском, или управлять народом. И он бывает таким не только в делах общественных, но даже и в частных. Вознамерится ли жениться, — не возьмет добродетельной жены, а возьмет ту, которая всех хуже. Вздумает ли купить дом, — покупает не такой, какой приличен благородному, но такой, который может принести ему большой доход. Захочет ли купить рабов, или что другое, — купит самое худое. Но что я говорю о его начальстве над войском и народом, о его хозяйстве? Если даже он будет царем, то будет несчастнейшим из всех, погибелью для вселенной, беднейшим из всех. Его состояние будет подобно состоянию какого-нибудь простолюдина; он не будет блага всех почитать своими, но будет считать себя отдельным от всех и, похищая блага у всех, станет думать, что

он имеет менее всех. Измеряя настоящие блага желанием будущих, еще не приобретенных благ, он будет считать первые ничтожными в сравнении с последними.

4. Поэтому-то некто сказал: нет ничего беззаконнее сребролюбивого. Действительно, такой человек и сам себя продает, и делается общим врагом вселенной, когда скорбит, что земля не приносит золота вместо колосьев, и что вместо рудников существуют источники, вместо драгоценных камней — горы; с негодованием смотрит он на плодородие, печалится при виде общего блага, отвращается от всякого дела, через которое нельзя приобресть денег; все терпит, когда можно ему получить хотя две малые монеты; ненавидит всех, бедных и богатых: бедных из-за того, как бы они не пришли к нему когда-нибудь просить милостыню; богатых за то, что он не имеет их богатства. Он думает, что все завладели его имуществом, и как бы всеми обижаемый, негодует на всех. Он не знает довольства и насыщения, он самый несчастнейший из всех. Наоборот, свободный от всего этого и любящий истинную мудрость, счастливее всех. Добродетельный, будет ли он рабом или пленником, блаженнее всех. Никто не сделает ему зла, хотя бы со всей вселенной стеклись все с оружием и войсками и стали воевать против него. Негодный же и злой человек, и такой, какого мы описали, хотя бы был царем и украшен бесчисленными венцами, может потерпеть от всякого величайшие несчастья. Так бессильна злоба! Так сильна добродетель! Что же ты печалишься, находясь в бедности? Для чего рыдаешь в праздник? Это время — время празднества. Для чего проливаешь слезы? Бедность составляет для тебя торжество, если только ты благоразумен. Для чего горько плачешь, дитя? Подлинно, такого должно

назвать дитятею. Бил ли кто тебя? Что ж? Он сделал тебя через это терпеливее. Отнял ли кто у тебя деньги? Отнял излишнее бремя. Лишил ли славы? Опять ты говоришь мне о другом виде свободы. Послушай, как об этом рассуждают язычники; они говорят: ты не претерпел никакого несчастья, если только не присваиваешь его себе. Отнял ли кто у тебя большой и укрепленный оградами дом? Но вот перед тобою вся земля, общественные здания, — употребляй их, как хочешь, — на увеселение или на пользу. Что приятнее и прекраснее тверди небесной? До каких пор вам быть нищими и бедными? Нельзя быть богатым тому, кто не обогащает душу; равно как нельзя быть нищим тому, кто не беден душой. Если душа могущественнее тела, то ее не может привлечь слабейшее. Но она, будучи могущественна, привлекает к себе не столь могущественное и изменяет его. И сердце, когда получит какую-либо болезнь, то сообщает ее всему телу, и если бывает повреждено, то разрушает все тело, а если бывает здорово, то сообщает здоровье всему телу. Когда же поврежден какой-либо из прочих членов тела, а сердце бывает здорово, то оно легко истребляет повреждение и в прочих членах. Но чтобы сделать яснее то, что я говорю, скажи мне: какая польза в зеленых ветвях, когда засыхает корень? И какой вред от того, когда верхние листья засыхают, а корень здоров? Так и здесь. Нет никакой пользы в деньгах, когда бедна душа, и нет никакого вреда, когда душа богата. Как же, скажешь ты, душа может быть богата, будучи бедна деньгами? Тогда-то особенно и может быть богата, — потому что она в это время обыкновенно и богатеет. Если, как мы часто говорили, признаком богатого служит то, что он презирает деньги и ни в чем не нуждается, а бедного, напротив, то, что он нуждается, и если легче пре-

зирать деньги в бедности, нежели в богатстве, то очевидно, что бедность особенно делает богатым. Всякому известно, что богатый более желает богатства, нежели бедный, подобно тому, как человек упившийся вином чувствует сильнейшую жажду, чем тот, кто пил с умеренностью. Похоть не такова, чтобы могла быть погашена большим удовлетворением ее, но напротив, от этого она еще более воспламеняется. Как огонь, чем более получает пищи, тем более свирепствует, так и пристрастие к богатству, чем более получает золота, тем более усиливается. Итак, если желание большего есть признак бедности, а богатый желает большего, то богатый весьма беден. Видишь ли, что душа тогда особенно бывает бедна, когда обогащается, и тогда бывает богата, когда бедна? Если хочешь, чтоб я объяснил это примером, то представь двух человек, из которых один имеет десять тысяч талантов, а другой десять, и отнимем у обоих эти таланты: который из них будет более сожалеть? Тот, который лишился десяти тысяч. Но он не стал бы более сожалеть, если бы не любил их более; если же он любит более, то более и желает; если же более желает, то более и беден. Мы более всего желаем того, в чем наиболее имеем нужду, так как от нужды происходит желание. Где же довольство, там не может быть желания. Мы тогда особенно томимся жаждою, когда ощущаем нужду в питье. Все это сказано мною для того, чтобы показать, что если мы будем бодрствовать, то никто не может сделать нам вреда, и что не от бедности, а от нас самих бывает нам вред. Поэтому умоляю вас всеми силами истреблять болезнь сребролюбия, чтобы нам и здесь сделаться богатыми, и насладиться вечными благами, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXI

В первый же день опресночный приступиша ученицы ко Иисусу, глаголюще: где хощеши уготоваем Ти ясти пасху? Он же рече: идите во град ко онсице, и рцыте ему: Учитель глаголет: время Мое близ есть, у тебе сотворю пасху со ученики Моими (Мф. XXVI, 17, 18).

1. Первым днем опресночным Евангелист называет день, предшествовавший празднику опресноков, так как иудеи всегда имели обыкновение считать день с вечера. Евангелист упоминает о том дне, в который вечером должно было закапать пасхального агнца, так как ученики приступили к Иисусу в пятый день недели. Этот-то день Евангелист Матфей и называет днем, предшествовавшим празднику опресноков, когда говорит о времени, в которое ученики приступили к Иисусу. А другой Евангелист говорит так: *прииде же день опресноков, в оньже подобаше жрети пасху* (Лк. XXII, 7). *Прииде*, то есть, приближался, был при дверях. Очевидно, Евангелист упоминает об этом именно вечере, так как с вечера начинали совершать пасху. Потому каждый Евангелист присовокупляет: когда закалали пасхального агнца. Приступив к Иисусу, ученики говорят Ему: *где, хощеши уготоваем Ти ясти пасху*? И отсюда, между прочим, видно, что у Иисуса не было дома, не было постоянного местопребывания. А я думаю, что и ученики не имели его; иначе они попросили бы Иисуса прийти туда. Но и у них, отрекшихся от всего, не было дома. Для чего же Христос совершил пасху? Для того, чтобы во всем, что Он совершал даже до последнего дня, показать, что Он не противится закону. Но для чего именно посылает к неизвестному человеку? Чтобы и этим показать, что Он мог не пострадать. В самом деле, если Он одними только словами расположил сердце этого человека к тому,

чтобы принять учеников, то чего не произвел бы в распинающих Его, если бы не хотел пострадать? И что Он сделал прежде, когда послал за ослом, то же делает и теперь. Там Он сказал: *аще кто вам речет что, рцыте, яко Господь его требует* (Мф. XXI, 3); так и здесь говорит: *Учитель сказал: у тебя сотворю пасху*. Впрочем, я удивляюсь не тому только, что принял Его человек незнакомый, но и тому, что Он, зная, что навлечет на Себя великую вражду и непримиримую брань, презрел ненависть многих. Далее, так как ученики не знали этого человека, то Христос дает им и знамение, какое пророк дал Саулу, говоря: *обрящеши некоего восходяща и мех имуща* (1 Цар. X, 3); а здесь: *скудель носяща* (Лк. XXII, 10). И заметь еще доказательство силы Его. Он не только сказал: *сотворю пасху;* но прибавляет еще другие слова: *время Мое близ есть*. Это делал Он для того, чтобы с одной стороны через непрестанное напоминание и частое предсказание ученикам о страдании приучить их к бестрепетному размышлению о будущем, с другой – чтобы показать как самим ученикам, так и принимающему их, и всем иудеям, как я часто говорил, что Он не непроизвольно идет на страдание. Прибавляет же слова: *с учениками Моими* – для того, чтобы и приготовление было достаточно, и принимающий не подумал, что Он укрывается. *Вчеру же бывшу, возлежаше со обеманадесяте ученикома* (ст. 20). О, бесстыдство Иудино! И Он там присутствовал, и он пришел для того, чтобы причаститься таинств и яств, и обличаем был при самой трапезе, тогда как и зверь мог бы сделаться кротчайшим. Поэтому-то и Евангелист замечает, что когда они ели, Христос беседовал с ними о предательстве, чтобы и самым временем, и трапезой обличить лукавство предателя. Когда ученики совершили, как повелел им Иисус, *вечеру бывшу, возлежаше со обеманадесяте. Ядущим же им, рече: аминь глаголю вам, яко един от вас предаст Мя*

(ст. 21). Прежде же вечери Христос умыл и ноги Иуды. Смотри, как Он щадит предателя – Он не сказал: этот предаст Меня; но: *един от вас* – для того, чтобы сокрытием его опять дать ему возможность раскаяться, и предпочитает устрашить всех, чтобы спасти его. Один из вас, двенадцати, говорит Он, которые всюду находитесь со Мною, которым Я умыл ноги и которым Я обещал столь великие блага. Тогда нестерпимая скорбь объяла это святое собрание. Иоанн говорит, что ученики недоумевали, и озирались друг на друга (Ин. XIII, 22), и каждый из них с боязнью спрашивал о себе самом, хотя они и не сознавали за собою ничего такого. Матфей же говорит: *скорбяще зело, начата глаголати Ему един кийждо их: еда аз есмь, Господи? Он же отвещав, рече: емуже Аз омочив хлеб подам, той* есть (Мф. XXVI, 22; Ин. XIII, 26). Смотри, когда Христос открыл предателя! Тогда, как восхотел вывести из смущения прочих, которые омертвели от страха, а потому и спрашивали настоятельно. Впрочем, Он делал это не только с тем намерением, чтобы освободить их от страха, но и для того, чтобы исправить предателя. Так как последний, часто слышавший неясные обличения, по жестокосердию своему, оставался без исправления, то Христос, желая сильнее возбудить его, срывает с него личину. Когда же ученики опечалились, и начали говорить: *еда аз, Господи,* то *Иисус, отвещав, рече: омочивый со Мною в солило, той Мя предаст. Сын убо человеческий идет, якоже есть писано о Нем: горе же человеку, имже Сын человеческий предается; добро бы было ему, аще не бы родился человек той* (ст. 23–24). Некоторые говорят, что Иуда так был дерзок, что не почитал Учителя, и вместе с Ним обмакивал руку. А по моему мнению, Христос сделал и это для того, чтобы привести его в больший стыд, и возбудить в нем доброе расположение; ведь и это имеет некоторую пользу.

2. Не должно совершенно оставлять этого без внимания, но мы должны напечатлеть это в наших мыслях, и ярость никогда не будет иметь в нас места. Кто, в самом деле, размышляя об этой вечери, о предателе, возлежащем со Спасителем всех, и о том, сколь кротко беседует имеющий быть предан, — не отвергнет всего яда гнева и ярости? Смотри же, с какою кротостью Христос обращает речь Свою к Иуде: *Сын же человеческий идет, якоже есть писано о Нем!* Это говорил Он как для утверждения учеников Своих, чтобы они поступок Его не приписали слабости, так и для того, чтобы исправить предателя. *Горе же человеку тому, имже Сын человеческий предается; добро бы было ему, аще не бы родился человек той.* Заметь опять в обличении неизреченную кротость. Даже и теперь не грозно, но весьма милостиво беседует с предателем, и притом прикровенно, несмотря на то, что не только прежняя его бесчувственность, но и после этого обнаружившееся в нем бесстыдство достойны были крайнего негодования. Ведь и после этого обличения Иуда говорит: *еда аз есмь, Господи?* (ст. 25). О, бесчувственность! Спрашивает тогда, как сам это сознает! И Евангелист, удивляясь его дерзости, говорит об этом. Что же сказал в ответ кротчайший и незлобивый Иисус? *Ты рекл еси.* Хотя он и мог бы сказать: о, скверный и прескверный, гнусный и нечистый человек! Столько времени готовясь совершить зло, удалившись и заключив сатанинский договор, согласившись взять серебро и будучи обличен Мною, ты осмеливаешься еще спрашивать? Но Христос не сказал ничего такого. Что же сказал? *Ты рекл еси,* — и тем самым начертывает для нас образ и правило терпения. Но иной скажет: если написано, что Христос так пострадает, то за что же осуждается Иуда? Он исполнил то, что написано. Но он делал не с тою мыслью, а по злобе. Если же ты не будешь обращать

внимания на намерения, то и диавола освободишь от вины. Но нет, нет! И тот, и другой достойны бесчисленных мучений, хотя и спаслась вселенная. Не предательство Иуды соделало нам спасение, но мудрость Христа, дивно обращавшая злодеяния других в нашу пользу. Что же, – спросишь ты, – если бы Иуда Его не предал, то не предал ли бы другой? Какое же отношение имеет это к настоящему предмету? Такое, скажешь, что если Христу надлежало быть распяту, то нужно было, чтобы это совершено было кем-либо; если кем-либо, то, конечно, таким человеком. Если бы все были добры, то не исполнено бы было строительство нашего спасения. Да не будет! Сам Всемудрый знал, как устроить наше спасение, хотя бы и так было, потому что премудрость Его велика и непостижима. Поэтому-то, чтобы кто не подумал, что Иуда был служителем домостроительства, Христос и называет его несчастнейшим человеком.

Но кто-нибудь опять скажет: если лучше было бы не родиться ему, то для чего Бог попустил произойти на свет как ему, так и всем злым? Тебе бы надлежало порицать злых за то, что они, имея возможность не быть такими, сделались злыми; а ты, оставив это, слишком много испытываешь и исследуешь судьбы Божии, хотя и знаешь, что никто не бывает злым по необходимости. Ты скажешь: надлежало бы рождаться одним только добрым, и не было бы нужды ни в геенне, ни в наказании, ни в мучении, и не было бы даже зла; злым же надлежало бы или не рождаться, или, если родились, тотчас умирать. Прежде всего, должно указать тебе на следующее апостольское изречение: *темже убо, о человече, ты кто еси, противуотвещаяй Богови? Еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако?* (Рим. IX, 20). Если же ты требуешь доказательств разума, я скажу, что добрые заслуживают большего удив-

ления, когда находятся среди злых, потому что тогда-то особенно открывается в них терпение и великое любомудрие. Ты же, говоря вышеупомянутые слова, уничтожаешь случай для борьбы и подвигов. Что ж, скажешь ты; для того, чтобы одни сделались добрыми, наказываются другие? Нет, не для этого, а за свои злодеяния. Они сделались злыми не потому, что родились, но вследствие своего нерадения, поэтому и подвергаются наказанию. Как не быть достойными наказания тем, которые имеют таких учителей добродетели, и не получают от них никакой пользы? Как благие и добрые вдвойне достойны чести за то, что и были добры, и нисколько не заразились от злых, так и злые достойны двойного наказания – и за то, что были злы, имея возможность стать добрыми (что и доказывают те, которые сделались добрыми), и за то, что не получили никакой пользы от добрых. Но посмотрим, что говорит этот несчастный ученик, будучи обличаем Учителем. Что же он говорит? *Еда аз есмь, Равви?* Почему же не сначала спросил он об этом? Он думал, что он не узнан, когда было сказано: *един от вас;* когда же Христос открыл его, тогда он опять осмелился спросить, надеясь на кротость Учителя, что не обличит его. Вот почему он и назвал Его: Равви.

3. О, ослепление! Куда оно увлекло Иуду? Таково сребролюбие! Оно делает людей безумными и безрассудными, бесстыдными и псами, вернее же сказать, злее и самих псов, и из псов делает демонами. Когда Иуда присоединился к диаволу и клеветнику и предал Иисуса и благодетеля, то по намерению сделался уже диаволом. Таковыми-то делает людей ненасытная жадность к деньгам, – безумными, сумасшедшими, совершенно предавшимися корыстолюбию, каким сделался и Иуда. Как же Матфей и другие евангелисты говорят, что диавол овладел Иудою тогда, когда он условился

относительно предания Христа, а Иоанн говорит, что *по хлебе вниде в онь сатана* (Ин. XIII, 27)? Он и сам знал это; выше Он говорит: *вечери бывшей, диаволу уже вложившу в сердце Иуде, да Его предаст* (ст. 2). Как же в таком случае говорит: *по хлебе вниде в онь сатана?* Сатана не вдруг входит, и не в одно время, но сначала делает многие покушения; что и здесь случилось. Сначала он испытывал Иуду и приступал к нему мало-помалу; когда же увидел в нем готовность к принятию его, тогда весь вселился в него и совершенно овладел им. Но если Христос и ученики Его ели пасху, то как ели противозаконно? Ведь не должно было возлежать, когда они ели. Что на это сказать? То, что они возлежали уже во время совершения вечери, после того как ели пасху. А другой Евангелист говорит, что Христос в этот вечер не только ел пасху, но еще говорил: *желанием возжелех сию пасху ясти с вами* (Лк. XXII, 15), — то есть, в этот год. Почему? Потому, что тогда имело совершиться спасение вселенной, имели быть установлены таинства, прекратиться печали смертью Иисуса. Таким образом, Он претерпел крест по своему произволению. Но неукротимого зверя ничто не усмирило, не преклонило, не привело в стыд. Христос назвал его несчастнейшим, сказав: *горе человеку тому!* Потом устрашил его словами: *добро бы было ему, аще не бы родился!* Пристыдил его, сказав: *емуже Аз омочив хлеб подам.* Но все это нисколько не удержало Иуду; он был объят сребролюбием, как бы некоторым бешенством, или, лучше, как самою лютою болезнью: сребролюбие именно и есть самое свирепое бешенство. Делал ли что-либо подобное беснующийся? Иуда не испускал пены из уст, но испускал убийство на Владыку; не ломал рук, но простирал их для того, чтобы продать драгоценную кровь. Поэтому бешенство его было гораздо сильнее, — он бесновался здоровый. Но, скажешь

ты, он не говорил бессмысленно? А что же может быть бессмысленнее этих слов: *что хощете ми дати, и аз вам предам Его?* Предам: диавол говорил его устами. Но он не бил ногами землю и не трепетал? А не гораздо ли лучше было бы ему трепетать, чем стоять прямо, с такими замыслами? Он не поражал себя камнями? А не гораздо ли лучше было бы это делать, чем покушаться на такое злодеяние?

Хотите ли, чтоб я представил вам беснующихся и сребролюбивых, и сравнил тех и других? Впрочем, никто не должен думать, что его оскорбляют лично; я не природу человеческую оскорбляю, но порицаю поступки. Бесноватый никогда не одевался в платье, бил себя камнями, бегал по непроходимым путям и каменистым местам, будучи сильно гоним бесом. Не представляется ли тебе это страшным? Что же, если я докажу тебе, что сребролюбивые причиняют душе своей больший вред, и настолько больший, что поступки бесноватого кажутся детской игрой в сравнении с поступками сребролюбивого? Будете ли избегать болезни сребролюбивого? Итак, посмотрим, чья болезнь сноснее. Они ничем не различаются один от другого, потому что оба отвратительнее многих нагих. Гораздо лучше быть нагим, нежели ходить, одевшись в корыстолюбие, подобно приносящим жертвы Бахусу. Как те носят маски и платье беснующихся, так и эти. И подобно тому, как наготу беснующихся производит бешенство, так и одежду сребролюбивых производит бешенство, — и эта одежда более достойна сожаления, нежели нагота. И это я постараюсь доказать вот чем. Кого из самих беснующихся мы назовем более беснующимся: того ли, кто себя самого терзает, или того, кто и себя, и всех с ним встречающихся? Очевидно, последнего. Итак, беснующиеся обнажали только самих себя, а сребролюбивые обнажают всех с ними

встречающихся. Беснующиеся, скажешь, раздирают одежду? Но как желал бы каждый из обиженных сребролюбцами, чтобы лучше разодрали у него одежду, чем лишили его всего имущества! Корыстолюбивые не терзают лица? Напротив, они и это делают; если же и не все делают это, то все через голод и нищету производят во чреве жесточайшие болезни. Они не уязвляют зубами? Но – о, если бы они уязвляли зубами, а не стрелами корыстолюбия, которые острее зубов! *Зубы их оружия и стрелы* (Пс. LVI, 5). Кто чувствует сильнейшую боль: тот ли, кто однажды уязвлен и тотчас исцелен, или тот, кто всегда уязвляется зубами бедности? Невольная бедность хуже разожженной печи и зверей. Сребролюбцы не бегают по пустыням, подобно бесноватым? О, если бы они бегали по пустыням, а не по городам! Тогда все живущие в городах наслаждались бы безопасностью. А теперь они несноснее всех бесноватых, потому что в городах делают то, что те в пустынях, обращая города в пустыни, и похищая у всех имущество, как в пустыне, где никто этому не препятствует. Но они не бросают камнями на проходящих? Что ж? От камней легко можно предохранить себя; а кто может предохранить себя от тех ран, которые сребролюбцы наносят несчастным бедным посредством бумаги и чернил, составляя записки, наполненные бесчисленными язвами?

4. Посмотрим также, сколько зла делают сребролюбцы и самим себе. Они ходят по городу обнаженные, так как нет у них одежды добродетели. И если это не кажется им постыдным, то зависит от чрезмерного их бешенства, в силу которого они даже не чувствуют своего безобразия. Они стыдятся, если бывают обнажены телом; и напротив, хвалятся, когда имеют обнаженную душу. Если хотите, я покажу и причину такой бесчувственности. Какая же причина этого? Та, что они об-

нажаются между многими столь же нагими; поэтому и не стыдятся, подобно тому как и мы не стыдимся в банях. Если бы многие были облечены добродетелью, тогда более обнаружился бы их позор. Ныне же особенно достойно горьких слез то, что по причине существования многих злых злые дела не почитаются постыдными. Диавол, между прочими бедствиями, произвел и то, что не попускает ощущать зло, но множеством злых прикрывает гнусность зла, так как если бы злому случилось жить между многими добродетельными, то он лучше увидел бы свою наготу. Из этого видно, что сребролюбцы более обнажают себя, нежели беснующиеся. А что они ходят по пустыням, то и в этом никто не будет противоречить. Широкий и просторный путь пустее всякой пустыни, и хотя имеет многих путешественников, но не имеет ни одного человека, а только змей, скорпионов, волков, ехидн, аспидов, таковы те, которые следуют нечестию. И этот путь нечестия не только пустыня, но еще и ужаснее пустыни. Это видно из того, что не столько камни, утесы и вершины гор поражают восходящих на них, сколько грабительство и корыстолюбие поражают душу тех, которые им предаются. А что сребролюбцы живут во гробах, подобно бесноватым, или лучше, сами суть гробы, видно из следующего. Что такое гроб? Это камень, в котором положено мертвое тело. Итак, чем различаются от этих камней тела сребролюбцев? Они несчастнее даже и камней. Это не камень, вмещающий тело мертвое, но тело, которое бесчувственнее камней, и носит в себе мертвую душу. Поэтому никто не согрешит, если сребролюбцев назовет гробами. И сам Господь наш назвал таким образом иудеев, преимущественно за это; и по тому присовокупил следующие слова: *внутрьуду же суть полни хищения и* (Мф. XXIII, 25) корыстолюбия. Хотите ли, наконец,

чтобы я показал вам, как сребролюбцы поражают камнями свои головы? Скажи мне, откуда прежде ты хочешь узнать это — из настоящего или будущего их состояния? Но о будущем они мало размышляют. Следовательно, должно говорить о настоящем их состоянии. Не хуже ли всяких камней заботы, которые поражают не головы, но изнуряют души? Сребролюбцы боятся, чтобы когда-нибудь законным образом не вышло из дому их то, что вошло неправедно. Они трепещут за всякую малость, гневаются, раздражаются против домашних и против чужих. Попеременно овладевает ими то малодушие, то страх, то ярость, и они, как бы переходя с утеса на утес, каждодневно ожидают того, чего еще не получили. Вследствие этого они не наслаждаются и тем, что имеют, как потому, что не уверены в своей безопасности, так и потому, что всей мыслью устремляются к тому, чего еще не получили. И как непрестанно томящийся жаждой, хотя бы выпил бесчисленные источники, не чувствует удовольствия, потому что не насыщается, так сребролюбцы не только не ощущают удовольствия, но еще тем более мучатся, чем более получают богатства, так как их похоть не имеет никаких пределов. Таково настоящее состояние сребролюбцев! Скажем теперь и о последнем дне. Хотя они и не внимают, но нам нужно сказать. Всякий может видеть во всех местах Писания, что сребролюбцы осуждены будут на мучение в последний день. Когда Христос говорит: *взалкахся, и не дасте Ми ясти: возжадахся, и не напоисте Мене* (Мф. XXV, 42), Он осуждает на мучение сребролюбцев; и когда говорит: *идите во огнъ вечный, уготованный диаволу* (ст. 41), то посылает в огонь вечный тех, которые неправедно обогащаются. Такой же участи подвергаются и злой раб, не уделявший своим товарищам от имения господина своего (Мф. XXIV, 46–49), и раб, закопавший в землю талант,

и пять дев (Мф. XXV, 18); и где ни посмотришь в Писании, везде увидишь, что сребролюбивые осуждаются на мучение. То они услышат: *пропасть утвердися между нами и вами* (Лк. XVI, 26); то: *идите от Мене во огнь, уготованный* (диаволу); то угрозу, что, будучи рассечены, пойдут они туда, где скрежет зубов; и всякий может видеть, что они отовсюду изгоняются, нигде не имеют места, кроме одной только геенны.

5. Итак, что нам пользы от правоверия для нашего спасения, когда мы услышим эти слова? Там – скрежет зубов, тьма кромешная, огонь, уготованный диаволу, рассечение, изгнание; а здесь – вражда, злословия, клеветы, опасности, заботы, коварства, всеобщая ненависть, всеобщее презрение даже от тех, которые, повидимому, льстят. Как добрым удивляются не только добрые, но и злые, так злых ненавидят не только добрые, но и злые. В подтверждение этой истины я желал бы спросить самих сребролюбцев: не имеют ли они ненависти друг к другу? Не почитают ли друг друга врагами более лютыми, нежели те, которые жестоко их обидели? Не осуждают ли самих себя? Не считают ли для себя обидой, когда кто-либо упрекает их в корыстолюбии? И это служит для них крайним поношением и доказательством великой их злобы. Если ты не можешь презреть богатство, то что же в таком случае будешь в состоянии победить? Похоть, чрезмерное славолюбие, ярость, гнев? И как можно кого-либо побудить к этому? Похоть телесную, гнев и ярость многие врачи приписывают телосложению и излишествам тела. Так человека более горячего и сырого называют они похотливым, а человека, имеющего сухое телосложение – раздражительным, вспыльчивым и яростным. Но никто никогда не слыхал, чтобы врачи говорили что-нибудь подобное о сребролюбии. Таким образом болезнь сребролюбия происходит от одного нераде-

ния и бесчувственности души. Поэтому умоляю вас, постараемся исправлять все такие недостатки и подавлять страсти, возрастающие у нас соответственно каждому возрасту. Если же в каждую часть жизни нашей мы будем проплывать мимо трудов добродетели, везде претерпевая кораблекрушения; то, достигнув пристанища без духовных сокровищ, подвергнемся крайнему бедствию. Настоящая жизнь есть обширное море. И как в море различные заливы имеют различные бури, например, Эгейское море опасно по причине ветров, Этрурский пролив – по причине узкого места, Харибда, близ Ливии – по причине мелей, Пропонтида, у Эвксинского понта – по причине быстроты и стремительности вод, часть моря близ Гадир – по причине пустых, непроходимых и неизвестных мест, и другие части моря опасны по другим причинам, так бывает и в нашей жизни. Первым морем можно назвать детский возраст, который подвержен многим волнениям по причине неразумия, легкомыслия и непостоянства. Поэтому и приставляем мы к детям воспитателей и учителей, и попечением восполняем недостатки природы, подобно тому, как на море они восполняются искусством кормчего. За этим возрастом следует море юности, где дуют сильные ветры, как на Эгейском море, – потому что тогда усиливается в нас похоть. Этот возраст особенно неспособен для исправления, не только потому, что подвержен сильнейшим волнениям, но и потому, что проступки не изобличаются, тогда не бывает уже учителя и воспитателя. Когда же ветры дуют сильнее, а между тем кормчий слаб, и никто не подает помощи, то представь, как опасна буря! Далее наступает возраст мужеский, в котором предстоят человеку дела хозяйственные, жена, брак, деторождение, управление домом и великое множество забот. Тогда же особенно усиливается сребролю-

бие и зависть. Итак, если мы в каждом возрасте будем терпеть кораблекрушение, то как же пройдем мы настоящую жизнь? Как избежим будущего наказания? Если в первом возрасте не научимся ничему разумному, в юности не будем жить воздержно, сделавшись мужами не победим сребролюбия, то придя в старость, как бы на некоторое дно корабля, и ослабив ладью души всеми этими язвами, по разрушении досок ладьи, достигнем пристани с множеством сора вместо духовных сокровищ, и возбудим в диаволе смех, а себе причиним плач и доставим нестерпимые мучения. Итак, чтобы этого не случилось с нами, оградив себя отовсюду и противоставши всем страстям, отвергнем пристрастие к богатству, чтобы достигнуть и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXII

Ядущим же им, прием Иисус хлеб, и благодарив, преломи, и даяше учеником, и рече: приимите, ядите: сие есть тело Мое. И прием чашу и хвалу воздав, даде им, глаголя: пийте от нея вси: сия есть кровь Моя новаго завета, яже за многие изливаема во оставление грехов (Мф. XXVI, 26—28).

1. О, как велико ослепление предателя! Приобщаясь тайн, он оставался таким же, и наслаждаясь страшною трапезою, не изменялся. Это показывает Лука (Ин. XIII, 27), когда говорит, что после этого вошел в него сатана, не потому, что пренебрегал телом Господним, но издеваясь над бесстыдством предателя. Грех его велик был в двояком отношении: и потому, что он с таким расположением приступил к тайнам, и потому, что, приступив, не вразумился ни страхом, ни благоде-

янием, ни честью. Христос не препятствовал ему, хотя и знал все, чтобы ты познал, что Он не оставляет ничего, что служит к исправлению. Поэтому и прежде, и после этого непрестанно вразумлял и удерживал предателя и словами, и делами, и страхом, и угрозами, и честью, и услугами. Но ничто не предохранило его от жестокого недуга. Вот почему Христос, оставив, наконец, его, через тайны опять напоминает ученикам о Своей смерти, и на вечери беседует о кресте, чтобы через частое предсказание сделать для них Свое страдание удобоприемлемым. Действительно, если они после стольких событий и предсказаний смутились, то чего не потерпели бы, если бы ничего такого не услышали? *И ядущим им хлеб, преломи*. Для чего Христос совершил это таинство во время пасхи? Для того, чтобы ты из всего познавал, что Он есть законодатель Ветхого Завета, и что написанное в этом Завете служит преобразованием новозаветных событий. Поэтому-то Христос вместе с образом полагает и самую истину. Вечер же служил знаком полноты времен и того, что дела приходили уже к концу. И *благодарит*, — научая нас, как должно совершать это таинство; показывая, что Он добровольно идет на страдание; наставляя нас переносить страдания с благодарностью, и возбуждая в нас благие надежды. Если образ был освобождением от столь великого рабства, то тем более Истина освободит вселенную и предаст Себя для спасения нашего естества. Вот почему Христос не прежде установил таинство, но когда надлежало уже упраздниться предписанному законом. Он упраздняет самый главный праздник иудеев, призывая их к другой, страшной вечери, и говорит: *приимите, ядите, сие есть тело Мое, еже за многия ломимое* (1 Кор. XI, 24). Каким образом ученики, услышав это, не смутились? Оттого, что Христос и прежде много важного говорил им об этом таинстве. Поэтому

теперь он и не дает более наставлений относительно этого, так как они довольно уже слышали, а показывает только причину страдания, то есть, отпущение грехов. И называет кровью Нового Завета, то есть, обетования, возвещения нового закона. Это обещано было издревле, и составляет Новый Завет. И как Ветхий Завет имел овнов и тельцов, так и новый имеет кровь Господню. Этим самым Христос показывает и то, что Он претерпит смерть; потому упоминает и о Завете, и вспоминает вместе о первом, так как и этот Завет обновлен был кровью. Далее, опять говорит о причине Своей смерти: *яже за многия изливаема во оставление грехов,* и прибавляет: *сие, творите в Мое воспоминание.* Видишь ли, как Христос отклоняет и отвращает от иудейских обычаев? Как пасху вы совершали, говорит Он, в воспоминание чудес, бывших в Египте, так и это таинство совершайте в Мое воспоминание. Кровь Ветхого Завета была изливаема во спасение первородных, а эта кровь изливается во оставление грехов всего мира: *сия есть кровь Моя*, говорит Он, *изливаема во оставление грехов.* Это сказал он также и для того, чтобы показать, что страдание и крест суть таинство, и этим опять утешить учеников. И как Моисей сказал: это да будет памятно для вас вечно (Исх. III, 15), так и Христос говорит: *в Мое воспоминание*, до того времени, как Я приду. Потому говорит еще: *желанием возжелех пасху сию ясти* (Лк. XXII, 15), то есть, предать вам новые установления, и даровать Пасху, чтобы через нее сделать вас духовными. И сам пил из чаши, для того, чтобы ученики, услыша это, не сказали: что такое, мы пьем кровь и едим плоть? — и от того не смутились. (Ведь когда Христос говорил об этом, то и самими словами многие соблазнялись). Итак, чтобы ученики и тогда не смутились, Он сам первый совершил это, побуждая их приступить к приобщению таин без сму-

щения. С этой-то целью Он и пил сам собственную кровь. Что же? Не должно ли, скажешь ты, совершать и древнее, и новое таинство? Ни в каком случае. Христос для того и сказал: *сие творите,* чтобы отклонить от древнего. Если новое таинство дарует оставление грехов, — а оно действительно дарует, — то древнее уже излишне. Поэтому как было у иудеев, так и здесь с таинством Христос соединил воспоминание благодеяния, и этим заграждает уста еретиков. Когда они говорят: откуда известно, что Христос принес Себя в жертву? — то мы, кроме других свидетельств, заграждаем уста их и самими таинствами. Если Иисус не умер, то символом чего же служат таинства?

2. Видишь ли, как много Христос заботился о том, чтобы мы всегда вспоминали, что Он умер за нас? Так как имели явиться последователи Маркиона, Валентина и Манеса, отвергающие это строительство спасения, то Он непрестанно напоминает о страдании и через самые таинства, чтобы никто не был обольщен, и таким образом этой священной трапезой и спасает и, вместе наставляет, потому что это таинство есть основание благ. Вот почему и Павел часто упоминает об этом. Затем, после установления таинства, Христос говорит: *не имам пити от сего плода лознаго, до дне того, егда е пию с вами ново во царствии Отца Моего* (ст. 29). Так как Он беседовал с учениками о страдании и кресте, то опять говорит и о воскресении, упоминает о царстве, называя таким образом Свое воскресение. Но для чего Он пил по воскресении? Для того, чтобы люди грубые не сочли воскресение призрачным: многие ведь поставляли это признаком воскресения. Поэтому-то апостолы для уверения в воскресении говорили: *иже с Ним ядохом и пихом* (Деян. X, 41). Итак, желая показать ученикам, что они ясно увидят Его по воскресении, что Он опять будет с ними и что они сами будут

свидетелями события и посредством видения, и посредством дел, Он говорит: *егда е пию ново с вами*, при вашем свидетельстве; вы увидите Меня после того, как Я воскресну. А что значит: *ново*? Новым, то есть, необыкновенным образом, не в теле, подверженном страданию, но уже бессмертном, нетленном и не имеющем нужды в пище. Итак, по воскресении Христос ел и пил не в силу необходимости, — тогда тело Его уже не нуждалось в этом, — а для удостоверения в воскресении. Но для чего по воскресении Он пил не воду, а вино? Для того, чтобы совершенно исторгнуть другую злую ересь. Так как некоторые в тайнах употребляют воду, то чтобы показать, что и при установлении таинства употреблял вино, и по воскресении, когда без таинства предлагал обыкновенную трапезу, также употреблял вино, говорит: *от плода лознаго.* Виноградная же лоза производит вино, а не воду. *И воспевше изыдоша в гору Елеонскую* (ст. 30). Да слышат все те, которые, подобно свиньям, принимая пищу без молитвы, попирают чувственную трапезу и встают от нее опьянелыми, тогда как должно оканчивать ее с благодарностью и пением. Слушайте и вы, которые не дожидаетесь окончательной молитвы при совершении таин: эта молитва есть образ Христовой молитвы. Христос возблагодарил прежде, нежели предложил трапезу ученикам, чтобы и мы благодарили. Возблагодарил и воспел и после трапезы, чтобы и мы делали то же самое. Но для чего Он пошел на гору? Для того, чтобы явить Себя тем, которые хотели взять Его, чтобы не подумали, что Он скрывается; поэтому спешил идти на место, известное и Иуде. *Тогда глагола им: вси вы соблазнитеся о Мне.* Потом приводит пророчество: *писано бо есть: поражу пастыря, и разыдутся овцы* (ст. 30), — чтобы с одной стороны убедить учеников всегда внимать Писанию, а с другой — показать, что Он распинается по воле Бо-

жией, и чтобы из всего видно было, что Он не противник Ветхому Завету и Богу, в нем возвещаемому, что совершающееся есть дело смотрения Божия, и что все настоящие события издревле предвозвестили пророки, чтобы ученики несомненно надеялись на лучшее. Вместе с этим дает знать, каковы были ученики перед крестною смертью, и каковы после крестной смерти. Те, которые во время распятия Его не могли даже устоять, после смерти Его сделались сильны и крепче адаманта. А это самое, то есть, бегство и страх учеников, служит доказательством смерти Спасителя. В самом деле, если после столь великих событий и свидетельств некоторые бесстыдно говорят, будто Христос не распят, то в какое бы нечестие они не впали, если бы ничего такого не случилось? Поэтому не только Своими страданиями, но и состоянием учеников, а также и тайнами Христос подтверждает истину смерти Своей, посрамляя всем этим зараженных ересью Маркиона. Поэтому же и верховному апостолу попускает отречься. В самом деле, если Он не был связан и распят, то отчего объял такой страх и этого апостола, и прочих? Впрочем, Христос не попустил им оставаться в печали, но что говорит? *По воскресении же Моем варяю вы в Галилеи* (ст. 32). Он не является с неба тотчас же, и не удаляется в какую-либо дальнюю страну, но остается среди того самого народа, среди которого был распят, и почти в тех самых местах, — чтобы и этим уверить учеников, что Он сам и распят был, и воскрес, — и тем более утешить их в печали. Потому и сказал: *в Галилеи*, чтобы, освободившись от страха иудеев, они поверили Его словам. Потому же Он и явился там. *Отвещав же Петр, рече: аще и вси соблазнятся о Тебе, но аз никогда же соблажнюся* (ст. 33).

3. Что ты говоришь, Петр? Пророк сказал: *разыдутся овцы;* Христос подтвердил сказанное; а ты говоришь,

нет? Разве тебе не довольно того, что случилось прежде, когда ты говорил: *будь милостив к Себе* (Мф. XVI, 22) – и был обличен? Христос попускает пасть Петру для того, чтобы научить его во всем повиноваться Ему, и определение Его почитать вернейшим собственного суждения. Да и прочие получили немало пользы от его отвержения, познав немощь человеческую и истину Божию. Когда сам Бог предсказал что-нибудь, то не должно уже оспаривать этого, и восставать против многих. *Хваление*, говорит апостол, ты будешь иметь *в себе, а не во инем* (Гал. VI, 4). Надлежало бы молиться и говорить: помоги нам не разлучаться; а он надеется на самого себя и говорит: *аще и вси соблазнятся о Тебе, аз никогда же*, – то есть хотя бы все потерпели это, но я не потерплю, – что мало-помалу приводило его к гордости. Желая удержать его от этого, Христос и попустил отвержение. Так как Петр не внимал словам ни Христа, ни пророка (хотя Христос для того и привел свидетельство пророка, чтобы ученики не противоречили), то он научается самыми делами. А что Христос попустил Петру отвергнуться для того, чтобы исправить в нем этот порок, – послушай, что Он говорит: *Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя* (Лк. XXII, 32). Это сказал Он для того, чтобы сильно тронуть его и показать, что его падение опаснее падения прочих, и требует большей помощи. В самом деле, здесь было два преступления: во-первых, то, что он противоречил, во-вторых, то, что ставил себя выше других; или, лучше сказать, было и третье преступление – то, что он все приписывал самому себе. Итак, для уврачевания этого Христос и попустил падение; и потому, оставивши прочих, обращается к Петру: *Симоне*, говорит Он, *Симоне, се сатана просит вас, дабы сеял яко пщеницу* (Лк. XXII, 31), – то есть, возмущал, колебал, искушал; *Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя.* Но почему же, если сатана про-

сил всех, Христос не сказал: *молихся* за всех? Не очевидно ли, что и это имеет ту же цель, о которой я говорил выше, то есть, что Христос обращает слово Свое к Петру, чтобы тронуть его и показать, что его падение опаснее падения прочих? Почему тоже, не сказал Он: Я не попустил, но – *молихся*! Идя на страдание, Он говорил смиренно, чтобы показать Свое человечество. Тот, который создал Церковь на исповедании Петра и так оградил ее, что бесчисленные опасности и смерти не одолеют ее, Который дал ему ключи царствия небесного, вручил столь великую власть и, для совершения этого, не имел нужды в молитве (не сказал тогда: *молился,* но со властью сказал: *созижду церковь Мою,* и: *дам ти ключи царствия небеснаго*), каким образом нуждался в молитве для утверждения колеблющейся души одного человека? Почему же сказал так? По той причине, о которой я говорил, и по причине немощи учеников Своих, так как они еще не имели надлежащего о Нем понятия. Как же Петр отрекся? Христос не сказал: чтобы ты не отрекся, но – чтобы не оскудела вера, чтобы он не погиб совершенно. И это было делом попечения Христова. Действительно, безмерный страх, объявший Петра, все рассеял; а безмерным этот страх был потому, что Бог совершенно лишил его Своей помощи; а лишил помощи потому, что в нем была сильна страсть гордости и противоречия. Итак, для совершенного истребления этой страсти, Бог допустил столь сильному страху объять Петра. А что эта страсть была в нем сильна, видно из того, что он не удовольствовался тем, что прежде противоречил и пророку, и Христу, но и после того, когда Христос сказал ему: *аминь глаголю тебе, яко в сию нощь, прежде даже алектор не возгласит, трикраты отвержешися Мене,* говорил: *аще ми есть и умрети с Тобою, не отвергуся Тебе* (ст. 34–35). Лука же (XXII, 33–34) прибавляет, что чем

более Христос опровергал, тем более Петр противоречил. Что значит это Петр когда Христос говорил: *един от вас предаст Мя,* ты боялся, чтобы не быть предателем, и побуждал ученика спросить, хотя ничего подобного не сознавал в себе; а теперь, когда Он ясно провозглашает и говорит: *вси вы соблазнитеся,* ты противоречишь, и не однажды только, а дважды и много раз? Так именно говорит Лука. Отчего же это случилось с ним? От великой любви, от великой радости. Когда он освободился от того страха относительно предательства, и узнал предателя, то говорил уже с дерзновением и, возвышая себя над другими, заявлял; *аще и вси соблазнятся, но аз не соблазнюся.* Зависело это отчасти и от честолюбия, так как на вечери ученики рассуждали о том, кто из них больше: так мучила их эта страсть. Вот почему Христос уничижил Петра, не с тем, чтобы побудить его к отвержению, — да не будет, — но чтобы, оставив его лишенным помощи, показать слабость человеческой природы. Смотри, как после этого он сделался кроток: когда, по воскресении, сказал: *сей же что* (Ин. XXI, 21)? — и был остановлен, то не осмелился уже противоречить, как здесь, но умолчал. Также и при вознесении, когда услышал: *несть ваше разумети времена и лета* (Деян. I, 7), опять молчал и не противоречил. И после этого, когда на горнице и при видении плащаницы, услышал голос, говорящий ему: *яже Бог очисти, ты не скверни* (Деян. X, 11), — и еще не знал ясно, что значат эти слова, — молчал и не спросил.

4. Все это было следствием падения. Прежде этого Петр все приписывал себе, говоря: *аще и вси соблазнятся, аз не соблажнюся; аще ми есть с Тобою и умрети, не отвергуся Тебе,* тогда как надлежало бы сказать: если получу от Тебя помощь. Но после падения он говорит совершенно противное: *что на ны взираете, яко своею ли силою*

или благочестием сотворихом его ходити (Деян. III, 12)? Отсюда мы научаемся той великой истине, что недостаточно бывает собственного старания человека, если он не получит высшей помощи; и наоборот, что мы не получим никакой пользы от высшей помощи, если не будет у нас собственного старания. То и другое доказывают Иуда и Петр. Первый, получив много помощи, не получил никакой пользы, потому что не захотел и не приложил собственного старания; а последний и при собственном старании пал, потому что не получил никакой помощи. Добродетель слагается из этих двух принадлежностей. Поэтому я умоляю, чтобы вы, предоставляя все на волю Божию, не предавались усыплению, и чтобы при собственном старании не думали, что вы все совершаете собственными трудами. Богу не угодно, чтобы мы были нерадивы, а потому Он не все сам совершает; равно не угодно Ему и то, чтоб мы были самонадеянны, вследствие чего не все нам дал, но, из того и другого отняв вредное, оставил нам полезное. Поэтому же попустил пасть и верховному апостолу, чтобы сделать его кротким и возбудить к большей любви. Кому больше, сказано, оставится, больше возлюбит (Лк. VII, 47). Итак, будем во всем повиноваться Богу и ни в чем не будем противоречить, хотя бы слова Его казались противными нашим мыслям и взглядам; но пусть управляет слово Его нашими мыслями и взглядами. Таким же образом будем поступать и в таинствах, обращая внимание не на внешность только, но содержа в уме своем слова Христовы. Слово Его непреложно, а наше чувство легко обольщается. Первое никогда не погрешает, а последнее часто обманывается. Поэтому когда Христос говорит: *сие есть тело Мое*, то убедимся, будем верить и смотреть на это духовными очами. Христос не предал нам ничего чувственного, но все духовное, только в чувственных вещах. Так

и в крещении: через чувственную вещь, воду, сообщается дар, а духовное действие состоит в рождении и обновлении. Если бы ты был бестелесен, то Христос сообщил бы тебе эти дары бестелесно; но так как душа твоя соединена с телом, то духовное сообщает тебе через чувственное. Как многие ныне говорят: желал бы я видеть лицо Христа, образ, одежду, обувь! Вот, ты видишь Его, прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видеть одежды Его, а Он дает тебе самого Себя, и не только видеть, но и касаться, и внушать, и принимать внутрь. Итак, никто не должен приступать с небрежением, никто с малодушием, но все с пламенной любовью, все с горячим усердием и бодростью. Если иудеи ели агнца с поспешностью, стоя и имея сапоги на ногах и жезлы в руках, то гораздо более тебе должно бодрствовать. Они готовились идти в Палестину, а потому и имели вид путешественников, ты же готовишься идти на небо.

5. Поэтому должно всегда бодрствовать, — немалое предстоит наказание тем, которые недостойно приобщаются. Подумай, как ты негодуешь на предателя и на тех, которые распяли Христа. Итак берегись, чтоб и тебе не сделаться виновным против тела и крови Христовой. Они умертвили всесвятое тело; и ты принимаешь его нечистой душой после столь великих благодеяний. Во самом деле, Он не удовольствовался лишь тем, что сделался человеком, был задушен и умерщвлен; но Он еще сообщает Себя нам, и не только верою, но и самым делом делает нас Своим телом. Насколько же чист должен быть тот, кто наслаждается этой жертвой? Насколько чище лучей солнечных должны быть — рука, раздробляющая эту плоть, уста, наполняемые духовным огнем, язык, обагряемый страшной кровью? Помысли, какой чести ты удостоен, какою наслаждаешься трапезой! При виде чего трепещут анге-

лы, и на что не смеют взглянуть без страха, по причине сияния, отсюда исходящего, тем мы питаемся, с тем сообщаемся и делаемся одним телом и одною плотью со Христом. *Кто возглаголет силы Господни, слышаны сотворит вся хвалы Его?* (Пс. CV, 2). Какой пастырь питает овец собственными членами? Но что я говорю — пастырь? Часто бывают такие матери, которые новорожденных младенцев отдают другим кормилицам. Но Христос не потерпел этого, но Сам питает нас собственной кровью, и через все соединяет нас с Собою. Размысли же, что Он родился от вашего естества. Но ты скажешь: это не ко всем относится. Напротив, ко всем. Если он пришел к нашему естеству, то очевидно, что пришел ко всем; а если ко всем, то и к каждому в отдельности. Почему же, ты скажешь, не все получили от этого пользу? Это зависит не от Того, Который благоволил совершить это для всех, но от тех, которые не восхотели. С каждым верующим Он соединяется посредством таин, и сам питает тех, которых родил, а не поручает кому-либо другому; и этим опять уверяет тебя в том, что Он принял твою плоть. Итак, удостоившись такой любви и чести, не будем предаваться беспечности. Не видите ли, с какою готовностью младенцы берут сосцы, с каким стремлением прижимают к ним уста свои? С таким же расположением и мы должны приступать к этой трапезе и к сосцу духовной чаши, — или, лучше сказать, мы с большим еще желанием должны привлекать к себе, подобно грудным младенцам, благодать Духа; и одна только у нас должна быть скорбь — та, что мы не приобщаемся этой пищи. Действия этого таинства совершаются не человеческой силой. Тот, Кто совершил их тогда, на той вечери, и ныне совершает их. Мы занимаем место служителей, а освящает и претворяет дары сам Христос. Да не будет здесь ни одного Иуды, ни одного сребролюбца. Если кто не ученик Христов,

то пусть удалится; трапеза не допускает тех, которые не таковы. Со *ученики Моими*, говорит Христос, *сотворю пасху* (Мф. XXVI, 18). Это та же самая трапеза, которую предлагал Христос, и ничем не менее той. Нельзя сказать, что ту совершает Христос, а эту человек; ту и другую совершает сам Христос. Это место есть та самая горница, где Он был с учениками; отсюда они вышли на гору Елеонскую. Выйдем и мы туда, где простерты руки нищих; это именно место есть гора Елеонская; множество же нищих — это маслины, насажденные в доме Божием, источающие елей, который будет полезен, для нас там, который имели пять дев, и которого не взявши, другие пять погибли. Взявши этот елей, войдем, чтобы нам с горящими светильниками выйти на встречу Жениха. Взявши этот елей, выйдем отсюда. Не должен приступать сюда ни один бесчеловечный, ни один жестокий и немилосердный, словом — ни один нечистый.

6. Это говорю вам, которые приобщаетесь, и вам, которые служите. Нужно побеседовать и с вами, чтобы вы со многим тщанием разделяли эти дары. Немалое наказание ожидает вас, если вы, признав кого-либо нечестивым, позволите причаститься этой трапезы. Кровь Его взыщется от рук ваших. Хотя бы кто был полководец, хотя бы высший начальник, хотя бы сам царь, носящий диадему, но если приступает недостойно, то запрети ему: ты имеешь больше власти, нежели он. Если бы тебе поручено было сохранять в чистоте источник воды для стада, и ты увидел овцу, имеющую на устах много грязи, то не позволил бы ей наклониться и возмутить источник. Но теперь вручен тебе источник не воды, а крови и Духа, — и ты, видя некоторых, имеющих грех, который хуже земли и грязи, и приступающих к этому источнику, не вознегодуешь, не воспрепятствуешь? Какое ты можешь получить прощение? Для

того Бог удостоил вас этой чести, чтобы вы разбирали такие дела. В этом состоит ваше достоинство, ваша важность, ваш венец, а не в том, чтобы вы облекались в белую и блистательную одежду. Но как, скажешь, я могу знать того и другого? Я говорю не о неизвестных, но о известных людях. Скажу нечто более страшное: не столько опасно приступать к этому таинству бесноватым, сколько тем, которые, как говорит Павел, попирают Христа, кровь Завета не почитают за святыню, и ругаются над благодатью Духа (Евр. X, 29). Приступающий во грехах хуже бесноватого. Последний не наказывается, потому что он беснуется; а приступающий недостойно предается вечному мучению. Итак, будем удалять не только бесноватых, но и всех, которых увидели бы недостойно приступающими. Никто не должен приобщаться, если он не из числа учеников Христовых. Никто не должен принимать дары, подобно Иуде, чтобы не потерпеть участь Иуды. Это собрание верующих есть также тело Христово. Поэтому ты, служитель таинств, смотри, чтобы тебе не раздражить Владыку, если не будешь очищать это тело, смотри, чтобы не дать меча, вместо пищи. Но хотя бы кто и по неразумию пришел для причащения, воспрети ему, — не бойся. Бойся Бога, а не человека. Если будешь бояться человека, то от Бога будешь уничижен; а если будешь бояться Бога, то и от людей почитаем. Если ты сам не смеешь, то приведи ко мне: я не позволю этой дерзости. Скорее предам душу свою, нежели причащу крови Господней недостойного; скорее пролью собственную кровь, нежели причащу столь страшной крови того, кого не должно. Если же кто после многих испытаний не найдет недостойного, то не будет виновен. Это сказано мною об известных людях. Если мы исправим этих, то Бог и неизвестных скоро соделает нам известными. Если же мы оставим без внимания

известных нам, то для чего Ему делать других нам известными? Это говорю я не для того, чтобы мы только удаляли и отсекали, но для того, чтобы мы исправляли и возвращали их, чтобы имели попечение о них. Таким образом, мы и Бога умилостивим, и найдем много достойных причастников, и получим за свое старание и попечение о других великую награду, которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXIII

Тогда прииде с ними Иисус в весь, нарицаемую Гефсимания, и глагола ученикам: седите ту, дондеже шед помолюся тамо. И поем Петра и оба сына Заведеова, нача скорбети и тужити, и глагола им: прискорбна есть душа Моя до смерти, пождите зде и бдите со Мною (Мф. XXVI, 36—38)

1. Так как ученики неразлучно были со Христом, то Он и говорит им: *седите ту, дондеже шед помолюся.* Он имел обыкновение молиться без них. Делал же это Он для того, чтобы и нас научить доставлять себе во время молитвы безмолвие и совершенный покой. С Собой берет только троих, и говорит им: *прискорбна есть душа Моя до смерти.* Для чего Он не взял всех? Для того, чтобы они не подверглись падению, и взял только тех, которые были зрителями Его славы. Но и этих он оставляет. *И прешед мало* молится, говоря: *Отче, аще возможно, да мимоидет от Мене чаша сия, обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты. И прешед к ним, и обрете их спящих, и глагола Петрови: тако ли не возмогосте единаго часа побдети со Мною? Бдите и молитеся, да не внидете в напасть: дух бо бодр, плоть же немощна* (ст. 39—41). Не без причины Он

обращается особенно к Петру, тогда как и другие ученики также спали; но и здесь укоряет его по той же причине, которую я указал раньше. Потом, так как и прочие то же самое говорили, — когда Петр сказал: *аще ми есть с Тобою и умрети, не отвергуся Тебе, такожде,* свидетельствует Евангелист, *и вси ученицы реша,* — то обращается ко всем и обличает их слабость. Те, которые прежде решались умереть с Ним, теперь не могли бодрствовать и сострадать Ему в Его скорби, но побеждены были сном. Он же прилежно молится, чтобы это действие не показалось притворством. По той же причине истекает из Него и пот, чтобы еретики не сказали, что Его скорбь была лицемерной. Поэтому и пот истекает из Него в виде каплей крови, и для подкрепления Его явился ангел; и было много других признаков страха, чтобы кто не сказал, что это слова ложные. По этой же причине Он и молится. А когда говорит: *аще возможно, да мимоидет,* то показывает этим Свое человеческое естество; словами же: *обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты,* показывает Свое мужество и твердость, научая нас повиноваться Богу, несмотря на противодействие природы. А так как для неразумных не довольно выражать скорбь на одном лице, то Он прибавляет и слова. Опять, так как недостаточно было одних слов, а требовались самые действия, то Он со словами соединяет и самое дело, чтобы самые притязательные противники поверили, что Он и вочеловечился, и умер. Если и при всех этих знамениях находятся такие люди, которые не верят этому, то тем более не поверили бы, если бы ничего такого не было. Смотри, какими знамениями Он доказывает истину благодатного строительства? И словами, и страданиями. Затем, придя к ученикам, говорит Петру: *тако ли не возмогл еси единаго часа побдети со Мною?* (Мк. XIV, 37). Все спали, между тем Он обличает Петра, напоминая ему прежние его слова. Слово: *со Мною*

Он употребил здесь не без причины, и как бы так сказал: ты не можешь со Мною бодрствовать; как же положишь за меня душу? То же самое выражается и в следующих словах: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть.* Смотри, как и здесь Он учит их не гордиться, но смирить мысль свою и сердце, и предать все Богу! То обращается к Петру, то ко всем вместе. Именно говорит одному ему: *Симоне, Симоне, се сатана просит вас сеяти, и Аз молихся о тебе* (Лк. XXII, 31). А всем: молитесь, *да не внидете в напасть,* — везде сокрушая их гордость, и заставляя заботиться о себе. Далее, чтобы обличение Его не показалось жестоким, прибавляет: *дух бо бодр, плоть же немощна.* Хотя ты, говорит Он, и желаешь презреть смерть, однако не можешь, пока Бог не поможет тебе, потому что все плотское унижает дух. И снова молился о том же, говоря: *Отче, аще не может сия (чаша) мимоити от Мене, аще не пию ея, буди воля Твоя* (ст. 42), — показывая тем, что Он совершенно согласуется с волею Божиею, и что во всем должно сообразоваться с нею и искать ее. *И пришед, обрете их спящих* (ст. 43). Кроме того, что тогда была глубокая ночь, очи их были еще отягчены печалью. И отойдя от них, в третий раз помолился, сказав то же самое, чтобы подтвердить, что Он был совершенный человек. Слова: во второй раз и в третий раз, в Писании употребляются для означения несомненной достоверности чего-либо. Так Иосиф говорит фараону: во второй раз тебе явился сон ради истины и чтобы уверить тебя, что это действительно исполнится (Быт. XLI, 32). Поэтому и Христос говорит то же самое и в первый, и во второй, и в третий раз, для того, чтобы уверить в Своем домостроительстве. Для чего Он приходит во второй раз? Для того, чтобы обличить их в том, что так погрузились в печаль, что не чувствовали даже Его присутствия. Впрочем, Он не стал обличать более, но не-

сколько удалился от них, обнаруживая этим их великую слабость, когда они несмотря и на обличение не могли бодрствовать. А не разбудил их и не обличает снова для того, чтобы не поразить еще более уже пораженных, но, отошедши от них, помолился еще, и возвратившись сказал: *спите прочее и почивайте* (ст. 45). Хотя это время надлежало бодрствовать, но Христос, желая показать, что они не перенесут зрелища бедствий и рассеются от ужаса, что Он не имеет нужды в их помощи и что Он необходимо должен быть предан, говорит: *спите прочее и почивайте. Се приближися час, и Сын человеческий предается в руки грешников.* Этим Он снова показывает, что все происходившее с Ним было делом домостроительства.

2. Не только первые слова, но и следующие — *в руки грешников,* — служат к ободрению их духа, показывая, что совершающееся над Ним есть дело злобы грешников, а не Его вины в каком-либо грехе. *Возстаните, идем отсюду, се приближися предаяй Мя* (ст. 46). Всем этим Он научает их, что происходившее есть дело не необходимости и не немощи, но некоторого высочайшего промышления. Он предвидел, что придет Его предатель, и не только не бежал, но пошел даже навстречу. *Еще бо Ему глаголющу, се Иуда, един от обоюнадесяте, прииде и с ним народ мног с оружием и дреколми, от архиерей и старец людских* (ст. 47). Хороши же орудия у священников! Они идут с мечами и дреколием. И Иуда, сказано, с ними, один из двенадцати учеников. Евангелист опять называет его одним из двенадцати, и не стыдится. *Предаяй же Его, даде им знамение, глаголя: егоже аще лобжу, той есть, имите Его* (ст. 48). О, какое злодеяние взял на душу свою Иуда! Какими глазами он смотрел тогда на Учителя? Какими устами лобзал Его? О, преступная душа! Что он умыслил, на что отважился? Какое дал знамение предательства? *Его же аще лобжу,* сказал он; он надеялся на

кротость Учителя; а между тем более всего и должно было посрамить его и лишить всякого извинения то, что он предал столь кроткого Учителя. Но для чего же, ты скажешь, он дал знак? Для того, что Иисус часто, когда Его брали, удалялся от них невидимо. И в этом случае могло быть то же самое, если бы Он сам не восхотел предаться. Желая вразумить Иуду, Он ослепил пришедших взять Его и сам спросил их: *кого ищете* (Ин. XVIII, 4)? Но они не узнали Его, хотя были с факелами и светильниками и имели с собою Иуду. Потом, когда отвечали: *Иисуса,* тогда Он сказал им: *Аз есмъ*, егоже ищете; и, обращаясь к Иуде, говорит ему: *друже, на сие ли пришел еси* (ст. 50)? Таким образом, позволил взять Себя тогда уже, когда показал Свое могущество. А Евангелист Иоанн повествует, что и в этот самый час Христос старался вразумить Иуду, говоря: *Иудо, лобзанием ли Сына человеческаго предаеши?* (Лк. XXII, 48). Не стыдно ли тебе предавать таким образом? Впрочем, так как Он ему не воспрещал и этого, то и допустил лобзание, и сам Себя добровольно предал. И враги возложили на Него руки и взяли в ту самую ночь, в которую совершали пасху. Так они раздражены были, так неистовствовали. Впрочем, они ничего бы не могли сделать, если бы Он сам не попустил этого. Но это не освобождает Иуду от ужасного наказания, а подвергает его гораздо большему осуждению, потому что он, видя столь великое доказательство и могущества, и снисхождения, и смирения, и кротости своего Учителя, оказался лютее всякого зверя. Итак, зная это, будем избегать любостяжания. Оно именно тогда довело Иуду до неистовства; оно научает крайней жестокости и бесчеловечию тех, которыми обладает. В самом деле, если оно заставляет отказываться от собственного спасения, то тем более располагает к пренебрежению спасением других. И страсть эта на-

столько сильна, что иногда превозмогает над самым сильнейшим плотским вожделением. Поэтому с большим стыдом упоминаю, что многие удерживались от распутства потому только, что жалели денег, а между тем не хотели жить целомудренно и честно по страху Христову. Будем же бегать любостяжания, – я не перестану никогда говорить об этом. Для чего ты, человек, собираешь золото? Зачем налагаешь на себя столь тяжкое рабство, столь трудное попечение, столь сильную заботу? Положим, что тебе принадлежало бы все золото, скрытое и в рудниках, и в царских чертогах. Обладая таким множеством золота, ты стал бы только беречь его, а не пользоваться им; если ты и теперь не пользуешься тем, что имеешь, но бережешь как чужое, то тем более стал бы поступать так, если бы имел больше. Обыкновенно сребролюбцы чем более имеют, тем более берегут свое имение. Но, я знаю, – скажешь ты, – что это мое. Следовательно, твое приобретание состоит только в одной мысли, а не в употреблении. Но при богатстве, – ты скажешь, – меня будут бояться другие. Напротив, через это ты станешь более доступным и для богатых, и для нищих, для разбойников, клеветников, рабов и вообще всех коварных людей. Если хочешь быть страшным, то уничтожай причины, по которым могут уловить и оскорблять тебя все, которые стремятся к этому. Ужели ты не слыхал пословицы: нищего и неимущего не могут ограбить и сто человек? Бедность служит ему сильным защитником, которого не может взять и покорить даже сам царь.

3. Между тем сребролюбцу все причиняют скорбь: не люди, но и моль, и черви против него вооружаются. И что говорю – моль? Одно только время, без других причин, может нанести величайший вред сребролюбцу. Итак, какое же удовольствие в богатстве? Я вижу одни горести; покажи ты мне от него удовольствие! Но

какие горести, ты скажешь? Заботы, наветы, вражда, ненависть, страх, ненасытная жадность и печаль. Если бы кто имел вожделение к какой-либо любезной ему девице, и между тем не мог бы удовлетворить своему вожделению, то терпел бы от этого жестокое мучение; так бывает и с богатым: хотя он имеет бесчисленные сокровища и живет только ими, однако не может удовлетворить всего своего желания; с ним бывает то же самое, что говорит Премудрый: *желание скопца растлит ли девицу* (Сир. XX, 2), и: *якоже евнух осязаяй девицу и воздыхаяй* (там же, XXX; 21), — так и все богатые. Но кто может исчислить и другие неприятности, соединенные с богатством? Как всем несносен сребролюбец: слугам, земледельцам, соседям, правителям, обижаемым, не обижаемым, особенно жене, а более всех — детям? Он воспитывает их не как свободнорожденных, но хуже, чем рабов и невольников. Он имеет бесчисленные случаи навлекать на себя гнев, оскорбления, ярость, смех других, служа для всех предметом посмеяния. Вот сколько у него неприятностей! И может быть еще более, потому что нельзя всех исчислить, но один только опыт может показать их. Скажи же теперь ты: какое удовольствие получаешь от богатства? Ты скажешь: меня считают богатым. Но какое удовольствие считаться богатым? Ведь имя богатого составляет предмет зависти; а богатство — одно имя, не имеющее ничего существенного. Но богатый таким мнением о себе услаждается? Услаждается тем, о чем бы надлежало скорбеть. Почему же, ты скажешь, скорбеть? Потому что это делает его ни к чему негодным, малодушным, немужественным в путешествиях и в смерти. Предпочитая богатство всему, он любит более деньги, нежели свет солнечный. Его не веселит ни небо, потому что оно не приносит ему золота, ни солнце, потому что оно не испускает золотых лучей. Но

есть такие, ты скажешь, которые наслаждаются имуществом, удовлетворяя прихотям и чреву, предаваясь пьянству и употребляя на это огромные издержки. Ты указываешь мне на богачей, которые еще хуже тех, так как они-то более всего и не наслаждаются своим богатством. Богач, о котором я говорил, будучи предан одной страсти, по крайней мере, свободен от других пороков; а эти хуже его, потому что, кроме той страсти, порабощаются еще множеству других: служат каждый день, как лютым владыкам, чреву, сладострастию, пьянству и другим видам невоздержания; содержат блудниц, делают великолепные пиры, покупают себе тунеядцев, льстецов, унижаются до противоестественного вожделения, и этим причиняют душе и телу бесчисленные болезни. Они тратят свое богатство не на нужное, но на то, что вредит телу, а вместе с ним развращает и душу, и поступают точно так же, как если бы кто, украшая тело свое, думал, что он тратит имущество для своей пользы. Таким образом, только тот один получает удовольствие от своего богатства и бывает господином его, кто пользуется им надлежащим образом. А те, о которых мы говорили, суть рабы его и невольники, так как усиливают недуги телесные и болезни душевные. Что за наслаждение там, где стеснение, вражда и возмущение свирепее всякой морской бури? Если богатство достается глупым, то оно делает их еще глупее; если распутному, то — распутнее. Но какая, ты скажешь, польза бедному от благоразумия? Тебе естественно не знать: ведь и слепой не знает, какую пользу доставляет свет. Послушай, что говорит Соломон: *есть изобилие мудрости, паче безумия, якоже изобилие света, паче тьмы* (Еккл. II, 13). Но как нам вразумить человека, пребывающего во тьме? А сребролюбие есть истинная тьма, так как оно препятствует видеть вещи, каковы они сами в себе, и представляет их в

другом виде. Как находящийся во тьме, хотя бы и имел перед собою золотой сосуд или драгоценный камень, или пурпуровую одежду, счел бы все это за ничто, потому что он не видит их красоты, так и сребролюбец не видит, как должно, красоты вожделенных благ. Рассей мрак, происходящий от этого недуга, и тогда увидишь вещи в их существе: они никогда так не открываются, как в бедности; никогда так не обнаруживается ничтожность того, что кажется чем-то существующим, но в самом деле есть ничто, как при жизни строгой и умеренной.

4. Но, о бессмысленные! – вы, которые клянете нищих и говорите, что стыдно взглянуть на их дома, на их образ жизни, что от нищеты все делается гнусным, скажите мне, что составляет посрамление для дома? Ужели то, что нет в нем ложа из слоновой кости, или серебряных сосудов, а все сделано из глины и дерева? Но это-то и составляет величайшую славу и знатность дома. Когда не заботятся о вещах житейских, тогда часто всю заботу и попечение обращают на пользу души. Поэтому когда замечаешь большую заботливость о внешности, тогда стыдись этого, как великого безобразия. Дома богатых особенно безобразны. В самом деле, когда ты видишь дом, в котором столы накрыты коврами, ложи украшены серебром, как в театре, как на сцене, что может сравниться с таким безобразием? Какой дом более уподобляется части театра, назначенной для плясок, или тому, что здесь происходит: дом ли богатого, или дом бедного? Не очевидно ли, что дом богатого? Таким образом, этот дом преисполнен безобразия. А какой дом подобен дому Павла или Авраама? Без сомнения, дом бедного. Поэтому-то он особенно красив и знатен. А чтобы тебе увериться в том, что бедность служит особенно украшением дома, войди в дом Закхея и узнай, как он украшал его,

когда хотел посетить его Христос: он не побежал к соседям просить у них ковров, седалищ из слоновой кости, не вынимал из кладовых драгоценных покрывал, но украсил весь дом украшением, приличным Христу. Какое же это украшение? *Пол имения моего, Господи, дам нищим*, говорит он, *и аще у кого похитил, возвращу четверицею* (Лк. XIX, 8). Так и мы должны украшать дома, чтобы и нас посетил Христос. Это-то и есть ковры драгоценные; они приготовляются на небе, там ткутся. Где есть это, там присутствует и Царь небесный. Если же ты украшаешь чем-либо иным, то призываешь к себе диавола и его служителей. Христос был и в доме мытаря Матфея (Мф. IX, 10). Что же этот сделал? Прежде всего украсил себя усердием, потом тем, что оставил все и последовал за Иисусом. Так и Корнилий украшал дом свой молитвами и милостынями; а потому и доныне блистает он более, нежели царские чертоги. Подлинно, безобразие дома состоит не в том, что в нем сосуды лежат в беспорядке, ложе не убрано, стены закопчены дымом, — а в грехах, живущих в нем. Это ясно показывает Христос: Он не постыдился войти в подобный дом, когда в нем жил человек честный; напротив, в другой дом, хотя бы в нем был золотой потолок, никогда не войдет. Поэтому тот дом, который принимает Владыку всех, блистательнее царских палат; а этот, с золотым потолком и с золотыми столбами, подобен нечистым стокам и водопроводам, потому что украшен сосудами диавольскими. Впрочем, сказанное мною относится не вообще к богачам, пользующимся богатством по надлежащему, но к скупым и сребролюбивым людям, которые заботятся не о нужном, но о пресыщении чрева, о вине и других подобных мерзостях, тогда как в доме бедном заботятся только о строгой жизни. Вот почему Христос никогда не входил в блистательный дом, но был

в доме мытаря, начальника мытарей и рыбаря, оставя царские палаты и тех, которые облекались в дорогие одежды. Итак, если и ты желаешь призвать Его в свой дом, то укрась последний милостынями, молитвами, всенощными бдениями и усердным молением. Это и составляет украшение для Царя Христа, а внешняя пышность есть украшение для мамоны, врага Христова. Итак, никто пусть не стыдится иметь бедный дом, если в нем есть такие украшения; равно никто из богатых пусть не гордится великолепным домом, напротив, пусть стыдится, и, оставя его, пусть поревнует о первом, чтобы и на земле принять Христа, и на небе удостоиться вечных селений благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXIV

И се един от сущих со Иисусом простер руку свою, извлече нож свой, и ударив раба архиереова, уреза ему ухо. Тогда глагола ему Иисус: возврати нож в место его: вси бо приемшии нож, ножем погибнут. Или мнится ти, яко не могу умолити Отца, и представит Ми ныне вящше, неже дванадесяте легеона ангел? Како убо сбудутся писания, яко тако подобаешь быти (Мф. XXVI, 51—54)?

1. Кто этот один, урезавший ухо? Евангелист Иоанн говорит, что это Петр (Ин. XVIII, 10). Такой поступок был делом его пылкости. Но нужно исследовать, для чего ученики Иисусовы носили ножи? А что они носили их с собою, это видно не только из настоящего обстоятельства, но еще из их ответа, что у них есть два меча. Для чего же позволил им Христос иметь мечи? Евангелист Лука повествует, что когда Христос спросил их: *егда послах вы без влагалища и без меха и без сапог, еда*

чесого лишени бысте? и когда они отвечали: *ничесоже*, тогда Он сам сказал им: *но ныне, иже имать влагалище, да возмет и мех: а иже не имать, да продаст ризу свою, и купит нож;* и когда они на это отвечали: *се ножа зде два,* тогда Он сказал им: *довольно есть* (Лк. XXII, 35, 36, 38). Итак, для чего же Он позволил им иметь мечи? Чтобы уверить их, что он будет предан. Поэтому и говорит им: *да купит нож,* не для того, чтобы вооружились; нет, но чтобы этим указать на предательство. Для чего, опять ты спросишь, Он повелел иметь мех? Он учил их тем трезвиться, бодрствовать и иметь самим о себе великую заботу. Вначале Он держал их, как неопытных, под охранением Своего могущества, а теперь, выпустив их как птенцов из гнезда, велит им самим летать. Далее, для того, чтобы они не подумали, будто Он оставляет их по слабости Своей, повелевая и им действовать самостоятельно, Он напоминает им о прошедшем, говоря: *егда послах вы без влагалища, еда что лишени бысте?* Он хочет уверить их в Своей силе и тем, что Он прежде поддерживал их, и тем, что ныне не вдруг оставляет. Но откуда были у них мечи? Они шли прямо с вечери после трапезы; вероятно, поэтому, там для агнца были и ножи; когда же они услышали, что на Иисуса будет сделано нападение, то и взяли с собою эти ножи для защиты своего Учителя; но это они сделали только по своей воле. Поэтому-то Христос и упрекает Петра, и притом со страшною угрозою, за то, что он употребил меч в отомщение пришедшему рабу, хотя он поступил так горячо в защиту не самого себя, а своего Учителя. Но Христос не допустил, чтобы от этого произошел какой-либо вред. Он исцелил раба, и сделал великое чудо, которое могло открыть и Его кротость, и могущество, а равно и нежность любви, и покорность ученика, потому что тот поступок был свидетельством его любви, а этот — послушания. Когда он

услышал: *вонзи нож твой в ножницу свою* (Ин. XVIII, 11), то тотчас повиновался и впоследствии никогда не делал этого. Другой же Евангелист повествует, что ученики спрашивали Его: *аще ударим* (Лк. XXII, 49)? Но Христос воспретил это, и исцелил раба, а ученику возбранил еще с угрозою, для того, чтобы более вразумить его: *вси бо*, говорит Он, *приемшии нож ножем погибнут*. И приводит основание, говоря: *или мните, яко не могу умолити Отца Моего, и представит Ми вящше, неже дванадесяте легеона ангел?* Но *како сбудутся писания*? Этими словами Он остановил их горячность, показывая, что случившееся с ним соответствует и Писанию. Поэтому Он и там молился, чтобы они с покорностью перенесли случившееся с Ним, зная, что это совершается по воле Божией. Итак, двумя причинами Он хотел успокоить учеников: во-первых, угрозою наказания тем, которые начинают нападение: *вси бо*, сказал Он, *приемшие нож ножем погибнут*; во-вторых, тем, что Он терпит это добровольно: могу, говорит Он, *умолити Отца Моего*. Но почему Он не сказал: ужели вы думаете, что Я не могу погубить их? Потому что первые Его слова были гораздо убедительнее; а ученики Его не имели еще об Нем надлежащего понятия. За несколько времени Он говорил: *прискорбна есть душа Моя до смерти*, и еще: *Отче, да мимоидет от Мене чаша*, и был в скорби и поте, и укрепляем от ангела. Итак, вследствие того, что Он показывал в Себе много человеческого, Ему не поверили бы, если бы Он сказал: ужели вы думаете, что Я не могу погубить их? Поэтому и говорит: *или мните, яко не могу умолити Отца Моего?* Но и здесь опять показывает смирение, когда говорит: *представит Ми дванадесять легеона ангел*. Если один ангел поразил сто восемьдесят пять тысяч вооруженных (4 Царств, XIX, 35), то неужели нужно было Христу двенадцать легионов ангелов против тысячи человек?

Нет! Он так сказал по причине страха и слабости учеников Своих, так как они от страха омертвели. Поэтому же Он ссылается и на Священное Писание: *како убо сбудутся писания?* и этим устрашая их. Если происходящее со Мною подтверждается Священным Писанием, то для чего вы сопротивляетесь?

2. Так говорил Христос ученикам Своим, а врагам, напавшим на Него, сказал: *яко на разбойника ли изыдосте сооружии и дрекольми яти Мя? По вся дни седех уча в Церкви, и не ясте Мене* (ст. 55). Смотри, сколько Он делает такого, что могло вразумить их: то повергает их на землю, то исцеляет ухо рабу, то угрожает им убийством. *Ножем погибнут*, говорит Он, *приемшии нож*, — что самое и подтвердил исцелением уха; везде — и в настоящем, и в будущем — являет Свое могущество и показывает, что иудеи не своею силою взяли Его. Поэтому Он и прибавляет: *на всяк день с вами бех и седех уча, и не ясте Мене*, показывая и этим, что они взяли Его по Его соизволению. Не упоминая о чудесах, Он говорит только об учении, для того, чтобы не показаться тщеславным. Когда Я учил вас, тогда вы Меня не брали; а когда замолчал, тогда напали на Меня. Я был во храме, и никто не удерживал Меня; а теперь неблаговременно, среди ночи, вы приступили ко Мне с оружием и дреколием. Какая нужда в этом оружии против Того, Кто был всегда с вами во храме? Этим научает, что они никогда бы не могли взять Его, если бы Он не предал Себя добровольно, потому что если и прежде, имея Его в своих руках, всегда посреди себя, они не могли взять Его, то и ныне также не могли бы сделать этого, если бы Он не захотел. Далее разрешает недоумение, для чего Он восхотел предать Себя. *Сие же бысть*, говорит Он, *да сбудутся писания пророческая* (ст. 56). Смотри, как Он до последнего часа, и в самое время предания, все делает для исправления врагов

Своих: вразумляет их, пророчествует, угрожает им: *мечем*, говорит Он, *погибнут*, а когда говорит: *на всяк день с вами бех уча*, то этим показывает добровольное Свое страдание; словами же: *да сбудутся писания пророческая* доказывает Свою покорность воле Отца. Почему же они не взяли Его в храме? Потому что не осмелились на это в храме ввиду народа. Поэтому Он и вышел вон из города, предоставляя им в отношении и места, и времени полную свободу и даже до последнего часа лишая их оправдания. Тот, Кто в исполнение божественных пророчеств предал самого Себя, мог ли учить противному воле божественной? *Тогда еси ученицы*, говорит Евангелист, *оставльше Его бежаша*. Когда взяли Иисуса Христа, ученики оставались еще при Нем; но когда Он сказал толпе, напавшей на Него, упомянутые слова, разбежались. Они, наконец, увидели, что уже нельзя будет более Ему уйти после того, как Он добровольно предал Себя, и объявил, что это совершается сообразно писаниям пророческим. По рассеянии учеников, Иисуса Христа приводят к Каиафе: *Петр же идяше по Нем, и вниде видети кончину* (ст. 58). Велика была любовь этого ученика: увидав, как убежали другие ученики, он все-таки не убежал, но остался и вошел со Христом во двор Каиафы. Без сомнения, и Иоанн сделал то же (Ин. XVIII, 15), но он был известен первосвященнику. Для чего же привели Христа в такое место, где все были собраны? Для того, чтобы все сделать по воле архиереев. Каиафа был тогда первосвященником, и у него там были все собраны: так они бодрствовали и не спали целую ночь ради этого. Не пасху они тогда совершали, как пишет Евангелист, но не спали по этому самому делу. Евангелист Иоанн, сказав, что было утро, присовокупляет: *тии не внидоша в претор, да не осквернятся, но да ядят пасху* (Ин. XVIII, 28). Это что значит? То, что они ели пасху в другой день, и стремясь погубить Хри-

ста, нарушили закон. Христос не пропустил бы времени пасхи, но Его убийцы осмеливались на все, и нарушали многие законы. Так как они терзаемы были жестокой яростью против Него, и, часто покушаясь убить Его, не могли этого сделать, то теперь, взяв Его неожиданно, решились оставить даже пасху, чтобы исполнить свое кровожадное намерение. Вот почему и собрались все, и, составив сонм губителей, искали лжесвидетельства, чтобы своим коварным замыслам дать вид законного суда. Они не имели даже истинных свидетельств (Мк. XIV, 56): так беззаконен был их суд, так все было извращено и перепутано! *Приступльше же лжесвидетели реша: сей рече: разорю церковь сию, и треми деньми водвигну ю* (Мф. XXVI, 61; Мк. XIV, 58; Ин. II, 19). И Он действительно говорил, что в три дня воздвигнет Церковь, но не говорил: *разрушу,* а: *разрушьте;* и притом говорил не о Церкви, а о собственном теле. Что же сказал на это первосвященник? Желая побудить к защите самого обвиняемого, чтобы через это уловить Его, он говорит: не слышишь ли, *что сии на Тя свидетельствуют? Он же молчаше* (ст. 62–63). Ответ был бесполезен, когда никто не слушал, да и суд их имел только наружный вид суда, на самом же деле был не что иное, как нападение разбойников, которые бросаются на проходящих из своего вертепа. Поэтому Христос и молчал. Между тем первосвященник продолжал говорить: *заклинаю Тя Богом живым, да речеши нам, аще Ты еси Христос Сын* Бога живого? Он же сказал: *ты рекл еси. Обаче глаголю вам, отселе узрите Сына человеческаго седяща одесную силы, и грядуща на облацех. Тогда архиерей растерза ризы своя, глаголя: хулу глагола* (ст. 63–65). Это он сделал для того, чтобы усилить обвинение, и свои слова подтвердить самим делом. И так как слова его привели в страх слушателей, то они точно так же, как и во время осуждения Стефана, затыкали уши свои.

3. Но в чем состоит эта хула? Ведь и прежде Христос говорил собравшимся к Нему: *рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене* (Мф. XXII, 44; Пс. CIX, 1), и изъяснил эти слова; и они тогда не смели говорить, а молчали, и с того времени ни в чем уже Ему не противоречили. Как же теперь слова Его они назвали хулою? Для чего и Христос дал такой ответ? Для того, чтобы отнять у них всякое извинение, так как Он учил их до последнего дня, что Он есть Христос, сидит одесную Отца, и имеет прийти опять судить вселенную, — что самое свидетельствовало о совершенном Его согласии с Отцом. Итак первосвященник, растерзав ризы свои, сказал: *что вам мнится?* Не объявляет своего мнения, но требует его от своих советников, как будто об очевидных преступлениях и явном богохульстве. Но так как первосвященники знали, что если дело будет исследовано и тщательно рассмотрено, то Христос окажется совершенно невинным, то и осуждают Его сами и, предупреждая слушателей, говорят: *вы слышасте хулу,* едва не вынуждая тем, едва не насильно исторгая приговор. Что же отвечали эти слушатели? *Повинен есть смерти,* — чтобы, как будто уже обвиненного, только оставалось представить Его на суд Пилата. Сознавая это, они и говорят: *повинен есть смерти!* Сами обвиняют Его, сами судят, сами произносят приговор, — сами все делают. Почему же они не выставили в обвинение Христа Его дело в субботу? Потому, что Он прежде часто заграждал им уста, когда они начинали говорить об этом, и притом они хотели уловить Его и осудить на основании настоящих Его слов. Итак, первосвященник, предварительно исторгнув у них это осуждение на Иисуса, и раздранием риз своих склонив всех на свою сторону, ведет Его, как злодея, к Пилату. Так он доселе действовал. Но у Пилата они ничего подобного не говорят, но что же? *Аще не бы был сей злодей, не быхом*

предали Его тебе (Ин. XVIII, 30), — желая умертвить Его как виновного в преступлении против общественного блага. Но почему они не умертвили Его тайно? Потому что хотели уничтожить и самую славу Его. Так как много было таких, которые слышали Его беседы и сильно удивлялись Ему, то враги Его стараются предать Его смерти публично, перед всеми. А Христос со своей стороны не препятствовал этому, но злобу их употребил к утверждению истины, так как через это смерть Его стала всем известною. Таким образом, случилось совсем не то, чего хотели. Враги хотели предать Его публичному позору, чтобы таким образом посрамить Его, а Он через это самое еще более прославил Себя. И подобно тому как они говорили прежде: убьем Его, *да не когда приидут Римляне, и возмут град и язык наш* (Ин. XI, 48); а когда убили Его, то это с ними и случилось, — так и здесь они хотели публичным распятием повредить Его славе, но вышло напротив. А что они имели власть сами по себе предать Его смерти, это видно из слов Пилата: *поимите Его вы и по закону вашему судите Его* (Ин. XVIII, 31). Но они не хотели этого, чтобы показать, что Он предан смерти как законопреступник, как самозванец, как возмутитель. Вот почему и распяли вместе с Ним разбойников; потому же и говорили: *не пиши, что сей есть царь иудейский, но, яко сам рече* (Ин. XIX, 21).

Все это делалось для утверждения истины, чтобы врагам не осталось даже и тени бесстыдного оправдания. Точно так же печать и стража при гробе только способствовали к яснейшему обнаружению истины; то же самое должно сказать о посмеянии, злословии, поношении. Таково обыкновенно коварство: что оно злоумышляет, тем самым и разрушается. Так случилось и здесь: те, которые думали одержать верх, остались наиболее посрамленными, побежденными и низложенны-

ми; а кто казался побежденным, тот особенно прославился и одержал верх. Итак, не всегда будем искать победы, и не всегда будем избегать поражения. Иногда и победа приносит вред, а поражение — пользу. Так между людьми раздраженными обыкновенно считают победившим того, кто более нанес обид; но этот-то в самом деле и остался побежденным жесточайшей страстью и обиженным; а кто равнодушно перенес обиду, тот победил и одержал верх. Тот не мог уврачевать даже и собственного недуга, а этот перенес чужой; тот побежден от себя, а этот восторжествовал над другим, и не только сам не сгорел, но и погасил высоко вздымавшийся пламень другого. А если бы он пожелал одержать мнимую победу, то и сам был бы побежден, и, возжегши другого, доставил бы ему тем жесточайшее страдание и, таким образом, оба, подобно женщинам, подверглись бы постыдному и жалкому посрамлению. Но, поступив как прилично мужу мудрому, он избежал стыда и, допустив благодушно победить себя в самом себе и в ближнем, воздвиг себе блистательный трофей победы над гневом.

4. Итак, не всегда будем искать победы. Конечно, оскорбивший обыкновенно одерживает победу над оскорбленным; но это худая победа, так как она причиняет погибель победителю. Между тем, обиженный и мнимо побежденный, когда переносит обиду великодушно, без сомнения получает блистательный венец. Во многих случаях лучше претерпеть поражение; и это даже есть самый лучший способ победы. Если бы кто ограбил кого, или нанес кому удары, или завидовал кому, то претерпевший это и не оказавший сопротивления остался бы победителем. Но что говорить о грабительстве и зависти? Влекомый на мучение также бывает победителем, когда терпит узы, биение, сечение и мучительную смерть. Как в обыкновенном сражении

падение считается поражением, так у нас — победою. Мы никогда не бываем победителями, когда делаем зло; напротив, всегда побеждаем, когда терпим зло. Точно так же и блистательная победа бывает тогда, когда мы терпением побеждаем обижающих нас. Отсюда видно, что эта победа от Бога, потому что она имеет свойство, противное обыкновенной победе, что и служит доказательством могущества. Так и морские камни рассекают ударяющиеся об них волны; так и все святые тогда прославились и получили венцы и воздвигли себе блистательные трофеи, когда одержали такую, чуждую сопротивления, победу. Не тревожься, не беспокойся; Бог дал тебе силу побеждать не сражаясь, но через одно только терпение. Не ополчайся, не выходи сам, — и ты одержишь победу; не сражайся, — и ты получишь венец. Ты гораздо сильнее самого могущественного из твоих противников. Что ты стыдишь сам себя? Не давай ему сказать, что ты победил через сражение; но пусть он изумляется твоей непобедимой силе и всем говорит, что ты победил его без сражения. Так и блаженный Иосиф прославляется за то, что терпением победил сделавших ему зло. И братья, и египтянка злоумышляли против него, но он их всех победил. Не говори мне ни о темнице, где он был заключен, ни о царских палатах, где жила эта жена; но покажи, кто был поражен и кто остался победителем, кто в скорби и кто в радости. Египтянка не могла победить не только этого праведника, но даже собственной страсти, а он победил и ее, и жестокую болезнь. Если хочешь, то выслушай самые ее слова, и ты увидишь победу: *ввел еси нам сюда отрока евреина наругатися нам* (Быт. XXXIX, 14, 17). Не отрок наругался над тобою, несчастная и жалкая женщина, а диавол, который внушил тебе, будто ты можешь сокрушить адамант. Не муж твой привел к тебе отрока-евреянина,

злоумышляющего против тебя, но злой демон, который вложил в тебя нечистую похоть; он надругался над тобою. Что же делает Иосиф? Он молчит и так же осуждается, как и Христос, потому что все, случившееся с Иосифом, служит образом того, что произошло с Христом. Иосиф был в узах, а эта женщина — в царских чертогах. Но что из того? Он был славнее всякого венценосца, хотя томился в узах; а она была несчастнее всякого узника, хотя жила в царских чертогах. Впрочем, победы и поражения должно искать не только здесь, но и в самом окончании дела. В самом деле, кто достиг желаемого? Узник, а не царица. Тот старался соблюсти целомудрие, а эта хотела его лишить такового. Кто же теперь получил желаемое: тот ли, кто потерпел зло, или та, которая сделала зло? Очевидно, тот, кто потерпел зло. Таким образом, он остался и победителем. Итак, зная это, будем искать той победы, которая получается через претерпение зла, и избегать той, которая достигается через нанесение зла. Тогда мы и настоящую жизнь проведем безмятежно, и совершенно спокойно достигнем и будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXV

Тогда заплеваша лице Его, и пакости Ему деяху; овии же за ланиту удариша, глаголюще прорцы нам, Христе, кто есть ударей Тя (Мф. XXVI, 67, 68)

1. Для чего они это делали, если хотели умертвить Его? Что была за нужда в таком издевательстве? Разве та, чтобы видел ты наглый нрав их? Подлинно, как будто нашедши добычу, они обнаруживали свое исступление: порывались бешенством, совершая это торже-

ство, со злобной радостью бросались на Него, выказывая убийственный свой нрав. Подивись же любомудрию учеников: с какой тщательностью они повествуют об этом! Здесь ясно обнаруживается их любовь к истине; то, что кажется бесчестным, они пересказывают со всею точностью, ничего не утаивают, ничего не стыдятся, но еще и за великую честь считают — и справедливо, — что Владыка вселенной благоволил понести за нас такие страдания. Это показывало неизреченную Его попечительность и непростительную злобу тех, которые со столь кротким и тихим поступали так, как только может поступать лев с агнцем. Ничего, ничего здесь не опущено, ни с Его стороны — в кротости, ни с их — в злобе и жестокости на словах и на деле. Все это предвозвестил и пророк Исаия, так, в кратких словах, выражая это поношение: *якоже*, говорит, *ужаснутся мнози о Тебе, тако обезславится от человек вид Твой, и слава Твоя от сынов человеческих* (Ис. LII, 14). Что может сравниться с этим оскорблением? На то самое лицо, увидя которое устыдилось море, от которого солнце, узревши на кресте, сокрыло лучи свои, — на то самое лицо плевали, то самое лицо заушали, били по главе, безмерно увлекаемые своим неистовством. Наносили удары самые жесточайшие, били по щекам, заушали и к этим язвам присоединяли позор оплевания. Мало того, громко повторяли едкие насмешки, говоря: *прорцы нам, Христе, кто есть ударей Тя*, так как многие называли Его пророком. Другой Евангелист (Лк. XXII, 64) говорит, что они закрывали при этом лицо Его одеждой, то есть, как будто имели перед собою человека самого бесчестного и ничего не стоящего. И не только свободные, но и рабы ругались над Ним с таким безумием. Об этих-то событиях должны мы читать Писание как можно чаще; о них слушать со всем вниманием; начертывать их на сердце нашем: все это для нас ис-

тинно честь. Этим я хвалюсь: хвалюсь не тысячью только мертвецов, которых воскресил Он, но и теми страданиями, которые Он претерпел. Об этом и Павел непрестанно повторяет, то есть, о кресте, о смерти, о страданиях, о поруганиях, о поношениях, о насмешках Он то говорит: *да исходим к Нему вне стана, поношение Его носяще* (Евр. XIII, 13), то проповедует: *иже вместо предлежащия Ему радости претерпе крест, о срамоте нерадив* (Евр. XII, 2). *Петр же вне седяше во дворе, и приступи к нему едина рабыня, глаголющи: и ты был еси со Иисусом Галилейским. Он же отвержеся пред всеми ими, глаголя: не вем, что глаголеши. Изшедшу же ему ко вратом, узре его другая, и глагола и сей бе там со Иисусом Назареом. И паки отвержеся с клятвою. По мале же приступивше стоящии, реша Петрови: воистинну и ты от них еси, ибо беседа твоя яве тя творит. Тогда начат ротитися и клятися, яко не знаю человека. И абие петел возгласи. И помяну Петр глагол Иисусов, реченный, яко, прежде даже петел не возгласит, трикраты отвержешися Мене. И изшед вон, плакася горько* (ст. 69–75). Странное и неожиданное дело! Когда Петр видел как только задерживали Учителя, он до такой степени воспламенился, что схватил меч и отрезал ухо; а когда надлежало большее обнаружить негодование, более воспламениться, слыша такие поругания, — тогда он отрекается! Кого, в самом деле, не привело бы в ярость то, что происходило тогда? И однако ученик, побежденный страхом, не только не показывает никакого негодования, но и отрекается, не сносит угрозы бедной, бессильной служанки. И не однажды, но и в другой, и третий раз отрекается, и в короткое время, и не перед судьями, так как он был во дворе, и служанка спрашивала его тогда, когда он выходил за ворота. Не тотчас почувствовал он и свое падение. Лука говорит, что Иисус воззрел на него (Лк. XXII, 10), то есть он не только отрекся, но и тогда, как пел петух,

не вспомнил сам по себе, а надобно было, чтоб напомнил ему опять Учитель: взор служил ему вместо голоса. Так он был поражен страхом! Марк же повествует, что петух запел, когда Петр отрекся в первый раз; потом вторично запел, когда тот отрекся в третий раз (Мк. XIV, 68–72), – то есть, точнее пересказывает о слабости ученика и об его оцепенении от ужаса; а Марк узнал об этом от учителя своего, так как был спутником Петра. Поэтому тем более надлежит удивляться ему, что он не только не скрыл падения учителя своего, но напротив, потому-то яснее прочих и рассказал об этом, что был учеником.

2. Но как же могут быть справедливы слова Матфея, когда он повествует, что Иисус сказал: *аминь глаголю тебе, прежде даже алектор не возгласит, трикраты отвержешися Мене* (XXVI, ст. 35), тогда как Марк, сказавши о троекратном отвержении, упоминает, что *второе алектор возгласи* (Мк. XIV, 72)? Справедливы вполне, и здесь нет никакого противоречия. Так как петух в каждый прием обыкновенно кричит по три и четыре раза, то Марк и говорит об этом, желая показать, что и крик петуха не удержал Петра от падения, и не привел ему на память обещания его. Таким образом и то и другое справедливо. Прежде нежели петух успел кончить первый прием, Петр отрекся трижды. И когда Христос привел ему на память грех, он не осмелился плакать явно, чтобы по слезам не быть обвинену, но *изшед вон, плакася горько.* Когда наступил день, *ведоша* Иисуса от Каиафы *к Пилату* (XXVII, 2). Так как они решились умертвить Его, но сами не могли, по причине праздника, то и ведут к игемону. Размысли же теперь, как они спешили, если даже в праздник совершили такое дело? Так было предуставлено свыше! *Тогда видев Иуда предавый Его, яко осудиша Его, раскаявся возврати тридесять сребреники* (ст. 3). Это увеличивает вину и его, и их: его – не потому, что

он раскаялся, а потому, что раскаялся слишком поздно и сам над собою произнес осуждение, так как сам исповедал, что предал Его; их же вину увеличивает потому, что они, имея возможность переменить свои мысли, не раскаялись. Смотри, когда Иуда раскаивается? Когда уже совершено и приведено к концу преступление. Таков диавол: он не дает беспечным взглянуть на грех свой прежде, чем они совершат его, чтобы пойманный не раскаялся. Предатель не трогался тогда, как Иисус столько раз обличал его, но когда уже совершено преступление, пришло ему на мысль покаяние, — пришло, но уже без пользы. Конечно, заслуживает одобрения то, что он сознался, повергнул сребреники и не устрашился иудеев; но что сам на себя надел петлю, — это грех непростительный, это дело злого демона. Диавол отвлек его от покаяния, чтобы оно осталось для него совершенно бесполезным; он же и умертвил смертью позорной и для всех открытой, внушив ему погубить самого себя. Но ты можешь видеть, как истина сияет всюду, даже и в том, что делают или чему подвергаются враги. В самом деле, такая смерть предателя не заграждает ли уста осудивших Иисуса и не лишает ли их всякого предлога к бесстыдному самооправданию? Что они могут сказать, когда предатель сам против себя подал такой голос? Но посмотрим и на слова, какие они говорили. *Возврати тридесятъ сребреник архиереем*, и сказал: *согрешихъ, предав кровъ неповинную. Они же реша: что есть нам? ты узриши. И поверг сребреники в церкви отъиде, и шед удавися* (ст. 3–5). Не вынес мучений совести. Но смотри: и с иудеями происходит то же самое, и они, долженствуя очувствоваться после всего, что испытали над собою, останавливаются не прежде как уже совершив преступление. Грех Иуды, то есть, предательство, уже совершен, — а их грех еще не совершен. Но вот, когда и они кончили

свое дело, и распяли Иисуса, то и сами приходят в смятение. То говорят: *не пиши: сей есть царъ Иудейский* (Ин. XIX, 2) (хотя чего ж бояться вам, отчего смущаться, когда мертвое тело уже пригвождено ко кресту?), то берегут Его, говоря: *да не когда украдут Его ученицы Его, и рекут, что воскрес, и будет последняя лесть горша первыя* (Мф. XXVII, 64). Но если ученики и скажут так, то дело можно обнаружить, если оно несправедливо. Да и как похитят те, которые после того, как он был схвачен, не имели смелости остаться с Ним, а самый верховный еще трижды и отрекся Его, не снеся угрозы служанки? Но дело в том, что они, как я сказал, уже смущались. А что они признавали дело это законопреступным, — это показывают их слова: *ты узриши.*

Заметьте это вы, сребролюбцы, и подумайте, что стало с предателем? Как он и денег лишился, и согрешил, и душу погубил свою? Таково тиранство сребролюбия! Ни серебром не воспользовался, ни жизнью настоящей, ни жизнью будущей, но вдруг лишился всего и, от них же самих получивши худой отзыв, удавился. Но, как я сказал, некоторые осматриваются, сделав уже дело. Смотри же, как и эти не хотят теперь вполне почувствовать злодейской решимости, а говорят: *ты узриши,* — что особенно увеличивает их вину. Это слова людей, которые сами свидетельствуют о своем злодействе и беззаконии, а между тем, будучи упоены страстью, не хотят отстать от сатанинского предприятия, и безумно прикрывают себя бессмысленной личиной притворного неведения. Если бы это сказано было после распятия, и уже после смерти Его, то и тогда даже слова эти не имели бы смысла, хотя и не столько бы обвиняли их; а теперь, когда Он еще у вас, и вы властны отпустить Его, как вы можете говорить это? Это оправдание всего более и служит к вашему осуждению. Почему так? Потому, что слагаете всю вину на предате-

ля (говорите: *ты узриши*), тогда как можете отстать от христоубийства и отпустить Его. Но нет, они еще состязаются с Иудою в злодействе, присоединяя к предательству крест. В самом деле, что препятствовало тем, которые сказали: *ты узриши*, отстать от злодеяния? Но они теперь поступают напротив, — присовокупляют убийство, и во всем, что ни делают, что ни говорят, сами себя опутывают нерасторжимыми узами зол. И после, когда Пилат предоставил им выбор, они предпочли освободить разбойника, а не Иисуса; Того же, Который ничем никого не оскорбил, а напротив, оказал столько благодеяний, убили!

3. Что делает Иуда? Когда он увидел, что трудился бесполезно, и что они не хотят принять сребреников его, бросил их в храме, и *шед удавися. Архиерее же, приемше сребреники, реша: недостойно есть вложити их в корвану, понеже цена крове есть. И совет сотворше, купиша ими село скудельниче, в погребение страннъм. Темже наречеся село то, село крове, до сего дне. Тогда сбыстся реченное Иеремием пророком, глаголющим: и прияша тридесять сребреник, цену цененнаго, и даша я на село скудельниче, якоже сказа мне Господь* (ст. 6—10). Видишь ли опять, как они осуждаются совестью? Они видели, что купили убийство, а потому не положили в корван, а купили землю горшечника для погребения странников. Вот свидетельство против них и обличение предательства! Название места громче трубы возвещает всем о гнусном их убийстве. И это делают они непросто, но — *совет приемше*, и поступают так во всем, чтобы никто не остался неповинным в этом беззаконии, но чтобы все были виновны. Это предсказано и в пророчестве. Видишь ли, как не только апостолы, но и пророки со всею тщательностью повествуют о поношениях, проповедуют всюду о страданиях и наперед предсказывают им? А иудеи не поняли этого. Если бы они положи-

ли в корван, дело не обнаружилось бы так ясно, купив же землю, они сделали все гласным и для будущих родов. Внимайте вы, которые убийствами думаете благотворить ближним, и берете цену душ человеческих. Это милостыни иудейские, или, лучше сказать, сатанинские! Есть, подлинно есть и ныне такие, которые, ограбив весьма многих, считают себя совершенно правыми, если бросят десять или сто златниц. О них-то пророк говорит: *покрываете слезами олтарь мой* (Мал. II, 13). Не хочет Христос питаться плодами любостяжания, не принимает Он такой пищи. Зачем ты оскорбляешь Владыку, принося Ему нечистое? Лучше презреть томимого голодом, нежели кормить такой пищей. То – дело человека жестокосердого, а это и жестокосердого, и обидчика. Лучше ничего не давать, чем давать чужое. Скажи мне, если б ты увидал двух человек – одного нагого, а другого в одежде, и раздевши последнего, одел первого, то разве не неправо поступил бы ты? Всякий с этим согласится. Если же ты, и отдавая все взятое другому, обижаешь только, а не милуешь, то тогда, когда даешь только малейшую часть из похищенного, и называешь это милостыней, – какого не достоин ты наказания? Если приносившие хромое животное подвергались суду, то ты, который делаешь хуже, какого можешь ожидать прощения? В самом деле, если в Ветхом Завете хищник, возвращавший самому владельцу похищенное, все еще оставался неправ и притом до такой степени, что даже и тогда, как уплачивал вчетверо против похищенного едва смывал вину свою, то подумай, какой огонь собирает на главу свою тот, кто не только похищает, но делает еще насилие, и притом возвращает не самому ограбленному, а вместо него отдает другому, и не только вчетверо, но и половины не возвращает, живя притом не в Ветхом, а в Новом Завете? Если такой хищник остается не нака-

занным, то рыдай о нем потому самому, что он собирает себе тягчайший гнев, если он не покается. Думаете ли вы, говорил Спаситель, что только те одни были грешны, на которых упал столп? *Ни, глаголю вам: но аще не покаетеся,* то и вы потерпите то же самое (Лк. XIII, 45). Итак, покаемся и дадим милостыню не из прибытков любостяжания, дадим милостыню щедрую. Представьте себе, как иудеи питали восемь тысяч левитов, кроме них – вдов, сирот, притом исполняли многие и другие должности, а также бывали и на войне. Ныне же Церковь сама содержит поля, дома, дает поземельную за дома, содержит колесницы, конюхов, мулов и другое многое, для вас же, и по причине вашего жестокосердия. Надлежало бы этим сокровищам церковным находиться в руках ваших, а доходом церкви должно бы служить ваше усердие. Теперь же проистекают из этого две следующие несообразности: и вы остаетесь без плода, и священники Божии не занимаются надлежащим делом. Ужели за апостолами не могли оставаться дома и поля? Почему же они продавали их и раздавали все? Потому, что так лучше было.

4. Но ныне, когда вы до безумия заняты житейскими попечениями, когда вы только собираете, а не расточаете, – страх объял отцов ваших насчет участи вдов, сирот и дев, как бы не сгибли толпы этих несчастных от голода, а потому они принуждены были установить такой порядок. Они совсем не хотели заниматься сами такими неподобающими делами; они желали, чтобы только ваше усердие было их собственностью, чтобы от него получить все плоды, а самим бы пребывать в молитвах. Теперь же вы принудили их подражать людям мирским, живущим хозяйством: отсюда все извратилось. В самом деле, когда и вы, и мы занимаемся

одним и тем же, то кому умилостивлять Бога? Мы не смеем отверсть уст, так как церковь является уже ничем не лучше людей мирских. Разве вы не знаете, как апостолы не хотели разделять имений, даже и без труда собранных? А ныне наши епископы в подобных заботах превзошли самих приставников, экономов и корчемников, и в то время как им надлежало бы пещись о ваших душах, они каждый день озабочены тем, чем обыкновенно занимаются сборщики, приемщики, счетчики и казначеи. Не напрасно я говорю об этом и изливаю скорбь мою. Я желал бы видеть какое-нибудь исправление и перемену; желал бы, чтобы над нами, удрученными столь тяжким рабством, сжалились наконец, чтоб вы сделались опять для Церкви и доходом, и сокровищем. Если же не хотите, то вот нищие перед глазами вашими. Скольких можем, не перестанем питать мы; а тех, кого не будем в состоянии призреть, предоставляем вам, — чтобы не услышали вы в страшный день этих слов, относящихся к немилостивым и жестоким: вы Меня видели алчущего, и не напитали. Ваше бесчеловечие и нас вместе делает смешными, когда мы, оставив молитву и учение, и другие святые занятия, толкаемся и день и ночь, одни с винопродавцами, другие с хлебопродавцами, третьи с торговцами иного рода. Отсюда ссоры и споры, ежедневная брань, упреки и насмешки; отсюда священнику дают имена, приличные более в мирском хозяйстве, между тем как надлежало бы заменить их совсем другими, и заимствовать наименования от тех действий, от которых заповедали заимствовать и апостолы: от питания нищих, от защищения обижаемых, от попечения о странных, от вспомоществования бедствующим, от смотрения за сиротами, от заступления вдов, от покровительства дев. Эти-то служения и следовало бы выделить себе, вместо попечения об име-

ниях и жилищах. Они-то составляют, дорогие редкости и приличные сокровища Церкви, они-то доставляют нам великое удобство, а вам пользу, или, лучше, вам же – и удобство, и пользу. Думаю, что благодатью Божиею число собирающихся сюда простирается до ста тысяч; и если бы каждый хотя по одному хлебу подавал нищей братии, то все были бы в изобилии; или если бы каждый уделял по одному оболу (полушке), тогда и бедных не было бы, и мы не стали бы претерпевать столько поношений и осмеяний за заботливость о стяжаниях. Ведь слова: «Продай имение твое и дай нищим, и потом иди за Мною» (Мф. XIX, 21) прилично могут быть сказаны и первостоятелям Церкви насчет церковных имуществ. Никому нельзя следовать за Христом надлежащим образом иначе, как оставив всякую грубую и низкую заботливость. Ныне же священники Божии хлопочут и о собирании винограда, и о жатве, и о продаже, и о покупке вещей. Служившие сени были совершенно свободны от всего этого, хотя им и вручено было служение телесное; а мы, призываемые в самое святилище небес, входящие в истинное святое святых, принимаем опять на себя заботы, свойственные купцам и корчемникам. Отсюда и большое небрежение о Писании, и леность в молитвах, и нерадение о всем прочем. Нельзя же ведь с одинаковым старанием делить себя на то и другое. Поэтому я прошу и умоляю открыть для нас источники обилия, да соделается ваше усердие и гумном, и точилом нашим. Таким образом, и нищие удобно будут питаемы, и Бог будет неумолчно прославляем, и вы, оказывая более успехов в человеколюбии, насладитесь некогда вечных благ, коих все да удостоимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXVI

Иисус же ста пред игемоном, и вопроси Его игемон, глаголя: Ты ли если царь Иудейский? Иисус же рече: ты глаголеши. И егда нань глаголаху архиереи и старцы, ничесоже отвещаваше (Мф. 11, 12)

1. Видишь ли, как прежде всего подвергают исследованию то, что особенно всегда смущало иудеев? Так как они видели, что Пилат не обращает никакого внимания на дела закона, то обращаются к обвинению в гражданском преступлении. Так поступали они и с апостолами; то же всегда выставляли на вид и говорили, что галилеяне ходят повсюду и проповедуют некоего царя Иисуса: как бы о простом каком человеке упоминали они об Иисусе и старались возбудить против Него подозрение в замыслах властолюбия. Отсюда видно, что и раздрание риз, и ужас первосвященника – были одно притворство. Все вели они и направляли к тому, чтобы подвергнуть Его смерти. Итак, вот о чем вопросил Пилат! Что же отвечает Христос? *Ты рекл еси.* Он исповедует Себя царем, но царем небесным; так Он и в другом месте яснее сказал, когда отвечал Пилату: *Мое царство несть от мира сего* (Ин. XVIII, 36), – и это для того, чтобы ни иудеи, ни Пилат, обвинявшие Его за объявление Себя царем, не имели оправдания. И приводит непререкаемую причину этому, говоря: *аще бы от мира сего был я, слуги Мои убо подвизалися быша да не предан бых был.* Вот почему, чтобы отклонить от Себя такое подозрение, Он платил и сам дань, и другим повелел платить, и когда хотели Его сделать царем, Он удалился. Почему же, – скажешь, – не обнаружил Он этого, когда обвиняли Его в замыслах властолюбия? Потому, что они, имея в делах Его бесчисленные доказательства Его силы, кротости, смирения, сами себя ослепляли, замышляли злое, и учиняли беззаконный суд. Поэтому Он

ни на что не отвечает, но молчит; а для того, чтобы постоянным молчанием не навлечь на Себя укоризны в гордости, отвечает кратко, – как, например, когда заклинал архиерей, когда вопрошал игемон. На клеветы же их не отвечал ничего, так как не намерен был убеждать их. Об этом и пророк, предсказывая, говорил: *во смирении Его суд Его взятся* (Ис. LIII, 8). Игемон дивился этому. Да и надобно было удивляться, видя такую кротость и молчаливость в Том, Кто мог сказать весьма многое. Сами они обвиняли Его не потому, что сознавали в Нем что-нибудь худое, но по одной зависти и ненависти. В самом деле, когда и выставленные ими лжесвидетели не нашлись что сказать, – зачем было еще настаивать? Для чего, видя, как Иуда погиб, и Пилат умыл руки, не сокрушились они сердцем? Так много и тогда Он сделал для того, чтобы привесть их к раскаянию, но они не сделались от того лучшими. Что же Пилат? *Не слышиши ли, колико на Тя свидетельствуют* сии (ст. 13)? Пилат хотел освободить Его, если бы Он стал защищать Себя, а потому и сказал это; когда же Иисус ничего не отвечал, он вымышляет другое средство. Какое же? У них был обычай – отпускать одного из виновных. Этим-то средством Пилат и попытался освободить Его. Если вы не хотите, сказал он, отпустить Его как невинного, то отпустите хотя как виновного – для праздника. Видишь ли извращение порядка? Обычай был такой, чтобы народ просил об осужденных, а игемон должен был отпускать. Теперь же происходит наоборот: игемон просит об этом народ, и однако они не укрощаются, а еще более свирепеют и подымают крик, неистовствуя от зависти. Они ничего не могли сказать в обвинение Его, несмотря даже на то, что Он молчал; так много было доказательств правоты Христа, что они изобличались и при молчании Его. Молчавший побеждал без умолку говоривших и неистовствовавших. *Седя-*

щу же ему на судищи, посла к нему жена его, глаголющи: ничтоже тебе и Праведнику тому; много бо пострадах днесь во сне Его ради (ст. 19). Смотри, вот и еще обстоятельство, которое могло всех их отвлечь от их намерения. После доказательств, заключавшихся в делах, немаловажная вещь была и сон. Но почему же не сам Пилат видит его? Или потому, что жена была более достойна его, или потому, что если бы видел он, то не поверил бы ему, и даже, быть может, не сказал бы о нем. Поэтому так и устрояется, что видит этот сон жена, чтобы это сделалось известным для всех. И не просто видит она сон; но и страдает много, чтобы муж, хотя из сострадания к жене, помедлил совершать убийство. Тому же содействовало и самое время: она видела в ту же ночь сон. Но для него, скажут, небезопасно было отпустить Иисуса, так как говорили, что Он творит Себя царем. Поэтому следовало потребовать и рассмотреть доказательства, улики, все признаки властолюбия, какие только могли быть, – например, не набирал ли Он войска, не собирал ли денег, не заготовил ли оружия или не замышлял ли что-нибудь подобное. Но Пилат просто склоняется на их сторону, а потому Христос не оставляет безвинным и его: *предавый Мя* тебе, говорит, *болий грех иматъ* (Ин. XIX, 11). Итак, слабость была причиною того, что он уступил и, бив бичами, предал. Он не имел мужества, был слаб; архиереи же были злобны и лукавы. После того, как он нашел некоторый предлог, именно закон о празднике, повелевающий отпускать осужденного, что предпринимают против этого они? Убедили народ, сказано, *да Варавву испросят* (ст. 20).

2. Видишь ли, с какою предусмотрительностью заботится Он о том, чтобы избавить их от греха, и с какою тщательностью стараются они не оставить для себя и тени к своему оправданию? Что надлежало делать: уличенного ли отпустить преступника, или сомни-

тельного? Если позволено было отпускать одного из уличенных преступников, то тем более сомнительного. И конечно, Иисус не казался для них худшим явных человекоубийц. Евангелист не просто сказал: имели разбойника, но: разбойника известного, знаменитого по своим злодеяниям, совершившего бесчисленные убийства. И все-таки они предпочли его Спасителю вселенной, и не посовестились ни святого времени, ни законов человеколюбия, ни другого чего-либо подобного. Зависть совершенно ослепила их. Будучи сами злы, они развращали и народ, чтобы и за обольщение его понесть тягчайшую казнь. Итак, когда просили они Варавву, то Пилат сказал: *что сотворю Христу?* (ст. 22). Вопросом этим он опять хотел образумить их; предоставляя им свободу в выборе, он хочет, чтобы они хотя по чувству стыда испросили Иисуса, и таким образом все стало бы делом их великодушия. Если бы сказал он, что Иисус ни в чем не согрешил, то вызвал бы в них только большее упорство; когда же просил спасти Его по чувству человеколюбия, то против этой просьбы и убеждения нечего было прекословить им. Но они, несмотря и на это, говорили: *распни Его. Он же рече: кое убо зло сотвори? Они же излиха вопияху: да пропят будет. Видев же яко ничтоже успевает, умы руце, глаголя: неповинен есмь* (ст. 23, 24). Зачем же предаешь? Почему не исхитил Его, как Павла сотник? И этот знал также, что он угодил бы иудеям; и из-за Павла было возмущение и смятение; и однако он мужественно стал против всего. Но Пилат действует весьма малодушно, слабо. Все провинились: ни Пилат не восстал против черни, ни чернь против иудеев; и никому из них нет ниоткуда оправдания: они *излиха вопияху*, то есть, еще более кричали: *да пропят будет.* Хотели не только убить, но и убить, как за худое, и когда судья противился, они только упорствовали, крича одно и то же. Видишь ли, сколько сделал Хри-

стос для того, чтобы приобресть их? Как Иуду часто отклонял Он от его намерения, так удерживал и этих, и во все время благовествования Своего и во время самого суда. В самом деле, когда они видели, что игемон-судья умывает руки и говорит: *неповинен есмь от крове Сего,* то и слова и дела убеждали их к раскаянию, равно как и тогда, когда Иуда удавился, и сам Пилат увещевал их взять на казнь другого вместо Иисуса. Когда обвинявший и предавший Его осуждает сам себя, и тот, который должен произносить решение, снимает с себя ответственность, и видение является в ту же ночь, и Пилат просит у них Его, как осужденного, то как могут они оправдаться? Если они и не хотели объявить Его невинным, то не надлежало, по крайней мере, предпочесть Ему разбойника, разбойника отъявленного и весьма известного. Что же они? Когда увидели, что судья умывает руки и говорит: *неповинен есмь, кричали: кровь Его на нас и на чадех наших* (ст. 25). И тогда уже, как они сами произнесли на себя определение, он дозволил им все. Смотри же, сколь велико и здесь их безумие! Такова ярость, такова злая страсть: она не позволяет видеть то, что должно видеть. Пусть так, что вы самих себя прокляли, для чего навлекаете проклятие и на детей? Впрочем, человеколюбивый Господь, хотя они и неистовствовали так безумно против себя и детей, не подтвердил согласием этого приговора не только по отношению к детям, но и по отношению к ним самим; но даже и из них самих принял покаявшихся и удостоил бесчисленных благ. И Павел был из числа их, и многие тысячи уверовавших в Иерусалиме (*видиши ли бо, брате,* говорил Иаков, *колико тем есть Иудей веровавших* — Деян. XXI, 20) были также из этих. Если же некоторые остались, то себе самим должны вменить мучение, их ожидающее. *Тогда отпусти им Варавву: Иисуса же бив, предаде, да Его пропнут* (ст. 26). Для чего же бил? Или как осужденно-

го, или — чтобы дать вид суда, или — чтобы угодить иудеям. Во всяком случае, надлежало сопротивляться. И прежде этого он сказал: *возмите Его вы, и по закону вашему судите Ему* (Ин. XVIII, 31). Да и много было такого, что могло остановить и его, и иудеев, именно: и знамения, и чудеса, и великое незлобие Страдальца, и особенно — неизреченное Его молчание. Если Он и защитою Себя, и молитвою показывал, что Он человек, то, с другой стороны, Своим молчанием и презрением к их словам обнаруживал Свое величие и высокое достоинство — всем этим заставляя их удивляться Себе. Но ничто не подействовало на них.

3. Так-то, когда как бы опьянением разум бывает объят какою-нибудь безумною страстью, то трудно уже прийти в настоящее свое положение, разве только падающая душа имеет особенное мужество. Худое, очень худое дело поддаваться подобным худым страстям, а потому надлежит всячески отражать их и возбранять им вход. Они, как скоро займут душу и станут обладать ею, то как огонь, падающий на сухие дрова, возжигают в ней страшный пламень. Поэтому молю вас, употребляйте все, чтобы заградить им вход, и не давайте места какому бы то ни было злу, успокаивая себя душепагубным рассуждением: что за важность в том или в этом? Отсюда-то рождаются бесчисленные роды зол. Коварный диавол употребляет большие (хитрости и насилие) и послабления к погибели человека, и начинает действия свои с малого. Смотри: хотел он довести Саула до того, чтобы тот пошел слушать болтовню чревоволшебницы. Если бы он вначале стал внушать это Саулу, то Саул конечно не послушал бы его. Как, в самом деле, послушал бы тот, кто сам преследовал волхвования? Поэтому он неприметно и мало-помалу приводит его к тому. И во-первых, когда преслушал Саул Самуила, и в отсутствие его дерзнул принесть всесожжение, то, буду-

чи обвиняем, говорит, что большая нужда настояла со стороны врагов; и в то время, как должен был рыдать, оставался спокоен, как бы ничего не сделал. Потом Бог повелел истребить амаликитян, — но он и этого не исполнил. Далее следовали злые умышления его против Давида, — и таким образом неприметно и мало-помалу поскользаясь, он не мог уже остановиться, пока наконец не вверг себя в самую бездну погибели. Так случилось и с Каином. Диавол не тотчас увлек его на убийство брата, так как он и не успел бы убедить его; но, во-первых, склоняет его принесть в жертву худшее, внушая ему, что в этом нет греха; во-вторых, возжег в нем ненависть и зависть, уверяя, что ничего и в этом нет; в-третьих, убедил умертвить брата и запираться перед Богом в гнусном смертоубийстве; и не прежде отступил от него, пока не довел до крайнего зла. Итак, надобно отражать зло в начале; даже и в том случае, если бы первые преступления и не влекли за собой дальнейших, и тогда нельзя пренебрегать ими; между тем, они доходят и до большего, когда душа вознерадит. Поэтому нужно употреблять все средства, чтобы истреблять пороки в самом начале. Не смотри на то, что грех сам по себе мал, но помни, что он бывает корнем великого зла, когда вознерадят о нем.

Сказать ли тебе достойное удивления? Не столько требуют тщания и трудов большие грехи, сколько, напротив, малые и незначительные. Отвращаться первых заставляет самое свойство греха; а малые, по тому самому, что малы, располагают нас к лености и не позволяют мужественно восстать на истребление их. А потому они скоро и делаются великими, если мы спим. Так обычно бывает и с телом. Так и в Иуде родилось это великое зло. Если бы он не думал, что будто бы неважное дело — красть имущество бедных, то, конечно, не впал бы и в грех предательства. Также если бы иудеям

не представлялось маловажным то, что они пленены тщеславием, то, конечно, не дошли бы до христоубийства. Да и всякое зло обыкновенно совершается так. Ведь никто не впадает в нечестие скоро и вдруг. В душе нашей несомненно есть некоторый прирожденный стыд греха и уважение к добру, и невозможно ей вдруг дойти до такого бесстыдства, чтобы отринуть все зараз, напротив, она нисходит до крайней погибели неприметно, мало-помалу, когда вознерадит. Так вошло в мир и идолопоклонство, когда стали выше меры чтить людей, как живых, так и умерших. Так же стали поклоняться изваянным. Так, наконец, усилилось блудодейство и другие пороки. Смотри также: один безвременно посмеялся, другой укорил; иной отринул страх, говоря: это ничего. Что за важность — посмеяться? Что от этого может произойти? От этого происходят пустые разговоры, отсюда срамословие, а потом позорные поступки. Еще иной, когда его упрекают, что он поносит ближнего, насмехается и злословит, презирает это, и говорит, что злословить другого ничего еще не значит. На самом же деле отсюда рождается безмерная ненависть, непримиримая вражда, бесконечные укоризны; а от укоризн — драки; а от драк часто и убийство.

4. Итак, этот лукавый демон от малого доводит до большого, а от большого доводит до отчаяния, изобретая, таким образом, другой способ, не менее пагубный. Подлинно, не столько губит грех, сколько отчаяние. Согрешивший, если будет бодрствовать, покаянием скоро исправляет свой проступок; а кто отчаивается и не кается, тот потому и остается без исправления, что не употребил врачевства покаяния. Есть еще и третья, самая опасная, хитрость у диавола, именно: когда он облекает грех личиной благочестия. Но где же, скажешь можно видеть, чтобы диавол настолько усиливался, чтобы и до этого доходил в своих обманах? Слушай — и

остерегайся его замыслов. Христос повелел через Павла (1 Кор. гл. VII), чтобы жена не отлучалась мужа, и чтобы не лишали друг друга, разве по согласию; но некоторые, по любви к воздержанию оставив мужей своих, как будто бы в самом деле это было дело благочестия, ввергли их в прелюбодеяние. Итак, подумай, какое это несчастье, что понесшие столько труда обвиняются, как будто учинившие великое зло, и как сами подвергаются крайнему наказанию, так и сожительствовавших с ними повергают в бездну погибели. Еще: иные, воздерживаясь, по заповеди поста, от пищи, мало-помалу дошли до того, что гнушаются пищей; а это приносит им величайшее наказание. То же бывает, когда свои предвзятые мнения оправдывают вопреки смыслу Писания. Некоторые из коринфян думали, что вкушать все без различия, даже и запрещенное, означает совершенство (там же, гл. VIII); но это было делом не совершенства, а крайнего заблуждения. Поэтому и Павел сильно запрещает им это и говорит, что они подлежат за это крайнему наказанию. Другие еще думают, что убирать волосы на голове означает благочестие. Напротив, и это запрещено, и есть дело очень постыдное. Иным опять кажется, что они получат великую пользу, если безмерно станут скорбеть о грехах; но и это относится к умыслам диавольским, как показал на себе Иуда, который от того и удавился. Поэтому и Павел боялся, как бы не потерпел чего подобного соблудивший, и увещевал коринфян скорее простить его, *да не како многою скорбию пожерт будет таковый* (2 Кор. II, 7). Потом, показывая, что это есть одна из сетей диавола, говорит: *да не обидими будем от сатаны, не неразумеваем бо умышлений его* (ст. 11), — то есть, что он приступает к нам с великою хитростью. В самом деле, если бы он ратовал явно, то легко и удобно было бы побеждать его. Но нам легко будет и ныне победить его, если будем бодрство-

вать; против всех этих коварств Бог снабдил нас оружием. Слушай, что говорит Он, желая убедить нас, чтобы мы не пренебрегали ничем малым: *иже речет брату своему: уроде, повинен есть геенне* (Мф. V, 22); и тот, кто смотрит похотливыми глазами, совершенный есть прелюбодей. Также и смеющихся называет несчастными; и везде истребляет начатки и семена зла и говорит, что и за праздное слово отдадим ответ. Вот почему и Иов очищал даже и помышления детей своих (Иов. I, 5). А о том, что не надобно отчаиваться, так говорит Писание: *еда падаяй не востанет? Или отвращаяйся не обратится?* (Иер. VIII, 4). И еще: *хотением не хощу смерти грешника, но еже обратитися ему, и живу быти* (Иез. XVIII, 23). Также: *днесь аще глас Его услышите* (Пс. XCIV, 7). И много других подобных слов и примеров находится в Писании. А о том, чтобы нам не погибнуть под видом благочестия, послушай, что говорит Павел: *да не како многою скорбью пожерт будет таковый* (2 Кор. II, 7). Зная же это, оградим себя от всех путей, гибельных для беззаботливых, знанием Писания. Не говори: что в том, если я пристально посмотрю на красивую женщину? Если ты в сердце учинишь прелюбодеяние, то скоро осмелишься сделать это и плотью. Не говори: что в том, если я пройду мимо этого нищего? Если ты пройдешь мимо него, то пройдешь и мимо другого, а после этого — и третьего. И опять, не говори: что и в том, если пожелаю собственности ближнего? Это-то именно и погубило Ахаава, хотя он и цену давал, но брал против желания владевшего (3 Цар. XXI). Покупающий не должен делать насилия, а должен убеждать. Если же тот, кто давал надлежащую цену, так осужден был за то только, что взял против согласия другого, то какого наказания достоин тот, кто не только делает это, но похищает насильственно, и притом, живя под благодатью? Итак, чтобы не понести нам наказания, будем блюсти себя

чистыми от всякого насилия и хищничества, будем оберегать себя не только от грехов, но и от их начатков, и со всем тщанием возревнуем о добродетели. Таким образом, мы насладимся и вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXVII

Тогда воини игемоновы приемше Иисуса на судище, собраша нань всю спиру: и совлекше Его, одеяша Его хламидою червленою: и сплетше венец от терния, возложиша на главу Его, и трость в десницу Его. И поклоншеся на колену пред Ним, ругахуся Ему, глаголюще: радуйся, царю Иудейский (Мф. XXVII, 27—29)!

1. Как будто по какому уговору ликовал тогда со всеми диавол. Пусть, в самом деле, ругались над Христом иудеи, истаивая от зависти и ненависти; но каким образом и почему воины делали это? Не явно ли, что диавол тогда со всеми пиршествовал? До того они были жестоки и неукротимы, что из оскорблений, наносимых Христу, делали себе удовольствие. Им надлежало удержаться от этого, надлежало плакать по примеру народа; но они не делали этого, а напротив, оскорбляли Его, нападали на Него нагло, может быть, желая тем угодить иудеям, или делая это только по своему злонравию. И оскорбления были различные и многообразные. Эту божественную главу то заушали, то уязвляли терновым венцом, то били тростью люди скверные и нечистые. Какой после этого мы дадим ответ, — мы, которые гневаемся за каждую обиду, нам наносимую, тогда как Христос претерпел такие страдания? А то, что совершали с Ним, было крайней степенью поругания.

Не часть одна, а все тело терпело страдания: глава — от венца, трости и ударов, лицо — от заплеваний, ланиты — от заушений, все тело — от бичевания, одеяния хламидою и притворного поклонения, рука — от трости, которую дали держать Ему вместо скипетра, уста — от поднесения оцта. Что может быть тяжелее этого? Что обиднее? Поистине, происходившее превосходит всякое описание. Как бы боясь, чтобы не опустить какой-либо наглости, они, убивавшие пророков своими руками, Христа умерщвляют по определению судии. Они все делают: и убивают своими руками, и судят, и осуждают, и на своем суде, и перед Пилатом, говоря: *кровъ Его на нас и на чадех наших*; нападают с неистовством, издеваются, связывают, отводят, делаются виновниками оскорблений, нанесенных воинами, пригвождают ко кресту, поносят, оплевывают, насмехаются. Пилат здесь ничего не присоединял со своей стороны: они сами все делали, сами были и доносчиками, и судьями, и палачами, и всем. И это у нас прочитывается при всеобщем собрании. Чтобы не сказали нам язычники: вы показываете народу только блистательное и славное, например — знамения и чудеса, а позорное скрываете, благодать Святого Духа так устроила, что все это прочитывается у нас во всенародный праздник, именно в великий вечер Пасхи, когда мужи и жены предстоят в большом множестве; когда стекается целая вселенная, тогда и проповедуется это громким голосом. И несмотря на то, что это читается и сообщается всем, мы веруем, что Христос есть Бог; и как по другим причинам, так и потому поклоняемся Ему, что Он благоволил до того низойти для нас, что претерпел такие страдания и научил нас всякой добродетели. Но и всегда должны мы читать это, потому что великая отсюда происходит прибыль, великая польза. В самом деле, когда ты видишь, как и на

словах, и на деле насмехаются над Ним, с каким издевательством склоняются перед Ним, как тяжко заушают Его и заставляют терпеть крайние страдания, — то хотя бы ты был бесчувственным камнем, сделаешься мягче воска и изринешь из сердца твоего всю надменность. Слушай же, что следует далее. После того, как насмеялись над Ним, *ведоша Его на пропятие* (ст. 31), и обнажившй Его, взяли себе одежды Его и, севши, выжидали, когда Он испустит дух. И разделили одежды Его, как это обыкновенно бывает с осужденными самого низкого рода, с отверженными, с беззащитными и беспомощными; разделили те ризы, которые произвели столько чудес, и которые, однако, не оказывали тогда никакого действия, так как Христос удерживал Свою неизреченную силу. И этот поступок составляет немаловажное прибавление к их сумасбродству: они, как я сказал, во всем поступали с Ним, как с бесчестным и презренным, как самым последним человеком. С разбойниками ничего подобного они не делали, а против Христа достало у них дерзости на все это. Его и распяли посреди их, чтобы Он разделил с ними их худую славу. *И даша Ему оцет пити* (ст. 34), — и это с целью надругаться: *Он же не хотяше.* Другой же повествует, что, отведав, Он сказал: *совершишася* (Ин. XIX, 30)! Что же значит это слово: *совершишася?* Совершилось о Нем пророчество: *даша бо*, говорит, *в снедь Мою желчь, и в жажду Мою напоиша Мя оцта* (Пс. LXVIII, 22). Впрочем, и этот не показывает, что, Он пил. Нет различия — отведать что-нибудь только и не пить: это означает одно и то же. Но и здесь еще не конец их неистовству. После того, как обнажили Его, распяли, подносили оцет, они идут еще далее: смотря на пригвожденного ко кресту, поносят и они сами, и мимоходящие; и что было всего тяжелее, Он терпел страдания как бы льстец и обманщик, как гордый и пустой самохвал. Для того они и

распяли Его всенародно, чтобы в глазах всех ругаться над Ним; для того распяли и руками воинов, чтобы под предлогом, что приговор произнесен в народном судилище, тем свободнее предаваться неистовству.

2. И кого бы не смягчил народ, последующий за Ним и рыдающий? Но только не этих зверей. Вот почему Он тех и удостоил ответа, а этих не удостоил. После того, как сделали все, что хотели, стараются опорочить и славу Его, страшась Его воскресения. С этою целью они всенародно говорят об этом, распинают с Ним разбойников, и желая огласить Его льстецом, говорят: *разоряяй Церковъ, и треми денъми созидаяй, сниди со креста* (ст. 40). Когда, тщетно просивши Пилата снять вину (а вина была написана такая: *царъ Иудейский* — Ин. XIX, 21– 22), они не успели в намерении (он воспротивился им, сказав: *еже писах, писах*), — тогда они уже ругательствами своими старались показать, что Он не царь. Поэтому они, кроме тех слов, говорили и следующие: *аще царъ естъ Израилев, да снидет ныне со креста* (ст. 42); и еще: *иныя спасе, Себе не может спасти,* — и покушались таким образом омрачить и прежние знамения Его. Также: *если Он Сын Божий и угоден Ему, пустъ Бог спасет Его.* О, скверные и пребеззаконные! Что же: пророки разве не были пророками, или праведные — праведными, оттого, что их Бог не исхитил от напастей? Они оставались таковыми, хотя и претерпевали страдания. Что может сравниться с вашим безумием? Если их слава не омрачилась бедствиями, наведенными вами на них, но они остались пророками и при всех страданиях, которые терпели, то тем более не надлежало вам соблазняться о Христе, Который и делами, и словами искоренял в вас эту мысль. Впрочем, говоря и делая это, они ничего не успели даже в самое это время. Тот, который погибал в крайнем нечестии, который все время жизни своей провел в убийствах и грабежах, в то время, как

говорено было это, исповедал Его и вспомнил о царствии; равно и народ плакал о Нем. Хотя неведущим строения тайны казалось, что все происходившее свидетельствовало о противном, – именно, что Он слаб и бессилен, – но истина и самыми противными обстоятельствами усилилась. Итак, слыша это, вооружимся против всякого возмущения сердечного, против всякого гнева. Если увидишь, что сердце твое возгорается, огради грудь твою крестным знамением: вспомни что-нибудь из случившегося тогда, – и этим воспоминанием ты рассеешь всякое возмущение духа, как прах. Помысли о словах, делах; помысли, что Он Владыка, а ты – раб. Он пострадал для тебя, а ты для себя; Он за облагодетельствованных Им и вместе распявших Его, а ты – за себя самого; Он за причинявших Ему оскорбления, а ты – часто за обиженных тобою; Он – в глазах целого города, даже всего народа иудейского, в глазах пришельцев и соотечественников, которым Он изрекал человеколюбивые глаголы, а ты – в присутствии нескольких. А что всего обиднее, Он оставлен был и самими учениками. Те, которые прежде услуживали Ему, убегли от Него; а враги и противники – иудеи, воины, с обеих сторон разбойники, окружая Распятого, досаждали, укоряли, поносили, насмехались, хулили: и разбойники оба поносили и хулили Его. Но как же Лука говорит (XXIII, 40), что один из разбойников поносил Его? И то и другое было; сперва хулили оба, а после не так уже. Чтобы ты не подумал, будто бы это произошло по какому-то согласию, или что разбойник не был разбойником, – Евангелист его ругательством доказывает тебе, что сперва на кресте был разбойник и враг, но внезапно изменился. Итак, о всем этом размышляя, подумай: что потерпел ты подобное тому, что понес Господь твой? Ты посрамлен публично? Но, конечно, не так. Ты наказан? Но, конеч-

но, не по всему телу, и не столько обнажен и мучен. Если и заушали тебя, то опять не так.

3. Прибавь к этому: от кого, за что, когда? И что всего тяжелее, — на происходившее тогда никто не жаловался, никто не обнаруживал негодования; напротив, все хвалили, все вместе смеялись и посрамляли, поносили Его как обманщика, самохвала и льстеца, который не может оправдать делами слов своих. Но Он совершенно молчал, подавая нам неоцененное врачевство — долготерпение. А мы, слушая это, не умеем быть терпеливыми даже и перед рабами своими, но пуще диких ослов скачем и бьем ногами; люты и бесчеловечны бываем против обижающих нас, а о том, что касается до Бога, заботимся мало. Таковы же остаемся и в отношении к друзьям: если кто обидит нас, никак не стерпим; если досадит кто, мы свирепствуем более зверей, мы, которые читаем это ежедневно. Один ученик предал, прочие, оставив Его, убежали; те, которые облагодетельствованы, плевали на Него; слуга архиереев заушал; воины били по ланитам; мимоходящие насмехались и поносили; разбойники также укоряли; и Он никому не отвечал ни слова, но всех победил молчанием, самым делом научая тебя тому, что чем более ты будешь переносить все с кротостью, тем легче победишь несправедливо поступающих с тобою и всех заставишь удивляться тебе. Кто, в самом деле, не подивится тому, кто с кротостью переносит обиды, наносимые со стороны дерзких поносителей? Подобно тому, как тот, кто хотя и законно страдает, но переносит бедствия с кротостью, многими считается за невинного страдальца, так, напротив, тот, кто страдает и невинно, но от нетерпения неистовствует, навлекает подозрение, будто он терпит достойное, и становится предметом смеха, как пленник, увлекаемый гневом, потерявший свое благородство. Такой человек

недостоин называться и свободным, хотя бы управлял тысячами слуг. Но тебя кто-нибудь сильно раздражил? И что же в том? Теперь-то и надлежит показать свое любомудрие. Мы и зверей видим кроткими, когда их никто не раздражает; не всегда и они свирепствуют, а когда только кто раздразнит их. Итак, если и мы только тогда остаемся спокойными, когда никто нас не раздражает, то чем мы превышаем зверей? Они не без причины часто мечутся, и могут быть извинены, так как ярятся оттого, что их раздражают и бьют; сверх того, у них нет рассудка и они от природы получили зверство. Но когда ты свирепствуешь и зверствуешь, скажи мне, в чем можешь найти себе извинение? Какое зло потерпел ты? Ограблен ли? Потому-то ты и должен перенесть это, что тем самым приобретаешь большее. Обесславлен ли? Что же в этом? Ты сам от того не меньше стал, если ты рассудителен. Если же ты ничего не потерпел худого, то почему гневаешься на того, кто не только не причинил тебе зла, но принес еще и пользу? Те, которые уважают нас, усыпляют и разнеживают нас; напротив, обижающие и презирающие делают более терпеливыми тех, которые внимательны к себе. Ленивые более терпят вреда, когда их уважают, нежели тогда, когда оскорбляют их. Оскорбляющие заставляют нас умудряться, когда мы бодрствуем над собою; а те, которые хвалят нас, умножают в нас надменность, возбуждают гордость, тщеславие, беспечность, и делают душу изнеженной и слабой. Это доказывают те отцы, которые не столько ласкают своих детей, сколько бранят, боясь, как бы они не потерпели вреда от снисхождения; то же средство употребляют и учители. Поэтому, если кого следует отвращаться, то именно льстецов, а не оскорбляющих нас: больше приносит вреда лесть, нежели обида. Ласкательство есть приманка для неосторожных, и от нее труднее пре-

достеречься, нежели от той; да и больше за то награды, более славы. И подлинно, более достойно удивления видеть человека, которого оскорбляют и он не возмущается, чем такого, которого бьют, поражают, и он не падает. Но как возможно, скажешь ты, не возмущаться. Обидел ли кто тебя? Огради крестным знамением грудь; вспомни все, что происходило на кресте — и все погаснет. Не думай об одних обидах, но вспомни вместе и о добре, какое ты когда-нибудь получил от обидевшего; и тотчас станешь кротким. Особенно же и прежде всего приведи на мысль страх Божий, и вскоре сделаешься умерен и покоен.

4. Кроме того, возьми пример в этом случае и с рабов своих. Когда видишь, что ты бранишься с кем-нибудь из них, а тот молчит, то представь, что можно быть благоразумнее, и укори себя за свое раздражение. Во время самых обид приучайся не оскорблять другого, и тогда, будучи оскорбляем, не будешь чувствовать скорби. Представь, что обижающий тебя в исступлении и не в своем уме, и тогда не будешь досадовать на обиду. Случается, что беснующиеся бьют нас, однако мы не только не гневаемся на них, но и жалеем их.

Поступай и ты так, — пожалей об обижающем; он ведь одержим лютым зверем — яростно, демоном неистовым — гневом. Поспеши освободить того, которого мучит злой демон и который так скоро погибает. Поистине, гнев — такая болезнь, что немного надобно времени для того, чтобы погиб одержимый ею. Поэтому и сказал некто: *устремление ярости его падение ему* (Сир. I, 22), показывая ее жестокость особенно в том, что она в короткое время причиняет великое зло и не имеет нужды в продолжительности времени; а если бы, при ее силе, она была еще и продолжительна, то с ней нельзя было бы и бороться. Желал бы я показать тебе, кто таков обидчик, и кто — любомудрствующий;

желал бы представить тебе в обнаженном виде душу того и другого. Ты увидел бы, что сердце первого подобно волнующемуся морю, а последнего — как тихое, безмятежное пристанище; он не возмущается этими бурными ветрами, напротив, легко укрощает их. Обидчики все делают, чтобы уязвить другого; но когда теряют всякую надежду успеть в этом, сами наконец укрощаются и отходят уже исправившимися. И не может быть, чтобы разгневанный человек наконец сильно не укорил себя, подобно тому как невозможно, чтобы человек неразгневанный укорял себя. Если нужно против кого-нибудь восстать, то это можно сделать и без гнева, и даже удобнее и благоразумнее, нежели как с гневом: тогда ничего не потерпишь неприятного. Если захотим, все счастье наше и все доброе будет зависеть от нас, и мы будем в состоянии, при помощи благодати Божией, устроить свою безопасность и сохранить честь. Для чего ищешь ты себе у другого почести? Уважай сам себя, и никто не нанесет тебе бесчестья; но когда ты сам себя бесчестишь, то хотя все будут чтить тебя, ты останешься бесчестным. Подобно тому как, если мы сами себя не расстроим, то никто другой нас не расстроит, точно так же, если мы сами не будем бесчестить себя, то никто другой нас не осрамит. Представим себе человека великого и достойного славы; и пусть все стали бы называть его прелюбодеем, вором, гроборасхитителем, человекоубийцей, разбойником; но если он ничем этим не раздражается, ни на что не досадует и ничего такого не сознает в себе, то какое он от того терпит бесчестие? Никакого. Что же, — скажешь, — если многие имеют об нем такое мнение? И в таком случае он не обесчещен, а обесчестили себя те, потому что не считают его таковым, каков он есть. Скажи мне: если бы кто стал считать солнце темным, то солнце ли или себя он обесчестил бы? Конеч-

но себя самого, навлекая на себя подозрение, что он или слеп, или не в уме. Так и те, которые считают добрых худыми, — срамят себя самих. Поэтому надлежит прилагать большое старание о том, чтобы сохранить совесть свою чистою, и не подать никакого случая к подозрению на нас. Если же и при таком нашем поведении другие хотят неистовствовать, то не нужно заботиться или скорбеть об этом. Если кто добр в себе, а его считают худым, то он ничего от того не теряет, оставаясь таким, каким он есть; напротив, кто питает безрассудные, пустые подозрения, подпадает крайней гибели. Точно так же и худой, если считают его не таковым, не получает от того никакой выгоды, а подвергнется большему осуждению, впадет только в большую беспечность. Худой, когда таким и считается, по крайней мере, смиряется и сознает грехи свои; напротив, когда укрывается, впадает в бесчувственность. В самом деле, если и тогда, как все укоряют, грешники едва возбуждаются к сокрушению, то может ли открыть глаза свои живущий в нечестии тогда, когда не только не осуждают его, но и хвалят? Не слышишь ли, как и Павел порицает за то, что коринфяне, поблажая и уважая соблудившего, не только не допустили его сознать грех свой, но и утвердили его в его нечестии? Поэтому умоляю вас — оставим мнения о нас других, обиды и почести, и будем стараться только об одном, — чтобы соблюдать совесть незазорною и не осрамить самих себя. Таким образом, мы и здесь, и в будущем веке будем наслаждаться великою славою, которую все да сподобимся получить по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXVIII

От шестаго же часа тьма бысть по всей земли до часа девятаго. О девятом же часе возопи Иисус гласом велиим, глаголя: Или, Или, лима савахфани, еже есть: Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставил? Нецыи же от ту стоящих слышавше глаголаху, яко Илию глашает сей. И абие тек един от них, и прием губу, исполнив же оцта, и вонзе на трость, напаяше его (Мф. XXVII, 45—46)

1. Вот то знамение, которое Он прежде обещал просившим! *Род лукав и прелюбодей,* — так говорил Он, — *знамения ищет, и знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка* (Мф. XII, 39; Лк. XI, 26), — то есть крест, смерть, гроб и воскресение. И опять, иным образом указывая на силу креста, говорил: *егда вознесете Сына человеческаго, тогда познаете, яко Аз есмь* (Ин. VIII, 28), — то есть, когда распнете Меня, и подумаете, что уже победили Меня, тогда-то особенно узнаете Мою силу. Действительно, после того как Он был распят, их город истреблен, иудейство кончилось, гражданское бытие и свобода их исчезли; напротив, евангельская проповедь процвела и простерлась до пределов вселенной: земля и море, обитаемые и необитаемые страны, повсюду возвещают силу слова Христова. Итак, вот что говорит Он, и вот что случилось во время распятия на кресте! И это тем более удивительно, что случилось в то время, как Он пригвожден был ко кресту, а не тогда, когда ходил по земле. Но не это одно дивно; дивно то, что знамение, которого они искали, было и с неба, и явилось во всей вселенной, чего прежде никогда не случалось, разве только в Египте, когда надлежало совершить пасху, поскольку то было образом настоящих событий. Заметь и то, когда это происходит: в полдень, когда по всей вселенной был день, дабы знали все обитатели земли.

Этого достаточно было, чтобы обратить их к истине, не только в виду величия чуда, но и в силу его благовременности. В самом деле, оно совершается уже после всех дел безумия их, после беззаконного издевательства, когда они уже оставили свое неистовство, когда перестали насмехаться, когда насытились бесстыдными ругательствами, и высказали все, что хотели: только после всего этого показал Он тьму, чтобы по крайней мере, теперь они укротили гнев свой, и извлекли себе пользу из чуда. Совершать такие знамения на кресте было гораздо удивительнее, нежели сойти с креста. Если они думали, что эти чудеса совершал Он, то необходимо надлежало верить и трепетать; а если думали, что не Он, но Отец, — и тогда им надлежало прийти в сокрушение, так как мрак этот свидетельствовал о том, что Отец прогневан был их преступлением. А что это не было затмение, а гнев и негодование, это видно, кроме того, и из самого времени: тьма продолжалась три часа. Затмение совершается в несколько минут, как это известно тем, кто наблюдал это явление; таково и в наше время случилось затмение. Отчего же, скажешь, не пришли в изумление все, и не признали Христа Богом? Оттого, что тогда род человеческий погружен был в беспечность и нечестие; чудо это было одно, и едва явилось, вскоре окончилось; а ни у кого не было ревности изыскать причины его; явные беззакония находили себе извинение и в обычаях. Не хотели и знать, что за причина этого явления, а думали, что оно было следствием или затмения, или другой какой естественной причины. И что дивиться внешним, которые ничего не знали, и по своей великой беспечности не старались узнать причины события, когда жившие в самой Иудее, после стольких чудес, продолжали поносить Иисуса, хотя им явно было, что Он это сделал? Для того Он и говорит после этого чуда: *Или, Или, лима савахвани*, чтобы они знали, что Он еще жив, и что Он совер-

шил его, и таким образом укротили бы свою ярость. Из этого они могли видеть, как Он даже до последнего издыхания чтит Отца, и не есть богопротивник. Он взывает пророческим голосом, свидетельствуя до последнего часа о истине Ветхого Завета, и не только пророческим, но и еврейским, чтобы им было понятно и внятно. Во всем этом показывал Он Свое единомыслие с Отцом Своим. Но заметь и здесь их дерзость, необузданность и безумие. Они подумали, говорит Евангелист, что Он зовет Илию, – и тотчас напоили Его оцтом. А другой, подошедши, пронзил копьем бок Его. Что может быть нечестивее этого, что звероподобнее? До того простерли свое неистовство, что и над бездыханными останками ругаются. Но смотри, как Он и их нечестие обращает к нашему спасению. За ударом истекли источники спасения нашего. *Иисус же, возопив гласом велиим, испусти дух* (ст. 50). Вот то, о чем Он говорил: *область имам положити душу Мою, и область имам паки прияти ю. Аз полагаю ю о Себе* (Ин. X, 18). Для того Он и возопил, чтобы показать, что дело совершается по Его воле. Марк говорит: *яко дивися Пилат, аще уже умре* (ст. 14, 15), и что сотник особенно потому уверовал, что Иисус умер с знамениями власти. Голос этот раздрал завесу, отверз гробы и сделал храм пустым. И это учинил Он не для того, чтобы обесчестить храм (мог ли сделать это Тот, Кто говорил: *не творите дому Отца Моего дому купленаго* – Ин. II, 16), но показывал этим, что они недостойны пребывания в нем; подобно тому как когда Он предал его и вавилонянам. Кроме того, настоящее событие было еще и предречением будущего запустения и перемены на лучшее и высшее, и знамением Его могущества.

2. Вместе с тем и в последовавших за тем событиях Христос показал Свою силу, именно в воскресении мертвых, в омрачении света, в перемене стихий. Во время Елиссея один мертвец, коснувшись мертвеца,

воскрес. Теперь голос воздвиг мертвецов, тогда как тело пригвождено было ко кресту. Впрочем, первое было прообразом настоящих событий; для того оно и происходило, чтобы верили настоящему. И не только возбуждаются мертвые, но и камни разседаются, и земля трясется, чтобы познали, что Он мог и их и омрачить, и расторгнуть. Тот, Кто расторгнул камни и омрачил вселенную, тем более мог сделать то же над ними, если бы захотел. Но Он не восхотел этого; излив гнев Свой на стихии, Он желал спасти их кротостью. Но они не оставили своего неистовства. Такова зависть, такова ненависть: нелегко укротить ее! И при всех таковых явлениях бесстыдство их было одинаково. Впоследствии же, когда, несмотря на то, что положена была печать на гробе, приставлена воинская стража, Он воскрес, и они услышали об этом от самих стражей, обольстили и других деньгами, и хотели скрыть свидетельство о воскресении. Итак, не удивляйся тому, что они и тогда так бесчестно поступали: так они раз навсегда расположились во всем поступать бесстыдно! Смотри только, сколько знамений Он сотворил, то на небе, то на земле, то в самом храме. Этим Он частью показывал Свое негодование, частью то, что и недоступное сделается теперь доступным, и что небо отверзется и откроется истинное святое святых. Они говорили: *аще царь Израилев есть, да снидет ныне со креста*; а Он показывает им, что Он есть Царь всей вселенной. Они говорили: *разоряяй церковь сию, и треми деньми созидаяй ю;* а Он указывает, что их храм совершенно запустеет. Далее, они говорили: *иныя спасе, Себе ли не может спасти?* Он же, пребывая на кресте, с избытком показывает им Свою силу над телами рабов Своих. Подлинно, если великое дело выйти из гроба четверодневному Лазарю, то гораздо важнее всем давно усопшим внезапно явиться живыми, что было знамением будущего воскресения.

Много бо, говорится, *телеса усопших святых восташа, и внидоша во святый град, и явишася многем* (ст. 52, 53). Чтобы это событие не сочли призрачным, воскресшие являются многим в городе. Тогда и сотник прославил Бога, говоря: *воистинну человек сей праведен бе. Народи же, приходящии на позор сей, биюще в перси своя, вовращахуся* (ст. 54). Такова сила Распятого, что после таких насмешек и ругательств и сотник, и народ пришли в умиление! Некоторые говорят, что этот сотник, укрепившись после того в вере, совершил мученический подвиг. *Бяху же ту жены многи издалеча зряще, яже идоша служаще Ему: Мария Магдалина, и Мария Иаковля, и Иосии мати и мати сыну Заведеову* (ст. 55, 56). На эти события взирают жены, особенно сострадательные и сетующие. Смотри, каково их усердие! Они следовали за Ним, чтобы прислуживать Ему, и не отлучались от Него даже среди опасностей. Потому они и видели все: видели, как Он возопил, как испустил дух, как камни расселись, и все прочее. И они первые видят Иисуса, этот столь презираемый пол первый наслаждается созерцанием благ. В этом особенно видно их и мужество. Ученики убежали, а эти жены присутствовали. Кто же они были? Матерь Его, которую Евангелист называет Иаковлевою, и прочие. Другой Евангелист говорит, что и многие плакали об этом и били грудь свою. Это показывает, какова была жестокость иудеев. О чем другие воздыхали и плакали, над тем они смеялись, ни жалостью не трогались, ни страхом не укрощались. Все происходившее тогда было знамением великого гнева Божия; не просто знамением, но знамением ярости; все означало гнев чрезмерный: и тьма, и рассевшиеся камни, и разодранная пополам завеса, и землетрясение. *Приступль же Иосиф, проси тело Иисусово* (ст. 58). Этот Иосиф — тот самый, который доселе скрывался; теперь, по смерти Христовой, он одушевился великим дерзновением. Он был не

незаметный человек, но знаменитый и знатный, именно почтенный член синедриона. Отсюда особенно можно видеть его мужество. Он отваживался теперь на явную смерть, потому что возбуждал всеобщую против себя ненависть, когда обнаруживал свою любовь к Иисусу и дерзнул просить тело Его, и не прежде отступил, пока не получил его; дерзнул даже не только принять тело и погребсти честно, но и положить в своем новом гробе, чем показал и свою любовь, и мужество. И это случилось не без причины, но именно потому, чтобы не имели подозрения, будто вместо одного восстал другой. *Бе же Мария Магдалина, и ина Мария седяще прямо гроба* (Мф. XXVII, 61). Для чего они сидят здесь? Они ничего еще не знали о Нем должным образом, ничего не представляли великого и высокого. Потому принесли они и миро, и при гробе бодрствовали, чтобы, когда утишится неистовство иудеев, приступить и намастить Его.

3. Видишь ли мужество жен? Видишь ли пламенную любовь их? Видишь ли щедрость в издержках и решимость на самую смерть? Будем и мы, мужи, подражать женам, чтобы не оставить Иисуса в искушениях. Они столько издержали для умершего, и предавали даже души свои, а мы (опять скажу то же) ни алчущего не питаем, ни нагого не оденем, но видя, что просит он, спешим пройти мимо. Конечно, если бы вы увидели Его самого, то каждый истощил бы все свое. Но и ныне Он тот же, потому что Сам сказал: *Я есмь*. Итак, почему же ты не все иждиваешь? И ныне слышишь, как говорит Он: Мне творишь. Никакого нет различия, Ему ли, или другому ты подашь. И ты сделаешь не менее тех жен, которые тогда Его питали; напротив, даже еще более. Не смущайтесь. Не одно и то же — питать Его самого, когда Он являлся во всей славе, которая могла расположить к Нему и каменную душу, и — служить, в исполнение только Его заповеди, бедному, убогому,

согбенному. Там в любви твоей участвует уважение к лицу и достоинству присутствующего; здесь вся честь принадлежит твоему человеколюбию: здесь ты большее показываешь уважение к Нему, когда только по заповеди Его служишь подобному тебе рабу Его, и угождаешь ему во всем. Итак угождай, веруя приемлющему и говорящему: Мне дал. Если бы ты не Ему давал, Он не удостоил бы тебя Своего царствия. Если бы не Его ты отвращался, Он не послал бы тебя в геенну; не осудил бы на мучения, если бы ты презрел просто человека. Нет; пренебрегаемым является сам Он; потому-то и составляет это великое прегрешение. Так и Павел Его гнал, когда преследовал верующих, почему и сказал Он: *что Мя гониши* (Деян. IX, 4)? Итак, будем столько же усердны, как если бы мы самому Христу подавали, когда подаем ближним. Подлинные слова Его достовернее, нежели глаза наши. Поэтому, когда видишь бедного, вспомни слова Его, которыми Он сказал тебе, что Он есть самый тот, кого ты питаешь. Хотя являющийся тебе и не Христос, но под образом этого бедняка Он сам просит и принимает. Но ты стыдишься слышать, что Христос просит? Напротив, стыдись когда не дашь просящему; это точно есть срам, наказание, мучение. Когда Он просит, это происходит от Его благости, и потому нам нужно даже хвалиться этим; но когда ты не подаешь, это показывает твою жестокость. Если ты теперь не веришь мне, что, проходя мимо нищего – верующего, проходишь мимо самого Христа, то поверишь этому тогда, когда Он выведет тебя на суд и скажет: *понеже не сотвористе им, ни Мне сотвористе* (Мф. XXV, 45). Но да не будет, чтоб мы узнали это таким образом. Поверуем же этому ныне и принесем плод, чтобы нам услышать блаженный глас, вводящий нас в царство! Но, может быть, кто-нибудь скажет: каждый день говоришь ты нам о милосердии и человеколюбии. Я и не перестану гово-

рить об этом. Если бы вы и преуспевали даже в этих добродетелях, и тогда бы мне не надлежало прекращать о них речь, чтобы не сделать вас беспечными. Конечно, если бы вы преуспевали, я говорил бы меньше.

Но когда вы и вполовину надлежащего не успели в этом, то не мне, а себе говорите такие слова. Подлинно, жалуясь на меня, ты делаешь то же самое, что и дитя, когда оно, много раз слыша альфу и, не заучивая ее, стало бы жаловаться на учителя, что он часто и даже беспрестанно повторяет одно и то же. В самом деле, кто от слов моих сделался склоннее к подаче милостыни? Кто расточил имение? Кто половину, кто третью часть роздал? Никто! Итак, прилично ли вам запрещать учить вас, когда вы еще не научились? Вам надлежало бы поступать напротив, — надлежало бы, если бы мы даже и захотели прекратить учение, удержать нас и сказать: мы еще не заучили этого, — для чего перестаете учить нас? Если бы случилось, что у кого-нибудь болел глаз, а я был бы врачом, обвязал бы глаз, дал бы мази, применил бы другие средства, но, ничего не сделав действительно полезного, ушел бы, то не пришел ли бы он к дверям моего дома и не стал ли бы упрекать меня в крайней беспечности, что я оставил его тогда, как не прошла болезнь? И если бы я в ответ на обвинение сказал: я дал примочки, мази, — снес ли бы больной такое оправдание? Нет! Он тотчас сказал бы: какая мне в том польза, когда я еще страдаю? То же самое помышляй и о душе. Что, если бы я, и много леча ослабевшую, оцепенелую, скорченную руку, не излечил бы ее: не то же ли услышал бы я? Но мы и теперь врачуем точно скорченную и иссохшую руку. Потому, пока не увидим ее совершенно прямою, не перестанем ухаживать за нею. О, если бы и вы ни о чем другом не говорили: и дома, и на площади, и за столом, и ночью, и во сне! Если бы днем мы беспрестанно заботились об этом, то и во сне занимались бы тем же.

4. Что ты говоришь? Что о милосердии всегда я рассуждаю? Я и сам желал бы, чтобы не было большой нужды в таких беседах с вами: я желал бы рассуждать о борьбе против иудеев, эллинов и еретиков; но нездоровых можно ли вооружать? Как выводить на сражение тех, которые покрыты язвами и ранами? Если бы я видел вас здоровыми, то конечно вывел бы на это сражение, и тогда вы увидели бы благодатью Христовою целые тысячи падающих врагов ваших, и их главы, валяющиеся перед вами. Много было уже сказано нами об этом в различных книгах; и однако, по нерадению, многих, мы и теперь не можем еще торжествовать совершенную победу. Мы многократно побеждаем их в догматах; но они порицают нас за жизнь многих у нас числящихся, гнушаются их ранами и недугами сердечными. Итак, можно ли благонадежно выводить вас на сражение, когда вы и нам служите во вред, и при первом же появлении поражаетесь и осмеиваетесь врагами? У одного больна рука, скорчена, не может подавать. Как же он может держать щит и защищаться им, не уязвляясь от жестоких нападений? Другие хромают ногами: это те, которые ходят в театры и в дома блудниц. Как же они могут стоять на сражении и не уязвиться стрелами похоти? Иной болен глазами, совсем ослеп, или неправо смотрит, будучи исполнен блудодеяния и занимаясь только злодейскими наветами против целомудрия жен, и подкопами против браков. Как же может такой смотреть на врагов, управлять копьем, бросать стрелы, когда отовсюду поражается насмешками? Иных видишь страждущих чревом, как бы одержимых водяною болезнью; они удручены чревонеистовством и пьянством. Итак, как могу я вести этих пьяниц на сражение? У иного гнилые уста: таковы вздорливые, ругатели, хульники. Как же они подадут своим голосом знак на сражении, и могут ли сделать что-нибудь важ-

ное и благородное, будучи объяты другого рода пьянством и составляя предмет смеха для врагов? Вот почему я каждый день обхожу свое войско, врачуя раны и исцеляя струпы. Если вы когда-нибудь протрезвитесь и будете способны поражать других, тогда научу вас и этому воинскому искусству и покажу, как действовать оружием, или, лучше, тогда самые дела ваши будут для вас оружием: тогда все будут падать перед вами, — если, то есть, вы будете милосердны, кротки, тихи, непамятозлобны и все прочие добродетели будут сиять в вас. Если же кто станет противоречить нам, тогда мы приложим и свой труд, представляя в пример вас. Между тем ныне вы даже служите препятствием в нашем течении. Смотри: мы говорим, что Христос сотворил великие чудеса, людей изменил в ангелов. Но когда спрашивают от нас доказательств на это, и заставляют представить пример из этого стада, — мы немы, и я боюсь, как бы вместо ангелов не выгнать свиней из хлева, или коней женонеистовых. Знаю, что это для вас больно; но не против всех это сказано, а только против виновных, вернее же и не против них, если они трезвы, а за них. Ныне все извращено и испорчено: церковь ничем не отличается от стойла быков, ослов и верблюдов; и я всюду хожу, ищу овцы — и не могу усмотреть. Так все топают и бьют ногами, как будто какие лошади или дикие ослы; наполняют место это только кучами навоза, — таковы именно их разговоры. Если бы можно было видеть, о чем говорят за всяким священным собранием мужи, жены, — то ты увидел бы, что слова их гаже всякого навоза. Потому умоляю, оставьте этот худой обычай, чтобы церковь могла благоухать миром. Мы наполняем ее ныне только чувственным фимиамом, а о том, чтобы изгнать и истребить духовную нечистоту, и не заботимся. Что же в том пользы? Поистине, не столько бесчестим мы церковь, когда заносим в нее навоз,

сколько оскверняем ее тогда, когда разговариваем в ней друг с другом о барышах, о торговле, о корчемстве, о том, что совсем неприлично нам, тогда как нужно было бы здесь присутствовать ликам ангелов, церковь делать небом, и ничего другого не знать, кроме сердечных молитв, молчания и внимания. Исправимся же, по крайней мере, хоть с настоящего времени, чтобы очистить жизнь нашу и наследовать обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА LXXXIX

Во утрий же день, иже есть по пятце, собрашася архиерее и фарисее к Пилату, глаголюще; господи, помянухом, яко льстец он рече еще сый жив: по триех днех востану. Повели убо утвердити гроб до третияго дне, да не како пришедше ученицы Его украдут Его, и рекут людем: воста от мертвых, и будет последняя лесть горша первыя (Мф. XXVII, 62–64)

1. Ложь везде обличает себя, и как бы невольно защищает истину. Смотри: надлежало верить тому, что Он умер и погребен и воскрес, – и все это через самих врагов становится достойным всякого вероятия. Вникни в эти слова, которые вполне подтверждают все это. *Помянухом*, говорят, *яко льстец он рече еще жив сый*, – следовательно, Он скончался; *по триех днех востану: повели убо утвердити гроб*, – следовательно, погребен Он; *да не како приидут ученицы Его и украдут Его*, – следовательно, если гроб запечатан, то обмана уже не будет. Невозможное дело! Итак, в самой вашей же просьбе дано непререкаемое доказательство Его воскресения. Если гроб был запечатан, то не было никакого и обмана; если не было обмана, а гроб найден пустым, то

явно, что Он воскрес, — нельзя и прекословить этому. Видишь ли, как и против воли подвизаются в пользу истины? Рассмотри также, как дорожат истиною и ученики, — как ничего не скрывают из того, что говорено врагами, хотя бы то было и позорное. Вот они называют Его обманщиком; и ученики не умалчивают об этом. Это показывает и жестокость врагов, доходивших до того, что даже и по смерти не оставляли своего гнева, и вместе простоту и правдолюбие учеников. Надлежит при этом исследовать и то, где сказал Он: *по триех днех востану*. Более ясных слов об этом нигде не найдешь, кроме примера Ионы. Беззаконные иудеи знали, следовательно, и понимали слова Его, и сознательно злодействовали. Что же отвечает им Пилат? *Имате*, говорит, *кустодию: утвердите якоже весте. И утвердиша, знаменавше гроб с кустодиею* (ст. 65, 66). Он не позволяет воинам одним печатать. Как бы узнавши о его делах, он не хочет более действовать с ними заодно; а чтобы освободиться от них, позволяет им оградить гроб, и говорит: вы, как хотите, печатайте, чтобы после не винить других. Подлинно, если бы одни воины запечатали, то иудеи могли бы сказать (хотя это и была бы невероятная ложь; но все же они как в других случаях бесстыдно клеветали, так и теперь могли бы сказать), что воины позволили унести тело, и дали ученикам возможность измыслить весть о воскресении. Теперь же, когда они сами утвердили гроб, не могут сказать и этого.

Видишь ли, как они против своей воли стараются об истине? Сами пришли, сами просили, сами запечатали вместе с стражею, чтобы, таким образом, быть обвинителями и обличителями самих себя. В самом деле, когда ученики могли бы украсть? В субботу? И притом, как? В субботу не позволялось и выходить. Если же преступили и закон, то как эти столь робкие люди осмелились бы пойти? Как притом могли убедить народ? Что

они могли говорить, что делать? Что за ревность побуждала их стоять за мертвеца? Какой ожидали награды? Какой почести? И от живого, когда только Он задержан был, они убежали; а после смерти могли ли бы дерзать за Него, если бы Он не воскрес? Как это сообразить? Что они не хотели и не могли вымыслить небывалого воскресения, видно из следующего. Много раз говорено было Им о воскресении, даже беспрестанно повторял Он, что, как сказали и сами враги, *по триех днех востану*. Поэтому, если бы Он не воскрес, очевидно, они, как обманутые и преследуемые всем народом, изгоняемые из домов и городов, должны бы были отстать от Него; не захотели бы разносить такую о Нем молву, как обманутые Им и подпавшие за Него крайним бедствиям. А что они не могли вымыслить воскресения, если бы не было его на самом деле, об этом не нужно и говорить. В самом деле, на что они могли при этом надеяться? На силу ли своего слова? Но они были самые неученые люди. На богатство ли? Но они не имели даже ни посоха, ни обуви. На знатность ли рода? Но они были бедны и от бедных рождены. На знатность ли отечества? Но они происходили из весей незнатных. На многочисленность ли свою? Но их было не более одиннадцати, и те рассеяны. На обещания ли Учителя? Но на какие? Если бы Он не восстал, то и остальные обещания Его не были бы для них достоверны. Итак, как могли бы они укротить неистовство народа? Если верховный из них не снес слова жены привратницы, а все прочие, увидевши Его связанным, рассеялись, то как они вздумали бы идти в концы вселенной, и там насаждать вымышленное слово о воскресении? Если один из них не устоял против угроз жены, а другие даже при виде уз, то как могли они стать против царей, князей и народов, где мечи, сковороды, печи, бесчисленные роды ежедневной смерти, если бы не были укреп-

лены силою и помощью Воскресшего? Совершено было множество великих чудес, и ни одного из них не устыдились иудеи, но распяли Сотворившего их; а простым словам учеников могли бы поверить о воскресении? Нет, нет! Все это сотворила сила Воскресшего.

2. И посмотри, как смешны их замыслы! *Помянухом*, говорят, *яко льстец он рече еще жив сый: по триех днех востану*. Но если Он был обманщик и хвалился попусту, то чего вы боитесь, мечетесь и так суетитесь? Боимся, говорят, как бы ученики не украли и не обманули чернь. Но доказано уже, что этого никак не могло быть. И однако злоба упорна и бесстыдна, – покушается и на безумное дело. Велят до трех дней оберегать гроб, как бы стараясь защитить свое учение и желая показать; что Он и прежде был льстец, и даже во гробе можно подозревать Его в злобе. Поэтому-то Он и восстал скоро, чтобы не говорили, что Он оказался лжецом и что тело украдено. Обвинять за то, что Он скоро восстал было нельзя; замедление было бы подозрительно. Если бы Он не тогда воскрес, когда они сидели и оберегали гроб, но тогда, как спустя три дня они удалились бы, то могли бы еще что-нибудь говорить против, хотя бы и безрассудно. Для того Он предварил воскресением. Надлежало совершиться воскресению именно тогда, когда они сидели там и стерегли; следовательно, надлежало быть ему в пределах трех дней; а если бы оно произошло по истечении их, когда стража удалилась бы, дело могло бы быть подозрительным. Поэтому Господь попустил и запечатать гроб по их желанию, допустил быть при нем и воинам. Они не заботились и о том, что трудятся в субботу; но имели в виду только то одно, как бы им преуспеть в своей злобе. Вот высшая степень безумия и ужаса, потрясавшего их! Те, которые захватили Его в свою власть живого, боятся теперь умершего. Если это был простой человек, то следовало оставаться спокойными.

Но дабы они познали, что и будучи живым Он добровольно претерпел все, что только претерпел, – вот и печать, и камень, и стража, – и все это не могло удержать мертвеца! Они успевают в том только, что и погребение становится известным, и воскресение Его получает большую достоверность, потому что и воины неотступно были при гробе, и иудеи надзирали. *В вечер же субботний, свитающи, во едину от суббот, прииде Мария Магдалина, и другая Мария, видети гроб, и се трус бысть велий: ангел бо Господень сшед с небесе, и приступль, отвали камень от двери гроба, и сидяше на нем. Бе же зрак его яко молния, и одеяние его бело яко снег* (Мф. XXVIII, 1–3). По воскресении приходит ангел. Для чего же приходит он и отваливает камень? Для жен, которые увидели его тогда во гробе. Они видят, что в гробе нет тела, и потому должны были поверить воскресению Его. Вот для чего снят камень; для того было и землетрясение, чтобы они воспрянули и пробудились от сна. Жены приходили для того, чтобы намастить елеем тело, и это было ночью: естественно, что некоторые из них и спали. Но зачем и почему сказал им ангел: *не бойтеся вы?* Прежде всего он освобождает их от страха, и потом говорит о воскресении. И это слово – *вы*, с одной стороны, выражает большую честь, а с другой – указывает на то, что ужасные ожидают бедствия тех, которые дерзнули на это злодеяние, если не покаются. Не вам, говорит, надлежит страшиться, а распявшим Его. Итак, освободив их от страха и словами, и взором, потому что показался в светлом виде, как принесший радостную весть, ангел присоединяет: *вем, яко Иисуса распятаго ищете* (ст. 5). Не стыдится назвать распятым, потому что это высочайшее наше благо. *Воста.* Откуда это видно? *Якоже рече.* Если мне, говорит, не верите, вспомните слова Его; тогда и мне не будете не доверять. Далее и другое доказательство: *приидите и видите место, идеже лежа.* Для того

отвален камень, чтобы и отсюда они получили новое уверение. *И рцыте учеником, яко узрите Его в Галилеи* (ст. 7). Повелевает и другим благовествовать о воскресении, что особенно заставляет их верить. И хорошо сказал: *в Галилеи*; избавляет их от забот и опасностей, чтобы страх не колебал веры. *И изыдоша от гроба со страхом и радостью* (ст. 8). Почему так? Потому, что видели поразительное и странное дело – гроб пустой, в котором прежде при их глазах положено тело. Для того ангел и привел их к гробу, чтобы они могли быть свидетельницами того и другого – и гроба, и воскресения. Действительно, они могли понять, что никто не мог бы унести Его в присутствии стольких воинов, если бы Он не восстал сам. Потому и радуются, и дивятся, и получают награду за такое постоянство: первые видят и благовествуют, – благовествуют то, о чем не только слышали, но и что видели.

3. Итак, когда они вышли со страхом и радостью, – *се, Иисус срете я, глаголя: радуйтеся. Оне же ятеся за нозе Его* (ст. 9). С великим веселием притекли к Нему, прикосновением твердо уверились в Его воскресении и поклонились Ему. Что же Он? *Не бойтеся!* Опять и сам прогоняет страх, уготовляя удобнейший путь вере. *Но идите, и возвестите братии Моей, да идут в Галилею, и ту Мя видят* (ст. 10). Смотри, как и сам Он через жен благовествует ученикам, – и, как часто говорил я, униженному полу возвращает честь и добрые надежды, и врачует немощное. Может быть, кто-нибудь из вас захочет, по примеру достохвальных жен, обнять ноги Иисусовы? Можете и ныне, если хотите, не только руки и ноги обнять, но и священную Его главу, если будете приобщаться с чистою совестью страшных таин. И не только здесь, но и в тот день узрите Его, грядущего в неизреченной славе с сонмом ангелов, если только захотите быть человеколюбивыми; услышите не только эти сло-

ва: *радуйтеся*; но и те: *приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие прежде сложения мира* (Мф. XXV, 34). Итак, будьте человеколюбивы, дабы вам услышать эти слова. И вы, украшающиеся золотом жены, видевшие течение тех жен, оставьте по крайней мере теперь этот недуг златовожделения. Если ревнуете блаженным тем женам, перемените украшения ваши, облекитесь милосердием. Чтó за польза, скажи мне, в этих драгоценных камнях и в златотканых одеждах? Скажешь: в них находит радость и отраду душа. Но я спрашиваю тебя о пользе, а ты говоришь о вреде. Нет ничего хуже, как заниматься такими вещами, радоваться им и прилепляться. Тем плачевнее тяжкое это рабство, что человек и рабствуя утешается. К какому духовному делу такой человек приложит надлежащее тщание? Будет ли так же осмеивать, как бы надлежало, житейские занятия, когда считает утешением связывать душу золотом? Кто живет в темнице, и с удовольствием, тот конечно никогда не захочет освободиться из нее. Так и душа златолюбивая: она как бы пленница злой своей страсти, — не захочет выслушать даже одного слова духовного с надлежащей охотой и ревностью; тем менее исполнить дело. Итак, скажи мне, что за выгода в этом украшении, в этой неге? Услаждаюсь, говоришь. Но опять повторяешь о вреде и гибели. Но я пользуюсь, говоришь ты, большим почетом у зрителей. И что ж в этом? Это только повод к гибели другого рода, когда ты надмеваешься, кичишься. Теперь, раз ты не могла показать пользы, выслушай, как я покажу тебе вред. Какой же вред? Тот, что забот гораздо более, нежели удовольствия. Потому-то многие из зрителей, и притом очень необразованных, ощущают более удовольствия, нежели ты, которая так украшена. Ты украшаешься с заботливостью, а они и без заботы услаждают свои взоры. С другой стороны, вред в том состоит, что ты унижаешь свою душу, воз-

буждаешь везде и повсюду зависть. Соседки твои раздражаются этим, восстают против своих мужей и поднимают против тебя жестокую брань. Сверх того, потратив на это все свое старание и заботу, ты пренебрегаешь духовными упражнениями, исполняешься высокомерием, гордостью и тщеславием прилепляешься к земле, теряешь крылья духовные и, вместо орла, становишься псом и свиньею. Перестав обращать взор свой и парить к небу, подобно свинье, смотришь только долу, заботишься о металлах и кладовых, и лишаешь душу твою твердости и свободы. Но ты еще выводишь на зрелище, чтобы показать себя? Тем более тебе не должно украшаться золотом, и чтобы не быть предметом общего внимания, и не отверзать уст толпы злословов. Не думай, чтобы кто-либо из зрителей тебе удивлялся; напротив, они все смеются над тобою, как над щеголихою, как над женщиной гордой и заботящейся только о теле. Если ты приходишь в церковь, то, выходя из нее, ты ничего не понесешь с собой, кроме насмешек, ругательств и поношений, и не только от зрителей, но и от пророка. Велегласный Исаия, увидев тебя, тотчас возопиет: так говорит Господь на владетельных дочерей Сиона: *понеже ходиша высокою выею, и помизанием очес, и ступанием ног, купно ризы влекущия, и ногама купно играющия, открыет Господь срамоту их. И будет вместо вони добрыя смрад, вместо же пояса ужем препояшешися* (Ис. III, 16, 17, 23). Вот что дадут тебе вместо украшения! Это сказано не о тех только, но и о всякой женщине, которая им подражает. Вместе с ним и Павел обличает, пиша к Тимофею, чтоб он запретил женам украшать себя плетениями, золотом, или бисерами, или ризами многоценными. Итак, украшаться золотом и всегда пагубно, а особенно когда ты приходишь в церковь, когда проходишь мимо бедных; посмотри тогда на себя: ты увидишь, что одежда твоя не более, как личина жестокости и бесчеловечия.

4. Размысли, сколько в таком одеянии обходишь ты алчущих, сколько нагих в сатанинском украшении твоем! Насколько лучше было бы тебе накормить души алчущих, нежели проколоть уши и привесить к ним для пустой цели то, что могло бы доставить насущную пищу столь многим беднякам! Неужели быть богатою составляет, по твоему мнению, славу? Неужели украшаться золотом ты считаешь делом важным? Если бы даже все это снискано было и праведными трудами, и тогда твое поведение достойно величайшего осуждения. Когда же и приобретено еще неправедным путем, то представь, как безмерно преступление. Но ты любишь похвалу и славу? Сними с себя позорную эту одежду, и тогда все тебе удивятся; тогда будешь наслаждаться и славою, и чистым удовольствием; ныне же ты осыпана ругательствами, и этим сама себе создаешь множество поводов к скорби. Представь, если что-нибудь пропадет. Сколько отсюда бед! Сколько рабынь должны будут терпеть наказание! Сколько мужчин приведено будет в тревогу! Сколько будет посажено, сколько будет жить в темницах! Затем пойдут суды, тяжбы, тысяча ругательств и поношений жене от мужа, мужу — от друзей, и душе — от себя самой. Но положим, что ничего и не пропадет, — хотя трудно без этого обойтись, — положим, что все всегда будет в целости: и в таком случае опять ты подвержена будешь только беспокойству, заботам, скорби, не получая пользы. Какая отсюда прибыль дому? Какая польза самой украшающейся? Пользы никакой, а бесчестия много и укоризны отовсюду. И как в таком украшении ты можешь лобзать и обнимать ноги Христа? Он отвращается от такого украшения. Потому-то Он благоволил родиться в доме древоделателя, а лучше сказать, даже и не в самом доме, но в пещере и яслях. Итак, как же ты можешь видеть Его, когда не имеешь красоты

для Него вожделенной, когда ты облечена не любезным для Него украшением, а ненавистным? Приходящий к Нему должен быть украшен не такими одеждами, а облечен добродетелью. Рассуди: что такое золото? Земля и прах. Брось в воду, — и будет грязь. Рассуди и устыдись, как ты прах делаешь своим владыкою; как ты, оставив все, сидишь с ним или всюду носишься с ним, даже когда приходишь в церковь, — где особенно надлежало бы удалять его, потому что церковь не для того создана, чтоб ты показывала в ней это богатство, а для того, чтобы ты показывала богатство духовное. А ты, как бы на зрелище, приходишь сюда в таком украшении и, подражая играющим на сцене женам, одеваешься с такою величавостью в смешной их сор. Вот почему ты приходишь сюда во вред для многих. По окончании собрания, в домах за трапезой вы услышите многих, беседующих об этом. Не говоря о том, что то и то сказал пророк и апостол, — заводят разговор о великолепии одежд, о драгоценности камней и о прочем безобразии украшающихся таким образом жен. Это то самое и вас, и мужей ваших делает скупыми на милостыню. Подлинно, никто из вас не захочет уделить из этого золота сколько-нибудь, чтоб накормить алчущего. Если ты соглашаешься скорее сама терпеть нужду, нежели допустить малейшую порчу в дорогой твоей вещи, то как можешь уделить что-либо для того, чтобы накормить другого? Поистине, многие пристрастились к этим украшениям, как бы к одушевленным каким существам, и любят их не меньше, чем детей. Как это можно, скажете вы? Докажите же мне противное; докажите делами; теперь же я совсем не то вижу. Какая женщина из страдающих этим недугом, приобретши довольное число многоценных украшений, исхитила от смерти душу дитяти? Но что я говорю: дитяти? Искупила ли она этими драгоценностями свою

собственную погибающую душу? Напротив, из-за них многие продают ее ежедневно. Если случится болезнь телесная, они все делают; а если видят порчу душевную, ничего подобного не делают, но как о своей, так и о душе своих детей совсем нерадят, чтобы оставались их драгоценности, пока не заржавеют от времени. Ты осыпана несчетными талантами золота, а член Христов не имеет даже и необходимой пищи. Общий всех Владыка, Владыка неба и всех живущих на нем, всем равно предложил духовную Свою трапезу; а ты и из тленных вещей ничего не хочешь Ему дать, и хочешь оставаться всегда окованной тяжкими этими узами. Отсюда несчетные беды. Отсюда ревнования, отсюда блудодейство мужей, — когда вы не к любомудрию их побуждаете, а заставляете их находить удовольствие в том, чем украшаются блудницы. Потому-то они очень скоро и уловляются. Если бы ты научила его питать к этим украшениям презрение и утешаться непорочностью, благочестием, смирением, то он не так легко бы мог быть уловляем любодеянием. Украшаться таким образом, и даже лучше, может и блудница; а облекаться добродетелями — нет. Итак, приучи его находить удовольствие в таком украшении, которого он не может видеть на блуднице. Как же ты его к этому приучишь? Если снимешь с себя украшение твое и облечешься в духовное. Тогда муж твой будет огражден, и ты будешь в почтении, и Бог будет вам милостив; все люди будут вам дивиться, и вы достигнете будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XC

Идущема же има, се нецыи от кустодии, пришедше во град, возвестиша архиереом вся бывшая. И собравшеся со старцы, совет сотвориша, сребреники довольны даша воином, глаголюще: рцыте, яко ученицы Его пришедше нощию украдоша Его, нам спящым. И аще сие услышано будет у игемона, мы утолим его и вас беспечальны сотворим (Мф. XXVIII, 11–14)

1. Для воинов произошло землетрясение, чтобы их устрашить, и чтобы они могли быть свидетелями. Это и случилось. Рассказ стражей об этом происшествии нимало не был подозрителен, потому что одни из знамений были видны во всей вселенной, другие частно были показаны находящимся при гробе. Знамением для всей вселенной была тьма, а частным знамением было явление ангела и землетрясение. Итак, когда они пришли и возвестили о воскресении (а истина и в устах врагов ее светит), *даша сребреники*, чтобы сказали, *яко ученицы Его пришедше украдоша.* Как украли? О, безумные! Так истина ясна и очевидна, что они не умеют и солгать! Их слова совершенно невероятны, и ложь не имела никакого правдоподобия. Скажите, каким образом ученики украли Его, эти бедные и простые люди, которые не смели даже показаться? Да и не была ли на гробе положена печать? Не охранялся ли гроб со всех сторон стражей воинов и иудеев? Не подозревали ли и они того же самого, не беспокоились ли, не бдели ли, не заботились ли? Да и для чего украсть им? Для того ли, чтобы выдумать учение о воскресении? Но как бы пришло на мысль выдумать что-нибудь подобное людям, которые любили жить в неизвестности? Да и как они отвалили камень утвержденный? Как укрылись от такого множества? Пусть они презирали смерть; но напрас-

но и без цели конечно не отважились бы на такую опасность, когда столько было стражей. А что они боязливы были, это показывают прежние их поступки. Так, когда Христос был взят при них, то они все разбежались. Если же они не смели противостоять и в то время, когда видели Его живым, то как они могли не устрашиться множества воинов по смерти Его? Не нужно ли было разломать дверь? Можно ли было это сделать тайно даже и одному? Камень был привален большой; для отваления его нужно было много рук. Итак, они справедливо говорили: *и будет последняя лесть горша первыя*, — это сказали они сами против себя; им бы нужно было принести раскаяние в своем безумии, а они к прежним приплетают новые смешные вымыслы. Они купили кровь Его, когда Он был жив; а по Его распятии и воскресении опять деньгами же стараются подорвать истину воскресения. Смотри же, как они уловляются со всех сторон своими собственными поступками! Если бы они не приходили к Пилату, если бы не просили стражи, то еще могли бы таким образом бесстыдствовать; теперь же напротив: они все так делали, как будто старались заградить свои уста. И если ученики не могли бодрствовать с Иисусом, несмотря и на то, что Он даже укорял их в том, то откуда теперь получили такую бодрость? Да и почему они не украли раньше, но тогда, когда пришли вы? Если бы они хотели это сделать, то сделали бы в первую ночь, когда при гробе еще не было стражи; тогда это было нисколько не затруднительно и совершенно безопасно. Только в субботу ведь иудеи пришли к Пилату просить стражу и начали стеречь; в первую же ночь никого из стражи при гробе не было.

2. Далее, что значит и плат со смирною? Петр видел, что он там лежал. Если бы ученики хотели украсть, то не нагое бы украли тело, не потому только, чтобы

тем не нанести бесчестия, но и потому, чтоб, занимаясь раздеванием, не разбудить тех, которые могли встать и схватить их. А снять одежду с тела было трудно, и требовалось на это много времени, потому что смирна прилипает к телу и одежде, как клейкое вещество. Таким образом, и отсюда очевидна невероятность похищения. Ужели они не знали неистовства иудеев, и того, что этим они обратят на себя гнев их? Да и какая бы была им польза, если бы Христос не воскрес? Иудеи сами сознались, что они все это выдумали, когда дали серебро, и сказали: *рцыте сия вы, и мы утолим* игемона. Напрасно борясь против истины, они хотели везде распространить эту молву; но тем самым, чем старались помрачить ее, против воли способствовали ее воссиянию. Самые слова их: *яко ученицы украдоша* подтверждают воскресение. Они согласны, что тела там не было. Если же они сознаются, что тела там не было, а лживость и невероятность похищения доказывается присутствием стражи при гробе, знамениями и боязливостью учеников, то отсюда открывается непреложное доказательство воскресения. И, однако, они с бесстыдством дерзают на все; тогда как все заграждает им уста, говорят: *рцыте, и мы утолим, и вас безпечальны сотворим.* Видишь ли, как все сговорены на их сторону: и Пилат (его хотели *утолить*), и воины, и народ иудейский. Но не удивляйся, что деньги победили воинов. Когда они показали такую силу над учеником, то тем более над ними. *И пронесеся слово сие даже до сего дне.* Смотри опять, какую любовь к истине показывают ученики! Как они не стыдятся сказать и того, что о них разнесся такой слух! *Единии же надесять ученицы идоша в Галилею и ови убо поклонишася Ему, ови же видевше Его усумнешася* (ст. 16, 17). Это, мне кажется, было то последнее Его явление в Галилее, когда Он послал их с повелением крестить. Если же некоторые усомнились, то и в этом случае

подивись их любви к истине, как они не скрывали своих погрешностей, даже в последние дни с ними случившихся. Впрочем, и эти некоторые были утверждены явлением. Что же Он сказал, явившись им? *Дадеся ми всяка власть на небеси и на земли* (ст. 18). Опять говорит с ними по-человечески, так как они не прияли еще Духа Святого, Который бы сделал их возвышеннее. *Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (ст. 19, 20). Здесь Он говорит об учении и заповедях. Он ничего не упоминает о иудеях, молчит о прежних происшествиях, не укоряет и Петра за его отвержение, и никого из прочих за бегство. Он только повелевает возвестить по всей вселенной Его учение, которое сокращенно вручил им вместе с заповедью о крещении. Но так как Он заповедал им дело великое, то, ободряя их сердца, сказал: *се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века.* Не видишь ли опять силы Его? И не видишь ли притом, с каким снисхождением Он говорит это? Не с ними только будет находиться, говорит Он, но и со всеми теми, которые после них будут веровать. Апостолы не могли пребыть *до скончания века*; но Он говорит ко всем верным, как бы к одному телу. Не говорите Мне, сказал Он, о препятствиях и трудностях: с вами Я, Который делаю все легким! Это и в Ветхом Завете говорил Он часто пророкам: Иеремии, когда тот указывал на юность свою; Моисею и Иезекиилю, отказывающимся, Он говорил: *Я с вами.* То же самое и здесь говорит ученикам Своим. Но заметь и здесь, какое различие между теми и другими. Те часто отказывались, будучи посылаемы к одному народу; эти, посылаемые во всю вселенную, ничего подобного не говорили. О скончании же века Он напоминает им для того, чтобы более привлечь их, и чтобы они не на настоящие скорби только смотрели, но и на будущие бесконечные блага. Скор-

би, говорит Он, которым вы подвергнетесь, оканчиваются с настоящей жизнью, поскольку и самый этот настоящий век придет к окончанию; блага же, которые вы получите, вечны, как Я вам и прежде часто говорил. Укрепив таким образом и ободрив их дух этим напоминанием о последнем дне, Он послал их в мир. Подлинно, этот день для тех, которые провели жизнь в делах благих, столь же вожделен, сколько страшен для проведших ее в грехах, как для имеющих понести наказание. Но не будем только страшиться и ужасаться, а принесем и покаяние, пока есть время, и отстанем от нечестия. Для нас это возможно, стоит только захотеть. Если и прежде благодати многие совершили такой подвиг, то тем более можно сделать это под благодатью.

3. В самом деле, что тягостного нам заповедано? Горы ли рассекать? Или летать по воздуху? Или переплыть Тирренское море? Совсем нет. Нам заповедан столь легкий образ жизни, что не нужно никаких к тому орудий, – нужна только душа и расположение. Какие орудия имели апостолы, совершившие такие дела? Не в одной ли одежде и без обуви они ходили, – а между тем все преодолевали? Что же трудного в заповедях Христовых? Ни к кому не питай ненависти; никого не злословь: противное гораздо тяжелее. Но ты скажешь, что Он говорит: откажись от имения. Так в этом трудность? Но этого Он решительно и не заповедовал, а только дал совет. Да если бы это была и заповедь, – что тягостного может быть в том, чтобы не брать себе тяжестей и беспокойных забот? О, сребролюбие! Все свелось к деньгам, – потому все и перепуталось! Ублажает ли кто кого, помнит деньги; называют ли несчастным, причина опять в них же. Вот о том только и говорят, кто богат, кто беден. В военную ли службу кто имеет намерение поступить, в брак ли кто вступить желает, за искусство ли какое-нибудь хочет приняться, или другое что предпринимает, – не прежде приступает к исполне-

нию своего намерения, пока не уверится, что это принесет ему великую прибыль. Так общими силами не посоветоваться ли нам, как бы уничтожить эту болезнь? Не стыдно ли нам добродетелей отцов наших? Тех трех тысяч, тех пяти тысяч человек, которые имели все общее? Что пользы в настоящей жизни, если мы не можем купить ею жизни будущей? Доколе не поработите себе поработившего вас мамону? Доколе будете рабами денег? Доколе не возлюбите свободы и не расторгнете уз сребролюбия? Когда вы находитесь в рабстве, тогда решаетесь на все, лишь только бы кто-нибудь обещал вам свободу. А будучи пленниками сребролюбия, вы и не думаете освободиться от этого горького рабства. То рабство еще не так тяжко; а это самое несносное иго. Подумайте, сколь великую цену положил за нас Христос! Он пролил собственную кровь Свою, самого Себя предал. А вы и после всего этого ниспали, и, что всего ужаснее, вы еще и утешаетесь своим рабством, услаждаетесь своим бесславием, и желаете того, чего должно избегать.

Нужно, однако, не оплакивать только и осуждать, но и исправлять. Поэтому рассмотрим, отчего эта пагубная страсть сделалась нам любезною? Итак, отчего? Отчего она нам стала любезна? От того, говоришь ты, что она доставляет славу и безопасность. Но, скажи мне, какую безопасность? Конечно, ту, что мы надеемся при деньгах не терпеть ни голода, ни стужи, ни вреда, ни презрения. Итак, если я обещаю тебе такую безопасность — перестанешь ли ты желать богатства? Если богатство только потому тебе любезно, то, когда и без него можно быть безопасным, какая еще тебе в нем нужда? Но как возможно, говоришь ты, без богатства достигнуть этого? Напротив, как это возможно для богатого? В самом деле, он должен по необходимости многим льстить, как начальникам, так и подчиненным, иметь нужду во многом, до низости раболепствовать, бояться, трепетать, предполагать завистников, стра-

шиться клеветников и алчности других корыстолюбцев. А в бедности не бывает подобного, но совершенно тому противное. Это убежище безмятежное и безопасное, тихая пристань, училище любомудрия, образ жизни ангельской. Услышьте это вы, бедные, а еще более вы, желающие быть богатыми! Не бедным быть худо, но худо не хотеть быть бедным. Не считай бедность злом, и для тебя она не будет злом. Не в существе самой вещи, а только во мнении изнеженных людей лежит причина страха. Впрочем, мне было бы даже стыдно, если бы я о бедности сказал только то, что она не есть зло. Если ты внимательнее размыслишь, то найдешь ее даже источником бесчисленных благ; и когда кто-нибудь стал бы предлагать тебе начальство, какую нибудь гражданскую власть, богатство, удовольствия, потом предложил бы и бедность, и дал свободу выбрать, что тебе угодно, — ты бы тотчас избрал бедность, если бы знал цену ее.

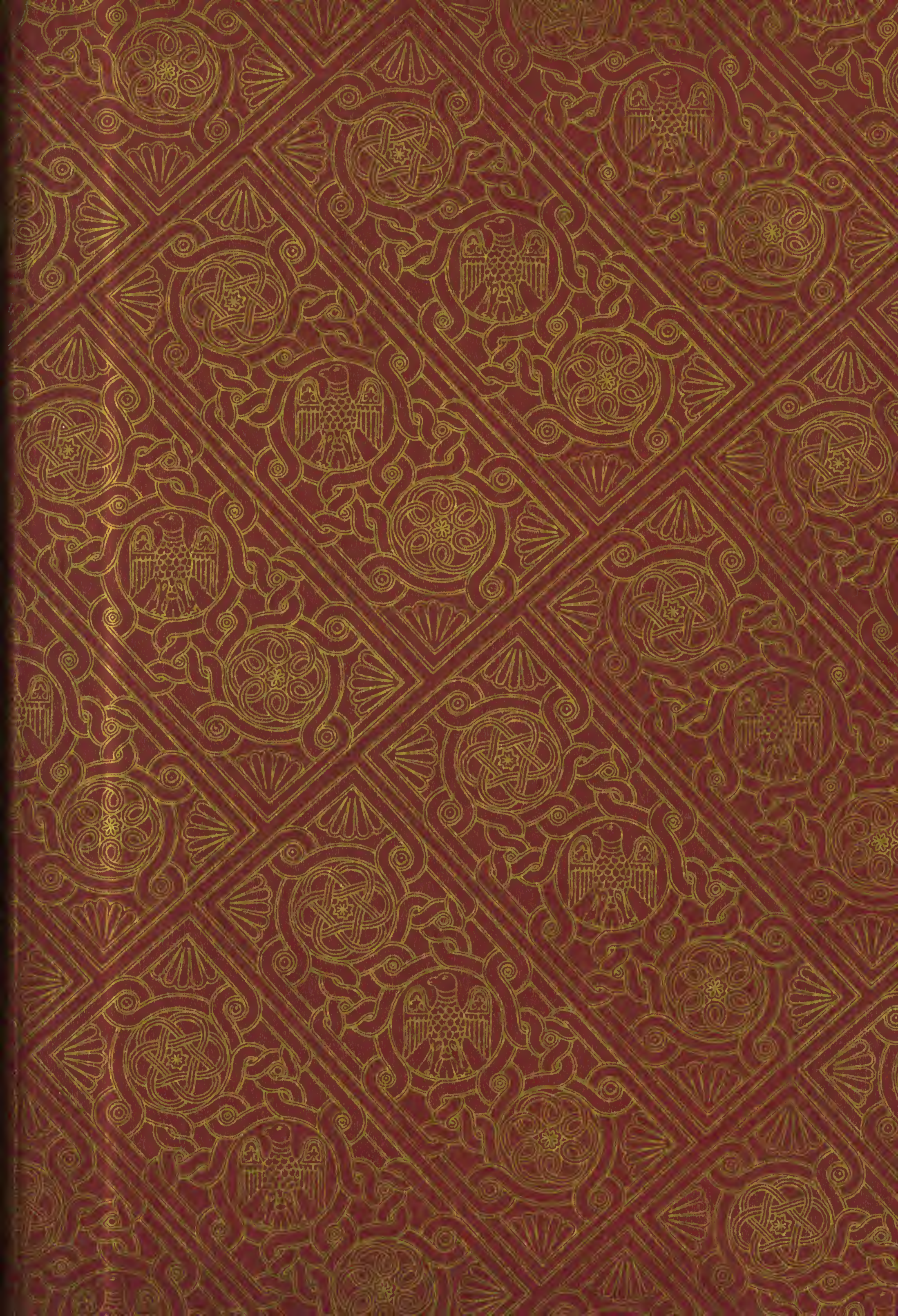
4. Я знаю, что многие смеются над этими словами; но мы не смущаемся, вас же просим потерпеть, и вы скоро с нами согласитесь. Бедность, по моему мнению, подобна скромной, невинной, прекрасной девице, корыстолюбие же подобно жене зверонравной, чудовищной Скилле*, Гидре и другим подобным же чудовищам, вымышленным баснотворцами. Не представляй мне осуждающих бедность, но представь тех, которые через бедность прославились. В бедности воспитанный Илия восхищен был тем блаженным восхищением; ею Елиссей прославился; в бедности были Иоанн, в бедности и все другие апостолы. С богатством же Ахаав, Иезавель, Гиезий, Иуда, Нерон и Каиафа погибли. Если угодно, посмотрим не на тех только, которые в бедности прославлялись; но рассмотрим и самую красоту этой девы. Взор ее чист, светел и покоен; тогда как глаза корысто-

---

* Дочь Форка, по баснословию греческому, превращенная в чудовище.

любия то исполнены злобы, то выражают пресыщение удовольствием, то делаются мутными от невоздержания. Не таков взор бедности: он кроток, ясен, приветлив, ласков, приятен, ни к кому не выражает ни ненависти, ни отвращения. Где деньги, там случай в вражде и бесчисленным распрям; равным образом уста корыстолюбия исполнены обид, тщеславия, чрезмерной гордости, проклятий и лести. А у бедности и уста, и язык здравы, исполнены всегда благодарности, благоговения, слов кротких, ласковых, покорных, одобрений и похвал. Хочешь ли ты узнать и стройность ее стана? Она нéсравненно выше и величественнее богатства. А если многие бегают ее, то не удивляйся: безумные бегают и других добродетелей. Но скажешь: бедного обижает богатый? Опять говоришь в похвалу бедности. Кто блажен, скажи мне, — тот ли, который обижает, или тот, которого обижают? Очевидно, блажен обижаемый. Но обижать заставляет сребролюбие, сносить же обиды — бедность. Бедный, говоришь ты, томится голодом? И Павел алкал, и не имел, чем утолить голода. Бедный не имеет спокойного пристанища? И Сын человеческий не имел, где главу приклонить. Видишь ли ты как далеко простирается достоинство бедности, где она поставляет тебя, каким уподобляет мужам, и как делает тебя подражателем самого Господа? Если бы иметь золото было благо, то Христос, Который дал ученикам Своим неизреченные блага, дал бы им и его. Он не только не дал им его, по запретил и иметь. Вот почему и Петр не только не стыдится бедности, но даже и хвалится ею, говоря: *сребра и злата несть у мене, но еже имам сие ти даю* (Деян. III, 6). Кто из нас не хотел бы сказать таких слов? Конечно, все бы, — может быть, скажет кто-нибудь. Так пренебреги же серебром, пренебреги золотом. Но получу ли я силу Петра, говоришь ты, когда принебрегу богатством? Скажи, чтó сделало Петра блаженным: то ли, что он исцелил хромого? Совсем нет,

а то, что он не имел богатства, и через то достиг неба. Многие из творивших чудеса низвергнуты в геенну, напротив, презревшие богатство получили царство небесное. Об этом и сам Петр говорит; вот два его изречения: *сребра и злата несть у мене*; и: *во имя Иисуса Христа востани, и ходи*. Итак, что его сделало славным и блаженным? Исцеление хромого или презрение богатства? Узнай это из слов самого Подвигоположника. Что Он говорит богатому, ищущему вечной жизни? Он не сказал ему: исцеляй хромых, но говорит: *продаждь имение твое, и раздаждь нищим, и гряди в след Мене, и имети имаши сокровище на небеси* (Лк. XVIII, 24; Мк. X, 21). И Петр опять не сказал: се, во имя Твое изгоняем бесов, хотя и изгонял; но говорит: *се оставихом вся, и во след Тебе идохом, что будет нам* (Мф. XIX, 27)? И Христос, опять, отвечая ему, не сказал: если кто исцелит хромого, но говорит: *кто оставил домы и поля, сторицею приемлет в веце сем, и живот вечный наследит* (там же, ст. 29). Так и мы поревнуем этому, чтобы нам не постыдиться, но с дерзновением предстать на суд Христов, и иметь Его с собою, как был Он с учениками Своими. Будет и с нами Он, как был и с учениками, если мы хотим следовать им, и подражать правилам и образу их жизни. За это-то Бог венчает и прославляет; а не требует того, чтобы ты воскресил мертвого или исцелил хромого. Не такие чудеса делают подобным Петру, а презрение богатства, — в этом и состояло совершенство апостола. Но нельзя, по твоему мнению, презреть богатство? Очень возможно. Впрочем, если не хочешь сам, я не принуждаю и не настаиваю; но умоляю только уделять хотя некоторую часть неимущим, и не искать ничего, кроме необходимого. Таким образом мы и здесь будем наслаждаться жизнью спокойной и безмятежной, и удостоимся жизни вечной, которой все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



СВ. ИВАН
ЗЛАТОУСТ
IV